РУССКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ЕВРЕЯХЪ

РУССКОЕ

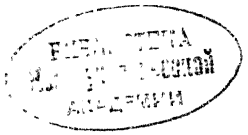
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ЕВРЕЯХЪ

ОЧЕРКИ И ИЗСЛѢДОВАНІЯ

И. Г. ОРШАНСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія и литографія А. Е. Ландау, площадь Больш. Театра д. Гуна № 2-22.
1877.

„Пров 38“



479
36

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

Статьи, вошедшія въ составъ предлежащей книги, уже знакомы русской публикѣ. Еще при жизни покойнаго Оршанскаго онѣ были напечатаны въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ и нѣкоторыя изъ нихъ уже тогда были оцѣнены по достоинству. Предпринявъ изданіе ихъ въ связномъ видѣ, издатели считаютъ умѣстнымъ объяснить, какими мыслями они при этомъ руководились.

Несмотря на кажущееся разнообразіе содержанія, настоящая книга представляетъ собою органическое цѣлое. Въ ней читатель найдетъ нетолько рядъ спеціальныхъ изслѣдованій по различнымъ отдѣламъ русскаго законодательства о евреяхъ, но и общій обзоръ всей этой области русскаго права. За покойнымъ Оршанскимъ слѣдуетъ признать ту безспорную заслугу, что онъ первый попытался свести въ одно тотъ разношерстный и сырой матеріалъ, въ которомъ, какъ говорится „изъ за деревьевъ не видно было лѣса“. Оршанскій однако не удовольствовался практической стороной дѣла:—онъ далъ не только комментарій къ дѣйствующимъ законамъ о евреяхъ, но сверхъ того попытался изслѣдовать историческое развитіе мотивовъ

и элементовъ этихъ законовъ въ связи съ общимъ ходомъ русской юридической жизни.

Но независимо отъ своего значенія какъ юридическаго трактата, настоящая книга представляетъ собою трудъ публицистическій и какъ таковой имѣетъ также право на совершенно особое мѣсто въ литературѣ еврейскаго вопроса въ Россіи. До Оршанскаго литература эта имѣла чисто полемическій характеръ или вѣрнѣе характеръ судебнаго разбирательства. Одни—разумѣется, не евреи—нападали на послѣднихъ, другіе—разумѣется евреи—защищали себя. Но полемика эта какъ съ той, такъ и съ другой стороны одинаково отличалась отсутствіемъ реальной почвы и преобладаніемъ риторическаго резонерства. Противники евреевъ вызывали тѣни „еврейской эксплуатаціи“, „еврейскаго кагала“, „еврейской замкнутости“ и т. п. ужасовъ, нисколько не заботясь ни о фактическомъ подтвержденіи своихъ обвиненій, ни объ анализѣ условій еврейской жизни. Защитники евреевъ съ своей стороны ограничивались жалкими словами, апелляціей къ высокимъ чувствамъ, голословно отрицая все исходившее изъ противнаго лагеря. Конечно евреи этимъ самимъ вредили себѣ, усиливая дѣйствіе того-зерна истины, которое несомнѣнно заключалось во мнѣніяхъ іудофобовъ. Оршанскій первый оставилъ рутинный путь декламаторскаго сантиментальничанья. Онъ обратился къ строго-научной обработкѣ различныхъ элементовъ еврейскаго вопроса. Относясь вполнѣ сочувственно къ положенію своихъ единоплеменниковъ, Оршанскій неосмотря на это всего выше ставилъ выясненіе истины, не добиваясь „оправданія“ во что бы то ни стало. Настоящая книга заключаетъ

въ себѣ самые капитальные труды Оршанскаго по еврейскому вопросу, что отчасти объусловливается какъ содержаніемъ, т. е. важностью роли, которую играетъ правовое положеніе евреевъ, какъ факторъ въ общемъ строѣ ихъ жизни въ Россіи, такъ и методомъ, внесеннымъ Оршанскимъ въ разработку этихъ вопросовъ. Жаль только, что Оршанскій остался одинокимъ на проложенномъ имъ пути и что начатое имъ дѣло научной разработки еврейскаго вопроса такъ медленно подвигается впередъ!

СОДЕРЖАНІЕ.

РУССКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ЕВРЕЯХЪ (стр. 244).

I.

Исключительность юридическаго положенія евреевъ въ Россіи. Евреи—граждане только извѣстной части государства, а для остальной они не граждане и не иностранцы. Юридическое значеніе для еврея перехода его въ христіанство. Заботы правительства объ облегченіи этого перехода и объ удержаніи евреевъ въ ихъ новой религіи. Расторженіе родства. Евреи по закону не имѣютъ естественныхъ правъ, но должны заслужить ихъ Законъ обособляетъ еврейскую общину въ религіозномъ и гражданскомъ отношеніи. Вліяніе религіозныхъ и фискальныхъ соображеній . . . . . 1.

Борьба съ еврейскимъ прозелитизмомъ. Еврейскій вопросъ въ Россіи не только экономическій, но и религіозный. Историческій ходъ русскаго законодательства о евреяхъ. Уложеніе Алексѣя Михайловича и еврей Борохъ. Указъ сената 1736 года. Указъ Елисаветы въ 1742 году. Изгнаніе евреевъ изъ Россіи въ 1736 г. Еврей—членъ Академіи Наукъ. Еврейскій вопросъ въ царствованіе Екатерины II. Вступленіе на престолъ Императора Александра I. Учрежденіе въ 1817 г. „Комитета опекунства иноплеменныхъ христіанъ“. Указы 1820 г. о русской прислугѣ у евреевъ. Пропаганда христіанства между евреями. Дѣло Темкина. „Выселеніе“ евреевъ. Военная служба, какъ средство обращенія евреевъ въ православіе. Кантонисты. Казенныя еврейскія училища, какъ орудіе обрусенія. Національный костюмъ евреевъ. Указъ 1825 г. . . . . 16.

Характеръ вѣротерпимости русскаго законодательства. Еврейская религія оффиціально признается „лжеученіемъ“, еврейское богомоліе „безчинствомъ“. Мнѣніе Екатерины II. Религіозныя убѣжденія евреевъ признаются „суевѣріями“. Возрастъ, необходимый для права перехода въ христіанство Совращеніе. Принятіе евреемъ какой-либо христіанской, не православной вѣры. Настоящее царствованіе. Отмѣна многихъ стѣснительныхъ законовъ предъидущаго царствованія. Либеральное отношеніе военнаго министерства къ евреямъ. Слѣды прежнихъ взглядовъ въ военномъ уставѣ. Дѣло Кацмана. Смѣшеніе религіознаго и соціально-юридическаго элементовъ. Общественная совѣсть и законъ. Ст. 1390 т. IX св. зак. . . 26.

Охраненіе христіанства отъ вліянія еврейской религіи Законъ о христіанской прислугѣ. Мотивъ этого закона. Экономическая сторона этого закона. Вліяніе его на отчужденность евреевъ. Противорѣчіе по этому вопросу между нашимъ уголовнымъ и гражданскимъ правомъ. Вредное вліяніе этого закона на развитіе еврейскаго земледѣлія. Ст. 85 устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій. . . . . 59.

II.

Организація еврейскаго религіознаго быта. Еврейское духовенство. „Положеніе о евреяхъ“ 35 года. Законъ отрицаетъ существованіе еврейскаго духовенства. Торговыя права раввиновъ. Раввины на Бессарабской границѣ. Необходимость преобразованія духовнаго управленія евреевъ. Раввинъ по закону духовное лицо безъ гражданскихъ преимуществъ своего сана. Правительственно-служебный характеръ раввина. Матеріальная и юридическая зависимость раввина отъ общины. Двойственный характеръ раввиновъ и ихъ безсиліе на практикѣ. Значеніе неоффиціальныхъ раввиновъ. Необходимость секуляризаціи института казенныхъ раввиновъ. Законъ 16-го Марта 1873 года объ учительскихъ семинаріяхъ. Свобода выборовъ раввина. Предполагаемая еврейская консисторія. Необходимость уничтоженія спеціально-еврейскихъ сборовъ . . . . . 72.

Еврейская семья. Изолированность евреевъ. Роль семьи въ дѣлѣ объединенія національностей. Дѣло Соскина. Законъ отрицаетъ гражданскій характеръ брака у евреевъ, ст. 81 т. X ч. I. Браки лицъ евангелическо-лютеранскаго вѣроисповѣданія съ евреями. Необходимость регулировать еврейскую семью. Ст. 1088 т. XI и ст. 1559 Уложенія. Воспрещеніе закономъ многоженства у евреевъ. Многобрачіе по еврейскому закону. Соборъ 1050 г. Отношеніе Наполеонова кодекса къ многобрачію у евреевъ. Необходимость измѣненія ст. 1558.

Примѣчаніе 2 къ ст. 140 гражд. зак (т. X). Отмѣна этого закона. Противорѣчіе между X и XV тт. Разводъ при ссылкѣ одного изъ супруговъ въ Сибирь. Приданое у евреевъ. Судьба приданаго при разводѣ. Противорѣчіе между общимъ и частнымъ закономъ. Кетуба, хуцезухоръ и ишулемзухоръ. Отношеніе къ нимъ гражданскаго закона, ст. 1008 т. X ч. I. Неустойка въ брачныхъ договорахъ. Дѣло Кукуя и Каминскаго. Совмѣстная жизнь супруговъ . . . . . 99.

Необходимость реформы нашего гражд права по отношенію къ еврейской семьѣ. Ожидаемая духовно-судебная реформа. Передача гражданскихъ дѣлъ о разводѣ у евреевъ въ общія судебныя мѣста. Право на разводъ супруговъ. Расторженіе брака. Порядокъ совершенія браковъ. Необходимость признанія еврейскаго брака гражданскимъ. Отдѣленіе гражданской стороны брака отъ канонической. Еврейское обычное право въ имущественно-брачныхъ вопросахъ . . . 137.

Заботы государства о спасеніи евреевъ Генезисъ этой мысли. Ульрихъ Цазій. Еврейскій комитетъ прошлаго царствованія. Заботы его объ уменьшеніи массы еврейскаго населенія. Общество Израильскихъ христіанъ. Магницкій. Юрій Крижаничъ. Иванъ Грозный. Елисавета Петровна. Еврей Давыдовъ. Прошлое царствованіе. Средніе вѣка. Переходъ евреевъ въ христіанство. Папа Мартинъ V. . . . . 157.

Христіанская буржуазія и еврейская конкуренція. Обвиненіе евреевъ въ ростовщичествѣ и эксплуатаціи. Изслѣдованія Штоббе. Евреи до крестовыхъ подходовъ. Евреи послѣ крестовыхъ походовъ. Святой Бернардъ Клервосскій. Евреи въ Польшѣ. Образованіе городской буржуазіи и конкуренція. Грамота 1576 г. Привилегіи данныя г. Могилеву въ 1585 г. Изгнаніе евреевъ изъ Кіева въ 1660 г. Еврейское шинкарство въ Малороссіи. Казаки-шинкари. Положеніе 1786 г. Ходатайство Кіевлянъ въ 1810 г. Указъ 1821 г. Генералъ-губернаторъ Левашевъ. Мнѣніе Журавскаго. Ходатайство разныхъ городовъ объ изгнаніи евреевъ. Законъ 1836 года и боязнь конкуренціи . . . . . 163.

Казенный интересъ и евреи. Характеристика положенія евреевъ въ средніе вѣка по Штоббе. Распоряженіе Алексѣя Михайловича въ 1654 г. Указы 1827 и 1831 гг. Елисавета и утилитарныя соображенія. Екатерина II. Совѣтъ 7-го Октября 1790 года. Изгнаніе евреевъ въ 1798 г. Евреи въ Курляндіи. Царствованіе Императора Александра I Утилитарныя соображенія. Указъ 29 Іюля 1827 года. Указъ 1819 г. о винокурахъ. Обезпеченіе еврейскихъ доловъ. Указъ 1826 г. о винокурахъ Выселеніе евреевъ изъ гг.

Николаева и Севастополя. Указъ 1834 г. о корчмахъ Евреи въ Астрахани. Мѣстечко Тузлы въ Бессарабіи. Евреи въ Ригѣ, Ново-Александровскѣ. Указъ 1843 года о винокуреніи. Разрѣшеніе въ 1844 и 1846 годахъ евреямъ жить на с.-в. берегу Чернаго моря. Подрядъ на шоссе въ Могилевской и Витебской губ. Указъ 1848 г. о торгахъ. Допущеніе евреевъ къ снятію корчемъ въ 1849 г. Бибиковъ. Постановленіе 24-го Ноября 1850 года. Еврейскіе рабочіе въ Курляндіи въ 1851 году. Евреи маркитанты въ 1855 г Законъ 26-го Іюня 1865 года. Законъ 1867 г объ арендѣ въ западномъ краѣ. Вліяніе утилитарно-фискальной идеи на организацію кагала. Положеніе 1786 г. Положеніе 1835 г. Положеніе 1864 г. Обезпеченіе еврейскихъ долговъ. Рекрутская повинность и коробочный сборъ. Уничтоженіе кагала въ 1844 г. Вредъ, будто бы причиняемый евреями другимъ классамъ населенія. Державинъ Положеніе 1804 г. Указъ 1823 г. Указъ 29-го Іюля 1824 г. . . . . 179.

Царствованіе Екатерины. Мнѣніе Государственнаго Совѣта о евреяхъ въ 1768 г. Мнѣніе его въ 1790 г. Пребываніе евреевъ въ селеніяхъ Положеніе 1786 г. Выселенія евреевъ изъ деревень въ теченіи 19-го вѣка. Повелѣніе 1823 г Положеніе 1835 г. Противорѣчія по вопросамъ объ осѣдлости евреевъ и объ ихъ религіозномъ бытѣ. Потемкинъ и евреи-подрядчики. Инженеръ-генералъ Деко. Деморализующее вліяніе ограничительныхъ законовъ на населеніе. Настоящее царствованіе. Поворотъ во взглядахъ администраціи. Еврейскій комитетъ въ 1865 г. и графъ Киселевъ. Графъ Строгановъ. Ошибочныя свѣдѣнія о евреяхъ Евреи во владѣльческихъ мѣстечкахъ по Журавскому. Тяготѣніе евреевъ къ деревнѣ въ западномъ краѣ. Экономическое положеніе евреевъ въ 1820 г. Недостаточность платежныхъ силъ еврейскаго населенія. Отношеніе закона къ общественной нравственности евреевъ. Указъ 1844 года. Указъ 1837 года. Юридическіе моменты, обусловливающіе низкій уровень нравственности еврейской массы. Менѣе проф. Янсона Евреи въ Петербургѣ при Екатеринѣ II. Ограниченіе въ мѣстожительствѣ. Военная служба. Двоинныя подати. Гражданское обособленіе евреевъ. Обличительная литература и Брафманъ. . . . . 203.

Мотивы русскаго законодательства о евреяхъ. Религіозные мотивы. Монопольныя тенденціи христіанской буржуазіи. Московскіе присяжные повѣренные. Евреи, какъ доходная статья казны. Евреи въ средніе вѣка—собственность казны. Дарвинизмъ въ примѣненіи къ еврейскому вопросу. Вліяніе принципа „извлеченія пользы“ изъ евреевъ на развитіе въ послѣднихъ качествъ „необходимой вещи“ Усовершенствованіе евреевъ въ борьбѣ за существованіе.

Русское законодательство о евреяхъ есть компромиссъ между религіозными и утилитарными соображеніями Охраненіе христіанъ отъ еврейской эксплуатаціи. Мнѣніе Шефле объ этомъ. . . . . 231.

КЪ ИСТОРІИ „ПОЛОЖЕНІЯ ДЛЯ ЕВРЕЕВЪ" 1804 Г. (стр. 244—309).

I

Задача статьи. Отношеніе Екатерины II къ еврейскому вопросу Евреи въ присоединенной Бѣлоруссіи (1772) Моровая язва въ Курляндіи 1770 г. Ходатайство Шпеера. Евреи въ Новороссіи 1769 г. Записка Державина. Еврейскій фанатизмъ, кагалъ и эксплуатація Требованіе Державина. Ложность его воззрѣній. Евреи—орудіе въ рукахъ помѣщиковъ для эксплуатаціи крестьянъ. . . . . 245.

II

Комитетъ 1802 г. Положеніе 1804 г. Докладъ комитета 1803 г. Противорѣчіе между докладомъ и положеніемъ Мотивы „Положенія" и эмансипація евреевъ во Франціи Жалобы на евреевъ Страсбургскаго купечества. Синедріонъ. Переполохъ произведенный имъ въ Европѣ. Подозрительность и дѣятельность австрійской полиціи. Опасенія русскаго правительства. Комитетъ 1807 г. Пріостановка выселенія евреевъ изъ деревень Значеніе и дѣятельность Синедріона . . . . . 261.

III.

Выселеніе евреевъ изъ деревень Затруднительное положеніе евреевъ. Отношеніе помѣщиковъ къ „выселенію" Донесеніе мѣстнаго начальства о неисполнимости „выселенія". Созывъ еврейскихъ депутатовъ въ 1806 году въ Вильнѣ. Комитетъ 1807 года. Отсрочка выселенія въ февралѣ 1807 г. Возобновленіе выселенія въ октябрѣ того-же года Докладъ и вн. д. Куракина. Указъ 29 декабря. Комитетъ 1809 г. Докладъ комитета 1812 г. Окончательная пріостановка выселенія Вступленіе на престолъ Императора Николая. Новыя ограниченія правъ евреевъ. Уничтоженіе кагала, распространеніе на евреевъ воинской повинности, казенныя училища и т. д. Указъ 36 г. о прекращеніи выселенія изъ деревень. Разсужденіе объ этомъ г. Варадинова. Законъ 45 г. объ ограниченіи мѣстожительства евреевъ и занятія питейной торговлей. Послѣдствія выселенія евреевъ изъ Кіевской губ Указъ 53 г. о разрѣшеніи евреямъ постояннаго мѣстопребыванія въ деревняхъ . . . . . 274.

IV.

Еврейскіе депутаты и ихъ требованія. Спеціальныя и общія училища. О веденіи евреями торговыхъ книгъ не на еврейскомъ языкѣ О раввинахъ. О правахъ на жительство евреевъ ремесленниковъ и фабрикантовъ. О костюмѣ евреевъ. Ходатайство депутатовъ о разрѣшеніи евреямъ носить русскую одежду вмѣсто нѣмецкой О подсудности еврейскаго общества помѣщику — владѣльцу. Ходатайство депутатовъ объ отмѣнѣ двойной подати Требованіе депутатами права гражданскаго суда для раввиновъ Владѣніе евреевъ крестьянами на арендныхъ правахъ Предписаніе сената въ 1816 г. Ходатайство кн. Голицына. Запрещеніе евреямъ арендовать имѣнія въ 1816 г. Аренда на практикѣ замѣняется откупомъ Распоряженіе Сената въ 39 г. Преданность польскихъ евреевъ русскому правительству въ 1812 г. 289.

V

Заключеніе и выводы. Результаты правительственныхъ мѣропріятій относительно евреевъ: аренда, торговля питьями, еврейское земледѣліе, фабричный и ремесленный трудъ и просвѣщеніе. Отношеніе къ евреямъ при Императорѣ Александрѣ I и Николаѣ. Вліяніе крѣпостнаго права на положеніе евреевъ. Еврейская эксплуатація оффиціально прикрываетъ вліяніе крѣпостничества. Стремленіе помѣщиковъ закрѣпостить евреевъ. Право помѣщиковъ изгонять евреевъ изъ деревень. Невыгодность для помѣщиковъ развитія свободнаго еврейскаго земледѣлія. Дѣятельность еврейскихъ депутатовъ. Отношеніе правительства къ депутатамъ. 296

ЗАМѢТКИ О ЮРИДИЧЕСКОМЪ БЫТѢ ЕВРЕЕВЪ (стр. 309—4)

I Очеркъ законодательныхъ мѣръ относительно евреевъ въ послѣдніе годы . . . . . 309.
II. О предполагаемой реформѣ законодательства о евреяхъ. . . . . 335.
III Юридическій бытъ евреевъ-земледѣльцевъ . . . . . 343.
IV. О положеніи евреевъ-ремесленниковъ во внутреннихъ губ. . . 350.
V. Евреи на Бессарабской границѣ . . . . . 356.
VI Евреи въ Прибалтійскомъ краѣ . . . . . 374.
VII. Сто лѣтъ тому назадъ . . . . . 380.
VIII Евреи-крѣпостные . . . . . 365.
IX. Къ вопросу о положеніи евреевъ внѣ черты ихъ осѣдлости . . . 399.
X I По поводу новаго городового положенія . . . . . 408.
XI Нѣсколько словъ о рекрутской повинности у евреевъ . . . . . 411.
XII. Процесуальное положеніе еврейской религіи въ Россіи . . 428.

XIII. Полиція и меламеды . . . . . 428.
XIV. О еврейской присягѣ . . . . . 432.
XV. О присягѣ евреевъ свидѣтелей . . . . . 436.
XVI. О значеніи еврейской подписи на актахъ . . . . . 445.

РУССКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ЕВРЕЯХЪ.

I.

> Ничто такъ не наноситъ ослабленія законамъ, какъ возможность коварствомъ избѣгнуть отъ оныхъ Также и ненужные законы умаляютъ почтеніе къ нужнымъ.
>
> Екатерина II (Наказъ коммисіи для составленія уложенія, ст. 423)

Министерству внутреннихъ дѣлъ пришла счастливая мысль собрать въ одну книгу всѣ постановленія о евреяхъ, разсѣянныя по разнымъ частямъ свода законовъ *. Недостатокъ подобнаго изданія чувствовался уже давно, какъ видно изъ того, что „Указатель законовъ о евреяхъ“, изданный, кажется, въ 1860 году г. Колоколовымъ, имѣлъ большой сбытъ, и въ настоящее время не имѣется уже въ продажѣ. „Указатель“ этотъ теперь значительно устарѣлъ, такъ какъ въ послѣднія 11 лѣтъ отмѣнены, измѣнены многія изъ старыхъ и издано немало новыхъ постановленій относительно евреевъ. Вслѣдствіе этого, не смотря на нѣкоторые недостатки настоящаго „Сборника“, о которыхъ мы скажемъ ниже, книга эта весьма полезна для всякаго, желающаго ознакомиться съ юридическимъ положеніемъ евреевъ у насъ. Само собою разумѣется, что сборникъ представляетъ въ этомъ отношеніи одинъ

---

* Сборникъ узаконеній, касающихся евреевъ. Составленъ по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, въ департаментѣ полиціи исполнительной. С.-Петербургъ, 1872 г

сырой матеріалъ, которымъ весьма неудобно пользоваться, вслѣдствіе отрывочности, безсвязности, разбросанности и противорѣчій между отдѣльными постановленіями о евреяхъ въ Россіи. Очевидно, что запомнить всѣ существующіе у насъ законы о евреяхъ не значитъ еще получить ясное понятіе о юридическомъ бытѣ русскихъ евреевъ. Scire leges non est verba earum tenere, sed vim ac potestatem, говорятъ римскіе юристы (понимать законы значитъ — знать не слова ихъ, а силу и смыслъ). Для этого необходимо: во-первыхъ, окинуть однимъ взглядомъ всю совокупность отдѣльныхъ постановленій, уловить ихъ сущность и основныя начала, не теряясь въ менѣе интересныхъ частностяхъ; во-вторыхъ, что всего важнѣе, уяснить себѣ мотивы, побудившіе законодателей къ изданію всѣхъ этихъ постановленій, и цѣли, къ которымъ они стремились; и въ-третьихъ, подвергнуть эти мотивы критическои оцѣнкѣ и сдѣлать на этомъ основаніи выводы о степени разумности и цѣлесообразности существующихъ законовъ. Послѣдующее изложеніе имѣетъ своей задачей сгруппировать нѣкоторыя данныя и соображенія для изученія юридическаго быта евреевъ въ Россіи и критической разработки матеріала, представляемаго „Сборникомъ узаконеній, касающихся евреевъ“. Само собою разумѣется, что о возможности исчерпать этотъ обширный предметъ, затрогивающій чуть-ли не всѣ стороны государственной и общественной жизни, въ одной статьѣ не можетъ быть и рѣчи. Важнымъ затрудненіемъ при подобнаго рода работахъ, кромѣ обширности предмета, служитъ еще недоступность многихъ необходимыхъ матеріаловъ, которые заключаются или въ неизданныхъ оффиціальныхъ источникахъ, или въ малораспространенныхъ печатныхъ изданіяхъ.

Гражданскій бытъ русскихъ евреевъ, какъ установляетъ его Сводъ Законовъ, представляется въ слѣдующемъ видѣ. Евреи представляютъ собой не единственный классъ лицъ, относительно котораго существуютъ изъятія и ограниченія общихъ законовъ.

По разнообразію географическихъ, политическихъ и этнографическихъ условій Россіи, законодательство наше допускаетъ огромную массу разнаго рода исключеній изъ общихъ законовъ для различныхъ мѣстностей и классовъ населенія. Какъ извѣстно, ни въ одномъ европейскомъ законодательствѣ принципъ единства и равенства не примѣняется такъ слабо, какъ въ русскомъ. Такимъ образомъ, одно существованіе въ нашемъ законѣ многочисленныхъ изъятій для евреевъ не составляетъ еще исключительнаго и ненормальнаго явленія въ русской жизни. Ненормальность, и весьма существенная, лежитъ только въ характерѣ и свойствѣ этихъ ограниченіи. По своему гражданскому положенію, евреи въ Россіи представляютъ совершенно исключительное явленіе, не имѣющее ничего аналогическаго въ судьбѣ всѣхъ остальныхъ классовъ населенія Россіи. Ихъ никакъ нельзя отнести къ числу русскихъ гражданъ, ограниченныхъ только въ извѣстныхъ отношеніяхъ по тѣмъ или другимъ спеціальнымъ побужденіямъ. Это видно изъ слѣдующихъ двухъ соображеній. Во-первыхъ, всѣ русскіе граждане пользуются (если они не лишены этого права судебнымъ приговоромъ и вообще въ видѣ наказанія за преступленіе) неограниченнымъ правомъ жительства на всей русской территоріи. Это право до того существенно связано съ правомъ гражданства въ данной странѣ, что представить себѣ одно изъ нихъ безъ другого рѣшительно невозможно. И такъ какъ евреи вообще не пользуются правомъ повсемѣстнаго жительства въ Россіи, то очевидно, что считать ихъ русскими гражданами въ юридическомъ смыслѣ слова невозможно. Во-вторыхъ, при самомъ поверхностномъ взглядѣ на русскіе законы о евреяхъ, видно, что законодатель нашъ смотритъ на евреевъ съ совершенно противоположной точки зрѣнія, чѣмъ на всѣ другіе классы населенія. Относительно послѣднихъ законъ исходитъ изъ того совершенно правильнаго основанія, что все незапрещенное закономъ считается дозволеннымъ. Предполагается, что всякій человѣкъ пользуется безусловной свободой располагать собой по своему усмотрѣнію до тѣхъ поръ, пока общественная власть не ограничитъ этой свободы въ инте-

ресахъ другихъ лицъ или цѣлаго общества. Поэтому вы нигдѣ не встрѣтите въ законѣ опредѣленія, что грекъ, татаринъ, мордвинъ имѣетъ право заниматься всѣми промыслами, пріобрѣтать имущества, заводить фабрики, отправлять богослуженіе, воспитывать своихъ дѣтей въ общественныхъ школахъ, и т. под. Все это само собой предполагается, какъ результатъ общечеловѣческихъ и гражданскихъ правъ каждаго русскаго подданнаго. Но въ отношеніи къ евреямъ законъ беретъ за исходную точку, что они, сами по себѣ, не пользуются никакими правами въ Россіи и по этому все недозволенное имъ положительнымъ закономъ считается запрещеннымъ. Отсюда необходимость установить правила слѣдующаго рода. „Евреи, состоящіе въ подданствѣ Россіи, подлежатъ общимъ законамъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ коихъ не постановлено особыхъ о нихъ правилъ“ *. „Евреи, пользуясь общимъ покровительствомъ законовъ, имѣютъ свободу не токмо въ личномъ ихъ состояніи, и въ законномъ пріобрѣтеніи имуществъ, въ земледѣльческихъ занятіяхъ и въ производствѣ торговли, промышленности и ремеслъ... Тѣ изъ нихъ, кои отличаются полезными познаніями и занятіями, или окажутъ какія-либо важныя государству услуги, награждаются по достоинству“ **. „Дѣти евреевъ могутъ быть принимаемы и обучаемы, безъ всякаго различія отъ другихъ дѣтей, въ общихъ училищахъ“ ***. „Предоставляется евреямъ обучать дѣтей своихъ закону вѣры, по собственной ихъ волѣ, въ училищахъ или у частныхъ учителей“ †. „Всѣмъ вообще евреямъ дозволяется безпрепятственно поступать въ земледѣльческое состояніе“ ††. „Всѣ роды фабрикъ дозволяется заводить евреямъ въ губерніяхъ, гдѣ имъ жить дозволено, на томъ-же основаніи и съ той-же свободой, какъ и всѣмъ другимъ

---

* „Сборникъ“, стр. 90 Для удобства мы будемъ цитировать законы не по статьямъ свода, а по страницамъ „Сборника“.
** Тамъ-же. *** Тамъ-же, стр 96
† Тамъ-же, стр 97. †† Тамъ же, стр. 103.

подданнымъ Имперіи“ *. „Евреи могутъ отправлять общественныя молитвы и богомолія въ мѣстахъ общей ихъ осѣдлости. Никто не имѣетъ права препятствовать имъ въ томъ, ни словомъ, ни дѣломъ“ **. „Свобода вѣры присвояется нетолько христіанамъ иностранныхъ исповѣданій, но и евреямъ, магометанамъ и язычникамъ“ ***. Установляя подобнаго рода правила, законодатель, очевидно, руководствовался тѣмъ взглядомъ, что еврей, не будучи русскимъ гражданиномъ, самъ по себѣ лицо безправное, и потому основныя права каждаго человѣка въ общежитіи — свобода совѣсти, личная и имущественная неприкосновенность, свобода промысла,—должны быть ему дарованы положительнымъ закономъ, какъ выраженіемъ воли государственной власти. Отсюда видно, что законъ нашъ смотритъ на евреевъ, какъ на иностранцевъ, которые пользуются въ Россіи гражданскими правами лишь въ той мѣрѣ, въ какой это признано за ними положительнымъ закономъ. Этотъ принципъ нашего законодательства замѣченъ былъ уже давно юристами. Извѣстно, что въ основаніи дѣйствующихъ у насъ до сихъ поръ законовъ о евреяхъ лежитъ положеніе о нихъ, изданное въ 1835 году. Панегиристъ этого положенія Вольфельдтъ, бывшій членъ лифляндскаго гофгерихта, замѣчаетъ слѣдующее: „Повидимому, въ предлежащемъ законѣ хотѣли поставить евреевъ относительно всѣхъ частей Имперіи, кромѣ тѣхъ, гдѣ имъ позволено жительство, въ положеніе иностранцевъ; ибо относительно торговли ихъ внѣ черты осѣдлости постановлены почти такія-же правила, какъ для христіанъ-иностранцевъ“ †. Правила эти существуютъ въ первоначальномъ видѣ до настоящаго времени.

Но сказать, что евреи въ Россіи составляютъ классъ иностранцевъ — будетъ опять-таки невѣрно. Съ одной стороны, они

---

* Тамъ-же, стр. 112. ** Тамъ-же, стр. 152. *** Тамъ-же, стр. 239

† Die neue Verordnung ueber die Hebraer im Russischen Reich въ „Kritische Zeitschrift für Rechtswissenschaft und Gesetzgebung des Auslandes“ за 1838 г, стр 151

въ чертѣ своей осѣдлости пользуются во многихъ отношеніяхъ бо̀льшими гражданскими правами, чѣмъ ненатурализованные иностранцы. Съ другой стороны, относительно всей остальной Россіи, они поставлены въ положеніе гораздо менѣе выгодное, чѣмъ собственно иностранцы. Любой иностранецъ можетъ пользоваться, если захочетъ, всѣми правами русскаго гражданства: для этого ему сто́итъ только вступить въ русское подданство. Для еврея этотъ путь недоступенъ; для выхода изъ своего заколдованнаго круга онъ долженъ отказаться отъ своей религіи. Что законъ нашъ рѣзко отличаетъ евреевъ отъ иностранцевъ къ невыгодѣ первыхъ, видно изъ слѣдующаго факта. Всѣ иностранцы принимаются въ русское подданство, за исключеніемъ евреевъ; будь еврей-иностранецъ подданнымъ такой державы, гдѣ давно исчезли религіозныя различія изъ гражданскихъ законовъ, гдѣ поэтому еврей пересталъ быть членомъ особаго сословія въ государствѣ, нашъ законъ этого не хочетъ знать. Существующее еврейское населеніе Россіи въ его глазахъ есть тяжкое бремя для страны, есть зло, но зло неизбѣжное, увеличивать которое принятіемъ новыхъ подданныхъ еврейскаго исповѣданія было бы неблагоразумно и неполитично.

Такимъ образомъ евреи составляютъ въ Россіи какое-то особенное сословіе полу-гражданъ или, лучше сказать, гражданъ извѣстной части государства—явленіе феноменальное и, можно сказать, безпримѣрное. Выходъ изъ этого положенія для русскаго еврея, собственно говоря, только одинъ: принятіе христіанства и въ особенности православія. Результаты этого акта для всякаго еврея двоякіе. Во-первыхъ, мгновенно исчезаютъ всѣ тѣ безконечныя стѣсненія и ограниченія, которыми законъ опуталъ жизнь еврея, остающагося въ своей вѣрѣ. Еврей, принявшій христіанство, сразу вступаетъ въ тотъ кругъ общества, къ которому онъ принадлежитъ по своей профессіи, образованію и способностямъ. Во-вторыхъ, законъ беретъ на себя всячески поддержать каждаго такого субъекта. Такъ, крестившіеся евреи могутъ приписаться ко всякому обществу, гдѣ найдутъ для себя удобнѣе, не испра-

шивая, какъ вообще требуется, предварительнаго согласія тѣхъ обществъ. Они пользуются трехлѣтней отъ податей льготой со дня приписки къ тѣмъ обществамъ. Они получаютъ въ пособіе отъ казны на первоначальное обзаведеніе отъ 15 до 30 руб. на человѣка. Нельзя не отдать справедливости нашему законодательству въ этомъ отношеніи. Зная, въ какое тяжкое, нерѣдко безвыходное положеніе поставлены у насъ евреи и признавая, что единственный путь для еврея улучшить свое гражданское и матеріальное положеніе заключается въ принятіи христіанства, законодатель нашъ обнаруживаетъ истинно гуманное отношеніе къ евреямъ, поощряя и облегчая имъ эту проторенную, но все-таки не лишенную неудобствъ дорогу. Такъ напр. относительно пособія евреямъ, принимающимъ христіанство, государственный совѣтъ, вслѣдствіе возникшихъ на практикѣ недоумѣній, установилъ, что правило это распространяется на евреевъ, принимающихъ христіанскую вѣру какого бы то ни было исповѣданія, не только православнаго. Онъ мотивируетъ это тѣмъ, что пособіе это установлено съ цѣлью отвратить затрудненія, встрѣчаемыя евреями, принявшими христіанство, при избраніи рода жизни; затрудненія же сіи, по ненависти евреевъ къ соплеменникамъ своимъ, обратившимся въ христіанство, могутъ быть поставлены и тѣмъ изъ нихъ, которые обратятся не въ православіе, а въ другое исповѣданіе *. Руководствуясь этой заботливостью объ улучшеніи матеріальнаго быта евреевъ посредствомъ обращенія ихъ въ христіанство, законъ нашъ установляетъ рядъ правилъ, направленныхъ къ достиженію двухъ цѣлей: увеличенію числа евреевъ-христіанъ и воспрепятствованію имъ обратиться въ прежнее, менѣе выгодное положеніе іудеевъ. Для достиженія первой цѣли служатъ главнымъ образомъ указанныя уже нами права и преимущества, дарованныя новообращеннымъ, и кромѣ того еще нѣкоторыя частныя правила. Для того, чтобъ увеличить число евреевъ,

* Мнѣніе Госуд. Сов. 23 ноября 1859 г. (Полное Собраніе Законовъ, II, № 35150).

принимающихъ христіанскую вѣру, постановлены слѣдующія правила. Если одинъ изъ супруговъ, принадлежащихъ къ іудейству, обратится въ православіе, а другой останется въ прежнемъ законѣ, но съ обратившимся жить пожелаетъ, то бракъ остается въ силѣ, но крещенный супругъ обязывается подпиской: имѣть тщательное попеченіе о томъ, чтобъ привести другого супруга увѣщаніемъ къ принятію православія; некрещеный же супругъ обязывается тоже подпиской, чтобъ рождаемыхъ дѣтеи не приводилъ въ законъ іудейскій и супругу-христіанину ни поношенія, ни укоризны не наносилъ. Съ этой же цѣлью установлено, чтобъ крещеніе евреевъ совершалось „со всевозможной публичностью, въ праздничный или воскресный день“ и лишь въ городскихъ церквахъ — очевидно для того, чтобъ производить каждый разъ впечатлѣніе на умы евреевъ. Для облегченія евреямъ перехода въ христіанство, установлено, что лица, достигшія 14-лѣтняго возраста, могутъ обратиться изъ іудейства въ христіанство, не испрашивая согласія родителей или опекуновъ. Этотъ срокъ совершеннолѣтія составляетъ рѣзкую аномалію въ нашемъ законодательствѣ. Для того, чтобъ имѣть право выдать долговую росписку на нѣсколько рублей, нужно имѣть по нашему закону не менѣе 21 года; для того, чтобъ вступить въ бракъ, нужно достигнуть 18-лѣтняго возраста, для перемѣны же религіи еврею достаточно считаться 14 лѣтъ отъ роду. Такимъ образомъ, чѣмъ важнѣе шагъ въ жизни человѣка, тѣмъ меньше физической и умственной зрѣлости требуетъ нашъ законъ для возможности его совершенія.

Съ цѣлью удержать крестившихся евреевъ въ ихъ новомъ положеніи приняты слѣдующія мѣры. Переходъ еврея въ христіанство, по мысли нашего закона, почти совершенно расторгаетъ узы кровнаго родства, связывавшія его съ еврейскимъ семействомъ. Онъ считается выбывшимъ въ другой міръ и порвавшимъ всѣ связи не только съ еврействомъ, какъ религіей, но и съ евреями какъ людьми, хотя бы это были его родители, дѣти и т. д. Поэтому еврей, принявшій христіанство, не пользуется торговыми правами по гильдейскому свидѣтельству родоначальника его семьи—еврея.

Евреи не могутъ просить о возвратѣ имъ ихъ сыновей или родственниковъ-кантонистовъ (т. е. малолѣтнихъ солдатскихъ дѣтей), принявшихъ христіанскую вѣру, но кантонисты эти могутъ быть отдаваемы постороннимъ благотворителямъ христіанскаго исповѣданія. Евреи, принявшіе христіанство во время военной службы, по возвращеніи изъ нея должны приписаться къ христіанскимъ обществамъ, и притомъ къ такимъ, „въ которыхъ нѣтъ водворившихся евреевъ“. Почтальоновъ изъ крещенныхъ евреевъ запрещено опредѣлять въ тѣ губерніи, въ коихъ дозволено жительство евреямъ. Эта заботливость о сохраненіи въ православіи обратившихся евреевъ и объ умноженіи числа крещенныхъ евреевъ, повторяемъ, есть результатъ гуманной дѣятельности правительства для улучшенія быта евреевъ облегченіемъ имъ того пути, которымъ они могутъ выйти изъ теперешняго тяжелаго ихъ положенія. Конечно, можно объяснять эти мѣры и другимъ образомъ. Можно утверждать, что не указанныя мѣры служатъ къ снятію осаднаго положенія съ русскихъ евреевъ, а наоборотъ, это осадное положеніе—если можно такъ выразиться—имѣетъ цѣлью побудить евреевъ къ перемѣнѣ своего общественно-религіознаго состоянія. Есть люди, которые смотрятъ на все съ политической точки зрѣнія и поэтому дѣйствительно такимъ образомъ толкуютъ смыслъ указанныхъ нами законодательныхъ мѣръ. Но предложенное нами объясненіе, не смотря на его новизну и, можетъ быть, оригинальность, кажется, болѣе согласно съ истиной и съ тѣмъ правиломъ, что всякій законодательный актъ долженъ быть толкуемъ снисходительно, въ хорошую сторону.

Переходъ въ христіанство есть всеисцѣляющее средство противъ той неизлечимой болѣзни (по выраженію Гейне), которая называется принадлежностью къ еврейству. Но законъ допускаетъ и другія, второстепенныя средства, которыми еврей можетъ освободиться, если не отъ всѣхъ, то отъ нѣкоторыхъ изъ наложенныхъ на него ограниченій или стѣсненій. Законодатель нашъ принимаетъ за общее правило слѣдующій принципъ: гражданскія права, принадлежащія всѣмъ другимъ національностямъ, какъ

естественное право каждаго человѣка въ обществѣ, могутъ быть пріобрѣтаемы евреями лишь въ силу особыхъ гражданскихъ доблестей. Такъ какъ еврей вообще стоитъ ниже христіанина по своимъ нравственнымъ качествамъ и гражданской полезности, то онъ можетъ быть уравненъ съ этимъ послѣднимъ только въ видѣ награды за добродѣтель, доказанную и удостовѣренную надлежащимъ, законнымъ образомъ. Такимъ образомъ право жить тамъ, гдѣ найдешь для себя удобнѣе, евреи пріобрѣтаетъ слѣдующими путями. 1) Если онъ извѣстное число лѣтъ состоялъ въ первой гильдіи, т. е. доставилъ казнѣ значительную цифру дохода, то въ награду ему дарується право приписаться въ купечество по всей Россіи, жить повсемѣстно со своимъ семействомъ, пріобрѣтать недвижимую собственность, промышлять торговлей, подрядами, и пр. Но все это до тѣхъ поръ только, пока онъ платитъ повинности 1-й гильдіи, т. е. приноситъ казнѣ выгоду. Какъ только обстоятельства не позволятъ ему больше пребывать въ первой гильдіи—онъ возвращается въ прежнее состояніе и долженъ возвратиться изъ обѣтованной земли въ страну египетскую. 2) Если еврей выслужилъ въ войскѣ установленный общій срокъ, то по полученіи безсрочнаго отпуска онъ вмѣстѣ съ тѣмъ получаетъ право повсемѣстнаго жительства, въ видѣ награды за безпорочную службу. 3) Если еврей ревностно занимался науками и прошелъ университетскій курсъ не только съ успѣхомъ, но съ бо́льшимъ успѣхомъ противъ обыкновенной нормы высшаго образованія, т. е. удостоился ученой степени доктора медицины или кандидата по другому факультету, то онъ получаетъ право государственной службы и повсемѣстнаго жительства. 4) Важнѣйшее исключеніе въ этомъ родѣ дѣлаетъ законъ 1865 года для евреевъ-ремесленниковъ. Такъ какъ Россія вообще страдаетъ весьма ощутительнымъ недостаткомъ въ ремесленникахъ, то признано возможнымъ утвердить ремесленниковъ-евреевъ въ званіи полезныхъ гражданъ и предоставить имъ заниматься своимъ ремесломъ на пространствѣ всей русской территоріи; само собой разумѣется, что, подобно купцамъ первой гильдіи, они могутъ пользоваться этой

привилегіей лишь пока продолжается причина, ее вызвавшая, т. е. пока они занимаются ремесломъ. Какъ только еврей уклонится отъ ремесла, полиція можетъ и должна выслать его обратно „на родину", въ западный или южный край.

Вотъ сущность постановленій нашего закона о гражданскихъ правахъ евреевъ, какъ отдѣльныхъ лицъ. Что-же касается до общественнаго управленія евреевъ, до ихъ положенія какъ цѣлыхъ группъ гражданъ, то оно представляется въ слѣдующемъ видѣ. Законъ исходитъ изъ той мысли, что евреи составляютъ отдѣльный отъ всего остальнаго населенія міръ, отличающійся не только своимъ вѣроисповѣданіемъ, какъ можно было-бы полагать, но и во многихъ другихъ отношеніяхъ, неимѣющихъ ничего общаго съ религіей. Евреи, именно, составляютъ отдѣльныя отъ христіанъ общества въ податномъ отношеніи. Они отбываютъ рекрутскую повинность и всѣ другіе государственные и земскіе налоги отдѣльно отъ христіанъ. Для взиманія податей съ евреевъ, эти послѣдніе избираютъ изъ среды себя особыхъ сборщиковъ податей. А по тѣсной связи паспортной и податной системы, у насъ евреи и въ паспортномъ отношеніи находятся въ изолированномъ положеніи и зависятъ всецѣло отъ своихъ отдѣльныхъ обществъ. Самыя подати у евреевъ не суть исключительно тѣ-же, что у христіанъ. Кромѣ всѣхъ, общихъ состоянію городскихъ обывателей, натуральныхъ и денежныхъ повинностей, евреи несутъ еще спеціальные налоги (коробочный и свѣчной сборы и разныя раскладки), которыхъ мы еще коснемся ниже. Для евреевъ учреждаются въ мѣстахъ ихъ осѣдлости особые неремесленные цехи. Выборы евреевъ въ предоставленныя имъ должности по городскому общественному управленію производятся ихъ обществомъ отдѣльно отъ христіанъ. Законъ признаетъ самостоятельное, отдѣльное существованіе еврейскихъ обществъ въ благотворительномъ отношеніи, говоритъ, что они должны, „наравнѣ съ обществами другихъ исповѣданій, имѣть попеченіе о призрѣніи престарѣлыхъ, увѣчныхъ и больныхъ своихъ единовѣрцевъ. На сей конецъ дозволяется имъ устраивать особенныя больницы и богадѣльни". Разрѣшается

мѣщанскимъ обществамъ, состоящимъ изъ христіанъ, евреевъ, татаръ и пр., образовать изъ себя, гдѣ признано будетъ полезнымъ, особые участки для денежныхъ сборовъ. Очевидно, что во всѣхъ подобныхъ постановленіяхъ просвѣчиваетъ мысль законодателя объ опасности, угрожающей христіанскому населенію въ религіозномъ и матеріальномъ отношеніи отъ близкаго соприкосновенія съ іудействомъ, и о вытекающей отсюда необходимости по возможности удалять евреевъ, держать ихъ въ сторонѣ. Религіозная сторона этихъ опасеній въ особенности рельефно выступаетъ въ слѣдующихъ двухъ постановленіяхъ. Земледѣльческія поселенія евреевъ должны быть устраиваемы отдѣльно отъ христіанскихъ селеній, не стѣсняясь, впрочемъ, разстояніемъ отъ этихъ послѣднихъ. Это правило принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя рѣшительно парализовали всѣ мѣры правительства къ распространенію земледѣльческаго труда между евреями. Поселенцы-евреи, не имѣвшіе ни малѣйшаго понятія о земледѣліи, нуждались въ наставникахъ для усвоенія себѣ новаго занятія, и лучшимъ наставникомъ для нихъ конечно могли бы служить сосѣди-христіане. Люди близко знакомые съ еврейскими колоніями, напр. г. Аѳанасьевъ-Чужбинскій, и указываютъ на весьма неблагопріятные результаты изолированія этихъ колоній. Объяснить этотъ законъ, какъ намъ кажется, можно только религіозными побужденіями, опасеніемъ умственнаго вліянія евреевъ на односельчанъ-христіанъ; по-крайней-мѣрѣ другое объясненіе отыскать трудно. Этимъ же объясняется слѣдующее правило. Христіанки, нанимаемыя евреями для извѣстныхъ, дозволенныхъ закономъ работъ, должны жить не въ однихъ домахъ съ евреями, но отдѣльно. Къ этому закону, его смыслу и практическому значенію мы возвратимся еще ниже.

Въ связи съ изолированностью еврейскихъ обществъ находится солидарность и взаимная отвѣтственность какъ между членами одного и того-же еврейскаго общества, такъ и между цѣлыми этими обществами, разсматриваемыми какъ юридическія единицы. Еврейскія общества, составляя отдѣльные рекрутскіе участки, отвѣчаютъ en masse за неисправность всѣхъ членовъ общины въ

представленіи рекрутъ. Коробочный сборъ, который въ качествѣ косвеннаго налога на потребленіе мяса падаетъ на всѣхъ вообще евреевъ, идетъ главнымъ образомъ на покрытіе недоимокъ по государственнымъ податямъ и сборамъ, числящимся на бѣдныхъ членахъ обществъ. Въ извѣстныхъ случаяхъ сборъ этотъ можетъ быть расходуемъ съ этою цѣлью не только между членами одной и той же общины, но и между различными еврейскими обществами одной и тои же губерніи. Тогда какъ у христіанъ за укрывательство дезертира отвѣчаетъ, какъ и слѣдуетъ по справедливости, только то лицо, которое его укрывало, у евреевъ, сверхъ того, подвергается отвѣтственности и все общество, среди котораго бѣглый укрывался: предполагается, что у евреевъ все дѣлается сообща, что еврейское общество непремѣнно знаетъ всю подноготную каждаго своего члена и помогаетъ ему въ противозаконныхъ его дѣйствіяхъ. Законъ искусственно поддерживаетъ эту солидарность и вытекающую изъ нея широкую власть общины надъ своими членами, предоставляя ей напр. отдавать порочныхъ своихъ членовъ въ рекруты. Возможность страшныхъ злоупотребленій подобнымъ правомъ, могущимъ служить опаснымъ орудіемъ въ рукахъ вліятельныхъ личностей для преслѣдованія своихъ враговъ, а въ рукахъ цѣлой общины—для преслѣдованія людей непріятныхъ, свободномыслящихъ и т. п., сознается нашимъ законодателемъ; онъ угрожаетъ поэтому всѣмъ подписавшимъ приговоръ объ отдачѣ въ рекруты безъ очереди, „подъ предлогомъ пороковъ людей хорошаго поведенія за какіе либо невинные и только противные суевѣрію или злоупотребленіямъ евреевъ поступки“, заключеніемъ въ тюрьмѣ отъ 4—8 мѣсяцевъ. Но очевидно, что отдѣльной личности всегда будетъ очень трудно бороться съ цѣлымъ обществомъ. Съ другой стороны, коль скоро обществу предоставлено страшное право безъ суда наказывать своихъ членовъ за „пороки“, то естественно, что оно будетъ судить объ этихъ порокахъ съ своей, а не съ чьей-либо другой точки зрѣнія. Еврейское правовѣрное общество естественно будетъ считать весьма порочнымъ и заслуживающимъ самаго тяжкаго наказанія человѣка, осмѣлившагося въ субботній день

курить папиросу, носить палку и т. под. Законъ справедливо видитъ въ этомъ только „поступки противные суевѣрію евреевъ“; но требовать отъ самихъ евреевъ, чтобъ они, подъ страхомъ наказанія, стали на эту же точку зрѣнія и признали свои религіозныя вѣрованія суевѣріемъ,—значитъ поступить неразумно и несправедливо. Одно изъ двухъ: или у обществъ (и не только еврейскихъ, но всѣхъ податныхъ сословій) должно быть отнято опасное право располагать судьбой своихъ членовъ по произволу, или допуская это право, нужно мириться съ возможностью самыхъ серьезныхъ злоупотребленіи, между прочимъ съ моральнорелигіознымъ гнетомъ общины надъ своими членами. Середины тутъ не можетъ быть, и палліативныя мѣры противъ подобныхъ злоупотребленій весьма рѣдко окажутся полезными на практикѣ. Въ отношеніи къ евреямъ законъ даже видимо поощряетъ отдачу обществами людей въ рекруты безъ очереди. Общества евреевъ земледѣльцевъ имѣютъ право отдавать своихъ членовъ въ рекруты, „въ наказаніе за вины“, и за каждаго такого рекрута исключается по 150 рублей изъ лежащаго на обществѣ казеннаго долга. Лучшей мѣры нельзя было придумать для того, чтобы побуждать общества колонистовъ отдавать въ рекруты, подъ предлогомъ порочности, всѣхъ слабыхъ, беззащитныхъ и почему-либо непріятныхъ (напр. по религіозному свободомыслію) членовъ. Перспектива въ самомъ дѣлѣ очень заманчивая: избавиться отъ людей вредныхъ или мозолящихъ глаза и уплатить ими свой долгъ казнѣ; сдѣлка очень выгодная для обществъ, а можетъ быть, и для казны, но ужь конечно никакъ не для тѣхъ несчастныхъ, которые почему-либо не нравятся общинѣ или просто беззащитны противъ ея покушеній. Этого достаточно, чтобъ дать понятіе о характерѣ отношеній нашего закона къ еврейской общинѣ, къ такъ-называемому кагалу, о которомъ такъ много толкуютъ у насъ въ послѣднее время. Изъ сопоставленныхъ нами узаконеній видно, въ какой мѣрѣ справедливо отнести къ однимъ евреямъ упрекъ въ томъ, что они чуждаются остальныхъ классовъ населенія и крѣпко отстаиваютъ свое общинное само-

управленіе, свою солидарность и самостоятельность, какъ отдѣльнаго класса общества. Не видимъ ли мы напротивъ, что законодательство поддерживаетъ и воспитываетъ этотъ духъ розни и солидарности (первой по отношенію евреевъ къ нееврейскому міру, второй — между членами еврейскихъ обществъ), побуждаемое отчасти укоренившейся враждебностью и отчужденностью въ отношеніи къ еврейству, отчасти религіозными опасеніями, отчасти, наконецъ, извѣстнымъ разсчетомъ, напр. желаніемъ обезпечить правильное поступленіе налоговъ съ евреевъ и привлеченіе ихъ къ военной службѣ? Впрочемъ, вопросъ о кагалѣ по своей обширности и самостоятельности не входитъ въ предѣлы настоящаго очерка.

Охарактеризовавъ въ общихъ чертахъ сущность постановленій нашего законодательства о евреяхъ, мы переидемъ къ изложенію тѣхъ мотивовъ, тѣхъ соціально-политическихъ идей и соображеній, которыя объясняютъ происхожденіе и условливаютъ существованіе этихъ постановленіи. При этомъ мы будемъ имѣть возможность ближе и подробнѣе ознакомиться съ юридическимъ бытомъ евреевъ, какъ онъ сложился подъ вліяніемъ разнообразныхъ взглядовъ и стремленій законодательной власти.

У насъ въ обществѣ распространено убѣжденіе, что еврейскій вопросъ въ Россіи есть по преимуществу, если не исключительно, вопросъ экономическій и что особенность положенія евреевъ у насъ заключается въ тѣхъ ограниченіяхъ, которыя вызваны единственно мотивами экономическаго свойства. Полагаютъ, что принципъ религіозной терпимости настолько проникъ въ наше законодательство, что объяснять юридическія стѣсненія евреевъ ихъ вѣроисповѣданіемъ невозможно. Это одно изъ тѣхъ безчисленныхъ заблужденій, которыя распространены у насъ относительно всего, что касается евреевъ, столько-же по незнанію, сколько по нежеланію знать и признавать истинное положеніе еврейскаго дѣла. Лучшимъ средствомъ для опроверженія этого

взгляда можетъ служить ближайшее ознакомленіе съ историческимъ ходомъ развитія нашего законодательства о евреяхъ вообще и съ дѣйствующими законами, относящимися до положенія еврейской религіи въ Россіи. Исторія именно показываетъ намъ, что не только въ отдаленныя времена, но и въ ближайшій къ намъ періодъ, первой по времени и главной по вліянію причиной ограниченія правъ евреевъ была религіозная нетерпимость. Такъ какъ послѣдній памятникъ стариннаго русскаго законодательства, имѣющій практическое значеніе и для настоящаго времени, есть уложеніе царя Алексѣя Михайловича (1649 г.), то мы будемъ касаться здѣсь только эпохи, начинающейся съ этого уложенія, какъ могущей и долженствующеи объяснить характеръ и смыслъ дѣйствующихъ по настоящеее время постановленій о евреяхъ въ Россіи. Даже оффиціальный историкъ нашей администраціи, г. Варадиновъ, признаетъ, что религіозныя соображенія руководили въ эту эпоху нашимъ правительствомъ въ опредѣленіи юридическаго быта евреевъ, причемъ онъ старается объяснить это поведеніемъ самихъ евреевъ. „Исторія духовныхъ дѣлъ еврейскихъ съ 1649 г. носитъ на себѣ отпечатокъ недовѣрія къ послѣдователямъ моисеева закона между прочимъ потому, что евреи ложными своими ученіями завлекали въ свое вѣроисповѣданіе лицъ другихъ исповѣданій, даже христіанскихъ; почему гражданскія права ихъ постоянно были болѣе или менѣе стѣсняемы, переселеніе ихъ въ Россію изъ другихъ государствъ воспрещаемо; евреи нѣсколько разъ подвергались совершенному изгнанію изъ предѣловъ русскихъ“ *. Уже Алексѣй Михайловичъ въ уложеніи установилъ смертную казнь евреямъ, совращающимъ въ свою вѣру православныхъ. Въ 1676 г. запрещено пропускать ихъ изъ Смоленска въ Москву. По присоединеніи Смоленска къ Россіи отобраны въ 1727 г. въ казну кабацкіе и таможенные сборы съ предоставленіемъ арендованія ихъ лицамъ всѣхъ состояній, кромѣ ев-

* Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ, т. 2, ч 1, стр. 129.

реевъ. Въ томъ-же году они были высланы изъ Россіи съ запрещеніемъ въѣзда ихъ на будущее время.

Такія-же строгія мѣры приняты были и въ слѣдующіе годы. Несмотря на это, въ 1736 г. еврей Борохъ пріѣзжалъ въ Москву и склонилъ къ жидовству флота капитанъ-лейтенанта Возницына; послѣдній уѣхалъ въ Смоленскъ и здѣсь былъ обрѣзанъ Борохомъ. Этотъ-же Борохъ былъ обвиненъ еще „въ смертномъ убійствѣ священника Авраамія въ Смоленскѣ, въ совращеніи съ прочими жидами въ свою вѣру простой народъ, въ построеніи жидовской школы и въ мученіи бывшей у него въ найму крестьянской дѣвки". За всѣ эти преступленія, многочисленность которыхъ невольно наводитъ сомнѣніе въ ихъ дѣйствительности, Борохъ и Возницынъ — послѣдній раскаялся и возвратился въ православіе—были сожжены по приговору суда. Вѣроятно, вслѣдствіе этого случая, сенатъ въ томъ-же 1736 году предписалъ немедленно выслать изъ Малороссіи всѣхъ евреевъ. Распоряженіе это повторено въ 1742 г. съ тѣмъ, чтобъ впредь не впускать въ Россію никого изъ евреевъ, „за исключеніемъ тѣхъ, которые бы пожелали принять православіе". Этотъ указъ Елисаветы Петровны памятенъ по знаменитой резолюціи ея на докладъ сената о необходимости, по народно-хозяйственнымъ соображеніямъ, дозволить евреямъ временный пріѣздъ въ Малороссію и Ригу: „отъ враговъ Христовыхъ не желаю интересной прибыли". Елисавета высказала въ этихъ немногихъ словахъ всю сущность старинной русской политики по еврейскому вопросу. Она при этомъ не представляла собой ничего выдающагося по фанатизму и нетерпимости, а выразила только господствовавшія въ русскомъ обществѣ того времени воззрѣнія. Какъ смотрѣло тогда русское общество даже въ высшихъ его кругахъ на евреевъ, можно видѣть изъ слѣдующаго. Мавра Егоровна Шувалова, будучи въ 1738 г. въ Нѣжинѣ, была поражена присутствіемъ евреевъ въ этомъ городѣ и поспѣшила написать цесаревнѣ Елисаветѣ о неслыханномъ чудѣ: „жидовъ

множество, и видѣла ихъ, собакъ“ *. Неудивительно послѣ этого, что вступивши потомъ на престолъ, Елисавета примѣнила на дѣлѣ господствовавшій въ кругу ея друзей взглядъ на евреевъ, какъ на собакъ, которыхъ слѣдуетъ выгонять безъ зазрѣнія совѣсти. По увѣреніямъ историковъ, въ 1753 г. изгнано изъ Россіи до 35,000 евреевъ **. Елисавета съ послѣдовательностью, достойной лучшаго дѣла, оставалась вѣрна этой нетерпимости нетолько при общихъ мѣрахъ относительно всего еврейскаго населенія, но и въ единичныхъ случаяхъ. Свидѣтельствомъ этого можетъ служить любопытное дѣло доктора Саншеса. Антоніо Саншесъ былъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ врачей своего времени. Въ 1731 г. онъ былъ вызванъ въ Россію, былъ здѣсь придворнымъ медикомъ, завѣдывалъ медицинской частью въ арміи и пр. Онъ былъ также членомъ Академіи Наукъ. На старости лѣтъ онъ занимался исключительно наукой, лечилъ даромъ бѣдныхъ людей и тѣмъ разстроилъ свое состояніе, такъ что русскіе помогали ему. Онъ написалъ первое сочиненіе о русскихъ баняхъ съ медицинской точки зрѣнія. Этотъ-то замѣчательный человѣкъ въ 1749 году уволенъ былъ изъ Академіи Наукъ и долженъ былъ уѣхать въ Парижъ. Онъ, разумѣется, полагалъ, что провинился въ чемъ нибудь предъ императрицей, но оказалось, что причиной увольненія было его евреиство. „Ея Императорское Величество, писалъ Шуваловъ къ Разумовскому, очень почитаетъ ученыхъ и покровительствуетъ наукамъ и искусствамъ въ высшей степени. Но она хочетъ также, чтобы члены ея академіи были добрыми христіанами, а она узнала, что докторъ Саншесъ не принадлежитъ къ числу таковыхъ. Такимъ образомъ, его іудейство, а не политическія причины, лишили его мѣста“. „Вы хорошо сдѣлали, что подчинились приказаніямъ Ея Величества, писалъ Разумовскій къ Саншесу. Она не разгнѣвалась на васъ за какой-нибудь просту-

* Архивъ кн. Воронцова, т I, стр. 84
** Германъ, Geschichte des Russischen Staates, V, 171

покъ противъ нея или ея интересовъ; но она полагаетъ, что ея совѣсть не позволяетъ ей оставить въ своей академіи человѣка, который оставилъ знамя Христа и рѣшился сражаться подъ знаменемъ Моисея и вѣтхозавѣтныхъ пророковъ" *.

Послѣднія слова заставляютъ думать, что Саншесъ принадлежалъ къ числу потомковъ португальскихъ маранновъ, которыхъ предки были насильно обращаемы въ христіанство. Многіе изъ нихъ впослѣдствіи возвращались въ лоно іудейства и Саншесъ, повидимому, былъ одинъ изъ нихъ.

Въ 1762 году, при самомъ восшествіи на престолъ императрицы Екатерины II. снова былъ поднятъ вопросъ о евреяхъ. Сенатъ единогласно призналъ полезнымъ допустить евреевъ въ Россію, но государыня не согласилась съ этимъ, именно изъ опасенія, чтобъ не раздражить духовенство и религіозныя чувства народа **. Вслѣдствіе этого въ томъ-же 1762 году подтверждено запрещеніе евреямъ переселяться въ Россію. Исключеніе сдѣлано въ 1764 г. для евреевъ, жившихъ въ Литвѣ, въ слободѣ Вѣткѣ, и принявшихъ крещеніе по старообрядческому ученію.

Религіозная сторона еврейскаго вопроса и стремленіе побудить евреевъ къ переходу въ православіе въ особенности ярко выступили во вторую половину царствованія Александра I, въ эпоху всеобщей реакціи, религіознаго мистицизма и библейскаго общества, и въ послѣдующее царствованіе. Въ 1817 г. учрежденъ былъ „комитетъ опекунства израильскихъ христіанъ", для покровительства евреямъ, принявшимъ христіанство. Въ вѣденіе его отведены были казенныя земли, на которыхъ новообращенные могли селиться для хлѣбопашества, скотоводства и другихъ сельско-хозяйственныхъ промысловъ. Тутъ имѣлось въ виду, такимъ образомъ, достигнуть одновременно тѣлеснаго и душевнаго спасенія евреевъ, пріучивъ ихъ къ болѣе солиднымъ занятіямъ и измѣнивъ ихъ религіозный бытъ.

---

* Русскій Архивъ 1870 г., стр. 280.
** Русскій Архивъ 1865 г., стр. 492.

Не смотря на такую прекрасную задачу, опытъ правительственнаго спасенія еврейскихъ душъ не удался. „По измѣнившимся обстоятельствамъ, говоритъ г. Варадиновъ, указомъ 30-го марта 1833 года измѣнена цѣль занятій комитета, который только управлялъ землями, отведенными въ его вѣденіе, т. е. комитетъ не достигъ, какъ кажется, цѣли, почему и былъ закрытъ въ этомъ году, а самыя земли переданы министерству внутреннихъ дѣлъ для поселенія на нихъ колонистовъ“ *.

Извѣстный министръ духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія, кн. Голицынъ, игравшій такую видную роль въ эпоху александровскаго мистицизма, зорко слѣдилъ за іудействомъ. Начальство Херсонской губерніи донесло, что женщины - христіанки служатъ у евреевъ, забываютъ обязанности христіанской вѣры и принимаютъ обычаи и обряды еврейства. Министръ духовныхъ дѣлъ, принявъ во вниманіе, что евреи по своему ученію считаютъ обязанностью обращать всѣхъ въ свою вѣру (замѣтимъ мимоходомъ, что это совершенно невѣрно: еврейству рѣшительно чуждъ духъ прозелитизма, и талмудъ предписываетъ всячески отклонять иновѣрцевъ, желающихъ обратиться въ іудейство), и что они еще недавно распространили свое ученіе даже въ Воронежской губерніи, призналъ необходимымъ подтвердить о существующемъ запрещеніи евреямъ держать въ домашнемъ услуженіи христіанъ. Въ этомъ смыслѣ состоялись положенія комитета министровъ отъ 17 января и 10 февраля 1820 г. и указъ сената отъ 22 апрѣля того-же года. Указъ этотъ на практикѣ примѣнялся различно, по благоусмотрѣнію и мѣрѣ набожности мѣстнаго начальства. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ запрещали христіанамъ дѣлать ремесленныя работы на евреевъ, обработывать ихъ земли, перевозить ихъ на своихъ лошадяхъ, и т. п. Религіозное рвеніе дошло, такимъ образомъ, до такого отчужденія отъ всего еврейскаго, которое не имѣетъ себѣ ничего подобнаго въ самыя темныя времена средневѣковыхъ го-

* Исторія Минист. Внутр. Дѣлъ, Ш, 1, 555.

неній. Въ Витебскѣ же христіане продолжали жить у евреевъ, проводить у нихъ шабашъ, носить ихъ книги и ключи въ школу (horribile dictu!), и т. п. ужасы. Вслѣдствіе этого министръ внутреннихъ дѣлъ снова подтвердилъ о точномъ соблюденіи указа 22 апрѣля 1820 года.

Въ 1824 г. управленіе духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, замѣнившее прежнее министерство духовныхъ дѣлъ, донесло Сенату, что еврей Шпира, оставаясь въ своей вѣрѣ, занимаетъ должность уѣзднаго врача и считается на государственной службѣ. Но такъ какъ евреи, пока они остаются въ своей вѣрѣ, не имѣютъ правъ на государственную службу, то управленіе просило Сенатъ подтвердить объ этомъ всѣмъ подчиненнымъ ему мѣстамъ и лицамъ, что и было исполнено въ указѣ 16 августа 1828 года.

Заботливость о духовныхъ интересахъ еврейскаго населенія еще дѣятельнѣе и энергичнѣе проявилась въ эпоху слѣдующаго царствованія (1825 — 55 г.). Къ этому времени относятся всѣ тѣ мѣры къ поощренію перехода евреевъ въ православіе, которыя до сихъ поръ существуютъ въ нашемъ законодательствѣ. Насколько такимъ образомъ законодательная дѣятельность прошлаго царствованія имѣетъ практическое значеніе по настоящее время, мы будемъ говорить о ней нѣсколько ниже, при обзорѣ дѣйствующаго законодательства. Здѣсь скажемъ нѣсколько словъ о фактахъ, канувшихъ уже въ вѣчность, сдѣлавшихся достояніемъ исторіи, но важныхъ для правильнаго пониманія мотивовъ и духа нашихъ законовъ о евреяхъ и уцѣлѣвшихъ еще въ русскомъ правѣ обломковъ старинныхъ воззрѣній и стремленій. Правительство открыто принимало тогда мѣры къ пропагандѣ христіанства между евреями. Такъ въ 1833 г. витебскій еврей Темкинъ, „убѣдившись въ истинахъ христіанства и желая просвѣтить своихъ собратій“, какъ говоритъ г. Варадиновъ, написалъ сочиненіе подъ названіемъ: „Путь очищенный къ показанію истинной вѣры“. Государь изволилъ обратить вниманіе на этотъ трудъ и, по разсмотрѣніи его могилевскимъ православнымъ епископомъ, сдѣлалъ

распоряженіе о напечатаніи сочиненія Темкина на еврейскомъ и русскомъ языкахъ *.

Важнѣйшимъ орудіемъ въ рукахъ администраціи къ поощренію христіанства между евреями служили частыя изгнанія или, говоря оффиціальнымъ языкомъ, „выселенія“ евреевъ, то изъ извѣстныхъ городовъ, то изъ селъ и деревень. Въ другомъ мѣстѣ мы привели разсказъ современника и очевидца о томъ, какъ подобныя выселенія заставляли многихъ евреевъ, въ особенности связанныхъ семейными и другими обстоятельствами, принимать христіанство для того, чтобъ получить право остаться на мѣстѣ жительства. Что этотъ разсказъ дѣйствительно справедливъ, можно видѣть изъ оффиціальныхъ данныхъ, сущность которыхъ передана вкратцѣ г. Варадиновымъ. „Пользуясь неустройствомъ евангелическо-лютеранской и римско-католической церкви—говоритъ онъ —евреи то переходили въ первую безъ всякаго убѣжденія, принимая крещеніе для виду, съ единственной цѣлью, имѣть пребываніе въ Петербургѣ и въ противность узаконеніямъ крестились не въ церкви, не публично, но безгласно у пасторовъ, то привлекали въ свое исповѣданіе католиковъ, какъ это случилось въ Виленской губерніи“. ** Евреи, принимавшіе протестантизмъ (по отсутствію здѣсь формальности для перехода) для виду, встрѣчались въ то время весьма нерѣдко. Кромѣ упомянутыхъ свидѣтельствъ укажемъ еще на слѣдующій фактъ. Іоганнъ Филиппъ Симонъ, путешествовавшій нѣсколько разъ по Россіи въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, описывая одну изъ своихъ поѣздокъ, разсказываетъ, что въ Тулѣ онъ встрѣтилъ въ нѣмецкомъ обществѣ еврея, который оффиціально считался лютераниномъ, ибо иначе не могъ бы жить въ Тулѣ, а въ сущности оставался евреемъ ***.

Нечего и говорить, что объясненіе, даваемое этому факту г. Ва-

---

* Исторія министерства внутр. дѣлъ. III, 1, 555—58.
** Тамъ-же III, 1, 115
*** Ioh. Ph Simon, Russisches Leben, 1855. стр. 286

радиновымъ, не выдерживаетъ никакой критики. Съ точки зрѣнія казенныхъ историковъ и философовъ, все дурное въ обществѣ объясняется „неустройствомъ“ въ административномъ смыслѣ, недостаточностью узаконеній, мѣропріятій и т. п. Средства же противъ всѣхъ золъ они, вслѣдствіе этого, видятъ въ регламентаціи, уставахъ и предписаніяхъ. Но не нужно много сообразительности для того, чтобъ понять, что истинная причина предосудительнаго перехода евреевъ въ христіанство для виду, для пріобрѣтенія матеріяльныхъ выгодъ, лежитъ не въ недостаткѣ законовъ, какъ утверждаетъ г. Варадиновъ, а напротивъ, въ ихъ изобиліи, въ существованіи многихъ такихъ законовъ, которые въ качествѣ ненужныхъ умаляютъ почтеніе къ нужнымъ (по выраженію нашего эпиграфа) Несмотря ни на какія старанія, здѣсь нельзя даже частицу вины приписать евреямъ, ихъ любостяжанію, не останавливающемуся ни предъ какими преградами, и другимъ изъѣзженнымъ конькамъ нашихъ жидоѣдовъ. Что остается въ самомъ дѣлѣ человѣку, которому въ одно прекрасное утро объявляютъ: прими крещеніе или пойди по міру съ семьей? Большинство людей застигнутыхъ подобной бурей, разумѣется, выберетъ первое. Но проникнуться по заказу убѣжденіемъ вообще довольно трудно, а при такихъ обстоятельствахъ подобное убѣжденіе едва ли у кого нибудь можетъ составиться. И вотъ масса людей является виновной въ одномъ изъ самыхъ страшныхъ, съ нравственной точки зрѣнія, преступленій: торговлѣ самымъ священнымъ для большинства людей предметомъ—религіозными убѣжденіями. Къ длинному списку еврейскихъ грѣховъ присоединяется еще одинъ весьма тяжкій, часто дающій поводъ добродѣтельнымъ людямъ изливать свое негодованіе на моральное растлѣніе еврейскаго міра, для котораго нѣтъ ничего священнаго. Для того, чтобы правильно понимать явленіе, о которомъ мы здѣсь говоримъ, надо принять въ разсчетъ, что евреи не составляли въ этомъ отношеніи какого нибудь исключенія. Въ тѣ времена, когда внутренняя наша политика занималась главнымъ образомъ религіознымъ вопросомъ, т. е. усиленіемъ православія (возсоединеніе уніи, преслѣдованія раскола,

поощреніе православія въ остзейскомъ краѣ), смѣшеніе религіозныхъ и матеріяльныхъ интересовъ было явленіе обыкновенное. Такъ, изъ отчета генералъ-губернатора Головина объ управленіи остзейскимъ краемъ (1845 — 1848 гг.) видно, что балтійскіе крестьяне, въ виду заботливости правительства о распространеніи между ними православія, ожидали отъ перемѣны своей вѣры освобожденія отъ барщины и вслѣдствіе этого изъявляли массами готовность перейти на такомъ условіи въ православіе *. Крестьянинъ, мѣняющій свою религію для освобожденія отъ барщины, и евреи, дѣлающій тоже самое для избавленія отъ рабства своего рода—прикрѣпленія къ извѣстной мѣстности,—это характеристическія явленія исторіи прошлаго царствованія.

Другою важною мѣрой для распространенія христіанства между евреями послужило тогда правительству привлеченіе евреевъ къ военной службѣ. На военную службу евреевъ смотрѣли тогда не какъ на средство ихъ обрусенія, сближенія съ русскимъ народомъ и противодѣйствія отчужденности и изолированности евреевъ, а главнымъ образомъ какъ на средство религіозной пропаганды. Слѣды этого болѣе чѣмъ страннаго направленія, какъ мы увидимъ, существуютъ и понынѣ въ нашемъ законодательствѣ; но большинство относящихся сюда фактовъ, къ чести Россіи, составляетъ уже достояніе исторіи, которая можетъ разсказать по этому предмету ужасныя, по истинѣ невѣроятныя вещи. Въ лѣтописи русскаго суда занесено напр. дѣло о рядовомъ - евреѣ Шкабло, судившемся за дерзость противъ своего начальника, офицера Ефремова. Офицеръ этотъ самымъ звѣрскимъ образомъ наказывалъ и преслѣдовалъ Шкабло за то, что тотъ оставался вѣренъ своей религіи и соблюдалъ ея обряды; Ефремовъ ворвался въ еврейскую молельню во время богослуженія, „гасилъ и ломалъ свѣчи, рвалъ съ молившихся одежды, сбилъ съ ногъ служившаго за жреца и столкнулъ съ мѣста кивотъ съ заповѣдями“. Ефремовъ го-

* Чтенія въ Моск. Общ. Ист и Др. 1871 г., кн. I

ворилъ о себѣ, что онъ „истребитель жидовъ“ и „уничтожитъ ихъ праздники и законъ“. Всѣмъ этимъ онъ довелъ Шкабло до отчаянія, и послѣдній рѣшился сорвать погоны у достойнаго офицера для того, чтобъ дѣло дошло наконецъ до высшаго начальства. Шкабло былъ строго наказанъ за нарушеніе дисциплины, а объ Ефремовѣ заведено особое дѣло, исходъ котораго не извѣстенъ *. Рядъ возмутительнѣйшихъ дѣяній этого рода схороненъ въ исторіи кантонистовъ, т. е. малолѣтнихъ солдатскихъ дѣтей, которые признавались, такъ сказать, казенной собственностью и приготовлялись начальствомъ въ солдаты. Кантонисты-евреи были лакомымъ кусочкомъ военнаго начальства въ то время, такъ какъ малолѣтнихъ ребятъ легче было обращать на истинный путь, чѣмъ взрослыхъ людей. Главнымъ средствомъ для этого считалось—загнать ихъ какъ можно дальше отъ родины, чтобъ они потеряли почву, забыли свою вѣру и были беззащитнѣе противъ миссіонерскихъ покушеній военнаго начальства. „Евреевъ и поляковъ—говоритъ г. Никитинъ въ своихъ очеркахъ изъ быта кантонистовъ: „Многострадальные“—для того чтобъ ими пріумножить православныхъ, всегда отсылали далеко отъ родины: кіевскихъ напр. въ Пермь и отнюдь не ближе Нижняго-Новгорода“ **. Очевидецъ описываетъ самыми мрачными красками эти долгія страдальческія скитанія кантонистовъ. Партія еврейскихъ кантонистовъ, дѣтей отъ 8—13 лѣтъ, шла въ Пермь; на полдорогѣ офицеръ, сопровождавшій ихъ, получилъ приказаніе гнать свое стадо, вмѣсто Перми, въ Казань. Третья часть дѣтей, по словамъ офицера, осталась уже на дорогѣ, а до мѣста назначенія, какъ онъ полагалъ, не дойдетъ и половина ***. Нетолько сами эти несчастные, но и кантонисты-христіане возмущались тѣмъ, что принуждали еврейскихъ кантонистовъ къ принятію православія.

---

* Русскіе уголовные процессы Любавскаго. т. IV, стр 257.
** Отеч. Зап 1871 г кн. 8, стр 352.
*** Былое и Думы т. I стр 308.

Узнаетъ начальникъ, что завтра прибудетъ партія еврейчиковъ (а ихъ прибываетъ въ годъ 2—3 партіи, человѣкъ въ 100, въ 200 каждая) и заранѣе отдастъ приказъ, чтобъ стеречь ихъ хорошенько, не подпускать къ нимъ никого изъ солдатъ-евреевъ. Загонятъ ихъ въ холодную комнату, безъ постелей, отнимутъ все, что при нихъ есть. Затѣмъ начинаются страшныя истязанія, ведущія прямо и непосредственно къ тому, чтобъ заставить кантонистовъ принять православіе. Крещенные эти чрезъ годъ едва ознакомятся съ христіанскими молитвами и долго не знаютъ даже, какъ ихъ зовутъ порусски * Жалобы на эти угнетенія обыкновенно ни къ чему не приводили, такъ какъ зло коренилось не въ злоупотребленіяхъ низшихъ властей, а въ самомъ законодательно-административной системѣ.

Третьимъ орудіемъ въ рукахъ правительства для вліянія на религіозный бытъ евреевъ послужила организація системы народнаго ихъ образованія. Извѣстно, что въ прошлое царствованіе устроена была цѣлая система казенныхъ еврейскихъ училищъ, существующихъ въ первоначальномъ ихъ видѣ до настоящаго времени. Еслибъ училища эти задались простой задачей распространенія общечеловѣческаго элементарнаго образованія между евреями, они оказали бы огромнѣйшую услугу не только еврейскому населенію, но и всей странѣ, и кто знаетъ, какъ существенно могли бы измѣниться уже до сихъ поръ, подъ вліяніемъ такихъ училищъ, отношенія между христіанскимъ и еврейскимъ населеніемъ Россіи. Но такой образъ дѣйствій былъ совершенно не въ духѣ тогдашней нашей внутренней политики, сильно окрашенной религіозно-миссіонерскимъ оттѣнкомъ. Вмѣсто того, чтобы оставить въ покоѣ религіозный бытъ евреевъ и содѣйствовать улучшенію его косвеннымъ путемъ, распространеніемъ общаго образованія, правительство прямо провозгласило своей задачей противодѣйствіе талмуду, суевѣрію, меламдамъ, казенный контроль надъ тѣмъ, что всего до-

* Отеч. Зап. 1871 г., кн. 10.

роже для всякой народной массы, а въ особенности для евреевъ. „Съ помощью училищъ хотѣли перевести все религіозно-нравственное образованіе евреевъ въ руки людей, на которыхъ могло бы положиться правительство и которыхъ оно могло бы контролировать. Съ этою цѣлью имъ дана была программа, въ которой преобладало изученіе религіозно-нравственныхъ (а не общеобразовательныхъ) предметовъ. Смотрители назначались изъ христіанъ, имъ порученъ былъ надзоръ за меламдами и исполнительная власть надъ ними вмѣстѣ съ мѣстною полиціею. Дѣйствія меламдовъ были ограничены... Какъ и слѣдовало ожидать, школы пошли неуспѣшно... Какъ кажется, въ этомъ виновны смотрители, лучше сказать, положеніе смотрителей. Они назначаются обыкновенно изъ христіанъ, и это отталкиваетъ отъ училища евреевъ. Какъ ввѣритъ религіозный еврей свое дитя учрежденію, начальникъ котораго христіанинъ, и которыя преслѣдуетъ Богъ вѣсть какіе планы? Къ тому же вмѣстѣ съ основаніемъ этихъ училищъ начались преслѣдованія меламдовъ. Эти подозрѣнія заставляли евреевъ косо смотрѣть на училища. Дурной выборъ людей увеличилъ замѣшательство. На 250 р. жалованья, на плохую квартиру, на жизнь въ маленькомъ городкѣ и на незнакомое дѣло, съ которымъ соединена большая отвѣтственность и зависимость, не могло явиться много охотниковъ, и вновь назначенные чиновники окончательно испортили дѣло. Ихъ грубое обращеніе съ евреями и дѣтьми, недостатокъ усердія къ дѣлу и такта, грязныя полицейскія преслѣдованія частныхъ школъ, столкновенія съ семействами, посылавшими туда дѣтей, и споры по найму дома,— все это окончательно оттолкнуло евреевъ отъ казенныхъ училищъ...“ *. Очевидно, что всѣ эти и многіе другіе недостатки казенныхъ еврейскихъ училищъ, о которыхъ здѣсь не мѣсто говорить, обязаны своимъ происхожденіемъ стремленію администраціи вліять рѣшительнымъ образомъ на религіозный бытъ евреевъ.

---

* Н. Барсовъ: Школы на Волыни и Подоліи въ 1862 году, стр. 101, 103.

Есть много серьозныхъ данныхъ, не оставляющихъ мѣста сомнѣнію насчетъ того, каковы были „планы", которые при этомъ преслѣдовались, по словамъ г. Барсова, администраціей. Въ настоящее время несостоятельность всеи этои системы сознана всѣми. „Пусть религіозно-нравственное ученіе евреевъ, говоритъ тотъ-же авторъ, остается при нихъ; пусть оно дѣтямъ преподается меламдами, взрослымъ объясняется и проповѣдуется ихъ раввинами. Христіанское общество не имѣетъ даже права и разумнаго основанія контролировать ихъ въ этомъ дѣлѣ. Не слѣдуетъ наконецъ забывать, что общими мѣрами, которыя касались бы не предупрежденія зла, а уничтоженія его, сдѣлать съ еврейскимъ обществомъ ничего нельзя: замѣтивъ общую опасность, каждый изъ нихъ поведетъ партизанскую оборону... Надо дѣиствовать нравственнымъ воспитаніемъ не въ духѣ христіанскои религіи, съ котороі никогда не согласится евреи, а въ духѣ человѣческаго образованія, равно доступнаго всѣмъ и каждому" *.

При учрежденіи еврейскихъ училищъ, администрація дѣйствовала въ духѣ прямо противоположномъ этимъ идеямъ. „Очищеніе" еврейской религіи при помощи инвалидовъ всѣхъ вѣдомствъ, назначаемыхъ въ смотрители, разумѣется не удалось; зато достигнута была другая цѣль—превращеніе казенныхъ еврейскихъ училищъ въ „безсовѣстную трату времени, труда и денегъ", какъ охарактеризовалъ ихъ одинъ директоръ училищъ **.

Дополненіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ этой системы народнаго образованія евреевъ послужили мѣры къ внѣшнему ихъ цивилизованію посредствомъ насильственнаго устраненія тѣхъ освященныхъ временемъ и отчасти религіозной санкціей обычаевъ, которые влекли за собою внѣшнее отчужденіе евреевъ отъ остальнаго населенія. Вмѣсто того, чтобы уничтожить эти особенности посредствомъ распространенія общаго образованія и гражданскаго

---

* Барсовъ Школы на Волыни и Подоліи, стр. 97.
** Тамъ же. стр. 104.

уравненія евреевъ, правительство избрало болѣе краткій, болѣе энергическій, такъ сказать, военный способъ дѣйствія. Объявлена была война еврейскому національному (хотя и заимствованному нѣкогда у поляковъ) костюму, священнымъ пейсамъ и бритью головъ у женщинъ. Полиціи поручено было сблизить или, какъ говорятъ теперь, слить евреевъ съ остальнымъ населеніемъ, сбрить имъ пейсы и изгнать еврейскую одежду. Результаты этой мѣры, если и были благопріятны для немногихъ личностей, тяготившихся внѣшней изолированностью, то въ общей сложности были весьма неблагопріятны для дѣла сближенія, возбуждая, какъ всякій актъ принужденія, неудовольствіе и недовѣріе ко всѣмъ мѣрамъ правительства. При согласованіи уложенія о наказаніяхъ съ судебными уставами 1864 года, государственный совѣтъ (въ мнѣніи 27 декабря 1865 г.) между прочимъ выпустилъ изъ уложенія статью, опредѣляющую наказаніе за бритье головъ еврейкамъ. Онъ мотивируетъ необходимость отмѣны этого закона слѣдующимъ образомъ. „Не слѣдуетъ требовать исполненія такихъ постановленій отъ евреекъ, которымъ бритье головы при замужествѣ предписывается моисеевымъ закономъ. Какъ ни страненъ такой обычай, особенно въ нашемъ климатѣ, тѣмъ не менѣе, въ виду совершенной его безвредности для другихъ подданныхъ имперіи, не слѣдуетъ сохранять въ уложеніи наказаній за соблюденіе онаго, тѣмъ болѣе что подобныя мѣры были бы несогласны съ Высочайшей волей (нынѣ царствующаго) Государя Императора о дозволеніи евреямъ безпрепятственно отправлять богослуженіе и обряды ихъ вѣры“. Эти немногія слова достаточно ясно характеризуютъ и истинный смыслъ тѣхъ цивилизаторскихъ мѣръ, о которыхъ мы теперь говоримъ, и различіе въ направленіяхъ современнаго и прежняго законодательства относительно религіознаго быта евреевъ.

Поощряя такимъ образомъ всячески очищеніе еврейской религіи и еще болѣе переходъ евреевъ въ христіанство, правительство старалось исключительно привлечь евреевъ къ господствующей церкви. Въ 1838 г. былъ случай, что два еврея приняли крещеніе по старообрядческому толку и просили о причисленіи ихъ

къ обществу мѣщанъ-христіанъ г. Бѣлицы. Дѣло дошло до комитета министровъ, и Государь Императоръ, по положенію комитета, повелѣлъ: сдѣлать распоряженіе объ увѣщаніи мѣстнымъ духовнымъ начальствомъ означенныхъ евреевъ о переходѣ въ православіе; если они останутся непреклонными въ своемъ заблужденіи, то не предоставить имъ никакой изъ льготъ, даруемыхъ евреямъ, принимающимъ христіанскую вѣру; на семъ основаніи поступать и впредь въ подобныхъ случаяхъ; лицъ совершавшихъ крещеніе надъ означенными евреями обязать строжайшей подпиской не принимать иновѣрныхъ въ старообрядцы *. Этою мѣрою правительство преградило евреямъ одинъ изъ путей къ переходу въ христіанство по собственному убѣжденію (потому что, при ограниченіи гражданскихъ правъ раскольниковъ переходъ еврея въ расколъ могъ бы служить ручательствомъ того, что принятіе христіанства послѣдовало по внутреннему побужденію, а не по матеріяльному разсчету). Выходитъ, что правительство въ прежнее время, заботясь о привлеченіи евреевъ въ христіанство, само признавало здѣсь главнымъ рычагомъ разсчетъ, а не внутреннее убѣжденіе, которое имъ стѣснялось и ограничивалось. Сказанное о расколѣ примѣняется и къ переходу евреевъ въ другія христіанскія исповѣданія. Правда, въ этомъ, какъ и въ другихъ отношеніяхъ, расколъ поставленъ у насъ въ менѣе благопріятныя условія, чѣмъ другія исповѣданія. Но правительство смотрѣло косо и на переходъ евреевъ въ католицизмъ и протестантизмъ, хотя не запрещало принятія евреевъ въ эти исповѣданія. Мѣры, принятыя для ограниченія перехода евреевъ въ эти исповѣданія, существуютъ до сихъ поръ, и мы познакомимся съ ними нѣсколько ниже.

Въ такой-же мѣрѣ, какъ правительство поощряло распространеніе православія между евреями, оно относилось крайне враждебно къ явленію противоположному, одному изъ загадочныхъ продуктовъ русской жизни — распространенію іудейства между

---

* Собраніе постановленій по части раскола, ч. I, стр 215

православными, въ видѣ такъ называемой жидовской или субботнической ереси. Не довольствуясь общими мѣрами противъ раскола, правительство, очевидно считая секту жидовствующихъ одной изъ наиболѣе вредныхъ, принимало противъ нихъ специальныя, весьма энергическія мѣры. Еще 3 февраля 1825 года утверждены „правила о субботникахъ или іудействующихъ и о мѣрахъ къ пресѣченію распространенія сей секты". Сущность этихъ правилъ состоитъ въ слѣдующемъ. Полиціи предписывается брать начальниковъ этой секты и ихъ помощниковъ, и „въ видѣ обыкновеннаго полицейскаго распоряженія" (т. е. безъ суда и расправы) отсылать для опредѣленія въ военную службу годныхъ для оной, а негодныхъ—въ Сибирь на поселеніе. Въ Сибири они должны быть размѣщаемы отдѣльно и по отдаленнымъ мѣстамъ. Мѣры эти распространяются на субботниковъ Закавказья, существованіе которыхъ, какъ особой секты, признано правительствомъ лишь въ томъ случаѣ, если они будутъ завлекать въ свою секту новыхъ членовъ. Изъ уѣздовъ, въ которыхъ обнаружилась жидовская ересь, высылать всѣхъ безъ исключенія евреевъ и впредь не дозволять имъ тамъ жительства. Начальства такихъ мѣстностей должны, сколь возможно, затруднять сообщеніе православныхъ съ іудействующими и потому не выдавать послѣднимъ паспортовъ для отлучки въ другія мѣста. Начальства должны запрещать всякое наружное оказательство ереси и соблазнъ для православныхъ. Субботники не должны быть выбираемы ни на какія общественныя должности. Начальство должно собирать постоянно свѣдѣнія о числѣ „сихъ русскихъ евреевъ", но оно должно дѣлать это негласно, а подъ рукой, чтобъ не подать повода думать, что ересь эта терпима правительствомъ. Всѣ эти мѣры принимаются гражданскимъ начальствомъ по собственной инициативѣ, безъ всякаго участія въ томъ духовнаго начальства. Любопытно еще слѣдующее предписаніе. „Какъ ничто не можетъ имѣть большаго вліянія надъ простымъ народомъ, какъ презрѣніе или посмѣяніе надъ заблужденіями, въ кои совращать его ищутъ, и что именно средство сіе употребляютъ какъ раскольники разныхъ сектъ, такъ и

субботники въ отношеніи православной вѣры, то въ сношеніяхъ мѣстныхъ начальствъ именовать субботниковъ жидовской сектой и оглашать, что они подлинно суть жиды, ибо настоящее ихъ наименованіе „субботниковъ“ или придерживающихся моисееву закону не даетъ народу точнаго о сектѣ сей понятія и не производитъ въ немъ того къ ней отвращенія, какое можетъ производимо быть убѣжденіемъ, что обращать стараются ихъ въ жидовство“. Это стараніе выставить субботниковъ не какъ особую секту, а какъ обратившихся въ іудейство христіанъ, соотвѣтствуетъ впрочемъ сущности дѣла. По свидѣтельству извѣстнаго знатока нашей народной жизни, С. В. Максимова, сами субботники считаютъ евреевъ своими братьями по вѣрѣ, соблюдаютъ всѣ еврейскіе обряды, изъявляютъ готовность вступать въ брачное общеніе съ ними. Это послѣднее не разрѣшается сибирскимъ начальствомъ, которое вообще принимаетъ мѣры противъ сношеній субботниковъ съ евреями *.

Что касается духовнаго начальства, то ему предписывается употреблять всѣ усилія для вразумленія жидовствующихъ. Для этого слѣдуетъ обращать особенное вниманіе на личныя качества священниковъ тѣхъ приходовъ, гдѣ имѣются субботники. Для этой цѣли могутъ быть посылаемы и особые миссіонеры. Образованіе дѣтей есть вообще лучшее средство противъ всякихъ заблужденій, а потому положеніе 3 февраля 1825 г. высказываетъ желаніе, чтобъ министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія обратило серьезное вниманіе на народное образованіе. Въ этомъ пунктѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, положеніе 3 февраля ** носитъ на себѣ еще слѣды тѣхъ либеральныхъ идей и стремленій, которыя присущи были царствованію Александра I даже въ послѣдніе годы его жизни. Въ послѣдующее время мы тщетно стали бы искать указаній на то, что правительство смотритъ на народ-

---

* Отеч. Зап. 1864 г., кн 4 стр 338.

** Собраніе постановленій по части раскола. ч. I. стр. 58.

ное образованіе, какъ на лучшее средство противъ вредныхъ религіозныхъ заблужденій. Это можно видѣть изъ распоряженій относительно жидовствующихъ, сдѣланныхъ въ разное время. Ереси этой очевидно придавалось огромное значеніе; каждый отдѣльный случай доходилъ до высшихъ государственныхъ учрежденій, большей частью до комитета министровъ, и обсуживался съ такой обстоятельностью, какъ будто это былъ въ самомъ дѣлѣ важный государственный вопросъ. Такъ въ 1838 году крестьянинъ саратовской губерніи Клочковъ, обратившійся изъ іудействующихъ въ православіе, просилъ о разрѣшеніи семейству его, пребывавшему въ расколѣ, переселиться къ нему въ закавказскій край. Дѣло дошло до комитета министровъ и на постановленіи его Государь изволилъ написать слѣдующую резолюцію: „Ни подъ какимъ видомъ; жидовствующіе жили почти всѣ въ г. Александровѣ на кавказской линіи, со вредомъ и соблазномъ для сосѣднихъ; для того еще въ недавнемъ времени родъ сей и всѣ жидовствующіе зачислены въ хоперскій казачій полкъ, для постепеннаго уничтоженія сего раскола, и вновь посылать было бы противорѣчіемъ; должно приступить къ убѣжденію въ монастырѣ“ *. Въ этомъ дѣлѣ замѣчательно то, что религіозныя соображенія побудили правительство отступить отъ тѣхъ основныхъ началъ нашего законодательства, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ суть основы всякаго общежитія; мы говоримъ о требованіяхъ семейнаго союза, одинаково признаваемыхъ какъ правомъ, такъ и религіей и моралью. Извѣстно, что требованіе совмѣстной жизни супруговъ есть коренное начало нашего семейнаго права, строго требуемое закономъ. Но тамъ, гдѣ общечеловѣческія начала семейной жизни сталкиваются съ интересами господствующей церкви, тамъ естественныя узы крови отрицаются очень легко нашимъ законодателемъ и приносятся имъ въ жертву интересамъ господствующей церкви. Дѣло Клочкова далеко не единственное въ этомъ родѣ. Общій законъ

* Собраніе постановленій по части раскола, ч. I, стр 190

у насъ признаетъ преимущественную власть отца надъ дѣтьми предъ матерью, и новая судебная практика признаетъ за отцомъ право, въ случаѣ раздѣльной жизни супруговъ, требовать отъ матери къ себѣ дѣтей. Но въ 1820 году былъ случай, что субботникъ, женатый на лютеранкѣ, требовалъ къ себѣ дитя, прижитое съ ней. Государь, принявъ въ уваженіе, что „ребенокъ сей лучше можетъ быть призрѣнъ матерью на мѣстѣ и что нѣтъ основанія допустить, дабы невинная жертва сія безпутства содѣлалась притомъ впослѣдствіи и жертвой ереси субботниковъ", повелѣлъ оставить ребенка при матери *. Въ данномъ случаѣ отступленіе отъ общихъ началъ нашего права соотвѣтствуетъ требованіямъ справедливости, уравнивая права отца и матери на дѣтей; но это очевидно только случайность. Доказательствомъ можетъ служить какъ дѣло Клочкова, такъ и указъ 15 сентября 1825 г., въ которомъ между прочимъ находимъ слѣдующее правило. Отсылаемыхъ въ военную службу наставниковъ жидовской секты отправлять только въ корпусъ, въ Грузіи расположенный; по прибытіи ихъ туда, не давать имъ отпусковъ для свиданія съ родными и знакомыми, такъ какъ это можетъ производить въ нихъ страхъ оставаться въ своемъ отступничествѣ, а тѣмъ болѣе распространять или поддерживать оное **. Тутъ, какъ и въ правилѣ, установленномъ по дѣлу Клочкова, мы видимъ нарушеніе коренныхъ правъ и требованій семейной жизни, безспорно самыхъ священныхъ правъ каждаго человѣка,—въ интересахъ господствующей церкви.

Такъ какъ мы не имѣемъ въ виду писать здѣсь исторію жидовствующей ереси, то ограничимся этими замѣчаніями, выясняющими взглядъ нашего законодательства на іудаизмъ, какъ форму религіозной жизни, и затѣмъ перейдемъ къ обзору дѣйствующихъ постановленій о евреяхъ, вызванныхъ религіозными соображеніями.

---

* Собраніе постановленій по части раскола, ч. I, стр. 46.

** Тамъ-же, стр. 64.

„Первенствующая и господствующая въ имперіи вѣра, говоритъ нашъ законъ, есть христіанская православная каѳолическая восточнаго исповѣданія. Но и всѣ непринадлежащіе къ господствующей церкви подданные, также и иностранцы, пользуются повсемѣстно свободнымъ отправленіемъ ихъ вѣры и богослуженія; сія свобода вѣры присвояется нетолько христіанамъ иностранныхъ исповѣданій, но и евреямъ, магометанамъ и язычникамъ“ (Сборникъ, стр. 238). Имѣя въ виду эту статью, прямо говорящую о „свободѣ вѣры“, какъ правѣ всѣхъ гражданъ, у насъ обыкновенно утверждаютъ, что русскій законъ придерживается полной вѣротерпимости. Но не слѣдуетъ забывать, что свобода вѣры можетъ быть понимаема двоякимъ образомъ. Или государство предоставляетъ на усмотрѣніе каждаго держаться тѣхъ религіозныхъ убѣжденій, которыя ему заблагоразсудятся, и переходить отъ одной формы религіозной жизни къ другой по собственному убѣжденію; при опредѣленіи же гражданскаго положенія въ обществѣ, государство не обращаетъ вниманія на религіозный бытъ гражданъ. Здѣсь свобода вѣры дѣйствительно существуетъ въ обоихъ направленіяхъ: по отношенію къ самому выбору истинной, съ точки зрѣнія каждаго лица, религіозной формы и по отношенію къ связи между религіознымъ и гражданскимъ бытомъ каждой личности. Но о такой свободѣ вѣры не можетъ быть и рѣчи въ нашемъ законодательствѣ. Ея не существуетъ ни относительно выбора религіозныхъ убѣжденій, ибо законъ обязываетъ каждаго оставаться въ той вѣрѣ, въ которой онъ рожденъ, и переходъ допускается только изъ терпимыхъ въ покровительствуемыя исповѣданія; ни въ смыслѣ независимости гражданскаго быта отъ религіознаго, ибо принадлежность къ тому или другому исповѣданію обусловливаетъ у насъ огромныя различія въ общественномъ положеніи. Нельзя, очевидно, говорить о настоящей свободѣ вѣры тамъ, гдѣ та или другая форма религіозной жизни вліяетъ самымъ существеннымъ образомъ на важнѣйшіе интересы человѣка и гдѣ свободный выборъ религіозныхъ убѣжденій можетъ повлечь за собой

самыя тяжкія уголовныя наказанія. Но можно понимать свободу вѣры въ болѣе ограниченномъ смыслѣ, именно, что государство никого не преслѣдуетъ за принадлежность, по своему рожденію, къ той или другой религіи, предоставляя себѣ, однакожъ, право опредѣлить вліяніе этого факта на гражданское положеніе даннаго лица и послѣдствія отъ перемѣны религіозной формы. При этомъ слѣдуетъ принять во вниманіе, что собственно о преслѣдованіи со стороны государства религіозныхъ убѣжденій не можетъ быть и рѣчи. Убѣжденіе, какъ фактъ внутренней жизни человѣка, не можетъ подлежать ничьему контролю. Какъ бы ни желала духовная или свѣтская власть проникнуть въ сферу убѣжденій гражданъ, напр. для искорененія вредныхъ, по ея мнѣнію, воззрѣній, это для нея абсолютно невозможно. Слѣдовательно, признавая свободу религіознаго убѣжденія, законъ санкціонируетъ только фактъ существующій и неизбѣжный, противъ котораго всякая власть безсильна. Съ этой стороны свобода вѣры, какъ дѣйствительный шагъ впередъ въ государственной жизни, можетъ быть понимаема только въ смыслѣ свободы внѣшняго проявленія всевозможныхъ религіозныхъ убѣжденій. Было время, когда въ каждой странѣ государство и церковь пребывали въ такомъ тѣсномъ союзѣ, что всякое внѣшнее обнаруженіе принадлежности къ другой, кромѣ оффиціальной, религіи навлекало серьезныя гоненія. Слѣдующая за тѣмъ ступень весьма ограниченнаго развитія идеи вѣротерпимости есть та, о которой мы только что говорили. Въ этомъ видѣ свобода вѣры существуетъ въ нашемъ современномъ законодательствѣ; по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ іудейству свобода эта не уходитъ дальше признанія за лицами, рожденными въ еврействѣ, права открыто исповѣдывать свое религіозное ученіе и исполнять его обряды. Но и въ этихъ ограниченныхъ предѣлахъ законодатель не можетъ повидимому мириться съ іудаизмомъ, какъ религіозной формой жизни, имѣющей право на уваженіе со стороны свѣтской власти. Это видно напр. изъ того, что законъ высказываетъ прямо свой взглядъ на іудаизмъ, какъ на „лжеученіе“. „Магометанинъ, еврей или язычникъ, говоритъ законъ, который, поль-

зуясь также простотой и невѣжествомъ кого-либо изъ инородцевъ русскихъ подданныхъ, приведетъ его изъ одной не-христіанской вѣры въ другую не-христіанскую, чрезъ обольщенія, подговоры и внушенія, или же открытымъ проповѣдываніемъ своего лжеученія, подвергается за сіе нарушеніе установленнаго порядка" и пр. (Сборникъ, стр. 254). Изъ статьи этой мы узнаемъ, что по мнѣнію нашего законодателя, сознательный переходъ въ не-христіанскую религію, вслѣдствіе убѣжденія въ ея истинности, не возможенъ, ибо каждая подобная религія оффиціально признается за „лжеученіе", поэтому фактъ такого перехода можетъ быть результатомъ только „простоты и невѣжества".

Но этого мало. Въ томъ же уложеніи о наказаніяхъ существовала статья (1293), запрещавшая содержателямъ заведеній, на ряду съ допущеніемъ разнаго рода безпорядковъ и буйства, дозволять у себя „публичныя богомоленія евреевъ".

При согласованіи уложенія съ судебными уставами (упомянутымъ выше мнѣніемъ государственнаго совѣта 27 декабря 1865 г.) статья эта замѣнена статьей 41-й устава о наказ. налаг. миров. судьями, въ которой опредѣляются наказанія вообще за допущеніе „недозволенныхъ увеселеній и игръ, безчинствъ и безпорядковъ". По мнѣнію г. Неклюдова *, богомоленія евреевъ и теперь запрещены и подвергаютъ содержателей наказанію, какъ за „безчинства и безпорядки".

Мы съ своей стороны полагаемъ, что мнѣніе этого почтеннаго юриста, которому почему-то такъ хочется удержать сравненіе еврейскаго богомоленія съ безчинствомъ, юридически не вѣрно. Коль скоро ст. 1293 уложенія замѣнена другой, въ которой о еврейскомъ богомоленіи вовсе не упоминается, то прежняя редакція закона потеряла всякую силу, а новая не даетъ никакого основанія отнести еврейское богослуженіе къ разряду безчинствъ и безпо-

* Руководство для мировыхъ судей, т. 2, стр 158.

рядковъ. Въ пользу этого толкованія говоритъ, во-первыхъ, то основное начало права, что уголовный законъ всегда изъясняется по буквальному смыслу, а не по распространительной аналогіи; во-вторыхъ, юридическій характеръ замѣны одной статьи другой, какъ онъ опредѣляется основными законами; въ-третьихъ, общій характеръ отношенія закона 27 декабря 1865 г. къ религіозному вопросу. Законъ этотъ, какъ мы отчасти видѣли уже выше, имѣлъ между прочимъ въ виду сгладить въ уложеніи о наказаніяхъ слишкомъ бросающіеся въ глаза слѣды религіозной нетерпимости къ евреямъ. Нѣтъ сомнѣнія поэтому, что ст. 1423 вычеркнута при пересмотрѣ уложенія именно съ тою цѣлью, чтобъ отмѣнить это болѣе чѣмъ странное постановленіе. Но какъ бы то ни было, мы видимъ изъ этихъ статей, что законъ нашъ взялъ на себя трудъ изслѣдовать достоинства различныхъ вѣроученій и затѣмъ оффиціально призналъ нѣкоторыя изъ нихъ „лжеученіями“, принадлежность къ которымъ есть результатъ умственной неразвитости, „простоты и невѣжества“.

Мало того, еврейское богослуженіе, если оно не разрѣшено начальствомъ, до того мало отличается въ его глазахъ достоинствомъ религіознаго акта, что онъ, не обинуясь, относитъ его къ разряду безчинствъ, нарушающихъ общественное спокойствіе и порядокъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи законъ, правда, только выражаетъ господствующее у насъ въ обществѣ презрительное отношеніе къ еврейскому богомоленію. Даже Екатерина II, столь много трактовавшая въ Наказѣ и указахъ о вѣротерпимости, ко времени которой относятся самыя либеральныя мѣры русскаго правительства о евреяхъ, отзывалась съ насмѣшкой о „собраніи жидовъ, голосящихъ въ синагогѣ“ *. Но задача законодателя заключается въ томъ, чтобы содѣйствовать искорененію подобнаго рода воззрѣній въ обществѣ, а не придавать имъ санкцію своими

* Антидотъ, сочиненіе Екатерины II („Восемнадцатый Вѣкъ“ Бартенева, IV, стр. 397).

постановленіями. Нельзя не сказать поэтому, что подобнаго рода выраженія въ законахъ составляютъ теперь рѣшительный анахронизмъ. Правительство можетъ по тѣмъ или другимъ соображеніямъ (правильны они или нѣтъ — это другой вопросъ) ставить одно исповѣданіе въ привилегированное положеніе сравнительно съ другими. Но разумнымъ образомъ эти соображенія могутъ быть только политическаго, свѣтскаго свойства. Переступая за эти предѣлы и признавая, что такое-то исповѣданіе истинно, а другое ложно, законъ вторгается въ сферу, ему совершенно чуждую, гдѣ онъ по самому свойству вещей вовсе не можетъ быть компетентнымъ судьей. А между тѣмъ, такое вторженіе въ богословскую сферу и осужденіе еврейской религіи замѣтно не только въ указанныхъ нами узаконеніяхъ, но и въ нѣкоторыхъ другихъ. Такъ напр., ст. 508 улож. о наказ. говоритъ о случаѣ, когда еврейское общество отдаетъ кого нибудь неправильно въ рекруты за „противные суевѣрію евреевъ поступки“. Здѣсь подъ словомъ „суевѣріе“ разумѣются религіозныя понятія евреевъ, побуждающія ихъ иногда преслѣдовать отступниковъ отъ религіозныхъ обрядовъ и традицій. Какъ ни предосудителенъ такой образъ дѣйствій, но это не даетъ еще права обозвать религію, какую бы то ни было, въ законѣ „суевѣріемъ“; ибо точно также догматы и обряды всякаго другаго исповѣданія, съ точки зрѣнія еврейской напр., могутъ быть названы суевѣріемъ. Законодатель лютеранинъ напр. можетъ точно также отозваться о преслѣдованіяхъ православными раскольниковъ за „противные ихъ суевѣрію поступки“. Но законодатель цивилизованной страны, принимая мѣры къ огражденію свободы личности отъ чисто религіознаго деспотизма общества, не долженъ обнаруживать пренебреженіе къ религіознымъ понятіямъ этого общества и вторгаться, такимъ образомъ, въ оцѣнку сравнительныхъ достоинствъ и недостатковъ различныхъ религіозныхъ ученій.

Разъ утвердившись въ мысли, что еврейская религія есть лжеученіе и что государство можетъ и должно принять участіе въ религіозныхъ дѣлахъ гражданъ, законодательство наше весьма

послѣдовательно принимаетъ дѣятельныя мѣры къ обращенію евреевъ на путь истинный. Мы ознакомились уже съ сущностью этихъ мѣръ. Не повторяя сказаннаго, мы обратимъ здѣсь вниманіе на нѣкоторые пункты, прежде не затронутые. „Одна господствующая церковь имѣетъ право въ предѣлахъ государства убѣждать непринадлежащихъ къ ней подданныхъ къ принятію ея ученія о вѣрѣ. Но сія вѣра порождается благодатію Господней, наученіемъ, кротостью и болѣе всего добрыми примѣрами. Посему господствующая церковь не дозволяетъ себѣ ни малѣйшихъ понудительныхъ средствъ при обращеніи послѣдователей другихъ исповѣданій и вѣръ къ православію, и тѣмъ изъ нихъ, кои приступить къ нему не желаютъ, отнюдь ничѣмъ не угрожаетъ, поступая по образу проповѣди Апостольской“ (Сборникъ, стр. 239). Анализируя эту статью по внутреннему ея смыслу и въ связи съ другими законами, мы находимъ слѣдующее. Прежде всего замѣчается внутреннее противорѣчіе между первой и второй половиной статьи. Въ первой части ея говорится о томъ, что православная церковь стремится къ обращенію иновѣрныхъ только путемъ кротости, добрыхъ примѣровъ и вообще по свободному убѣжденію въ превосходствѣ ея ученія. Во второй же половинѣ говорится, что поэтому не допускается физическаго принужденія и угрозъ для обращенія иновѣрныхъ. Но между физическимъ принужденіемъ и свободнымъ убѣжденіемъ лежитъ еще длинный рядъ случаевъ принужденія психическаго, когда человѣкъ хотя и не ставится прямо въ необходимость сдѣлать извѣстное дѣйствіе, но вынуждается къ этому тѣми благопріятными или неблагопріятными послѣдствіями, которыя повлечетъ за собой исполненіе или неисполненіе имъ этого дѣйствія. Въ такомъ положеніи именно находится у насъ дѣло перехода евреевъ въ православіе. Мы видѣли, какую огромную роль играетъ этотъ переходъ у русскихъ евреевъ, какое существенное вліяніе онъ оказываетъ на всѣ стороны жизни еврея, даже на тѣ, которыя съ религіей ничего общаго не имѣютъ. Но очевидно, что если человѣкъ совершаетъ извѣстное дѣйствіе оттого, что иначе ему приш-

лось бы подвергнуться раззоренію и изгнанію изъ мѣста, гдѣ онъ находитъ свое пропитаніе, или оттого, что иначе онъ рѣшительно лишенъ возможности слѣдовать своему призванію въ жизни, то о свободѣ воли и дѣйствій тутъ не можетъ быть и рѣчи, не смотря на отсутствіе прямаго физическаго принужденія. Вообще въ практической части законодательства по этому предмету принципъ, высказанный въ цитированной нами, такъ сказать, теоретической статьѣ, проведенъ очень слабо. Такъ, мы видѣли уже, что возрастъ, дающій право иновѣрцу принимать православіе безъ разрѣшенія родителей или опекуновъ, есть 14-лѣтній. Но можно ли серьезно утверждать, что 14-лѣтній ребенокъ обладаетъ достаточнымъ умственнымъ развитіемъ для оцѣнки, во-первыхъ, сравнительныхъ достоинствъ и недостатковъ различныхъ вѣроученій и, во-вторыхъ, всей важности шага, имѣющаго огромное вліяніе на всю послѣдующую судьбу человѣка, разрывающаго его семейныя узы и совершенно измѣняющаго его гражданское положеніе?

Не представляется ли, напротивъ, полнѣйшая вѣроятность, что дитя сдѣлаетъ такой шагъ опрометчиво, не по убѣжденію (о которомъ трудно и думать въ этомъ возрастѣ), а по внушенію какой-нибудь страсти, слѣдовательно опять-таки по психическому принужденію? Но этого мало. И 14-лѣтній возрастъ не безусловно необходимъ для свободы перехода въ христіанство. „Изъятія изъ сего правила могутъ быть допускаемы по усмотрѣнію важныхъ къ тому причинъ (какихъ — неизвѣстно), съ разрѣшенія святѣйшаго Синода“ (Сборникъ, стр. 248). Это въ случаѣ перехода иновѣрца въ православіе. Если же еврей переходитъ въ другое христіанское исповѣданіе, то разрѣшеніе малолѣтнимъ евреямъ на такой переходъ безъ согласія родителей дается министромъ внутреннихъ дѣлъ (стр. 241). Не трудно понять, что при томъ участіи, которое принимаетъ наше законодательство въ дѣлѣ обращенія евреевъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, а тѣмъ болѣе св. Синодъ всегда будутъ склонны болѣе къ тому, чтобъ разрѣшать малолѣтнимъ евреямъ присоединеніе къ христіанству, безъ согласія

или вопреки воли родителей. И такъ какъ разрѣшеніе это ни чѣмъ не ограничено въ законѣ, а предоставляется всецѣло на усмотрѣніе этихъ властей, то очевидно, что законъ нашъ не представляетъ почти никакихъ гарантіи противъ легкомысленнаго, необдуманнаго перехода малолѣтнихъ евреевъ въ христіанство. При этомъ не надо забывать, что законъ о 14-лѣтнемъ возрастѣ установленъ въ 1862 году; до этого же времени не было никакихъ ограниченій въ этомъ смыслѣ, и переходъ малолѣтнихъ евреевъ въ христіанство былъ явленіемъ нормальнымъ, обыкновеннымъ; въ особенности же сюда относится обращеніе кантонистовъ, о которыхъ мы говорили выше. Но и законъ 1862 г., какъ мы видѣли, представляетъ весьма мало гарантій въ этомъ отношеніи; и чѣмъ ближе мы будемъ всматриваться въ существующіе по этому предмету законы, тѣмъ яснѣе станетъ возмутительная несправедливость тѣхъ толковъ, которые раздаются нерѣдко въ извѣстной части нашей печати о фанатизмѣ еврейскихъ родителей, препятствующихъ крещенію своихъ дѣтей.

Какъ далеко наше законодательство отъ признанія одинаковыхъ правъ на существованіе за всѣми вѣроисповѣданіями, видно изъ слѣдующаго. Совращеніе христіанина изъ одного христіанскаго исповѣданія въ другое, а тѣмъ болѣе въ нехристіанское, разсматривается уголовнымъ закономъ какъ преступленіе противъ вѣры, т. е. противъ основъ государственной жизни, и карается весьма строго; но совращеніе нехристіанина въ другое нехристіанское исповѣданіе есть только „нарушеніе установленнаго порядка“, т. е. полицейскаго благочинія, для котораго почему-то необходимо, чтобъ каждый оставался въ вѣрѣ своихъ предковъ, и потому подвергаетъ виновныхъ сравнительно очень легкимъ наказаніямъ (ст. 936 Улож. о нак.). Такимъ образомъ, переходъ христіанина въ магометанство, въ глазахъ нашего закона, есть преступленіе, угрожающее основамъ государственной жизни; но переходъ еврея или язычника въ магометанство есть только полицейскій проступокъ.

Поощряя переходъ евреевъ въ христіанство, законодатель

имѣетъ въ виду главнымъ образомъ обращеніе ихъ въ православіе. Мы говорили уже о запрещеніи (существующемъ и понынѣ) обращенія евреевъ въ расколъ. Точно также приняты мѣры противъ обращенія евреевъ въ другія, кромѣ православнаго, христіанскія исповѣданія. Главная изъ этихъ мѣръ заключается въ томъ, что, за исключеніемъ случая тяжкой болѣзни, еврей можетъ обратиться въ одно изъ этихъ исповѣданій не иначе, какъ съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ (Сборникъ, стр. 241). Для того чтобъ получить такое разрѣшеніе, необходимо пройти весьма сложную процедуру. Нужно подать „формальную просьбу" священнику; послѣдній наставляетъ просителя въ истинахъ и доноситъ о семъ пробсту; пробстъ обязанъ удостовѣриться въ знаніяхъ просителя и представить дѣло въ консисторію. Консисторія представляетъ все дѣло съ своимъ мнѣніемъ въ министерство и испрашиваетъ его разрѣшеніе (стр. 150 и 164). Этотъ обременительный формализмъ установленъ, какъ мы видѣли, для того, чтобъ воспрепятствовать легкомысленному и только для вида принятію евреями христіанства съ цѣлью достиженія матеріяльныхъ выгодъ. Но если вникнуть въ смыслъ и неизбѣжные результаты этихъ мѣръ, то окажется, что онѣ приводятъ къ другой, можно сказать, противоположной цѣли. До изданія этихъ правилъ, переходъ иновѣрца въ протестантизмъ совершался чрезвычайно легко, безъ всякихъ формальностей, и евреи нерѣдко искали въ этомъ актѣ выхода изъ своего незавиднаго положенія. Правила эти значительно затруднили такой предосудительный образъ дѣйствій. Но оставляя легкость перехода въ православіе рядомъ съ чрезвычайной затруднительностью перехода въ другія исповѣданія, законъ отвлекаетъ только легкомысленное и недостойное обращеніе отъ лютеранства къ православію. Кто принимаетъ христіанство изъ матеріяльныхъ и вообще нерелигіозныхъ видовъ, тотъ, конечно, при теперешнемъ законодательствѣ предпочтетъ православіе другимъ исповѣданіямъ (что и имѣлось, какъ надо полагать, въ виду при изданіи этихъ правилъ). Но выиграетъ-ли православная церковь отъ привлеченія такихъ адептовъ на свою

сторону изъ лагеря лютеранизма и не будетъ ли, наоборотъ, этотъ послѣдній въ выигрышѣ отъ такой мѣры, — вотъ вопросы, которые не трудно будетъ разрѣшить каждому изъ читателей. Съ другой стороны эти правила, подобно запрещенію принимать евреевъ въ старообрядцы, преграждаютъ или по крайней мѣрѣ затрудняютъ путь къ христіанству тѣмъ евреямъ, которые по внутреннему убѣжденію хотѣли бы перейти въ христіанство, но не православнаго исповѣданія. На этомъ частномъ случаѣ оправдывается общій всѣмъ ограничительнымъ мѣрамъ законъ, въ силу котораго подобныя мѣры, съ какою бы цѣлью онѣ ни были установлены, въ концѣ концовъ стѣсняютъ только людей добросовѣстныхъ, но вовсе не обуздываютъ, а часто даже поощряютъ людей недобросовѣстныхъ.

Въ историческомъ очеркѣ мѣръ, относительно обращенія евреевъ въ христіанство, принятыхъ въ прошлое царствованіе, мы указали какъ на главную мѣру, на выселеніе евреевъ изъ различныхъ пунктовъ: сюда можно отнести всѣ вообще ограниченія гражданскихъ правъ евреевъ, ибо между ними главное мѣсто занимаетъ стѣсненіе правъ осѣдлости. Этотъ разрядъ мѣръ, какъ мы видѣли, существуетъ, хотя и въ смягченномъ видѣ, и понынѣ. Второй мѣрой мы показали привлеченіе евреевъ къ военной службѣ. Большая часть правилъ, относящихся къ вліянію военной службы на религіозныя и гражданскій бытъ евреевъ, въ настоящее время болѣе не существуетъ. Еще въ 1856 году отмѣнены суровые законы о кантонистахъ; въ 1862 году ограниченъ пріемъ малолѣтнихъ евреевъ въ христіанство, породившій массу случаевъ насильственнаго обращенія кантонистовъ. Въ послѣдніе годы отмѣненъ законъ, по которому состоящіе на рекрутской очереди евреи, съ принятіемъ православія, освобождаются отъ рекрутской повинности. Вообще, новѣйшее законодательство стремится къ тому, чтобъ отмѣнить наиболѣе выдающіяся мѣры къ поощренію перехода иновѣрцевъ въ христіанство. Такъ, закономъ 24 марта 1866 года отмѣненъ болѣе чѣмъ оригинальный законъ прошлаго царствованія, опредѣлявшій, что нехристіанинъ, принявшій христіанскую вѣру во время производства надъ нимъ

слѣдствія или суда по уголовному дѣлу, освобождался отъ всякаго наказанія. Но старинный взглядъ на значеніе военной службы для религіознаго быта евреевъ просвѣчиваетъ еще мѣстами и въ дѣйствующемъ законодательствѣ. Уцѣлѣли еще слѣды прежняго воззрѣнія, по которому военная служба есть приготовительная школа для обученія иновѣрцевъ истинамъ христіанства. Отсюда выраженія въ родѣ слѣдующаго: „Нижніе воинскіе чины изъ евреевъ и магометанъ, остающіеся въ своемъ вѣроисповѣданіи, могутъ быть представляемы за военные подвиги къ наградѣ" и пр. (Сборникъ, стр. 2). Смыслъ этой статьи показываетъ, что нормальнымъ порядкомъ вещей законъ признаетъ переходъ нижнихъ воинскихъ чиновъ нехристіанъ въ христіанскую вѣру, чѣмъ обусловливается дарованіе имъ общихъ правъ и преимуществъ ихъ состоянія; но законъ дѣлаетъ уступку началу вѣротерпимости, признавая, что даже оставаясь въ своемъ „лжеученіи", иновѣрецъ имѣетъ право быть награжденнымъ за заслуги. Таковъ былъ несомнѣнно первоначальный смыслъ этой статьи, но въ настоящее время, когда законы о военной службѣ евреевъ существенно измѣнены къ лучшему, подобныя статьи представляютъ, такъ сказать, окаменѣлости прежней геологической формаціи, уцѣлѣвшія по инерціи преданья недавно минувшихъ дней. Не далѣе какъ въ 1865 году только отмѣнено правило о выдачѣ денежнаго вознагражденія нижнимъ чинамъ изъ евреевъ и магометанъ и ихъ семействамъ въ случаѣ принятія христіанства (Сборникъ, стр. 96). Здѣсь мы встрѣчаемся съ капитальнымъ недостаткомъ русскаго законодательства о евреяхъ, недостаткомъ, о которомъ намъ придется не разъ еще говорить въ настоящемъ очеркѣ — съ внутреннимъ, логическимъ противорѣчіемъ между отдѣльными постановленіями, отсутствіемъ единства и выдержанности въ политикѣ нашей по еврейскому вопросу. Выдача вознагражденія нижнимъ чинамъ изъ евреевъ по поводу принятія ими христіанства, отмѣнена, а общій законъ о пособіи, выдаваемомъ отъ казны каждому еврею, принимающему христіанство, остается до сихъ поръ въ силѣ. Конечно, тутъ нѣтъ еще внѣшняго, юридическаго

противорѣчія. Отмѣна вознагражденій по военному вѣдомству есть спеціальный законъ, установленный исключительно для нижнихъ чиновъ, тогда какъ правило о пособіи существуетъ для всѣхъ вообще евреевъ. Но спрашивается, если относительно одной категоріи лицъ законъ признаетъ несообразнымъ съ интересами страны поддерживать средствами государственнаго казначейства религіозныя обращенія, то почему же въ другомъ случаѣ законодатель придерживается противоположнаго взгляда? Единственное разумное объясненіе этого факта заключается въ различіи во взглядахъ на религіозныи вопросъ между нынѣшней военной администраціей и другими вѣдомствами. Первая, ознаменовавшая себя многими либеральными преобразованіями, усвоила себѣ болѣе разумный взглядъ на религіозный вопросъ, чѣмъ тотъ, который удержался отъ стараго времени въ другихъ сферахъ. Но можно ли признать такое состояніе законодательства нормальнымъ—это болѣе чѣмъ сомнительно.

Замѣтимъ кстати, что разнорѣчіе существуетъ между военными законами и общими и относительно характера и смысла тѣхъ денежныхъ подарковъ, которые казна дѣластъ иновѣрцамъ при переходѣ ихъ въ христіанство. Общій законъ называетъ ихъ „пособіемъ на первоначальное обзаведеніе“, но это не объясняетъ еще тѣхъ мотивовъ, которые побуждаютъ правительство давать это пособіе. Государственный совѣтъ, какъ мы видѣли выше, объяснилъ смыслъ этого пособія въ 1859 году (т. е. когда проникъ уже въ наше законодательство и административную практику болѣе либеральный взглядъ на еврейскій и на религіозный вопросы) такимъ образомъ, что пособіе выдается вслѣдствіе стѣсненнаго положенія крещенаго еврея, который отъ одного берега отсталъ, а къ другому еще не пристадъ. Съ этой точки зрѣнія выдача пособія можетъ быть оправдываема и выводима изъ общей обязанности государственной власти помогать тѣмъ гражданамъ, которые почему бы то ни было находятся въ особенно стѣсненномъ положеніи. Но по военному вѣдомству эти самыя пособія удержали названіе „вознагражденія“, указывающее на другой мотивъ, при

установленіи этого пособія. Слово „вознагражденіе“ приравниваетъ пособіе, выдаваемое крестившемуся иновѣрцу къ тому денежному вознагражденію, которое дается напр. простолюдинамъ за спасеніе погибающихъ, вообще за добродѣтельное дѣло. Съ этой точки зрѣнія спасеніе души и спасеніе тѣла одинаково вознаграждаются общественной властью, какъ актъ гражданской добродѣтели и для поощренія другихъ слѣдовать доброму примѣру. Различіе между этими двумя взглядами на значеніе упомянутыхъ пособій и важность этого различія для пониманія характера нашихъ законовъ о вѣротерпимости не требуютъ дальнѣйшаго объясненія. Но вопросъ о томъ, какой изъ этихъ двухъ взглядовъ болѣе правиленъ, остается открытымъ и требуетъ еще тщательнаго разсмотрѣнія.

Болѣе существенные слѣды прежняго взгляда на значеніе военной службы для религіозныхъ интересовъ евреевъ видны въ правилахъ о переходѣ военнослужащихъ изъ евреевъ въ протестантизмъ. Общій законъ, какъ мы видѣли, затрудняетъ переходъ евреевъ въ евангелическо-лютеранское исповѣданіе разными формальностями и необходимостью разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ для каждаго отдѣльнаго случая. Для состоящихъ на военной службѣ евреевъ затрудненія эти не существуютъ. „По требованію военнаго начальства“, евангелическо-лютеранскіе проповѣдники могутъ крестить еврейскихъ рекрутъ и военнослужащихъ, не испрашивая на то предварительнаго разрѣшенія вышеустановленнымъ порядкомъ, и даже въ частныхъ домахъ, тамъ гдѣ нѣтъ евангелическо-лютеранскихъ церквей. Требуется только, чтобы „и сіи евреи“ допускаемы были къ принятію св. крещенія лишь по убѣжденіи въ знаніи ими догматовъ вѣры и истинномъ расположеніи ихъ къ христіанству. О крещеніи доносится для свѣдѣнія министру внутреннихъ дѣлъ или кавказскому намѣстнику по принадлежности. Самое крещеніе должно быть совершаемо торжественно, по возможности въ воскресный или праздничный день, но не иначе, какъ съ разрѣшенія военнаго начальства (Сборникъ, стр. 151). Изъ статьи этой очевидно, что по мысли закона военное начальство въ дѣлѣ обращенія евреевъ въ христіанство играетъ

весьма дѣятельную роль. Оно не ограничивается тѣмъ, что разрѣшаетъ еврею-военнослужащему перемѣнить свою религію и затѣмъ самому хлопотать по этому дѣлу, на основаніи общихъ законовъ, но беретъ на себя уладить за него дѣло. Начальство требуетъ (это, стало быть, входитъ въ кругъ его служебныхъ обязанностей) отъ евангелическо-лютеранскихъ проповѣдниковъ исполненія надъ евреями обряда крещенія и участвуетъ въ опредѣленіи того, какимъ образомъ, гдѣ и когда должно совершиться крещеніе. Очевидно, что военное начальство, какъ представитель общественной власти, должно относиться къ обращенію евреевъ не равнодушно, а поощрять и облегчать по возможности это обращеніе. Причины, побудившія законодателя сдѣлать это исключеніе изъ общихъ правилъ о переходѣ евреевъ въ протестантизмъ, какъ надо полагать, были двоякаго рода. Съ одной стороны желаніе обращать военнослужащихъ евреевъ (преимущественно предъ всѣми прочими) на путь истины несомнѣнно было присуще нашему законодательству въ тотъ періодъ времени, къ которому относится изданіе разсматриваемаго нами теперь закона. Для облегченія перехода служащихъ евреевъ въ христіанство найдено было возможнымъ поэтому отступить въ отношеніи къ нимъ отъ общихъ правилъ, на подобные случаи установленныхъ. Такое преимущественное поощреніе со стороны законодателя крещенія военнослужащихъ евреевъ видно даже изъ текста цитированнаго закона. „Однакоже и сіи евреи (т. е. тѣ, которымъ крещеніе всячески облегчается) допускаются“ и пр.

Съ другой стороны однимъ изъ главныхъ соображеній, побудившихъ правительство къ затрудненію перехода евреевъ въ протестантизмъ, было, какъ мы видѣли, то обстоятельство, что евреи принимали крещеніе для виду, съ цѣлью воспользоваться недоступными для нихъ другимъ путемъ гражданскими правами. Но относительно евреевъ-солдатъ это побужденіе не такъ бросается въ глаза, ибо во время нахожденія на службѣ гражданскія права эти не имѣютъ для нихъ никакого значенія; поэтому и нѣтъ причины затруднять имъ переходъ въ евангелическо-лютеранское исповѣданіе.

Правила о стѣсненіи перехода евреевъ въ протестантизмъ, въ видахъ пресѣченія притворнаго крещенія съ цѣлью достиженія матеріяльныхъ выгодъ, напоминаютъ намъ одну изъ ненормальностей нашего права, обнаружившуюся особенно ярко въ извѣстномъ дѣлѣ Кацмана. Рядовой Кацманъ еще въ малолѣтствѣ, будучи кантонистомъ, былъ окрещенъ въ православную вѣру, но никогда не переставалъ быть евреемъ, соблюдалъ еврейскіе религіозные обряды и преданъ былъ, наконецъ, суду за отпаденіе отъ православія въ еврейство. Московскій окружной судъ оправдалъ Кацмана, принявъ въ соображеніе во-первыхъ законъ 1862 г., запрещающій обращать въ православіе иновѣрцевъ моложе 14 лѣтъ безъ согласія родителей (Кацманъ былъ окрещенъ задолго до 1862 г.) и во-вторыхъ, что хотя Кацманъ и былъ окрещенъ въ малолѣтствѣ, но ни обрядовъ, ни таинствъ православной церкви впослѣдствіи не соблюдалъ и продолжалъ исповѣдывать религію іудейскую, почему, по мнѣнію суда, и не можетъ быть сочтенъ отступившимъ отъ вѣры, никогда имъ за истинную не признанной. Московская судебная палата, куда дѣло поступило по протесту обвинительной власти, согласилась съ прокуроромъ, доказывавшимъ, что законъ 1862 г. обратной силы не имѣетъ, какъ всѣ вообще законы, и что принадлежность Кацмана къ православію несомнѣнно доказывается тѣмъ, что онъ принялъ таинство крещенія и долженъ былъ непремѣнно, будучи въ кантонистахъ, посѣщать церковь и обучаться закону Божію. Палата опредѣлила поэтому: отправить Кацмана для вразумленія къ духовному начальству, лишивъ его до возвращенія въ христіанство пользованія правами состоянія и взявъ его имѣніе въ опеку. Но это рѣшеніе палаты было отмѣнено уголовнымъ кассаціоннымъ департаментомъ сената. Мотивы сенатскаго рѣшенія и дальнѣйшая судьба этого дѣла намъ теперь неизвѣстны. Съ перваго же взгляда на дѣло Кацмана видно, что оно съ строго-юридической точки зрѣнія безнадежно, а оправдательный приговоръ окружнаго суда лишенъ всякаго легальнаго основанія. Съ одной стороны очевидно, что по основнымъ началамъ права законъ 1862 г. не можетъ имѣть примѣненія къ лицу,

крещенному не позже 1855 г. Съ другой стороны не подлежитъ сомнѣнію, что по смыслу нашего закона православнымъ считается не тотъ, кто вѣруетъ въ догматы православія и по убѣжденію соблюдаетъ его обряды, а кто въ установленномъ порядкѣ принялъ крещеніе, независимо отъ его внутреннихъ убѣжденій и вѣрованій. Но чѣмъ очевиднѣе неправильность рѣшенія окружнаго суда, тѣмъ яснѣе для насъ, что рѣшеніе это есть не плодъ неправильнаго пониманія закона (такихъ грубыхъ ошибокъ со стороны суда рѣшительно невозможно предположить), а натяжка, вынужденная несправедливостью нашихъ прежнихъ законовъ. Совѣсть современнаго человѣка возмущается противъ того, чтобъ подвергнуть уголовному преслѣдованію человѣка за то, что онъ остался вѣренъ своей религіи, несмотря на то что въ дѣтствѣ былъ насильно обращенъ въ другую вѣру. Рѣшеніе окружнаго суда, вполнѣ согласное по духу съ болѣе гуманнымъ направленіемъ современнаго русскаго законодательства, вызвавшимъ законъ 1862 г., есть протестъ противъ того несправедливаго, чтобъ не сказать болѣе, порядка вещей, который господствовалъ у насъ до изданія этого закона. Такія же соображенія справедливости, а не одной строгой легальности, несомнѣнно руководили и рѣшеніемъ сената, ибо съ точки зрѣнія чисто юридической обвинительный приговоръ московской судебной палаты, какъ мы уже замѣтили, представляется совершенно правильнымъ.

Но что сказать о такихъ законахъ, которые въ глазахъ судей, исполнителей закона, суть нарушеніе справедливости и заставляютъ ихъ прибѣгать къ натяжкамъ и неправильнымъ толкованіямъ, дабы избѣгнуть необходимости практическаго примѣненія этихъ законовъ? Про нихъ можно сказать только одно: ихъ часъ давно пробилъ, они осуждены общественной совѣстью въ лицѣ лучшихъ ея представителей и общимъ характеромъ современнаго законодательства.

Дѣло Кацмана возбуждаетъ еще другой любопытный вопросъ, именно о судьбѣ тѣхъ гражданскихъ правъ, которыя пріобрѣтены иновѣрцемъ вслѣдствіе крещенія, если потомъ обнаружится, что

крещеніе это не было искренне, а иновѣрецъ оставался въ своей религіи. „Судебный Вѣстникъ“, возбуждавшій этотъ вопросъ по поводу дѣла Кацмана, разсуждаетъ о немъ слѣдующимъ образомъ. Наше законодательство держится начала вѣротерпимости. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно принимаетъ издавна мѣры къ распространенію господствующей религіи. Иновѣрцамъ, переходящимъ въ православіе, даруются разныя льготы и преимущества. Отсюда очевидно, что у насъ полной правоспособностью могутъ пользоваться одни православные. Чѣмъ ближе извѣстное ученіе подходитъ къ ученію православной церкви, тѣмъ большими правами пользуются его послѣдователи, и наоборотъ. Вслѣдствіе этого переходъ въ православіе изъ другого исповѣданія есть не только религіозный, но и юридическій актъ, для котораго соблюденіе установленныхъ формъ и обрядовъ служитъ доказательствомъ совершенія самого акта, ибо законъ точно опредѣляетъ порядокъ перехода въ православіе. Но спрашивается: можетъ-ли лицо, оправданное по такому обвиненію и при такихъ обстоятельствахъ какъ Кацманъ, сохранить тѣ имущественныя и личныя права, которыя пріобрѣтены имъ вслѣдствіе внѣшней принадлежности къ православной церкви? Положимъ, что еврей, крещенный прежде достиженія имъ 14-лѣтняго возраста безъ согласія родителей, поступилъ въ военную службу, пріобрѣлъ чины, потомственное дворянство, купилъ населенное имѣніе и затѣмъ, будучи преданъ суду по обвиненію принадлежности къ іудейству, былъ судомъ оправданъ, т. е. признанъ имѣющимъ право принадлежать къ іудейству. Спрашивается: лишается ли онъ чиновъ, дворянства и отбирается ли у него имѣніе, или нѣтъ? „Судебный Вѣстникъ“ разрѣшаетъ этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ. Коль скоро судомъ не признанъ фактъ крещенія, служащій единственнымъ основаніемъ пріобрѣтенія гражданскихъ правъ, то и самыя права эти не могутъ быть признаны существующими у даннаго лица. Но какимъ образомъ могутъ быть права эти отняты, если судъ не призналъ преступленія вѣроотступничества, а лишеніе правъ состоянія и имущественныхъ можетъ быть только послѣдствіемъ преступленія? По мнѣнію юри-

дической газеты недоумѣніе это разрѣшается такъ: если лицо, подобное Кацману, и оправдано относительно вѣроотступничества, то оно можетъ быть обвинено въ преступленіи противъ правъ состоянія. „Таино исповѣдуя свою вѣру и пріобрѣтая права ему непринадлежащія, оно является виновнымъ въ нарушеніи государственнаго порядка, опредѣляющаго права состоянія по вѣроисповѣданіямъ". Именно, по мнѣнію газеты, подобное лицо можетъ быть обвинено по аналогіи въ подлогѣ, результатомъ котораго было присвоеніе высшихъ правъ состоянія *. Не смотря на внѣшнюю округленность и кажущуюся логичность этихъ разсужденій, въ нихъ есть глубокая фальшь не только съ моральной, но и съ юридической точки зрѣнія. Въ такой же мѣрѣ, какъ первыя соображенія Судебнаго Вѣстника—о юридическомъ значеніи перехода въ православіе иновѣрцевъ—согласны съ характеромъ нашего законодательства, въ такой же мѣрѣ послѣднія его разсужденія лишены правильнаго основанія. Относительно вопроса о судьбѣ гражданскихъ перемѣнъ, послѣдовавшихъ въ состояніи людей à la Кацманъ, юридическій органъ впалъ въ двѣ ошибки. Во-первыхъ, онъ полагаетъ, что свѣтскій судъ, оправдавъ Кацмана, тѣмъ самымъ отвергаетъ силу совершеннаго надъ нимъ крещенія, возстановляетъ его въ прежнемъ состояніи и дастъ ему право исповѣдывать еврейскую вѣру. Но это совершенно невѣрно. Уголовный судъ можетъ оправдать Кацмана, даже не отвергая факта крещенія, ибо для уголовнаго обвиненія недостаточно одного фактическаго основанія; судъ можетъ и долженъ обратить вниманіе и на внутреннюю, психическую сторону преступнаго дѣянія. Вслѣдствіе этого судъ можетъ, признавая вполнѣ фактическую сторону дѣла въ томъ видѣ, въ которомъ она даетъ поводъ къ обвиненію, вынести оправдательный приговоръ по отсутствію злаго умысла и вообще психической подкладки преступленія. И дѣйствительно, московскій окружной судъ въ рѣшеніи по дѣлу Кацмана признаетъ фактъ совершенія надъ

* Судебный Вѣстникъ 1871 г № 37.

нимъ крещенія, но находитъ, что для состава преступленія, въ которомъ обвиняется Кацманъ, необходимо, сверхъ обряда крещенія, чтобъ обвиняемый дѣйствительно принадлежалъ къ православію извѣстное время, чего въ данномъ случаѣ не было. Но оправдать кого-нибудь по обвиненію въ вѣроотступничествѣ еще не значитъ признать за нимъ право пребыванія въ той вѣрѣ, въ которую онъ совратился. Такъ какъ церковный и свѣтскій законъ признаютъ переходъ въ православіе не религіознымъ только актомъ, но и юридическимъ, то разъ переходъ этотъ совершился, никакая власть не можетъ его уничтожить. Еслибъ при переходѣ были нарушены требованія гражданскаго и церковнаго закона, то отмѣнить силу крещенія въ такомъ случаѣ можетъ не свѣтскій судъ, а духовное начальство, единственно компетентное въ вопросѣ о силѣ религіозныхъ таинствъ. Пока крещеніе не уничтожено духовнымъ начальствомъ по законамъ церкви, никакая свѣтская власть не можетъ, по смыслу нашего закона, признать крещенное лицо евреемъ. Поэтому Кацманъ и послѣ оправданія его уголовнымъ судомъ не перестаетъ быть въ глазахъ закона православнымъ. Онъ не можетъ напр. жениться на еврейкѣ: раввинъ, совершившій подобный бракъ, безъ сомнѣнія былъ бы преданъ суду за преступленіе по должности. Дѣтей своихъ онъ обязанъ воспитывать въ православіи; въ противномъ случаѣ онъ можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности на основаніи общаго закона. Кромѣ того, хотя оправдательный приговоръ гарантируетъ Кацмана противъ возможности быть когда нибудь преданнымъ уголовному суду по обвиненію въ вѣроотступничествѣ, но приговоръ этотъ не мѣшаетъ духовному начальству принимать съ своей стороны состоящія въ его распоряженіи мѣры противъ совратившагося. Могутъ сказать, что такимъ образомъ происходитъ противорѣчіе между отношеніемъ свѣтскаго и духовнаго судовъ къ одному и тому же факту: свѣтскій судъ признаетъ, что Кацманъ не можетъ считаться совратившимся въ іудейство, такъ какъ онъ никогда не переставалъ быть евреемъ, а духовное начальство не перестаетъ считать того же Кацмана христіаниномъ. Но противорѣчіе это есть

неизбѣжный результатъ различія тѣхъ основныхъ началъ, на которыхъ построилось съ одной стороны общее уголовное законодательство, а съ другой—законы о привлеченіи иновѣрцевъ къ христіанству. Первое признаетъ то разумное, выработанное наукой начало, что всякій человѣкъ отвѣчаетъ только за дѣйствія, совершенныя имъ по доброй волѣ и сознательно: гдѣ нѣтъ этой свободы, тамъ нѣтъ и вмѣненія, нѣтъ и уголовной отвѣтственности за послѣдствія этихъ дѣйствій. Но наши законы вѣроисповѣдные не только до 1862 г., но какъ мы видѣли выше, въ значительной мѣрѣ и теперь допускаютъ крещеніе иновѣрцевъ при такихъ условіяхъ, когда о свободѣ и сознательности этого шага не можетъ быть и рѣчи. Въ самомъ дѣлѣ, какъ было указано выше, дѣти въ 15 лѣтъ, а съ разрѣшенія начальства и моложе этого возраста могутъ принять крещеніе безъ разрѣшенія родителей; вообще же для дѣтей ниже этого возраста необходимо согласіе родителей на ихъ крещеніе. Относительно ненормальности первыхъ двухъ случаевъ было достаточно сказано выше. Но позволительно усомниться въ справедливости и послѣдняго рода крещенія, т. е. малолѣтнихъ дѣтей съ согласія ихъ родителей. Во-первыхъ, спрашивается: справедливо-ли предоставить на произволъ родителей прикрѣпить своихъ дѣтей къ извѣстной религіи прежде, чѣмъ послѣднія могутъ понять значеніе этого безповоротнаго шага? Очень возможно, что многіе изъ этихъ послѣднихъ, подобно Кацману, будутъ весь вѣкъ мучиться угрызеніями совѣсти и втайнѣ исповѣдывать религію своихъ предковъ. Было время, когда родители имѣли право жизни и смерти надъ своими дѣтьми; тогда и перемѣна религіознаго быта дѣтей ихъ родителями была явленіемъ нормальнымъ. Но вѣдь времена эти давно прошли, а право жизни и смерти въ духовномъ отношеніи столь же мало справедливо, какъ и въ физическомъ. Во-вторыхъ, перемѣна вѣры у насъ сопряжена съ рѣшительнымъ переворотомъ въ гражданской судьбѣ обращеннаго лица на всю жизнь. Тутъ опять рождается вопросъ: справедливо-ли дать родителямъ право располагать всей будущей жизнью малолѣтнихъ дѣтей своихъ такъ безусловно и безпово-

ротно? Мы не знаемъ другой сферы, гдѣ власть родителей надъ дѣтьми была бы признана въ такихъ обширныхъ размѣрахъ и въ такомъ абсолютномъ видѣ, какъ здѣсь. Очевидно, что здѣсь законъ въ видахъ распространенія господствующей церкви отступаетъ отъ общихъ началъ права и расширяетъ предѣлы родительской власти дальше ея обыкновенныхъ предѣловъ, подобно тому какъ въ другихъ случаяхъ онъ нарушаетъ съ той же цѣлью другія начала семейнаго права (см. выше). Но именно вслѣдствіе этого противорѣчія между принципами церковнаго законодательства и общими начала права, неизбѣжны и противорѣчія между приговорами общихъ судовъ и взглядами духовно-гражданской администраціи на такія дѣла, какъ дѣло Кацмана. Противорѣчія эти исчезнутъ только тогда, когда общія начала права проникнутъ всецѣло въ область вѣроисповѣднаго законодательства.

Какъ бы то ни было, несомнѣнно, по нашему мнѣнію, что Кацманъ и послѣ оправдательнаго рѣшенія уголовнаго суда оффиціально все-таки продолжаетъ быть православнымъ. А если такъ, то мнѣніе „Судебнаго Вѣстника“ объ отобраніи у него имущественныхъ и личныхъ правъ, доступныхъ только христіанину, оказывается неправильнымъ, какъ основанное на предположеніи, что послѣ оправдательнаго рѣшенія суда Кацманъ становится оффиціально евреемъ.

Другая ошибка, сдѣланная „Судебнымъ Вѣстникомъ“ въ его аргументаціи, заключается въ слѣдующемъ. Для того, чтобъ лишить Кацмана несвойственныхъ ему правъ по состоянію и имуществу, говоритъ газета, необходимо признать его виновнымъ въ совершеніи какого нибудь преступленія; преступленіе это ищется и находится въ подлогѣ, послѣдствіемъ котораго было пріобрѣтеніе высшихъ правъ состоянія. Еврей, принявшій христіанство не по внутреннему убѣжденію и пріобрѣтшій потомъ права недоступныя еврею, можетъ, если онъ останется вѣрнымъ іудейству, быть преслѣдуемъ, по мнѣнію юридической газеты, за подложное принятіе крещенія съ цѣлью пріобрѣтенія высшихъ правъ состоянія. Но тутъ газета забываетъ еще слѣдующую бездѣлицу. Для состава каждаго преступленія не-

обходима свобода воли и сознательное совершеніе преступнаго факта съ пониманіемъ всѣхъ его послѣдствій. Но, какъ мы видѣли выше, оффиціальными данными констатировано (напр. по дѣлу Ефремова), что въ ту эпоху, къ которой относится принятіе православія Кацманомъ, для крещенія еврейскихъ кантонистовъ употреблялись мѣры грубаго физическаго насилія. Стало быть, если въ крещеніи Кацмана и признать подлогъ со стороны послѣдняго, т это былъ подлогъ вынужденный, за который никакой уголовный судъ не обвинитъ. Съ другой стороны, даже при дѣйствіи закона 1862 года свобода воли и сознательность при крещеніи малолѣтнихъ иновѣрцевъ въ большинствѣ случаевъ, какъ мы видѣли, болѣе чѣмъ сомнительны. Трудно, даже невозможно поэтому допустить въ этихъ случаяхъ обвиненіе въ подлогѣ, преступленіи по преимуществу требующемъ по самому характеру своему присутствія злой воли, злого умысла и вообще сознательнаго совершенія преступнаго дѣянія. Развѣ можно въ самомъ дѣлѣ сказать, что 14-тилѣтній ребенокъ, принявшій христіанство по какому нибудь минутному увлеченію, напр. вслѣдствіе домашней ссоры, и потомъ раскаивающійся въ своемъ поступкѣ, совершилъ подлогъ съ цѣлью измѣнить свое общественное положеніе? Тутъ слѣдовательно опять обнаруживается внутренній разладъ между началами уголовнаго правосудія и законами вѣроисповѣдными.

Такимъ образомъ, вопреки мнѣнію „Судебнаго Вѣстника“, мы утверждаемъ, что иновѣрецъ, принявшій христіанство не по внутреннему убѣжденію и заявившій вѣрность своей прежней религіи, тѣмъ не менѣе остается навсегда въ глазахъ закона христіаниномъ и поэтому сохраняетъ всѣ тѣ имущественныя и личныя права, которыя не отняты у него обвинительнымъ приговоромъ суда за вѣроотступничество. Но нельзя не согласиться, что соображенія, приведшія юридическую газету къ противуположному взгляду, имѣютъ серьезное значеніе. Чрезвычайно странно въ самомъ дѣлѣ, въ виду торжественнаго заявленія даннаго лица, что оно не переставало и не перестаетъ до сихъ поръ считать себя евреемъ, смотрѣть на

это лицо какъ на христіанина и, такъ сказать, насильно держать его въ христіанствѣ, на томъ только основаніи, что въ дѣтствѣ надъ нимъ совершено было крещеніе, безъ всякаго участія его свободной и сознательной воли. Совершенная ненормальность такого явленія не можетъ не броситься въ глаза каждому, и вотъ что побуждаетъ Судебный Вѣстникъ утверждать, что оправдательный приговоръ суда по такому дѣлу равняется возстановленію обвиняемаго въ его прежній религіозный видъ, откуда проистекаетъ и необходимость отнятія тѣхъ гражданскихъ правъ, которыя не свойственны прежнему религіозному состоянію обвиняемаго. Но хотя такое толкованіе и болѣе раціонально (разумѣется, только сравнительно), но оно не согласно съ духомъ и смысломъ нашихъ законовъ, какъ было указано выше. Корень же всѣхъ этихъ недоразумѣній, несообразностей и путаницы лежитъ, очевидно, не въ неясности или противорѣчіи внѣшнемъ нашихъ законовъ, а въ ненормальности основныхъ началъ вѣроисповѣднаго законодательства, главнымъ образомъ — въ нераціональности вліянія вѣроисповѣданія на соціальный и юридическій бытъ гражданъ. Не будь этого смѣшенія столь различныхъ элементовъ, какъ гражданская правоспособность и принадлежность къ той или другой религіи, не возникалъ бы трудный вопросъ о судьбѣ гражданскихъ правъ Кацмана по оправданіи его судомъ; а не будь того разнорѣчія между требованіями уголовнаго и церковнаго права относительно вмѣняемости недобровольнаго или несознательнаго крещенія, о которомъ было говорено выше, не было бы и того практически весьма неудобнаго противорѣчія между оправдательнымъ приговоромъ свѣтскаго суда, признающимъ за Кацманомъ право принадлежности къ іудейству, и требованіемъ церкви, чтобъ каждый воспріявшій крещеніе оставался навѣки христіаниномъ. Съ этой стороны соображенія, на которыя наводитъ дѣло Кацмана, примыкаютъ къ мыслямъ, высказаннымъ выше, по поводу правилъ о стѣсненіи перехода евреевъ въ протестантизмъ, съ чего мы начали анализъ кацмановскаго дѣла. Упомянутыя правила вызваны были желаніемъ, во-первыхъ, противодѣйствовать принятію христіанства съ корыстной цѣлью,

явленію, вытекающему изъ постановленій нашего закона о вліяніи религіи на гражданскій бытъ ея послѣдователей, и во-вторыхъ— поощрять иновѣрцевъ къ переходу, вмѣсто протестантизма, въ православіе. Дѣло Кацмана и возбуждаемые имъ практическіе вопросы снова показываютъ намъ неудобство и несправедливость тѣхъ явленій, которыя бываютъ необходимымъ послѣдствіемъ какъ перваго, такъ и втораго приведенныхъ здѣсь принциповъ нашего законодательства.

Послѣ этого отступленія возвратимся къ изложенію уцѣлѣвшихъ отъ прежняго времени въ дѣйствующихъ законахъ слѣдовъ заботливости правительства объ измѣненіи религіознаго быта евреевъ. Если читатель припомнитъ, мы остановились на военной службѣ по отношенію ея къ вѣроисповѣдному состоянію евреевъ. Слѣдующій затѣмъ разрядъ мѣръ этого рода относится къ организаціи народнаго образованія у евреевъ. При историческомъ обзорѣ законодательства прошлаго царствованія, мы указали уже на то, что при устройствѣ казенныхъ еврейскихъ училищъ имѣлось въ виду не распространеніе между евреями элементарнаго общечеловѣческаго образованія, которое могло бы содѣйствовать сближенію ихъ съ остальнымъ населеніемъ, и не сообщеніе еврейской массѣ полезныхъ практическихъ знаній, которыя могли бы измѣнить къ лучшему экономическій бытъ этой массы, а передача религіознаго образованія евреевъ въ руки оффиціальныхъ органовъ, очищеніе еврейскаго религіознаго быта. Училища эти существуютъ въ первоначальномъ ихъ видѣ до-сихъ поръ, хотя и существуютъ они единственно въ силу инерціи, при всеобщемъ сознаніи ихъ негодности (при теперешней программѣ преподаванія), ибо духъ религіозной пропаганды, господствовавшій у насъ во время оно, значительно ослабѣлъ и отошелъ на задній планъ. Но какъ бы то ни было, училища въ прежнемъ ихъ видѣ продолжаютъ жить по настоящее время; поэтому все, что было сказано въ историческомъ обзорѣ относительно этого пункта имѣетъ примѣненіе и къ дѣйствующему законодательству. Любопытное проявленіе этого взгляда на образованіе евреевъ представляетъ ст. 1390 т. IX Св. Зак.

„Вступившія въ (христіанскія) училища дѣти евреевъ, говорится въ этой статьѣ, не принуждаются къ перемѣнѣ ихъ вѣры и не обязаны посѣщать тѣхъ уроковъ, въ коихъ преподается ученіе христіанскому закону“ („Сборникъ“, стр. 97). Еслибъ законъ нашъ не соединялъ съ мѣрами къ развитію народнаго образованія и заботъ объ улучшеніи ихъ религіознаго быта, статья эта была бы совершенно излишней и не имѣла бы никакого raison d'être. Но въ виду дѣйствительнаго характера существующихъ мѣръ по народному образованію евреевъ, статья эта, исключающая физическое принужденіе изъ числа мѣръ къ обращенію образованныхъ евреевъ, вполнѣ умѣстна, хотя она совершенно не гармонируетъ съ общимъ направленіемъ современнаго законодательства относительно религіозной терпимости и, собственно говоря, имѣетъ только историческое значеніе для правильнаго пониманія прежней судьбы еврейской религіи у насъ.

Разсмотрѣвъ такимъ образомъ наиболѣе выдающіеся пункты въ тѣхъ правилахъ нашего законодательства, которыя стремятся къ непосредственному вліянію на измѣненіе религіознаго быта евреевъ, перейдемъ къ правиламъ, имѣющимъ своей задачей охраненіе христіанства отъ вреднаго вліянія іудейской вѣры. Правила эти составляютъ необходимое дополненіе тѣхъ, о которыхъ мы только что говорили. Само собою разумѣется, что законодательство, принимающее мѣры къ обращенію въ христіанство, должно принимать еще болѣе рѣшительныя мѣры къ тому, чтобъ воспрепятствовать явленію противуположному. Съ сущностью правилъ этого послѣдняго рода мы ознакомились уже въ началѣ этой статьи; поэтому здѣсь укажемъ только на недоумѣнія, возбуждаемыя ближайшимъ разсмотрѣніемъ нѣкоторыхъ изъ этихъ правилъ. Важнѣйшимъ по практическому своему значенію является здѣсь законъ о воспрещеніи евреямъ нанимать въ услуженіе христіанъ. Мы видѣли, что законъ этотъ обязанъ своимъ происхожденіемъ не желанію охранять наймитовъ христіанъ отъ эксплоатаціи евреевъ,

а единственно религіознымъ соображеніямъ. Это видно и изъ дѣйствующихъ правилъ по этому предмету, которыя представляются въ слѣдующемъ видѣ. Евреямъ запрещается держать у себя христіанъ для постоянныхъ домашнихъ услугъ, но дозволяется нанимать ихъ для работъ кратковременныхъ, напр. ремесленныхъ, для пособія по хлѣбопашеству, для работъ на фабрикахъ и заводахъ, для должностей приказчиковъ по дѣламъ торговымъ и по содержанію почтовыхъ станцій, сидѣльцами въ питейныхъ домахъ, для работъ въ аптекахъ. Евреи-ремесленники могутъ держать подмастерьевъ-христіанъ, но учениковъ только въ томъ случаѣ, если получатъ разрѣшеніе управы и имѣютъ по крайней мѣрѣ одного подмастерья-христіанина. Этотъ послѣдній въ такомъ случаѣ долженъ имѣть особое попеченіе объ ученикахъ-христіанахъ, нанимаемыхъ евреемъ. Ремесленная управа даетъ подобное разрѣшеніе подъ собственной своей отвѣтственностью за обученіе учениковъ-христіанъ. На ремесленнаго голову возлагается особая обязанность наблюдать, чтобъ сказанные ученики отправляемы были по воскреснымъ днямъ въ церковь.

Женская прислуга изъ христіанъ, нанимаемая евреями для приготовленія пищи и бѣлья служителямъ изъ христіанъ или для работъ на фабрикахъ, не должна жить вмѣстѣ, въ однихъ домахъ съ евреями, но отдѣльно. Безъ этого условія наемъ женской прислуги изъ христіанъ евреямъ воспрещается.

Кромѣ того въ уложеніи о наказаніяхъ 1857 г. существовала статья, опредѣлявшая наказанія за незаконный наемъ евреями христіанъ. Статья эта отмѣнена мнѣніемъ государственнаго совѣта 27 декабря 1865 г. на томъ основаніи, что она „представляется несогласной съ общимъ духомъ принимаемыхъ нынѣ мѣръ терпимости“.

Разсматривая совокупность этихъ постановленій нельзя не замѣтить слѣдующаго.

1. Основной мотивъ этого запрещенія есть чисто религіозный, опасеніе, что евреи совратятъ въ свою вѣру находящихся въ ихъ услуженіи христіанъ. Это видно изъ того, что мастера-евреи мо-

гутъ держать подмастерьевъ-христіанъ, какъ людей болѣе зрѣлаго возраста и съ сложившимися религіозными убѣжденіями, безъ всякаго стѣсненія, а учениковъ только съ соблюденіемъ извѣстныхъ условій. Ремесленный голова и подмастерье-христіанинъ должны имѣть наблюденіе за религіозной жизнью учениковъ-христіанъ. Предполагается, что женщины по своему легкомыслію скорѣе могутъ поддаться еврейской пропагандѣ, чѣмъ мужчины, и потому для огражденія ихъ приняты болѣе энергическія мѣры. Такъ понималъ этотъ законъ, какъ мы видѣли, и государственный совѣтъ въ 1865 году. Но если и встрѣчаются въ исторіи отдѣльные случаи совращенія христіанъ въ еврейство, то вообще говоря опасеніе религіозной пропаганды со стороны евреевъ, какъ мы замѣтили уже въ первой главѣ, основано на грубой ошибкѣ. Здѣсь не мѣсто доказывать ссылками на еврейскіе источники, въ какой мѣрѣ духъ прозелитизма чуждъ іудейству. Довольно будетъ сказать, что ни общественное положеніе евреевъ, ни религіозное ихъ ученіе рѣшительно не дозволяютъ имъ думать о распространеніи своей вѣры между христіанами. Самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ этого можетъ служить тотъ фактъ, что въ настоящее время евреи повсемѣстно держатъ христіанскую прислугу, а о случаяхъ вѣроотступничества послѣдней нигдѣ не слышно.

2. Любопытно то обстоятельство, что даже въ прежнее время, когда религіозный принципъ былъ еще такъ силенъ въ нашемъ законодательствѣ, законъ о запрещеніи найма христіанъ евреями до того шелъ въ разрѣзъ съ экономическими потребностями и практическими условіями жизни всего населенія въ чертѣ осѣдлости евреевъ, что необходимо было каждый разъ дѣлать все новыя и новыя исключенія изъ общаго правила. Исключеній этихъ существуетъ въ настоящее время, какъ мы видѣли, не мало. Всѣ они вызваны безъ сомнѣнія необходимостью, во-первыхъ, открыть рабочему населенію больше способовъ заработка, и во-вторыхъ—поддержать полезные виды еврейской промышленности, для которой рабочій трудъ христіанскаго населенія былъ такъ или

иначе необходимъ. При суровости прежнихъ законовъ относительно евреевъ, можно утвердительно сказать, что всѣ эти уступки въ пользу евреевъ были сдѣланы не изъ уваженія къ интересамъ этихъ послѣднихъ и во имя отвлеченной справедливости, а въ виду общественныхъ и финансовыхъ интересовъ христіанскаго населенія и казны. Дѣло въ томъ, что запрещеніе найма христіанъ евреями вредитъ не столько евреямъ, такъ какъ многіе виды наемнаго рабочаго труда легко могутъ быть выполняемы евреями-же, сколько рабочему классу изъ христіанъ, у котораго отнимаетъ значительную массу заработковъ. Здѣсь, стало быть, законъ, основанный на религіозной нетерпимости, приходитъ въ столкновеніе съ требованіями здравои народно-хозяйственнои политики. Въ этой борьбѣ двухъ противоположныхъ элементовъ послѣдній (экономическіи) нерѣдко одерживалъ побѣду надъ религіознымъ, и результатомъ этихъ побѣдъ каждый разъ являлась новая уступка, новое изъятіе изъ общаго запрещенія. Но давно замѣчено, что необходимость многочисленныхъ изъятій изъ общаго правила есть лучшее доказательство несостоятельности самого правила. Это весьма обыкновенныи путь, которымъ правовое сознаніе общества переходитъ отъ обветшалыхъ юридическихъ нормъ къ болѣе справедливымъ началамъ.

3. Но этого мало. Разбираемый нами законъ противорѣчитъ нетолько экономическимъ требованіямъ дѣйствительной жизни, но и важнѣйшимъ видамъ правительственной политики относительно евреевъ. Заставляя евреевъ держать въ качествѣ домашней прислуги однихъ своихъ единовѣрцевъ, законъ даетъ могущественную и притомъ искусственную поддержку той самой обособленности, замкнутости и солидарности еврейской массы, которой онъ другими мѣрами старается противодѣйствовать и во имя которой на евреевъ сыплется столько обвиненій и юридическихъ ограниченій. Съ одной стороны, самое существованіе подобнаго закона должно утверждать евреевъ въ мнѣніи о своей отчужденности въ глазахъ правительства и христіанскаго общества. Съ другои стороны практическое примѣненіе этого закона еще болѣе

заставляетъ евреевъ плотно примкнуть къ своимъ единовѣрцамъ въ домашнеи своей жизни, глубже уходить въ свои раковины. Таковы положительныя послѣдствія этого закона, но гораздо важнѣе еще отрицательное его вліяніе. Устраняя христіанъ изъ домашней жизни евреевъ, государство лишаетъ себя хотя и самыхъ скромныхъ, но тѣмъ не менѣе самыхъ дѣйствительныхъ союзниковъ въ дѣлѣ обрусенія еврейской массы. Кому неизвѣстно, какое огромное вліяніе оказываетъ на будущее міросозерцаніе, на нравы и характеръ дѣтеи домашняя прислуга? Мы не говоримъ уже о томъ, что единственное средство сдѣлать русскій языкъ роднымъ для подростающаго поколѣнія евреевъ заключается въ томъ, чтобъ поставить его въ близкія отношенія къ русскимъ людямъ съ ранняго дѣтства. Никакая школа не можетъ въ этомъ отношеніи сдѣлать такъ много, какъ христіанская прислуга. Съ этой точки зрѣнія не разъ уже было указываемо на несостоятельность разбираемаго закона, парализующаго мѣры правительства относительно самой существеннои стороны еврейскаго вопроса — искорененія взаимной вражды и отчужденности между христіанскимъ населеніемъ и еврейскимъ. Такова ужь повидимому непреклонная логика вещей, что мѣры, вытекающія изъ такого несостоятельнаго основанія какъ религіозная нетерпимость, стремясь къ исключительному охраненію одного элемента общественной жизни, тѣмъ самымъ наносятъ значительный ущербъ другимъ, болѣе реальнымъ интересамъ общества.

4. Серьезное недоумѣніе возникаетъ относительно того, имѣетъ-ли еще въ настоящее время обязательную силу законъ о запрещеніи найма евреями христіанъ для домашнихъ услугъ. Законодательныя правила по этому предмету, какъ они сложились въ прежнее царствованіе и вошли въ сводъ законовъ 1857 г., состояли изъ двухъ частей, взаимно дополняющихъ одна другую. Гражданскій законъ установилъ самое запрещеніе и случаи изъ него изъятые, уголовный — наказаніе за несоблюденіе евреями этого запрещенія. Но въ 1865 г. уголовное наказаніе, какъ мы видѣли, отмѣнено, а правило гражданскаго закона осталось безъ

измѣненія. Конечно, съ точки зрѣнія формально-юридическои тутъ нѣтъ еще явнаго противорѣчія. Есть немало случаевъ, гдѣ законъ признаетъ недѣйствительнымъ тотъ или другои договоръ. не установляя, однакожъ, никакихъ наказании за совершеніе такихъ договоровъ; наказаніе заключается единственно въ томъ. что въ глазахъ суда договоръ не имѣетъ никакого значенія, и потому ни одна изъ сторонъ не можетъ быть принуждаема къ выполненію его судебнымъ порядкомъ. Такъ законъ запрещаетъ нанимать и наниматься на срокъ болѣе пяти лѣтъ. Совершеніе такого договора не влечетъ за собои никакой уголовнои отвѣтственности для сторонъ, но никакое присутственное мѣсто или должностное лицо не дастъ своей санкціи требованіямъ и правамъ, основаннымъ на такомъ договорѣ. Въ такомъ видѣ можно представить себѣ и теперешнее состояніе разбираемаго закона: уголовное наказаніе за наемъ евреями христіанъ отмѣнено, но гражданская недѣйствительность такихъ договоровъ осталась. Такое объясненіе, вполнѣ удовлетворительное для людеи, которые въ законѣ видятъ не дальше „буквальнаго его смысла“, не выдерживаетъ критики при ближайшемъ анализѣ мысли и мотивовъ закона. Существуетъ основное правило юридическои интерпретации, что всякии законъ долженъ быть понимаемъ и толкуемъ такимъ образомъ, чтобъ онъ имѣлъ внутренній, логическій смыслъ и соотвѣтствовалъ общему духу законовъ. Разсматривая съ этои точки зрѣнія законъ о запрещеніи наима христіанъ евреями, мы находимъ, что уголовное и гражданское запрещеніе вытекали здѣсь изъ одного и того-же внутренняго основанія и обязаны своимъ происхожденіемъ однимъ и тѣмъ-же правительственнымъ распоряженіямъ. Но теперь уголовнаго запрещенія болѣе не существуетъ, вслѣдствіе того, что „оно не соотвѣтствуетъ принимаемымъ нынѣ мѣрамъ терпимости“. Почему же, спрашивается, гражданское запрещеніе должно существовать и понынѣ; развѣ оно не вытекаетъ изъ того-же самого основанія, что и уголовное? Развѣ есть какой-нибудь смыслъ въ томъ, чтобъ вычеркнуть одну половину закона, какъ не соотвѣтствующую общему духу законода-

гельства и несправедливую, а другую его половину оставить въ прежнемъ видѣ? Это такого рода непослѣдовательность, которую можно допустить только въ виду какихъ-нибудь особенныхъ соображеній. Мы не вправѣ поэтому предположить здѣсь эту непослѣдовательность, пока не будетъ выяснено и доказано, что она дѣйствительно имѣлась въ виду законодателемъ по такимъ-то основаніямъ. Гораздо вѣроятнѣе, по нашему мнѣнію, предположить, что удержаніе въ гражданскихъ законахъ и послѣ 1865 года запрещенія, о которомъ идетъ рѣчь, есть не болѣе какъ редакціонный недосмотръ, одинъ изъ тѣхъ, которые неизбѣжны при громадномъ объемѣ нашего свода законовъ, дѣлающемъ весьма затруднительнымъ, при редактированіи одного тома, имѣть въ виду всѣ измѣненія, послѣдовавшія въ другихъ томахъ. Замѣчательнѣе всего, что именно такимъ образомъ взглянула практика на законъ 1865 года. Общество поняло дѣло такимъ образомъ: запрещеніе найма христіанъ евреями, хотя-бы оно повторялось нѣсколько разъ въ разныхъ томахъ свода, все-таки есть одно только запрещеніе, одинъ законъ, а не нѣсколько различныхъ законовъ; при этомъ центръ тяжести запрещенія лежалъ въ уголовномъ законѣ, опредѣлявшемъ наказанія за наемъ евреями христіанъ: было-бы поэтому нелогично предположить, что законъ, отмѣненный въ одномъ томѣ свода, продолжаетъ дѣйствовать въ другомъ потому только, что въ послѣднемъ забыли отмѣтить о его отмѣнѣ. Такъ понятъ былъ законъ 1865 г. на практикѣ. Съ тѣхъ поръ евреи вездѣ безпрепятственно нанимаютъ христіанскую прислугу, и мы не знаемъ примѣровъ, чтобъ судъ признавалъ недѣйствительными подобнаго рода договоры. Это лучшее доказательство того, что законъ этотъ дѣйствительно не соотвѣтствуетъ мѣрамъ терпимости, принимаемымъ въ настоящее время, и что мы далеко переросли то недавно прошедшее время, когда законъ этотъ процвѣталъ во всей силѣ. Законъ, который такимъ образомъ отмѣненъ фактически, можно смѣло причислить къ недѣйствующимъ правиламъ. Недостатокъ мѣста не дозволяетъ намъ указать здѣсь на аналогическіе примѣры, во-первыхъ, такихъ за-

коновъ о евреяхъ, которые отмѣнены въ одномъ томѣ, но не вычеркнуты въ другомъ, и во-вторыхъ, такихъ законовъ, которые хотя и остаются неприкосновенными въ сводѣ, но нигдѣ не исполняются на практикѣ. Подобно тому какъ общее запрещеніе найма евреями христіанской прислуги противорѣчитъ интересамъ страны и видамъ правительства относительно сближенія евреевъ съ остальнымъ населеніемъ, частные выводы изъ этого общаго правила сталкиваются съ спеціальными мѣрами для разумнаго разрѣшенія еврейскаго вопроса и тормазятъ эти послѣднія. Такъ, правительство до недавняго времени принимало дѣятельныя мѣры къ распространенію земледѣльческаго труда между евреями. Но понятно, что при совершенной непривычности евреевъ къ земледѣлію помощь христіанъ поселенцамъ-евреямъ на долгое время крайне необходима. Опасенія религіозной пропаганды со стороны евреевъ побудили, однакожъ, администрацію установить въ этомъ отношеніи существенныя ограниченія. Такъ, мы видѣли уже въ первой главѣ, что еврейскія колоніи по закону должны быть непремѣнно отдѣльны отъ христіанскихъ селеній, и что правило это значительно повредило успѣху правительственныхъ мѣръ по водворенію сельско-хозяйственныхъ промысловъ между евреями: съ одной стороны правило это затрудняетъ евреямъ практическое, наглядное ознакомленіе съ хозяйственной жизнью земледѣльцевъ; съ другой — поддерживаетъ изолированность еврейской массы на новомъ поприщѣ, затрудняетъ сближеніе ея съ русскимъ сельскимъ населеніемъ, столь желательное во всѣхъ отношеніяхъ. Еще сильнѣе дѣйствуетъ въ этомъ направленіи правило, въ силу котораго евреи, поселившіеся на казенныхъ земляхъ, обязаны обработывать ихъ сами, или при помощи своихъ единовѣрцевъ, но не могутъ нанимать работниковъ-христіанъ (Сборникъ, стр. 105). Законъ, стало быть, требуетъ, чтобъ евреи факторъ, лавочникъ и тому под., переселившись въ колонію, тотчасъ-же и непосредственно сдѣлался земледѣльцемъ, какъ будто на него снизошло вдохновеніе свыше. Если онъ захочетъ нанять сосѣдняго крестьянина, чтобъ поучиться у него тяжелому

и непривычному труду—законъ становится ему препятствіемъ, изъ опасенія, чтобъ работникъ не поддался религіозному ученію іудейства. Ясно, что это постановленіе наноситъ еще болѣе сильный ударъ земледѣльческому труду евреевъ, чѣмъ уединеніе ихъ колоній, потому что едва-ли возможно предположить сколько-нибудь успѣшный ходъ сельскаго хозяйства евреевъ безъ всякаго участія работниковъ-христіанъ.

Послѣ запрещенія найма христіанъ для домашнихъ услугъ евреямъ, видное мѣсто между правилами, клонящимися къ огражденію христіанъ отъ религіозной пропаганды евреевъ, занимаетъ законъ, выраженный въ ст. 85 уст. о предупр. и пресѣч. преступленій (Сборникъ, стр. 238). „Изъ уѣздовъ, въ коихъ находится жидовская ересь, высылать всѣхъ евреевъ безъ исключенія, и ни подъ какимъ предлогомъ не дозволять имъ тамъ пребыванія". При обзорѣ законодательства прошлаго царствованія, мы видѣли, что правило это вырвано изъ цѣлаго ряда подобнаго рода мѣропріятій противъ жидовской ереси, предпринятыхъ въ эпоху полнаго господства религіознаго принципа во внутренней нашей политикѣ. Въ то время для евреевъ Россія, кромѣ западной и южной окраины, была совершенно недоступна; съ другой стороны начало административнаго усмотрѣнія было господствующее въ дѣятельности правительственной власти. Такимъ образомъ, тогда казалось естественнымъ предоставить начальству „въ видѣ обыкновенной полицейской мѣры" отдавать всѣхъ жидовствующихъ въ солдаты или ссылать ихъ въ Сибирь, а въ pendant къ этому всѣхъ евреевъ высылать изъ мѣстъ жидовской ереси полицейскимъ порядкомъ, какъ удаляется изъ зачумленныхъ мѣстъ все, могущее содѣйствовать усиленію эпидеміи. Но со времени изданія этого закона много воды утекло, многое измѣнилось у насъ до того, что стало неузнаваемымъ. Такъ, правительство признало, что нѣкоторыя категоріи евреевъ могутъ не только безъ вреда, но и съ пользой для страны быть допускаемы къ повсемѣстному жительству въ Имперіи. Образовался вслѣдствіе этого довольно многочисленный классъ евреевъ, имѣющихъ право не временнаго толь-

ко пребыванія, но и постоянной осѣдлости во всей Россіи (ремесленники, купцы первой гильдіи, лица имѣющія извѣстную ученую степень). Съ другой стороны, власть распоряжаться личностью и имуществомъ гражданъ все болѣе и болѣе отходитъ, благодаря судебной реформѣ и другимъ преобразованіямъ, отъ полицейской власти къ судебной. Но разбираемый законъ остается въ сводѣ до сихъ поръ. Выходитъ, что въ настоящее время начальство можетъ выслать изъ мѣстности, гдѣ открылась жидовствующая ересь, нетолько еврея-купца и ремесленника, но и еврея-чиновника, такъ какъ право на высылку обусловливается единственно принадлежностью извѣстныхъ лицъ къ іудейской вѣрѣ. Нелѣпость подобнаго рода казуса очевидна. Разбираемый законъ имѣлъ въ виду такихъ евреевъ, которые внѣ черты ихъ осѣдлости могли жить только временно, а по прошествіи извѣстнаго, довольно краткаго срока должны были быть высылаемы полиціей. Слѣдовательно, законъ о томъ, что въ особенныхъ случаяхъ евреи могутъ быть высылаемы тѣмъ-же порядкомъ и до общаго срока, былъ совершенно согласенъ съ общимъ духомъ постановленій о пребываніи евреевъ во внутреннеи Россіи. Совсѣмъ въ другомъ видѣ представляется дѣло, когда высылка угрожаетъ лицамъ, имѣющимъ право постоянной осѣдлости въ данной мѣстности. Случая этого законъ не предвидѣлъ и предвидѣть не могъ, по тогдашнему юридическому положенію евреевъ въ Россіи, а между тѣмъ по буквальному смыслу закона онъ можетъ быть примѣненъ и къ этимъ лицамъ. Конечно, можно почти навѣрное сказать, что практическое примѣненіе разбираемаго закона въ настоящее время не будетъ имѣть мѣста, подобно тому, какъ административнымъ порядкомъ смягчена теперь суровость постановленій относительно самихъ іудействующихъ. Но въ такомъ случаѣ, къ чему же удерживать въ сводѣ законъ практически непримѣнимый, превратившіся въ мертвую букву, вслѣдствіе коренныхъ измѣненій въ нашемъ законодательствѣ. Мы не будемъ говорить уже о томъ, что такое огульное изгнаніе всѣхъ евреевъ изъ мѣстности, зараженной жидовствующей ересью, само по себѣ нарушаетъ основное

требованіе справедливой уголовной юстиціи—отвѣтственности каждаго только за свои личныя дѣйствія. Какъ бы достовѣрно ни было извѣстно, что такой-то еврей неспособенъ на религіозную пропаганду, начальство все-таки можетъ и должно, хотя-бы вопреки своему убѣжденію въ безопасности даннаго лица, выслать его изъ уѣзда. Наконецъ, нераціональность такого закона доказывается его неосуществимостію. Законъ говоритъ о высылкѣ евреевъ изъ того уѣзда, гдѣ находится ересь. Но въ предѣлахъ одного и того-же уѣзда могутъ быть гораздо большія разстоянія и затруднительныя сообщенія, чѣмъ между двумя смежными уѣздами. Такимъ образомъ не невозможно, что съ открытіемъ жидовской ереси въ одномъ концѣ уѣзда начальство вышлетъ евреевъ изъ другого конца его, несмотря на то, что по мѣстнымъ условіямъ они никакого сообщенія съ жидовствующей мѣстностью не имѣютъ, но оставитъ на мѣстѣ евреевъ, живущихъ близко къ еретикамъ, но въ другомъ уѣздѣ. Однимъ словомъ, съ какой стороны ни посмотрѣть на ст. 85 уст. предупр. и пресѣч. прест., несостоятельность ея очевидна. Это одинъ изъ многихъ анахронизмовъ, удержавшихся неизвѣстно почему въ нашемъ законодательствѣ о евреяхъ, но совершенно противорѣчащихъ общему характеру началъ, внесенныхъ въ русскую жизнь реформами настоящаго царствованія.

Обширность предмета и недостатокъ мѣста отнимаютъ у насъ возможность разсмотрѣть здѣсь другія стороны вопроса объ отношеніи нашего законодательства къ религіозному быту евреевъ; вмѣстѣ съ этимъ мы должны оставить до другого раза разборъ соціяльно-экономической и моральной стороны русскихъ законовъ о евреяхъ. Но заключеніе скажемъ здѣсь еще нѣсколько словъ объ общемъ характерѣ разсмотрѣнныхъ въ этой статьѣ законодательныхъ мѣръ относительно религіознаго быта евреевъ. Читатель могъ замѣтить, что мы оставили въ сторонѣ разборъ основныхъ принциповъ, на которыхъ построено наше законодательство по этому предмету. Кромѣ щекотливости самого предмета, насъ побуди-

ла къ этому и общеизвѣстность тѣхъ полновѣсныхъ возраженіи, которыя дѣлаются защитниками безусловной свободы совѣсти противъ неравноправности различныхъ вѣроисповѣдании, господствующей церкви и правительственнаго поощренія религіозной пропаганды. Есть вещи, которыя стоитъ только изложить для того, чтобъ понять ихъ смыслъ, опредѣлить ихъ настоящую цѣнность. За то мы старались, при разборѣ наиболѣе выдающихся пунктовъ въ законодательствѣ о религіозномъ бытѣ евреевъ, указать на одну до сихъ поръ не изслѣдованную сторону, весьма важную для критической оцѣнки этого отдѣла русскаго права: на противорѣчія между требованіями конфессіональнаго законодательства и принципами всѣхъ другихъ отдѣловъ частнаго и публичнаго права. Въ различныхъ мѣстахъ настоящаго очерка мы показали, что наши вѣроисповѣдные законы, придавая переходу иновѣрца въ христіанство, и еще болѣе въ православіе, значеніе юридическаго акта, вліяющаго на гражданское положеніе обращеннаго, и всячески поощряя этотъ переходъ, приходятъ вслѣдствіе этого въ столкновеніе почти со всѣми раціональными принципами, признаваемыми самимъ же нашимъ законодательствомъ въ другихъ его отдѣлахъ. Такъ вѣроисповѣдные законы сталкиваются даже съ свободой перехода иновѣрцевъ въ христіанство по убѣжденію—въ правилахъ о стѣсненіи перехода евреевъ въ протестантизмъ и запрещеніи принимать ихъ въ расколъ; съ основными началами семейнаго права—въ правилахъ о крещеніи малолѣтнихъ евреевъ и о преслѣдованіи субботниковъ; съ коренными началами уголовнаго права—въ вопросахъ, вытекающихъ изъ извѣстныхъ случаевъ вѣроотступничества; съ началами гражданскаго права—въ установленіи ранняго возраста религіознаго совершеннолѣтія; съ видами разумной политики по еврейскому вопросу—въ изолированіи еврейскихъ колоній, въ дурной организаціи народнаго образованія евреевъ, въ запрещеніи нанимать христіанъ для домашнихъ услугъ и во многомъ другомъ. Такимъ образомъ, конфессіональное наше законодательство не можетъ уживаться въ мирѣ со всѣми другими правовыми элементами общественной жизни, раціональность кото-

рыхъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Этотъ выводъ, по нашему мнѣнію, служитъ лучшимъ логическимъ аргументомъ противъ тѣхъ идеи и задачъ, которыя лежатъ въ основаніи разсмотрѣнной группы законодательныхъ правилъ объ отношеніи государства къ іудаизму.

II.

Отношеніе русскаго законодательства къ іудаизму, какъ опредѣленной формѣ религіозной жизни, составляетъ предметъ, совершенно еще непочатый нашей юридической наукой, а между тѣмъ предметъ этотъ чрезвычайно интересенъ нетолько для однихъ евреевъ и для тѣхъ, кто спеціально интересуется ихъ положеніемъ въ Россіи, но и для уясненія общаго характера русскаго вѣроисповѣднаго права и вопроса объ отношеніи государства къ церкви у насъ. Въ предъидущей статьѣ мы представили разборъ цѣлой группы правилъ, относящихся преимущественно къ пропагандѣ христіанства между евреями и защитѣ его отъ посягательствъ еврейскаго прозелитизма. Выводы, къ которымъ приводитъ разборъ упомянутыхъ правилъ, какъ вѣроятно замѣтилъ читатель, не лишены общаго значенія для характеристики темныхъ сторонъ нашего конфессіональнаго законодательства. Намъ остается теперь разсмотрѣть другіе отдѣлы законодательства, касающіеся религіознаго быта евреевъ и организаціи этого быта соотвѣтственно требованіямъ общественной жизни страны. Сюда относятся многочисленные и довольно разнообразные вопросы права, при разрѣшеніи которыхъ государству приходится имѣть дѣло, прямо или косвенно, съ религіозными понятіями евреевъ и соображать свои постановленія съ этими понятіями. Мы поговоримъ сперва отдѣльно о каждомъ изъ наиболѣе выдающихся вопросовъ этого рода, а затѣмъ постараемся дать общую оцѣнку всѣхъ постановленій русскаго закона, относящихся къ религіозному быту евреевъ.

Остановимся прежде всего на томъ предметѣ, который всего рельефнѣе выставляетъ взглядъ законодателя на общественное положеніе той или другой религіи, именно на положеніи ея духовенства предъ лицомъ закона. Чѣмъ глубже проникаетъ въ законодательство данной страны идея настоящей вѣротерпимости, чѣмъ больше проводится въ немъ принципъ отдѣленія церкви отъ государства, тѣмъ ближе оно къ полному уравненію соціяльнаго положенія духовенства всѣхъ вѣроисповѣданій, тѣмъ бо̀льшею независимостью пользуется послѣднее въ кругу свои дѣятельности. Съ одной стороны, привилегіи той или другой опредѣленной церкви, прерогативы духовенства относительно вмѣшательства во многія дѣла чисто гражданскаго свойства исчезаютъ: все что̀ не носитъ характера спеціяльно-религіознаго дѣла, отходитъ въ вѣдѣніе государства, которое регулируетъ эти дѣла независимо отъ церковныхъ идеи и требованій, по собственному своему усмотрѣнію. За то, съ другой стороны, каждой церкви предоставляется неограниченная автономія во всемъ, что̀ касается исключительно религіозныхъ предметовъ, и государство, регулируя гражданскій бытъ послѣдователей разныхъ религій, уравниваетъ духовенство всѣхъ вѣроисповѣданій въ размѣрахъ его правъ и обязанностей. Такова программа разрѣшенія вопроса объ отношеніи государства къ религіи и церкви, до которой додумалось современное человѣчество; къ осуществленію этой программы видимо идутъ усилія прогрессивной части населенія всѣхъ цивилизованныхъ странъ.

Посмотримъ же, въ какомъ видѣ представляется положеніе еврейскаго духовенства по русскому закону.

Дѣйствующіе у насъ до сихъ поръ законы по этому предмету основаны на правилахъ положенія о евреяхъ 1835 г. (за исключеніемъ института казенныхъ раввиновъ, который появился впослѣдствіи). Съ 1825 года, т. е. со времени самаго вступленія на престолъ Императора Николая I, существовалъ особый еврейскій комитетъ изъ высшихъ сановниковъ, которому поручено было выработать проэктъ новыхъ законовъ о евреяхъ. Въ руководство ему дано было Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобъ не упускать

изъ виду правилъ объ исправленіи евреевъ ученіемъ и воспитаніемъ, о заведеніи между ними фабрикъ, запрещеніи раннихъ браковъ, лучшемъ устройствѣ кагаловъ и коробочныхъ сборовъ *. Исправленіе евреевъ, о которомъ здѣсь говорится, имѣло смыслъ не одинъ соціально-экономическій, но какъ мы показали прежде, и нравственно-религіозный: правительство считало себя обязаннымъ улучшать религіозныя понятія евреевъ, распространять между ними христіанство Комитетъ 1825 г. изготовилъ къ 1833 году проэктъ устава о евреяхъ. Этотъ проэктъ поступилъ на разсмотрѣніе министровъ внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія, финансовъ и юстиціи. Здѣсь сдѣланы были дополненія и сокращенія, преимущественно въ томъ, что относилось до духовной части. Принято было при этомъ на видъ слѣдующее соображеніе: „Какъ евреи не имѣютъ ни общаго духовенства, ни обрядовъ богослуженія, принимая то и другое въ значеніи, какое придается имъ въ христіанскомъ мірѣ, потому признано было необходимымъ избѣгать слишкомъ опредѣлительныхъ для нихъ постановленій“ **. Итакъ, правительство за исходную точку своихъ постановленій приняло то воззрѣніе, что у евреевъ вовсе нѣтъ духовенства, какъ особаго сословія съ исключительными правами и преимуществами, съ особеннымъ положеніемъ въ гражданскомъ обществѣ. Этотъ взглядъ удержался до сихъ поръ въ нашемъ законѣ, какъ можно судить изъ слѣдующихъ опредѣленій. „Еврейская вѣра—говоритъ законодатель по поводу 10-й народной переписи—не имѣетъ особеннаго духовнаго сословія, и потому лица сего рода, кромѣ караимовъ, подлежатъ ревизіи на общемъ основаніи“ (прим. 4 къ п. 5 приложенія къ ст. 1,679 т. IX св. зак.). Исходя изъ этого взгляда, законъ допускаетъ возможность того, что еврейскій раввинъ производитъ торговлю „на основаніи общихъ правилъ о торгующихъ евреяхъ“. До какой степени нашъ законъ чуждъ представленія о

* Варадиновъ „Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ“, III 1 380

** Тамъ-же, стр. 555

духовномъ санѣ и достоинствѣ еврейскаго раввина, видно изъ того, что у насъ раввинъ въ награду за безпорочную службу получаетъ почетныя права *купца* 1-и гильдіи (ст. 1,092 т. XI ч. 1). Итакъ, въ то время какъ духовенству христіанскихъ исповѣданій торговля воспрещается, раввину права торговли предоставляются какъ награда за безпорочную службу, т. е. добросовѣстное исполненіе духовныхъ обязанностей! То, что̀ тамъ считается унизительнымъ и несогласнымъ съ достоинствомъ духовнаго сана, здѣсь является почетнымъ и естественнымъ вознагражденіемъ за духовно-служебное рвеніе! Такова пропасть, отдѣляющая въ глазахъ нашего закона раввина отъ христіанскаго духовнаго лица.

Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ законъ придаетъ особенное значеніе духовному сану, онъ обыкновенно имѣетъ въ виду лишь духовенство христіанское. Такъ напримѣръ, при составленіи духовныхъ завѣщаній, подпись духовнаго отца завѣщателя замѣняетъ, по нашему закону, участіе двухъ свидѣтелей другого званія. Государственный совѣтъ по одному дѣлу въ 1852 г. совершенно правильно призналъ, что правило это относится только къ признаваемымъ закономъ христіанскимъ исповѣданіямъ; оно не можетъ быть примѣнено къ расколу, а тѣмъ менѣе къ духовенству нехристіанскому *.

Практическія послѣдствія этого полнаго игнорированія закономъ духовнаго значенія раввиновъ обнаруживаются во многихъ затрудненіяхъ при разрѣшеніи различныхъ вопросовъ. Такъ напримѣръ, общій законъ, запрещая лицамъ духовнаго званія производство торговли, вмѣстѣ съ тѣмъ не признаетъ за ними права обязываться векселями, какъ вытекающаго изъ торговыхъ оборотовъ и сопряженнаго съ купеческимъ званіемъ. Практика примѣняетъ это запрещеніе къ еврейскому духовенству. По крайней мѣрѣ одесскіе нотаріусы, сколько мнѣ извѣстно, отказываются свидѣтельствовать векселя отъ имени раввина. Нѣтъ сомнѣнія,

* См Побѣдоносцева, „Курсъ гражданскаго права“, ч. 2, стр. 416

что этотъ отказъ нотаріусовъ не имѣетъ юридическихъ основаній. Коль скоро законъ предоставляетъ раввину производство торговли, то онъ даетъ ему право и обязываться векселями. Вексель есть душа торговаго оборота: безъ права выдавать векселя немыслимо производство торговыхъ сдѣлокъ. Воспрещать раввину выдавать векселя, значитъ отмѣнить ст. 1,092 т. XI относительно права ихъ производить торговлю „на общемъ основаніи". Притомъ же, если нотаріусъ не засвидѣтельствуетъ векселя, то раввинъ имѣетъ еще возможность выдавать векселя домашнимъ порядкомъ; что же сдѣлаетъ судъ въ случаѣ предъявленія подобныхъ документовъ ко взысканію? По буквальному смыслу закона, судъ долженъ примѣнить къ раввину-должнику по векселю общія правила вексельнаго взысканія, а слѣдовательно и подвергнуть его личному задержанію. Но тутъ возникаетъ вопросъ: что станется съ служебными обязанностями раввина, прерываемыми такимъ образомъ заключеніемъ его въ долговую тюрьму? Относительно всѣхъ вообще служащихъ лицъ законъ принимаетъ различныя мѣры къ тому, чтобъ оградить государственные интересы, связанные со службой каждаго должностнаго лица, отъ нарушенія ихъ мѣрами взысканія, обращенными на это лицо. Но раввинъ не есть служащее лицо въ строгомъ смыслѣ слова, и упомянутыя правила относительно служащихъ едва ли могутъ быть на него распространяемы; собственно же о раввинахъ законъ въ этомъ отношеніи не упоминаетъ, вслѣдствіе чего на практикѣ возможны существенныя затрудненія при взысканіи съ раввиновъ.

Другой любопытный случаи этого рода представляетъ вопросъ о духовныхъ раввинахъ на бессарабской границѣ. Въ бессарабскомъ областномъ правленіи уже нѣсколько десятковъ лѣтъ производится дѣло о выселеніи евреевъ изъ 50-тиверстной пограничной черты, на основаніи законовъ прежняго царствованія. Между прочимъ возникъ при этомъ вопросъ: должны ли быть удалены изъ упомянутой черты и духовные раввины? „Принимая во вниманіе, что особые духовные раввины отъ правительства не положены и, какъ полицейское управленіе доносило, что они высоко чтутся евреями только по

фанатизму, то областное правленіе нашло, что лица эти, т. е. духовные раввины нисколько не отличаются отъ другихъ евреевъ и должны быть высланы" и пр. Нетрудно видѣть, что вопросъ этотъ рѣшенъ областнымъ правленіемъ юридически правильно. Законъ предоставляетъ раввинамъ права купцовъ первой гильдіи, въ видѣ награды за безпорочную службу; стало быть, чѣмъ усерднѣе раввинъ исполняетъ свои обязанности, тѣмъ шире его права по торговлѣ и тѣмъ больше основаній удалять его отъ границы, изъ опасенія, что онъ займется контрабандой (что составляетъ основаніе законовъ о воспрещеніи евреямъ жить на бессарабской границѣ). Но очевидно и то, что мотивы областнаго правленія не выдерживаютъ критики. Духовные раввины, видите ли, высоко чтутся евреями только по фанатизму. Это замѣчено проницательнымъ полицейскимъ управленіемъ и донесено куда слѣдуетъ. Но развѣ нельзя съ такимъ же основаніемъ сказать то же самое относительно духовенства всякаго другого исповѣданія? Всякое полицейское управленіе охотно подпишется подъ донесеніемъ въ родѣ слѣдующаго: магометанскіе имамы высоко чтутся своею паствой только по фанатизму. Съ точки зрѣнія „просвѣщеннаго европеица", такое донесеніе будетъ вполнѣ вѣрно; однакожь, законъ не обращаетъ вниманія на роль, которую играетъ фанатизмъ въ почитаніи духовенства, и санкціонируетъ своею властью это почитаніе, присвоивая духовенству особое, привилегированное положеніе въ обществѣ. По справедливости и еврейскій „фанатизмъ", обнаруживающійся въ уваженіи къ духовенству, заслуживаетъ не меньше покровительства со стороны законодателя, чѣмъ фанатизмъ магометанъ и буддистовъ.

Противъ этого нельзя ссылаться на другое соображеніе областнаго правленія, что особые духовные раввины отъ правительства не положены. Существованіе духовенства у всякаго вѣроисповѣданія есть первобытный, элементарный фактъ общественной жизни, независимый отъ желанія или нежеланія свѣтской власти. Правительство можетъ игнорировать существованіе духовенства въ томъ или другомъ исповѣданіи, но не можетъ препятствовать ему,

и самое игнорированіе это не можетъ быть проводимо послѣдовательно, безъ нарушенія во многихъ случаяхъ элементарныхъ требованій справедливости.

Несостоятельность взгляда нашего закона на положеніе раввиновъ видна еще изъ другого постановленія того же областнаго правленія Относительно лицъ, занимающихъ мѣста казенныхъ раввиновъ, правленіе это нашло слѣдующее. По закону, въ случаѣ недостатка казенныхъ раввиновъ въ Россіи, они могутъ быть выписываемы изъ-за границы. Посему правленіе положило, что лица эти могли бы имѣть право жить во время исполненія должности въ пограничной чертѣ; но какъ изъятіе для нихъ должно соразмѣряться со степенью полезности и необходимости ихъ, то полицейскія управленія въ подобныхъ случаяхъ должны входить съ особыми представленіями о каждомъ изъ нихъ отдѣльно *.

Это постановленіе не имѣетъ уже никакого юридическаго основанія и находится въ противорѣчіи съ тѣмъ, что установлено правленіемъ относительно духовныхъ раввиновъ. Само правленіе справедливо указало тамъ на то, что нашъ законъ игнорируетъ духовныхъ раввиновъ, выбираемыхъ и содержимыхъ еврейскими обществами безъ всякаго участія правительства; стало быть, всѣ постановленія закона о раввинахъ относятся къ казеннымъ раввинамъ. А такъ какъ, законъ прямо говоритъ о правѣ раввиновъ производить торговлю на общемъ основаніи, то, значитъ, онъ относитъ и казенныхъ раввиновъ къ числу „торгующихъ евреевъ". Правила же о выселеніи всѣхъ вообще евреевъ, не удовлетворяющихъ извѣстнымъ формальнымъ требованіямъ (приписка къ мѣстнымъ обществамъ или пріобрѣтеніе недвижимой собственности до 1858 г.), изъ пограничной черты Бессарабіи основаны именно на томъ предположеніи, что всякій еврей торгуетъ и потому можетъ заниматься при случаѣ контрабандой. Изъятія для равви-

* См. „Новороссійскій Телеграфъ". № 23, за 1871 г., корреспонденція изъ Кишинева

новъ въ этихъ правилахъ нѣтъ; стало быть, нужно руководствоваться общимъ закономъ. А такъ какъ въ силу этого закона раввинъ можетъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ и торговцемъ, то законъ о выселеніи долженъ быть примѣненъ къ еврейскому духовенству на общемъ для всѣхъ евреевъ основаніи. Всякій еврей торгуетъ и можетъ быть контрабандистомъ: раввинъ тоже торгуетъ и тоже еврей—стало быть, его можно разсматривать какъ будущаго контрабандиста. Полезность и даже необходимость даннаго лица въ качествѣ раввина не можетъ, какъ полагаетъ областное правленіе, влять на разрѣшеніе вопроса о правѣ его жить въ пограничной чертѣ. Эта точка зрѣнія имѣла бы юридическій смыслъ тогда, еслибъ законъ относительно выселенія евреевъ изъ бессарабской границы ставилъ оное въ зависимость отъ поведенія, образа жизни и занятій каждаго лица въ отдѣльности. Но такого разбора законъ не признаетъ. Для него всякій еврей, каковы бы ни были его занятія и общественное положеніе, есть возможный контрабандистъ. Какое же значеніе можетъ имѣть тутъ полезность раввина, если не принимаются въ соображеніе другіе, можетъ быть, гораздо болѣе значительные виды полезности другихъ евреевъ, которыхъ занятія не имѣютъ ничего общаго съ контрабандною торговлею. Раввинъ, весьма полезный по своей служебной дѣятельности, можетъ быть, вмѣстѣ съ тѣмъ, по мысли нашего закона, дѣятельнымъ торговцемъ. Мало того: его права торговли расширяются по мѣрѣ его служебнаго рвенія. Слѣдовательно, выводъ областнаго правленія, что казеннымъ раввинамъ можно оставаться въ пограничной чертѣ въ случаѣ признанія ихъ полезности полицейскими управленіями (оригинальна эта аттестація духовныхъ лицъ полиціей), находится въ прямомъ, какъ буквальномъ, такъ и логическомъ противорѣчіи со взглядомъ закона на юридическое положеніе раввиновъ. Трудно допустить, чтобы областное правленіе не сознавало всей шаткости своей аргументаціи по этому вопросу. Ссылка его на законъ о выпискѣ раввиновъ изъ-заграницы къ данному случаю не имѣетъ ровно никакого отношенія, такъ какъ тутъ дѣло идетъ о раввинахъ-туземцахъ и объ огражденіи бессарабской границы отъ нако-

пленія контрабандистовъ. При томъ же въ обсужденіи вопроса о духовныхъ раввинахъ областное правленіе выказало правильное пониманіе сущности нашихъ законовъ о положеніи духовенства у евреевъ.

При такихъ условіяхъ разсужденія областной администраціи, относительно избавленія казенныхъ раввиновъ отъ огульнаго изгнанія изъ 50-ти верстной пограничной полосы Бессарабіи, представляютъ очевидную и умышленную натяжку, юридически несостоятельное толкованіе закона.

Что же побудило областное правленіе прибѣгнуть къ этой натяжкѣ? Не проще и не логичнѣе-ли было бы распространить на раввиновъ правило выселенія, какъ на „торгующихъ евреевъ" вообще? Отвѣтить на этотъ вопросъ нетрудно. Хотя и проще было бы примѣнить „прямой смыслъ" такихъ-то статей, но администрація не можетъ не сознавать несправедливости и непрактичности приравниванья раввиновъ всѣмъ торгующимъ евреямъ. Законъ можетъ игнорировать духовное значеніе раввина и смотрѣть на него, какъ на торгаша: но администрація, имѣющая дѣло не съ одною бумагой, но и съ дѣйствительною жизнью, видитъ невозможность смотрѣть на раввина, какъ на контрабандиста in spe. Не имѣя возможности прямо обходить законъ, она прибѣгаетъ къ натяжкамъ для того, чтобъ смягчить на практикѣ неудобства легальнаго взгляда на положеніе еврейскаго духовенства. Вотъ гдѣ слѣдуетъ искать ключъ къ натяжкамъ въ постановленіи бессарабскаго областнаго правленія относительно изъятія казенныхъ раввиновъ изъ суроваго правила объ изгнаніи всѣхъ евреевъ изъ пограничной полосы Бессарабіи. Если же администрація, въ качествѣ исполнительницы закона, вынуждена прибѣгать къ подобнымъ натяжкамъ для того, чтобъ обойти законъ, то нераціональность послѣдняго едва ли можетъ уже подвергаться сомнѣнію.

Таково отношеніе нашего закона къ еврейскому духовенству. Отношеніе это существенно видоизмѣнено съ введеніемъ въ 40-хъ годахъ института такъ-называемыхъ раввиновъ,—института весьма неудачнаго во многихъ его отношеніяхъ и осужденнаго, по всей вѣроятности, на исчезновеніе въ непродолжительномъ времени.

Не такъ давно газеты извѣщали, что на разсмотрѣніи высшаго правительства находится теперь вопросъ о преобразованіи раввината и вообще духовнаго управленія евреевъ, въ связи съ измѣненіемъ системы народнаго образованія, т. е. измѣненіемъ или закрытіемъ казенныхъ еврейскихъ училищъ, талмудъ-торъ, хедеровъ и пр. Въ виду этого было бы очень желательно, чтобъ всѣ лица, близко знакомыя практически съ положеніемъ училищнаго дѣла и духовнаго управленія у евреевъ, печатно высказали результаты своихъ наблюденій, относительно недостатковъ существующей системы и возможнаго ихъ устраненія. По программѣ настоящей статьи считаемъ необходимымъ указать на основной характеръ раввината по дѣйствующему закону, на недостатки его юридической организаціи и на то, чѣмъ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ замѣнить существующую систему.

Необходимое условіе разумнаго существованія всякаго учрежденія заключается въ единствѣ и послѣдовательности его дѣятельности. Тамъ, гдѣ одному и тому же лицу или учрежденію присвоивается разнохарактерный кругъ правъ и обязанностей, тамъ невозможно ожидать успѣшнаго достиженія ни одной изъ цѣлей и задачъ даннаго учрежденія.

Въ какомъ же видѣ представляется намъ современный раввинатъ, если примѣнить къ нему это незатѣйливое требованіе, безусловно необходимое для успѣшности всякаго учрежденія? Постановленія закона могутъ дать намъ на это ясныя и скорыя отвѣтъ.

„Раввинъ—говоритъ законъ—есть блюститель и толкователь еврейскаго закона. Должность раввина есть: наблюдать, чтобъ въ общественномъ богослуженіи и обрядахъ вѣры были сохраняемы установленныя правила; объяснять евреямъ законъ ихъ и разрѣшать встрѣчающіяся въ ономъ недоумѣнія; вразумлять ихъ въ истинномъ смыслѣ закона. Раввинъ можетъ во всякое время входить въ подвѣдомыя ему школы и синагоги, говорить и читать въ нихъ поученія и присутствовать при совершеніи богомоленія или обрядовъ вѣры. Онъ занимаетъ всегда ближайшее къ Кивоту

мѣсто и представляетъ первое лицо въ собраніи. Онъ одинъ имѣетъ право совершать религіозные обряды обрѣзанія, бракосочетанія и развода. По дѣламъ о нарушеніи обязанностей религіозныхъ раввины судятся собраніемъ не меньше трехъ раввиновъ ближайшихъ обществъ". (Сборникъ, стр. 158—162). Эти правила достаточно ясно показываютъ, что въ глазахъ правительства раввинъ есть оффиціяльный представитель еврейской общины въ религіозномъ отношеніи, т. е. духовное лицо еврейскаго исповѣданія. Хотя правительство, какъ мы видѣли, исходитъ всегда изъ того воззрѣнія, что у евреевъ нѣтъ духовенства въ строгомъ смыслѣ слова, но это значитъ только, что духовенство евреевъ не пользуется такимъ привилегированнымъ положеніемъ, какъ христіанское и магометанское. Но раввины тѣмъ не менѣе разсматриваются закономъ какъ лица духовныя въ настоящемъ смыслѣ. Право совершать религіозные обряды, быть первымъ лицомъ въ синагогѣ, говорить въ ней проповѣди, наблюдать за исполненіемъ религіозныхъ правилъ и толковать эти послѣднія—все это такія права, которыя по самой своей природѣ присвоены духовенству каждаго исповѣданія и не могутъ быть раздаваемы государствомъ по своему усмотрѣнію лицамъ недуховнаго званія. Очевидно, стало быть, что законъ считаетъ раввина духовнымъ лицомъ, хотя и не пользующимся въ гражданскомъ отношеніи такими преимуществами какъ духовенство другихъ исповѣданій. Вотъ почему законъ считаетъ невозможнымъ исправленіе кѣмъ-либо обязанностей раввина безъ изъявленія еврейскимъ обществомъ желанія имѣть это лицо своимъ духовнымъ пастыремъ. Общества сами избираютъ раввиновъ по исконному еврейскому обычаю, заключаютъ съ ними договоры относительно вознагражденія, взаимныхъ правъ и обязанностей. Правительство считаетъ невозможнымъ навязывать обществу раввина, такъ какъ это противорѣчило бы принципу вѣротерпимости, требующему полной автономіи каждаго вѣроисповѣданія въ дѣлахъ чисто религіозныхъ.

Законъ нашъ принялъ за общее правило, что издержки на удовлетвореніе духовныхъ потребностей евреевъ удовлетворяются

не изъ суммъ государственнаго казначейства, какъ въ нѣкоторыхъ европейскихъ странахъ, даже не изъ спеціально-еврейскихъ суммъ, составляющихся изъ исключительныхъ на евреевъ налоговъ (коробочнаго и свѣчнаго сборовъ) для общественныхъ ихъ нуждъ, но изъ добровольныхъ приношеній членовъ общины (Сборникъ, стр. 153). Оставаясь послѣдовательно вѣрнымъ этому началу и принимая въ расчетъ, что содержаніе раввина есть тоже духовная потребность, законъ запрещаетъ ассигновать изъ коробочнаго сбора суммы на содержаніе раввиновъ, но предоставляетъ обществамъ удовлетворять ихъ частнымъ образомъ, по взаимному соглашенію, изъ добровольныхъ пожертвованій (Сб., 62). Все это имѣетъ смыслъ только съ той точки зрѣнія, что раввинъ есть лицо, которое въ глазахъ самой общины имѣетъ значеніе духовнаго ея наставника и руководителя. Отъ него, стало быть, законъ можетъ требовать только исполненія религіозныхъ обязанностей еврейскаго пастыря, не болѣе и не менѣе. Ни въ одной цивилизованной странѣ законъ не требуетъ и не можетъ требовать отъ духовнаго лица ничего иного, кромѣ исполненія его духовныхъ обязанностей. Выдержанъ ли этотъ принципъ относительно раввиновъ въ Россіи?

Отвѣтомъ можетъ служить слѣдующее. Рядомъ съ упомянутыми правилами, утверждающими духовное значеніе раввиновъ, встрѣчаемъ другія, показывающія, что раввинъ есть органъ правительственныхъ интересовъ по дѣламъ евреевъ, должностное лицо, нетолько неисполняющее еврейскихъ религіозныхъ обычаевъ, но положительно обязанное противодѣйствовать этимъ обычаямъ съ точки зрѣнія государственнаго интереса. Такъ напримѣръ, хотя общества выбираютъ раввиновъ по своему усмотрѣнію, но въ сущности они не пользуются въ этомъ отношеніи тою свободой выбора, которая необходима въ видахъ религіозной свободы и уваженія общины къ своему духовному пастырю. Общества по закону обязаны выбирать раввиновъ изъ лицъ, окончившихъ курсъ въ извѣстныхъ общихъ или еврейскихъ учебныхъ заведеніяхъ (Сб., 158). Понятно, что это правило установлено въ интересахъ не еврейской религіи, для которой и университетскій дипломъ не

служитъ особенной гарантіей духовнаго образованія и набожности, а государства, которое желаетъ имѣть надежныхъ органовъ контроля надъ еврействомъ. Раввину присвоивается исключительное право совершенія религіозныхъ обрядовъ, имѣющихъ и важное гражданское значеніе для опредѣленія личныхъ и имущественныхъ правъ евреевъ (бракъ, разводъ, удостовѣреніе рожденій и смертностей) Это правило содержитъ важное нарушеніе принциповъ іудаизма, предоставляющихъ каждому свѣдущему лицу право совершать религіозные обряды, толковать религіозныи законъ, разрѣшать недоумѣнія по духовнымъ вопросамъ и т. под. Стало быть, отстаивать это свое право раввинъ можетъ не какъ духовное лицо (ибо въ качествѣ такого онъ долженъ признавать дѣйствительнымъ всякій бракъ, разводъ и пр., совершенный кѣмъ бы то ни было, если соблюдены требованія еврейскаго закона), а какъ должностное лицо, опираясь на государственный законъ, отмѣняющій еврейскій обычай.

Раввинъ обязанъ направлять евреевъ къ соблюденію нравственныхъ обязанностей, къ повиновенію общимъ государственнымъ законамъ и установленнымъ властямъ. (Сб., 159). Тутъ правительственно-служебныи характеръ раввина выступаетъ такъ ясно, что не нуждается въ толкованіяхъ.

Совершая браки, раввинъ наблюдаетъ, чтобъ женихъ имѣлъ не менѣе 18, а невѣста — 16 лѣтъ (*тамъ-же*). Опять-таки правило государственнаго закона, противорѣчащее и обычаю, и религіозному закону евреевъ, требующему возможно болѣе ранняго вступленія въ бракъ. Бракосочетаніе иногородныхъ евреевъ допускается не иначе, какъ съ письменнаго дозволенія раввина того мѣста, къ которому иногородныи принадлежитъ (Сб., 160). И это правило — свѣтскаго происхожденія, несогласное съ религіозными понятіями евреевъ, допускающими безусловную свободу совершенія браковъ. Настаивая на соблюденіи этихъ правилъ, раввинъ перестаетъ быть духовнымъ лицомъ, исполняющимъ требованія своего религіознаго ученія, и становится правительственнымъ

чиновникомъ, кассирующимъ капитальные пункты этого ученія, во имя интересовъ общежитія и государственной власти.

Такой же характеръ носитъ другой, весьма важный родъ обязанностей раввиновъ — по наблюденію надъ ходомъ народнаго образованія евреевъ. По мысли и предписаніямъ закона, раввинъ, идя рука объ руку съ полиціей, долженъ употреблять всѣ старанія для того, чтобъ при помощи полиціи „искоренять суевѣріе талмуда“, строго контролируя національно-еврейскую систему народнаго обученія въ хедерахъ. Духовныя глава еврейской общины обязывается закономъ преслѣдовать основной принципъ обычнаго еврейскаго ученія—неограниченной свободы преподаванія для каждаго и преобладанія религіозныхъ предметовъ надъ свѣтскими въ дѣлѣ образованія юношества!

Обязанности раввиновъ по веденію метрическихъ книгъ, наконецъ, тоже приводятъ ихъ въ весьма частыя столкновенія съ религіозными обычаями евреевъ, у которыхъ укоренилось понятіе о ненужности всякаго рода казенныхъ формальностей для дѣйствительности всѣхъ актовъ. И тутъ раввинъ имѣетъ опору для своей дѣятельности только въ государственномъ законѣ; религіозные же обычаи и вѣрованія евреевъ представляютъ ему одни затрудненія, часто непреодолимыя.

Такимъ образомъ, если обнять однимъ взглядомъ всю совокупность правилъ, опредѣляющихъ кругъ дѣйствій, права и обязанности раввиновъ, то окажется, что раввинъ по теперешнему закону есть и духовное лицо своей общины, и въ качествѣ такового предсѣдательствуетъ, если можно такъ выразиться, въ синагогѣ, толкуетъ религіозный законъ и наблюдаетъ за его исполненіемъ. Но съ другой стороны онъ же и правительственный чиновникъ, преслѣдующій коренныя начала еврейскаго быта, освященныя вѣковымъ преданіемъ и религіей, во имя требованій государственнаго интереса. На него, стало быть, возложены двѣ категоріи обязанностей, находящіяся въ совершенномъ между собой противорѣчіи. Не ясно ли, что, вслѣдствіе этого, имъ не можетъ быть исполняема, какъ слѣдуетъ, ни одна изъ этихъ категорій.

Такой исходъ тѣмъ болѣе неизбѣженъ, что разладъ въ двойственномъ положеніи раввина выразился очень осязательно и въ матеріяльной обстановкѣ ихъ положенія. Смотря на раввина, какъ на духовное лицо, и исходя изъ той точки зрѣнія, что государство не можетъ давать никакой поддержки „лжеученію“ евреевъ, а можетъ только терпѣть это лжеученіе, законъ опредѣляетъ, что содержаніе раввина не можетъ быть относимо даже на счетъ тѣхъ спеціяльно-еврейскихъ суммъ, которыя подлежатъ контролю правительства, а зависитъ всецѣло отъ воли обществъ. Еслибъ раввинъ былъ только духовнымъ лицомъ, такой порядокъ, хотя и крайне несправедливый, не имѣлъ бы особенно ощутительныхъ вредныхъ послѣдствій. Но какимъ образомъ ожидать, чтобы раввинъ-чиновникъ могъ думать о противодѣйствіи религіознымъ суевѣріямъ или дурнымъ обычаямъ своей общины, когда его существованіе всецѣло зависитъ отъ произвола ея? Законъ нашъ по своему обыкновенію, правда, не поскупился на строжайшія предписанія и уголовныя угрозы раввинамъ на случай неисполненія какой-либо изъ ихъ многотрудныхъ обязанностей. За неисполненіе какой-либо изъ обязанностей, собственно до еврейской общины относящихся, онъ предается суду раввиновъ, которые можетъ приговорить его къ лишенію раввинскаго званія. Право возбуждать подобныя преслѣдованія предоставлено исключительно самимъ обществамъ, т. е. тѣмъ самымъ обществамъ, которыхъ раввины должны контролировать и направлять въ интересахъ правительства! (Сб., 161). За неисполненіе въ чемъ-либо обязанностей по надзору за меламдами, раввины подвергаются штрафу и затѣмъ удаленію отъ должности (Сб., 255). За отклоненіе евреевъ-земледѣльцевъ отъ ихъ занятій, раввинъ подвергается заключенію въ смирительномъ домѣ, а затѣмъ—отдачѣ въ арестантскія роты (Сб., 256). Стало быть, раввинъ, котораго самъ законъ называетъ „блюстителемъ и толкователемъ еврейскаго (религіознаго) закона“, можетъ попасть въ арестантскія роты за то, что будетъ настаивать на соблюденіи евреями-колонистами субботъ и праздниковъ и множества религіозныхъ предписаній, нерѣдко мѣшающихъ интересамъ

земледѣльческаго труда у евреевъ! За неисправности въ веденіи метрическихъ книгъ раввины подвергаются штрафамъ, а за неправильное (съ точки зрѣнія гражданскаго закона, хотя и согласное съ еврейскими обычаями) совершеніе браковъ — удаленію отъ должностей и заключенію въ тюрьмѣ. (Сб., 258, 259). Словомъ, дамокловъ мечъ виситъ постоянно надъ головой раввина, который вздумаетъ исполнять обязанности духовнаго лица въ настоящемъ смыслѣ этого слова, т. е. руководствоваться исключительно еврейскимъ религіознымъ закономъ и обычаями, оставивъ въ сторонѣ свои оффиціяльныя обязанности предъ государствомъ. Но какой прокъ во множествѣ предписаній и угрозъ, когда законъ не позаботился о томъ, чтобъ поставить раввиновъ въ возможность исполнять эти предписанія?

Одной матеріяльной зависимости раввиновъ отъ избравшихъ ихъ обществъ достаточно для того, чтобъ превратить въ мертвую букву обязанность первыхъ бороться съ недостатками вторыхъ. Затѣмъ, страшное право обществъ возбуждать преслѣдованія противъ раввиновъ за нарушенія религіозныхъ правилъ, при изумительномъ множествѣ этихъ правилъ и физической невозможности для развитаго человѣка строго исполнять ихъ, существенно парализуетъ дѣятельность раввиновъ, которые вздумали бы серьезно исполнять свои обязанности. Кромѣ того, необыкновенная легкость упечь подъ судъ раввина за неисправность въ веденіи метрическихъ книгъ, надзоръ за меламдами при тѣхъ непреодолимыхъ затрудненіяхъ, которыя представляетъ дѣйствительность точному исполненію законовъ по этимъ предметамъ, должна съ перваго раза вразумить раввина насчетъ затруднительности и даже невозможности для него идти въ разладъ съ обществомъ въ какомъ бы то ни было отношеніи. Вдумываясь въ постановленія нашего закона относительно раввиновъ, можно подумать, что онъ имѣлъ въ виду отнять одною рукой то, что далъ другой, и поставить раввина въ такое положеніе, чтобы „страхъ идущаго вдали закона“ парализовался у него „страхомъ стоящаго вблизи общества“, которому предоставлено, можно сказать, право жизни

и смерти надъ своимъ духовнымъ пастыремъ. Надобно удивляться, какъ государственные люди, которымъ обязана своимъ происхожденіемъ дѣйствующая система, не предвидѣли полнаго фіаско этой системы, неизбѣжнаго при практическомъ ея осуществленіи.

Дѣйствительно на дѣлѣ организація раввината представляется совсѣмъ не въ томъ видѣ, какъ предполагалъ законодатель. Невозможность практическаго осуществленія двойственнаго типа раввина-чиновника обнаружилась немедленно по изданіи новаго закона. Казенный раввинъ нигдѣ не считается евреями за духовное лицо. Это просто чиновникъ, который ведетъ метрическія книги, имѣетъ родъ полицейскаго надзора за меламдами и пр. Обязанность имѣть въ каждомъ обществѣ подобнаго раввина разсматривается евреями, какъ своего рода повинность, въ родѣ обязанности имѣть сборщика податей. О толкованіи казенными раввинами религіознаго закона, разрѣшеніи недоумѣній, вообще религіозномъ его авторитетѣ нѣтъ и рѣчи тамъ, гдѣ раввины эти избираются согласно предписанію закона изъ лицъ, получившихъ правильное школьное образованіе. „Казенный раввинъ“, обыкновенно имѣетъ самое ничтожное вліяніе на дѣла общины; по крайней мѣрѣ онъ лишенъ возможности проводить это вліяніе вопреки волѣ общества. При первой попыткѣ серьезной борьбы съ темными явленіями въ жизни своей паствы, она безпощадно вступаетъ въ свои широкія права и обыкновенно выходитъ побѣдительницей. Настоящее же духовное лицо у еврейской общины — не казенный раввинъ, а другое лицо, выбираемое безъ всякаго участія правительства, по дѣйствительно свободному усмотрѣнію общины. Это именно тѣ духовные раввины, которые, по мнѣнію аккерманскаго полицейскаго управленія, высоко чтутся евреями только по фанатизму. Они оффиціяльно не имѣютъ никакого значенія, но въ глазахъ еврейскаго общества—они настоящіе духовные пастыри; тѣ изъ нихъ, которые пріобрѣли извѣстность ученостью и набожнымъ образомъ жизни, пользуются авторитетомъ далеко за предѣлами своей общины.

Такимъ образомъ попытка законодателя соединить несоединимое,

какъ и слѣдовало ожидать, не имѣла никакого успѣха, и двойственная роль раввина распредѣлилась между двумя родами лицъ, нетолько имѣющихъ между собою очень мало общаго, но весьма нерѣдко ведущихъ ожесточенную борьбу, наглядно доказывая этимъ, какая противоположность существуетъ между двумя категоріями обязанностей, возлагаемыми закономъ на одно лицо раввина.

Очевидна ненормальность такого порядка вещей, дающаго нерѣдко поводъ къ обвиненію евреевъ въ систематическомъ сопротивленіи видамъ правительства, хотя изъ сказаннаго ясно, что значительная доля вины падаетъ здѣсь на неудачную организацію раввината самимъ закономъ. Что же слѣдуетъ сдѣлать для измѣненія этого порядка? Какой основной принципъ долженъ руководить законодателемъ при предпринимаемой теперь, какъ упомянуто выше, реформѣ духовнаго управленія евреевъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ, какъ мнѣ кажется, можетъ заключаться въ слѣдующемъ.

Слѣдя за историческимъ развитіемъ того великаго вопроса объ отношеніи государства въ церкви, который въ настоящее время глубоко волнуетъ весь западно-европейскій міръ и, хотя не въ такой рѣзкой формѣ, возникалъ и будетъ возникать еще и у насъ, можно замѣтить слѣдующій, почти вездѣ повторяющійся, законъ прогрессивнаго развитія этихъ отношеній. Всѣ общества начинаютъ съ безусловнаго преобладанія религіозныхъ идей и интересовъ надъ всѣми другими. Государственная власть вначалѣ не выдѣляетъ себя, какъ нѣчто самостоятельное и преслѣдующее совсѣмъ иныя цѣли, чѣмъ церковь. Свѣтское законодательство признаетъ абсолютный авторитетъ религіи и ея представителей во всѣхъ дѣлахъ частной и общественной жизни, и если de facto не исполняетъ всѣхъ предписаній религіи, то нравственно не перестаетъ себя считать къ этому обязаннымъ. Объ этомъ періодѣ безусловнаго господства церкви надъ государствомъ излишне было бы говорить здѣсь, такъ какъ и Россія давно уже вышла изъ этого состоянія.

Но затѣмъ неустанно работающая человѣческая мысль мало-по-малу начинаетъ сознавать несостоятельность такого порядка вещей. Сперва относительно отдѣльныхъ вопросовъ, а потомъ и въ болѣе общемъ видѣ вырабатывается убѣжденіе, что государство преслѣдуетъ свои особыя задачи, различныя отъ цѣлей церкви, и что по этому по многимъ пунктамъ интересы общественной жизни, представляемые государствомъ, требуютъ другихъ законовъ, другихъ мѣръ, чѣмъ требованія церкви. Эти требованія государственной пользы все настоичивѣе взываютъ объ удовлетвореніи, несмотря на противоположныя правила церкви. Какимъ же образомъ достигнуть того, чтобъ интересы свѣтскіе не были нарушаемы религіозными, чтобъ государство могло осуществлять тѣ свои стремленія, которыя противорѣчатъ установившимся обычаямъ и постановленіямъ церкви?

Въ этомъ отношеніи исторія даетъ намъ примѣры двухъ главныхъ видовъ разрѣшенія упомянутой проблемы. Бываетъ такъ, что государство, не отказываясь отъ стариннаго своего тѣснаго союза съ церковью, добивается того, что церковь сама видоизмѣняетъ свой образъ существованія и дѣйствіи, согласно требованіямъ свѣтской власти. Служители церкви сами призываются правительствомъ къ исполненію такихъ мѣръ, которыя несогласны съ ея ученіемъ и вызваны потребностями не религіознаго, а гражданскаго свойства. Эта система вездѣ является непосредственно за первымъ періодомъ, но очевидно страдаетъ существенными недостатками. Съ одной стороны религія унижается такимъ принужденіемъ къ воспринятію чуждыхъ ей началъ и идей, съ другой—государство слабо гарантировано въ удовлетвореніи его потребностей, когда дѣло это возложено на людей, которые по своимъ понятіямъ и положенію должны бы дѣйствовать, и дѣйствительно нерѣдко дѣйствуютъ въ направленіи, противоположномъ интересамъ гражданскаго общежитія. Поэтому, за означенною системой въ цивилизованныхъ странахъ является другая система, безъ всякаго сомнѣнія, гораздо болѣе удовлетворяющая потребностямъ и государства и церкви. Сущность этой системы „свободной церкви

въ свободномъ государствѣ" состоитъ въ слѣдующемъ: государство преслѣдуетъ свои цѣли собственными средствами, не обращаясь къ содѣйствію церкви даже по предметамъ, имѣющимъ связь съ религіозными интересами (народное образованіе, семейное право и т. под.); не навязывая себѣ церковныхъ воззрѣній, законодатель за то не навязываетъ и служителямъ религіи своихъ требованій и предоставляетъ имъ всевозможную свободу въ осуществленіи своего нравственнаго идеала до тѣхъ поръ, пока дѣятельность ихъ не выродится въ нравственное или физическое принужденіе. Таковъ идеалъ, къ которому стремится разрѣшеніе великой проблемы объ отношеніи государства къ церкви, хотя нельзя не сознаться, что въ настоящее время полное, послѣдовательное проведеніе въ жизнь этого идеала во многихъ отношеніяхъ невозможно вслѣдствіе различныхъ историческихъ условій.

Эти замѣчанія, несмотря на общій ихъ характеръ, необходимы для уясненія вопроса о правильной организаціи духовнаго управленія евреевъ. Нетрудно замѣтить, что дѣйствующіе законы о положеніи и обязанностяхъ раввиновъ основаны на началахъ первой системы согласованія церковныхъ и государственныхъ интересовъ. Правительство не можетъ относиться равнодушно къ той безалабернѣйшей неурядицѣ, которая господствуетъ въ еврейскомъ духовно-общественномъ быту. Подъ вліяніемъ средневѣковой анархіи и полнѣйшей индифферентности стариннаго государства къ внутреннему быту евреевъ, въ этомъ послѣднемъ безпорядокъ возведенъ былъ въ систему. Современное государство, безъ сомнѣнія, не можетъ мириться ни съ безусловною свободой и безконтрольностью обученія, ни съ отсутствіемъ организованной духовной власти и предоставленіемъ каждому желающему совершать религіозные акты, имѣющіе и важное гражданское значеніе (браки, удостовѣреніе рожденій и смертностей, совершеніе разводовъ, приводъ къ присягѣ), ни со многими другими проявленіями старинной еврейской неурядицы. Государству необходимо прежде всего имѣть возможность собирать вѣрныя свѣдѣнія о числѣ гражданъ, о мѣстопребываніи, занятіяхъ и пр. каждаго изъ нихъ, и потому оно

не можетъ относиться безучастно къ тому уклоненію евреевъ отъ всякой оффиціяльности, которое унаслѣдовано ими отъ худшихъ временъ своей исторіи.

Но какъ государство можетъ удовлетворить тѣмъ своимъ потребностямъ, которыя не находятъ опоры въ обычаяхъ и религіозныхъ понятіяхъ еврейскаго народа, когда во многомъ оно даже должно упорно бороться съ этими обычаями и понятіями?

Существующій законъ разрѣшаетъ этотъ вопросъ такъ. Самъ раввинъ, хотя и представитель еврейской религіи, долженъ стараться объ „улучшеніи“ и согласованіи ея съ видами правительства. Положеніе раввина вслѣдствіе этого — фальшиво и неестественно. Результатъ, какъ мы видѣли, двоякій. Съ одной стороны, представители еврейской религіи унижены тѣмъ, что имъ вмѣнено въ обязанность дѣйствовать такъ, какъ они по совѣсти въ качествѣ духовныхъ лицъ дѣйствовать не могутъ. Съ другой — государство весьма слабо гарантировано въ томъ, что потребности его, относительно возможно правильнаго регулированія еврейскаго быта въ гражданскомъ отношеніи, удовлетворяются лицами, на которыхъ обязанность эта возложена. Правда, практика еврейской жизни сдѣлала съ своей стороны все возможное для того, чтобъ раціонально исправить недостатки закона. Разграничивъ область дѣятельности раввиновъ духовныхъ, вовсе не признаваемыхъ закономъ, но необходимыхъ въ дѣйствительности, и казенныхъ, еврейскій бытъ выяснилъ невозможность той двойственной программы дѣйствій, которую законъ возлагаетъ на раввина. Но ложное положеніе казеннаго раввина остается въ силѣ и послѣ измѣненія закона о раввинахъ на практикѣ. Онъ, правда, разсматривается евреями совершенно правильно какъ чиновникъ, поставленный правительствомъ для наблюденія надъ исполненіемъ евреями интересовъ и требованій государственныхъ. Но законъ самъ позаботился о томъ, чтобъ связать этого представителя своихъ интересовъ по рукамъ и ногамъ, поставить его въ совершенную зависимость отъ тѣхъ, которыхъ онъ долженъ контролировать и

исправлять, и такимъ образомъ лишилъ его возможности добросовѣстно исполнять свои обязанности.

Что же остается дѣлать для устраненія этихъ недостатковъ? Отвѣтъ очень простъ: перейти отъ первой системы регулированія отношеній между государствомъ и іудаизмомъ ко второй. Вмѣсто безплодныхъ и несправедливыхъ попытокъ ломать еврейскую религію посредствомъ ея же представителей, пусть государство предоставляетъ еврейскимъ обществамъ выбирать духовныхъ раввиновъ совершенно свободно, какъ было до введенія казенныхъ раввиновъ. Этимъ раввинамъ можно предоставить свободу дѣйствій относительно чисто религіозныхъ предметовъ, съ нѣкоторыми конечно ограниченіями, напримѣръ, относительно отлученія или изверженія изъ общества (Сб., 160) и т. п.; мѣсто же казенныхъ раввиновъ, которые и теперь уже въ сущности суть чиновники, но съ однѣми обязанностями и безъ соотвѣтствующихъ правъ, необходимыхъ для возможности исполненія этихъ обязанностей, пусть займутъ настоящіе чиновники, правительствомъ назначаемые и имѣющіе задачей преслѣдовать исключительно соблюденіе гражданскихъ законовъ и общегосударственныхъ интересовъ во внутренней жизни еврейскаго общества.

Строго говоря, при нормальномъ устройствѣ нашего общественнаго быта существованіе такой особенной должности для евреевъ было бы совершенно излишне. Такъ напримѣръ, контроль надъ меламдами и вообще надзоръ за дѣломъ народнаго образованія евреевъ, при удовлетворительной организаціи нашего учебнаго дѣла, можно было бы возложить исключительно на общее учебное начальство. Веденіе метрическихъ книгъ, какъ показываетъ опытъ другихъ странъ, всего раціональнѣе изъять изъ вѣдѣнія духовныхъ властей и передать относительно всѣхъ сословій и вѣроисповѣданій страны одному свѣтскому учрежденію (какъ англійское registrar office). Будь у насъ введена эта система (а извѣстно, что метрическія книги ведутся у насъ дурно не у однихъ евреевъ), не было бы надобности въ особыхъ чиновникахъ для веденія метрическихъ книгъ у евреевъ. Извѣстно также, что во всѣхъ

цивилизованныхъ странахъ все болѣе распространяется система гражданскаго совершенія браковъ. Сущность этой системы заключается тоже въ переходѣ отъ первой изъ вышеупомянутыхъ двухъ формъ организаціи отношеній государства и церкви ко второй. Государство заинтересовано въ томъ, чтобъ при совершеніи браковъ соблюдаемы были многія такія правила, которыя въ глазахъ церкви не имѣютъ значенія или даже противорѣчатъ ея воззрѣніямъ. Первоначально государство предписываетъ самому духовенству исполнять эти свои требованія, несогласныя съ ученіемъ церкви или по крайней мѣрѣ на немъ неосновательныя. На этой ступени развитія стоитъ современное русское право. Но затѣмъ все болѣе обнаруживаются недостатки этой системы, указанные вкратцѣ уже выше, и государство переходитъ къ другому способу огражденія своихъ интересовъ: оно передаетъ дѣло совершенія браковъ съ соблюденіемъ всѣхъ требованій гражданскаго закона своимъ представителямъ, гражданскимъ чиновникамъ, предоставляя затѣмъ самимъ брачущимся вѣдаться съ своею религіей и церковью относительно религіознаго освященія брака. Будь эта система принята у насъ, какъ общая для всего населенія, совершеніе еврейскихъ браковъ могло бы перейти на общемъ основаніи къ тому гражданскому вѣдомству, которому поручено было бы это дѣло.

Такимъ образомъ обособленность управленія духовно-гражданскими дѣлами евреевъ и необходимость имѣть особые правительственные органы для охраненія законности и государственнаго интереса въ бытѣ еврейскихъ общинъ исчезли бы сами собою безъ всякихъ искусственныхъ мѣръ, еслибъ общіе порядки нашей гражданской жизни были совершеннѣе и ближе къ западно-европейскому строю (отдѣленіе церкви отъ государства, гражданскій бракъ, веденіе актовъ состоянія гражданскимъ учрежденіемъ, уничтоженіе вѣроисповѣднаго характера народной школы, общее и обязательное школьное обученіе). Но такъ какъ, повидимому, намъ долго еще придется ждать упомянутыхъ реформъ, которыя могли бы значительно улучшить положеніе еврейскаго вопроса относительно

пресловутой обособленности евреевъ, то необходимо еще учрежденіе особыхъ органовъ правительства для наблюденія надъ духовно-гражданскими дѣлами евреевъ въ интересахъ исполненія гражданскаго закона. Полная секуляризація института казенныхъ раввиновъ была бы, по нашему мнѣнію, вполнѣ практичною, легко осуществимою и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе полезною мѣрой при теперешнихъ условіяхъ. Какъ правительственный чиновникъ, лицо, замѣняющее теперешняго казеннаго раввина, было бы вполнѣ независимо отъ еврейскихъ обществъ и потому легко могло бы слѣдить постоянно и энергически за соблюденіемъ евреями закона, преслѣдовать многочисленныя злоупотребленія въ еврейскихъ общинахъ, не страшась никакихъ каверзъ и подвоховъ.

Въ то время, какъ я пишу эти строки, обнародовано Высочайшее повелѣніе отъ 16-го марта 1873 года о преобразованіи раввинскихъ училищъ въ учительскія семинаріи. По смыслу этого важнаго закона, правительство отказывается отъ дальнѣйшаго разведенія казенныхъ раввиновъ и навязыванія обществамъ патентованныхъ начальствомъ духовныхъ лицъ. Въ этомъ отношеніи новый законъ представляется намъ значительнымъ шагомъ впередъ въ законодательствѣ о положеніи іудаизма въ Россіи. Какъ въ свое время извѣщали газеты, вопросъ о преобразованіи духовнаго управленія евреевъ разсматривался въ правительственныхъ сферахъ совмѣстно съ вопросомъ о народномъ образованіи евреевъ. Новый законъ, очевидно составляющій результатъ этихъ правительственныхъ заботъ, касается лишь народнаго образованія евреевъ и только косвенно затрогиваетъ и отчасти предрѣшаетъ вопросъ объ организаціи духовнаго быта устраненіемъ казенныхъ раввиновъ. По всей вѣроятности, однакожь, въ скоромъ времени послѣдуетъ и разрѣшеніе вопроса о духовномъ управленіи. Это предположеніе основывается, во-первыхъ, на внутренней связи между дѣломъ народнаго образованія и духовнаго управленія евреевъ и необходимости, вслѣдствіе этого, единообразнаго устройства этихъ двухъ частей; во-вторыхъ, на извѣстіи о совмѣстномъ разсмотрѣніи правительственною коммисіей двухъ этихъ вопросовъ.

Какимъ образомъ будетъ организована духовная часть у евреевъ по новому закону я, конечно, предугадывать не берусь. Судя однакожь по отношенію закона 16 марта къ раввинскимъ училищамъ, можно полагать, что правительство имѣетъ въ виду усвоить себѣ въ принципѣ то отдѣленіе религіозной отъ гражданской стороны раввината, за которое мы высказались выше.

Но если и воспослѣдуетъ это распредѣленіе правъ и обязанностей между духовными лицами еврейскихъ общинъ съ одной стороны и правительственными чиновниками—съ другой, все таки останется еще открытымъ вопросъ: какъ должно государство относиться къ представителямъ собственно духовнаго управленія евреевъ—представить ли имъ полную свободу дѣйствій по религіозному закону евреевъ, или свободѣ этой должны быть поставлены извѣстныя границы, и какія именно? Прежде всего тутъ возникаетъ вопросъ: должно ли правительство предоставить обществамъ неограниченную свободу выбора въ раввины кого имъ вздумается, или должны быть установлены извѣстныя условія для права быть выбраннымъ, напримѣръ, извѣстный образовательный цензъ? Мы думаемъ, что безусловная свобода тутъ всего желательнѣе. Какъ скоро государство ввѣряетъ защиту своихъ интересовъ въ еврейскомъ бытѣ своимъ чиновникамъ, то оно можетъ въ чисто-духовномъ отношеніи предоставить еврейскія общества самимъ себѣ. Это будетъ вполнѣ согласно съ принципомъ невмѣшательства государства въ религіозныя дѣла, который составляетъ основу русскаго законодательства. Притомъ же у насъ положительно нѣтъ такихъ заведеній, какъ въ Германіи, откуда могли бы выходить люди, соединяющіе общее образованіе съ знаніемъ еврейскаго закона и преданностью религіознымъ интересамъ іудейства. Въ Россіи весьма рѣдко можно встрѣтить человѣка, который пользовался бы духовнымъ авторитетомъ въ глазахъ евреевъ и обладалъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ хоть кое-какимъ общимъ образованіемъ. Поэтому подобное требованіе могло бы только возродить то уродливое явленіе, которое такъ хорошо характеризуется нелѣпымъ сочетаніемъ словъ: „казенный“ и „раввинъ“.

Ходятъ слухи о существующемъ будто бы предположеніи организовать у насъ духовное управленіе на началахъ консисторіальныхъ, т. е. бюрократической централизаціи. Если слухи эти справедливы, въ чемъ можно усомниться, то надо сказать, что это предположеніе крайне неудачное. При полнѣйшей непривычкѣ евреевъ къ централизаціи и чиновничьему формализму въ дѣлахъ вѣры, при низкой степени образованія представителей духовнаго элемента у русскихъ евреевъ, при всеобщей анархіи, господствующей во внутреннеи жизни еврейскихъ общинъ, при несовершенствѣ нашего законодательства, ставящаго въ зависимость отъ религіозныхъ ученій каждаго вѣроисповѣданія массу такихъ вопросовъ, которые въ другихъ странахъ справедливо отнесены къ области гражданскаго закона — еврейскія консисторіи у насъ не могутъ расчитывать ни на какой успѣхъ, не говоря уже о томъ, что бюрократическая организація духовныхъ дѣлъ оказывается вредною во всѣхъ странахъ и относительно всѣхъ вѣроисповѣданій, даже тамъ, гдѣ почва для нея подготовлена во многихъ отношеніяхъ.

Притомъ же, такая организація еврейскаго духовнаго управленія противорѣчитъ и установившимся отношеніямъ правительства къ іудаизму и общему характеру нашего конфессіональнаго законодательства. Мы видѣли выше, что правительство исходило всегда изъ той, въ сущности вѣрной, мысли, что у евреевъ нѣтъ духовенства въ христіанскомъ смыслѣ слова и что законъ долженъ по возможности избѣгать регламентаціи духовнои жизни евреевъ. Кромѣ того связь между государствомъ и христіанскои церковью такъ тѣсна у насъ, что нѣкоторая степень игнорированія закономъ еврейскои религіи является логическою необходимостью. Оффиціальная же санкція іудаизма въ устроиствѣ консисторій была бы такимъ отступленіемъ отъ основныхъ началъ нашего законодательства, что правительство едва ли рѣшилось бы на этотъ шагъ безъ измѣненія многихъ другихъ частей дѣйствующаго права. Такимъ образомъ, чѣмъ больше вдумываешься въ тѣ условія, въ которыя поставлено у насъ еврейство, тѣмъ сильнѣе будетъ

убѣжденіе въ невозможности пересадить на нашу почву французскую систему организаціи духовнаго управленія евреевъ.

Но чего особенно слѣдуетъ желать при предстоящемъ измѣненіи духовнаго управленія евреевъ это—бо́льшаго уваженія со стороны гражданскаго закона къ духовному сану раввиновъ; въ этомъ отношеніи дѣйствующее законодательство, какъ мы видѣли выше, оставляетъ весьма многаго желать. Такъ, напримѣръ, было бы, конечно, желательно, чтобъ специально-еврейскіе налоги были, какъ можно скорѣе, уничтожены, такъ какъ вредность ихъ во многихъ отношеніяхъ не подлежитъ сомнѣнію; но пока сборы эти существуютъ, желательно, чтобъ содержаніе еврейскаго духовнаго персонала относимо было насчетъ этихъ суммъ, а не поставляемо въ зависимость отъ добровольныхъ приношеній, т. е произволу общины, чѣмъ дается возможность вліятельнымъ членамъ обществъ держать въ своихъ рукахъ раввиновъ и орудовать общественными дѣлами въ своихъ личныхъ интересахъ.

Впрочемъ, мы еще будемъ говорить ниже объ этомъ предметѣ.

Какъ часто и охотно говорятъ у насъ о замкнутости, изолированности евреевъ, о ненормальности отчужденія евреевъ отъ общерусской народной жизни и какъ рѣдко отдаютъ себѣ отчетъ въ тѣхъ фактическихъ условіяхъ, въ какія поставлено у насъ еврейское населеніе, и въ томъ вліяніи, которое условія эти имѣютъ на упомянутое безспорно очень грустное явленіе! Большинство юридико-соціальныхъ особенностей положенія еврейства вовсе еще не изслѣдовано нашей печатью, а многія изъ нихъ совершенно даже игнорируются ею. По программѣ этой статьи, имѣющей въ виду пока характеристику отношенія государства къ религіозной сторонѣ іудаизма, мы не можемъ вдаваться здѣсь въ разборъ общаго вопроса объ обрусеніи евреевъ, затрагивающаго множество разнородныхъ отдѣловъ права; но мы остановимся здѣсь на одной группѣ постановленій, касающихся вмѣстѣ и конфессі-

ональнаго вопроса и такъ-называемаго вопроса о сліяніи евреевъ съ остальнымъ населеніемъ.

Для всякаго ясно, конечно, что противовѣсомъ изолированности отдѣльныхъ элементовъ населенія служитъ возможно бо̀льшее единство законовъ и учрежденій для всѣхъ этихъ элементовъ. Искусственно воздвигать китайскія стѣны между отдѣльными мѣстностями, народностями или сословіями и въ то же время вопіять о вредѣ разрозненности и необходимости единства въ государствѣ верхъ глупости — когда это дѣлается по непониманію — или недобросовѣстности, когда возгласы эти дѣлаются съ предвзятою мыслью возбужденія взаимной вражды и т. под. цѣлями. Только тогда, когда человѣку дана полная возможность быть на дѣлѣ гражданиномъ страны, жить общею народною жизнью, а онъ предпочитаетъ замыкаться въ свою допотопную раковину и преслѣдовать мелкіе, эгоистическіе интересы—только тогда мы можемъ съ полнымъ правомъ бросить ему въ лицо упрекъ въ изолированности и серьезно говорить о вредности такого элемента населенія. Пока этого не сдѣлано, пока многія группы населенія встрѣчаютъ на пути къ объединенію многочисленныя и сильныя препятствія, отъ нихъ независящія, разсужденія о склонности этихъ группъ къ замкнутости и эгоистически-чужеядному прозябанію лишены положительной почвы и могутъ имѣть характеръ лишь болѣе или менѣе правдоподобныхъ догадокъ.

Извѣстно, что внутреннее и даже внѣшнее объединеніе разнородныхъ элементовъ населенія, какъ въ законодательствѣ, такъ и въ жизни, нигдѣ (говоря, разумѣется, о цивилизованныхъ странахъ) не сдѣлало такъ мало успѣховъ, какъ у насъ. Однимъ изъ важнѣйшихъ препятствій въ этомъ отношеніи является у насъ вѣроисповѣдная рознь, какъ результатъ тѣснаго союза между государствомъ и православіемъ. Вліяніе этого важнаго фактора русской государственной жизни далеко простирается за предѣлы еврейскаго вопроса, составляющаго только одинъ изъ менѣе важныхъ его составныхъ элементовъ, по понятнымъ причинамъ не подвергавшагося еще серьезному изслѣдованію; мы же, разумѣется,

можемъ коснуться только его отношенія къ іудейству и здѣсь остановимся на весьма мало извѣстномъ отдѣлѣ семейнаго права русскихъ евреевъ по гражданскому закону.

Значеніе законовъ о семейномъ союзѣ для гражданскаго общества такъ велико, что не даромъ Дж. Ст. Милль говоритъ, что одни законы о семейныхъ отношеніяхъ гораздо важнѣе всѣхъ другихъ гражданскихъ законовъ, вмѣстѣ взятыхъ. Оставляя въ сторонѣ всѣ другія соображенія, къ нашему предмету прямо неотносящіяся, очевидно, что при всѣхъ условіяхъ семья является самымъ могущественнымъ факторомъ сближенія враждебныхъ или чуждыхъ другъ другу общественныхъ группъ. Въ преданіяхъ всѣхъ народовъ, женщина въ семьѣ служитъ примирительницей враждебныхъ племенъ и залогомъ болѣе правильныхъ международныхъ и сословныхъ отношеній, тогда какъ съ другой стороны, ни что такъ не поддерживало кастовой и сословной замкнутости у всѣхъ народовъ на извѣстной степени ихъ развитія, какъ запрещеніе брака между членами разныхъ классовъ общества. Нигдѣ не исчезаютъ предразсудки, основанные на различіи вѣры, языка и происхожденія, такъ быстро, какъ въ семьѣ; нигдѣ не сглаживаются въ такой мѣрѣ національныя и религіозныя особенности, неровности и угловатости, нигдѣ не выработывается такъ удобно космополитическій типъ человѣка, какъ въ семьѣ. Но для того, чтобъ семья могла пріобрѣсти такое нивеллирующее значеніе, само собою разумѣется, необходимо поставить ее въ возможно болѣе свободныя условія относительно государства и церкви, т. е. отмѣнить искуственныя преграды къ сліянію въ бракѣ отдѣльныхъ группъ человѣчества—преграды, воздвигнутыя отчасти государственными законами, основанными на соображаніяхъ политическихъ и соціальныхъ, но преимущественно — церковнымъ правомъ, которое руководится исключительно религіозными мотивами.

Если съ этой точки зрѣнія посмотримъ на наше законодательство о семейномъ союзѣ, то увидимъ, что подчиненіе государства церковнымъ идеямъ и требованіямъ служитъ сильнымъ тормазомъ

развитія нашей общественной жизни въ семейномъ отношеніи. Русскій законъ не знаетъ общаго понятія о семьѣ, какъ гражданскомъ институтѣ, одинаково нормируемомъ закономъ у всѣхъ гражданъ во имя общественнаго интереса: онъ знаетъ только семью въ религіозномъ, или, лучше сказать, церковномъ смыслѣ. семью христіанскую (православную и неправославную). магометанскую и іудейскую. „Бракъ во всѣхъ вѣроисповѣданіяхъ, терпимыхъ въ Россійской Имперіи, не исключая магометанъ, евреевъ и язычниковъ, признается законнымъ, когда оный совершенъ по правиламъ и обрядамъ ихъ вѣры“ (ст. 1.113 т. X ч. 1 св. зак.). Здѣсь положительно высказано, какъ основное начало законодательства, что оно признаетъ только бракъ въ томъ видѣ, какъ санкціонируетъ его каждое вѣроисповѣданіе отдѣльно; этимъ установленъ принципъ розни и отчужденія между отдѣльными группами населенія по капитальнѣйшему предмету частной жизни. Первая книга X тома, трактующая „о правахъ и обязанностяхъ семейственныхъ“, съ перваго же взгляда показываетъ, какъ глубоко сидитъ это начало въ духѣ нашего закона. Тутъ вы не встрѣтите ни одной статьи, которая формально относилась бы къ бракамъ лицъ всѣхъ вѣроисповѣданій и, стало быть, основана была-бы на общегражданскихъ, а не спеціально-церковныхъ соображеніяхъ. Книга эта вся состоитъ изъ ряда отдѣльныхъ правилъ для браковъ православныхъ между собою, православныхъ съ неправославными, неправославныхъ между собою и съ нехристіанами, нехристіанъ между собою и т. д.

Очевидно, что церковный моментъ въ союзѣ брачномъ стоитъ рѣшительно на первомъ планѣ въ глазахъ нашего закона. Отсюда запрещеніе христіанамъ (исключая протестантовъ) вступать въ бракъ съ нехристіанами. Что бы мы ни думали о вѣскости тѣхъ религіозныхъ соображеній, которыя дѣлаютъ необходимымъ удержаніе у насъ до сихъ поръ силы этого запрещенія, нельзя не признаться, что, съ точки зрѣнія обрусенія евреевъ, законъ этотъ является помѣхою. Хотя нельзя, разумѣется, и думать о томъ, чтобы, въ случаѣ отмѣны теперь этого запрещенія, смѣшан-

ные браки встрѣтили сочувствіе въ массѣ какъ еврейскаго, такъ и христіанскаго населенія (этому воспрепятствовали бы низкій уровень умственнаго развитія массъ и столь сильныя еще религіозно-національныя предубѣжденія), но для образованнаго меньшинства дозволеніе смѣшанныхъ браковъ было бы въ высшей степени желательно. Сліяніе евреевъ съ кореннымъ населеніемъ, столь желательное во всѣхъ отношеніяхъ, нашло бы въ этомъ законѣ сильнаго союзника. Ненадо упускать изъ виду и мнѣнія, высказываемаго вполнѣ компетентными антропологами, относительно полезности и въ культурно-физіологическомъ отношеніи браковъ между лицами различныхъ племенъ.

Если обратимся собственно къ вопросу объ отношеніи нашего закона къ еврейской семьѣ, то найдемъ слѣдующее: съ одной стороны, законъ подтверждаетъ относительно іудейства общій принципъ о неразрывной связи между бракомъ и религіей и о подчиненіи гражданскаго закона церковному во всемъ, что̀ касается брака. Результаты этого принципа въ примѣненіи его къ еврейскому міру двоякіе. Во-первыхъ, вездѣ, гдѣ интересы семейнаго права евреевъ сталкиваются съ интересами господствующей церкви, первые уступаютъ послѣднимъ, въ силу того соображенія, что еврейская религія (а слѣдовательно и бракъ) только терпимы: христіанство же есть религіозная форма, господствующая въ странѣ. Такимъ образомъ переходъ въ христіанство одного изъ супруговъ дастъ ему право, если онъ пожелаетъ, расторгнуть прежній бракъ и вступить въ новый бракъ съ лицомъ христіанскаго исповѣданія, хотя самъ законъ признаетъ, что переходъ этотъ самъ собою не расторгаетъ прежняго брака, и если супруги пожелаютъ, то они могутъ продолжать сожительство и послѣ того, какъ одинъ изъ нихъ перешелъ въ христіанство, а другой остался въ іудействѣ. Любопытно то, что на новокрещеннаго супруга законъ не возлагаетъ рѣшительно никакихъ обязанностей по прежнему браку, напримѣръ, по содержанію бросаемой имъ жены и дѣтей. Изъ этого выходитъ то, что законъ этотъ открываетъ негодяямъ возможность попирать ногами самыя священныя человѣческія обязанности,

оставляя на произволъ судьбы своихъ законныхъ женъ и дѣтей, если только онъ осчастливитъ церковь своимъ переходомъ въ ея лоно. Примѣръ, взятый изъ дѣйствительной жизни, всего лучше докажетъ, что это не „жалостныя слова“ только, какъ большинство у насъ склонно принимать всякое замѣчаніе относительно несправедливаго къ евреямъ закона.

Вотъ какой случай разсказанъ въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“, 1862 г. „Нѣкто еврей Кайфманъ изъ Аннополя избралъ себѣ супругу изъ извѣстнаго въ г. Острогѣ семейства — Соскисъ. Послѣ семилѣтней супружеской жизни, во время которой Кайфманъ прижилъ двухъ дѣтей—дочь и сына, онъ влюбился въ какую-то дѣвицу-христианку и, какъ водится, возненавидѣлъ свою жену. Однажды онъ предложилъ своей супругѣ разводъ. Жена не согласилась. Кайфманъ ее бросилъ, и она должна была сама добывать себѣ пропитаніе. Видя, что нѣтъ никакого иного средства избавиться отъ жены, К. принялъ православіе. Прошло около двухъ лѣтъ, и вдругъ, въ одно прекрасное утро, жену К. приводятъ въ оковахъ въ Острогъ. Ее отправили къ городничему, который потребовалъ отъ нея отдачи сына бывшему ея мужу для крещенія. Бѣдная женщина объяснила, что мужъ ужъ болѣе двухъ лѣтъ ее бросилъ, предоставивъ дѣтей на ее попеченіе, и что она лучше умретъ, чѣмъ добровольно отдастъ своего сына. Кончилось однако дѣло тѣмъ, что послѣ продолжительнаго пребыванія несчастной матери въ тюрьмѣ ее освободили и насильно отняли у нее сына, который немедленно отправленъ былъ въ церковь. Собравшіеся тутъ прихожане порѣшили: отдать ребенка въ руки какого-то десятскаго, съ платежемъ ему по девяти рублей въ годъ“. Хроникеръ журнала „Время“, перепечатывая разсказъ объ этомъ происшествіи, находитъ его „очень страннымъ“. „Намъ почему-то кажется, что тутъ должно быть что-нибудь не такъ, а впрочемъ можетъ быть только такъ кажется“, прибавляетъ онъ *.

* „Время“, 1862 г. кн 9, „Внутр обозр.“, стр 75.

Мы съ своей стороны можемъ увѣрить его что „очень страннаго“ въ этой исторіи ровно ничего нѣтъ и что дѣйствительно ему только такъ кажется, что что-нибудь должно быть не такъ, и кажется это ему вслѣдствіе незнакомства съ спеціальными законами по этому предмету. Во всеи этой исторіи чѣтъ ничего невѣроятнаго съ точки зрѣнія нашихъ законовъ. Мужъ-еврей имѣетъ право бросить свою жену и дѣтеи, когда ему вздумается, и если евреика не согласится переити въ православіе вмѣстѣ съ нимъ, онъ можетъ жениться на другои, не обезпечивши ни жены, ни дѣтеи отъ прежняго брака. Затѣмъ, по закону (Сб., стр. 165), при крещеніи одного изъ супруговъ, сыновья моложе 7-ми лѣтъ слѣдуютъ вѣрѣ отца, дочери — вѣрѣ матери. Поэтому Кайфманъ имѣлъ полное право требовать, чтобъ сынъ его былъ отобранъ у матери для крещенія. Можетъ показаться только страннымъ, за какое преступленіе бывшая жена Кайфмана должна была подвергнуться пересылкѣ по этапу и содержанію въ тюремномъ замкѣ. Но вѣдь администрація должна же была исполнить законное требованіе Кайфмана и какое же она имѣла для этого другое средство при несогласіи матери отдать полиціи своего ребенка?

Но если въ этомъ дѣлѣ все происходило „на законномъ основаніи“, то нельзя не согласиться, что законы, дающіе возможность такихъ происшествій, далеко не удовлетворяютъ требованіямъ справедливости.

Съ начала до конца дѣло Кайфмана представляетъ цѣпь возмутительныхъ несправедливостеи. Одно изъ основныхъ началъ семейнаго права — обязанность мужа содержать жену и дѣтеи— нарушена Кайфманомъ безнаказанно потому только, что онъ принялъ православіе.

Всякій мужъ-иновѣрецъ, которому надоѣстъ носить бремя семейныхъ обязанностей, можетъ освободиться отъ этой обузы—принятіемъ христіанства. Но можно-ли допустить, чтобъ такой важный религіозный актъ доставлялъ недобросовѣстнымъ людямъ, въ видѣ преміи за усвоеніе истины, право нарушать свои обязанно-

сти человѣка и христіанина? Можно-ли считать пріобрѣтеніемъ для церкви пріобрѣтеніе такихъ личностей, которыя безчеловѣчно оставляютъ на произволъ судьбы свою семью и переходятъ въ другую вѣру только для избавленія себѣ отъ матеріяльныхъ и нравственныхъ обязанностей?

Бросая жену и дѣтей и освобождая себя отъ всякихъ относительно ихъ обязанностей, новокрещенный мужъ не теряетъ однакожъ своихъ правъ по крайней мѣрѣ отчасти. Взваливъ на жену всю тяжесть воспитанія дѣтей, Каѳманы могутъ однакожъ, когда имъ вздумается, отобрать у нихъ сыновей для крещенія. Это правило само по себѣ несправедливо: не жестоко-ли въ самомъ дѣлѣ лишать жену, и безъ того несчастную, какъ брошенную мужемъ, послѣдняго утѣшенія, отнимая у нея дѣтей? Въ интересахъ государства, чтобъ малолѣтнія дѣти были воспитываемы какъ можно лучше, людьми принимающими въ нихъ возможно большее участіе. Но отъ кого можно ожидать лучшаго воспитанія ребенка— отъ матери-ли, будь это даже еврейка, или отъ десятскаго, получающаго изъ приходскихъ суммъ по 9-ти руб. въ годъ на этотъ предметъ? Можетъ-ли законъ, какъ представитель общественной справедливости, относиться безучастно къ положенію матери, у которой отнимаютъ любимое дитя для отдачи десятскому, обязанному насаждать истинную вѣру въ душѣ трехлѣтняго ребенка?

Вовторыхъ, это право обратившагося супруга требовать дѣтей отъ другого, необратившагося, нерѣдко служитъ въ рукахъ перваго орудіемъ самыхъ недостойныхъ вымогательствъ. При помощи угрозы отобрать полицейскимъ порядкомъ дѣтей, крестившійся супругъ имѣетъ возможность вытянуть послѣдній грошъ изъ кармана прежняго своего супруга и его родныхъ и вообще баловать себя всячески на ихъ счетъ. Переходъ въ христіанство связывается, такимъ образомъ, съ самыми грязными и возмутительными сдѣлками, которыя не могутъ не бросить тѣни на достоинство такого религіознаго акта. Такимъ же средствомъ—держать дамокловъ мечъ надъ головой прежней семьи—служитъ въ рукахъ новообращеннаго право давать или не давать разводъ супругу,

оставшемуся въ іудействѣ. Законъ нашъ не обязываетъ обратившагося въ христіанство еврея развестись съ прежней женой, если она не будутъ продолжать жизнь въ прежнемъ бракѣ. Мысль закона, повидимому, такова: съ переходомъ въ православіе, еврей освобождается въ видѣ награды отъ всѣхъ семейныхъ обязанностей по прежнему браку, хотя и сохраняетъ значительныя права по прежнему брачному союзу. Отъ новообращеннаго супруга зависитъ оставить бракъ въ прежней силѣ, даже если его супругъ остался въ іудействѣ. Но если онъ не хочетъ этого, то бракъ, на сколько онъ связываетъ новообращеннаго, расторгается, т. е. ему дозволяется духовнымъ начальствомъ вступать въ новый бракъ. Это не обязываетъ его, однакожъ, развязать такимъ же образомъ оставшагося въ еврействѣ супруга, т. е. дать ему разводъ. По еврейскому же закону, переходъ въ христіанство одного изъ супруговъ брака еще не расторгаетъ. Такимъ образомъ, если обратившійся супругъ не захочетъ дать другому развода, то этотъ послѣдній осужденъ на всегдашнее безбрачіе, ибо и по гражданскому закону, а тѣмъ болѣе по религіозному, никакой раввинъ не можетъ совершать вѣнчанія еврейки, имѣющей крещенаго мужа и съ нимъ неразведенной, съ другимъ лицомъ, хотя бы этотъ крещеный мужъ давно уже женился на другой и, стало быть, его прежній бракъ признанъ духовнымъ начальствомъ недѣйствительнымъ.

Понятно, какъ легко какому-нибудь негодяю погубить на всю жизнь жену-еврейку просто такъ, что, перешедши въ христіанство, онъ откажется какъ продолжать брачное съ нею сожительство, такъ и дать ей разводъ. Его это нисколько не стѣснитъ, такъ какъ онъ можетъ свободно жениться на другой, а прежнюю жену онъ можетъ держать на привязи, сколько ему вздумается, или (что часто случается) дорого продастъ ей клочекъ пергамента, освобождающаго отъ брачныхъ узъ.

Нѣчего и говорить о томъ, что законодатель нисколько не имѣлъ въ виду поощрять такую эксплуатацію религіозныхъ salto mortale, да и едва ли могъ ихъ предвидѣть. Онъ имѣлъ въ виду

только по возможности облегчить переходъ евреевъ въ христіанство, и его можно упрекнуть только въ томъ, что обратилъ слишкомъ мало вниманія на другіе существенные интересы общежитія, могущіе пострадать отъ чрезмѣрнаго преобладанія идеи вѣроисповѣднаго объединенія населенія. Но коль скоро опытъ доказалъ, что нетолько такія вопіющія злоупотребленія возможны, но что они частенько-таки встрѣчаются, то сомнѣнія на счетъ того, что́ слѣдуетъ дѣлать, немыслимы.

Достоинство церкви и государственной власти не допускаетъ возможности прикрывать возвышеннымъ предлогомъ предосудительныя сдѣлки, возмущающія совѣсть порядочнаго человѣка. Христіанская церковь можетъ только потерять отъ умноженія числа адептовъ такого сорта, какъ Кауфманъ. Задача законодателя — устранить возможность такихъ злоупотребленій (тѣмъ болѣе, что это вовсе нетрудно); тогда церковь будетъ знать, что она избавлена отъ цѣлой массы волковъ въ шерсти овецъ, и разумѣется отъ этого она только выиграетъ.

Въ предъидущей статьѣ мы указали на нѣсколько другихъ правилъ, въ которыхъ проявляется то же направленіе законодательства—жертвовать интересами еврейскаго семейнаго права, или, лучше сказать, интересами общечеловѣческой справедливости, видамъ вѣроисповѣднаго объединенія. Таковы правила объ отдачѣ малолѣтнихъ еврейскихъ дѣтей извѣстной категоріи постороннимъ благотворителямъ изъ христіанъ, различныя мѣры для разлученія христіанъ съ родственниками жидовствующими, выходъ крещенныхъ евреевъ изъ купеческихъ семействъ въ отношеніи права производства торговли, и т. п. Повторять здѣсь сказанное было бы излишне. Въ связи съ разсмотрѣннымъ здѣсь вопросомъ о послѣдствіяхъ, возникающихъ для еврейской семьи отъ перехода одного изъ супруговъ въ христіанство, упомянутыя правила могутъ дать вѣрное понятіе объ этой сторонѣ нашего вѣроисповѣднаго права.

Другой результатъ принципа религіознаго характера брака, въ примѣненіи его къ іудейству, заключается въ слѣдующемъ: если въ

бракъ и семью еврея какъ-нибудь замѣшается интересъ православія, законъ, какъ мы видѣли, приноситъ ему въ жертву всѣ другія требованія семейнаго права, какъ бы почтенны и основательны ни были въ его глазахъ эти требованія сами по себѣ. Зато до тѣхъ поръ, пока церковь христіанская не заинтересована въ семейномъ союзѣ иновѣрца и, гражданскій законъ оставляетъ его въ покоѣ, предоставляя еврейскіи бракъ всецѣло своему собственному внутреннему развитію. Ст. 1,113 зак. гражд., какъ мы видѣли, говоритъ, что во всѣхъ вѣроисповѣданіяхъ, не исключая и евреискаго, бракъ считается законнымъ, когда онъ совершенъ по обрядамъ соотвѣтствующаго вѣроученія. Изъ этого можно заключить, что государство, съ своеи стороны, отказывается отъ вмѣшательства въ организацію семеинаго союза, пока нѣтъ повода къ защитѣ легальныхъ правъ и интересовъ христіанства. Это прямо выражено въ ст. 90 зак. гражд.: „каждому племени и народу, не исключая и язычниковъ, дозволяется вступать въ бракъ по правиламъ ихъ закона, или по принятымъ обычаямъ, безъ участія въ томъ гражданскаго начальства или христіанскаго духовнаго правительства. Статья эта какъ будто говоритъ иновѣрцамъ: „такъ какъ вы не принадлежите къ господствующему вѣроисповѣданію, то государство не считаетъ себя обязаннымъ взять подъ свою защиту вашъ семейный бытъ, т. е. важнѣйшій элементъ частной жизни гражданъ, а предоставляетъ вамъ самимъ устраивать его по своему усмотрѣнію. Самое бо́льшее, что̀ оно можетъ для васъ сдѣлать, это—освободить васъ отъ всякаго вмѣшательства, какъ съ своей стороны, такъ со стороны чуждаго вамъ церковнаго элемента; дальше не можетъ идти терпимость къ вамъ государства, безъ ущерба для тѣснаго своего союза съ господствующей религіей“.

И дѣйствительно, гражданскій законъ, по отношенію къ еврейскому браку, держится до сихъ поръ правительственнаго воззрѣнія 1834 г. „избѣгать, по возможности точныхъ опредѣленій“ во всемъ, что̀ касается религіознаго быта евреевъ. Все брачное право евреевъ предоставлено исключительно ихъ религіозному за-

кону. Даже такія правила, которыя несомнѣнно имѣютъ характеръ гражданскій, а не церковный, и потому, по смыслу своему, должны быть примѣняемы къ лицамъ всѣхъ вѣроисповѣданій, нашимъ закономъ установлены собственно для христіанъ. Такъ, правила о необходимости добровольнаго согласія брачущихся, разрѣшенія родителей и начальства для вступленія въ бракъ, судя по буквальному смыслу закона, вовсе не распространяются на не-христіанъ (это видно изъ сопоставленія ст. 5, 6, 9, 12, 62 и 91 т. X ч. 1). Практика не придерживается безусловно такого страннаго вывода. Такъ, напримѣръ, добровольное согласіе брачущихся необходимо и по еврейскому закону. Разрѣшеніе же начальства на вступленіе въ бракъ еврея-чиновника или военно-служащаго, хотя оно и помѣщено въ главѣ о бракахъ лицъ православнаго исповѣданія, и еврейскимъ религіознымъ закономъ не требуется, но примѣняется на практикѣ и къ евреямъ, такъ какъ правило это вызвано соображеніями о пользѣ государственной службы и съ религіей ничего общаго не имѣетъ. Болѣе сомнительнымъ является вопросъ относительно значенія родительскаго разрѣшенія. По еврейскому закону, разрѣшеніе это для совершеннолѣтнихъ дѣтей, кажется, не требуется. Гражданскій же законъ формально не распространенъ на евреевъ. Между тѣмъ, по ст. 1,566 улож. о наказ. за вступленіе въ бракъ безъ согласія родителей виновные подвергаются тюремному заключенію, и отъ воли родителя зависитъ лишить ихъ наслѣдства. Распространяется ли это правило на евреевъ? Общій характеръ ст. 1,566, не упоминающей о принадлежности виновныхъ къ тому или другому вѣроисповѣданію, заставляетъ отвѣчать на этотъ вопросъ утвердительно, хотя статьи X тома, повидимому, приводятъ къ другому взгляду.

Правило о томъ, что лицо, имѣющее болѣе 80-ти лѣтъ отъ роду, не можетъ вступать въ бракъ, какъ видно изъ ст. 4 зак. гражд., примѣняется къ однимъ православнымъ; между тѣмъ, изъ ст. 1,563 улож. о нак., можно заключить, что запрещеніе это примѣняется ко всѣмъ вѣроисповѣданіямъ: здѣсь сказано вообще, что за вступленіе въ бракъ, прежде или позднѣе установленнаго

законами церковными или государственными возраста, сочетавшіеся подвергаются такому-то наказанію. Строго говоря, статью эту, какъ всякій вообще уголовный законъ, слѣдуетъ толковать ограничительно, и такъ какъ можно доказать, что происхожденіе запрещенія престарѣлымъ лицамъ вступать въ бракъ было христіанское, нравственно-религіозное, то слѣдуетъ признать, что оно на евреевъ не распространяется. А между тѣмъ, мотивъ и цѣль этого закона имѣютъ общечеловѣческій характеръ, такъ какъ дѣло идетъ о томъ, чтобъ помѣшать несчастнымъ бракамъ при значительномъ неравенствѣ лѣтъ супруговъ, и потому справедливо было бы распространить его на лицъ всѣхъ вѣроисповѣданій.

Расторженіе браковъ поставлено въ безусловную зависимость отъ церковнаго закона и церковнаго суда; неудивительно поэтому, что гражданскій законъ обращаетъ свое вниманіе только на разводъ у членовъ господствующей церкви, оставляя совершенно безъ всякаго вниманія и контроля разводъ, напримѣръ, у евреевъ; а между тѣмъ правила, выработанныя еврейскимъ религіознымъ обычаемъ на счетъ этого, до того обвѣтшали и весьма часто стѣснительны и несправедливы, что необходимость ихъ измѣненія давно уже сознается всѣми.

Относительно важнаго вопроса о степеняхъ родства, въ которыхъ воспрещается бракъ, законъ нетолько не дошелъ до общихъ всѣмъ вѣроисповѣданіямъ гражданскихъ нормъ, но даетъ свою санкцію въ этомъ отношеніи только постановленіямъ христіанской церкви (ст. 64, тамъ же) и признаетъ право лицъ другихъ исповѣданій руководиться по этому предмету своими религіозными законами (ст. 84, тамъ же).

Основою семьи, по мысли нашего закона, служитъ не общечеловѣческое чувство нравственнаго и правоваго долга, а христіанскирелигіозное вѣрованіе. Поэтому, во всѣхъ преступленіяхъ противъ союза семейнаго и родственнаго, церковное покаяніе, какъ наказаніе, дѣйствующее на религіозное сознаніе вѣрующаго христіанина, играетъ видную роль. Это видно изъ статей уложенія о наказ. 1,549 (похищеніе женщины для вступленія въ бракъ),

1,582 (похищеніе замужней женщины), 1,583 (жестокое обращеніе одного супруга съ другимъ), 1,585 (прелюбодѣяніе), 1,586 (жестокое обращеніе родителей съ дѣтьми), 1,593 (кровосмѣшеніе), 1,597 (любодѣяніе въ дозволенныхъ къ браку степеняхъ родства).

Въ уложеніи нѣтъ наказанія для нехристіанъ за одно изъ важнѣйшихъ преступленій противъ брачнаго союза — кровосмѣшеніе въ нѣкоторыхъ его видахъ. Нѣтъ также наказанія для нихъ за вступленіе въ бракъ въ степеняхъ родства, воспрещенныхъ ихъ религіознымъ закономъ, изъ чего слѣдуетъ заключить, что преступленіе это у не-христіанъ вовсе не наказуемо. Для духовныхъ лицъ нехристіанскихъ исповѣданій нѣтъ спеціальныхъ наказаній за совершеніе браковъ по насилію, обману или сумасшествію, и надо полагать, что они наказываются въ этомъ случаѣ на основаніи общихъ правилъ объ участникахъ, между тѣмъ, для христіанскаго духовенства опредѣлены спеціальныя наказанія за это преступленіе *.

Все это подтверждаетъ высказанную мысль о томъ, что государство относится у насъ безучастно къ семейному быту не-христіанъ, предоставляя ихъ своему собственному усмотрѣнію, пока не замѣшается интересъ господствующей или вообще христіанской церкви. Тогда правительство энергически вмѣшивается во внутреннюю жизнь иновѣрческой семьи, для того, чтобъ поддержать не общія требованія справедливости, но спеціальныя требованія христіанской церкви.

Послѣдовательно ли, однакожъ, проведены въ нашемъ законѣ оба эти основныя начала законодательной политики въ примѣненіи къ іудейству? Внимательное изученіе нашихъ законовъ приводитъ къ отрицательному отвѣту на этотъ вопросъ. Тотъ принципъ, что интересъ христіанства служитъ высшимъ регуляторомъ семейнаго права тамъ, гдѣ интересъ этотъ затрагиваетъ участь

---

* Лохвицкій, „Курсъ русск угол. права“, изд. 2-е, стр. 507, 497, 499.

еврейской семьи, господствуетъ не безусловно въ нашемъ законодательствѣ. Это видно изъ того, какъ разрѣшенъ закономъ вопросъ о томъ, могутъ ли супруги-евреи, изъ которыхъ одинъ обратился въ христіанство, въ случаѣ, когда они продолжаютъ брачную жизнь, проживать внѣ черты осѣдлости евреевъ? Еслибъ принять въ соображеніе, какъ обыкновенно дѣлаетъ нашъ законъ, только интересъ поощренія перехода евреевъ въ христіанство, то слѣдовало бы разрѣшить этотъ вопросъ утвердительно. Мы видѣли въ предъидущей статьѣ, что законодатель нашъ знаетъ о томъ, какую роль играютъ свѣтскіе расчеты въ крещеніи евреевъ, и что расчеты эти имъ поощряются, а не отвергаются. Право же жить по всей имперіи, какъ мы видѣли, есть одинъ изъ важнѣйшихъ расчетовъ этого рода; почему же въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, не воспользоваться бы такимъ расчетомъ и не дозволить еврейской семьѣ въ случаѣ крещенія одного изъ супруговъ пребываніе внѣ злополучной черты осѣдлости? Это было бы безъ сомнѣнія согласно съ общимъ характеромъ нашего вѣроисповѣднаго законодательства. Однакожъ въ данномъ случаѣ принципъ удаленія евреевъ отъ священной почвы „внутренней Россіи“ одержалъ верхъ надъ другимъ, любимымъ началомъ русскаго права—поощреніемъ неофитовъ. Одержали ли здѣсь верхъ соображенія экономическія, или правительство хотѣло положить предѣлъ слишкомъ уже явному злоупотребленію крещеніемъ для пріобрѣтенія права свободнаго повсемѣстнаго жительства, этого не видно изъ ст. 81 т. X ч. I, опредѣляющей, что въ случаѣ крещенія одного изъ супруговъ еврейская семья не можетъ жить внѣ черты осѣдлости евреевъ, ни изъ указа 1851 г., на которомъ основано это правило. Замѣтимъ кстати, что ст. 81 возбуждаетъ своею редакціи слѣдующее сомнѣніе: „Но въ случаѣ если бракъ не расторгнутъ (т. е. при переходѣ въ православіе только одного изъ супруговъ-евреевъ и желаніи ихъ продолжать, тѣмъ не менѣе, брачную жизнь), ни мужу, ни женѣ не дозволяется постоянное жительство въ губерніяхъ, гдѣ евреямъ осѣдлость воспрещена“. Мѣсто это можетъ быть понимаемо слѣдую-

щимъ образомъ. Если мужъ-еврей обратится въ православіе, то нетолько его жена, оставшаяся въ іудействѣ, не можетъ жить съ нимъ, положимъ, въ Петербургѣ, но и онъ самъ не имѣетъ права жить тамъ, хотя бы жена его осталась въ чертѣ еврейской осѣдлости („ни мужу, ни женѣ не дозволяется"). Такой выводъ былъ бы, однако, нелогиченъ и несправедливъ. Съ принятіемъ христіанства еврей перестаетъ быть таковымъ, нетолько въ религіозномъ, но и въ гражданскомъ отношеніи. Было бы ни съ чѣмъ несообразно подвергать его ограниченіямъ, установленнымъ собственно для лицъ еврейскаго вѣроисповѣданія, (а не происхожденія), послѣ того, какъ онъ пересталъ быть евреемъ по вѣрѣ; по крайней мѣрѣ, это было бы рѣшительно несогласно съ общимъ характеромъ нашего права по этому предмету.

Съ другой стороны, въ пользу такого толкованія говоритъ слѣдующее: вопервыхъ, по основнымъ началамъ русскаго права, совмѣстная жизнь супруговъ составляетъ необходимую составную часть законнаго брака, и совмѣстность эта всегда предполагается, какъ фактъ неизбѣжный и существующій. Какимъ же образомъ допустить, чтобъ мужъ имѣлъ право всю жизнь проводить въ такихъ мѣстахъ, куда жена его едва можетъ заглянуть? Какимъ образомъ согласовать это право съ тѣмъ основнымъ началомъ, что юридическое мѣстожительство жены всегда предполагается тамъ, гдѣ живетъ мужъ? Вовторыхъ, законъ, безъ сомнѣнія, относится недовѣрчиво къ такимъ бракамъ, гдѣ одинъ супругъ исповѣдуетъ христіанскую, а другой іудейскую вѣру. Возможность соблазна и отпаденія отъ церкви (противъ чего принимаются мѣры: подписка супруга-іудея о несовращеніи своей христіанской половины — ст. 81 зак. гр.) и общій характеръ нашего семейнаго права вполнѣ объясняютъ это недовѣріе. Очень возможно поэтому, что законодатель желаетъ поощрять евреевъ, обращающихся въ христіанство къ расторженію прежняго брака и прекращенію, такимъ образомъ, послѣдней связи съ еврейскимъ міромъ. Въ видѣ приманки поставленно все то же недосягаемое для еврея благо— право повсемѣстнаго жительства. Если будешь продолжать брач-

ную жизнь съ еврейкой — говоритъ законъ неофиту — стало быть, не прекратишь сношеній съ еврейскимъ міромъ, то право это, для котораго ты, можетъ быть, и рѣшился на самое крещеніе, тебѣ дано не будетъ; поэтому, спѣши бросить свою семью и дѣтей и вступай на новый бракъ съ христіанкой. По моему мнѣнію, эти соображенія, въ связи съ буквальнымъ смысломъ ст. 81, такъ вѣски, что упомянутое толкованіе ст. 81 должно быть признано правильнымъ.

Но можно понимать эту статью и такимъ образомъ: при обращеніи лишь одного изъ супруговъ въ христіанство, другой не имѣетъ права жить съ нимъ внѣ черты еврейской осѣдлости. Слова „ни мужу, ни женѣ“ и пр. слѣдуетъ понимать такъ: ни мужу, въ такомъ случаѣ, когда жена обратилась въ православіе, ни женѣ: въ противоположномъ случаѣ, не дозволяется и прочее.

Это толкованіе, какъ болѣе снисходительное, должно бы быть принято за правильное. Но, чѣмъ болѣе вникать въ смыслъ нашихъ законовъ, тѣмъ яснѣе будетъ, что оно должно вести къ весьма страннымъ юридическимъ и практическимъ выводамъ. Поэтому, первое толкованіе кажется намъ юридически правильнымъ. Но въ этомъ видѣ ст. 81 является существеннымъ отступленіемъ отъ общихъ началъ нашего права. Въ то время, какъ вообще законъ всячески поощряетъ улучшеніе быта обратившагося въ православіе еврея, тутъ отнимается у неофита, даже простое право повсемѣстнаго жительства. Непослѣдовательность очевидная, хотя, какъ мы видѣли, она можетъ быть объяснена опять-таки соображеніями церковнаго свойства, именно желаніемъ содѣйствовать расторженію опасныхъ, въ церковномъ отношеніи, браковъ между христіанами и евреями.

Отмѣтимъ кстати слѣдующее. По закону, лица евангелическо-лютеранскаго исповѣданія могутъ вступать въ бракъ съ евреями, и въ случаѣ, когда лютеранинъ женится на еврейкѣ, она можетъ жить съ нимъ повсемѣстно: по крайней мѣрѣ въ правилахъ о такихъ бракахъ (т. XI ч. I, уставъ еванг. лютер. церкви, ст. 210) не содержится никакого запрещенія по этому вопросу, а по

общему правилу, всякая жена слѣдуетъ мѣсту жительства мужа. Такимъ образомъ, выходитъ слѣдующая странность. Если смѣшанный бракъ возникъ изъ того, что одинъ изъ супруговъ-іудеевъ обратился въ христіанство, то оба супруга (если принять то толкованіе ст. 81 зак. гр., которое намъ кажется болѣе правильнымъ) не имѣютъ права повсемѣстнаго жительства, а если бракъ этотъ произошелъ такъ, что лютеранинъ женился на еврейкѣ, то результатъ выходитъ противоположный. Между тѣмъ смѣшанный бракъ въ обоихъ случаяхъ носитъ характеръ одинаковый, и послѣдовательно было бы разрѣшить вопросъ о послѣдствіяхъ его относительно права пребыванія супруговъ внѣ черты осѣдлости евреевъ на одномъ общемъ основаніи. Если же дѣлать различіе между двумя видами происхожденія смѣшаннаго брака, то скорѣе слѣдовало бы, кажется, установить это различіе въ противоположномъ смыслѣ. Лютеранинъ, женившійся на еврейкѣ, идетъ въ разрѣзъ съ направленіемъ нашего свѣтскаго и церковнаго права, косо смотрящаго на браки христіанъ съ иновѣрцами, и потому его можно подвергнуть стѣснительнымъ послѣдствіямъ такого шага, подчинить нѣкоторымъ ограниченіямъ, для іудействующихъ установленнымъ: на то была его добрая воля войти въ связь съ еврейскимъ міромъ. Но, въ случаѣ перехода еврея въ христіанство, законъ обязанъ всячески его поощрять, а не стѣснять, хотя бы льгота коснулась и оставшагося въ іудействѣ его супруга. Такое разрѣшеніе вопроса гораздо больше соотвѣтствовало бы общему духу нашего вѣроисповѣднаго законодательства. Почему же однакожь, вопросъ разрѣшенъ нашимъ закономъ не такъ? Я думаю вотъ почему. Разрѣшеніе лютеранамъ вступать въ бракъ съ иновѣрцами не есть русскій государственный законъ, но принципъ евангелическаго церковнаго права, подтвержденный въ силѣ и правительствомъ. Лютеранская церковь сохранила у насъ свои права и привиллегіи, выросшія на другой, болѣе развитой и свободной въ гражданскомъ и церковномъ отношеніи почвѣ. Еслибъ законъ постановилъ относительно браковъ лютеранъ съ евреями такое же правило, какое выражено въ концѣ ст. 81 для супруговъ-выкре-

стовъ, то онъ посягнулъ бы на гражданско-религіозныя права лютеранъ, чего онъ не могъ и не хотѣлъ сдѣлать. Правило же ст. 81 выросло самобытно на русской почвѣ (и потому въ ней говорится о переходѣ въ православіе, а не вообще въ христіанство); здѣсь законодатель не былъ стѣсненъ принципами европейскаго права, и вопросъ о правѣ жительства супруговъ разрѣшенъ имъ по собственному усмотрѣнію.

Какъ бы то ни было, мы встрѣчаемся здѣсь съ однимъ изъ множества логическихъ противорѣчій между различными постановленіями о евреяхъ, на которыя мы не разъ указали и еще будемъ указывать въ этомъ очеркѣ.

Съ другой стороны, еще менѣе выдержано въ нашемъ законодательствѣ начало невмѣшательства государства въ семейный бытъ евреевъ, пока не представится въ этомъ церковная потребность. Правительство должно было убѣдиться, что безусловное примѣненіе начала laissez faire къ еврейской семьѣ немыслимо, въ виду того, что съ семейнымъ бытомъ связаны весьма существенные интересы государства и общества—интересы, нуждающіеся въ защитѣ закона противъ анархіи еврейской автономіи. Отсюда въ гражданскомъ законѣ рядъ правилъ о еврейскомъ бракѣ, нетолько неосновательныхъ на еврейскомъ религіозномъ законѣ, но отчасти ему противорѣчащихъ. Таково, вопервыхъ, правило о вступленіи евреевъ въ бракъ не моложе установленнаго гражданскимъ закономъ возраста (18-ти для мужчинъ. 16-ти для женщинъ), правило, вызванное желаніемъ уменьшить число раннихъ браковъ, гибельно для самихъ евреевъ и косвенно вредныхъ для всего населенія, но противорѣчащее еврейскому закону и обычаю.

Любопытно, однакожь, что законъ (прим. къ ст. 91 зак. гр.), установляя такую чисто-гражданскую норму для еврейскихъ браковъ остается вѣренъ своему основному принципу, что безусловно-необходимымъ для дѣйствительности брака онъ считаетъ только соблюденіе религіозныхъ правилъ; поэтому, вступленіе еврея въ бракъ ранѣе законнаго возраста не дѣлаетъ брака недѣйствительнымъ, но подвергаетъ виновныхъ извѣстному наказанію за на-

рушеніе закона. Начало вмѣшательства, такимъ образомъ, вступило въ компромиссъ съ противоположнымъ началомъ государственнаго интереса.

Сюда относятся также другія правила, изложенныя въ ст. 1,088 т. XI ч. (Сб., стр. 159) о томъ, что только раввины имѣютъ право совершать браки, что они обязаны принимать различныя при этомъ предосторожности, и въ ст. 1,088 ib. о томъ, что разводы могутъ быть совершаемы тоже только одними раввинами. Правила эти установлены правительствомъ не на основаніи еврейскаго религіознаго закона, а напротивъ, въ видахъ противодѣйствія той невозможной въ благоустройномъ обществѣ анархіи, которая господствуетъ въ еврейскомъ быту, относительно совершенія и расторженія браковъ. Стало быть, въ нихъ содержится прямое нарушеніе принципа невмѣшательства государства въ брачное право всѣхъ вѣроисповѣданій имперіи. Къ сожалѣнію, законъ нашъ и тутъ страдаетъ неполнотой, неясностью и непослѣдовательностью. Такъ мы видѣли уже, что возникаютъ сомнѣнія относительно того, примѣнимы ли къ евреямъ правила о разрѣшеніи начальства и родителей на вступленіе въ бракъ и о запрещеніи брака лицъ, достигшихъ 80-лѣтняго возраста. X томъ установляетъ эти правила только для христіанъ, т. е. придерживается болѣе начала автономіи иновѣрцевъ въ брачномъ правѣ; уложеніе о наказаніяхъ, законъ болѣе новый и лучше редактированный, обобщаетъ эти правила, повидимому распространяя ихъ и на иноѣрцевъ. Въ одномъ весьма важномъ практическомъ вопросѣ, этотъ разладъ принциповъ обнаружился особенно ярко. Мы говоримъ о наказуемости многоженства у евреевъ.

Въ ст. 1,558 улож. о нак. изд. 1866 г. сказано слѣдующее: „Лица нехристіанской вѣры за вступленіе въ новый или новые при существованіи прежнихъ браки, когда сіе противно законамъ ихъ вѣры или особымъ о смѣшанныхъ между протестантами и магометанами бракамъ постановленіямъ правительства, подвергаются заключенію въ смирительномъ домѣ“ и пр. Изъ статьи этой можно заключить слѣдующее. 1) Многоженство у нехристіанъ под-

вергаетъ наказанію только въ томъ случаѣ, когда по религіознымъ законамъ виновнаго оно считается преступнымъ. 2) Оно наказуемо и тогда, когда противорѣчитъ и правительственнымъ постановленіямъ, хотя бы не было преступно по церковному закону обвиняемаго, но такія постановленія существуютъ только для браковъ протестантовъ съ магометанами; еслибъ были и другіе законы въ этомъ родѣ, ст. 1,558 упомянула бы и о нихъ. Замѣчательно при этомъ слѣдующее обстоятельство. Постановленія правительства о бракахъ протестантовъ съ магометанами содержатся въ ст. 210 т. XI ч. 1 (Сб., стр. 148) и, какъ въ этой статьѣ, такъ и въ ея источникѣ (законъ 5-го сентября 1827 г.), браки лютеранъ съ евреями совершенно уравнены съ таковыми же браками съ магометанами („браки исповѣдующихъ евангелическо-лютеранскую вѣру съ магометанами и евреями дозволяются на слѣдующемъ основаніи"). Составители уложенія, ссылаясь на этотъ законъ, однакожь, пропустили одну его половину (о бракахъ протестантовъ съ евреями), удержавъ другую (относительно магометанъ). Такъ какъ о недосмотрѣ тутъ не можетъ быть и рѣчи, то очевидно, что пропускъ сдѣланъ съ умысломъ и выражаетъ нежеланіе составителей уложенія признать многоженство у евреевъ наказуемымъ въ силу гражданскаго закона, поставивъ его въ зависимость отъ ихъ религіознаго закона.

Изъ другихъ мѣстъ тоже можно заключить, что законъ допускаетъ возможность многоженства у евреевъ. Такъ, въ ст. 80 зак. гражд. читаемъ: „если жена или одна изъ женъ магометанина или другого лица нехристіанскаго исповѣданія приметъ св. крещеніе" и проч. Любопытно то, что въ указѣ 1836 г., на которомъ основана ст. 80, имѣлось въ виду первоначально разрѣшить вопросъ, составляющій содержаніе ст. 80, только относительно магометанъ, и слова „или другого лица" и проч. прибавлены въ виду того, что законъ нашъ допускаетъ возможность многоженства и у другихъ нехристіанскихъ исповѣданій. Такимъ-же общимъ образомъ выражается относительно возможности многоженства и ст. 82 зак. гражд., хотя изъ источника ея видно, что она относится собст-

венно къ магометанамъ. Наконецъ въ той же самой ст. 210 т. XI выражено, что „супругъ-нехристіанинъ при бракосочетаніи съ христіанкой обязанъ отказаться отъ многоженства“, изъ чего можно вывести, что у евреевъ и магометанъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, законъ допускаетъ возможность многоженства, пока они не вступаютъ въ бракъ съ христіанами. Нетрудно, впрочемъ, доказать, что эти статьи ничего положительнаго не выражаютъ по занимающему насъ вопросу: первая и вторая изъ нихъ могутъ имѣть въ виду однихъ магометанъ и язычниковъ, третья—магометанъ.

Съ другой стороны, мы встрѣчаемъ слѣдующее правило: „совершая обряды, сообразно правиламъ вѣры и обычаямъ, раввинъ наблюдаетъ: ...чтобы вторичный бракъ былъ допускаемъ не иначе, какъ по надлежащемъ удостовѣреніи, что вступающіе въ оный не имѣютъ уже никакой обязанности по прежнему браку“; раввинамъ, стало быть, вмѣнено въ обязанность самимъ гражданскимъ закономъ не допускать двоебрачія. А на основаніи закона, браки совершенные не раввиномъ или его помощникомъ, почитаются не законными (Сб., стр. 159). Изъ этого можно вывести, что законъ нашъ не допускаетъ существованія многоженства у евреевъ, хотя нельзя опредѣлить, основано-ли это запрещеніе на соображеніяхъ общественнаго свойства, т. е. невозможности допущенія въ цивилизованномъ обществѣ многобрачія, какъ явленія неестественнаго и вреднаго во всѣхъ отношеніяхъ, или законъ подтверждаетъ здѣсь только правило еврейскаго вѣроученія. Это приводитъ насъ къ вопросу о томъ, какъ относится собственно еврейскій религіозный законъ къ многобрачію? Библія и талмудъ, какъ извѣстно, допускаютъ многоженство, хотя нетрудно доказать, что уже въ довольно древнее время моногамія была общимъ правиломъ, а противоположная форма брака—исключеніемъ, не пользовавшимся уваженіемъ народа. Въ 1030 г. рабби Герсонъ созвалъ соборъ въ Вормсѣ (онъ состоялъ изъ 300 раввиновъ), а на этомъ соборѣ, между прочимъ, запрещено было многобрачіе. Изъ нѣкоторыхъ источниковъ, однакожь, видно, что 150 лѣтъ послѣ этого

собора случаи многоженства встрѣчались еще у французскихъ евреевъ, а рабби Соломонъ-бенъ-Адеретъ отрицаетъ обязательность соборнаго постановленія о полигаміи для евреевъ Испаніи *. Съ теченіемъ времени, однакожь, протесты противъ упомянутаго постановленія исчезаютъ и моногамія становится единственною формой брачной жизни для евреевъ всего западнаго міра. И такъ какъ у евреевъ общепринято то начало, что „обычай Израиля есть законъ", то, вопреки софистическимъ измышленіямъ талмудистовъ, можно принять за положительное правило дѣйствующаго еврейскаго закона недозволенность многобрачія. Это тѣмъ болѣе справедливо, что, за отсутствіемъ всякой церковной организаціи, у евреевъ нѣтъ той духовно-законодательной власти, постановленіямъ которой всѣ считали-бы себя обязанными подчиняться въ дѣлахъ вѣры. При такихъ условіяхъ, единственною опорой можетъ служить одинъ обычай, а онъ прочно и несомнѣнно установился въ пользу одной моногаміи.

Извѣстно, что синедріонъ, созванный Наполеономъ I для преобразованія религіознаго и общественнаго быта евреевъ, высказался противъ допущенія будто-бы еврейскимъ закономъ многобрачія. Правда, изъ обнародованныхъ замѣтокъ самого Наполеона объ этомъ синедріонѣ ** видно, что такой отвѣтъ синедріона на вопросъ о многобрачіи былъ заранѣе предрѣшенъ императоромъ, такъ что нельзя придавать особеннаго значенія (съ точки зрѣнія іудейства) этому отвѣту, но изъ сказаннаго выше можно видѣть, что рѣшеніе синедріона имѣетъ за себя весьма вѣскія основанія.

На основаніи этого рѣшенія французскій уголовный законъ объявляетъ многобрачіе преступленіемъ общественнымъ, а не христіанско-церковнымъ, и наказываетъ его одинаково у лицъ всѣхъ вѣроисповѣданій. Поэтому въ царствѣ Польскомъ, гдѣ до сихъ поръ дѣйствуетъ французское право, евреи (какъ видно изъ су-

---

* См. „Literaturblatt d. Orients", 1841, стр. 676.

** См. „Archives Israélites", за 1841 г.

дебно-статистическихъ отчетовъ) преслѣдуются за многоженство на общемъ собраніи.

Если сгруппировать данныя, относящіяся къ вопросу о юридическомъ положеніи многобрачія евреевъ у насъ, то найдемъ слѣдующее. Съ одной стороны гражданскій законъ сознаетъ, въ какой степени вредно и противуобщественно многобрачія у евреевъ и какъ желательно, чтобъ подобныя явленія исчезали изъ современной жизни; отсюда соотвѣтственныя предписанія раввинамъ и присвоеніе имъ исключительнаго права совершенія браковъ. Но съ другой стороны законъ несовсѣмъ увѣренъ въ томъ, что многобрачіе воспрещено еврейскимъ обычаемъ и съ своей точки зрѣнія находитъ опаснымъ вторженіе государственной власти въ сферу религіозно-семейнаго права иновѣрцевъ. Поэтому ст. 1,558 уложенія предпочитаетъ вовсе не разрѣшать вопроса о наказуемости многоженства у евреевъ, ставя его въ зависимости отъ ихъ религіознаго закона. Но очевидно, что такое разрѣшеніе вопроса ни въ какомъ отношеніи нельзя считать удовлетворительнымъ. Предоставить суду въ каждомъ данномъ случаѣ справляться о томъ, какъ смотритъ еврейскій законъ на многоженство, непрактично и неудобно уже потому, что результаты могутъ быть (и дѣйствительно бываютъ) различные. Одинъ раввинъ выскажется за дозволенность, а другой за недозволенность двоебрачія, и судьба обвиняемыхъ будетъ зависѣть отъ случая. Между тѣмъ дѣла такого рода возникали уже не разъ въ новыхъ судахъ; браки отъ живыхъ женъ довольно-таки часто встрѣчаются у евреевъ, вслѣдствіе неурядицы, господствующей въ еврейскомъ быту, и, по мнѣнію всѣхъ благомыслящихъ людей, они составляютъ явленіе возмутительное, вполнѣ заслуживающее строгаго наказанія. Необходимо, чтобъ законъ разъ навсегда разрѣшилъ вопросъ, который статьей 1,558 оставленъ безъ разрѣшенія; пусть будутъ спрошены объ этомъ эксперты по еврейскому вѣроученію. Мы не сомнѣваемся, что большинство выскажется въ пользу наказуемости многоженства, какъ высказались члены наполеонова синедріона. Но и въ противномъ случаѣ правительство можетъ (и по нашему

мнѣнію должно) стать на точку зрѣнія французскаго права, т. е. отрѣшившись отъ религіозныхъ соображеній, принять во вниманіе противуобщественный и безнравственный характеръ многоженства и на этомъ основаніи воспретить его у евреевъ. Это будетъ тѣмъ послѣдовательнѣе, что относительно нѣкоторыхъ другихъ вопросовъ брачнаго права уложеніе стало уже на эту точку зрѣнія. Мы видѣли уже, что, при опредѣленіи наказанія за вступленіе въ бракъ ранѣе или позднѣе установленнаго возраста или безъ согласія родителей или начальства, уложеніе не обратило никакого вниманія на то, что эти требованія не соотвѣтствуютъ постановленіямъ еврейскаго закона; не станно-ли въ такомъ случаѣ, что такое противозаконное дѣяніе, какъ многобрачія, безъ сомнѣнія гораздо болѣе опасное, чѣмъ вступленіе въ бракъ годомъ раньше установленнаго возраста или безъ согласія родителей, остается безнаказаннымъ у евреевъ, а послѣднія преслѣдуются закономъ независимо отъ религіозныхъ соображеній?

Строго говоря, вовсе нѣтъ основанія, съ точки зрѣнія нашего семейнаго права, ставить вопросъ о наказуемости того или другого нарушенія брачно-правовой нормы въ зависимости отъ того, какъ смотритъ церковь на это нарушеніе. Пусть по еврейскому праву два брака, заключенные одновременно однимъ лицемъ, оба дѣйствительны. Законъ (ст. 90 и 1,113 зак. гр.) тоже признаетъ ихъ дѣйствительными; но это не мѣшаетъ ему запрещать это дѣяніе и подвергать виновныхъ въ нарушеніи сего запрета извѣстному наказанію. Вѣдь если христіанинъ или еврей вступятъ въ бракъ до законнаго возраста или безъ согласія родителеи, то бракъ уже будетъ дѣйствителенъ, но тѣмъ не менѣе виновные подвергнутся наказанію. Не составляетъ ли, такимъ образомъ, ст. 1558 явную аномалію нашего права, допустивъ даже, что еврейскій законъ дозволяетъ многобрачіе (чего однакожъ, какъ видѣли, нѣтъ на дѣлѣ)?

Довольно странно, наконецъ, то, что при совершенно одинаковыхъ условіяхъ религіознаго и общественнаго быта евреевъ въ Царствѣ Польскомъ и остальной Россіи первые преслѣдуются за

многоженство наравнѣ съ христіанами, а вторые пользуются незавидною привиллегіей свободно порхать отъ одной жены къ другой, ничѣмъ не стѣсняясь.

Въ результатѣ же мы получаемъ, что вопросъ о многоженствѣ у евреевъ вовсе не разрѣшенъ нашимъ закономъ, вслѣдствіе борьбы двухъ принциповъ—автономіи всѣхъ вѣроученій въ дѣлахъ религіозно-брачныхъ съ одной стороны и необходимости государственнаго вмѣшательства въ дѣла иновѣрческой семьи съ другой. Хотя борьба эта и объясняетъ намъ неопредѣленное положеніе, принятое закономъ по этому вопросу, но практическія потребности жизни этимъ разумѣется не удовлетворяются. Необходимо остановится на чемъ-нибудь опредѣленномъ, и едва ли можно хоть на одну минуту усомниться въ томъ, какое изъ этихъ двухъ началъ должно преодолѣть. Государственный интересъ, связанный съ правильной организаціей семейнаго союза, слишкомъ значителенъ для того, чтобъ имъ можно было пожертвовать софизмомъ талмудистовъ; а организація эта едва ли мыслима въ современномъ обществѣ безъ единобрачія, какъ основной и ненарушимой нормы семейнаго права. Къ этому присоединяются и установившіяся обычныя воззрѣнія самыхъ евреевъ, и указанныя юридическія соображенія различнаго рода. Все это въ совокупности убѣждаетъ въ рѣшительной необходимости измѣненія ст. 1,558 уложенія въ смыслѣ наказуемости многобрачія у русскихъ евреевъ.

Указавъ, такимъ образомъ, на борьбу двухъ элементовъ—государственнаго интереса и равнодушія въ иновѣрческой семьѣ—въ нашемъ законодательствѣ о еврейскомъ бракѣ, замѣтимъ еще, что на этотъ отдѣлъ русскаго права повліяли еще и соображенія соціально-политическаго свойства. Мотивъ недовѣрія къ евреямъ, какъ извѣстному элементу съ опредѣленною ролью въ гражданскомъ общежитіи, побуждаетъ иногда законодателя отступить отъ естественныхъ началъ семейнаго права въ отношеніи къ нимъ. Въ предъидущей статьѣ мы указали на нѣсколько фактовъ этого рода. Сюда же относится отчасти разобранная выше ст. 81 зак. гр. о

воспрещеніи еврейской семьѣ жить внѣ „черты осѣдлости“, въ случаѣ перехода одного изъ супруговъ въ христіанство. Весьма вѣроятно, что на это постановленіе отчасти повліяло то чувство недовѣрія и боязни, которое заставляетъ нашъ законъ такъ строго относиться ко всякой лазейкѣ для вторженія еврея въ недоступныя для него страны; но съ другой стороны тутъ могло имѣть значеніе и религіозное соображеніе, выше указанное (желаніе разлучить супруга христіанина съ евреемъ или побудить и послѣдняго послѣдовать примѣру перваго). Остановимся здѣсь еще на одномъ пунктѣ, тоже обнаруживающемъ, кромѣ внутренней, даже внѣшнюю несостоятельность дѣйствующихъ законовъ о евреяхъ. Въ X томѣ было прежде слѣдующее правило: при ссылкѣ евреевъ въ Сибирь дозволяется слѣдовать съ ними женамъ ихъ; при ссылкѣ же однѣхъ евреекъ мужья ихъ слѣдовать за ними не могутъ (прим. 2 къ ст 104 зак. гр.) Между тѣмъ лица другихъ податныхъ сословій могутъ слѣдовать въ Сибирь съ ссыльными женами, на основаніи общихъ правилъ о переселеніи изъ одного мѣста въ другое. Разлучая, такимъ образомъ, окончательно супруговъ-евреевъ, въ случаѣ ссылки жены въ Сибирь, законъ очевидно имѣлъ въ виду предупреждать наплывъ евреевъ въ Сибирь (хотя о наплывѣ при весьма небольшой цифрѣ ссылаемыхъ замужнихъ евреекъ, не можетъ быть и рѣчи). Замѣчательно при этомъ слѣдующее. Въ X томѣ упомянутое правило болѣе не существуетъ (см. „Сборникъ“, стр. XVI) и замѣнено правилами, приложенными къ ст 103 (по прод. 1863 г.) Въ этихъ правилахъ говорится вообще о судьбѣ семействъ, ссылаемыхъ въ Сибирь преступниковъ и предоставлено всѣмъ мужьямъ слѣдовать за женами (п. 3); для евреевъ никакого исключенія не сдѣлано. Замѣна же одного закона другимъ значитъ, что факты, прежде разрѣшавшіеся на основаніи такого-то закона, теперь должны быть рѣшаемы исключительно по правиламъ новаго закона. Стало быть, руководствуясь X томомъ, надо признать, что теперь евреи-мужья могутъ, если пожелаютъ, переселяться въ Сибирь съ ссылаемыми женами; и дѣйствительно, прим. 2 къ ст. 104 выпущено въ „Сборникѣ“,

(см. стр. 136). Но разверните „Сборникъ“ на стр. 244 и вы увидите, что тутъ живетъ еще тотъ самый законъ, который вы похоронили на страницахъ XVI и 136. Дѣло въ томъ, что (какъ это нерѣдко бываетъ у насъ) правило, выраженное въ прим. 2 къ ст. 104 т. X, было помѣщено также въ XIV томѣ, въ уставѣ о ссыльныхъ. Но въ это время, какъ въ X томѣ правило это исчезло, въ XIV оно продолжаетъ фигурировать до сихъ поръ. Скорѣе всего, это редакціонный недосмотръ (какъ мы прежде видѣли относительно законовъ о наймѣ евреями христіанской прислуги); и такъ какъ законъ, хотя бы и былъ помѣщенъ въ 20-ти различныхъ мѣстахъ, все-таки одинъ, то съ отмѣной его въ одномъ томѣ онъ не можетъ считаться дѣйствующимъ въ другомъ. На практикѣ, однакожь, могутъ возникать недоумѣнія по этому предмету, и желательно, чтобъ они были устранены. Замѣтимъ кстати, что между редакціей закона въ уст. о ссыльныхъ и въ X томѣ есть существенныя различія: въ первомъ говорится о правѣ евреекъ, слѣдующихъ за мужьями въ ссылку, брать съ собою и дѣтей мужскаго пола, а по тексту въ X томѣ можно полагать, что онѣ могутъ брать лишь дѣвочекъ; въ первомъ говорится о судьбѣ дѣтей при ссылкѣ матери, во второмъ не упоминается объ этомъ. Изложеніе въ уст. о ссыльн. основано на буквальномъ смыслѣ указа 23-го декабря 1846 г.; почему въ X томѣ сдѣланы сокращенія, какъ будто измѣняющія содержаніе указа 1846 г. и противурѣчащія уставу о ссыльныхъ—неизвѣстно *.

Законъ, о которомъ мы теперь говоримъ, вызываетъ еще на слѣдующій вопросъ: имѣетъ ли супругъ-еврей, при ссылкѣ его супруги въ Сибирь съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, право требовать развода? На основаніи ст. 50 зак. гр. въ подобномъ случаѣ супругъ ссылаемаго „можетъ просить свое духовное начальство“ о расторженіи брака.

---

* Этимъ разрѣшается недоумѣніе г. Шимановскаго (первая часть X тома etc., выпускъ I, стр 195) относительно несоотвѣтствія между источникомъ закона и его текстомъ.

Можно было бы понимать эту статью такимъ образомъ, что гражданскій законъ самъ даетъ супругу въ подобномъ случаѣ право на разводъ, и это право не зависитъ уже отъ воззрѣнія духовнаго начальства на законность или незаконность такой причины развода съ точки зрѣнія церкви; просить же это начальство нужно потому, что ему исключительно присвоено право совершать самый обрядъ расторженія брака. Но болѣе правильнымъ по духу нашихъ законовъ нужно признать толкованіе г. Побѣдносцева *, основанное на 27 ст. улож. о наказ., гдѣ прямо выражено, что духовное начальство въ разрѣшеніи сихъ просьбъ руководствуется правилами своего вѣроисповѣданія. Стало быть, законъ не даетъ безусловнаго права на разводъ, въ случаѣ лишенія одного супруга всѣхъ правъ состоянія. Поэтому въ случаѣ ссылки супруга-еврея другой супругъ, обратившись къ раввину съ просьбой о разводѣ, можетъ получить отказъ, если раввинъ не найдетъ основаній для развода въ еврейскомъ законѣ. Но тутъ выходитъ слѣдующая очевидная несообразность. При ссылкѣ еврейки ея мужъ, по прежнему закону, а можетъ быть и по нынѣшнему (см. выше), не можетъ слѣдовать за ней. Государственный законъ, стало быть, требуетъ въ этомъ случаѣ разлученія супруговъ на всю жизнь, а между тѣмъ, тотъ же законъ не даетъ мужу право на разводъ, отсылая его въ этомъ отношеніи къ религіозному закону евреевъ не признающему, какъ кажется, въ уголовномъ наказаніи причины къ разводу. Несообразность бросается тутъ въ глаза. Одно изъ двухъ: или нужно руководствоваться относительно судьбы браковъ при ссылкѣ одного изъ супруговъ-евреевъ однимъ ихъ религіознымъ закономъ, т. е. признать, что бракъ продолжаетъ существовать въ прежнемъ видѣ, и дозволять невинному супругу слѣдовать за ссылаемымъ, или если уже гражданскій законъ находитъ необходимымъ органичить свободу переселенія супруговъ, то предоставить невинному изъ нихъ безусловное право развода, тоже

---

* „Курсъ гражд права“, ч 2, стр. 78.

въ силу гражданскаго же закона. А то выходитъ, что невинный супругъ, если онъ не можетъ или не хочетъ идти за ссылаемымъ въ Сибирь, ставиться закономъ на всю жизнь въ крайне жалкое положеніе „соломеннаго вдовца“ или вдовы, т. е ставится въ необходимость носить по гробъ узы брака, несуществующаго на дѣлѣ (если ссылаемый супругъ не захочетъ добровольно дать или взять разводъ).

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что законъ вовсе не имѣлъ въ виду карать такимъ образомъ не въ чемъ неповинныхъ супруговъ за то, что ихъ половины совершили преступленія. Печальный результатъ, только-что указанный, есть просто слѣдствіе все той же борьбы церковнаго и гражданскаго элементовъ въ семейномъ правѣ, борьбы, неокончившейся рѣшительною побѣдой ни одной, ни другой стороны. Церковная точка зрѣнія породила правило, ст. 27 улож. о нак., о томъ, что разводъ, въ случаѣ лишенія одного изъ супруговъ всѣхъ правъ состоянія, разрѣшается по религіознымъ постановленіямъ каждаго исповѣданія.

Гражданскія же соображенія вызвали ограниченія въ правѣ слѣдованія одного изъ супруговъ-евреевъ за другимъ ссылаемымъ въ Сибирь. Столкновеніе же этихъ двухъ правилъ, вытекающихъ изъ совершенно различныхъ мотивовъ, неизбѣжно ведетъ къ результатамъ несправедливымъ и стѣснительнымъ для невинныхъ супруговъ, этимъ какъ бы еще разъ доказывая, какъ неудобно и нераціонально одновременное существованіе въ одномъ отдѣлѣ права двухъ противоположныхъ принциповъ.

Борьба этихъ двухъ началъ и практическая путаница, составляющая неизбѣжный ея результатъ, отражаются и на многихъ другихъ отдѣлахъ семейнаго права, нетолько въ томъ, что касается заключенія и расторженія браковъ (о чемъ мы до сихъ поръ преимущественно говорили), но и въ той его части, которая носитъ, повидимому, чисто гражданскій характеръ, именно въ ученіи о личныхъ и имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ. Укажемъ на нѣкоторые вопросы, отчасти возникшіе, отчасти легко могущіе возникать на практикѣ.

По нашимъ гражданскимъ законамъ приданое, кѣмъ бы оно ни было дано и на какихъ условіяхъ, всегда составляетъ собственность жены и можетъ быть требуемо ею при существованіи и по прекращеніи брака, какъ отъ самаго мужа, такъ и отъ его наслѣдниковъ. Другого вида приданаго нашъ законъ не признаетъ. Между тѣмъ, у евреевъ существуетъ обычай, въ силу котораго лицо, дающее приданое мужу, можетъ установить, что приданое это остается у мужа и по прекращеніи брака. Законъ санкціонируетъ этотъ обычай, какъ видно изъ слѣдующаго правила: при расторженіи браковъ между евреями, какъ съ возвратомъ, такъ и безъ возврата приданаго, требуется рѣшеніе раввина или помощника его (Сб., 160). Итакъ, представимъ себѣ слѣдующій, весьма обыновенный случай. Отецъ невѣсты даетъ жениху по рядной записи приданое безъ возврата; невѣста въ записи обыкновенно не принимаетъ никакого участія, у евреевъ еще менѣе, чѣмъ у христіанъ. Впослѣдствіи бракъ расторгается разводомъ или прекращается смертью мужа; жена предъявляетъ искъ о выдачѣ ей приданаго. Какъ долженъ отнестись судъ къ этому требованію? По общему закону, приданое составляетъ собственность жены, и для евреевъ изъятія никакого въ этомъ отношеніи не сдѣлано. Слѣдовательно, мужъ или его наслѣдники могутъ удержать приданое только въ томъ случаѣ, если сама невѣста на рядной записи, или впослѣдствіи другимъ актомъ, уступила это свое имущество мужу. Распоряженіе отца ея въ этомъ смыслѣ не можетъ имѣть силы, какъ относящееся къ чужому имуществу, развѣ если признать, что тутъ вовсе не было рядной записи и приданаго, а былъ даръ и дарственная запись, что юридически весьма сомнительно. Съ другой стороны, какой же смыслъ имѣетъ ясно выраженное законодателемъ желаніе предоставить евреевъ, относительно опредѣленія судьбы приданаго, руководствоваться собственными обычаями? Безъ сомнѣнія, судебныя мѣста скорѣе отдадутъ предпочтеніе положительнымъ постановленіямъ гражданскаго закона, не дѣлающаго никакихъ изъятій для евреевъ, предъ сдѣланнымъ мимоходомъ замѣчаніемъ о судьбѣ приданаго

при разводѣ евреевъ. Мы имѣемъ право предполагать такъ, особенно въ виду того сенатскаго рѣшенія, о которомъ будемъ скоро говорить. Но гдѣ же источникъ противорѣчія между правилами IX и X тома о приданомъ у евреевъ? Опять-таки въ борьбѣ двухъ упомянутыхъ принциповъ. Въ одномъ мѣстѣ законъ находитъ лучшимъ предоставить евреевъ относительно ихъ семейнаго быта собственнымъ обычаямъ, изъ уваженія къ религіозному характеру брака; въ другомъ онъ обращаетъ вниманіе на гражданскую сторону брака и потому распространяетъ правила объ имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ, какъ неимѣющія ничего общаго съ религіей, на лицъ всѣхъ вѣроисповѣданій. Практическія неудобства этой системы могутъ быть устранены, разумѣется, только съ окончательнымъ торжествомъ одного изъ этихъ началъ.

Другой вопросъ, тоже относящійся къ приданому, возникъ на практикѣ по слѣдующему случаю. Еврей совершилъ у нотаріуса придано-обезпечительную брачную запись (кетубу, которая обыкновенно совершается домашнимъ порядкомъ на еврейскомъ языкѣ). Нотаріусъ, совершившій эту запись, руководствовался п. 10 ст. 1,005 т. X ч. 1, гдѣ упоминается о подобнаго рода записяхъ въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ (случай былъ не въ этихъ губерніяхъ). Членъ окружнаго суда, ревизовавшій книги упомянутаго нотаріуса, нашелъ, что нотаріусъ не имѣлъ права совершать подобнаго акта, о которомъ законъ нигдѣ не упоминаетъ *. Спрашивается, правильно ли это мнѣніе или нѣтъ? Изъ формы метрическихъ книгъ для записки бракосочетаній между евреями видно, что законъ признаетъ силу заключаемыхъ между супругами-евреями актовъ объ обезпеченіи мужемъ приданаго жены: въ формѣ этой есть особая графа для записки имущественныхъ договоровъ между супругами, и тутъ говорится и о кетубѣ (Сб., стр. 132). Г. Гурляндъ, сообщившій

* См Судебный Вѣстникъ. 1869 г № 226.

упомянутый фактъ, повидимому, такъ же мало подозрѣваетъ существованіе этого закона, какъ и тотъ членъ окружнаго суда. Но очевидно, что если дозволяется вносить такія условія въ метрическія книги, то значитъ, законъ присвоиваетъ имъ обязательную силу для договорившихся. Въ такомъ случаѣ, почему же непремѣнно совершать такіе акты на еврейскомъ языкѣ и вносить ихъ исключительно въ метрическія книги; почему не предоставить супругамъ совершать такіе акты болѣе вѣрнымъ и легальнымъ путемъ—у нотаріусовъ, которымъ дано право свидѣтельствовать всѣ акты, законамъ непротивные?

Нечего и говорить, что съ точки зрѣнія обрусѣнія евреевъ весьма странно заставлять ихъ совершать столь важные и притомъ чисто-гражданскіе акты непремѣнно на древне-еврейскомъ языкѣ, для большинства евреевъ мало или совсѣмъ непонятномъ, запрещая имъ прибѣгать къ русскому языку и русскимъ должностнымъ лицамъ для совершенія своихъ договоровъ? Но гдѣ же лежитъ корень недоумѣнія, въ которое введенъ былъ упомянутый членъ окружнаго суда? Ни въ чемъ иномъ, какъ въ той же несогласованности различныхъ отдѣловъ законодательства. X-и томъ установляетъ общія правила о приданомъ, не заботясь о евреяхъ, IX-и томъ спеціально занимается еврейскими браками и предоставляетъ имъ полную автономію даже въ имущественномъ отношеніи. На практикѣ, однакожъ, могутъ возникать въ этомъ отношеніи серьезныя сомнѣнія. По духу нашей судебной практики, легко возможно, что судъ не признаетъ обязательнымъ правило IX тома, въ которомъ говорится только о запискѣ придано-обезпечительныхъ записей въ метрическія книги, но не опредѣляется юридическое значеніе записываемыхъ актовъ. Практика станетъ на точку зрѣнія того судьи, который полагаетъ, что нотаріусъ не можетъ совершать придано-обезпечительныхъ записей у евреевъ, такъ какъ законъ не упоминаетъ объ этомъ актѣ въ X томѣ; но очевидно, что такой взглядъ будетъ несправедливъ, и противорѣчіе между IX и X томами можетъ быть окончательно устранено лишь законодательнымъ порядкомъ.

Кстати объ отношеніи гражданскихъ законовъ къ правиламъ IX тома о брачныхъ договорахъ у евреевъ. Въ той же формѣ записки бракосочетаній у евреевъ мы встрѣчаемъ договоры: такъ называемый хупезухоръ и шулемзухоръ, т. е. назначеніе отцомъ невѣсты въ рядной записи своимъ наслѣдникомъ жениха, въ равной долѣ съ сыновьями или въ половинной долѣ. По общимъ нашимъ законамъ, такіе договоры, напоминающіе западно-европейскіе Erbvertrage, обыкновенно заключаемые при совершеніи браковъ, не имѣютъ никакой юридической силы, такъ какъ они не удовлетворяютъ ни по формѣ, ни по содержанію требованіямъ закона относительно духовныхъ завѣщаній; притомъ-же, завѣщанія такого рода будутъ недѣйствительны относительно родовыхъ имуществъ и даже въ отношеніи благопріобрѣтенныхъ могутъ быть всегда отмѣняемы. Поэтому нѣтъ сомнѣнія, что если до судебнаго мѣста дойдетъ требованіе зятя о наслѣдованіи въ имуществѣ свекра на основаніи акта шулемзухора, то судъ откажетъ въ подобномъ требованіи, руководствуясь общими законами, которые для евреевъ никакого изъятія не дѣлаютъ. Но спрашивается, какой-же смыслъ имѣетъ послѣ этого разрѣшеніе закона вносить въ оффиціальныя метрическія книги такіе акты, которые завѣдомо не могутъ имѣть никакого значенія ни подъ какимъ условіемъ?

Возьмемъ другой вопросъ, доходившій уже до разсмотрѣнія кассаціоннаго сената. По гражданскимъ нашимъ законамъ (ст. 1.008 т. X ч. 1), запрещается въ рядныхъ записяхъ помѣщать неустойку, на случай если бракъ не состоится. Статья эта основана на указѣ Петра Великаго, который, руководствуясь христіанско-церковнымъ взглядомъ на значеніе непринужденнаго согласія для таинства брака, запретилъ договоры о штрафѣ за неисполненіе обѣщаній вступить въ бракъ, какъ могущіе уничтожить свободу сторонъ. Но законъ хотя по происхожденію и характеру своему относится къ браку христіанскому, изложенъ въ общей формѣ, такъ что долженъ быть примѣняемъ къ лицамъ всѣхъ исповѣданій. Это и было сдѣлано судебными мѣстами въ дѣлѣ Кукуя и Каминскаго. Кукуй искалъ съ Каминскаго, на основаніи договора, извѣстную сумму

неустойки вслѣдствіе того, что послѣдній отказался отъ обѣщанія выдать свою дочь за Кукуя. Мировой съѣздъ отказалъ въ искѣ на основаніи упомянутой 1,008 статьи. Кукуй въ жалобѣ сенату указывалъ на слѣдующее: „ст. 1,008 къ настоящему случаю не относится, ибо законъ этотъ распространяется на дѣла между христіанами; но къ лицамъ нехристіанскаго исповѣданія, у которыхъ бракъ не есть таинство, а тамъ, гдѣ по обычаю евреевъ родители властны сочетать бракомъ даже малолѣтнихъ, а самое сочетаніе производится съ связанными у невѣсты глазами и никогда (?!) по собственной волѣ, выбору и любви, и притомъ въ виду свободнаго во всякое время развода—законъ о непомѣщеніи въ рядныхъ записяхъ неустойки примѣненія имѣть не можетъ". Сенатъ отвергъ жалобу Кукуя по слѣдующимъ основаніямъ. Документъ, на которомъ его искъ основанъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, что законъ называетъ рядною записью, и поэтому съѣздъ правильно примѣнилъ къ нему ст. 1,008. „Притомъ рядная запись, какъ актъ, опредѣляющій имущественныя права лицъ женскаго пола при выходѣ ихъ въ замужество, не можетъ измѣнить своего юридическаго свойства и значенія, вслѣдствіе того, что участвовавшія въ составленіи подобнаго акта лица не принадлежатъ къ христіанскому исповѣданію, и еще потому, что самое совершеніе брака и условія, при которыхъ бракъ совершается, не могутъ имѣть вліянія на юридическія отношенія, возникающія по приданому" *.

Съ перваго взгляда видно, что соображенія, высказанныя въ жалобѣ Кукуя, лишены бо́льшею частью серьезнаго значенія. Такъ невѣрно, будто родители могутъ сочетать бракомъ малолѣтнихъ, ибо гражданскій законъ положительно требуетъ соблюденія евреями установленнаго возраста для вступленія въ бракъ. Невѣрно и то, будто еврейскій законъ вовсе не требуетъ согласія невѣсты для дѣйствительности брака. Свобода развода не имѣетъ никакого

---

* Рѣш. гражд. кассац. департ. сената за 1870 г. № 1,329.

значенія для разсматриваемаго вопроса. Но съ другой стороны и разсужденія сената, хотя и ведущія къ результату, въ существѣ своемъ правильному, имѣютъ характеръ довольно поверхностный, далеко не исчерпывая того, что̀ можно было бы сказать по этому предмету. Сенатъ отдѣляетъ гражданскую сторону брака (по крайней мѣрѣ относительно имущественныхъ его послѣдствій) отъ церковной; съ необходимостью такого различія, конечно, нельзя не согласиться. Но онъ упускаетъ изъ виду, что ст. 1,008 все же несомнѣнно имѣла въ виду христіанскій бракъ, и запрещеніе въ ней изложенное мотивировано соображеніями религіознаго свойства; стало быть, нужно бы еще доказать, что впослѣдствіи законодатель имѣлъ въ виду распространить это правило и на лицъ нехристіанскихъ исповѣданій, но объ этомъ нигдѣ нѣтъ никакого указанія. Затѣмъ, совсѣмъ уже невѣрно мнѣніе, будто по нашему закону обрядъ совершенія брака по тому или другому вѣроученію не имѣетъ никакого значенія для судьбы приданаго. Этому прямо противорѣчитъ упомянутая выше ст. 1,089 т. XI ч. 1 (Сб., стр. 160), допускающая у евреевъ переходъ приданаго въ собственность мужа, тогда какъ по общему закону это невозможно. Противорѣчитъ этому и то, что при совершеніи еврейскихъ браковъ законъ допускаетъ совершеніе разныхъ такихъ актовъ, которые у христіанъ, по общимъ гражданскимъ законамъ, не могутъ имѣть никакой силы.

Еслибъ сенатъ имѣлъ въ виду эти спеціальныя правила, онъ, можетъ быть, иначе взглянулъ бы на вопросъ, возбужденный дѣломъ Кукуя. Послѣдовательнѣе было бы въ сущности признать, что если законъ допускаетъ у евреевъ уклоненія относительно различныхъ предбрачныхъ договоровъ отъ общихъ законовъ, то почему же не допустить и уклоненія отъ ст. 1,008, такъ какъ еврейскій обычай допускаетъ условія о неустойкѣ на случай неисполненія договоровъ о бракѣ, а законъ повидимому склоненъ предоставить евреямъ свободу держаться своихъ обычаевъ по брачному праву. Самое опредѣленіе, которое сенатъ даетъ здѣсь приданому („актъ, опредѣляющій имущественныя права лицъ женскаго

пола при выходѣ ихъ замужъ"), совершенно вѣрно съ точки зрѣнія общихъ законовъ, недопускающихъ возможности пріобрѣтенія мужьями по рядным записямъ какихъ-либо правъ на приданое имущество жены. Но у евреевъ, гдѣ законъ допускаетъ возможность оставленія приданаго у мужа при разводѣ, это опредѣленіе не исчерпываетъ понятія рядной записи.

Другой интересный вопросъ этого же рода относится къ основному началу нашего семейнаго права — обязанности супруговъ къ совмѣстной жизни. Знакомясь съ источниками, на которыхъ основаны ст. 46 и 103 зак. гражд. (супруги обязаны жить вмѣстѣ, самовольное расторженіе брака не допускается), видишь, что законодательство наше, строго слѣдя за соблюденіемъ этого правила, во-первыхъ всегда имѣло въ виду христіанъ и преимущественно православныхъ, а во-вторыхъ, руководствовалось при этомъ требованіями духовнаго начальства и церковныхъ постановленій относительно соблюденія чистоты брачнаго союза. Въ одномъ изъ этихъ источниковъ даже прямо выражено слѣдующее: „постановленіе объ означенныхъ записяхъ (т. е. о запрещеніи договоровъ между супругами относительно раздѣльной ихъ жизни) должно быть распространено на всѣ христіанскія исповѣданія, т. е. какъ на тѣ, въ коихъ брачный союзъ почитается таинствомъ, такъ и на тѣ, въ коихъ принимается за гражданскій актъ" (Мн. гос. сов. 26 марта 1819 г., по дѣлу Шелковниковъ). Тутъ ясно выражено, что даже допустивъ распространеніе правила ст. 103 на тѣ исповѣданія, которыя признаютъ бракъ гражданскимъ актомъ (къ числу этихъ исповѣданій относится и еврейское), законодатель все-таки имѣлъ въ виду одни христіанскія вѣроисповѣданія. При такихъ условіяхъ было бы юридически возможно допустить, что и теперь несмотря на общій характеръ ст. 103, недѣлающей изъятія для евреевъ, судебныя мѣста могутъ отказать евреямъ-супругамъ въ искахъ, основанныхъ на этой статьѣ. Если мужъ-еврей будетъ просить судъ о „водвореніи" у него бѣглянки-жены, или наоборотъ, жена-еврейка будетъ жаловаться на нежеланіе мужа жить съ нею, то судъ можетъ отказать въ подобныхъ требованіяхъ, руководствуясь смысломъ и происхожденіемъ ст.

103. Основаніемъ для такого взгляда могло бы служить и то, что во всѣхъ рѣшеніяхъ кассаціоннаго сената, трактующихъ о смыслѣ и примѣненіи ст. 103, исходнымъ моментомъ вездѣ служитъ христіанское воззрѣніе на бракъ, какъ на таинство; ergo, рѣшенія эти не могутъ быть примѣняемы къ евреямъ. Всего вѣроятнѣе, однакожь, что наши суды „не мудрствуя лукаво" будутъ основываться на „буквальномъ смыслѣ" ст. 103, не упоминающей о различіи вѣроисповѣдномъ, какъ обстоятельствѣ, имѣющемъ значеніе для отношеній супруговъ относительно совмѣстнаго жительства, и вопреки своей собственной теоріи о каноническомъ основаніи ст. 103 будутъ примѣнять ее и къ нехристіанамъ. Но такое разрѣшеніе вопроса, хотя и правильное въ результатѣ (потому что совмѣстная жизнь супруговъ, какъ требованіе брачнаго союза, на самомъ дѣлѣ имѣетъ не каноническое, а гражданское основаніе), все же нельзя признать удовлетворительнымъ, ни съ точки зрѣнія юридической логики, потому что странно понимать законъ въ смыслѣ каноническаго требованія и въ то же время распространять силу его на другія вѣроисповѣданія, ни въ практическомъ отношеніи, потому что иной судъ можетъ толковать ст. 103 какъ постулатъ христіанскихъ каноновъ и не признавать ея обязательности для нехристіанъ, что̀ едва ли будетъ согласно съ духомъ современнаго законодательства.

Нетрудно замѣтить, что всѣ указанныя недоумѣнія и противорѣчія по вопросамъ, относящимся къ гражданской сторонѣ брака, имѣютъ одинъ общій характеръ и одно основаніе. Дѣло въ томъ, что наши общіе гражданскіе законы въ то время, когда они издавались, имѣли въ виду исключительно господствующую православную массу населенія и поэтому проникнуты относительно семейнаго права духомъ церковнаго законодательства. Многіе изъ этихъ законовъ изданы въ то время, когда въ Россіи евреевъ вовсе еще не было (напримѣръ, петровскій указъ о запрещеніи неустойки въ предбрачныхъ договорахъ). Но и впослѣдствіи канонический характеръ семейнаго права оставался неизмѣннымъ и даже постановленія гражданской власти по этому отдѣлу права бы-

ли только подтвержденіемъ и развитіемъ церковныхъ правилъ, такъ что о подчиненіи евреевъ вообще этимъ правиламъ законодатель не думалъ и не могъ думать.

Съ изданіемъ свода вопросъ объ отношеніи государства къ семейному праву евреевъ получилъ слѣдующій видъ. Нѣкоторыя брачно-правовыя нормы прямо распространены закономъ и на евреевъ (напримѣръ, требованіе извѣстнаго возраста для вступленія въ бракъ); тутъ никакихъ сомнѣній и недоумѣній быть не можетъ. Другія правила въ гражданскомъ законѣ отнесены только къ христіанамъ, но затѣмъ въ уложеніи о наказаніяхъ выраженыв общей формѣ, какъ будто относятся къ лицамъ и другихъ исповѣданій (разрѣшеніе родителей, опекуновъ и начальства, вступленіе въ бракъ послѣ 80-ти лѣтъ), такъ что возникаетъ сомнѣніе въ примѣнимости этихъ требованій къ нехристіанамъ. Иныя правила по внѣшней своей формѣ и въ гражданскихъ законахъ имѣютъ характеръ общій (всѣ постановленія, относящіяся къ личнымъ и имущественнымъ отношеніямъ супруговъ), хотя несомнѣнно, что по духу и происхожденію своему они относятся къ христіанамъ и преимущественно къ православнымъ. Относительно нѣкоторыхъ вопросовъ законъ прямо обусловливаетъ разрѣшеніе ихъ и въ гражданскомъ отношеніи воззрѣніемъ каждой церкви или религіи (напримѣръ, наказуемость многоженства у евреевъ, возможность развода вслѣдствіе лишенія одного супруга всѣхъ правъ состоянія).

Въ то время, какъ такимъ образомъ общее гражданское законодательство или вовсе игнорировало семейный бытъ евреевъ, или упоминало о немъ только для того, чтобъ предоставить его своей религіозной автономіи, и только весьма рѣдко подчиняло евреевъ общимъ законамъ, спеціальная административная практика по регулированію быта евреевъ шла своимъ самостоятельнымъ путемъ, не справляясь съ общими законами, и притомъ шла тоже въ двухъ направленіяхъ. Съ одной стороны принималось за общее правило—какъ можно менѣе вмѣшиваться во внутренній бытъ еврейской семьи, пока въ ней не заинтересована господствующая

церковь. Поэтому за евреями оставлена свобода руководствоваться собственными обычаями нетолько относительно того, что имѣетъ дѣйствительно религіозный характеръ въ бракѣ, т. е. обрядовъ совершенія и расторженія браковъ, условій ихъ дѣйствительности и т. под., но и относительно чисто гражданскихъ, имущественныхъ послѣдствій брака (судьба приданаго, акты кетуба, шулемзухоръ и хуцызухоръ). Съ другой—государство сознавало необходимость, во имя общественнаго интереса, противодѣйствовать нѣкоторымъ обычаямъ еврейскаго быта и всеобщей въ немъ анархіи (установленіе возраста, присвоеніе однимъ раввинамъ права совершать и расторгать браки, противодѣйствіе многобрачію).

Дѣйствующее законодательство составляетъ вслѣдствіе этого пестрый конгломератъ самыхъ разнообразныхъ правилъ, нетолько не приведенныхъ въ систему, но напротивъ основанныхъ на противоположныхъ взглядахъ въ коренномъ вопросѣ объ отношеніи государства къ семейному быту евреевъ. Отсюда тѣ многочисленныя несообразности, которыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ мы видѣли, воплотились даже въ формальныя юридическія противорѣчія между постановленіями различныхъ томовъ свода, а въ другихъ приводятъ къ внутреннимъ, логическимъ противорѣчіямъ.

Мы останавливались такъ подробно на постановленіяхъ нашего законодательства о семейномъ правѣ евреевъ потому, что кромѣ важности предмета само по себѣ, онъ имѣетъ преимущественное значеніе именно въ настоящую минуту. Во-первыхъ, какъ извѣстно уже читателямъ, въ правительственныхъ сферахъ обсуждается теперь вопросъ о преобразованіи духовнаго управленія евреевъ и судя потому, что вопросъ о народномъ образованіи евреевъ, получилъ уже разрѣшеніе въ указѣ 16 марта 1873 г., надо полагать, что и реформа раввината послѣдуетъ въ непродолжительномъ времени, а съ этою реформой тѣсно связано измѣненіе законовъ о брачномъ правѣ евреевъ. Во-вторыхъ, теперь на очереди важный законодательный вопросъ о преобразованіи духовно-судебной части вообще.

Комитетъ при Св. Синодѣ, которому поручено было обсужденіе этого предмета, уже выработалъ два проэкта реформы, и проэкты эти теперь разсматриваются установленнымъ порядкомъ. Наконецъ, какъ сообщила недавно одна газета (и извѣстіе это опровергнуто не было), тотъ же самый комитетъ приступилъ къ разсмотрѣнію вообще нашихъ законовъ о бракѣ. Итакъ, всѣ тѣ законы и практическіе вопросы, о которыхъ мы говорили до сихъ поръ, подвергаются теперь разсмотрѣнію законодательно-административнымъ порядкомъ, и въ близкомъ будущемъ предстоитъ болѣе или менѣе существенное измѣненіе дѣйствующаго порядка. Въ виду этого, мы считали своевременнымъ указать по возможности полнѣе на недостатки существующихъ законовъ и на причины этихъ недостатковъ (безъ сомнѣнія, однакожъ, есть еще очень много другихъ недостатковъ, которые намъ неизвѣстны, вслѣдствіе малаго знакомства съ практикой раввиновъ и административно-судебныхъ мѣстъ по семейнымъ дѣламъ евреевъ). Теперь сдѣлаемъ еще нѣсколько замѣчаній относительно того, въ какомъ направленіи должно идти, по нашему мнѣнію, измѣненіе дѣйствующихъ законовъ о брачномъ правѣ евреевъ.

Со введеніемъ въ дѣйствіе духовно-судебнаго преобразованія предполагается распредѣлить дѣла о расторженіи браковъ между общими судами и духовнымъ начальствомъ, тогда какъ теперь дѣла эти у лицъ всѣхъ вѣроисповѣданій находятся въ исключительномъ вѣдѣніи ихъ духовнаго начальства. Мы думаемъ, что и дѣла о разводѣ евреевъ могли быть отнесены къ вѣдомству гражданскихъ судовъ въ слѣдующемъ видѣ. Судебное мѣсто разсматриваетъ заявленіе обоихъ или одного изъ супруговъ о разводѣ, и если находитъ его основательнымъ, дѣлаетъ постановленіе о разводѣ и передаетъ дѣло раввину для совершенія самаго обряда развода. Такой порядокъ принятъ въ упомянутомъ проэктѣ относительно расторженія браковъ у христіанъ по причинѣ безвѣстнаго отсутствія, неспособности къ брачному сожитію и прелюбодѣянія. Распространеніе этого порядка на евреевъ легко осуществимо, какъ видно изъ того, что это давно уже сдѣлано въ

Царствѣ Польскомъ, гдѣ дѣйствуетъ французское право, подчиняющее дѣла о разводахъ у лицъ всѣхъ исповѣданій вѣдомству общихъ судебныхъ мѣстъ. Сочиненіе варшавскаго юриста Гольдшмита о разводномъ правѣ евреевъ, изданное года три тому назадъ на польскомъ языкѣ, въ видѣ пособія для судей при разсмотрѣніи брачныхъ дѣлъ евреевъ, могло бы служить той же цѣли и у насъ. Изъ этого же сочиненія можно видѣть, что и самое матеріяльное право евреевъ относительно развода, т. е. ученіе о причинахъ развода, въ нѣкоторыхъ случаяхъ отличается чрезвычайною суровостью и несправедливостью и должно бы быть измѣнено государственными законами. Такъ напримѣръ, было бы очень желательно, чтобъ гражданскій законъ установилъ значеніе безвѣстнаго отсутствія и неспособности къ брачному сожитію, какъ причинъ развода у евреевъ, руководствуясь при этомъ не одними устарѣлыми, часто нелѣпыми еврейскими обычаями, но и соображеніями общечеловѣческой справедливости и общественной пользы. Необходимо также (см. выше) устраненіе логическаго противорѣчія между гражданскими законами о переселеніи супруговъ-евреевъ въ Сибирь при ссылкѣ одного изъ нихъ, и церковнымъ правиломъ о томъ, что разводъ въ этомъ случаѣ зависитъ отъ правилъ каждаго вѣроисповѣданія. Для этого стоитъ только объявить, что право на разводъ невиннаго супруга существуетъ, въ силу гражданскаго закона, независимо отъ взгляда на этотъ предметъ того или другого вѣроученія; по крайней мѣрѣ, относительно евреевъ такое правило есть безусловное требованіе справедливости.

Необходимо далѣе измѣнить дѣйствующіе законы о расторженіи брака вслѣдствіе перехода одного изъ супруговъ-евреевъ въ христіанство, законы, ставящіе нерѣдко въ безвыходное положеніе брошенную мужемъ еврейку. Самое простое средство для устраненія указанныхъ выше несправедливостей относительно оставляемаго супруга было бы недозволеніе крестившемуся еврею вступать въ новый бракъ до расторженія прежняго, еврейскаго брака. Можно вообще вмѣнить въ обязанность принимающему

христіанство лицу дать разводъ своему супругу, если между ними не состоялось соглашенія относительно продолженія брачной жизни.

Нужно далѣе обратить вниманіе на точное опредѣленіе судьбы приданаго въ случаѣ развода. Наши законы не содержатъ никакихъ постановленій на этотъ счетъ и въ отношеніи браковъ христіанъ (какъ было указано нами въ другомъ мѣстѣ). Относительно еврейскихъ браковъ, какъ мы видѣли, существуетъ противорѣчіе между общими гражданскими законами и спеціальными правилами о евреяхъ, допускающими переходъ приданаго въ собственность мужа. Противорѣчіе это непремѣнно должно быть устранено, но какъ?—проще было бы, повидимому, отвергнуть еврейскіе обычаи и вычеркнуть слова ст. 1,089 т. XI ч. 1, подтверждающія силу этихъ обычаевъ, и затѣмъ подчинить евреевъ дѣйствующимъ общимъ законамъ. Но не надо забывать, что эти послѣдніе въ высшей степени несостоятельны, не соотвѣтствуютъ ни практическимъ требованіямъ жизни, ни историческимъ началамъ русскаго права, какъ доказано въ другомъ мѣстѣ. Нетрудно доказать также, что еврейскіе обычаи, обусловливающіе возвратъ приданаго при разводѣ соображеніемъ обстоятельствъ, подавшихъ поводъ къ разводу, и виновностью того или другого супруга, нетолько самъ по себѣ раціоналенъ, но соотвѣтствуетъ практикѣ древнерусскихъ судовъ и теперешней практикѣ православныхъ судовъ на востокѣ. Такимъ образомъ, предоставленіе евреямъ руководиться по этому предмету своими обычаями нисколько не можетъ считаться аномаліей и можетъ служить прецедентомъ къ введенію этого принципа въ наше общее законодательство. Всего лучше, разумѣется, было бы, еслибъ гражданскій законъ самъ установилъ правила о судьбѣ приданаго при разводѣ и притомъ правила, общія для лицъ всѣхъ вѣроисповѣданій. Но пока этого нѣтъ (на изданіе такихъ правилъ можно разсчитывать только при передѣлкѣ нашихъ гражданскихъ законовъ—дѣло, котораго придется вѣроятно еще долго ждать), едва ли разумно будетъ уничтожать ст. 1,089, не замѣнивъ ея ничѣмъ другимъ. Правда,

что съ предполагаемымъ духовно-судебнымъ преобразованіемъ, если и бракоразводныя дѣла евреевъ отойдутъ къ общимъ судамъ, нужно будутъ установить оффиціяльно тѣ нормы еврейскаго права, которыя должны быть примѣняемы при разсмотрѣніи дѣлъ о спорахъ по приданому при разводѣ; но это не можетъ представить большого затрудненія. Во всякомъ случаѣ ясно одно. Удержать ст. 1,089 въ теперешнемъ ея видѣ невозможно, потому что съ введеніемъ новыхъ судовъ немыслима судебная власть раввиновъ; между тѣмъ ст. 1,089 дѣлаетъ раввина настоящимъ судьей по чисто имущественнымъ дѣламъ — власть, которая не предоставлена и православнымъ консисторіямъ, расторгающимъ браки, но передающимъ въ общіе суды вопросы имущественные, возникающіе при этомъ. Раввинъ не можетъ болѣе рѣшать вопросъ о томъ, у кого должно остаться приданое послѣ развода; это должно быть предоставлено у евреевъ, какъ и у всѣхъ другихъ гражданъ, вѣдѣнію гражданскаго суда.

Относительно порядка совершенія браковъ, разсматривая этотъ вопросъ въ связи съ предполагаемою реформой раввината, всего разумнѣе, кажется, будетъ установить слѣдующій порядокъ: гражданскіе чиновники, долженствующіе замѣнить казенныхъ раввиновъ, въ качествѣ правительственныхъ органовъ во внутреннемъ быту евреевъ (см. выше), ведутъ метрическія книги и запысываютъ еврейскіе браки. Безъ этой записки бракъ признается недѣйствительнымъ въ глазахъ правительства, т. е. относительно оффиціяльнаго признанія основанныхъ на законномъ бракѣ личныхъ и имущественныхъ правъ. Чиновникъ этотъ получаетъ инструкцію относительно порядка совершенія браковъ и условій записки; инструкція эта издается правительствомъ по соображеніи съ еврейскими законами о бракѣ (по заключенію раввинской коммиссіи и другихъ экспертовъ).

Отношеніе между этою гражданскою стороной брака и религіознымъ вѣнчаніемъ можно установить двоякое: или вѣнчаніе совершается предварительно по еврейскому обряду и затѣмъ вносится въ метрическую книгу, или наоборотъ записка происхо-

дить предварительно, а затѣмъ предоставляется желающимъ освятить бракъ религіознымъ вѣнчаніемъ. По многимъ причинамъ, изложеніе которыхъ здѣсь завело бы насъ очень далеко, слѣдуетъ признать первую систему неудобною во всѣхъ отношеніяхъ, тогда какъ вторая можетъ быть примѣнена вполнѣ удовлетворительно. Желающіе вступить въ бракъ заявляютъ о томъ лично упомянутому чиновнику, представляютъ надлежащія доказательства относительно отсутствія законныхъ препятствій къ совершенію брака (достиженіе извѣстнаго возраста, разрѣшеніе родителей или опекуновъ и начальства въ потребныхъ случаяхъ, отсутствіе обязательствъ по прежнему браку и запрещенныхъ степеней родства и т. под.). Послѣ этого бракъ вносится въ установленную книгу и съ тѣхъ поръ онъ считается дѣйствительнымъ въ гражданскомъ отношеніи. Послѣдующее затѣмъ вѣнчаніе по еврейскому обряду есть частное дѣло самихъ супруговъ, неимѣющее никакого значенія для правительства, которому нѣтъ дѣла до религіозныхъ обрядовъ евреевъ.

Предлагаемый порядокъ, очевидно, есть въ сущности введеніе обязательнаго гражданскаго брака для евреевъ. Не будетъ ли это принципнымъ нарушеніемъ началъ русскаго семеннаго права, насквозь проникнутаго церковными воззрѣніями? Не представляется ли вообще обязательный гражданскій бракъ химерой при теперешнемъ состояніи нашего гражданскаго законодательства и нравственно-религіознаго развитія русскихъ евреевъ?

На это мы можемъ отвѣтить слѣдующее. Во-первыхъ, по религіозному же ученію евреевъ бракъ есть гражданскій договоръ, а ничуть не религіозное таинство, какъ у христіанъ. Условія дѣйствительности брака у евреевъ (присутствіе извѣстнаго числа свидѣтелей, торжественныя слова, произносимыя женихомъ при обрученіи и пр.) имѣютъ чисто гражданскій характеръ. Участіе раввина, какъ извѣстно, вовсе не требуется для законности брака. Стало быть установленіе государствомъ гражданской формы заключенія брака у евреевъ не будетъ вторженіемъ въ религіозныя понятія евреевъ. Во-вторыхъ, опытъ другихъ европейскихъ странъ

показываетъ, что евреи вездѣ служатъ однимъ изъ первыхъ двигателей обязательнаго гражданскаго брака, и это объясняется очень просто. Вслѣдствіе тѣснаго союза между государствомъ и христіанскою церковью, во всѣхъ европейскихъ странахъ отдѣленіе гражданскаго элемента отъ церковнаго въ семейномъ правѣ христіанскаго населенія идетъ очень туго, встрѣчая сильныя затрудненія въ укоренившихся понятіяхъ и обычаяхъ. Правительства предпочитаютъ удовлетворять интересамъ общественной пользы относительно организаціи семьи при помощи церкви же, не высвобождаясь вполнѣ изъ-подъ ея вліянія. Относительно евреевъ дѣло принимаетъ другой видъ. Съ одной стороны, еврейская религія вездѣ только терпима: между нею и государствомъ нетолько нѣтъ никакого союза, но послѣднее вовсе не считаетъ себя обязаннымъ поддерживать первую вообще и въ частности относительно религіознаго характера семьи. Съ другой стороны, анархическое состояніе внутренне-религіознаго быта евреевъ, неизвѣстность руководящихъ началъ этого быта и недовѣріе къ нимъ со стороны христіанскаго общества и государства, наконецъ затруднительность контроля надъ дѣйствіями раввиновъ и вообще евреевъ—все это побуждаетъ правительство, оставивъ въ сторонѣ еврейскую религію и духовенство, изыскать самому надлежащія мѣры, чтобъ гарантировать общественныя требованія относительно организаціи еврейской семьи. Главною мѣрой и является обязательность гражданскаго совершенія еврейскихъ браковъ у органовъ правительства. Отсюда напримѣръ въ большей части Пруссіи и въ Австріи то начало, что бракъ евреевъ, для гражданской его дѣйствительности, необходимо долженъ быть совершенъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ, къ тому назначенныхъ, тогда какъ браки христіанъ нетолько могутъ быть совершаемы однимъ церковнымъ порядкомъ (Австрія), но и должны быть совершаемы такимъ образомъ (Пруссія). Такимъ образомъ, чѣмъ сильнѣе въ данной странѣ союзъ между государствомъ и христіанскою церковью, тѣмъ естественнѣе, въ силу общихъ историческихъ законовъ, отдѣленіе гражданской стороны брака отъ

религіозной въ отношеніи непризнаваемыхъ вѣроисповѣданій. Мы видѣли теперь въ самой Россіи подтвержденіе естественности этого историческаго явленія, повторяющагося во многихъ странахъ. Извѣстно, что теперь въ государственномъ совѣтѣ разсматривается проэктъ новаго закона о раскольникахъ. Проэктъ этотъ предлагаетъ ввести для раскольниковъ обязательный гражданскій бракъ, и какъ сообщали газеты, эта мысль одобрена государственнымъ совѣтомъ. Мотивомъ этого закона служитъ то, что правительство не признаетъ духовенства раскольниковъ, а между тѣмъ, бракъ у нихъ долженъ быть такъ или иначе регулированъ къ интересахъ правильной государственно-общественной жизни. Положеніе евреевъ въ Россіи представляетъ въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, большое сходство съ положеніемъ раскольниковъ. Правда, у евреевъ религіозныя ихъ бытъ не совершенно отрицается правительствомъ, какъ у раскольниковъ; но какъ мы видѣли, правительство исходитъ изъ той мысли, что у евреевъ нѣтъ духовенства въ настоящемъ смыслѣ слова. Такимъ образомъ, въ существѣ дѣла положеніе еврейской и раскольничьей семьи предъ лицомъ закона одно и то же. Духовная организація у тѣхъ и другихъ только терпима государствомъ до извѣстной степени, но не пользуется его защитой и полнымъ признаніемъ. Поэтому довѣрить ихъ духовенству исключительно организацію семейнаго быта, какъ это дѣлается въ господствующей церкви, невозможно, потому что духовенство это не даетъ государству достаточныхъ гарантіи соблюденія его интересовъ въ семейномъ быту населенія. А такъ какъ интересы эти слишкомъ важны для того, чтобъ оставить ихъ безъ надлежащей поддержки, то приходится прибѣгнуть къ тому отдѣленію гражданской стороны брака отъ церковной, которое предположено теперь для раскольниковъ и раньше или позже будетъ примѣнено и къ еврейскому населенію Россіи.

Правда, введеніе этого порядка можетъ имѣть то неудобство, что многіе изъ еврейскаго простонародья будутъ продолжать совершеніе браковъ по одному религіозному обряду, и такіе браки

потомъ окажутся недѣйствительными предъ гражданскимъ закономъ. Такіе случаи бываютъ теперь въ Австріи съ провинціяльными евреями, незнакомыми съ дѣйствующимъ тамъ закономъ о еврейскихъ бракахъ *. Но во-первыхъ, такія недоумѣнія сопровождаютъ всякую существенную реформу въ законодательствѣ, изъ за чего однакожь никто не станетъ аргументировать противъ реформъ. Вина падаетъ тутъ уже не на законъ, а на невѣжество массы, порождающее всегда и вездѣ разныя затрудненія и неудобства. Во-вторыхъ, возможность такихъ случаевъ можетъ быть весьма значительно парализована различными мѣрами къ ознакомленію еврейскаго населенія съ новымъ закономъ: вмѣненіемъ раввинамъ въ обязанность объявлять о немъ въ синагогахъ, воспрещеніемъ духовнымъ лицамъ совершать браки, еще не записанные въ метрическую книгу, и т. под. мѣрами.

Весьма важнымъ удобствомъ этой системы будетъ служить то, что лица, разведенныя на основаніи такой причины, которая установлена гражданскимъ закономъ, но не признается еврейскимъ обычаемъ, напримѣръ по безвѣстному отсутствію или лишенію правъ состоянія одного супруга, получатъ возможность вступать въ новый бракъ, дѣйствительный предъ лицомъ гражданскаго закона, хотя и неодобряемый еврейскимъ обычаемъ. Это будетъ важнымъ облегченіемъ для многихъ во Израилѣ, страждущихъ теперь подъ бременемъ религіозныхъ обычаевъ, часто весьма жестокихъ и возмутительныхъ, какъ извѣстно всѣмъ знакомымъ съ еврейскимъ бытомъ.

Рядомъ съ преобразованіемъ порядка совершенія браковъ должно идти измѣненіе матеріяльныхъ нормъ брачнаго права. Изъ того, что сказано было выше при критическомъ разборѣ дѣйствующихъ законовъ, легко заключить a contrario о томъ, въ какомъ направленіи должно идти это измѣненіе. Необходимо строго и точно опредѣлить, какія требованія гражданскаго закона имѣютъ свѣтскій характеръ и одинаково относятся къ лицамъ всѣхъ

* См Neue Freie Presse отъ 7 марта 1873 г

вѣроисповѣданій и какія суть каноническія нормы, примѣнимыя лишь къ тому или другому вѣроисповѣданію въ отдѣльности. Но этого формальнаго, техническаго улучшенія существующихъ законовъ далеко недостаточно. Нужно еще значительно расширить сферу общеобязательныхъ гражданскихъ нормъ по брачному праву въ ущербъ преобладающему теперь элементу вѣроисповѣдной розни. Если мы дѣйствительно серьезно думаемъ объ объединеніи разнородныхъ элементовъ населенія страны, если мы не хотимъ довольствоваться тѣмъ призрачнымъ, механическимъ „обрусеніемъ“, несостоятельность котораго такъ блистательно обнаружилась въ Западномъ Краѣ, то должны позаботиться о подчиненіи всѣхъ гражданъ справедливымъ и для всѣхъ равнымъ законамъ относительно важнѣйшихъ сторонъ частной и общественной жизни. Область семейнаго права должна имѣть здѣсь одно изъ первыхъ мѣстъ по громадному своему вліянію на бытъ населенія. Но вопросъ—какъ должно совершаться это объединеніе?

Опытъ другихъ странъ указываетъ намъ на двѣ различныя системы, ведущія къ этой цѣли. Образцомъ первой можетъ служить Англія. Здѣсь семейный бытъ евреевъ собственно предоставленъ самому себѣ. Евреи могутъ, какъ и лица другихъ вѣроисповѣданій, совершать свои браки гражданскимъ порядкомъ (въ registrar office), но могутъ, если захотятъ, совершать ихъ по своему религіозному обряду. Въ послѣднемъ случаѣ условія и порядокъ совершенія брака совершенно предоставлены еврейскому обычаю, и бракъ такимъ образомъ заключенный дѣйствителенъ въ глазахъ закона. Только въ случаѣ смѣшанныхъ браковъ между евреями и лицами другихъ исповѣданій они вынуждены обратиться къ гражданскому начальству, но разумѣется, только потому, что духовная власть обыкновенно отказываетъ въ благословеніи подобныхъ браковъ. При такихъ условіяхъ еврейское брачное право могло бы примѣняться и развиваться тамъ вполнѣ самобытно и независимо отъ вліянія свѣтскаго законодательства. На дѣлѣ мы видимъ однакожь противное. Если законъ не навязываетъ съ своей стороны никакихъ требованій еврейскому брач-

ному праву, то послѣднее само идетъ на встрѣчу первому и добровольно подчиняетъ себя гражданскому закону, основанному (относительно семейнаго права) на канонахъ господствующей церкви. Это обнаружилось не такъ давно по поводу извѣстнаго билля о дозволеніи браковъ съ сестрами умершихъ женъ, нѣсколько лѣтъ волнующаго набожный англійскій міръ. Одинъ англичанинъ навелъ справки о томъ, существуютъ ли подобные браки у англійскихъ евреевъ, и узналъ слѣдующее: еврейскій законъ положительно дозволяетъ подобные браки, а гражданскій англійскій законъ относится только къ лицамъ англиканской церкви. Тѣмъ не менѣе ни одно еврейское духовное лицо въ Англіи не совершитъ такого брака изъ уваженія къ гражданскому закону *. Такова объединяющая сила свободныхъ учрежденій, что безъ законодательныхъ мѣръ сама жизнь сплачиваетъ разнороднѣйшіе слои населенія, несмотря на широчайшее развитіе общественной автономіи и децентрализаціи. Разумѣется однакожъ, что Англія не можетъ служить намъ примѣромъ, такъ какъ разница между условіями нашей и англійскои жизни неизмѣрима.

Другую, противоположную систему въ этомъ отношеніи представляетъ Франція. Какъ страна, въ которой все дѣлается сверху средствами и силами центральной государственной власти, Франція и по занимающему насъ здѣсь вопросу осталась вѣрною своему культурно-историческому типу. Здѣсь подчиненіе еврейскаго населенія до глубины его домашняго очага общимъ бытовымъ нормамъ народной жизни совершается при главномъ участіи государственной власти, которая достигаетъ, однакожъ, своей цѣли не насильственными мѣрами и пертурбаціями, въ родѣ того что у насъ называется „обрусеніемъ“, а единственно притягательною силой либеральныхъ законовъ и учрежденій, основанныхъ на идеѣ равенства всѣхъ сословій и исповѣданій. Бракъ во Франціи разсматривается со времени революціи и наполеонова законодательства какъ дѣло гражданское, а не церковное; всѣ граждане обязаны совершать его предъ правительственнымъ чиновникомъ,

* См. Jewish Chronicle, № 62 за 1870 г.

причемъ, разумѣется, всякому предоставлено подчиниться впослѣдствіи и церковному вѣнчанію по обряду своего исповѣданія. Законы о разлученіи супруговъ и расторженіи браковъ—тоже общіе для всѣхъ гражданъ. Веденіе актовъ состоянія находится въ вѣдѣніи не духовенства, а гражданскихъ чиновниковъ. Духовенство еврейское получаетъ содержаніе отъ казны, также какъ христіанское, и слѣдовательно составляетъ государственное учрежденіе. Во всемъ отдѣлѣ французскаго кодекса, трактующемъ о бракѣ и его послѣдствіяхъ, нѣтъ никакого различія между лицами разныхъ исповѣданій. Точно также въ уголовномъ кодексѣ при опредѣленіи наказаній за преступленія противъ союза семейственнаго законодатель вездѣ стоитъ на чисто-гражданской, а не церковной точкѣ зрѣнія. Поэтому напримѣръ двоебрачіе наказывается тамъ одинаково у всѣхъ гражданъ (ст. 340 Code pénal), тогда какъ у насъ законъ не осмѣлился признать многоженство наказуемымъ у евреевъ (см. выше).

По сходству (хотя болѣе внѣшнему, чѣмъ внутреннему) между политическими и административными условіями Франціи и Россіи, можно предполагать, что и въ этомъ отношеніи (какъ и во многихъ другихъ) заимствованіе французскихъ учрежденій будетъ полезно и легко осуществимо у насъ, хотя въ данномъ случаѣ заимствованіе будетъ частичное и несовершенное. Нельзя еще расчитывать на скорое введеніе у насъ системы общеобязательнаго гражданскаго брака. Поэтому желательно было бы хоть примѣнить эту систему къ еврейскому населенію, наиболѣе нуждающемуся въ правильной юридической организаціи своего семейнаго быта. Это законодательное подчиненіе еврейской семьи общимъ формамъ народной жизни должно начаться съ измѣненія самаго порядка совершенія браковъ. Что это измѣненіе должно пойти именно въ томъ направленіи, которое нами указано, доказывается слѣдующимъ соображеніемъ. Правительство, какъ видно изъ указа 16-го марта 1873 года, отказалось отъ мысли воспитывать такъ-называемыхъ казенныхъ раввиновъ и навязывать еврейскимъ обществамъ одобренныхъ имъ духовныхъ лицъ. Такимъ образомъ, съ

закрытіемъ раввинскихъ училищъ роль духовныхъ пастырей у евреевъ будутъ играть лица, выбираемыя самими обществами. За исключеніемъ нѣсколькихъ болѣе образованныхъ общинъ въ большихъ городахъ, остальные раввины (какъ и теперешніе духовные раввины) будутъ лица безъ всякаго общаго образованія, незнакомыя ни съ законами, ни съ господствующимъ языкомъ страны. Чтожъ остается дѣлать правительству для того, чтобъ гарантировать въ будущемъ соблюденіе при еврейскихъ бракахъ тѣхъ условій, которыя оно считаетъ необходимыми (достиженіе законнаго возраста, свободность отъ другихъ брачныхъ узъ и пр.)? Вмѣнить въ обязанность духовенству евреевъ слѣдить за исполненіемъ этихъ правилъ? Это было бы конечно послѣдовательно въ виду основнаго принципа законодательства — предоставленія брачныхъ дѣлъ каждаго исповѣданія соотвѣтствующему духовенству; но практически требованіе неосуществимо. Какимъ образомъ требовать отъ раввина напримѣръ, чтобъ онъ признавалъ недѣйствительнымъ бракъ, совершенный недуховнымъ лицомъ, когда еврейскій законъ, блюстителемъ котораго раввинъ состоитъ, признаетъ право каждаго еврея совершать всѣ обряды? Духовныя лица христіанскихъ исповѣданій давно привыкли считать себя нетолько толкователями религіознаго закона, но и органами правительства, и они не стѣсняются примѣнять въ брачномъ правѣ такія требованія гражданскаго закона, которыя даже противорѣчатъ воззрѣніямъ церкви. Но далеко еще то время, когда отъ настоящаго духовнаго лица еврейскаго можно будетъ ожидать такого же подчиненія религіи государству по внутреннему убѣжденію. Притомъ неразумно со стороны законодательства ставить людей въ такое положеніе, что голосъ ихъ совѣсти долженъ постоянно находиться въ разладѣ съ практической ихъ дѣятельностью. Такое положеніе можетъ повлечь за собою одни дурные результаты во всѣхъ отношеніяхъ.

Остается стало быть одно: отдать божье Богу и кесарево кесарю, т. е. предоставить духовенству еврейскому идти своею дорогой, обезпечивъ государству исполненіе его требованій собственными средствами.

Весьма любопытнымъ представляется тутъ вопросъ: какъ должно относиться законодательство къ обычнымъ у евреевъ предбрачнымъ договорамъ разнаго рода, опредѣляющимъ имущественныя отношенія супруговъ во время и по прекращеніи брака, отношеніе жениха къ наслѣдованію въ имѣніи отца невѣсты, отвѣтственность обѣихъ сторонъ за отказъ отъ обѣщанія вступить въ бракъ и т. под. Выше мы видѣли, что дѣйствующіе законы содержатъ два противоположные взгляда на этотъ вопросъ. Общіе законы совершенно игнорируютъ еврейскіе обычаи и тѣмъ какъ будто отрицаютъ у нихъ всякое значеніе; спеціяльныя же постановленія признаютъ, хотя и неясно, право евреевъ руководствоваться этими обычаями. Противорѣчіе это должно быть непремѣнно устранено; но какъ? Тутъ мы встрѣчаемся съ соображеніями, вкратцѣ высказанными выше относительно вопроса о судьбѣ приданаго при разводѣ. Если довольствоваться общими мѣстами, не вникая въ особенности данныхъ фактическихъ отношеній, то отвѣтъ можетъ быть только одинъ: „привилегіи“ евреевъ должны быть уничтожены, и общіе законы должны быть на нихъ распространены. Но дѣло представится въ иномъ видѣ, если принять въ соображеніе слѣдующее: наши общіе гражданскіе законы относительно предбрачныхъ договоровъ крайне несовершенны, отрицая или по крайней мѣрѣ игнорируя такого рода договоры и условія, которые соотвѣтствуютъ народнымъ обычаямъ и допускаются всѣми иностранными законодательствами. Еврейскіе же обычаи на этотъ счетъ нетолько не содержатъ ничего такого, что въ интересѣ общества должно быть воспрещено, но напротивъ, согласны съ началами стариннаго русскаго права и институтами западноевропейской жизни. Таковы обычаи о невозвращеніи женѣ приданаго въ извѣстныхъ случаяхъ развода, объ имущественной отвѣтственности за отказъ отъ обѣщанія вступить въ бракъ, объ обезпеченіи мужемъ приданаго жены (contrados, старославянское „вѣно“). Такимъ образомъ, слѣдуетъ желать не распространенія на евреевъ дѣйствующихъ крайне неудовлетворительныхъ законовъ относительно предбрачныхъ договоровъ, а наоборотъ, установленія

для всѣхъ гражданъ на началахъ народно-русскаго права такихъ правилъ, которыя, будучи раціональнѣе существующихъ, могли бы дать возможность упраздненія еврейскихъ обычаевъ. Справедливый и для всѣхъ общій законъ конечно всего желательнѣе; но пока его нѣтъ, неразумно было бы лишить ту или другую часть населенія права пользоваться вполнѣ безвредными обычаями, восполняющими недостатки закона. Настоящее, внутреннее объединеніе населенія, повторяемъ это еще разъ, возможно только при помощи законовъ и учрежденій, которые нетолько для всѣхъ равны, но вмѣстѣ съ тѣмъ разумны и справедливы. Сглаживать особенности даже хорошія каждой группы населенія, давая взамѣнъ ихъ не лучшее, а худшее, значитъ дѣйствовать не въ пользу, а во вредъ странѣ. Завоевать еврейскую семью, подчинить ее общему потоку народной русской жизни, было бы великимъ шагомъ впередъ въ дѣлѣ обрусенія евреевъ, но шагъ этотъ возможенъ только въ томъ случаѣ, если законодательство откажется отъ узкихъ и устарѣлыхъ принциповъ современнаго нашего семейнаго права и замѣнитъ ихъ другими, болѣе широкими и справедливыми началами. Нетрудно доказать, что тотъ же выводъ представляетъ разборъ всякой другой стороны пресловутаго вопроса объ обрусеніи евреевъ, но это не входитъ въ программу настоящаго очерка.

III.

> Corruptissima republica plurimae leges. Utque antehac flagitiis ita nunc legibus laborabatur.
>
> Тацитъ.

Въ самомъ началѣ нашего очерка, если читатель припомнитъ, указано было на слѣдующую характеристическую особенность занимающаго насъ отдѣла русскаго права. Заботясь объ улучшеніи матеріяльнаго положенія еврейскаго населенія, законъ принимаетъ всевозможныя мѣры поощренія перехода евреевъ въ христіанство. какъ способа окончательнаго и скораго выхода изъ заколдованнаго круга юридическаго и фактическаго униженія и стѣсненія. Исходя изъ того начала, что положеніе еврея, остающагося вѣрнымъ своему «лжеученію», крайне незавидно во всѣхъ отношеніяхъ и что обязанность государства заботиться объ устраненіи препятствій къ матеріяльному благосостоянію всѣхъ безъ исключенія гражданъ—говорили мы тогда—законъ дѣлаетъ все возможное для облегченія еврею перехода въ «лучшій міръ», путемъ удачнаго сочетанія тѣлеснаго спасенія съ душевнымъ. Современному человѣку, воспитанному на идеяхъ религіозной терпимости и разграниченія болѣе или менѣе рѣшительнаго государства отъ церкви, подобный мотивъ законодательной дѣятельности кажется по малой мѣрѣ страннымъ. Поэтому, сколько намъ извѣстно, упомянутая мысль, недостаточно впрочемъ развитая въ началѣ этого очерка, на мно-

гихъ читателей произвела впечатлѣніе простой шутки, лишенной всякаго серьознаго значенія. Да позволено намъ будетъ замѣтить здѣсь, что читатели эти не совсѣмъ правы. Не надо никогда забывать, что мысль, которая на взглядъ современнаго человѣка дика и несообразна, могла казаться очень естественной и разумной нѣсколько десятковъ, а тѣмъ болѣе нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ. Законы же далеко не всегда и не вездѣ служатъ выраженіемъ понятій, господствующихъ во время ихъ примѣненія: напротивъ, по большей части они служатъ воплощеніемъ понятій минувшихъ, нерѣдко даже давно минувшихъ дней. Поэтому, стараясь вникнуть въ смыслъ дѣйствующаго въ настоящее время закона, изслѣдователь рѣдко можетъ довольствоваться запасомъ идей, господствующихъ въ современномъ обществѣ, но обязанъ восходить къ мыслямъ и интересамъ, составлявшимъ содержаніе прошедшей жизни человѣчества и отразившимся на учрежденіяхъ и законахъ, сохранившихъ свое существованіе и послѣ того, какъ мысль ихъ вызвавшая перестала отвѣчать потребностямъ и идеямъ общества. Примѣняя это элементарное правило юридической критики къ нашему вопросу, найдемъ, что еще очень недалеко то время, когда упомянутая мысль имѣла дѣйствительное жизненное содержаніе, гнѣздилась въ умахъ непослѣднихъ представителей умственнаго развитія общества и слѣдовательно должна была отразиться и на законодательствѣ.

Въ западной Европѣ исторія указываетъ на существованіе упомянутой мысли въ XVI столѣтіи. Ульрихъ Цазій, одинъ изъ главныхъ представителей юриспруденціи времени возрожденія, написалъ въ 1508 году сочиненіе о вопросахъ, относящихся къ крещенію малолѣтнихъ евреевъ—de Judaeis parvulis baptizandis quaestiones tres. Здѣсь онъ доказываетъ между прочимъ, что малолѣтнія еврейскія дѣти могутъ быть крестимы безъ воли ихъ родителей, ибо еврей, оставаясь въ своей мѣрѣ, есть рабъ (servus camerae imperialis), а принимая крещеніе, онъ дѣлается свободнымъ: поэтому отецъ не можетъ препятствовать своему сыну переходъ изъ рабства въ свободное состояніе. Біографъ Ца-

зія проф. Штинцингъ замѣчаетъ, что такое мнѣніе, противорѣчащее современнымъ понятіямъ о вѣротерпимости, могло быть внушено Цазію не религіознымъ фанатизмомъ и духомъ пропаганды, а чувствомъ гуманности, такъ какъ переходъ въ христіанство сопровождался тогда для еврея пріобрѣтеніемъ гражданской свободы (это, впрочемъ, ясно видно изъ словъ самаго Цазія) *.

У насъ законъ о крещеніи малолѣтнихъ евреевъ (объ этомъ было говорено въ своемъ мѣстѣ) существуетъ до сихъ поръ, и потому можно было бы и a priori заключить, что въ основѣ его до сихъ поръ лежитъ и мотивъ, указываемый Цазіемъ: состраданіе къ гражданскому положенію евреевъ и желаніе облегчить выходъ изъ него; но мы имѣемъ болѣе прямое указаніе на этотъ счетъ. Въ одномъ законодательномъ памятникѣ прошлаго царствованія встрѣчаемъ слѣдующія слова: «При самомъ учрежденіи Еврейскаго Комитета въ число обязанностей его именно было поставлено, чтобы онъ имѣлъ въ виду мѣры къ уменьшенію евреевъ вообще въ государствѣ и въ особенности въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они еще не слишкомъ умножились. Комитетъ въ правилахъ для новаго Устава не упустилъ изъ виду таковыхъ мѣръ, возможныхъ въ исполненіи и въ тоже время справедливыхъ и даже полезныхъ для самихъ евреевъ» **. Спрашивается: какія это могли быть мѣры уменьшенія числа евреевъ въ государствѣ, которыя были бы полезны, по мнѣнію законодателя, и для самихъ евреевъ? Очевидно, рѣчь идетъ не о какомъ-нибудь фараоновскомъ истребленіи евреевъ или насильственномъ выселеніи ихъ за предѣлы Россіи: такихъ плановъ правительство тогда безъ сомнѣнія не имѣло и не могло имѣть; да и о нихъ не говорилось бы, какъ о мѣрахъ полезныхъ для самихъ евреевъ. Нельзя предположить также, что дѣло идетъ о такихъ мѣрахъ, какъ выселеніе евреевъ изъ деревень, изъ нѣкоторыхъ губерній, изъ пограничной черты и

---

* См Stintzing, Ulrich Zasius Basel 1857, p. 116 и 120

** Указъ 24 мая 1829 г. (Сборникъ законовъ и положеній касающихся евреевъ, изд. Леванды Спб. 1874. стр 243).

т. под., такъ какъ этимъ путемъ нисколько не достигалась цѣль уменьшенія числа евреевъ въ государствѣ вообще. Остается одно наиболѣе вѣроятное объясненіе: Еврейскій Комитетъ долженъ былъ заботиться (и дѣйствительно заботился, какъ показываютъ многія данныя изъ исторіи того времени, отчасти указанныя нами прежде) объ уменьшеніи числа не евреевъ какъ людей извѣстнаго происхожденія, а людей исповѣдующихъ еврейскую религію, посредствомъ мѣръ поощренія желающихъ обратиться въ православіе. Не безъ основанія съ указанной точки зрѣнія законъ говоритъ объ этихъ мѣрахъ, „полезныхъ для самихъ евреевъ", въ смыслѣ уничтоженія съ принятіемъ христіанства гражданской неравноправности каждаго неофита.

Понятно впрочемъ, что подобный мотивъ покровительства новообращеннымъ евреямъ не высказывается болѣе опредѣлительно въ законодательныхъ актахъ. Мы слишкомъ далеко все-таки ушли отъ того средневѣковаго сумбура понятій, который въ XVI вѣкѣ могъ еще такъ наивно выступать въ аргументаціи Цазія. Хотя смутно и болѣе инстинктивно, но въ нашъ вѣкъ всѣми кружками общества и администраціи сознается невозможность придавать большое значеніе такому аргументу въ пользу религіозной пропаганды, какъ улучшеніе матеріальнаго быта обращаемыхъ на путь истины. Вотъ почему когда въ 1817 г. учреждено было „Общество Израильскихъ Христіанъ" съ цѣлью покровительства крещеннымъ евреямъ (потерпѣвшее, какъ извѣстно, полное фіаско на практикѣ), то учрежденіе его мотивировано было совершенно другимъ образомъ. Искренность побужденій новообращаемыхъ евреевъ предполагается несомнѣннымъ фактомъ (предположеніе очевидно очень рискованное и возможное только тогда, когда еврею нельзя будетъ расчитывать ни на какія „земныя блага" отъ перемѣны религіи, а до этого еще далеко и теперь); матеріяльное же покровительство такимъ лицамъ со стороны государства мотивируется лишь особенно стѣсненнымъ положеніемъ ихъ между христіанскимъ

и еврейскимъ обществомъ. Эта точка зрѣнія проводится и въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ законодательныхъ актахъ *.

Каковы бы ни были однакожь мотивы этого покровительства, они не такъ важны для насъ какъ самый фактъ существованія мѣръ поощренія перехода отъ еврейства къ христіанскому исповѣданію. Правда, „Общество Израильскихъ Христіанъ“ давно прекратило свое существованіе, но въ болѣе скромныхъ размѣрахъ мы имѣемъ теперь недавно учрежденный „Пріютъ для крещеныхъ и крещаемыхъ евреевъ“, преслѣдующій туже задачу аналогическими средствами.

Мы коснулись уже прежде нравственнаго значенія такихъ поощрительныхъ мѣръ и здѣсь ограничимся слѣдующими указаніями, нелишенными общаго интереса. Въ эпохи такъ называемыхъ „точекъ къ прогрессу“, сопровождаемыхъ обыкновенно сильнымъ развитіемъ религіознаго рвенія въ нѣкоторыхъ сферахъ, переходъ евреевъ въ православіе дѣлается однимъ изъ популярныхъ способовъ „дѣланія карьеры“, въ ущербъ, разумѣется, какъ нравственному чувству общества, такъ и дѣйствительнымъ (а не призрачнымъ) его интересамъ. Одна изъ любопытнѣйшихъ эпохъ этого рода въ новѣйшей исторіи Россіи есть время приснопамятнаго Магницкаго; о немъ сохраненъ исторіей между прочимъ слѣдующій фактъ. Магницкій назначилъ въ казанскій университетъ инспекторомъ студентовъ выкреста изъ иностранныхъ евреевъ Б. Генералъ Ж., ревизовавшій этотъ университетъ и не раздѣлявшій „просвѣтительныхъ“ идей Магницкаго, въ отчетѣ своемъ отозвался о Б., какъ о человѣкѣ сомнительной нравственности, ибо перемѣнилъ свою религію, и притомъ незнающемъ нетолько обычаевъ, но и языка русскаго. Магницкій, возражая на эти замѣчанія, оставляетъ безъ вниманія вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ иностранецъ совершено чуждый Россіи можетъ съ успѣхомъ исполнять обязанности государственной службы въ Россіи, но за то напираетъ на великій

* См. Указъ 29 ноября 1859 г. (Сборникъ Леванды, стр. 927)

подвигъ душевнаго спасенія Б. Генералъ Ж., замѣчаетъ онъ, повидимому не одобряетъ перемѣны еврейства на христіанство, но что можетъ быть благонадежнѣе ученаго еврея, сдѣлавшагося христіаниномъ въ совершенномъ возрастѣ, по глубокому убѣжденію въ истинности христіанской вѣры? (Интересно было бы знать, какъ Магницкій убѣдился въ существованіи этого глубокаго убѣжденія). Г. ревизоръ называетъ Б. „перемѣнившимъ религію", но забываетъ, что такъ перемѣнили ее всѣ апостолы. Перемѣной религіи называется отпаденіе отъ истинной, а принявшіе ее называются „обратившимися" *. Такимъ образомъ, по мнѣнію Магницкихъ (которые далеко еще не перевелись и послѣ этого достойнаго своего представителя), государственная служба и другія земныя блага существуютъ между прочимъ и для того, чтобъ награждать подвиги благочестія тѣхъ изъ сыновъ Израиля, которые уразумѣютъ истинность христіанства.

Каковы практическія послѣдствія такого направленія законодательной политики и административной дѣятельности? Предоставимъ отвѣчать на это лицу болѣе компетентному и безпристрастному, лицу духовному, горячему ревнителю народности и православія. Юрій Крижаничъ, даровитый наблюдатель русской жизни XVII вѣка, говоритъ по этому предмету слѣдующее: „Подобно туркамъ, Россія принимаетъ и поощряетъ всякихъ неофитовъ, даже принуждаетъ многихъ невѣрныхъ принимать православіе, и этихъ людей, крестившихся для матеріяльныхъ выгодъ, сажаютъ на высокія мѣста. Русское царство будетъ когда нибудь въ концѣ раззорено этими выкрестами или ихъ потомствомъ" **. Магницкій и его позднѣйшіе послѣдователи, стало быть, продолжали только исконную политику допетровской Россіи,—политику, которая заслужила уже въ старину полное осужденіе лучшихъ людей (какъ Крижаничъ). Поощреніе „обратившихся" естественно шло всегда

---

* См статью Ѳеоктистова: „Магницкій" (Русск. Вѣстникъ 1864 г., кн 8, стр 439)

** Русское государство въ половинѣ XVII вѣка (XIII, 16)

рядомъ съ суровой нетерпимостью къ „коснѣющимъ въ своемъ лжеученіи“. Иванъ IV при взятіи Полоцка (1563 г.) велѣлъ крестить всѣхъ евреевъ, а непослушныхъ топить въ Двинѣ *. Онъ же, въ отвѣтъ на ходатайство короля литовскаго (1549 г.) о дозволеніи по прежнему евреямъ торговать въ Россіи, отвѣчалъ: „Нѣтъ, сіи люди привозили къ намъ отраву тѣлесную и душевную, продавали смертоносныя зелія (табакъ?) и злословили Христа Спасителя, не хочу объ нихъ слышать“ **. Очевидно, это было сказано подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ жидовскои ереси, обнаружившейся въ Новгородѣ и Москвѣ около того времени. Такое же отношеніе къ еврейской религіи, не исключая и насильственнаго обращенія евреевъ въ христіанство, представляетъ исторія XVII вѣка (къ которому относится упомянутое замѣчаніе Крижанича) ***. Въ XVIII вѣкѣ мы видимъ рядъ распоряженій о выселеніи изъ Россіи евреевъ, не желающихъ принять православія. Стóитъ вспомнить знаменитую резолюцію Елисаветы Петровны („отъ враговъ Христовыхъ не желаю интереснои прибыли“), чтобъ убѣдиться въ традиціонной послѣдовательности нашеи внутренней политики по этому предмету. Въ XIX вѣкѣ нѣсколько разъ повторенныя запрещенія евреямъ держать въ услуженіи христіанъ мотивируются не желаніемъ охранять рабочій классъ отъ эксплуатаціи евреевъ, а единственно опасеніемъ совращенія въ іудейство, — опасеніемъ, которое поддерживалось примѣрами развитія жидовствующей ереси во многихъ мѣстностяхъ. Въ прошлое еще царствованіе мы видимъ весьма сильное вліяніе этого своего рода „страха іудейска“ на ограниченіе осѣдлости евреевъ. Такъ когда въ 1827 г. вслѣдствіе особаго ходатайства генералъ-губернатора Восточной Сибири разрѣшено было евреямъ Давыдовымъ исправлять обязанности винокуровъ на казенныхъ иркутскихъ заводахъ, то по резо-

---

* Карамзинъ, Ист. госуд. Россійск. IX, 40, 442 и прим. 69.

** Тамъ-же, VIII, 116.

*** См Археогр. сборникъ докум. относ. къ ист. сѣв.-зап. Руси, прил. къ II т., стр XII—XIV.

люціи Государя разрѣшеніе это послѣдовало лишь подъ условіемъ, чтобъ отъ Давыдовыхъ отобрана была подписка въ томъ, что они никого не будутъ склонять въ еврейскую вѣру *. Это распоряженіе объясняетъ намъ главный мотивъ недовѣрчиваго отношенія правительства того времени къ умноженію числа евреевъ въ Сибири. Такъ въ 1826 г. вопреки мнѣнію всѣхъ высшихъ правительственныхъ учрежденій о томъ, что законъ о выселеніи евреевъ изъ мѣстъ появленія жидовской ереси не долженъ быть распространяемъ на евреевъ-винокуровъ въ великорусскихъ губерніяхъ, которымъ по экономическимъ соображеніямъ разрѣшено тамъ пребываніе—Государь Императоръ, полагая, что винокуровъ довольно есть и христіанъ, запретилъ евреямъ-винокурамъ дальнѣйшее пребываніе внѣ черты осѣдлости евреевъ **. А въ 1837 г., опять вопреки предположеніямъ высшей администраціи, по особому повелѣнію Государя переселеніе евреевъ-колонистовъ въ Сибирь прекращено навсегда ***. Въ указахъ по этому предмету причины такого распоряженія не объяснены: но г. Варадиновъ сообщаетъ изъ архивовъ министерства внутреннихъ дѣлъ слѣдующее: Государь нашелъ, говоритъ онъ, что разрѣшеніе евреямъ поселяться на казенныхъ земляхъ въ Сибири не соотвѣтствуетъ ни Положенію 1835 г., которымъ сибирскія губерніи не были открыты для постояннаго жительства евреевъ, ни видамъ правительства при слабомъ населеніи Сибири русскими. Его Величество полагалъ, что при незначительномъ русскомъ населеніи этого края евреи могли бы со временемъ сдѣлаться, если не для всѣхъ, то для низшаго состоянія жителей, столько же вредными, какъ и въ западныхъ губерніяхъ и областяхъ Имперіи †. Хотя здѣсь и не объяснено, о какомъ именно вредѣ для русскихъ отъ евреевъ говорится, но въ виду упомянутыхъ законовъ 1826 и 1827 гг. мож-

---

* Сборникъ Леванды, стр. 209. ** Тамъ-же, стр. 169.

*** Тамъ-же, стр. 401 и 410

† Варадиновъ, Исторія минист. внутр. дѣлъ III 2 304—308.

но заключить, что правительство опасалось не только экономическаго, но и религіознаго вліянія евреевъ на христіанское населеніе Сибири. И дѣйствительно Сибирь вслѣдствіе различныхъ благопріятныхъ условій издавна была притономъ религіознаго свободомыслія расколовъ и ересей всякаго рода: поэтому при тогдашнемъ направленіи нашей вѣроисповѣдной политики ограниченія осѣдлости евреевъ по соображеніямъ религіознымъ были очень естественны и понятны.

Отсюда видно, что съ исторической точки зрѣнія никакъ нельзя согласиться съ мнѣніемъ, высказаннымъ въ указѣ 29 іюля 1824 г., будто „укоризны, кои всегда и вездѣ дѣлаемы были евреямъ въ образѣ отправленія ихъ промысловъ и въ способахъ ихъ обогащенія, безъ сомнѣнія были первой причиной мѣръ правительства къ пресѣченію переселенія ихъ во внутреннія губерніи. Такимъ образомъ, не восходя уже къ древнимъ строгимъ постановленіямъ, достаточно будетъ упомянуть здѣсь, что и въ манифестѣ 1762 г., коимъ отверсто было иностранцамъ свободное водвореніе въ предѣлахъ Россіи, евреи одни изъяты были отъ подобнаго права "*. Мы видѣли, что „древнія постановленія" не только до указа 1824 г., но и послѣ него не мало времени руководствовались главнымъ образомъ религіозными соображеніями въ опредѣленіи правъ евреевъ. Что же касается спеціяльно манифеста 1762 г., то въ другомъ мѣстѣ мы указали на свидѣтельство несомнѣнное (исходящее отъ самой Императрицы Екатерины II) въ томъ, что допущеніе евреевъ въ Россію было признано тогда всѣми за общеполезное, но не состоялось опять-таки по соображеніямъ церковной политики.

Для оцѣнки значенія религіознаго момента въ русскомъ законодательствѣ о евреяхъ не безъинтересно будетъ провести маленькую параллель между относящимися сюда явленіями изъ нашей современной жизни и средневѣковаго быта западной Европы. Мы

---

* Сборникъ Левашды. стр. 127.

говорили прежде подробно о дѣйствовавшихъ въ прежнее царствованіе и отчасти сохранившихся донынѣ законахъ о крещеніи малолѣтнихъ евреевъ въ частности и о переходѣ евреевъ въ христіанство вообще. Въ средневѣковой Европѣ мы встрѣчаемъ весьма сходныя правила по этому предмету. Такъ церковь требовала тогда, чтобъ окрещенные насильно евреи оставались въ христіанствѣ. Духовныя особы охотно забирали при каждомъ удобномъ случаѣ малолѣтнихъ дѣтей, и императоры въ видѣ особой привилегіи давали нѣкоторымъ городамъ право, чтобъ малолѣтнихъ евреевъ въ нихъ не крестить. Въ 1421 г. папа Мартинъ V опредѣлилъ возрастъ, съ котораго еврейскія дѣти могутъ быть крестимы безъ согласія родителей—въ 12 лѣтъ. По каноническимъ и свѣтскимъ законамъ евреи обязаны были не совершать богослуженія публично; они не имѣли права показываться на улицахъ въ большіе христіанскіе праздники. (Это послѣднее правило, если и не существуетъ болѣе въ законѣ, удержалось въ понятіяхъ общества до сихъ поръ. Извѣстно, что при повторяющихся періодически въ разныхъ мѣстахъ, особенно въ Одессѣ, такъ называемыхъ „безпорядкахъ“ во время пасхи, евреямъ ставится въ вину то, что они не прячутся какъ слѣдовало бы въ это время по домамъ. „Благоразумные“ администраторы внушаютъ евреямъ прибѣгать къ этому древнему способу предотвращенія „прискорбныхъ безпорядковъ“). Евреи должны были въ городахъ жить отдѣльно, для того чтобъ не совращать христіанъ. Они не имѣли права держать христіанскую прислугу, что однакожъ часто нарушалось. Запрещено было христіанамъ покупать мясо зарѣзанной евреемъ скотины. У насъ теперь подобнаго запрещенія не существуетъ, но въ извѣстной части печати и общества до сихъ поръ не прекращаются жалобы на то, что евреи кормятъ христіанъ „падалью“, трефнымъ мясомъ, которымъ они гнушаются; публицисты «Голоса» не прочь были бы возстановить упомянутое средневѣковое запрещеніе, не имѣющее никакого смысла, ибо трефнымъ-негоднымъ, какъ извѣстно, оказывается обыкновенно у евреевъ не падаль, а лучшая часть скотины.

Въ 1407 г. императоръ германскій Рупрехтъ хотѣлъ подчинить всѣхъ германскихъ евреевъ одному раввину, а въ эту должность прочилъ онъ своего любимаго еврея, бывшаго ему полезнымъ по финансовымъ операціямъ; на него онъ хотѣлъ возложить обязанность взысканія налоговъ съ евреевъ *. Вообще, какъ извѣстно, въ средніе вѣка правительства часто пользовались религіознымъ авторитетомъ раввиновъ для своихъ финансовыхъ цѣлей. Не очевидна-ли аналогія между этими явленіями и нашими новѣйшими казенными раввинами, на которыхъ также возложена обязанность быть религіозными руководителями своихъ общинъ и въ тоже время быть посредниками между ними и правительствомъ, „направлять евреевъ къ повиновенію общимъ государственнымъ законамъ и установленнымъ властямъ“ **. Мысль, лежащая въ основѣ такого смѣшенія разнородныхъ функцій одного органа власти, одинаково невѣрна какъ въ средневѣковой ея формѣ, такъ и въ современномъ казенномъ раввинатѣ. Духовное лицо какого бы то ни было исповѣданія не можетъ и не должно имѣть никакого отношенія къ исправному платежу податей и исполненію его паствой другихъ чисто-гражданскихъ обязанностей. Но причина такого особеннаго направленія дѣятельности и положенія раввиновъ, какъ въ средніе вѣка, такъ и въ новѣйшее время у насъ, одна и та-же: стремленіе „извлечь изъ сего племени возможную пользу для государства“ и убѣжденіе въ томъ, что еврейская религія, также какъ ихъ промышленная дѣятельность, находится въ безусловномъ распоряженіи государства, которое можетъ направить ту и другую какъ ему вздумается въ своихъ интересахъ. Но объ этомъ еще послѣ. Сходство между средневѣковыми и нашими современными отношеніями къ іудейству обнаруживается не въ однихъ законоположеніяхъ. Такъ средніе вѣка представляютъ рядъ личностей, преимущественно выкрестовъ изъ ев-

---

* Stobbe, Die Juden in Deutschland während d. Mittelalters, 1866, p. 164. 166, 170—176

** Ст. 1086 ч. 1 т. XI Св. Зак

реевъ-же, которые искусно эксплуатировали общую вражду къ евреямъ для того, чтобъ „дѣлать карьеру“ путемъ „разоблаченій“ болѣе или менѣе скандальныхъ относительно тайныхъ пороковъ, преступленій евреевъ и пр. Мы и теперь имѣемъ доморощенныхъ Эйзенменгеровъ и Пфеферкорновъ въ лицѣ разныхъ Темкиныхъ, Алексѣевыхъ, Брафмановъ и др., которые обогащаютъ русскую науку открытіями по части тайныхъ „талмудическихъ республикъ“ и тому подобныхъ ужасовъ, пожиная при этомъ болѣе или менѣе вещественные лавры и безкорыстно трудясь объ открытіи своимъ прежнимъ единовѣрцамъ „пути очищеннаго къ познанію истинной вѣры“. Эта послѣдовательная вѣрность средневѣковымъ началамъ такъ трогательна и поучительна, что на ней слѣдовало бы остановиться подольше, но... надо же предоставить что-нибудь и самодѣятельности читателя, которому впрочемъ нетрудно будетъ составить собственное мнѣніе по этому предмету.

Исторія человѣчества есть осуществленіе суммы *идей*, понятій, усвоенныхъ обществомъ въ каждую эпоху его развитія—говоритъ Бокль. Исторія — это борьба *интересовъ* различныхъ классовъ общества и поочередное преобладаніе тѣхъ или другихъ изъ этихъ интересовъ — говоритъ Спенсеръ. Послѣднее опредѣленіе, какъ намъ кажется, ближе къ истинѣ, хотя можно доказать, что оба мнѣнія сводятся въ сущности на одно и противорѣчія не содержатъ. Но если исторія вообще имѣетъ своимъ содержаніемъ взаимодѣйствіе различныхъ интересовъ, волнующихъ человѣческое общество въ отдѣльныхъ его составныхъ частяхъ, то это самое явленіе должно лежать въ основѣ исторіи законодательства, какъ одной изъ частей жизненной дѣятельности общества. До сихъ поръ, какъ читатель видѣлъ, мы имѣли въ виду вліяніе одной идеи, одного интереса на законодательство о евреяхъ въ Россіи— интереса религіозно-христіанскаго. Еслибъ этотъ моментъ былъ единственнымъ руководящимъ началомъ въ дѣятельности правительства относительно евреевъ, то отношеніе къ нимъ могло-бы

быть только безусловно-отрицательнымъ. Не допускать ни подъ какимъ видомъ евреевъ въ страну правовѣрія, обращать ихъ насильно въ православіе, а „непослушныхъ топить въ Двинѣ“, оставлять безъ вниманія всякіе резоны въ ихъ пользу, на томъ основаніи, что „интересная прибыль отъ враговъ Христовыхъ“ есть вещь, о которой и думать не слѣдуетъ вѣрующему христіанину,— таково послѣдовательное осуществленіе чисто церковнаго воззрѣнія на евреевъ, какъ мы его встрѣчаемъ не только въ XVII, но и въ XVIII и даже XIX вѣкѣ. Но какъ ни сильно было всегда господство религіознаго элемента въ жизни русскаго государства, элементъ этотъ естественно не былъ никогда единственнымъ, опредѣлявшимъ общій ходъ и направленіе жизни общества. Въ дѣйствительности ни одно общество, какъ бы бѣдна, однообразна и неразвита ни была его жизнь, не можетъ довольствоваться осуществленіемъ одного принципа, одного интереса. Жизнь какъ отдѣльной личности, такъ еще болѣе цѣлаго общества—всегда представляетъ одновременное дѣйствіе и борьбу различныхъ идей и интересовъ, борьбу, которая однакожъ никогда не кончается безусловной побѣдой одного изъ этихъ интересовъ.

Такимъ образомъ, въ исторіи отношенія христіанскаго общества вообще и въчастности русскаго къ евреямъ, мы замѣчаемъ тоже взаимодѣйствіе четырехъ главныхъ началъ, изъ которыхъ три клонятся преимущественно къ стѣсненію, ограниченію правъ и свободы евреевъ, а четвертое—напротивъ—къ расширенію этихъ правъ. Одно изъ упомянутыхъ трехъ началъ относительно русскихъ законовъ о евреяхъ уже разсмотрѣно нами; это—принципъ религіозной нетерпимости со всѣми его послѣдствіями. Другое начало, имѣвшее и до сихъ поръ имѣющее огромное вліяніе на юридическій и соціальный бытъ евреевъ, весьма мало оцѣнено по достоинству историками и публицистами, и потому мы остановимся на немъ здѣсь нѣсколько подробнѣе.

Ничего нѣтъ обыкновеннѣе, какъ слышать жалобы на безнравственную склонность евреевъ къ торгашеству, шинкарству и ростовщичеству, на отвращеніе ихъ отъ всякаго тяжелаго или

серьезнаго труда и т. п. Жалобы эти раздаются не только въ печати и въ обществѣ, но и въ мотивахъ къ законодательнымъ актамъ, и имѣютъ до сихъ поръ самое рѣшительное вліяніе на направленіе правительственной дѣятельности относительно евреевъ. Но еще болѣе обыкновенно то, что какъ высказывающіе подобныя жалобы, такъ и защищающіе противъ нихъ евреевъ не имѣютъ яснаго представленія о первоначальной коренной причинѣ тѣхъ явленій въ жизни еврейства, которыя даютъ основательный поводъ къ подобнымъ жалобамъ. Принимается за безспорное, что евреи, если не въ древности, то въ средѣ новыхъ европейскихъ народовъ всегда составляли особый классъ населенія, стремившійся къ легкой наживѣ путемъ ростовщичества, денежныхъ оборотовъ, шинкарства и т. д., и что эта склонность къ эксплуатаціи другихъ классовъ населенія была источникомъ постоянной вражды къ евреямъ, гоненій на нихъ и ограничительныхъ законовъ. Но исторія доказываетъ совершенно другое. По замѣчательнымъ изслѣдованіямъ профессора Штоббе (писателя впрочемъ нисколько не повиннаго въ любви къ евреямъ), въ исторіи средневѣковыхъ евреевъ слѣдуетъ различать двѣ существенно различныя эпохи—до и послѣ крестовыхъ походовъ. Въ первый періодъ они были купцами, въ ихъ рукахъ была вся торговля. Они пользовались вездѣ болѣе или менѣе обширными правами и общимъ уваженіемъ, насколько этому не препятствовалъ собственно религіозный фанатизмъ, довольно сильный въ тѣ невѣжественныя времена. Что они занимались преимущественно торговлей — понятно въ виду того, что они были разсѣяны по лицу всей земли, вслѣдствіе чего торговыя сношенія были для нихъ очень удобны, а въ феодально-землевладѣльческую организацію общества ихъ не принимали. Но со времени крестовыхъ походовъ положеніе это измѣнилось. Во-первыхъ, религіозная нетерпимость значительно усилилась вслѣдствіе двухвѣковыхъ войнъ съ невѣрными. А главное—съ тѣхъ поръ европейцы сами завязали торговыя сношенія во всѣхъ странахъ, даже съ отдаленнымъ востокомъ. Промышленность торговая и ремесленная получила чрезвычайное раз-

витіе, и оцѣнивъ значительныя выгоды, ею доставляемыя, христіанское населеніе нашло болѣе разумнымъ присвоить эти выгоды исключительно себѣ, устранивъ отъ нихъ евреевъ. Съ этихъ поръ начинается повсемѣстное образованіе купеческихъ гильдіи и ремесленныхъ цеховъ съ исключительнымъ правомъ производства торговли и ремеслъ. Ни въ гильдіи, ни въ цехи евреи не принимались. Право землевладѣнія тоже все болѣе и болѣе было у нихъ отнимаемо. Для нихъ осталось только одно занятіе — ростовщичество. Что евреи занялись имъ — было весьма естественно, ибо обходиться безъ такъ или иначе организованной системы кредита ни одно общество не можетъ, а каноническіе законы безусловно запрещали христіанамъ взиманіе какого бы то ни было роста, безъ чего кредитныя операціи не мыслимы. Неудивительно поэтому, что во многихъ мѣстахъ каждый еврей обязанъ былъ давать деньги взаимы подъ залогъ вещи всякому желающему: такимъ образомъ обычай и законъ насильственно обращали евреевъ въ ростовщиковъ. Самъ законъ смотрѣлъ на ростовщичество евреевъ, какъ на вознагражденіе за отнятые у нихъ прежніе способы существованія (торговлю и ремесла). Св. Бернардъ Клервосскій, отговаривая народъ отъ разграбленія евреевъ (предъ вторымъ крестовымъ походомъ), указывалъ на то, что не будь евреевъ, ростовщики-христіане еще хуже грабили бы народъ. Какъ бы то ни было, несомнѣнно то, что только со времени крестовыхъ походовъ въ историческихъ памятникахъ начинаютъ появляться жалобы на эксплуатацію народа евреями. Необходимо замѣтить еще слѣдующее. Во многихъ мѣстахъ существовало оригинальное правило, что залогъ, данный еврею-ростовщику, служитъ единственнымъ источникомъ его удовлетворенія въ случаѣ неплатежа, хотя бы долгъ съ процентами возросъ на цифру, значительно превышающую стоимость залога. Это естественно должно было побуждать евреевъ требовать залоговъ, значительно превышающихъ сумму займа, что вызывало ненависть должниковъ *. Такимъ обра-

* Stobbe, p. 103—127.

зомъ нетолько совокупность общественныхъ условій, отъ евреевъ нисколько не зависѣвшихъ, фатально влекла ихъ на путь неблаговидныхъ промысловъ и всеобщей къ нимъ ненависти; но главнымъ изъ этихъ условій былъ эгоизмъ христіанскои буржуазіи, вновь народившагося сословія горожанъ-купцовъ и ремесленниковъ.

Въ исторіи польскихъ, впослѣдствіи русскихъ евреевъ этотъ моментъ до сихъ поръ имѣетъ огромное значеніе, которое необходимо уяснить себѣ для того, чтобъ имѣть правильное понятіе о развитіи законодательства о евреяхъ. Дѣиствительно, какъ давно замѣчено, польское правительство сначала привлекало евреевъ, давало имъ разныя права и преимущества. Впослѣдствіи, именно съ XVI и особенно XVII вѣка, начинается длинныи рядъ мѣръ, направленныхъ преимущественно къ ограниченію и стѣсненію евреевъ, — мѣръ, которыя въ сферѣ экономическои имѣли однакожъ мало успѣха *. Чѣмъ объясняется такой крутой поворотъ въ духѣ польскаго законодательства относительно евреевъ? Исторія указываетъ, какъ на главную его причину, на слѣдующее явленіе. Прежде въ Польшѣ и Литвѣ не было христіанскаго городскаго, промышленнаго и ремесленнаго сословія. Короли, заботясь о промышленномъ развитіи своихъ владѣній, всячески поэтому покровительствовали переселенцамъ-евреямъ, восполнявшимъ важные пробѣлы въ народно-хозяйственномъ быту страны. Но мало по малу образуются городскія общины изъ переселенцевъ-христіанъ (именно нѣмцевъ) и чужеземцевъ; общины эти организуются, крѣпнутъ, получаютъ самоуправленіе по западно-европейскому образцу (т. наз. магдебургское право), получаютъ исключительное право на производство торговли и ремеслъ, каждая въ своемъ районѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно вытѣсняютъ евреевъ изъ многихъ мѣстъ посредствомъ королевскихъ привилегій о воспрещеніи евреямъ жить и торговать то въ томъ, то въ другомъ городѣ. Оттѣсняемые та-

* Закревскій, Описаніе Кіева, 1868, I, 315, 316.

кимъ образомъ отъ правильной торговли и ремеслъ, евреи начинаютъ все болѣе разсѣеваться по селамъ, предаваться факторству, шинкарству и ростовщичеству, что въ свою очередь усиливаетъ ненависть къ нимъ и вызываетъ новыя ограничительныя мѣры противъ нихъ.

Для того, чтобъ избавиться отъ конкурренціи евреевъ въ торговлѣ и промыслахъ, горожане-христіане прибѣгали ко всевозможнымъ, нерѣдко самымъ возмутительнымъ средствамъ. Такъ изъ одной королевской грамоты 1576 г. видно, что на евреевъ взведено было обвиненіе въ употребленіи христіанской крови собственно съ той цѣлью (какъ обнаружилось по слѣдствію), чтобы можно было „жидовъ съ мѣстъ нашихъ (королевства) выкоренить“ *. Чѣмъ руководствовались горожане въ своемъ стремленіи „выкоренить евреевъ“, видно изъ другаго историческаго акта. Могилевскіе мѣщане жаловались правительству на евреевъ, что имъ „великая переказа въ гандлѣхъ (большой ущербъ въ торговлѣ) отъ нихъ ся дѣяла“. Не упоминая ни о какой „эксплуатаціи“ евреями „низшихъ братій“ или другихъ „видахъ народнаго хозяйства“, горожане просто говорятъ, что имъ желательно бы монополизировать выгоды торговли, устранивъ соперничество евреевъ; правительство вняло ихъ ходатайству и привилегіей 1585 г. воспретило евреямъ жительство въ Могилевѣ **. Привилегія эта повторена была и русскимъ правительствомъ (въ 1654 г.) по при соединеніи Бѣлоруссіи къ Россіи ***. (Грамота по этому предмету хотя послѣдовала послѣ Уложенія 1648 г., но не вошла въ полное Собраніе Законовъ). Такія же жалобы на конкурренцію евреевъ раздавались во всѣхъ другихъ мѣстахъ, напр. со стороны виленскихъ мѣщанъ. Витебскъ тоже исхлопоталъ себѣ право не допускать къ жительству евреевъ и это право подтверждено въ 1597

---

* Акты, относ. къ ист, юго-зап. Россіи, I, № 173.

** Тамъ-же, III, № 153.

*** Акты историческіе, IV, № 88.

году *. Кіевскіе мѣщане пользовались той же привилегіей недопущенія евреевъ. По присоединеніи Кіева къ Россіи, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, изъ него снова изгнаны были жиды, армяне и поляки (въ 1660 году) **. На мотивы преслѣдованія евреевъ въ то время особенный свѣтъ бросаютъ слѣдующія указанія источниковъ. Извѣстно, какъ часто сыплются горькіе упреки евреямъ малороссійскимъ, что они въ качествѣ шинкарей опаивали и грабили народъ и доводили казаковъ въ разныя времена до неистовыхъ жестокостей относительно евреевъ и даже поголовнаго ихъ истребленія въ эпохи войнъ за освобожденіе Малороссіи отъ польскаго владычества. Не оправдывая нисколько подвиговъ шинкарства, всегда и вездѣ имѣющихъ одинаковое достоинство, замѣтимъ только, что въ ожесточенной борьбѣ малороссійскаго христіанскаго населенія противъ шинкарей-евреевъ немалую роль играло желаніе не избавить „поспольство“ отъ навязываемаго ему евреями пьянства, а монополизировать въ свою пользу право эксплуатировать это самое пьянство. Выгоды, которыя доставляла въ то время винная торговля, были столь значительны, что мѣщане и казаки естественно смотрѣли съ завистью на то, какъ большая часть этихъ выгодъ выпадала на долю евреевъ, и думали только о томъ, какъ бы перемѣстить доходы отъ пропинаціи въ свои карманы. Разсматриваемая съ этой точки зрѣнія упомянутая борьба конечно много теряетъ насчетъ эпической картинности и возвышенности чувствъ, но выигрываетъ въ исторической правдѣ. Такимъ образомъ по изгнаніи и истребленіи евреевъ винная торговля не переставала быть главнымъ видомъ внутренней промышленности и главнымъ источникомъ казенныхъ доходовъ. Пропинація отдаваема была въ „рату“ (откупъ, аренду) мѣщанамъ-христіанамъ, съ правомъ, разумѣется, исключительной продажи питей. Казакамъ вслѣдствіе этого запрещено было варить и продавать вино (въ

---

* Акты, относ. къ ист. юго-зап Россіи, IV, 118.
** Закревскій, т. II, 592.

1684 году). Въ 1688 г. запрещеніе это повторено гетманскимъ универсаломъ вслѣдствіе жалобъ мѣщанъ-откупщиковъ, такъ какъ винная торговля есть занятіе неприличное для „рыцарскаго чина“ и убыточное для мѣщанъ, платящихъ большую откупную сумму. Но запрещенія эти не имѣли никакого дѣйствія, казаки старшіе и младшіе торговали виномъ и оказывали явное сопротивленіе властямъ, желавшимъ препятствовать имъ въ этомъ. Вслѣдствіе чего запрещеніе повторено опять въ 1694 г. *. Такимъ образомъ „рыцарскіи чинъ“, столь сильно негодовавшій на евреевъ за ихъ пристрастіе къ шинкарству, самъ нисколько не гнушался этимъ промысломъ, не смотря на напоминанія властей о неприличіи „рыцарямъ“ быть шинкарями; все движеніе противъ шинкарей-жидовъ, очевидно, имѣло такую же узко-своекорыстную подкладку, какъ стремленія горожанъ въ Литвѣ и Польшѣ устранить евреевъ отъ торговли и ремеслъ въ томъ или другомъ мѣстѣ; пьянство въ Малороссіи съ исчезновеніемъ евреевъ и превращеніемъ чуть ли не каждаго казака въ шинкаря нисколько не могло уменьшиться, а по всей вѣроятности увеличилось. Что выиграла при этомъ страна,—это вопросъ, который разрѣшить здѣсь не беремся.

Стремленіе христіанской буржуазіи ограничить для своихъ эгоистическихъ интересовъ промышленную дѣятельность евреевъ и вліяніе этого стремленія на законодательство о евреяхъ продолжались и по присоединеніи владѣній Рѣчи Посполитой къ Россіи. При Екатеринѣ Великой, когда въ законодательствѣ преобладали болѣе или менѣе широкія, либеральныя начала, хотя и далеко непослѣдовательно примѣняемыя, это стремленіе не могло имѣть особеннаго успѣха. Въ Положеніи о евреяхъ 1786 г. было установлено, во-первыхъ, то начало, что „всякъ по званію и состоянію своему долженствуетъ пользоваться выгодами и правами, безъ различія закона (вѣры) и народа“, а во-вторыхъ, чтобы „не относиться на прежніе польскіе законы и установленія о различіи

* Акты, относ. къ ист. юго-зап. Россіи, V, №№ 151, 182, 257.

ихъ (евреевъ) противъ христіанъ, „поелику войдя они по запискѣ ихъ въ купечество и мѣщанство въ равное съ прочими состояніе и платя въ казну равныя подати, также нося прочія наравнѣ съ другими тягости, должны во всякомъ случаѣ защищены и удовлетворены быть наравнѣ съ прочими Ея Императорскаго Величества подданными“ *. При такомъ широкомъ и ясномъ воззрѣніи на дѣло естественно нельзя было и думать о воскрешеніи польскихъ исключительныхъ законовъ, направленныхъ къ охранѣ привилегій христіанской буржуазіи отъ соперничества евреевъ. При Александрѣ I, когда начала законодательной политики были существенно тѣ же, что въ царствованіе его великой бабки, вопросъ этотъ получалъ подобное разрѣшеніе, на что̀ указываетъ слѣдующій любопытный фактъ. Въ 1810 г. на усмотрѣніе высшаго правительства поступило ходатайство кіевскаго городскаго общества объ удаленіи изъ Кіева евреевъ, „дабы съ одной стороны сохранить прежнія привилегіи, которыми запрещалось имъ въ семъ городѣ записываться, жить и торговать, а съ другой прекратить происходящіе отъ нихъ безпорядки, многочисленныя тяжбы и ссоры“. Въ ходатайствѣ этомъ было отказано по слѣдующимъ основаніямъ. Евреи начали селиться въ Кіевѣ по общему дозволенію въ 1794 г. и ихъ тамъ теперь 452 души. Въ 1801 г. по Высочайшему повелѣнію запрещено ихъ изъ означеннаго города выселять. Грамота, въ томъ же году Кіеву данная, подтверждаетъ именно тѣ права и преимущества, которыя безъ отмѣны существуютъ и насколько они сообразны съ общими постановленіями и законами. Терпимость же евреевъ въ Кіевѣ съ законнаго дозволенія уже болѣе 15 лѣтъ существуетъ и выселеніе ихъ сопряжено будетъ съ чрезвычайнымъ для нихъ раззореніемъ. По самому положенію о евреяхъ назначены для жительства ихъ города, а не села и деревни, гдѣ они не столько могутъ быть полезны. Если выходятъ отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ какіе безпорядки, вообще по жительству ихъ и промысламъ, то

* Сборникъ Леванды, стр 31 и 34.

они должны прекратиться бдительностью начальства и дѣйствіемъ законовъ *. Хотя въ этомъ постановленіи и не затронутъ общій вопросъ о силѣ польскихъ законовъ относительно жительства и промысловъ евреевъ въ разныхъ городахъ, но ясно видно отрицательное отношеніе къ нимъ русскаго правительства въ духѣ Положенія 1786 г.

Но вскорѣ наступилъ рѣзкій поворотъ въ отношеніи правительства къ евреямъ. Рядъ болѣе или менѣе суровыхъ мѣръ обозначилъ новое направленіе въ нашей внутренней политикѣ по отношенію къ евреямъ. Христіанская буржуазія скоро замѣтила этотъ поворотъ и поспѣшила воспользоваться имъ къ осуществленію своихъ завѣтныхъ мечтаній объ устраненіи еврейской конкурренціи въ торговлѣ и ремеслахъ. Уже въ 1825 году, при разрѣшеніи вопроса о правѣ евреевъ жить въ Астраханской губерніи и Кавказской области, въ пользу отрицательнаго отвѣта принято было между прочимъ то соображеніе, что соперничество евреевъ будетъ вредно тамошнему купечеству **—соображеніе, очевидно, несостоятельное съ точки зрѣнія интересовъ страны. Тѣ самые кіевскіе горожане, которые въ 1810 году не могли добиться выселенія евреевъ изъ Кіева, достигли своей цѣли въ 1827 году. 2 декабря этого года изданъ указъ о выселеніи евреевъ изъ Кіева, на томъ основаніи, что „пребываніе ихъ въ семъ городѣ вредно для промышленности его и для самой казны и сверхъ того противно правамъ и привилегіямъ, въ разныя времена г. Кіеву жалованнымъ и впослѣдствіи особыми грамотами и указами подтвержденнымъ“ ***. Любопытно отмѣтить фактическое противорѣчіе между указами 1810 и 1827 гг. Первый указъ полагаетъ, что прежнія привилегіи имѣютъ силу въ новое время лишь насколько онѣ не противорѣчатъ общимъ законамъ, которые въ данномъ случаѣ на сторонѣ евреевъ. Второй утверждаетъ, что старыя привилегіи имѣютъ силу

---

* Сборникъ Леванды, стр. 79.

** Тамъ-же, стр. 140.

*** Тамъ-же, стр 217.

и теперь, а потому пребываніе евреевъ въ Кіевѣ незаконно. По смыслу перваго указа нѣтъ никакого русскаго закона, который утвердилъ бы силу польской привилегіи о нежительствѣ евреевъ въ Кіевѣ. Второй указъ утверждаетъ, что привилегіи были потомъ подтверждены грамотами и указами. Въ сущности указъ 1827 г. былъ законъ вполнѣ новый, но правительство повидимому не хотѣло этого признать, а предпочло установить правило (противорѣчащее Положенію 1786 г.) о томъ, что прежнія привилегіи разныхъ городовъ о недопущеніи евреевъ имѣютъ силу до сихъ поръ.

Г. Закревскій увѣряетъ, что выселеніе евреевъ изъ Кіева въ 1827 г. совершилось „къ великой радости кіевлянъ“ *; но другой писатель болѣе точно опредѣляетъ, кто именно и почему радовался этому. По словамъ Журавскаго, зависть купцовъ-христіанъ къ евреямъ была главной причиной ихъ изгнанія изъ этого города много разъ **. Справедливость этого замѣчанія подтверждается оффиціяльными данными. Указъ 1827 г. не былъ приведенъ въ исполненіе еще въ 1834 г., и правительство тогда имѣло въ виду съ одной стороны ходатайство городскаго общества о совершенномъ удаленіи евреевъ, а съ другой — противоположный отзывъ тогдашняго кіевскаго военнаго губернатора генералъ-адъютанта Левашева. Послѣдній доносилъ, что „оставленіе евреевъ въ Кіевѣ полезно и въ томъ отношеніи, что они, при умѣренности и простотѣ ихъ жизни, имѣютъ возможность продавать товары гораздо дешевле, такъ что рѣшительно можно сказать, что съ высылкой ихъ многіе товары и издѣлія не только вздорожаютъ, но и вовсе невозможно будетъ ихъ имѣть. Посему нельзя не предпочесть пользы жителей личнымъ выгодамъ, ожидаемымъ христіанскимъ купечествомъ отъ удаленія евреевъ“ ***. Государь одна-

---

* Описаніе Кіева, I, 317

** Статист. описаніе Кіевской губерніи, I, 261.

*** Сборникъ Леванды, стр. 333.

кожъ разрѣшилъ только отсрочить выселеніе на 3 года, но не оставить евреевъ на жительствѣ въ Кіевѣ.

Въ 1829 г. (и много разъ впослѣдствіи) правительство разсматривало разныя ходатайства купцовъ и мѣщанъ остзейскихъ губерній объ уменьшеніи числа евреевъ и о запрещеніи имъ жить и промышлять въ томъ или другомъ городѣ. Сохранилась любопытная записка по дѣлу о приписке шлокскихъ евреевъ къ г. Ригѣ, изъ которой видно, что русское купечество наняло опытнаго ходатая съ порученіемъ хлопотать въ Петербургѣ о недопущеніи евреевъ въ Ригу; ходатаи этотъ сдѣлалъ, какъ онъ объяснилъ, значительные „негласные расходы“ съ цѣлью склонить вліятельныхъ лицъ въ пользу мнѣнія о необходимости не допускать евреевъ въ Ригу, а неблагодарное купечество расходовъ этихъ не признало и вообще ходатая не удовлетворило по заслугамъ *. Между тѣмъ ходатайства этого рода имѣли успѣхъ, и жительство евреевъ въ остзейскихъ губерніяхъ было чрезвычайно ограничиваемо различными постановленіями, не потерявшими вполнѣ своей силы до сихъ поръ. Не трудно однакожъ догадаться, что̀ побуждало остзейскихъ горожанъ дѣлать расходы на ходатайства объ удаленіи евреевъ.

За Кіевлянами потянулись жители Каменца-Подольскаго и вошли въ 1833 г. съ ходатайствомъ о выселеніи евреевъ на основаніи польскон привилегіи 1594 г.; но имъ было отказано въ этомъ, въ виду указа 1797 г., которымъ дѣйствіе означенной привилегіи уничтожено **.

Караимы г. Трокъ (Виленской губ.) выступили тоже съ древними привилегіями и добились изгнанія евреевъ этого города ***; (въ настоящее царствованіе законъ этотъ отмѣненъ).

Въ Вильнѣ возстановлено (въ 1838 г.) дѣйствіе старой при-

---

* См. Чт. Моск Общ Ист. и Древн. за 1866 г., I, смѣсь, стр. 133—141.

** Сборникъ Леванды, стр. 326.

*** Тамъ-же, 251.

вилегіи, запрещавшей евреямъ жительство въ лучшей части города *.

Житомірскій кузнечный цехъ принесъ жалобу правительству на подрывъ, дѣлаемый ему евреями въ кузнечномъ ремеслѣ. Губернское правленіе, усмотрѣвъ изъ дѣла, что кузнецы-евреи, хотя и вносятъ установленную плату въ цеховую казну и работаютъ искусно, но надлежащихъ свидѣтельствъ не имѣютъ, воспретило имъ дальнѣйшее производство ремесла. Но генералъ-губернаторъ нашелъ это распоряженіе стѣснительнымъ для жителей, такъ какъ число христіанъ, занимающихся въ Житомірѣ кузнечнымъ ремесломъ, весьма ограничено. На этомъ основаніи распоряженіе губернскаго правленія было отмѣнено **.

По такому же основанію разрѣшено митавскимъ часовщикамъ-евреямъ дальнѣйшее производство ремесла, но безъ внесенія ихъ въ цехъ часовщиковъ, къ которому принадлежали одни христіане ***.

Христіанское общество г. Кнышина (Гродненской губ.) возбудило вопросъ о возстановленіи силы прежнихъ польскихъ привилегій о воспрещеніи евреямъ жительства въ этомъ городѣ. Въ 1845 г. состоялось рѣшеніе, отчасти уважившее это ходатайство. Но впослѣдствіи само христіанское общество составило актъ, которымъ признало пользу для города отъ пребыванія евреевъ и просило объ отмѣнѣ прежняго постановленія, что и состоялось въ 1858 году †.

Въ 1836 г. состоялось опредѣленіе о недопущеніи евреевъ къ содержанію шинковъ и продажѣ питей въ помѣщичьихъ селеніяхъ новороссійскихъ губерній и Бессарабской области. Законъ этотъ вызванъ былъ не соображеніями общественнаго интереса, а хода-

---

* Сборникъ Леванды. стр. 434

** Тамъ-же, стр, 652,

*** Тамъ-же, стр, 694,

† Тамъ-же, стр, 892,

тайствомъ новороссійскихъ чарочныхъ откупщиковъ, жаловавшихся на подрывъ, производимый евреями ихъ откупамъ *.

Обозрѣвая эти постановленія, относящіяся къ прошлому царствованію и почти всѣ отмѣненныя въ настоящее время (насколько они стѣсняютъ промышленную свободу евреевъ), нельзя не замѣтить въ нихъ рѣзкаго отступленія отъ принципа екатерининскаго законодательства въ томъ отношеніи, что за польскими привилегіями признана сила дѣйствующаго закона во всемъ, что касается ограниченія евреевъ въ интересахъ христіанскои буржуазіи. Нужно было каждый разъ стеченіе особенно благопріятныхъ обстоятельствъ для того, чтобы ходатаиства въ этомъ смыслѣ со стороны горожанъ-христіанъ оставляемы были правительствомъ безъ уваженія.

Удивляться тому, что буржуазія сохранила до послѣдняго времени эгоистически-монопольныя стремленія старинныхъ гильдій и цеховъ, и теперь какъ въ средніе вѣка охотно вытѣснила бы ненавистныхъ ей конкуррентовъ-евреевъ отовсюду — было бы крайне наивно. Явленіе это — результатъ коренныхъ свойствъ человѣческои природы и потому встрѣчается всегда и вездѣ. Когда французская революція провозгласила гражданскую равноправность евреевъ, она встрѣтила сопротивленіе только съ однои стороны—отъ христіанскаго торговаго сословія, которое испугалось конкурренціи евреевъ. Явленіе это, впрочемъ, никоимъ образомъ не ограничивается однимъ отношеніемъ къ еврейству. Всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Англіи, этой классической странѣ свободы торговли и уваженія къ личной свободѣ, общественное мнѣніе было сильно взволновано вопросомъ о соперничествѣ нѣмцевъ и вредѣ наносимомъ ими англійской торговлѣ (german competition in commerce). Посыпались во всѣхъ журналахъ замѣчанія о томъ, какъ нѣмцы вытѣсняютъ повсюду англичанъ даже въ самой Англіи, какой опасностью это грозитъ на-

* Сборникъ Леванды, стр., 405.

ціональной торговлѣ и пр. Само собою разумѣется, что въ современной Англіи никто и не заикнется объ ограничительныхъ законахъ противъ нѣмцевъ для защиты англичанъ. Одинъ изъ наиболѣе серьозныхъ органовъ англійской журналистики, Pall Mall Gazette, очень ясно и вѣрно поставилъ вопросъ, говоря, что нужно различать интересы страны отъ выгодъ промышленнаго сословія. Послѣднее конечно теряетъ отъ наплыва нѣмцевъ, но первая выигрываетъ отъ прилива массы людей болѣе свѣдущихъ, умѣренныхъ и трудолюбивыхъ, какими оказываются нѣмцы сравнительно съ англичанами. Постараемся, говорилъ объ этомъ предметѣ Times, чтобъ англійскіе молодые люди, посвящающіе себя торговлѣ и промышленности, обладали такимъ же основательнымъ образованіемъ и трудолюбіемъ какъ нѣмцы, и намъ нечего будетъ опасаться конкурренціи этихъ послѣднихъ. Въ глубинѣ души каждый англичанинъ, который испыталъ на своемъ карманѣ дѣйствіе нѣмецкаго соперничества, безъ сомнѣнія, былъ бы очень благодаренъ парламенту за принятіе мѣръ къ устраненію нѣмцевъ; но сумма господствующихъ въ англійскомъ обществѣ идей о свободѣ труда и соперничества такъ значительна, что монопольныя поползновенія не смѣютъ и показываться публично. Итакъ, повторяемъ, нѣтъ основанія удивляться тому, что у насъ купцы и ремесленники до сихъ поръ не прочь устранить „переказу въ гандлѣхъ“ со стороны евреевъ. Извѣстно, что въ основѣ періодическихъ разграбленій и насилій всякаго рода надъ евреями въ Одессѣ и другихъ мѣстахъ лежитъ непримиримая (потому что затрогиваетъ кошелекъ, а не одну вѣру) ненависть христіанскаго, особенно греческаго купечества къ еврейскому. Эти взрывы лавочнической желчи, если и возмущаютъ своимъ безобразіемъ, то нисколько не удивляютъ.

Но зато удивительнымъ представляется намъ, что эти неблаговидныя тенденціи городскаго сословія до сихъ поръ встрѣчаютъ поддержку въ законѣ и администраціи. Не такъ давно, какъ извѣстно, послѣдовало новое и весьма энергическое выселеніе евреевъ изъ Кіева. Мы видѣли, что главной причиной установленія

относящагося сюда ограничительнаго закона была зависть купцовъ христіанъ и желаніе ихъ устранить евреевъ отъ выгодъ торговли въ Кіевѣ. Конечно, пока законъ существуетъ, каковы бы ни были его основанія, онъ долженъ быть исполняемъ. Но справедливо ли и возможно ли существованіе въ наше время подобнаго закона? Сообразно ли съ достоинствомъ правительственной власти и согласно ли съ общимъ характеромъ нашего современнаго законодательства, чтобъ законъ прибѣгалъ къ такимъ суровымъ мѣрамъ относительно цѣлаго класса населенія единственно въ эгоистическихъ видахъ небольшаго кружка лицъ? На поставленный такимъ образомъ вопросъ (а поставленъ онъ, какъ намъ кажется, вполнѣ правильно) каждый читатель, каковъ бы ни былъ его личныи взглядъ на евреевъ, можетъ дать только одинъ отвѣтъ и потому намъ съ своеи стороны нѣтъ надобности указывать его здѣсь

Разсмотрѣнные до сихъ поръ два основныхъ мотива законодательства о евреяхъ оба дѣиствовали обыкновенно въ одну сторону: побуждали къ ограниченію гражданскихъ правъ еврейскаго населенія. При этомъ одинъ изъ мотивовъ весьма часто прибѣгалъ за помощью къ другому и иногда совершенно скрывался за нимъ. Христіанская буржуазія, не всегда находя удобнымъ открыто выступать съ объясненіемъ истинной причины своихъ усилій къ „устраненію“ евреевъ, часто искала и находила себѣ опору въ инстинктѣ религіозной нетерпимости и соображеніяхъ религіознаго интереса. Такимъ образомъ въ старину какъ у насъ такъ и въ западной Европѣ купечество и ремесленное сословіе часто пользовались религіозной враждой къ евреямъ, какъ орудіемъ къ достиженію своихъ далеко нерелигіозныхъ цѣлей въ отношеніи устраненія „враговъ Христовыхъ“ отъ выгодъ того или другаго промысла. Чтобъ указать на законъ, дѣйствующій у насъ до сихъ поръ, замѣтимъ, что кіевляне, ходатайствуя о воспрещеніи евреямъ жительства въ Кіевѣ, умѣли пользоваться весьма вѣс-

кимъ въ глазахъ нѣкоторыхъ доводомъ о „неприличіи нахожденія евреевъ въ городѣ святыхъ“; истинный же мотивъ этихъ ходатайствъ, какъ мы видѣли, всегда былъ другой.

Такимъ образомъ, еслибъ на спеціяльное законодательство о евреяхъ вліяли только упомянутые два мотива, характеръ его былъ бы только отрицательный. Но къ счастію для евреевъ болѣе могущественнымъ двигателемъ права вообще и въ частности законодательства о евреяхъ всегда служилъ не религіозный принципъ и не узкій интересъ буржуазіи въ тѣсномъ смыслѣ, а болѣе широкій интересъ государства, казны и общества; а этотъ интересъ въ общемъ своемъ направленіи побуждалъ и до сихъ поръ побуждаетъ не къ ограниченію, а напротивъ—къ расширенію гражданскихъ правъ и сферы экономической дѣятельности евреевъ. Правда, во времена болѣе грубыя этотъ самый матеріяльный интересъ нерѣдко оказывался гибельнымъ для евреевъ въ томъ отношеніи, что побуждалъ государей, владѣтельныхъ барономъ и городскія общины просто-напросто грабить евреевъ, изгонять или истреблять ихъ и затѣмъ присвоивать себѣ ихъ состояніе. Были и другіе нѣсколько болѣе сложные пріемы въ этомъ же духѣ. Такъ, въ средніе вѣка часто встрѣчаемъ подобнаго рода распоряженія. Король, императоръ или герцогъ объявляетъ жителямъ того или другаго города, что онъ освобождаетъ ихъ отъ долговъ мѣстнымъ евреямъ-ростовщикамъ, съ тѣмъ что они часть долга вносятъ въ городскую казну, а послѣдняя платитъ извѣстную сумму королю и пр. Вообще, какъ замѣчаетъ Штоббе, евреевъ въ средніе вѣка разсматривали какъ общественную или казенную копилку (Sparbüchse). Имъ предоставляли накоплять по немногу капиталы, съ тѣмъ что казна, городское общество и пр. предоставляли себѣ право очищать копилку, когда въ ней наберется достаточно денегъ *. Этотъ упрощенный финансовый пріемъ былъ не безъизвѣстенъ и у насъ встарину. Такъ, когда въ

* Stobbe, ib. p 131—140.

1654 г. Алексѣй Михайловичъ повелѣлъ выселить евреевъ изъ Могилева, то сдѣлалъ при этотъ слѣдующія распоряженія. Жидовскіе дворы отдать: половину въ ратушу (въ пользу города), а другую половину отобрать въ пользу казны; лучшіе три двора отвести въ пользу воеводы и приказныхъ людей. * Считалось, стало быть, совершенно естественнымъ, что казна и христіанское общество полюбовно дѣлили между собою содержаніе общественной „копилки", предоставляя евреямъ начать въ другомъ мѣстѣ съизнова танталову работу накопленія капитала, которыи впослѣдствіи опять могъ бы служить удобнымъ рессурсомъ для казны и ратушъ.

Но такой способъ воздѣйствія идеи казеннаго интереса на матеріяльный бытъ евреевъ составляетъ достояніе болѣе или менѣе отдаленнаго прошлаго, да и тогда былъ явленіемъ не постояннымъ, но эпидемическимъ, повторявшимся болѣе или менѣе часто при стеченіи особыхъ обстоятельствъ. Въ общемъ же идея общественнаго и особенно государственнаго интереса дѣйствовала обыкновенно въ смыслѣ улучшенія положенія евреевъ. Такъ какъ интересы государства чрезвычайно разнообразны, то и употребленіе, которое въ разныя времена дѣлали изъ евреевъ, съ цѣлью извлечь изъ нихъ наибольшую пользу для государства, весьма разнообразно. По своей оригинальности заслуживаетъ быть отмѣченнымъ слѣдующій фактъ примѣненія утилитарной точки зрѣнія къ законодательству о евреяхъ. Въ 1827 г. послѣдовало упомянутое выше Высочайшее повелѣніе о выселеніи евреевъ изъ Кіева. Но въ 1831 г. Государь повелѣлъ: принявъ въ соображеніе настоящія политическія обстоятельства (польское возстаніе), „въ коихъ евреи могутъ иногда употребляться съ пользой", войти въ разсмотрѣніе условій, на которыхъ можно оказать кіевскому еврейскому обществу „возможное покровительство". Результатомъ этого была отсрочка выселенія на три года **. О какой пользѣ отъ евреевъ

---

* Акты историческіе, IV, 88.

** Сборникъ Леванды, стр 293.

говорится здѣсь—угадать не трудно. Дѣло впрочемъ разъясняется свѣдѣніями, сообщаемыми бывшимъ жандармомъ о его службѣ въ западномъ краѣ. По этимъ свѣдѣніямъ генералъ Дребушъ, начальникъ жандармскаго управленія въ Вильнѣ до 1840 г., охотно платилъ евреямъ за доносы политическаго характера, которые поэтому часто сочинялись, поддѣлывались подъ его желанія. Евреи пользовались слабостью генерала, его рвеніемъ къ открытію заговоровъ и т. под. Онъ же принималъ горячее участіе въ судьбѣ людей, преслѣдуемыхъ ихъ обществами за доносы и ябеды. Такъ, еврей Капланъ былъ по старанію общества приговоренъ къ ссылкѣ на поселеніе за сокрытіе себя и своего семейства при ревизіи и другія преступленія. Капланъ прибѣгъ къ защитѣ генерала Дребуша, клялся, что общество его оклеветало въ отомщеніе за его доносы о неправильностяхъ при отдачѣ рекрутъ. Жандармское начальство заступилось за Каплана и обнаружило, что совершенъ былъ подлогъ къ обвиненію Каплана *. Такое поощреніе со стороны администраціи ябедничества и доносовъ не только само по себѣ крайне странно, но рѣшительно противорѣчитъ той задачѣ, которую правительство съ давнихъ поръ себѣ поставило: возвысить уровень нравственнаго состоянія еврейскаго населенія. Объяснить себѣ такое рѣзкое уклоненіе отъ общаго духа законодательства можно только укоренившимся воззрѣніемъ, что извлеченіе „изъ сихъ людей пользы для государства“ есть главный руководитель правительственной дѣятельности относительно евреевъ, какова бы ни была польза и какія бы ни были послѣдствія метода для самихъ евреевъ и вообще для страны.

Главное примѣненіе утилитарной идеи къ еврейскому вопросу заключается однакожъ не въ политическомъ направленіи дѣятельности евреевъ, а въ экономическомъ. Съ самаго поселенія евреевъ среди новыхъ европейскихъ народовъ замѣчено было, что ихъ промышленная дѣятельность, хотя и преслѣдуетъ, какъ и вездѣ,

---

* См Записки жандарма (Вѣстн. Европы 1872, кн 3, стр. 255, 260).

эгоистическія цѣли (никакой земледѣлецъ, купецъ или ремесленникъ не трудится для общей пользы, а для своей собственной), но приноситъ пользу и другимъ классамъ населенія, и казнѣ. Отсюда повсемѣстное дарованіе евреямъ тѣхъ или другихъ гражданскихъ правъ, насколько это каждый разъ казалось полезнымъ въ интересахъ казны государевой или христіанскаго населенія. Въ Польшѣ евреи появились тоже вслѣдствіе желанія государеи дать толчокъ экономическому развитію страны и открыть своей казнѣ новый источникъ доходовъ. „Жиды, обѣщая дани великія, наполнили и омерзили Польшу“—этими немногими словами Юріи Крижаничъ характеризуетъ сущность всей польской политики относительно евреевъ. * На нихъ смотрѣли какъ на орудіе промышленнаго развитія страны и источникъ казенныхъ доходовъ. Поэтому имъ покровительствовали, пока они были единственными представителями городскаго сословія, и всячески стѣсняли съ тѣхъ поръ, какъ укрѣпилась христіанская буржуазія и евреи перестали быть необходимыми (см. выше).

У насъ болѣе чѣмъ гдѣ-либо точка зрѣнія казеннаго интереса могущественно вліяла на все законодательство и въ особенности на отношеніе правительства къ торговому сословію. Весьма характерно, что московское правительство (въ 1686 году при заключеніи мира съ Польшей) мотивировало свою заботу объ интересахъ международной торговли слѣдующимъ образомъ: „понеже всѣ государства извыкли казнѣ государской чинить пополненіе отъ торговыхъ купецкихъ людей промысловъ“. Тѣмъ естественнѣе, что по отношенію къ евреямъ, за которыми во владѣніяхъ Россіи не признавалось прежде никакихъ самостоятельныхъ гражданскихъ правъ, точка зрѣнія казеннаго или общественнаго интереса, послѣ религіознаго момента, долгое время была главнымъ руководителемъ законодательства. Такимъ образомъ мы видимъ, что въ теченіе XVIII вѣка недопущеніе евреевъ въ предѣлы Россіи, обусловли-

* Русское государство въ половинѣ XVII вѣка, XIII. 4.

ваемое религіозной нетерпимостью, встрѣчаетъ систематическую оппозицію въ идеѣ экономическаго интереса. Одно за другимъ являются представленія мѣстныхъ начальствъ о необходимости допускать евреевъ, хотя бы временно, „для пользы обывательской“, или „дабы за непропускомъ ихъ не послѣдовало въ казенномъ индуктовомъ сборѣ недобору“, или потому что „коммерція (въ Ригѣ) совсѣмъ рушиться можетъ и привозныхъ изъ-за моря товаровъ продавать будетъ некому“. * Въ извѣстной резолюціи Елизаветы Петровны церковная идея, правда, восторжествовала надъ экономической, но послѣдующія узаконенія показываютъ, что благородное пренебреженіе къ „интересной прибыли“, доставляемой „врагами Христовыми“, было слишкомъ возвышеннымъ чувствомъ для большинства, и потому полное устраненіе евреевъ вмѣстѣ съ доставляемыми ими выгодами и тогда осталось однимъ pium desiderium, не осуществившимся на дѣлѣ. При Екатеринѣ II, несмотря на провозглашеніе гуманнаго начала „всякъ по званію своему“ и пр., утилитарный принципъ не переставалъ руководить законодательными мѣрами относительно евреевъ. Такъ въ 1797 г. евреямъ было отказано въ просьбѣ о разрѣшеніи записываться въ смоленское и московское купечество, но предоставлено имъ право селиться кромѣ Бѣлоруссіи въ Новороссійскомъ краѣ и Таврической области **. Изъ указа не видно, какія основанія приняты были къ его изданію, но мы знаемъ ихъ изъ другаго источника. 7-го октября 1790 года въ государственномъ совѣтѣ читанъ былъ докладъ по прошенію евреевъ о запискѣ ихъ въ смоленское и московское купечество и мнѣніе президента коммерцъ-коллегіи графа Воронцова. Совѣтъ согласился съ мнѣніемъ Воронцова, что евреи не имѣютъ права записываться въ купечество внутреннихъ городовъ и что „отъ допущенія ихъ къ этому не усматривается никакой пользы“, но что они могутъ пользоваться

---

* Сборникъ Леванды, стр. 9, 19 и 20

** Тамъ-же, 36.

правомъ гражданства въ Бѣлоруссіи и что „сіе право могло бы быть съ пользой распространено и на намѣстничество Екатеринославское и Таврическое“ *. Результатомъ этихъ соображеній явился упомянутый указъ 1791 г. Но если въ этомъ году права жительства евреевъ на русской территоріи значительно расширены вслѣдствіе соображеній государственной пользы, то въ слѣдующемъ же году встрѣчаемъ мѣру противоположную, вызванную безъ сомнѣнія тѣми же соображеніями. Въ 1792 г. Высочаише повелѣно было выслать изъ Россіи всѣхъ иностранныхъ евреевъ (въ Полномъ Собраніи Законовъ объ этомъ повелѣніи не упоминается). Весьма вѣроятно, что мотивомъ этого распоряженія было общее недовѣріе къ иностранцамъ и желаніе затруднить сношенія русскихъ подданныхъ съ иностранцами, которое въ то время было очень сильно въ правительственныхъ сферахъ вслѣдствіе событій французскои революціи. Повелѣніе это исполнялось со всеи строгостью. Когда прусскіи посланникъ гр. Гольцъ заступился за прусскаго еврея Менделя, который записался въ московскіе мѣщане, вице-канцлеръ отказалъ въ его ходатайствѣ о невысылкѣ Менделя. Государственный совѣтъ согласился съ вице-канцлеромъ на томъ основаніи, что евреямъ данъ былъ достаточный срокъ на окончаніе своихъ дѣлъ, а затѣмъ они могутъ давать довѣренности другимъ лицамъ на ихъ окончаніе; тѣмъ болѣе, что такія ходатайства могутъ быть и отъ другихъ правительствъ, какъ извѣстно уже о ходатайствѣ за одного еврея австрійскаго **.

Въ 1799 г. правительство занято было вопросомъ о жительствѣ евреевъ въ Курляндіи. Тамошнее губернское правленіе, находя, что евреи въ Курляндіи не имѣютъ права осѣдлости, указывало главнымъ образомъ, кромѣ древнихъ привилегій, на затруднительность взысканія съ нихъ казенныхъ сборовъ какъ на достаточную причину для ихъ удаленія ***.

---

* Архивъ Госуд. Совѣта, т. 2. ч. I, стр. 366.
** Тамъ-же, т. I, ч. 1, стр. 932.
*** Сборникъ Леванды, стр. 47.

Въ царствованіе Александра I предпринято и еще болѣе проэктировано мѣръ къ измѣненію быта евреевъ. Каково было направленіе этихъ мѣръ видимъ изъ указа 29 іюля 1827 г. Подводя въ нѣкоторомъ родѣ итогъ дѣятельности того царствованія относительно евреевъ, указъ этотъ говоритъ: „Новые поселенцы сіи (иностранные евреи), по роду ихъ промысловъ состоящихъ большей частью въ мелочной торговлѣ и въ тѣхъ вѣтвяхъ промышленности, кои наиболѣе сродны съ контрабандой, или въ содержаніи арендъ и шинковъ на правилахъ, раззорительныхъ и для вѣрителей ихъ и для поселянъ, не могутъ приносить существенной пользы государству.... Самыя мѣры, которыя принимало правительство къ извлеченію изъ сего племени пользы для государства, составленіемъ для управленія онаго особаго положенія и изысканіемъ средствъ къ переселенію евреевъ изъ селеній въ города, не могли имѣть доселѣ желаемаго успѣха; а повторительныя постановленія, изданныя въ облегченіе ихъ отъ уплаты значительныхъ недоимокъ или къ устраненію утаики душъ въ ревизіи, доказываютъ, что и со стороны увеличенія казенныхъ доходовъ, евреи не приносятъ той пользы, которую слѣдовало бы ожидать по ихъ числу и промышленности и каковую имѣетъ государство отъ прочихъ жителей“ *. Это стремленіе „извлечь изъ сего племени пользу для государства“ руководило правительствомъ не только при общихъ мѣрахъ относительно еврейскаго населенія, но и при частныхъ постановленіяхъ по тому или другому вопросу. Такимъ образомъ въ 1819 г. разрѣшено евреямъ-винокурамъ пребываніе во внутреннихъ губерніяхъ „впредь до усовершенствованія въ винокуреніи русскихъ мастеровъ“ (стало быть не скрывалось намѣреніе „устранить“ евреевъ какъ только можно будетъ обойтись безъ нихъ). Разрѣшеніе состоялось вслѣдствіе ходатайства мѣстныхъ властей, въ томъ числѣ Сперанскаго изъ Пензы, о томъ,

* Сборникъ Леванды, стр. 127

что „никакъ невозможно“ отыскать другихъ винокуровъ кромѣ евреевъ *.

Въ 1820 году возникъ вопросъ объ обезпеченіи еврейскихъ долговъ на помѣщичьихъ имѣніяхъ. Для разрѣшенія этого вопроса въ пользу евреевъ недостаточно было общихъ соображеній права и справедливости, бывшихъ вполнѣ на ихъ сторонѣ, но необходимо было призвать на помощь всемогущіи доводъ казеннаго интереса. „Если не обезпечить оные долги, отзывался министръ духовныхъ дѣлъ, то отъ сего произойдетъ вредъ не только всему еврейскому народу, и безъ того уже въ крайней бѣдности находящемуся, но и самой казнѣ, которая будетъ имѣть еще менѣе средствъ къ собиранію съ евреевъ подати...“ Посему онъ заключаетъ, что „справедливость и самая польза казны требуютъ, чтобъ капиталы евреевъ были обезпечены“ и пр. **. Въ 1826 г. дальнѣйшее пребываніе евреевъ-винокуровъ во внутреннихъ губерніяхъ запрещено на томъ основаніи, что „винокуровъ есть довольное число изъ христіанъ“ ***. Однакожъ уже въ слѣдующемъ году пришлось сдѣлать исключеніе въ пользу евреевъ Давыдовыхъ въ виду того, что „они много лѣтъ находились на казенныхъ заводахъ, извѣстны своею опытностью и отличнымъ искусствомъ въ винокуреніи, и можно надѣяться, что они будутъ полезны и для иркутскихъ заводовъ“ †. Эти три распоряженія нисколько не находятся въ противорѣчіи между собой по внутреннему своему смыслу. Законы 1819, 1826 и 1827 гг. всѣ исходятъ изъ одной точки зрѣнія: евреевъ-винокуровъ слѣдуетъ допускать къ повсемѣстному жительству пока нельзя обойтись безъ нихъ. Если въ 1819 и 1827 гг. жительство это дозволено, а въ 1826—запрещено, то не по различію взглядовъ на вопросъ о правѣ, но по различію фактическихъ обстоятельствъ, т. е. большей или меньшей

---

* Сборникъ Леванды, стр 100
** Тамъ-же, стр 109.
*** Тамъ-же, стр 69.
† Тамъ-же, стр 209

степени нужности еврейскаго искусства въ винокуреніи для заводчиковъ.

Въ 1828 г. найдено, что какъ „въ 1824 г. воспрещено евреямъ переселеніе изъ-за границы въ Россію и водвореніе въ оной на тотъ конецъ, дабы преградить чрезвычайное размноженіе въ Россіи сихъ людей болѣе вредныхъ, чѣмъ полезныхъ для государства", то по тѣмъ же причинамъ слѣдуетъ запретить переселеніе въ Россію евреевъ изъ Царства Польскаго *.

Въ 1830 г. мѣстное начальство, представляя о затрудненіяхъ къ исполненію Высочайшаго повелѣнія 1829 г. о высылкѣ евреевъ изъ Севастополя и Николаева, указывало между прочимъ на слѣдующія соображенія. „Евреи должны въ городской капиталъ Николаева свыше 100 тыс. руб. и при краткомъ срокѣ выселенія не въ состояніи будутъ долгъ этотъ уплатить. Евреи, въ числѣ 1145 душъ муж. пола, участвовали всѣ въ отбываніи квартирной воинской повинности, которою городъ крайне обремененъ, а также всѣхъ другихъ общихъ и мѣстныхъ повинностей; съ выселеніемъ евреевъ сіи тягости упадутъ на однихъ обывателей христіанъ, кои выполнять ихъ едва ли будутъ въ состояніи, да притомъ г. Николаевъ лишится почти всѣхъ ремесленниковъ своихъ, такъ какъ сими ремеслами и другими художествами наиболѣе занимаются евреи" **. Вслѣдствіе этихъ соображеній, коими подкрѣплены доводы о раззореніи евреевъ предстоящимъ выселеніемъ, это послѣднее было, если не отмѣнено, то отсрочено.

Въ томъ же году состоялось извѣстное распоряженіе объ отдачѣ евреевъ въ военную службу за недоимки въ податяхъ. Основаніемъ принято было то, что казна почти ничего (?) не получаетъ съ евреевъ, между тѣмъ, какъ они, безпрестано обращаясь съ просьбами о взысканіи съ нихъ вмѣсто рекрутъ въ натурѣ денегъ, по-

---

* Сборникъ Леванды, стр 233.

** Тамъ же, стр. 266

казываютъ, что должны быть въ состояніи платить подати, еслибъ не уклонялись отъ сего *.

Въ 1834 г. состоялось постановленіе о невоспрещеніи евреямъ содержать корчмы и другія оброчныя статьи, между прочимъ на томъ основаніи, что подобное запрещеніе не только противно закону, но и „вовлекло бы казну въ убытокъ устраненіемъ отъ откуповъ значительнаго класса людей, наиболѣе ими занимающагося“ **.

Въ слѣдующемъ 1835 году предположено учредить въ г. Смоленскѣ ярмарку; признавъ это весьма полезнымъ „сколь для оживленія торговли и промышленности въ томъ краѣ, столь и для самаго города, которыи донынѣ скуденъ еще въ способахъ къ возстановленію прежняго своего благосостоянія“, поэтому предоставлено пріѣзжать на эту ярмарку и евреямъ безъ ограниченіи ***.

Въ 1835 же году астраханскій военный губернаторъ представлялъ правительству, что вопреки Положенію о евреяхъ того же года слѣдовало бы оставить на мѣстѣ живущихъ въ Астрахани евреевъ. Это было бы „весьма полезно, писалъ онъ, сколько для снабженія тамошняго края хорошими ремесленниками, столько-же для самаго распространенія и развитія сихъ ремеслъ, въ общественной жизни необходимыхъ, между коренными жителями, ибо отдаленный краи сей терпитъ не малый недостатокъ въ людяхъ такого рода; отъ дозволенія сего не можетъ произойти никакого вреда, по причинѣ слишкомъ незначительнаго числа находящихся въ Астрахани евреевъ“. Представленіе это однако не было уважено, такъ какъ пребываніе евреевъ въ томъ краѣ признано уже вреднымъ для распространенія азіятской нашей торговли †.

Въ 1837 г. возникъ вопросъ о томъ: не слѣдуетъ ли выселить евреевъ изъ мѣстечка Тузлы Бессарабской области (такіе

---

* Сборникъ Леванды, стр 277.
** Тамъ-же, стр. 353.
*** Тамъ-же, стр. 358.
† Тамъ же, стр. 381.

вопросы возникали тогда очень часто—такое уже время было!). Генералъ-губернаторъ гр. Воронцовъ нашелъ однакожъ, что „мѣстечко Тузлы еще мало населено. Тамъ живутъ люди всѣхъ состояній, въ томъ числѣ и евреи; удалять оттуда сихъ послѣднихъ сколько затруднительно, столько было бы и несправедливо“ *. Поэтому предположеніе о выселеніи евреевъ оставлено безъ послѣдствій.

Въ томъ же году при обсужденіи вопроса о пребываніи евреевъ внѣ черты ихъ осѣдлости между прочимъ найдено: что хотя евреямъ купцамъ 3-й гильдіи и мѣщанамъ слѣдовало бы воспретить временное пребываніе въ г. Ригѣ, но какъ рижскій военный губернаторъ объясняетъ, что сіе запрещеніе послужило бы ко вреду торговли мѣстнаго купечества, то и пр. **.

Въ 1838 г. найдено возможнымъ, по причинѣ малочисленности настоящаго общества г. Новоалександровска и дабы содѣйствовать по возможности распространенію сего города, не стѣснять евреевъ, которые изъявятъ желаніе поселиться въ немъ, требованіемъ увольнительныхъ и пріемныхъ свидѣтельствъ ***.

Не всегда однакожъ предположенія этого рода имѣли успѣхъ. Въ 1839 г. предположено было дозволить евреямъ селиться во вновь учрежденномъ тогда г. Кагулѣ, причемъ безъ сомнѣнія имѣлась въ виду та-же колонизаціонная цѣль, что и въ предшествующемъ узаконеніи; но Государь изволилъ собственноручно написать на постановленіи комитета министровъ: „никакъ не согласенъ; и впредь во вновь открываемыхъ городахъ и мѣстечкахъ въ полосѣ 100 верстъ вдоль по границѣ не дозволять селиться евреямъ“ †.

Въ 1843 году состоялось постановленіе о дозволеніи евреямъ курить вино въ городахъ, гдѣ существуютъ акцизные сборы по

---

* Сборникъ Леванды, стр. 407
** Тамъ-же, стр. 428
*** Тамъ-же, стр. 453.
† Тамъ-же, стр. 488.

слѣдующему основанію: „отъ воспрещенія евреямъ винокуренія можетъ уменьшиться взиманіе акциза за выдѣлку питей, чѣмъ данъ будетъ поводъ городскимъ обществамъ и откупщикамъ, принявшимъ акцизные сборы съ 1843 г. въ свое содержаніе, простирать къ казнѣ претензію за нарушеніе условій, такъ какъ они при взятіи акцизнаго сбора имѣли въ виду настоящее положеніе онаго“ *. Въ 1844 году разрѣшено было евреямъ-мастеровымъ жительство въ укрѣпленіяхъ восточнаго берега Чернаго моря, вслѣдствіе представленія главноуправляющаго Закавказскимъ краемъ слѣдующаго содержанія. „Укрѣпленія черноморской береговой линіи не включены въ число мѣстъ, въ которыхъ допускается постоянное или временное пребываніе евреевъ, тогда какъ люди эти при самомъ началѣ устроенія сихъ укрѣпленій первые являлись туда съ своими мастерствами и донынѣ въ бо́льшей части укрѣпленій евреи суть единственные портные, сапожники и другіе мастеровые, необходимые для гарнизоновъ. Удаленіе евреевъ изъ укрѣпленій береговой линіи поставитъ въ необходимость всѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ мѣстныхъ войскъ отправляться для обмундированія въ Керчь или другой какой-либо городъ, что будетъ сопряжено съ большими для нихъ издержками и сверхъ того отвлечетъ ихъ отъ занятій по службѣ. Черноморскіе линейные батальоны вообще такъ бѣдны мастеровыми, что сихъ послѣднихъ едва достаточно для обмундированія нижнихъ чиновъ; въ нѣкоторыхъ же батальонахъ по недавнему ихъ сформированію батальонные командиры вынуждены нанимать закройщиковъ изъ евреевъ. По уваженію сихъ обстоятельствъ начальникъ черноморской береговой линіи проситъ о разрѣшеніи мастеровымъ-евреямъ временно проживать въ тѣхъ укрѣпленіяхъ, гдѣ имѣются батальонные штабы, съ тѣмъ, что число таковыхъ евреевъ будетъ ограничено крайней необходимостью“ **. Правило этого указа было обобщено въ 1846 г. дозволеніемъ евреямъ мастеровымъ временно жить въ

---

* Сборникъ Леванды, стр 543

** Тамъ-же, стр 570.

городахъ по сѣверо-восточному берегу Чернаго моря въ числѣ мѣръ для распространенія русскаго населенія „въ той мѣстности“ *.

Въ томъ же 1846 г. разрѣшено допускать евреевъ къ производству по подрядамъ шоссейныхъ работъ въ селеніяхъ Могилевской и Витебской губерній (гдѣ евреямъ жительство не дозволялось) Поводомъ къ этому послужили соображенія главнаго начальства путей сообщенія, „что подряды на шоссейныя работы неудобно раздроблять отдѣленіемъ изъ нихъ тѣхъ участковъ, гдѣ шоссе проходитъ чрезъ селенія, и что въ означенныхъ губерніяхъ по недостатку промышленниковъ изъ христіанъ, преимущественно вступаютъ въ торги и подряды евреи“ **.

Въ 1848 г. состоялся законъ о допущеніи евреевъ къ торгамъ на перевозки въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ имъ не дозволено пребываніе. Законъ этотъ крайне интересенъ по исторіи своего происхожденія. Военное министерство признало „полезнымъ и необходимымъ дозволять евреямъ-купцамъ вступать въ подряды на перевозки и внѣ черты ихъ осѣдлости, такъ какъ въ противномъ случаѣ уменьшится соревнованіе торговцевъ и казна вынуждена будетъ на большія переплаты, а въ иныхъ мѣстахъ и вовсе не найдетъ иныхъ подрядчиковъ, кромѣ евреевъ“. Главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній письменно и потомъ словесно въ засѣданіи государственнаго совѣта заявилъ слѣдующее: „съ воспрещеніемъ допускать евреевъ къ перевозкѣ въ Петербургъ воспитанниковъ полоцкаго кадетскаго корпуса, цѣны на сію перевозку, отъ неизвѣстности русскимъ извозчикамъ, что изъ Острова или Пскова нанять ихъ необходимо и отъ недостатка соперничества съ ними, чрезвычайно возвысились, въ крайнее отягощеніе для вѣдомства учебныхъ заведеній по ограниченности его денежныхъ способовъ; а потому весьма желательно, чтобы евреи отъ означенной перевозки устранены не были“. Министръ государственныхъ имуществъ тогда же словесно заявилъ слѣдующее: „до-

---

* Сборникъ Леванды, стр. 660.

** Тамъ-же, стр. 659

пущеніе евреевъ ко всѣмъ вообще перевозкамъ изъ мѣстъ постояннаго ихъ жительства въ другія мѣста государства было бы полезно въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, по рѣшительному неимѣнію во многихъ частяхъ западныхъ и бѣлорусскихъ губерній другихъ людей, занимающихся извозничествомъ, кромѣ евреевъ, устранило бы существующее нынѣ затрудненіе въ дѣлахъ и оборотахъ частныхъ лицъ и въ исполненіи самыхъ распоряженій правительственныхъ властей; и во-вторыхъ, согласно съ видами высшаго правительства на счетъ обращенія евреевъ къ постояннымъ промысламъ, распространило бы кругъ дозволенной имъ дѣятельности и увеличило бы способы ихъ къ снисканію себѣ пропитанія честнымъ трудомъ". Государственный совѣтъ, выслушавъ сіи объясненія, не могъ не признать, что „мѣстныя выгоды жителей, удобства торговыхъ и другихъ оборотовъ и предохраненіе иногда казеннаго интереса отъ ущерба требуютъ, чтобы евреямъ разрѣшено было свободно заниматься извозничествомъ и принимать разныя на себя перевозки во всѣ части Имперіи" (характеристично, что послѣдніи доводъ министра государственныхъ имуществъ о пользѣ самихъ евреевъ не принятъ государственнымъ совѣтомъ). Надобно замѣтить однакожъ, что вопросъ о перевозкѣ полоцкихъ кадетовъ еврейскими извозчиками возникъ уже нѣсколько лѣтъ прежде и тогда было предложено дозволить имъ производить эту перевозку до Пскова, но Государь написалъ на докладѣ: „согласенъ, но не до Пскова, а до Острова". Впослѣдствіи однакожъ оказалось необходимымъ разрѣшить эту перевозку до самаго Петербурга, въ виду тягостной для казны притязательности извозчиковъ-христіанъ *.

Другое правительственное распоряженіе, относящееся къ тому же году и имѣющее такой же характеръ, опредѣляетъ право евреевъ на содержаніе корчемъ въ казенныхъ имѣніяхъ. По донесеніямъ палатъ государственныхъ имуществъ, со временъ удаленія

---

* Сборникъ Леванды, стр. 680.

евреевъ отъ содержанія корчемъ доходъ отъ нихъ значительно понизился. Генералъ-губернаторъ Бибиковъ по ввѣренному его управленію краю для соблюденія выгодъ казны сдѣлалъ въ 1846 году опытъ допущенія евреевъ снова къ содержанію корчемъ въ казенныхъ селеніяхъ, съ тѣмъ чтобы они сами тамъ не жили, а имѣли сидѣльцевъ изъ христіанъ. Эта мѣра, при строгомъ соблюденіи оной, по отзыву Бибикова, нисколько не имѣла вредныхъ послѣдствій и не послужила къ разстройству крестьянскихъ хозяйствъ. Комитетъ министровъ, разсматривая эти и другіе факты, нашелъ, что „соревнованіе евреевъ при торгахъ на отдачу въ содержаніе корчемъ въ казенныхъ имѣніяхъ могло бы значительно возвысить цѣну за содержаніе тѣхъ корчемъ и даже указать съ большей опредѣленностью тотъ доходъ, который долженъ быть съ нихъ получаемъ“, и потому призналъ полезнымъ обобщить мѣру ген.-губ. Бибикова. Государь написалъ на докладѣ: „только на сіи два года и съ строжайшимъ надзоромъ губернаторовъ за точнымъ исполненіемъ означенныхъ правилъ; гдѣ же будетъ нарушеніе, брать не медля въ казенное управленіе, а евреевъ отдавать подъ судъ арестованными“ *. Постановленіе это оказалось однако безсильнымъ въ борьбѣ съ казеннымъ интересомъ, настоятельно требовавшимъ допущенія корчмарей-евреевъ. Прошли первоначально разрѣшенные два года, и 24 ноября 1850 г. комитетъ министровъ снова слушалъ записку министра государственныхъ имуществъ о допущеніи евреевъ-купцовъ къ содержанію корчемъ въ казенныхъ селеніяхъ. Торги на содержаніе этихъ корчемъ въ 1850 году, совершенные безъ допущенія евреевъ, дали весьма неутѣшительные результаты. Предложенныя цѣны далеко не достигли не только прежде получавшагося дохода, но исчисленнаго по инвентарямъ и люстраціямъ. Доходъ съ казеныхъ корчемъ упалъ на 205,050 руб. а значительное число корчемъ осталось вовсе неприторгованнымъ, казенное же завѣдываніе ими признано

---

* Сборникъ Леванды, стр. 703

совершенно невозможнымъ. Результатъ этотъ мѣстныя начальства приписали единственно тому обстоятельству, что въ силу упомянутой резолюціи евреи къ послѣднимъ торгамъ не были допущены. Понятно, что состоялось мнѣніе комитета министровъ о допущеніи евреевъ къ содержанію казенныхъ корчемъ еще на 4 года, и мнѣніе это Высочайше утверждено безъ всякихъ ограниченій *.

Въ 1851 г. постановлено слѣдующее: „въ видахъ облегченія курляндскаго дворянства въ ремонтномъ содержаніи шоссе, въ предѣлахъ Курляндской губерніи дозволить согласно ходатайству курляндскаго дворянства нанимать къ симъ работамъ евреевъ Ковенской губерніи, но съ тѣмъ чтобы по окончаніи срока найма они не имѣли постояннаго пребыванія въ Курляндской губерніи“ **.

Въ 1855 г. постановлено: во вниманіе къ настоящимъ военнымъ обстоятельствамъ дозволить еврсямъ въ изъятіе изъ существующихъ постановленій производить маркитантскій торгъ при войскахъ вездѣ, гдѣ бы оныя ни были расположены, не ограничиваясь мѣстами назначенными для постояннаго жительства евреевъ, но съ тѣмъ однако, чтобы мѣра сія допущена была только въ продолженіе нынѣшней войны и чтобы евреи маркитанты производили при войскахъ одинъ лишь маркитантскій торгъ, а другихъ никакихъ торговъ не производили, подъ опасеніемъ установленной въ законѣ отвѣтственности †.

Въ нынѣшнее царствованіе, не смотря на весьма значительныя улучшенія въ законодательствѣ о евреяхъ, преобладаніе утилитарной точки зрѣнія, стремленіе „извлечь изъ сего племени пользу для государства“ осталось въ прежней силѣ. Важнѣйшіе законы, облегчающіе положеніе евреевъ въ Россіи, и въ новѣйшее время обязаны своимъ происхожденіемъ видамъ государственной пользы и отчасти казеннаго интереса, и самыя облегченія установлены такъ, чтобы имѣть силу лишь пока продолжается

* Сборникъ Леванды, стр. 742.

** Тамъ-же, стр. 763

† Тамъ-же, стр. 843.

ожидаемая отъ евреевъ той или другой категоріи польза. Таковы законы о дозволеніи принимать на государственную службу евреевъ, получившихъ высшую ученую степень, и о дозволеніи жительства по всей Россіи евреямъ-купцамъ первой гильдіи и ремесленникамъ. Относительно послѣдняго закона мы имѣемъ обстоятельные оффиціяльные мотивы, не оставляющіе никакого сомнѣнія въ томъ, что лишь чрезвычайный недостатокъ въ ремесленномъ трудѣ, ощущаемый повсемѣстно внѣ черты осѣдлости евреевъ, и ходатайства разныхъ лицъ и учрежденіи побудили правительство издать законъ 28 іюня 1865 года *. Какъ мы видѣли выше, уже прежде правительство по этой самой причинѣ нашлось вынужденнымъ дозволить пребываніе евреевъ-мастеровыхъ въ различныхъ мѣстностяхъ внѣ черты ихъ осѣдлости (напр. по восточному берегу Чернаго моря и на Кавказѣ). Такимъ образомъ и по фактическому содержанію, и по основной мысли законъ 1865 г. не вноситъ ничего существенно новаго въ наше законодательство, а развиваетъ и обобщаетъ признанныя уже давно начала. Въ этомъ же направленіи идетъ новѣйшее законодательство и по другимъ болѣе частнымъ вопросамъ. Такъ, когда въ 1864 г. евреямъ воспрещено было пріобрѣтеніе имѣній въ западномъ краѣ, а равно арендованіе ихъ, то въ 1867 г. оказалось нужнымъ сдѣлать отступленіе отъ этого запрещенія въ смыслѣ разрѣшенія евреямъ быть арендаторами и управителями мельницъ и заводовъ при имѣніяхъ въ западномъ краѣ. Разрѣшеніе это мотивировано такъ: „такъ какъ въ западномъ краѣ промышленныя и торговыя занятія находятся почти исключительно въ рукахъ евреевъ, а внѣ ихъ среды почти невозможно найти тамъ людей способныхъ завѣдывать мельницами и заводами, для управленія которыми требуются извѣстныя техническія познанія и навыкъ, то воспрещеніе отдавать имъ въ содержаніе подобныя оброчныя статьи ставитъ новыхъ русскихъ землевладѣльцевъ въ весьма затруднительное положеніе и даже можетъ повести къ уничтоженію нѣкото-

* Сборникъ Леванды, стр. 1032 и слѣд.

рыхъ мельницъ и заводовъ, что неблагопріятно бы отразилось какъ вообще на промышленность и хозяйство, такъ и на дѣло водворенія русскихъ землевладѣльцевъ въ западномъ краѣ" *.

Вліяніе утилитарнаго принципа на законодательство о евреяхъ далеко не исчерпывается притомъ лишь тѣми узаконеніями, въ которыхъ мотивы прямо указываютъ на вызвавшую ихъ побудительную причину. Есть очень много узаконеній, которыя не снабжены никакими мотивами, но въ коихъ содержаніе несомнѣнно указываетъ на такой же способъ происхожденія. Такимъ образомъ многочисленные законы прежняго времени, опредѣлявшіе различныя изъятія изъ общаго запрещенія евреямъ держать христіанъ въ услуженіи, были вызваны настоятельными экономическими потребностями и необходимостью поощрять извѣстныя профессіи (напр. аптекарей, подрядчиковъ, откупщиковъ) вслѣдствіе народно-хозяйственнаго или финансоваго ихъ значенія. Таковъ законъ 1847 г. о дозволеніи евреямъ, живущимъ въ Закавказскомъ краѣ, участвовать тамъ въ казенныхъ подрядахъ **. Таковъ далѣе другой законъ того же года о дозволеніи евреямъ въ чертѣ ихъ осѣдлости входить въ подряды на содержаніе почтовыхъ станцій на общемъ основаніи †. Но мы очень долго не кончили бы, если бы стали перечислять всѣ тѣ узаконенія, въ которыхъ при регулированіи еврейскаго быта главнымъ мѣриломъ является соображеніе о той или другой пользѣ, ожидаемой отъ данной мѣры для казны, государства или какого-нибудь отдѣльнаго класса лицъ. Знакомый съ законодательствомъ о евреяхъ въ Россіи знаетъ, что подобныя постановленія встрѣчаются въ немъ на каждомъ шагу.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ здѣсь еще одинъ пунктъ, это вліяніе утилитарно-фискальной идеи на организацію еврейской общины, или если хотите — кагала. Отношеніе законода-

---

* Сборникъ Леванды, стр. 1092.

** Тамъ-же, стр. 676.

† Тамъ-же стр 678.

тельства къ этому предмету носитъ какой-то особенный характеръ, который необходимо уяснить себѣ для того, чтобы получить правильное понятіе о пресловутомъ кагалѣ.

Съ самаго начала появленія системы законовъ о евреяхъ въ Россіи, именно со времени Екатерины II, мы замѣчаемъ въ мѣрахъ правительства по организаціи общественнаго устройства евреевъ теченіе двухъ противоположныхъ идей по этому предмету. Съ одной стороны—раціональное стремленіе подчинить евреевъ общему гражданскому управленію во всемъ, что не касается дѣлъ ихъ вѣры, и предоставленіе имъ спеціяльной автономіи лишь въ дѣлахъ общественно-религіозныхъ. Съ другой стороны—рядъ мѣръ, получающихъ на практикѣ рѣшительное преобладаніе и имѣющихъ совершенно противоположный характеръ, причемъ мѣры эти вызваны и поддерживаются казеннымъ интересомъ въ обезпеченіи платежа податей евреями. И такъ какъ первое направленіе представляетъ собою отвлеченный интересъ общественнаго блага, предстоящій въ отдаленномъ будущемъ и притомъ мало осязательный, а выгода казны есть нѣчто весьма положительное и непосредственно осязаемое, то тутъ повторяется въ нѣкоторомъ родѣ сказаніе о синицѣ въ рукахъ и журавлѣ въ небесахъ. Журавль приносится въ жертву синицѣ и кагалъ заступаетъ мѣсто „сліянія". Сопоставимъ въ этомъ отношеніи слѣдующіе факты.

Въ Положеніи 1786 года читаемъ: „по дѣламъ ихъ доставлять имъ правосудіе равномѣрно и всякія по торгамъ и промысламъ и по городовому праву выгоды, равно какъ и прочимъ подданнымъ безъ всякаго по разности въ законѣ различія... а посему въ просьбѣ ихъ о учрежденіи особыхъ еврейскихъ судовъ отказать; а должны они по всѣмъ таковымъ дѣламъ, кои до суда принадлежатъ, въ томъ числѣ и по всякимъ собственно между ними тяжбамъ, когда добровольно въ сихъ послѣднихъ не допуская до суда не разберутся, судимы быть въ магистратахъ и ратушахъ по основанію упомянутой грамоты" *. Въ 1795 году при

* Сборникъ Леванды, стр. 33.

устройствѣ Минской губерніи повторено тоже начало: „при дѣйствіи магистратовъ и словесныхъ судовъ по городамъ кагалы еврейскіе, въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ находящіеся, не должны касаться ни до какихъ иныхъ дѣлъ кромѣ обрядовъ закона и богослуженія ихъ“ *. Повидимому, что можетъ быть раціональнѣе такого распредѣленія еврейскихъ дѣлъ между общими и спеціяльными управленіями: въ дѣла вѣры администрація не вмѣшивается, предоставляя ихъ самоуправленію еврейскихъ общинъ, а въ обще-гражданскихъ дѣлахъ евреи подчинены общему управленію. Но дѣло въ томъ, что подобно многимъ другимъ болѣе крупнымъ предначертаніямъ великой Императрицы и это распредѣленіе оставалось на практикѣ однимъ „благопожеланіемъ“, и вотъ почему. Заботясь объ устройствѣ евреевъ сообразно съ требованіями справедливости и интересами народнаго хозяйства, правительство однакожъ не упускало изъ виду и исправнаго взноса податей и исполненія всѣхъ вообще повинностей евреями, а въ этомъ отношеніи кагалъ представлялъ такое важное орудіе для обезпеченія казеннаго интереса, которое не могло быть оставлено правительствомъ безъ вниманія. При общемъ господствѣ у насъ искони принципа отвѣтственности общины предъ казной въ платежѣ налоговъ и исполненіи натуральныхъ повинностей ея членами весьма естественно впрочемъ, что этотъ самый принципъ былъ примѣненъ и къ еврейскому населенію. Первый организаторъ западнаго края въ русскомъ духѣ, генералъ-губернаторъ Чернышевъ, въ 1776 г. сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе. „Жидовъ въ поголовную перепись записать въ тѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, селахъ и деревняхъ, котораго гдѣ ревизоры найдутъ, и дабы сборъ съ нихъ въ казну вѣрнѣе поступать могъ, такъ и въ прочемъ во всемъ сдѣлать съ ними надлежащій порядокъ, то учредить кагалы, въ которые всѣхъ ихъ и росписать, такъ чтобы каждый изъ жидовъ, когда онъ куда для промысловъ своихъ

* Сборникъ Леванды, стр. 48.

ѣхать, или гдѣ жить и поселиться захочетъ, или что либо арендовать будетъ, отъ кагала получалъ паспорты, но сіи паспорты должны быть явлены въ провинціяльныхъ канцеляріяхъ и въ оныхъ записаны. Поголовныя же деньги платить долженъ кагалъ и вносить оныя въ провинціяльныя канцеляріи" *. Въ 1783 г. производилась въ сенатѣ переписка, изъ которой видно, что кагаламъ при учрежденіи ихъ присвоена была власть судебная для разбора дѣлъ собственно между евреями **. Эта судебная власть, какъ мы видѣли, отнята была у нихъ законами 1786 и 1795 гг., но финансовая и административная часть по прежнему оставлена за кагалами. Положеніе 1786 года постановляетъ, что раскладку государственныхъ налоговъ предоставляется дѣлать самимъ еврейскимъ обществамъ, согласно ихъ о томъ просьбѣ †. Положеніе о евреяхъ 1804 года опредѣляетъ: „должность кагаловъ есть наблюдать, чтобъ казенные сборы, доколѣ они пребудутъ въ настоящемъ ихъ положеніи, были исправно и бездоимочно вносимы; они должны распоряжать ввѣряемыми имъ отъ обществъ суммами. Впрочемъ, ни подъ какимъ предлогомъ не должны они налагать новыхъ податей" ††. Положеніе 1835 г. говоритъ „кагалъ долженъ наблюдать подъ строгой отвѣтственностью: 1) чтобъ предписанія начальства, собственно къ сословію мѣстныхъ жителей изъ евреевъ принадлежащія, были исполняемы въ точности; 2) чтобы исправно поступали съ каждаго лица или еврейскаго семейства подати казенныя, сборы и доходы городскіе и общественные; 3) чтобы деньги, подлежащія передачѣ въ уѣздныя казначейства и другія мѣста, отсылаемы были безъ промедленія по принадлежности; 4) чтобы расходы, возложенные на сословіе евреевъ его вѣдомства, были выполняемы надлежащимъ

---

* Сборникъ Леванды, стр. 25.
** Тамъ-же, стр. 29.
† Тамъ-же, стр. 34.
†† Тамъ-же, стр 60.

образомъ; 5) чтобы суммы, въ кагалъ поступающія. были хранимы въ цѣлости" *.

Принципъ солидарной отвѣтственности членовъ еврейскихъ общинъ въ исполненіи повинностей и платежѣ налоговъ всегда руководилъ нашимъ законодательствомъ и сохранился въ полной силѣ до сихъ поръ. Такъ, когда въ 1820 г. разсматривался вопросъ объ обезпеченіи еврейскихъ долговъ на помѣщичьихъ имѣніяхъ, то министръ духовныхъ дѣлъ, давшій мнѣніе въ пользу обезпеченія, мотивировалъ его такъ: „если не обезпечить оные, то отъ сего произойдетъ вредъ не только всему еврейскому народу и безъ того въ крайней бѣдности находящемуся, но и самой казнѣ, которая будетъ имѣть еще менѣе средствъ къ собиранію съ евреевъ подати: ибо по законамъ еврейской вѣры и по обычаямъ сего народа достаточные должны пещись о пропитаніи бѣдныхъ и оказывать имъ всякую помощь" **. Аргументація эта очень любопытна. Законы христіанской вѣры нисколько не менѣе, чѣмъ еврейскій, предписываютъ богатымъ помогать бѣднымъ; и само по себѣ крайне странно ставить такой тезисъ: правительство должно оказывать особое покровительство зажиточнымъ евреямъ въ тяжбахъ ихъ съ помѣщиками, потому что евреи эти по своей религіи и обычаю обязаны заботиться о бѣдныхъ единовѣрцахъ. Но особенно замѣчательно такое разсужденіе въ устахъ кн. Голицына, тогдашняго министра духовныхъ дѣлъ, давшаго помянутое заключеніе: трудно объяснить себѣ это чрезмѣрное уваженіе къ требованіямъ еврейской религіи со стороны учредителя „Общества израильскихъ христіанъ" и вообще извѣстнаго ревнителя христіанства. Очевидно, что суть дѣла не въ законахъ еврейской вѣры, которые нисколько не оправдали бы исключительныхъ мѣръ въ пользу евреевъ-кредиторовъ помѣ-

* Сборникъ Леванды, стр. 368.
** Тамъ-же, стр. 109.

щичьихъ имѣній, а въ „самой выгодѣ казны", въ этомъ случаѣ совпадавшей съ еврейскими обычаями.

Общинная солидарность евреевъ въ податномъ отношеніи обнаруживается еще во всѣхъ постановленіяхъ относительно рекрутской повинности евреевъ и коробочнаго сбора. Что касается перваго пункта, то въ эпоху наибольшихъ правительственныхъ заботъ, самыхъ энергическихъ мѣръ къ „сліянію" евреевъ, съ „кореннымъ" населеніемъ издано было множество самыхъ суровыхъ постановленій, основанныхъ на принципѣ стройшей отвѣтственности еврейскихъ обществъ за своихъ членовъ. Нѣкоторые остатки этой системы исключительныхъ мѣръ существовали до самаго послѣдняго времени и отмѣнены только уставомъ объ общей воинской повинности. Коробочный же сборъ, отмѣненный въ Царствѣ Польскомъ, существуетъ и теперь на остальной территоріи имперіи и по своему распредѣленію и употребленію безусловно поддерживаетъ солидарность всѣхъ русскихъ евреевъ какъ членовъ особаго сословія въ государствѣ.

Въ 1844 году, правда, кагалы уничтожены и дѣла ихъ переданы въ общія административныя учрежденія, но при этомъ остались въ прежнемъ видѣ и особые налоги на евреевъ, и составленіе ими особыхъ податныхъ обществъ и рекрутскихъ участковъ, и избраніе ими особыхъ мѣщанскихъ старостъ *. Очевидно, что это была одна изъ тѣхъ бумажныхъ реформъ, которыми такъ изобилуетъ исторія нашего законодательства о евреяхъ. Существовало ли еврейское управленіе въ видѣ отдѣльнаго учрежденія подъ именемъ „кагала", или въ видѣ отдѣльнаго еврейскаго стола въ думѣ съ отдѣльнымъ старостой и пр.—сущность дѣла нисколько отъ этого не мѣнялась, пока паспортно-податная система оставалась въ прежнемъ состояніи.

Наконецъ четвертый основной мотивъ законоположеній о евреяхъ—представленіе о вредѣ наносимомъ ими другимъ классамъ

* Сборникъ Леванды, стр 590.

населенія и стремленіе противодѣйствовать этому вредному вліянію евреевъ ограничительными мѣрами. Такъ еще при Екатеринѣ Державинъ въ своей извѣстной запискѣ указывалъ на эту сторону еврейскаго вопроса и предлагалъ рядъ мѣръ, направленныхъ къ тому, чтобъ по возможности сдѣлать евреевъ менѣе вредными для сельскаго населенія. Законодательство александровскаго времени, отвергая согласно господствовавшему тогда либеральному духу мотивъ религіозной вражды относительно евреевъ, обусловливало свои ограничительныя мѣры въ отношеніи къ нимъ единственно этимъ народно-хозяйственнымъ основаніемъ. На немъ основано важнѣйшее постановленіе Положенія 1804 г. — о выселеніи евреевъ изъ селъ и деревень. Оно руководило правительствомъ и впослѣдствіи. Такъ въ указѣ 1823 г. о воспрещеніи евреямъ содержать въ бѣлорусскихъ деревняхъ шинки, почты и пр. читаемъ: „при открывшихся затрудненіяхъ въ продовольствіи обывателей губерніи бѣлорусскихъ, удостовѣрясь чрезъ мѣстныя начальства и донесенія посылаемаго въ сіи губерніи сенатора Баранова, что главной причиной разстроиства крестьянъ бѣлорусскихъ признано пребываніе евреевъ въ селеніяхъ и продажа вина ими въ оныхъ производимая, и что евреи не только не обращались ни къ какимъ занятіямъ или трудамъ, кои Положеніемъ 1804 г. имъ для собственной ихъ же пользы предоставлены, но напротивъ усиливаясь водвориться въ селеніяхъ число ихъ въ оныхъ еще болѣе умножилось къ сугубому раззоренію хлѣбопашцевъ:— по симъ уваженіямъ и принявъ во вниманіе просьбы, принесенныя отъ бѣлорусскаго дворянства, я призналъ полезнымъ“ и пр. *. Въ указѣ 29 іюля 1824 г. опять встрѣчаемъ указаніе на то, что „евреи занимаются содержаніемъ арендъ и шинковъ на правилахъ раззорительныхъ и для довѣрителей ихъ (т. е помѣщиковъ) и для поселянъ“. Тутъ дѣлается даже попытка (невѣрная, какъ мы видѣли выше) приписать этому мо-

* Сборникъ Леванды, стр. 119.

тиву и прежніе ограничительные законы относительно евреевъ *. Въ слѣдующее царствованіе и вплоть до настоящаго времени этотъ мотивъ всего чаще выступаетъ на сцену для оправданія стѣснительныхъ мѣръ относительно евреевъ; такъ выселеніе ихъ изъ тѣхъ или другихъ мѣстъ мотивируется обыкновенно вредомъ, который наноситъ ихъ пребываніе коренному населенію вообще или отдѣльному его классу.

Перечисливъ въ предыдущемъ изложеніи основныя идеи руководившія нашимъ законодательствомъ при нормированіи быта евреевъ и потребности, которымъ законодатель хотѣлъ удовлетворить своими постановленіями, перейдемъ къ бѣглой критической оцѣнкѣ этихъ идей, имѣя въ виду главнымъ образомъ тотъ матеріялъ для оцѣнки, который даетъ намъ само законодательство. Мы ограничимся указаніемъ главныхъ мыслей, на которыя какъ бы невольно наталкиваетъ изученіе нашего матеріяла. Прежде всего удивляютъ безпрестанныя колебанія въ разныя стороны, которыя замѣчаются въ развитіи законодательства о евреяхъ. При нормальномъ историческомъ ходѣ законодательства обнаруживается обыкновенно, что усвоенное разъ правовое начало съ большимъ трудомъ поддается существеннымъ измѣненіямъ и уступаетъ только явной необходимости реформы. Такой примѣръ представляетъ намъ Англія. Медленно съ чрезвычайными затрудненіями проникаетъ тамъ въ умы общества и законодателя новая правовая идея; но разъ она туда проникла съ надлежащей силой и убѣжденіе въ необходимости ея осуществленія сдѣлалось общимъ, идея эта не преминетъ обратиться въ законъ, и законъ получитъ сильную устойчивость, пока его не вытѣснитъ другая болѣе прогрессивная идея; повороты назадъ къ идеямъ, несостоятельность которыхъ

---

* Сборникъ Леванды, стр. 127.

уже разъ признана, тамъ невозможны. Россія — не Англія, и было бы нелѣпо расчитывать на такой же органическій, нормальный ходъ развитія какого бы то ни было общественнаго вопроса у насъ какъ въ Англіи. Но элементарное требованіе раціональной законодательной политики — требованіе извѣстной послѣдовательности въ развитіи правовыхъ началъ, а не безплоднаго шатанія взадъ и впередъ — примѣнимо также и къ нашему быту. Нельзя считать излишней требовательностью, если заявить желаніе, чтобъ не игнорировались сегодня результаты добытые вчера и чтобъ при неизмѣнившихся обстоятельствахъ не встрѣчалась безпочвенная шаткость во взглядахъ на одинъ и тотъ же предметъ.

Къ сожалѣнію однакожъ въ разсматриваемой здѣсь сферѣ законодательной дѣятельности мы постоянно встрѣчаемся съ этой ничѣмъ не оправдываемой шаткостью. Укажемъ на нѣсколько примѣровъ.

Уже въ царствованіе Екатерины II обозначилась эта невыработанность и противорѣчивость воззрѣній на направленіе правительственной политики относительно евреевъ. Такъ при самомъ вступленіи императрицы на престолъ вопросъ о допущеніи евреевъ въ Россію (по собственному ея разсказу, приведенному нами въ другомъ мѣстѣ) былъ обсуждаемъ въ государственномъ совѣтѣ и допущеніе это единогласно признано полезнымъ. Въ отвѣтахъ на вопросы одного иностраннаго дипломата относительно евреевъ, императрица писала уже съ сомнѣніемъ: „впрочемъ, разрѣшеніе евреямъ поселиться въ Россіи могло бы нанести вредъ нашимъ мелкимъ торговцамъ, ибо эти люди (евреи) забираютъ все въ свои руки и возможно, что по этому поводу было бы болѣе жалобъ, чѣмъ выгодъ“ *. Затѣмъ тотъ же государственный совѣтъ, который въ 1762 г. призналъ единогласно допущеніе евреевъ полез-

* См. статью: „Екатерина II, какъ писательница“ (Заря 1870 г., кн. 6)

нымъ, въ 1790 г. согласился съ мнѣніемъ графа Воронцова, что не предвидится никакой пользы отъ дозволенія евреямъ записываться въ московское и смоленское купечество (см. выше). А 45 лѣтъ спустя признано опять необходимымъ для оживленія торговли и промышленности въ Смоленскѣ допускать евреевъ къ торговлѣ на ярмаркѣ въ томъ городѣ. Ясно, что если въ 1835 г. Смоленскъ нуждался еще въ промышленной дѣятельности евреевъ настолько, чтобъ побудить законодательство того времени, столь строгое къ евреямъ, сдѣлать изъятіе изъ общихъ правилъ, то не могло быть безполезнымъ пребываніе въ немъ евреевъ и въ 1790 году. Одно изъ этихъ постановленій стало быть построено на невѣрномъ основаніи. Не требуетъ далѣе комментаріевъ указанное противорѣчіе между тремя взглядами самого екатерининскаго правительства на экономическую роль евреевъ.

Такую же двойственность мы замѣчаемъ и въ другомъ отношеніи. Положеніе 1786 г. установляетъ то начало, что права и обязанности каждаго лица должны опредѣляться исключительно его званіемъ и состояніемъ, а не „закономъ“ (вѣроисповѣданіемъ). Послѣдовательное проведеніе этого начала конечно разомъ покончило бы существованіе еврейскаго вопроса; нечего и говорить, что ничего подобнаго не совершено въ дѣйствительности не только тогда, но и теперь. Сама императрица говоритъ, что евреямъ не дозволенъ ею въѣздъ въ Россію по соображеніямъ религіознаго свойства; при ней-же установлена двойная подать съ евреевъ и пр. Ясно, что слова „всякъ по званію“ и пр. были больше фразой, чѣмъ дѣйствительнымъ руководящимъ началомъ политики относительно евреевъ.

Относительно вопроса о пребываніи евреевъ въ селеніяхъ исторія законодательства представляетъ интересный рядъ движеній въ противоположныя стороны. Уже при Екатеринѣ многіе администраторы видѣли главную причину раззоренія крестьянъ не въ чемъ иномъ какъ въ пребываніи евреевъ въ селеніяхъ. Генералъ-губернаторъ западныхъ губерній гр. Чернышевъ сдѣлалъ поэтому распоряженіе, чтобъ запретить помѣщикамъ отдавать евре-

ямъ на откупъ корчмы и винокуреніе. Положеніе 1786 года отмѣнило это запрещеніе и предоставило помѣщикамъ „въ полную ихъ свободу пользоваться тѣмъ въ деревняхъ и маетностяхъ своихъ по собственной ихъ волѣ безъ всякаго препятствія, потому наиболѣе что всѣ тѣ, кои производить оное чрезъ собственныхъ своихъ людей имѣютъ лучшія удобности и выгоды, безъ всякаго имъ запрещенія сами посторонникъ нанимать или имъ на откупъ отдавать не будутъ; равномѣрно и наблюдать за крестьянами, дабы они отъ сего винокуренія не вдавались въ распутную жизнь, не истощали своего имущества и не удалялись отъ работъ, сами же владѣльцы обязаны сколько для общественной, столько и для собственной ихъ пользы“ *. Здѣсь установлены два главныхъ мотива противъ выселенія евреевъ изъ деревень путемъ правительственной общей мѣры: 1) если евреи вредны какъ корчмари самимъ помѣщикамъ, то послѣдніе и безъ законнаго запрещенія не станутъ отдавать имъ въ аренду корчемъ и другихъ угодій и вообще будутъ запрещать имъ пребываніе въ своихъ владѣніяхъ на основаніи вотчиннаго своего права; 2) помѣщики сами заинтересованы въ томъ, чтобъ предотвращать всякую возможность раззоренія крестьянъ; стало быть правительству не для чего замѣщать въ этомъ отношеніи помѣщиковъ и принимать на себя исполненіе ихъ обязанностей. Какъ ни ясны и убѣдительны эти соображенія, они были совсѣмъ забыты. Съ начала XIX вѣка начинается опять непрерывный рядъ правительственныхъ мѣръ къ выселенію евреевъ изъ владѣльческихъ имѣній, мѣръ впрочемъ никогда не приводившихся вполнѣ въ исполненіе. Въ 1823 г. состоялось повелѣніе о выселеніи евреевъ изъ деревень витебской и могилевской губерній и состоялось оно по ходатайству бѣлорусскаго дворянства. Правительство значитъ забыло тогда то, что оно ясно понимало уже въ 1786 году: что дворянство имѣетъ полную возможность запрещать евреямъ пребываніе въ его владѣніяхъ безъ

* Сборникъ Леванды, стр 33.

всякаго вмѣшательства правительства. Было бы очень естественно отвѣтить дворянству на его ходатайство въ духѣ 1786 года: вы жалуетесь на раззореніе вашихъ крестьянъ евреями, но кто же мѣшаетъ каждому изъ васъ отдѣльно запрещать тому или другому Беркѣ пребываніе на его землѣ? Почему вы не отдаете вашихъ корчемъ, угодій и пр. въ аренду не евреямъ, а другимъ лицамъ, или почему не завѣдуете ими сами посредствомъ довѣренныхъ лицъ?—Вѣдь такимъ образомъ вопросъ разрѣшился бы гораздо легче, удобнѣе и на основаніи общихъ законовъ о вотчинныхъ правахъ дворянства, безъ надобности прибѣгать къ общимъ правительственнымъ мѣрамъ выселенія разомъ всѣхъ евреевъ изъ всѣхъ деревень,—мѣрамъ, которыя именно по обширности своей задачи не могутъ быть приводимы въ исполненіе. Если же есть причины, побуждающія помѣщиковъ употреблять евреевъ для хозяйственныхъ операціи, хотя они сознаютъ невыгодность этого (отсутствіе другихъ лицъ способныхъ замѣнить евреевъ, зависимость помѣщиковъ отъ евреевъ какъ кредиторовъ и пр.), то ясно, что эти причины будутъ дѣйствовать въ томъ же направленіи и по изданіи указа о запрещеніи евреямъ жить въ деревняхъ. Такимъ образомъ съ точки зрѣнія тѣхъ идей, которыя усвоило себѣ правительство въ 1786 году, слѣдовало и въ 1823 году оставить безъ уваженія ходатайство дворянства какъ излишнее во всякомъ случаѣ. Но въ 1823 году просто игнорировали то, что было передумано и рѣшено въ 1786 году. Результатомъ оказался законъ, который потомъ пришлось все откладывать исполненіемъ вслѣдствіе явной его несостоятельности, и наконецъ въ 1835 г. опять встрѣчаемъ поворотъ къ взгляду 1786 года. 13 апрѣля 1835 г. постановлено: „переселеніе евреевъ изъ селъ и деревень, гдѣ оно еще не начато, до времени пріостановить. Само собою разумѣется, что у помѣщиковъ не отъемлется чрезъ сіе право высылать евреевъ изъ селъ и деревень своихъ по собственному усмотрѣнію, но безъ нарушенія контрактовъ и обязательствъ, законнымъ образомъ съ евреями заключенныхъ. Въ имѣніяхъ казенныхъ и другихъ вѣ-

домствъ право сіе принадлежитъ ихъ начальствамъ" *. Тутъ опять видимъ пониманіе хотя и непослѣдовательное того, что нѣтъ надобности правительству ограждать помѣщичьи и казенныя селенія отъ наплыва евреевъ, когда они въ лицѣ владѣльцевъ и ближайшихъ начальствъ имѣютъ полную возможность обходиться безъ евреевъ и не допускать ихъ въ свою среду.

При Екатеринѣ II установлено начало, что не слѣдуетъ примѣнять къ евреямъ прежнихъ ограничительныхъ польскихъ законовъ. Въ царствованіе императора Николая начало это не то чтобъ отмѣнено было законодательнымъ порядкомъ (въ такомъ случаѣ была бы по крайней мѣрѣ соблюдена легальная форма), но просто игнорируется, и цѣлый рядъ допотопныхъ привилегій самаго стѣснительнаго свойства снова вызванъ къ жизни какъ дѣйствующій законъ.

Въ 1810 г. правительство ясно сознавало, что ограниченіе правъ осѣдлости евреевъ въ городахъ несовмѣстно съ поставленной тогда задачей—выселенія ихъ изъ деревень: въ ходатайствѣ кіевскихъ гражданъ о выселеніи евреевъ отказано между прочимъ потому, что „по самому Положенію объ нихъ (евреяхъ) назначены для жительства ихъ преимущественно города, а не села и деревни, гдѣ они не столько могутъ быть полезны" **. Въ послѣдующее царствованіе это столь ясное и простое соображеніе было забыто, и хотя мѣры къ удаленію евреевъ изъ деревень продолжались въ прежнемъ видѣ, даже были усилены,—нашли возможнымъ ограничивать права пребыванія евреевъ и во многихъ городахъ и мѣстечкахъ, не задавая себѣ нисколько вопроса: да гдѣ же наконецъ жить этой массѣ людей, которыхъ изъ городовъ вытѣсняютъ, а въ села не пускаютъ?

Положеніе 1786 г., выражающее политику екатерининскаго времени относительно еврейскаго вопроса, установило тотъ взглядъ, что религіозный бытъ евреевъ долженъ быть предоставленъ ихъ

---

* Сборникъ Леванды, стр 359.

** Тамъ-же. стр 79.

собственному усмотрѣнію, правительству нѣтъ до него никакого дѣла, а должно оно смотрѣть только за исполненіемъ евреями ихъ гражданскихъ обязанностей. Въ послѣдующее время мы видимъ рѣшительныя отступленія отъ этого раціональнаго начала. Уже въ 1817 г. учреждено „Общество израильскихъ христіанъ", задача котораго заключалась въ поощреніи перехода евреевъ въ православіе. Вѣяніе либеральныхъ идей было однакожъ еще настолько сильно тогда, что учрежденіе общества признано было нужнымъ мотивировать другимъ образомъ: бѣдственное положеніе новокрещенныхъ евреевъ, не пользующихся поддержкой ни со стороны евреевъ, ни со стороны христіанъ, побудило правительство оказать имъ содѣйствіе. Но въ слѣдующее царствованіе тенденціи религіозной пропаганды выступила болѣе прямо. Какъ мы видѣли не разъ, правительство частью открыто а еще болѣе изподтишка вмѣшивалось въ религіозный бытъ евреевъ и принимало весьма энергическія мѣры къ тому, чтобъ отклонять евреевъ отъ ихъ „лжеученія". Только въ наше время мы видимъ поворотъ, хотя и не полный, къ принципу екатерининскаго законодательства.

Въ 1810 г. при обсужденіи вопроса о выселеніи евреевъ изъ Кіева правительство имѣло въ виду то соображеніе, что „если выходятъ отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ какіе-либо безпорядки, то они должны прекращаться бдительностью начальства и дѣйствіемъ законовъ". Напрасно мы стали бы искать какихъ-нибудь слѣдовъ этой мысли въ узаконеніяхъ о евреяхъ, изданныхъ съ того времени. А между тѣмъ одного этого соображенія достаточно было бы для кассированія многихъ и многихъ проэктовъ ограничительныхъ мѣръ. Въ самомъ дѣлѣ цѣль всѣхъ такихъ мѣръ заключается въ томъ, чтобъ предупредить возможность извѣстной категоріи незаконныхъ дѣйствій со стороны евреевъ: но для чего же существуютъ общіе законы и общее начальство, какъ не для предупрежденія „безпорядковъ", могущихъ произойти отъ извѣстныхъ личностей? Если же „бдительность начальства" недостаточно сильна для того напр., чтобъ противодѣйствовать производству контрабандной торговли евреями, живущими близъ границы, то ясно,

что ее не хватитъ и на приведеніе въ исполненіе закона о томъ, что евреи не могутъ имѣть пребыванія близъ границы. Наблюденіе какъ за исполненіемъ общаго закона, запрещающаго контрабандную торговлю, такъ и за исполненіемъ спеціальнаго запрещенія евреямъ жить у границы возлагается на одно и тоже мѣстное начальство. Если же оно не могло усмотрѣть или намѣренно смотрѣло сквозь пальцы на нарушеніе евреями общаго закона, то не представляется-ли полная вѣроятность, что оно будетъ также относиться къ нарушеніямъ спеціальнаго закона? Но мысль, которая усвоена была въ 1810 г., не только не сдѣлалась достояніемъ законодательной политики, но заглохла и позабыта впослѣдствіи.

Мы видѣли, что правительство всегда было убѣждено въ возможности извлечь пользу для казны изъ допущенія евреевъ къ подрядамъ и поставкамъ, и убѣжденіе это было достаточно сильно для того, чтобъ побуждать къ серьезнымъ отступленіямъ отъ общихъ ограничительныхъ законовъ. Но и это убѣжденіе не было чѣмъ-нибудь твердо установившимся Такъ Потемкинъ высказалъ разъ такое мнѣніе: „лучше вдесятеро заплачу, а не отдамъ жиду Гильму поставку. Пора отстать отъ мошенниковъ-подрядчиковъ, кои истощали сумму и все недоставками подчивали“ *. Такой взглядъ не удивителенъ въ устахъ „великолѣпнаго князя Таврриды“, который, какъ извѣстно, распоряжался казной очень щедро. Но вотъ въ 1852 г. инспекторъ по инженерной части представилъ, что по его мнѣнію допущеніе евреевъ къ участію въ подрядахъ на инженерныя работы въ Кіевѣ и Севастополѣ, разрѣшенное военнымъ совѣтомъ, не достигаетъ цѣли. „Наибольшее пониженіе цѣнъ тогда только можетъ принести ожидаемую пользу, когда подрядчикъ, принявшій на себя работу по низкимъ цѣнамъ, исполнитъ оную во всемъ согласно условіямъ: но этого, какъ доказано многими опытами, при под-

* Чтенія въ моск. общ. ист. и др. 1869 г., кн. 3, 194

рядчикахъ-евреяхъ рѣдко достигнуть можно. Подрядчики изъ евреевъ при пріемѣ къ себѣ рабочихъ заботятся не о достоинствѣ ихъ въ знаніи дѣла, а только о дешевѣйшеи платѣ, отчего и работы не могутъ быть хороши (подрядчики не-евреи, видите ли, заботятся гораздо болѣе о пользѣ казны, чѣмъ о собственныхъ выгодахъ!); притомъ дурно содержатъ рабочихъ, слѣдствіемъ чего бываютъ частыя жалобы и неудовольствія рабочихъ, что также не мало вредитъ успѣху и качеству работъ“ *. (Какъ однакожъ измѣнились обстоятельства съ 1852 года! Теперь ежедневно слышимъ жалобы, доходящія нерѣдко до судебнаго разбирательства, на то, что фабриканты и подрядчики всѣхъ исповѣданій, въ томъ числѣ и православнаго, морятъ рабочихъ голодомъ, обсчитываютъ ихъ и пр., а въ 1852 г. этимъ позорнымъ стремленіемъ къ эксплуатаціи рабочаго люда отличались одни евреи; въ удаленіи евреевъ тогда видѣлось вѣрное средство къ тому, чтобъ отнять у рабочихъ всякій поводъ къ неудовольствіямъ: теперь увы! это средство оказывается недостаточнымъ въ виду всеобщей испорченности почтеннаго сословія предпринимателей). На основаніи этого представленія инженеръ-генерала Дека запрещено было евреямъ вступать въ подряды по строительнымъ работамъ въ Кіевѣ и Севастополѣ. Спрашивается: если „многими опытами доказано“, что евреи—недобросовѣстные подрядчики, то почему же не воспретить имъ участія въ казенныхъ подрядахъ вообще, и какъ согласовать съ этимъ многія другія постановленія, изъ которыхъ видно, что правительство напротивъ убѣдилось многими опытами въ полезности и даже необходимости допущенія евреевъ къ казеннымъ подрядамъ разнаго рода? Съ другой стороны нельзя не припомнить соображенія закона 1810 г., что безпорядки производимые евреями могутъ и должны быть прекращаемы „бдительностью начальства и дѣйствіемъ законовъ“, безъ надобности прибѣгать къ исключительнымъ мѣрамъ. Въ самомъ дѣлѣ, если подрядчикъ-

* Сборникъ Леванды, стр. 775.

еврей не исполняетъ работы согласно условіямъ, то казна имѣетъ противъ него какъ противъ всякого другаго подрядчика весьма дѣйствительное орудіе: не принимать работы, удерживать залоги, производить работы на его счетъ и пр., на основаніи общихъ законовъ. Не отрицая нисколько заявленія инженеръ-генерала Дека, что при подрядчикахъ-евреяхъ въ то время рѣдко можно было достигнуть добросовѣстности исполненія работы, мы можемъ (не опасаясь того, что насъ обвинятъ въ клеветѣ на „почтенное" сословіе подрядчиковъ) на основаніи всѣмъ извѣстныхъ фактовъ утверждать, что это могло быть также примѣнено къ подрядчикамъ всѣхъ другихъ исповѣданій. При такой явной несостоятельности мотивовъ распоряженія 1852 г. мы сильно подозрѣваемъ, что дѣйствительнымъ основаніемъ этому представленію послужили „убѣдительныя" ходатайства подрядчиковъ-христіанъ, которымъ подобно кіевскому купечеству (не забудемъ, что и тутъ дѣло идетъ о работахъ въ Кіевѣ) желательно было устраненіе еврейскаго соперничества при значительныхъ казенныхъ подрядахъ.

Изъ другаго дѣла (о содержаніи корчемъ въ казенныхъ селеніяхъ) мы видимъ, какъ откупщикъ-христіанинъ всѣми силами старается устранить евреевъ отъ торговъ и убѣдить правительство, чтобъ корчмы отданы были ему безъ торговъ и участія несносныхъ евреевъ, которые вѣчно надбавятъ что-нибудь и не дадутъ такимъ образомъ человѣку нажиться порядкомъ. Князь Енгалычевъ представлялъ при этомъ, что онъ добивается этого не для собственныхъ выгодъ (объ этомъ думаютъ только корыстолюбивые жиды), а для прекращенія дѣлъ о корчемствѣ, столь тягостныхъ для „простаго народа", и что если еврей сдѣлаютъ еще наддачу, онъ, Енгалычевъ, принимаетъ заранѣе ее на себя, „жертвуя наддачу на улучшеніе разстроеннаго хозяйства крестьянъ Витебской губерніи" (откупщикъ въ роли благодѣтеля крестьянъ— какая иронія!), или если начальство этого не приметъ (осторожно прибавилъ откупщикъ-филантропъ), то наддачу онъ даетъ въ

казну *. Нельзя удержаться отъ смѣха при видѣ того, какъ желаніе отдѣлаться отъ конкурренціи евреевъ заставляетъ почтенныхъ коммерсантовъ прибѣгать то къ филантропіи, то къ возвышеннымъ религіознымъ мотивамъ (напр. о „неприличіи“ пребыванія евресвъ въ святомъ городѣ Кіевѣ), то къ соображеніямъ государственной пользы, страдающей отъ вліянія евреевъ.

Возвращаясь къ мотивамъ закона 1852 г., мы ограничимся указаніемъ на противорѣчіе, въ которомъ они находятся съ другими узаконеніями о допущеніи евреевъ къ подрядамъ въ видахъ казеннаго интереса: это противорѣчіе имѣетъ здѣсь для насъ главное значеніе.

Весьма интересенъ въ этомъ отношеніи еще слѣдующій фактъ. Изъ нѣкоторыхъ узаконеній видно, что правительству небезъизвѣстно было уже давно, какъ несостоятельны разныя ограничительныя мѣры, вызывающія только уловки и усилія, направленныя къ тому какъ бы обойти эти мѣры,—уловки, обыкновенно удающіяся на практикѣ. Такъ, когда въ 1834 г. признано было необходимымъ не воспрещать евреямъ содержать по прежнему корчмы и прежнія оброчныя статьи въ селеніяхъ нѣкоторыхъ губерній, то эта мѣра мотивирована была между прочимъ тѣмъ, что подобное воспрещеніе „подало бы токмо поводъ къ множеству подлоговъ, неизбѣжныхъ при оставленіи евреевъ на жительствѣ въ оныхъ“ (деревняхъ) **. Въ 1850 г. разрѣшено евреямъ содержать корчмы въ казенныхъ селеніяхъ, между прочимъ съ цѣлью предупрежденія „подлоговъ въ содержаніи сихъ корчемъ во всякомъ случаѣ евреями подъ именемъ помѣщиковъ и другихъ лицъ, которымъ они за то будутъ давать въ ущербъ дохода казны особое вознагражденіе“ ***. При всей краткости этихъ брошенныхъ мимоходомъ замѣчаній, изъ нихъ ясно видно, что правительство сознавало справедливость одного изъ капитальнѣйшихъ

---

* Сборникъ Леванды. стр. 705

** Тамъ-же, стр 353

*** Тамъ-же стр 746.

возраженій, дѣлаемыхъ противъ системы исключительныхъ мѣръ, подобной той, которую представляетъ наше законодательство относительно евреевъ: что такія мѣры деморализуютъ населеніе, заставляя его такъ или иначе обходить законъ, но не достигаютъ обыкновенно своей прямой задачи. Почему-жъ однако эта мысль столь рѣдко является въ видѣ метеора, не оказывая никакого вліянія на большую часть постановленій объ евреяхъ, — понять трудно, если не принять за удовлетворительное объясненіе общую безсистемность законодательства о евреяхъ.

Любопытно прослѣдить также, какой рѣзкій и внезапный переворотъ во взглядахъ администраціи на еврейскій вопросъ обнаружился съ самаго начала нынѣшняго царствованія. Понятно, что фактическое положеніе евреевъ, равно какъ отношеніе ихъ къ остальному населенію не могло существенно измѣниться въ 1856 году противъ того, что было напр. въ 1854 г. Между тѣмъ, мы видимъ, что тотъ самый еврейскій комитетъ, который прежде то и дѣло сочинялъ ограниченіе за ограниченіемъ, одно суровѣе другаго, въ 1856 г. устами прежняго же предсѣдателя своего, гр. Киселева, объявляетъ, что „достиженію Высочайше указанной въ 1840 г. цѣли слянія евреевъ съ общимъ населеніемъ препятствуютъ разныя временно-постановленныя (?) ограниченія, которыя въ соединеніи съ общими законами содержатъ въ себѣ многія противорѣчія и порождаютъ недоумѣнія“ *. А въ 1865 г. новороссійскій генералъ-губернаторъ гр. Строгановъ представилъ даже мнѣніе въ томъ смыслѣ, что „существованіе въ настоящее время какихъ бы то ни было ограниченіи въ гражданскихъ правахъ евреевъ сравнительно съ христіанскимъ населеніемъ несообразно ни съ духомъ и направленіемъ времени, ни съ стремленіемъ правительства къ сліянію евреевъ съ коренным населеніемъ имперіи“ **. Съ тѣхъ поръ однакожъ „духъ времени“ уклонился

* Сборникъ Леванды, стр. 1034.

** Тамъ-же, стр 1035

опять въ другую сторону, и мы сильно сомнѣваемся въ возможности подобнаго отзыва со стороны вліятельнаго администратора въ настоящее время. Такъ при тѣхъ же фактическихъ условіяхъ вѣчно колеблется то въ одну, то въ другую сторону направленіе идей, руководящихъ рѣшителями судебъ еврейскаго вопроса, вмѣсто того, чтобъ идти хотя-бъ и медленно, но твердо въ наступательномъ направленіи, какъ слѣдуетъ при нормальномъ развитіи законодательства.

Шаткость руководящихъ идей въ разрѣшеніи законодательныхъ вопросовъ, относящихся къ евреямъ, сопровождалась обыкновенно недостаткомъ вѣрныхъ фактическихъ свѣдѣній о томъ, что касается евреевъ. Объ этомъ мы достаточно говорили какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ очеркахъ. Укажемъ здѣсь еще на слѣдующее.

Первостепенную роль въ дѣятельности правительства относительно евреевъ игралъ до сихъ поръ вопросъ о выселеніи евреевъ изъ селъ и деревень. Все зданіе этихъ постановленій построено было однако на ошибочныхъ представленіяхъ относительно фактовъ, подавшихъ поводъ къ этимъ исключительнымъ мѣрамъ. Въ другомъ мѣстѣ мы говорили о томъ, что вообще совершенно упущено было изъ виду вредное вліяніе крѣпостнаго права вообще и въ частности права пропинаціи запад.-русскихъ помѣщиковъ на экономическій бытъ тамошнихъ крестьянъ, хотя вліяніе это было оцѣниваемо, какъ слѣдуетъ, нѣкоторыми здравомыслящими людьми. Другая фактическая ошибка, сдѣланная при этомъ, заключается въ слѣдующемъ. Становясь вполнѣ на точку зрѣнія прежнихъ администраторовъ, что главная причина раззоренія крестьянъ заключалась въ пребываніи средп нихъ евреевъ и что необходимо поэтому удалить послѣднихъ изъ деревень, слѣдовало подумать, какъ бы сдѣлать выселеніе для евреевъ менѣе тягостнымъ, облегчая имъ возможность существованія внѣ селеній. Отчасти правительство имѣло въ виду это соображеніе, напр. при отказѣ въ выселеніи евреевъ изъ Кіева, на томъ основаніи, что нельзя стѣснять права жительства евреевъ по городамъ, когда ихъ высылаютъ изъ селеній. Но главный фактъ, на

который слѣдовало при этомъ обратить серьезное вниманіе, былъ совершенно упущенъ изъ виду администраціей. Мы говоримъ о положеніи евреевъ во владѣльческихъ городахъ и мѣстечкахъ западныхъ губерній, положеніе, не измѣнившееся въ существенныхъ чертахъ до сихъ поръ. По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ Журавскимъ, «врен въ владѣльческихъ мѣстечкахъ платятъ значительные чиншы за дома, лавки и пр. (больше, чѣмъ однодворцы въ селеніяхъ) и кромѣ того подвергаются очень чувствительнымъ неудобствамъ въ хозяйственномъ быту. Все гораздо дороже, чѣмъ въ деревняхъ. Многаго необходимаго для жизни часто вовсе нельзя достать. Положеніе жителей мѣстечекъ (особенно евреевъ) хуже чѣмъ другихъ классовъ населенія. Продажа водки и муки обыкновенно составляетъ монополію владѣльца. Въ иныхъ мѣстахъ владѣлецъ отдаетъ на откупъ вѣсы, что очень обременительно для жителей, а также продажу дрожжей, смолы, бои скота и пр. Положеніе чиншовниковъ въ деревняхъ гораздо лучше и это объясняетъ, почему евреи тѣснились прежде въ селеніяхъ (несмотря на многократныя воспрещенія)» *.

Италъ, въ то время какъ правительство безпрестанно жалуется на противозаконное стремленіе евреевъ наполнять села вмѣсто того, чтобъ оставаться въ городахъ, и приписываетъ это стремленіе страсти къ легкой наживѣ и эксплуатированію крестьянъ, на дѣлѣ оно оказывается результатомъ (по крайней мѣрѣ въ значительной части, ибо владѣльческія городскія поселенія весьма распространены въ западномъ краѣ) вполнѣ законнаго желанія избѣгнуть хищничества градовладѣльцевъ и устроить свою жизнь нѣсколько легче, чѣмъ въ крѣпостныхъ городахъ, гдѣ все отдается на откупъ, вездѣ монополія владѣльца и слѣдовательно дороговизна и нужда. Нужно удивляться тому, какъ администрація не замѣтила необходимости измѣнить положеніе чиншовыхъ горожанъ во владѣльческихъ мѣстечкахъ для того, чтобъ сдѣлать

---

* Стат. описаніе Кіевск. губ., II. 515—19

возможнымъ выселеніе евреевъ изъ деревень. Но таково было могущественное вліяніе „священнаго принципа“ крѣпостнаго права, что сознать ясно его вредное вліяніе никто не осмѣливался. Когда дѣло шло о разореніи крестьянскаго хозяйства, никто оффиціально не отваживался указать на пропинацію помѣщиковъ, какъ на главную причину усиленія пьянства: находили болѣе удобнымъ взваливать все на евреевъ, которые были простымъ орудіемъ въ рукахъ помѣщиковъ въ дѣлѣ распространенія пьянства. Точно также поставить вопросъ о непомѣрной эксплуатаціи горожанъ (въ томъ числѣ и евреевъ) владѣльцами крѣпостныхъ городовъ считалось невозможнымъ, болѣе удобнымъ находили взваливать на евреевъ вину въ томъ, что они неохотно переселялись изъ деревень въ мѣстечки.

Еще въ 1820 г. (при обсужденіи дѣла о еврейскихъ долгахъ на помѣщичьихъ имѣніяхъ, о которомъ мы говорили выше) правительство имѣло свѣдѣнія о томъ, что „весь еврейскій народъ находится въ крайней бѣдности“, вслѣдствіе чего взысканіе податей съ евреевъ очень затруднительно и возможно лишь при отвѣтственности богатыхъ за бѣдныхъ. Но впослѣдствіи въ одномъ указѣ, тоже упомянутомъ нами прежде, встрѣчаемъ жалобу на то, что „казна почти ничего не получаетъ съ евреевъ“ (фактически невѣрно въ виду того, что евреи кромѣ всѣхъ общихъ налоговъ обременены до сихъ поръ еще спеціальными), причемъ выражается мысль, что неисправность въ платежахъ со стороны евреевъ есть результатъ ихъ нежеланія нести обязанности гражданъ, а не несостоятельности. Между тѣмъ съ 1820 г. до того времени, къ которому относится послѣдній указъ, экономическое положеніе евреевъ могло только значительно ухудшиться, такъ какъ это было время безконечныхъ ограниченій и изъятій, которыя сыпались на головы евреевъ чуть ли не каждый день новыя. Понятно, что еслибъ при рѣшеніи вопросовъ, касающихся евреевъ, руководствовались всегда лишь положительными фактами, то признанная разъ недостаточность платежныхъ силъ евреевъ при данныхъ экономическихъ условіяхъ не могла бы быть въ другой разъ

голословно отвергнута. Но повидимому извѣстныя симпатіи и антипатіи имѣли больше вліянія на ходъ законодательныхъ вопросовъ о евреяхъ, чѣмъ положительные факты; поэтому хотя въ 1820 г. признано было справедливымъ и необходимымъ увеличить платежныя силы евреевъ путемъ законнаго покровительства ихъ интересамъ (обезпеченіе долговъ на помѣщикахъ), впослѣдствіи взглянули на дѣло иначе и нашли болѣе цѣлесообразнымъ прибѣгнуть къ самымъ суровымъ мѣрамъ понужденія (брали по одному рекруту за каждыя 2000 р. недоимки).

Такое-же незнакомство съ фактическими данными или игнорированіе ихъ въ угоду извѣстнымъ тенденціямъ обнаруживаетъ исторія вопроса о допущеніи евреевъ-винокуровъ во внутреннія губерніи. Въ 1826 г. это воспрещено на томъ основаніи, что „винокуровъ есть достаточно и изъ христіанъ": но не говоря уже о частномъ исключеніи изъ этого правила, которое оказалось нужнымъ сдѣлать уже въ слѣдующемъ 1827 году, много лѣтъ спустя (въ 1865 году) сдѣлано было общее разрѣшеніе винокурамъ и прочимъ ремесленникамъ изъ евреевъ проживать по всей Россіи, и въ основу этого разрѣшенія легли между прочимъ ходатайства винокуренныхъ заводчиковъ нѣкоторыхъ великороссійскихъ губерній, ходатайства обусловленныя недостаткомъ винокуровъ-христіанъ. Но съ 1827 по 1865 г. распространеніе ремесленныхъ знаній между кореннымъ населеніемъ въ великороссійскихъ губерніяхъ по всей вѣроятности сдѣлало нѣкоторые успѣхи; во всякомъ случаѣ оно не могло пойти назадъ—по крайней мѣрѣ нѣтъ никакихъ основаній предполагать это. Стало быть предположеніе, что „винокуровъ есть довольно и изъ христіанъ" было ошибочно и законъ 1826 г. обязанъ своимъ происхожденіемъ неимѣнію достовѣрныхъ свѣдѣній о фактѣ, отъ котораго зависѣло разрѣшеніе вопроса въ томъ или другомъ смыслѣ.

Эти и другіе подобные факты доказываютъ, какъ часто законы о евреяхъ, особенно въ прежнее время, являлись результатомъ ошибочныхъ представленій или неимѣнія въ виду фактовъ первостепенной важности для разрѣшенія того или другаго вопроса.

Третій пунктъ, на который мы хотимъ указать здѣсь, касается вопроса объ отношеніи законовъ о евреяхъ къ общественной нравственности. Съ давнихъ поръ правительство поставило себѣ въ отношеніи евреевъ между прочимъ задачу нравственнаго возрожденія этого племени. Такъ указъ 1844 г. говоритъ объ учрежденіи еврейскихъ училищъ, какъ о „новомъ доказательствѣ заботливости о нравственномъ улучшеніи евреевъ" *. Давно оффиціяльно установилось мнѣніе, что законодатель долженъ разсматривать всѣхъ вообще евреевъ какъ людей дурной нравственности. Нерѣдко встрѣчаемъ такія сопоставленія, какъ въ указѣ 20 апрѣля 1837 г., не назначать въ карантинную стражу „людей дурной нравственности и низшихъ чиновъ изъ евреевъ", такъ какъ служба въ карантинѣ, по самому свойству своему, требуетъ людей надежныхъ, безпорочнаго поведенія **. Это значитъ: низшіе чины всѣхъ другихъ исповѣданій могутъ быть хорошей или дурной нравственности и потому начальство должно выбирать между ними; но еврей по самому рожденію своему—патентованный плутъ, и потому тутъ разбора никакъ и дѣлать не нужно. Нѣсколько правилъ этого характера существуетъ и теперь.

Когда въ 1856 г. начертана была новая программа дѣйствій относительно евреевъ, то она формулирована была слѣдующимъ образомъ: „пересмотрѣть всѣ существующія о евреяхъ постановленія для соглашенія ихъ съ общими видами сліянія сего народа съ коренными жителями, поколику нравственное состояніе сего народа можетъ сіе дозволить" ***. Не отрицаемъ самаго факта низкаго уровня нравственнаго развитія еврейской массы, хотя особенно похвастать въ этомъ отношеніи ни одинъ классъ населенія не можетъ; но думаемъ, что никто не станетъ отрицать правильность слѣдующаго соображенія. Прежде чѣмъ законодатель возьметъ на себя столь трудную и рѣдко благодарную задачу бороться съ не-

---

* Сборникъ Леванды, стр. 576
Тамъ-же, стр 410
** Тамъ-же, стр 1034

достатками, выработанными вѣковыми условіями быта даннаго народа или класса общества, естественно слѣдуетъ позаботиться объ устраненіи тѣхъ причинъ этихъ недостатковъ, которыя кроются въ самомъ дѣйствующемъ законодательствѣ и слѣдовательно неизбѣжно вызываютъ то, противъ чего правительство считаетъ нужнымъ бороться. Въ своей „заботливости о нравственномъ улучшеніи евреевъ", если понимать эту заботливость дѣйствительно серьезно, слѣдовало администраціи, прежде всего устранить причины нравственнаго растлѣнія евреевъ, очевидно проистекающія изъ самихъ юридическихъ условій ихъ общественнаго положенія. Во первыхъ это гораздо легче исполнить, чѣмъ влиять на религіозно-нравственный бытъ еврейской общины: отмѣнять законодательнымъ путемъ правила этимъ же путемъ возникшія и легко, и нормально, чего никакъ нельзя сказать о вторженіи государства въ чуждую ему сферу духовно-моральнаго быта какого бы то ни было класса общества. Во-вторыхъ борьба съ неблагопріятными условіями нравственнаго развитія общества, имѣющими внутренній, бытовой характеръ, просто немыслима прежде, чѣмъ будутъ устранены внѣшнія, особенно юридическія условія, дѣйствующія въ томъ же направленіи. Чтожъ мы видимъ на дѣлѣ? Правительство, особенно въ прошлое царствованіе, постоянно говоритъ о безнравственности евреевъ; за ними утверждается репутація оффиціальныхъ представителей безнравственности, какъ показываетъ между прочимъ слѣдующій любопытный фактъ, засвидѣтельствованный современникомъ. Въ 1837 г. министерство внутреннихъ дѣлъ требовало отъ мѣстныхъ начальствъ разныя статистическія свѣдѣнія; изъ г. Кая (вятской губерніи) отъ уѣзднаго начальства на вопросъ о нравственномъ состояніи жителей полученъ былъ такой отвѣтъ: „жидовъ въ г. Каѣ не находится". Этимъ было ясно доказано вполнѣ безупречное въ нравственномъ отношеніи состояніе г. Кая. Правительство ясно сознаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что ограничительныя мѣры прямо вызываютъ подлоги, заставляя евреевъ прибѣгать къ подставнымъ лицамъ для пользованія тѣми правами, въ которыхъ законъ имъ отказываетъ. Оно сознаетъ также,

что помимо ущерба общественной морали этотъ порядокъ невыгоденъ и въ обще-хозяйственномъ отношеніи, такъ какъ часть выгодъ отъ извѣстныхъ запрещенныхъ евреямъ профессіи уходитъ вполнѣ непроизводительно на пріобрѣтеніе подставнаго, христіанскаго имени. По крайней мѣрѣ эти мысли прямо выражены въ упомянутыхъ выше двухъ указахъ 1834 и 1850 гг. относительно питейной торговли евреевъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. И однакожъ, мы до сихъ поръ не видимъ ни одной попытки серьезно оцѣнить значеніе этого момента въ еврейскомъ вопросѣ и придать ему надлежащее вліяніе на законодательство о евреяхъ.

Въ какой степени это было-бы желательно, можно судить, имѣя въ виду слѣдующіе факты, сообщаемые проф. Янсономъ: „опытные въ винокуреніи и умѣющіе ладить съ акцизными порядками евреи, говоритъ онъ, явились и въ харьковской губерніи въ числѣ главныхъ дѣятелей по этой части. Появленіе ихъ здѣсь относится къ 1856 году и теперь много винокурень перешло къ нимъ въ руки путемъ арендованія, не смотря на то, что въ этой мѣстности арендовать винокурни могутъ только тѣ изъ евреевъ, которые записаны въ первую гильдію. Евреи съумѣли обойти этотъ законъ. Винокурня арендуется на имя какого нибудь помѣщика, который ставитъ еврея какъ будто своимъ прикащикомъ. Такая сдѣлка между помѣщикомъ и евреемъ, основывается-ли она на личномъ довѣріи или обезпечивается какой нибудь формальной сдѣлкой, во всякомъ случаѣ требуетъ новыхъ расходовъ со стороны еврея (есть помѣщики, получающіе за ссуду своего имени по 3000 руб. въ годъ), во-вторыхъ увеличиваетъ рискъ самаго предпріятія и затраты капитала. Такого же рода уловка для обхода закона употребляется и при арендованіи евреями земель“ *. Послѣднее замѣчаніе подтверждается многими фактами относительно пріобрѣтенія и аренды евреями земель въ западныхъ губерніяхъ на имя христіанъ.

---

* Хлѣбная торговля на Волыни, стр. 281

Не трудно оцѣнить морально-экономическое значеніе подобныхъ фактовъ. Стѣсняя евреевъ въ производствѣ промысловъ, которыми они исключительно и съ давнихъ поръ занимаются, безъ всякихъ серьезныхъ мѣръ къ тому, чтобъ пріучить ихъ къ другимъ профессіямъ, законъ вызываетъ многочисленную категорію обыденныхъ правонарушеній и подлоговъ. Онъ деморализуетъ въ тоже время христіанское населеніе, вводя его въ искушеніе получать болѣе или менѣе крупные куши за „ссуду имени", одинъ изъ способовъ пріобрѣтенія имущества, не предусмотрѣнныхъ сводомъ законовъ. Искушеніе слишкомъ сильное для того, чтобъ ему могло противустоять большинство людей, и большинство дѣйствительно ему поддается, какъ мы видѣли.

Съ другой стороны, если еврею все таки удается такимъ окольнымъ, незаконнымъ путемъ достигнуть того, чего онъ не можетъ добиться прямо, то излишнія траты на покупку вывѣски для замаскированнаго предпріятія или сдѣлки, равно какъ неизбѣжныя риски, сопряженныя съ возможностью появленія „идущаго вдали закона", естественно ложатся въ видѣ издержекъ производства на самое предпріятіе и, по извѣстному финансовому закону переложенія, возмѣщаются потребителями труда или предпріимчивости даннаго еврея. Арендуя винокурню на имя христіанина тамъ, гдѣ это ему запрещено, еврей конечно переложитъ на потребителей выкуриваемаго имъ вина расходъ на покупку имени, мѣстами очень значительный: рискованность предпріятія побудитъ его также увеличить обыкновенныя отъ него выгоды посредствомъ возвышенія платы за продуктъ, обмѣра и пр. Такимъ образомъ эти лишніе расходы и рискъ въ концѣ концовъ оплачиваются не столько тѣмъ евреемъ, на котораго они первоначально падаютъ вслѣдствіе запретительнаго закона, сколько другими лицами, по большей части христіанами. Винить евреевъ за то, что они дѣйствуютъ по общимъ экономическимъ законамъ, руководящимъ вездѣ дѣятельностью людей, было бы очевидно несправедливо. Нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что установляя разныя ограниченія для евреевъ, законъ не желалъ обременять другіе классы

населенія. Но логика вещей сильнѣе кабинетныхъ соображеній администраторовъ—это ужь законъ общественной науки, и еврейское коварство тутъ ни при чемъ

Оставляя однако въ сторонѣ экономическую сторону этого вопроса, о которой говорить здѣсь не мѣсто, возвратимся къ первоначальной точкѣ зрѣнія, къ вопросу о нравственномъ вліяніи исключительныхъ мѣръ. Довольно странно въ самомъ дѣлѣ, что мысль, сознанная въ 1834 г., остается безъ надлежащаго примѣненія и теперь—какъ будто мы ушли съ тѣхъ поръ довольно далеко относительно широты воззрѣній при разрѣшеніи важныхъ законодательныхъ вопросовъ. Объясненіе этого страннаго факта заключается въ слѣдующемъ. Въ 1834 и 1850 гг. казна была заинтересована въ разрѣшеніи возникшихъ тогда вопросовъ о правахъ евреевъ по питейной торговлѣ въ благопріятномъ для евреевъ смыслѣ, и вотъ почему на сцену выступила между прочимъ и та правильная мысль, что однимъ запрещеніемъ меньше—и цѣлой группой подлоговъ и обмановъ меньше. Когда же рѣчь идетъ объ интересахъ не казны, а частныхъ лицъ, тогда стимулъ къ либеральному рѣшенію слишкомъ слабъ, чтобы побороть установившееся отношеніе къ евреямъ и вѣру во всемогущество запрещеній; поэтому несмотря на полную приложимость этой же мысли, она въ такихъ случаяхъ игнорируется, и запрещенія продолжаютъ плодить подлоги и обманы по старому методу. Если читатель припомнитъ сказанное выше о вліяніи идеи казеннаго интереса на законодательство о евреяхъ, то онъ не найдетъ въ этомъ объясненіи ничего натянутаго.

Но деморализующее вліяніе исключительныхъ законовъ этимъ не исчерпывается. Всякій законъ существуетъ конечно для того, чтобъ быть исполняемымъ. По крайней мѣрѣ органы общественной власти должны имѣть всегда въ виду одну задачу: наблюдать за точнымъ исполненіемъ всѣхъ существующихъ законовъ. Но что сказать о такихъ постановленіяхъ, которыя по взгляду самаго законодателя фигурируютъ болѣе для виду, чѣмъ для дѣйствительнаго исполненія? Замѣчательно, что естественный инстинктъ спра-

ведливости, присущій русскому обществу въ большей мѣрѣ, чѣмъ западно-европейскому, отразился и на положеніи евреевъ. Ограничительные о нихъ законы, гдѣ они не сходятся съ личными интересами той или другой группы, часто встрѣчаютъ отпоръ въ упомянутомъ инстинктѣ. Мы видимъ, что давно уже евреи были терпимы вопреки закону. Такъ, императрица Екатерина II говоритъ: „въ Петербургѣ есть 3 или 4 еврея съ давняго времени .. Ихъ терпятъ вопреки закону; дѣлаютъ видъ, что не знаютъ объ ихъ пребываніи“ *. Въ 1865 г. остзейскій генералъ-губернаторъ писалъ: „кромѣ евреевъ, причисленныхъ къ нѣкоторымъ городамъ прибалтійскихъ губерній, тамъ фактически терпимы и многіе евреи, неимѣющіе тамъ по закону права постояннаго жительства, что необходимо условливается географическимъ и экономическимъ положеніемъ остзейскихъ провинціи, которыя соприкасаются своими портами съ одной стороны иностранной торговлѣ, а съ другой граничатъ съ бѣлорусскими и литовскими губерніями, въ которыхъ почти вся промышленность находится въ рукахъ лицъ еврейскаго происхожденія и которыя отпускаютъ свои произведенія чрезъ порты прибалтійскаго края. Посему какъ въ интересахъ прибалтійскаго края, такъ и во избѣжаніе нарушенія закона была бы желательна наивозможно скорѣйшая отмѣна закона, невозможнаго къ соблюденію въ дѣйствительности, и разрѣшеніе повемѣстнаго жительства евреевъ въ Россіи“ **.

Это правило „смотрѣть сквозь пальцы“ на нарушеніе неудобоисполнимыхъ и несправедливыхъ ограниченій относительно евреевъ, разсматриваемое по своему вліянію на дѣятельность администраціи, имѣетъ два капитальныхъ недостатка. Въ высшихъ представителяхъ общественной власти, если они въ своей дѣятельности и руководствуются однимъ безпристрастнымъ стремленіемъ къ

---

* См ст „Екатерина II, какъ писательница“ (Заря 1870 г., кн. 6)

** Сборникъ Леванды, стр 1038

общему благу, не поддаваясь нисколько вліянію личныхъ симпатій и антипатій (обыкновенно сильно дѣйствующихъ на всѣхъ людей, каково бы ни было ихъ общественное положеніе), правило это вредно въ томъ отношеніи, что даетъ поводъ и притомъ основательный относиться легко къ своей главной обязанности—наблюдать за строгимъ исполненіемъ закона. Въ правовомъ государствѣ (Rechtsstaat), этомъ единственно-нормальномъ типѣ современнаго общественнаго устройства, безграничное уваженіе къ закону, особенно со стороны его исполнителей, есть необходимое условіе существованія всего правоваго строя. Невозможно помириться тутъ съ системой, при которой самъ законодатель (въ упомянутомъ замѣчаніи Екатерины II) признаетъ необходимость „дѣлать видъ, что не замѣчаетъ“ нарушенія дѣйствующаго закона.

Въ массѣ же низшихъ органовъ правительственной власти (которые въ общей сложности, какъ давно уже замѣчено, имѣютъ больше вліянія на бытъ народной массы, чѣмъ центральныя власти) это правило, поощряемое свыше по соображеніямъ справедливости и общественнаго блага, даетъ ежедневно поводъ къ безчисленнымъ злоупотребленіямъ и произволу. Пока извѣстный ограничительный законъ существуетъ, никакіе гуманные виды высшаго правительства не могутъ избавить массъ лицъ, къ которому законъ относится, отъ безпрерывныхъ преслѣдованій низшаго органа власти, имѣющаго всегда возможность „возбудить дѣло“ о нарушеніи силы такой-то статьи. Но поставьте двухъ человѣкъ въ такое положеніе, что одинъ изъ нихъ имѣетъ возможность во всякое время пакостить другому—и чрезъ нѣсколько времени первый не преминетъ сдѣлаться безпардоннымъ эксплуататоромъ втораго. Такъ вышло и въ данномъ случаѣ. Ограничительные законы о евреяхъ долгое время служили прежде источникомъ доходовъ для низшихъ полицейскихъ властей. Теперь, когда самое число ограниченій стало значительно меньше и общій духъ управленія далеко уже не тотъ что прежде, недостатокъ этотъ чувствуется слабѣе; но сущность дѣла все-таки не измѣнилась. Дамокловъ мечъ полицейскаго чиновника все еще часто виситъ надъ головой

еврея, а легкая возможность отклонять удары этого меча слишкомъ часто вводитъ въ искушеніе слабую человѣческую натуру и слѣдовательно, такъ сказать, поощряетъ злоупотребленія.

Разсматриваемыи въ отношеніи своего вліянія на положеніе самихъ евреевъ методъ „смотрѣнія сквозь пальцы“—хотя повидимому благопріятный для нихъ, какъ паллативъ противъ безпощадно суровыхъ предписаній закона—на самомъ дѣлѣ оказывается весьма неудовлетворительнымъ и въ этомъ отношеніи. Система эта не удовлетворяетъ главному требованію благоустроеннаго правоваго быта—она не даетъ никакихъ прочныхъ гарантіи существованія извѣстнаго порядка въ теченіе самаго непродолжительнаго времени Теперешніи администраторъ можетъ держаться того взгляда, что данный законъ непрактиченъ и пр. и смотрѣть поэтому сквозь пальцы на его нарушеніе: завтра можетъ явиться другой съ противоположнымъ убѣжденіемъ, а евреи, положившіися на прежнюю систему и попадѣвшіися на ея долговѣчность, очутится въ положеніи человѣка, строившаго на пескѣ, причемъ можетъ разстроить все свое состояніе: такіе примѣры бывали не разъ. Непрочность эта еще вреднѣе по своимъ послѣдствіямъ, когда положеніе еврея, вынужденнаго обходить законъ, зависитъ не отъ тѣхъ или другихъ видовъ высшаго начальства, а какъ это бываетъ въ большинствѣ случаевъ—отъ благоусмотрѣнія низшаго исполнителя, разсматривающаго данныи ограничительныи законъ какъ одинъ изъ вспомогательныхъ доходовъ по службѣ. „Договоръ“ между евреемъ и начальствомъ относительно „смотрѣнія сквозь пальцы“, разумѣется, не можетъ давать ни малѣйшей гарантіи его исполненія, а неизвѣстность отсюда проистекающая, какъ замѣтилъ проф. Янсонъ относительно аналогичнаго факта „покупки имени“, увеличиваетъ рискъ каждаго предпріятія еврея, находящагося въ этомъ положеніи, и рискъ этотъ перелагается имъ на потребителей его труда, т. е. преимущественно на христіанъ.

Съ другой стороны, когда открывается возможность обойти стѣснительный законъ разными уловками, этой возможностью воспользуются лица наименѣе добросовѣстныя, наиболѣе способныя

стать во враждебное отношеніе къ закону и ставить на карту свои капиталы и предпріимчивость, даже свою судьбу (потому что многія изъ этихъ уловокъ грозятъ въ случаѣ открытія очень серьезными послѣдствіями). Такимъ образомъ сумма нравственныхъ идеи въ еврейскомъ обществѣ, запасъ его добросовѣстности, если можно такъ выразиться, все болѣе уменьшается, и при долговременномъ, многовѣковомъ дѣйствіи такихъ условій общій уровень нравственнаго состоянія евреиства искусственно все понижается.

О деморализующемъ вліяніи всей совокупности тѣхъ законовъ, которые направлены къ поощренію перехода евреевъ въ христіанство, мы говорили уже прежде и повторять здѣсь сказаннаго не станемъ.

Четвертый пунктъ, на которомъ мы остановимся здѣсь, заключается въ слѣдующемъ. Кто сколько нибудь знакомъ съ законодательствомъ о расколѣ и попытается провести параллель между нимъ и постановленіями о евреяхъ, того удивитъ значительное сходство основныхъ мотивовъ этихъ двухъ, повидимому вполнѣ разнородныхъ по фактическому содержанію, отдѣловъ нашего права. Сходство обнаруживается въ очень многомъ, но вдаваться здѣсь въ подробности, касающіяся совершенно другой сферы, мы понятно не можемъ, а удовольствуемся краткими указаніями.

Подобно евреямъ раскольники до послѣдняго времени были ограничиваемы въ правахъ жительства и передвиженія (понимая послѣднее въ юридическомъ смыслѣ Freizugigkeit) и орудіемъ ограниченій въ обоихъ случаяхъ служила паспортная система. Кульминаціонный пунктъ преслѣдованій раскола совпадаетъ съ эпохой самыхъ суровыхъ мѣръ, какимъ когда-либо приходилось подвергаться польско-русскимъ евреямъ, и это было время оффиціальнаго провозглашенія религіозной пропаганды руководящимъ началомъ правительственной политики. Наоборотъ, періоды гуманнаго отношенія къ расколу всегда были временами отдыха и сравнительнаго благосостоянія евреевъ. Какъ относительно евреевъ государственный интересъ всегда былъ главнымъ противникомъ принципа религіозной нетерпимости и его требованій, такъ и въ

исторіи раскола идея государственной пользы была главной покровительницей „людей древляго благочестія“ противъ суровыхъ требованій церковной нетерпимости. Это особенно обозначилось при Петрѣ Великомъ, преимущественно преслѣдовавшемъ во всемъ „государеву пользу“, но можетъ быть прослѣжено и въ позднѣйшей исторіи раскола. Раскольники долгое время облагаемы были двойнымъ податнымъ окладомъ: за излишніе взносы въ казну правительство мирилось съ религіознымъ отступничествомъ сектантовъ. Евреи тоже при Екатеринѣ обложены двойными налогами, которые впослѣдствіи отмѣнены также какъ для раскольниковъ. Въ то самое время, какъ принимались энергическія мѣры къ обращенію евреевъ на путь истины, столь же энергическія мѣры примѣнялись къ возсоединенію раскольниковъ. Даже въ средствахъ для достиженія этой цѣли замѣчаемъ значительное сходство. Такъ военная служба (кантонисты!) считалась и для раскольниковъ и для евреевъ школой православія: подъ палкой капрала тѣ и другіе убѣждались въ ложности своего вѣроученія и воспитывались въ правилахъ истинной вѣры. Какъ относительно евреевъ, такъ и въ примѣненіи къ раскольникамъ, признано необходимымъ не отступать отъ „спасительной строгости“ въ самомъ законѣ, но гдѣ окажется необходимымъ—смотрѣть сквозь пальцы на его нарушеніе.

Понятно, что при такомъ сходствѣ внѣшнихъ условій, особенности быта этихъ двухъ классовъ населенія тоже представляютъ много сходства. Капитальная черта сходства заключается въ слѣдующемъ. Продолжительныя гоненія на извѣстный классъ людей за его религіозныя убѣжденія имѣютъ своимъ послѣдствіемъ то, что религіозная община превращается въ гражданскую, въ соціяльно-экономическую единицу, живущую своей отдѣльной жизнью не только въ духовномъ, но и въ гражданскомъ отношеніи. Общія страданія за одинаковыя религіозныя убѣжденія заставляютъ членовъ такой общины искать спасенія во взаимной помощи, въ экономической солидарности интересовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ является и усиливается вражда къ гнетущему окружающему міру и стремленіе преслѣдовать во всемъ одни узкіе

интересы данной общины, нерѣдко во вредъ остальному населенію. Чѣмъ слабѣе однакожъ внѣшнее давленіе (обыкновенно вслѣдствіе распространенія болѣе либеральныхъ идей относительно задачъ религіозной политики государства), тѣмъ непрочнѣе дѣлаются искусственно созданныя узы, связующія членовъ подобныхъ религіозно-гражданскихъ общинъ, тѣмъ менѣе проявляется въ жизни обоюдное отчужденіе между замкнутымъ міромъ этихъ общинъ и общей массой населенія. Эти явленія имѣютъ совершенно одинаковый характеръ въ быту раскольниковъ и евреевъ. Сходство обнаруживается и въ подробностяхъ. Такъ евреи имѣли прежде (и мѣстами до сихъ поръ имѣютъ) свои неоффиціяльные суды, хотя никогда не соблюдалось древнее запрещеніе обращаться къ суду иновѣрному, правительственному, и процессы между евреями давно уже производятся въ общихъ присутственныхъ мѣстахъ. Раскольники пошли гораздо дальше. У федосѣевцевъ напр. существовало общепризнанное правило, что „христіанинъ“ (т. е. раскольникъ) не долженъ обращаться въ казенный судъ для разбирательства дѣла; если кто пойдетъ въ мірской судъ, презирая христіанскіи—гласятъ ихъ правила—то отлучается отъ церкви, а если принесетъ покаяніе, то подвергается сильной эпитеміи (класть 1000 поклоновъ при соборѣ) и отлученіе отмѣняется*. Всякій понимаетъ тѣ причины, которыя довели раскольниковъ до такихъ фанатическихъ убѣжденій, и ни одинъ образованный человѣкъ не станетъ обвинять федосѣевцевъ за упомянутое правило; но сколько сыплется до сихъ поръ обвиненій на евреевъ по поводу существующаго у нихъ мѣстами неоффиціяльнаго суда!

Раскольники были поставлены въ необходимость всегда покупать дорогою цѣной бездѣйствіе низшаго начальства относительно направленныхъ противъ нихъ спеціяльныхъ законовъ; они выработали даже любопытный терминъ для обозначенія столь обыкно-

---

* См. Историческія извѣстія о раскольникахъ прот Іоанна, вып. 2, стр. 44

венныхъ сдѣлокъ этого рода — „окупать древнее благочестіе“. Евреи, какъ замѣчено выше, поставлены въ совершенно такое же положеніе: и про нихъ можно сказать, что имъ очень часто приходилось „окупать древнее (ветхозавѣтное) благочестіе“.

Интересна еще слѣдующая черта сходства. Исключительное положеніе раскольниковъ относительно православнаго общества и правительства навело нѣкоихъ литературныхъ аферистовъ на мысль эксплуатировать это положеніе обнародованіемъ разныхъ инсинуацій и доносовъ въ видѣ „разоблаченій“ ужасовъ раскольничьяго быта. Разсчитывается при этомъ съ одной стороны на поощреніе оффиціяльныхъ и неоффиціяльныхъ гонителей раскола, которымъ такія „разоблаченія“, разумѣется, по вкусу, а съ другой стороны—на возможность запугать раскольниковъ, содрать съ нихъ малую толику или по крайней мѣрѣ сбыть большое количество экземпляровъ такихъ литературныхъ издѣлій грязнаго свойства. Образцомъ подобнаго рода произведеній, съ литературой имѣющихъ мало общаго, можетъ служить изданіе г. Ливанова „Раскольники и острожники“, извѣстное вѣроятно многимъ изъ читателей по крайней мѣрѣ по слуху. Не тоже ли самое мы видимъ относительно евреевъ? Мы обладаемъ цѣлой коллекціей произведеній, разсчитанныхъ на эксплуатацію враждебнаго настроенія русскаго общества къ евреямъ, искажающихъ факты въ угоду этому настроенію, а потому именно имѣющихъ хорошій сбытъ. Вѣнцомъ этой некрасивой литературы инсинуацій за послѣднее время слѣдуетъ признать „Книгу кагала“ г. Брафмана. Гг. Ливановъ и Брафманъ займутъ въ будущей исторіи нашей современной умственной жизни одинаково почетныя мѣста. Оба они преслѣдуютъ однѣ и тѣ же цѣли одними средствами; оба они хорошо характеризуютъ тотъ поворотъ въ современной нашей жизни, котораго существованіе обозначается все ярче, хотя не такъ давно оно отрицалось многими.

Сопоставляя эти факты разительнаго внутренняго сходства между двумя категоріями явленій, повидимому имѣющихъ мало общаго, мы убѣждаемся въ правильности взгляда, проведеннаго въ настоящемъ очеркѣ относительно сильнаго, первостепеннаго вліянія ре-

лигіознаго момента на законодательство о евреяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ становится яснымъ, что большая часть очень вѣскихъ возраженій, дѣлаемыхъ противъ политики прежняго времени относительно раскольниковъ, одинаково примѣнима и къ законодательству о евреяхъ.

Остается наконецъ сказать нѣсколько словъ относительно внутренней состоятельности и взаимнаго соотношенія указанныхъ выше четырехъ основныхъ мотивовъ, на которыхъ построена совокупность спеціяльныхъ узаконеній о евреяхъ.

Что касается принципа религіозной нетерпимости и вытекающаго изъ него стремленія поощрять правительственными мѣрами переходъ евреевъ въ христіанство, то мы не будемъ останавливаться на немъ здѣсь. Во-первыхъ потому, что внутренняя его несостоятельность слишкомъ очевидна, и возраженія противъ него дѣлаемыя носятъ характеръ аксіомъ въ общественной наукѣ. Во-вторыхъ потому, что эта сторона предмета въ примѣненіи къ разнообразнымъ теоретическимъ и практическимъ вопросамъ, съ нею связаннымъ, много разъ была затрогиваема въ предшествовавшемъ изложеніи, такъ что нашъ взглядъ на этотъ пунктъ достаточно выяснился читателямъ.

Монопольныя тенденціи христіанскаго бюргерства, какъ руководящій мотивъ при ограниченіи правъ евреевъ—такова вторая въ ряду основныхъ идей дѣйствующаго законодательства о евреяхъ. Несостоятельность этого принципа обнаруживается уже тѣмъ, что онъ находится въ явномъ противорѣчіи съ другимъ болѣе общимъ и вліятельнымъ мотивомъ (третьимъ въ нашемъ изложеніи)—извлеченія пользы для общества и государства изъ соревнованія и предпріимчивости евреевъ. Относительно всякой отрасли ремесленнаго, промышленнаго и торговаго труда существуютъ двѣ категоріи противоположныхъ интересовъ. Лица, занимающіяся данной профессіей, заинтересованы въ томъ, чтобы ихъ было какъ можно меньше, ибо это даетъ имъ больше власти на рынкѣ, даетъ возможность дороже оцѣнивать и продавать свой трудъ. Потреби-

тели-же продуктовъ данной отрасли труда напротивъ заинтересованы въ возможно большей свободѣ конкурренціи, въ большемъ приливѣ къ ней рукъ и капиталовъ, какъ условія удешевленія этихъ продуктовъ. Во всякомъ обществѣ каждый (за немногими исключеніями) является и производителемъ въ одной области труда, и потребителемъ во многихъ другихъ. Какой мы ни возьмемъ отдѣльный видъ труда, онъ представляетъ намъ однакожъ лишь меньшинство, какъ производителей, а огромное большинство—какъ потребителей (земледѣльческій трудъ мы оставляемъ здѣсь въ сторонѣ, какъ неимѣющій отношенія къ нашему вопросу). Такъ напр. всѣ нуждаются въ обуви и потому суть потребители труда сапожниковъ, но самые сапожники составляютъ незначительный процентъ всего населенія. Сапожники (продолжаемъ брать этотъ примѣръ, одинаково примѣнимый ко всякому другому изъ разсматриваемыхъ здѣсь видовъ труда) заинтересованы въ томъ, чтобы ихъ было какъ можно меньше, ибо это подыметъ цѣну на ихъ трудъ. Общество же заинтересовано напротивъ въ томъ, чтобы число ихъ было по возможности больше. Сапожники всегда будутъ стараться уменьшить число конкуррентовъ, и если найдутъ возможность добиться этого при содѣйствіи общественной власти, путемъ запрещенія и монополіи, то конечно ухватятся за это обѣими руками. Такъ и дѣлали гильдіи и цехи въ средніе вѣка, а у насъ до сихъ поръ остались замѣтные слѣды этихъ стремленій. Тутъ монополія удачно замаскировалась религіозными и соціальными антипатіями къ евреямъ и съумѣла ловко эксплуатировать въ свою пользу свойственную временамъ невѣжества и фанатизма нетерпимость къ иновѣрцамъ и иноплеменникамъ. Такъ какъ соглашеніе указанныхъ двухъ противуположныхъ интересовъ невозможно, то законодательство должно стать опредѣленно на сторону одного изъ нихъ. Въ старое время интересъ производителей рѣшительно преобладалъ въ законодательствѣ о евреяхъ, такъ какъ онъ вполнѣ гармонировалъ съ общимъ духомъ религіозныхъ и соціяльныхъ понятій. По мѣрѣ усиленія новыхъ идей, мы видимъ повсемѣстно на западѣ

исчезновеніе монопольныхъ изъятій и рѣшительное усвоеніе идеи покровительства потребителямъ, а не производителямъ промышленнаго труда, въ смыслѣ уничтоженія всѣхъ легальныхъ стѣсненій свободы промысловъ. Отсюда повсемѣстное уничтоженіе на западѣ ограниченій хозяйственныхъ правъ евреевъ. У насъ — насколько общій вопросъ о монополизаціи или свободѣ экономической дѣятельности касается собственно положенія евреевъ—законодательствѣ колеблется между двумя принципными рѣшеніями этого вопроса. Хотя вообще повидимому отдается предпочтеніе началу свободы (вытекающему изъ признанія необходимости покровительства единственно потребителямъ), но какъ было указано прежде, и противоположная идея (необходимость ограниченія правъ евреевъ въ интересахъ христіанскаго бюргерства, стремящагося къ монополіи) осуществилась многими постановленіями и мотивировкой нѣкоторыхъ законовъ. Ясно, въ виду указаннаго непримиримаго противорѣчія, что все построенное на этомъ мотивѣ должно исчезнуть изъ нашего законодательства, какъ по причинѣ вредности для общества всѣхъ мѣръ, поощряющихъ монополію, такъ и въ видахъ соглашенія всѣхъ законодательныхъ мѣръ, относящихся къ каждой категоріи явленій,—безъ чего правильное развитіе правоваго быта немыслимо.

Справедливо, что въ этомъ направленіи законодательной власти приходится бороться съ глубоко укоренившимися въ нашемъ полуазіатскомъ обществѣ воззрѣніями, съ монопольными тенденціями, которыя давно уже ни въ одной европейской странѣ не имѣютъ такого вліянія на умы и нравы, какъ у насъ до сихъ поръ. Экономическая и нравственная отсталость нашего общества въ лицѣ даже наиболѣе образованной его части ни въ чемъ, можетъ быть, не проявляется такъ рѣзко, какъ въ неумѣніи помириться въ практикѣ и въ теоріи съ идеей свободы, съ конкурренціей ничѣмъ неограниченной и отсутствіемъ правительственнаго протекціонизма,—и это неумѣніе обнаруживается въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ. Давно ли (чтобъ взять примѣръ, прямо относящійся къ нашему предмету) московскіе присяжные повѣренные

постановили: принять мѣры къ недопущенію въ число ихъ евреевъ! Постановленіе это было вызвано единственно завистью къ успѣхамъ нѣкоторыхъ московскихъ адвокатовъ еврейскаго происхожденія и желаніемъ монополизировать выгоды адвокатуры въ пользу христіанъ. (Одинъ изъ московскихъ юристовъ обнаружилъ при этомъ самое грубое невѣжество, утверждая, что въ западной Европѣ евреи не принимаются въ число присяжныхъ адвокатовъ). Конечно, оффиціяльно были выставлены совершенно другія соображенія, которыя однакожъ не выдерживаютъ никакой критики, ибо (кромѣ контроля суда и общественнаго мнѣнія) сама корпорація присяжныхъ повѣренныхъ имѣетъ такое широкое право контроля надъ каждымъ изъ своихъ членовъ, что злоупотребленія адвоката-еврея, еслибъ таковыя обнаружились, не прошли бы ни въ какомъ случаѣ безнаказанно. Ясно, что это постановленіе рѣшительно противорѣчитъ интересамъ всего общества, насколько оно вообще нуждается въ адвокатахъ, и правительство, какъ представитель интересовъ послѣдняго, можетъ относиться къ подобнымъ средневѣковымъ монополистскимъ поползновеніямъ только отрицательно. Однакожъ задача его въ подобныхъ случаяхъ представляетъ нѣкоторыя затрудненія. Не легко энергически противустать такимъ поползновеніямъ въ обществѣ, гдѣ стремленіе къ монополизаціи такъ глубоко укоренилось даже у наиболѣе интеллигентной его части. Но развѣ правительству не приходится очень часто идти впереди общества, проводить идеи и принципы, до пониманія которыхъ дорасло лишь ничтожное меньшинство?

Третій руководящій мотивъ законоположеній о евреяхъ—„извлеченіе изъ сего племени пользы для государства“, расширеніе гражданскихъ правъ евреевъ съ цѣлью воспользоваться тѣми или другими выгодами отъ ихъ промышленной или умственной дѣятельности. Воззрѣніе это составляетъ прямое наслѣдіе средневѣковаго взгляда на евреевъ, какъ на лицъ, не имѣющихъ никакихъ самостоятельныхъ правъ, но имѣющихъ значеніе болѣе или менѣе полезной вещи въ инвентарѣ государственнаго хозяйства.

Чтобъ понять это, достаточно вспомнить слѣдующія основныя понятія общественной науки. Общежитіе представляетъ намъ совокупность двухъ категорій предметовъ (принимая это слово въ болѣе обширномъ смыслѣ—ens, entitas)—лицъ и вещей, субъектовъ и объектовъ. Личность человѣческая—это существо, которое независимо отъ пола, рассы, религіи, національности имѣетъ самостоятельное, ему прирожденное право на существованіе и слѣдовательно на свободное примѣненіе своихъ способностей и своей дѣятельности, пока оно не наноситъ вреда другимъ. Такова роль субъекта. Объектъ же не имѣетъ самостоятельной роли, но служитъ для удовлетворенія потребностей человѣка, и потому, какъ отдѣльная личность, такъ и цѣлое общество можетъ располагать всей совокупностью вещей по своему усмотрѣнію. Личность сама себѣ служитъ цѣлью, вещь же служитъ орудіемъ для достиженія цѣлей ей постороннихъ. Личность не можетъ поэтому быть превращена въ орудіе для достиженія цѣлей, внѣ ея лежащихъ, напр. благосостоянія другихъ личностей, за исключеніемъ рѣдкихъ особенныхъ случаевъ, напр. когда лицо обязано жертвовать своей жизнью для спасенія отечества: ибо это значило бы превратить лицо въ вещь, т. е. нарушать основное начало существованія благоустроеннаго общества. Въ особенности не можетъ быть допускаемо, чтобъ лица извѣстной категоріи, отличающіяся своимъ поломъ, рассой, религіей, профессіей и пр., были обречены на служеніе интересамъ другой категоріи, словомъ—были превращены въ вещи; въ этомъ заключается попраніе основныхъ правъ человѣка, которыхъ не должны отнимать у него никакіе положительные законы. Эти азбучныя для современнаго развитаго человѣка понятія не всегда однакожъ признавались. Всегда и вездѣ признавалось правильнымъ даже въ теоріи (на практикѣ это сохранилось до сихъ поръ въ болѣе или менѣе утонченной формѣ, даже въ самыхъ цивилизованныхъ странахъ), что одна часть людей, обыкновенно наиболѣе многочисленная, служитъ объектомъ для удовлетворенія потребностей другой части, не имѣя никакого самостоятельнаго значенія. Относительно евреевъ—ихъ характеръ вещи очень долго

считался аксіомой въ европейскихъ государствахъ. Признавать ихъ свободными личностями, имѣющими самостоятельное право на существованіе въ христіанской странѣ, считалось невозможнымъ въ средневѣковой періодъ. и это вполнѣ понятно при томъ отношеніи къ „врагамъ христовымъ“, которое господствовало въ то время на западѣ (а у насъ проявлялось еще очень недавно). Но такъ какъ ни одинъ классъ гражданъ не имѣлъ основанія присвоить себѣ право собственности на евреевъ, которые однако, не будучи личностями, должны были превратиться въ вещи и слѣдовательно имѣть хозяина, то евреи очутились въ положеніи вещи безхозяиной (res nullius) и на основаніи общихъ началъ права были взяты во владѣніе казной, какъ всякая безхозяиная вещь. Отсюда извѣстный принципъ средневѣковаго права, что еврей суть „раоы государевой казны“ (servi camerae imperialis), а рабъ, какъ извѣстно, былъ одушевленная вещь, не больше. Отъ того времени сохранилась замѣчательная нѣмецкая поговорка о междуусобіяхъ владѣтельныхъ лицъ: hau'st du meinen Juden, hau' ich deinen Juden (если ты бьешь моего жида, я буду бить твоего): смыслъ поговорки таковъ, если ты портишь мою вещь, дающую мнѣ выгоды, я имѣю право портить твою. У насъ встарину евреевъ вовсе не было, и потому эта теорія не могла выработаться на русской почвѣ такъ цѣлостно и прочно, какъ на западѣ. Но съ тѣхъ поръ, какъ русскаго законодателя по необходимости началъ занимать вопросъ о евреяхъ, онъ до послѣдняго времени руководился (какъ подробно доказано выше) стремленіемъ извлечь изъ евреевъ пользу или собственно для казны въ узкомъ смыслѣ, т. е. для финансовыхъ средствъ Россіи, или для государства вообще, или для извѣстнаго класса лицъ, которому услуги евреевъ такъ или иначе могли пригодиться. И дѣйствующее теперь законодательство на каждомъ почти шагу говоритъ еврею: ты будешь пользоваться тѣмъ или другимъ правомъ—которымъ всѣ другіе пользуются безъ всякихъ условій — лишь на столько, насколько это полезно казнѣ, государству или христіанскому обществу! Какой смыслъ имѣетъ масса постановленій, построенныхъ на этомъ мотивѣ? Очевидно тотъ,

что въ нихъ евреи разсматриваются не какъ личности, составляющія сами для себя цѣль, а какъ вещи, служащія орудіемъ для удовлетворенія чужихъ потребностей, вещи, которыми пользуются пока онѣ служатъ и бросаютъ по миновапіи въ нихъ надобности. Пора однакожъ понять, что такое обращеніе съ какимъ бы то ни было классомъ людей противорѣчитъ кореннымъ началамъ современной цивилизаціи, признаваемымъ въ принципѣ и современнымъ русскимъ законодательствомъ. Пора уяснить себѣ ту простую истину, что еврей имѣетъ право жить и добывать законнымъ образомъ средства къ жизни независимо отъ того, будетъ ли это полезно для полоцкихъ кадетъ, черноморскихъ офицеровъ, курскихъ винокуровъ, лифляндскихъ помѣщиковъ и пр. Очень пріятно конечно видѣть осуществленіе теоріи гармоніи интересовъ въ этомъ совпаденіи выгодъ евреевъ съ пользой упомянутыхъ офицеровъ, винокуровъ и пр., но никакъ не можемъ взять въ толкъ, что очевидно безвредное, если ужъ не полезное, занятіе разрѣшается еврею только послѣ удостовѣренія въ томъ, что это принесетъ пользу и другимъ лицамъ. Евреямъ-ремесленникамъ напр. дозволено пребываніе во всей имперіи потому, что въ ремесленномъ трудѣ ощущается въ великороссійскихъ губерніяхъ большой недостатокъ. Но почему же, спрашивается, еслибъ въ Ярославской губерніи и было столько же ремесленниковъ, сколько въ Волынской, не дозволить пребываніе въ первой евреямъ-ремесленникамъ какъ и во второй? Вѣдь законодательство не имѣетъ задачей покровительствовать монополіи извѣстнаго класса ремесленникамъ въ ущербъ интересамъ потребителей ремесленнаго труда, т. е. большинства населенія; а запрещеніе евреямъ заниматься ремеслами въ той или другой мѣстности имѣетъ именно значеніе монополизаціи данной профессіи въ рукахъ ремесленниковъ-христіанъ. Повторяемъ: обусловливать каждое расширеніе гражданскихъ правъ евреевъ доставленіемъ какой то особенной пользы значитъ смотрѣть на нихъ какъ на вещи, а не какъ на человѣческія личности — принципъ, съ которымъ не можетъ помириться современное законодательство.

Есть люди однакожъ (имя имъ, къ сожалѣнію, легіонъ), для которыхъ „основныя начала современной цивилизаціи“—не болѣе какъ громкая фраза. Этимъ господамъ нужны болѣе убѣдительные доводы, чѣмъ тотъ, который только что указанъ. Мы можемъ показать имъ, что принципъ „извлеченія изъ сего племени пользы для государства“ не только противорѣчитъ кореннымъ началамъ права и справедливости, но противорѣчитъ и своей собственной цѣли и въ общемъ результатѣ приноситъ странѣ гораздо больше вреда, чѣмъ пользы.

Читателямъ извѣстно вѣроятно то огромное значеніе, которое имѣетъ и для общественной науки теорія Дарвина о происхожденіи и развитіи путемъ естественнаго подбора, подъ вліяніемъ безпрестанной борьбы за существованіе. Тотъ выводъ изъ этой теоріи, который имѣетъ здѣсь для насъ значеніе, резюмируется слѣдующимъ образомъ въ изложеніи одного изъ первыхъ мыслителей нашего времени, Герберта Спенсера. „Высокая [illegible] развивается подъ вліяніемъ упражненія въ разрушеніи въ теченіе безконечно долгихъ періодовъ времени... Смышленость, помогающая открывать опасности, которыя ускользаютъ отъ тупаго ума, переживаетъ и распространяется... Обоюдное усовершенствованіе преслѣдователя и преслѣдуемаго, вліяя на всю организацію разомъ, дѣйствуетъ непрерывно изъ вѣка въ вѣкъ. Подобнымъ вліяніямъ подчиняется и человѣчество. Война между людьми, какъ и война между животными, играетъ значительную роль въ усовершенствованіи ихъ организаціи... Улучшеніе полиціи ведетъ за собою усиленіе хитрости со стороны ночныхъ воровъ. Непрерывный антагонизмъ въ средѣ людскихъ обществъ, большихъ и малыхъ, всегда имѣлъ послѣдствіемъ высшее развитіе извѣстныхъ чертъ характера и извѣстныхъ способностей [illegible] физическихъ, такъ и умственныхъ“ *. Исторія евреевъ научно-разработанная со временемъ составитъ одну изъ самыхъ любопытныхъ главъ въ системѣ

* См. ст. Наше воспитаніе и пр („Знаніе“ 1874 г кн. 1. стр. 106 107).

позитивной соціологіи. Она разительнымъ образомъ оправдываетъ правильность примѣненія дарвиновой теоріи къ объясненію прошлаго и настоящаго (но не къ организаціи будущаго—объяснить это различіе здѣсь не мѣсто). Такъ напр. ясно, что вѣковой антагонизмъ между христіанскимъ населеніемъ и живущимъ среди него еврействомъ, антагонизмъ, воплотившійся въ ограничительныхъ законахъ, долженъ былъ въ силу естественнаго закона развить извѣстныя, разумѣется, непривлекательныя черты характера и у евреевъ. Всякое усиленіе пресл ѣдованія (по аналогіи примѣра Спенсера) должно было усилить общій итогъ смышлености среди евреевъ. Но что преимущественно интересуетъ насъ здѣсь, принципъ „извлеченія пользы“ изъ евреевъ во что бы то ни стало — многовѣковой обычай продавать евреямъ за особенныя заслуги тѣ права, которыя другимъ достаются даромъ или по крайней мѣрѣ гораздо дешевле, — долженъ былъ выработать у евреевъ особенную ловкость въ ихъ занятіяхъ, особенное умѣнье извлекать изъ всего „пользу“ и слѣдовательно дѣлать себя необходимыми, незамѣнимыми. Подвергаясь въ теченіе многихъ вѣковъ такому порядку вещи, при которомъ они, только благодаря особеннымъ усиліямъ и особенному искусству, могли добиться сноснаго существованія, евреи естественно должны были усвоить это искусство и затѣмъ передать его своимъ потомкамъ по закону наслѣдственности физическихъ и духовныхъ качествъ.

Если вникнуть въ смыслъ всѣхъ законовъ, основанныхъ на мотивѣ „извлеченія пользы“ изъ евреевъ, то онъ представится въ такомъ видѣ: еврею предоставляется право на существованіе лишь насколько другіе не могутъ безъ него обойтись. Пока еврей купецъ первой гильдіи доставляетъ казнѣ особенный доходъ, который ей нуженъ, ему разрѣшается пребываніе внѣ черты осѣдлости; съ прекращеніемъ платежа гильдіи онъ право это теряетъ. Пока еврей занимается мастерствомъ тамъ, гдѣ безъ его ремесленнаго труда нельзя обойтись, ему предоставляется право повсемѣстнаго жительства; въ первый день прекращенія ремесла — его должны выслать „на родину“. Такъ какъ правительство нуждается въ

чиновникахъ съ высшимъ образованіемъ, то евреи, удостоившіяся болѣе высокой ученой степени чѣмъ та, которая даетъ право службы лицамъ другихъ исповѣданій, можетъ быть принимаемъ на государственную службу, и т. д. Отсюда выводъ ясенъ: для того, чтобъ сносно жить, всякій еврей долженъ въ своей сферѣ быть маленькимъ Тьеромъ, т. е. сдѣлаться „необходимымъ человѣкомъ" (l'homme nécessaire), ибо законъ, какъ и общественные нравы, даетъ возможность существованія еврею лишь тогда, когда онъ болѣе или менѣе необходимъ. А устроивши съ давнихъ поръ дѣла такимъ образомъ, мы потомъ возмущаемся тѣмъ, что евреи съумѣли исполнить роль, возложенную на нихъ христіанскимъ обществомъ, т. е. успѣли дѣйствительно сдѣлаться незамѣнимыми въ своей сферѣ. Мало того: многіе ограничительные законы основаны на томъ фактѣ, что евреи стремятся захватить все въ свои руки, т. е. устроить такъ, чтобъ безъ нихъ нельзя было обойтись; такъ Екатерина II въ цитированной прежде запискѣ объясняетъ недопущеніе евреевъ въ Россію тѣмъ, что ces gens-là attirent tout à eux (евреи забираютъ все въ свои руки). Значитъ: законъ самъ требуетъ отъ евреевъ, чтобъ они стали людьми необходимыми, а затѣмъ, игнорируя это, преслѣдуетъ ихъ за это самое качество! Невольно вспоминаешь при этомъ тотъ общій историческій фактъ, что „угнетеніе всегда стремилось выдавать свои жертвы за существа низшаго разряда и никогда не хотѣло сознаться, что все низкое въ нихъ есть именно слѣдствіе тяготѣвшаго надъ ними ига" *.

Эта постоянно съ давняго времени дѣйствовавшая тенденція ограничительныхъ законовъ — изощрять способности и энергію евреевъ съ цѣлью извлечь изъ нихъ якобы „пользу" для государства—на самомъ дѣлѣ очевидно весьма вредна для христіанскаго населенія. Чѣмъ рѣзче выдѣляется еврейство, какъ особый классъ населенія, одаренный болѣе высокой смышленостью и

* Слова Бертольда Ауэрбаха

ловкостью въ своей дѣятельности, тѣмъ труднѣе для другихъ классовъ населенія борьба за существованіе съ этой рассой, усовершенствованной путемъ естественнаго подбора и наслѣдственной передачи (выражаясь языкомъ Дарвина). Это ли цѣль христіанскаго законодателя?

Возьмемъ хоть одинъ примѣръ. Отъ еврея требуется болѣе высокій образовательный цензъ для того, чтобъ пользоваться правами службы, чѣмъ отъ лицъ другихъ исповѣданій. Не будетъ ли такой законъ, при долговременномъ его примѣненіи, имѣть послѣдствіемъ то, что евреи какъ чиновники (и въ сферѣ другихъ либеральныхъ профессій) будутъ среднимъ числомъ стоять выше по умственному развитію, а слѣдовательно и по вліянію и силѣ, чѣмъ ихъ конкурренты-христіане? Но возможно-ли допустить, чтобъ законодатель искусственно поощрялъ такое неизбѣжное преобладаніе, котораго сами здравомыслящіе евреи отнюдь не добиваются? Вопросъ здѣсь затрогиваемый на нашъ взглядъ имѣетъ первостепенную важность въ дѣлѣ регулированія еврейскаго быта; но здѣсь мы, къ сожалѣнію, не можемъ на немъ останавливаться. Однакожъ сказаннаго довольно, чтобъ убѣдить и читателей „съ практическимъ направленіемъ“, насколько ложная сама по себѣ мысль объ „извлеченіи пользы“ изъ извѣстнаго класса людей вредна и въ практическомъ отношеніи,— что и требовалось доказать.

Мы видѣли прежде, что главное содержаніе исторіи законодательства о евреяхъ заключается въ борьбѣ двухъ противоположныхъ началъ - религіозной нетерпимости и государственно-общественной пользы, изъ которыхъ первое клонитъ къ ограниченію, а второе къ расширенію гражданскихъ правъ евреевъ. Борьба эта съ давнихъ поръ ведется съ перемѣннымъ успѣхомъ, но вообще говоря послѣднее начало все болѣе беретъ верхъ надъ первымъ. Это обыкновенно дѣлается такъ, что ограниченіе, возникшее по соображеніямъ религіозной политики, отмѣняется вслѣдствіе побужденій общественной пользы, причемъ первоначальные мотивы ограничительнаго закона просто обходятся молчаніемъ. Примѣ-

ромъ можетъ служить слѣдующее. Многочисленныя запрещенія относительно держанія евреями христіанъ какъ для домашнихъ услугъ, такъ и въ качествѣ подмастерьевъ и т. п., существовали у насъ до 1866 г., а по мнѣнію нѣкоторыхъ существуютъ до сихъ поръ, хотя и безъ уголовныхъ послѣдствій въ случаѣ нарушенія этого запрещенія. Въ 1865 г., при обсужденіи вопроса о положеніи евреевъ-ремесленниковъ, было замѣчено, что „ограниченія эти противодѣйствуютъ стремленію правительства относительно обращенія евреевъ къ полезному труду и несовмѣстны съ общими государственными выгодами“ *. Строго говоря, эта аргументація съ юридическои точки зрѣнія не убѣдительна: мотивъ указанныхъ ограниченій былъ чисто-религіозныи—опасеніе совращенія христіанъ евреями; поэтому при отмѣнѣ его слѣдовало указать или несостоятельность этого именно мотива, или его неважность сравнительно съ соображеніями другаго рода. Но щекотливость этой стороны предмета заставила обойти ее совершенно и выдвинуть на первый планъ одни соображенія общественной пользы.

Будучи по большей части рядомъ компромиссовъ между этими двумя началами, наше законодательство сильно напоминаетъ практическое осуществленіе извѣстной по своей трудности задачи—„невинность соблюсти (невинность религіозную, требующую возможнаго устраненія невѣрующихъ) и капиталъ пріобрѣсти“ (извлечь изъ сего племени пользу для государства). Въ жизни цѣлаго общества эта задача однакожъ не менѣе трудна къ осуществленію, чѣмъ въ жизни отдѣльнаго лица. Необходимо поэтому, чтобъ антагонизмъ упомянутыхъ двухъ началъ кончился, и не трудно понять, чѣмъ онъ долженъ быть замѣненъ по нашему мнѣнію.

Остается четвертый и послѣдній факторъ нашего законодательства о евреяхъ — стремленіе оберегать христіанское населеніе вообще отъ вреда, наносимаго ему евреями. Объ этомъ повиди-

* Сборникъ Леванды, стр. 1034.

мому наиболѣе вѣскомъ мотивѣ ограничительныхъ законовъ мы говорили не разъ въ другихъ мѣстахъ. Анализировать его здѣсь— значило бы войти въ обширныя изслѣдованія экономическаго свойства, рѣшительно неумѣстныя по объему и характеру настоящаго очерка. Мы можемъ только резюмировать нашъ взглядъ на эту сторону предмета словами извѣстнаго экономиста Шеффле, который (необходимо замѣтить) отчасти противникъ теоріи laissez faire и защитникъ системы протекціонизма въ нѣкоторыхъ ея видахъ. Шеффле говоритъ объ этомъ вопросѣ слѣдующее: „не преслѣдованіемъ евреевъ можно прекратить нечестное пріобрѣтеніе имущества (не говоря уже что столько же не-евреевъ какъ и евреевъ виновны въ этомъ), но великими реформами въ общественномъ хозяйствѣ — уничтоженіемъ милитаризма, улучшеніемъ системы государственныхъ долговъ, развитіемъ кредитныхъ и другихъ ассоціяцій, развитіемъ бережливости въ народѣ. Возможны и нѣкоторыя частныя мѣры къ предупрежденію эксплуатаціи бѣднаго люда ростовщиками и т. п. лицами, какъ-то: установленіе краткой давности для взысканія долговъ, сдѣланныхъ по займу, куплѣ и проч. для личнаго потребленія (Zehrschulden), недопущеніе исковъ по 'займамъ въ счетъ будущаго заработка" *.

Такимъ образомъ въ результатѣ мы получаемъ, что интересы, которые желаетъ удовлетворить наше законодательство въ большинствѣ своихъ постановленій о евреяхъ, не находятъ себѣ достаточнаго оправданія, а идеи имъ при этомъ руководящія не выдерживаютъ научной критики.

Къ сожалѣнію, мы не могли развить нашъ взглядъ на различныя стороны предмета съ одинаковой полнотой и ясностью. Кромѣ неполноты содержанія нашъ очеркъ страдаетъ ощутительной несоразмѣрностью въ разработкѣ отдѣльныхъ частей: нѣкоторыя стороны предмета разобраны довольно подробно, а другія даже вовсе не затронуты (напр. вопросъ

---

* Schaeffle, Capitalismus und Socialismus, p. 580

о спеціяльно-еврейскихъ налогахъ, о еврейской присягѣ и пр.). Я не желаю взваливать вину на такъ называемыя „независящія обстоятельства“, подъ которыми такъ часто скрывается неумѣніе сказать что-нибудь путное. Отчасти это произошло отъ чрезвычайной обширности и совершенной неразработанности предмета, отчасти отъ другихъ болѣе частныхъ и случайныхъ причинъ, знаніе которыхъ не представляетъ для читателя никакого интереса. Тѣ, которые знакомы съ состояніемъ научной разработки еврейскаго вопроса у насъ, найдутъ достаточно основаній для того, чтобъ извинить отрывочность и другіе недостатки настоящаго этюда. Какъ бы то ни было, заканчивая этотъ очеркъ, я предоставляю себѣ въ другой разъ съ новымъ запасомъ данныхъ пополнить его многочисленные пробѣлы.

КЪ ИСТОРІИ

„ПОЛОЖЕНІЯ ДЛЯ ЕВРЕЕВЪ“ 1804 ГОДА.

Въ послѣдніе годы русская литература обогатилась двумя замѣчательными трудами по исторіи одной изъ любопытнѣйшихъ эпохъ русской народной жизни — царствованія Александра I. Мы говоримъ о недавно оконченномъ трудѣ Богдановича „Исторія царствованія Императора Александра I“ и „Очеркахъ общественнаго движенія при Александрѣ I“ Пыпина.

Каждое изъ этихъ капитальныхъ сочиненій преслѣдуетъ другую задачу и достигаетъ ея другимъ путемъ. Г. Богдановичъ— историкъ старой школы, для котораго на первомъ планѣ стоятъ внѣшнія, военныя и дипломатическія сношенія и вообще государственная жизнь народа; г. Пыпинъ смотритъ гораздо шире на задачу историка и старается разъяснить главнымъ образомъ движеніе общественной мысли и ея проявленія въ избранную имъ эпоху. Но оба эти писателя, излагая каждый съ своей точки зрѣнія исторію внутренней жизни русскаго государства въ александровскій періодъ, сходятся между прочимъ въ томъ особенно интересномъ для насъ обстоятельствѣ, что почти совершенно игнорируютъ одинъ изъ важныхъ вопросовъ внутренней политики александровскаго царствованія—вопросъ о преобразованіи общест-

веннаго положенія евреевъ въ Россіи. При громадномъ и болѣе общемъ значеніи реформъ и вопросовъ внутренней и внѣшней политики, отчасти разрѣшенныхъ а еще болѣе поднятыхъ этимъ царствованіемъ, не мудрено, что историки оставляютъ безъ вниманія второстепенные и повидимому имѣющіе только спеціяльный интересъ общественные вопросы, каковъ между прочимъ и вопросъ еврейскій. Но съ другой стороны дознано, что нѣтъ такого мелкаго явленія общественной и даже частной жизни, которое не находилось бы въ самой тѣсной связи съ общимъ характеромъ данной эпохи и не способствовало бы поэтому правильному ея пониманію. Далѣе, изъ исторіи евреевъ во всѣхъ странахъ видно, что положеніе евреевъ повсюду и неизмѣнно служитъ однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ мѣрилъ общаго уровня соціяльнаго развитія. Эти общія истины, давно ставшія удѣломъ исторической науки, какъ нельзя болѣе оправдываются исторіей евреевъ при Александрѣ I. Исторія эта даетъ драгоцѣнный матеріялъ для характеристики общественныхъ идеи и законодательныхъ работъ александровскаго времени. Вотъ почему въ виду огромнаго интереса, возбуждаемаго этой эпохой серьезныхъ либеральныхъ попытокъ въ Россіи, новая страница изъ исторіи того времени, надѣемся, принесетъ свою долю пользы дѣлу исторической науки у насъ. Не надо забывать при этомъ, что, какъ справедливо замѣчаетъ г. Пыпинъ, коренные вопросы относительно внутреннихъ реформъ, поднятые александровскимъ правительствомъ, до сихъ поръ не разрѣшены еще, и такимъ образомъ событія того времени имѣютъ для насъ и большой практическій интересъ. Замѣчаніе это, какъ читатель увидитъ, столь же примѣнимо къ тому спеціяльному предмету, о которомъ мы намѣрены теперь говорить, какъ и къ тѣмъ общимъ вопросамъ, о которыхъ говоритъ г. Пыпинъ. *

---

* Матеріяломъ для этой статьи послужили главнымъ образомъ рукописныя данныя, Полное собраніе Законовъ и кромѣ того другіе болѣе частные источники, которые будутъ указаны каждый въ своемъ мѣстѣ

I.

Чтобы лучше уяснить себѣ, какъ отразилось общее направленіе александровскаго періода на положеніи русскихъ евреевъ, и что̀ принесло оно новаго въ исторію этого вопроса у насъ—необходимо сдѣлать нѣсколько шаговъ назадъ и ознакомиться съ тѣмъ, что сдѣлано по этому предмету въ ближайшій, предшествовавшій періодъ времени.

Екатерина II, ученица Дидро и Вольтера, черпавшая вдохновеніе для своихъ законодательныхъ проектовъ у Монтескье и Беккаріи, не могла не обнаружить своего либерализма и по отношенію къ евреямъ: она не могла уже оставаться на высотѣ той московско-византійской фанатической нетерпимости, на которой стояла Елизавета Петровна, провозглашая торжественно, что „отъ враговъ Христовыхъ она не желаетъ интересной прибыли“ и потому не хочетъ признавать за евреями никакого права на жительство въ Россіи. Ничего подобнаго не могло выйти изъ устъ либеральной Екатерины и войти въ ея политическую программу. И дѣйствительно: вопросъ о евреяхъ, какъ видно уже тогда считавшійся однимъ изъ важныхъ вопросовъ внутренней политики — былъ поставленъ въ первые же дни царствованія Екатерины. Объ этомъ сохранился весьма любопытный разсказъ самой императрицы, который мы приводимъ здѣсь цѣликомъ. „На пятый или шестой день по восшествіи своемъ на престолъ, Екатерина II прибыла въ сенатъ... Случилось, что въ это засѣданіе пришла очередь обсуждать дѣло о допущеніи евреевъ въ Россію. Всѣ единогласно признали полезнымъ это допущеніе. Но Екатерина, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, затруднялась изъявить свое согласіе. Ей помогъ сенаторъ князь Одоевскій; онъ всталъ и сказалъ: „прежде чѣмъ рѣшиться, не угодно-ли будетъ вашему величеству посмотрѣть собственноручное рѣшеніе, которое въ подобномъ случаѣ дала императрица Елизавета?“ Екатерина приказала достать списки и нашла, что императрица Елизавета на поляхъ дѣла, по своему благочестію, написала: „отъ враговъ хри-

стовыхъ не желаю интересной прибыли". Надо замѣтить, что еще не прошло недѣли со вступленія на престолъ Екатерины; она возведена была на оный для обороны православнаго закона; ей приходилось имѣть дѣло съ народомъ благочестивымъ, съ духовенствомъ, которому еще не возвращены были его имѣнія и которое вслѣдствіе этой дурно принаровленной мѣры не знало, чѣмъ ему пробавляться. Умы, какъ всегда случается послѣ переворота столь великаго, находились въ сильномъ волненіи. Начать свое царствованіе допущеніемъ евреевъ вовсе не было средствомъ къ успокоенію умовъ; объявить оное вреднымъ было также невозможно. Екатерина поступила просто: когда генералъ-прокуроръ собралъ голоса и подходилъ къ неи за ея рѣшеніемъ, она сказала ему: „я желаю, чтобъ дѣло это было отложено до другого времени". Такъ-то нерѣдко случается, что недостаточно быть просвѣщенну, имѣть лучшія намѣренія и даже власть исполнять ихъ. И тѣмъ не менѣе умное поведеніе часто подвергается безразсуднымъ толкамъ" *.

Эта любопытная исповѣдь императрицы превосходно объясняетъ политическій ея характеръ. Она безусловно признаетъ правильнымъ мнѣніе сената о полезности допущенія евреевъ въ Россіи, она признаетъ эту мѣру требованіемъ „просвѣщенія и добрыхъ намѣреній", но преспокойно жертвуетъ государственной пользой и своими убѣжденіями личнымъ своимъ интересамъ и разсчетамъ и откладываетъ этотъ актъ справедливости до другого, болѣе удобнаго времени. Что это болѣе удобное время никогда не наступило—излишне и говорить, такъ какъ и теперь по прошествіи болѣе ста лѣтъ вопросъ о допущеніи евреевъ къ повсемѣстному жительству въ Россіи остается открытымъ, и то, въ чемъ были убѣждены всѣ русскіе сенаторы 1762 г., не проникло еще въ умы современнаго русскаго общества.

---

* Разсказъ Екатерины II о своемъ царствованіи („Русскій Архивъ" 1865 г., стр. 492)

Какъ это хорошо характеризуетъ Екатерину II — на словахъ провозглашавшую ученія энциклопедистовъ о равенствѣ, свободѣ и справедливости, а на дѣлѣ закрѣпостившую свободную Малороссію и раздававшую десятки тысячъ свободныхъ людей своимъ любимцамъ; на словахъ—горячую любительницу просвѣщенія, а на дѣлѣ преслѣдовавшую Фонвизина, Новикова, Радищева и другихъ тружениковъ русской мысли!

Противорѣчіе между либеральными убѣжденіями и далеко не всегда либеральными дѣлами Екатерины замѣчается и во все ея царствованіе—въ законодательныхъ и административныхъ мѣрахъ относительно евреевъ. По присоединеніи (въ 1772 году) къ Россіи Бѣлоруссіи, правительству нашему впервые пришлось перемѣнить характеръ своихъ отношеній къ евреямъ. Такъ какъ евреи издавна жили въ этомъ краѣ густыми массами, то очевидно, что нельзя было уже ограничиться отрицательнымъ образомъ дѣйствій по отношенію ко всему еврейскому, игнорированьемъ и „недопущеніемъ“ евреевъ. Необходимо было признать существующій фактъ, примириться съ мыслью, что евреи могутъ и должны быть признаны русскими подданными, наравнѣ съ другими народностями; что они имѣютъ право осѣдлости хоть въ одной части русской территоріи. Необходимо было поэтому установить русскіе законы о правахъ и обязанностяхъ евреевъ въ Россіи—задача не легкая при укоренившейся вѣками грубой нетерпимости къ евреямъ! Какъ же поступила въ этомъ случаѣ императрица Екатерина II? По обыкновенію, она провозгласила громкій принципъ: „всякъ по званію и состоянію своему долженствуетъ пользоваться выгодами и правами безъ различія закона и народа“*, и примѣнила этотъ принципъ къ евреямъ. Можно было подумать поэтому, что всѣ польскія узаконенія и установленія относительно евреевъ будутъ отмѣнены, что евреи будутъ признаны вполнѣ равноправными съ другими народностями. На дѣлѣ ничего этого не оказалось. Сдѣ-

* Полн. Собр. Зак., I № 16,391, примѣчаніе.

ланы были нѣкоторыя измѣненія, но въ сущности польскіе порядки остались во всеи неприкосновенности: осталось главное препятствіе къ сліянію евреевъ съ христіанами — кагалъ съ его финансовой и судебно-административной самостоятельностью. Какъ бы въ насмѣшку надъ изреченіемъ: „всякъ по званію“ и пр. въ 1794 г. евреи обложены двоиной податью противъ христіанъ.

Но если новыя, болѣе либеральныя начала такъ медленно и слабо проникали въ сферу законодательства о евреяхъ, то можно себѣ представить, каково было положеніе дѣлъ на практикѣ, въ сферѣ административнои, гдѣ рутина, произволъ и старые предразсудки держатся гораздо упорнѣе и дольше! Въ этомъ отношеніи мы имѣемъ любопытныи матеріялъ въ перепискѣ Екатерины съ остзейскими властями по поводу моровой язвы 1770 года. Курляндскій генералъ-губернаторъ Броунъ призналъ необходимымъ для того, чтобы предупредить занесеніе язвы изъ Литвы и Польши въ остзейскій край, кромѣ общаго карантина, изгнать изъ управляемаго имъ края всѣхъ евреевъ. Императрица одобрила эту мѣру, мотивируя ее невозможностью услѣдить за тѣмъ, чтобъ „жиды въ Польшу и обратно въ Курляндію проѣзжали окольными путями“. Когда же дворянство, извлекавшее пользу изъ промышленной дѣятельности евреевъ, отказалось выселить ихъ изъ деревень, то императрица чрезъ губернатора Смолина напомнила ему—„жидовъ изъ деревень неотмѣнно выслать, по меньшей мѣрѣ на нынѣшнее опасное время“; для этого она разрѣшила даже употребленіе военной силы. Одинъ изъ рижскихъ евреевъ, Веніаминъ Шпееръ, подалъ по этому поводу прошеніе императрицѣ, въ которомъ объясняетъ, что распоряженіе Броуна ему кажется непонятнымъ. „Исповѣданію вѣры, пишетъ онъ, по боговдохновеннымъ Вашего Императорскаго Величества мыслямъ, въ томъ участвовать, какъ видится, никоимъ образомъ не можно“. Если нѣкоторые изъ евреевъ, разсуждаетъ онъ дальше, согрѣшили въ чемъ нибудь, то они должны подвергнуться отвѣтственности, а не всѣ евреи. Что же касается до морового повѣтрія, то евреи тутъ не имѣютъ никакого значенія, такъ какъ

природные поляки безпрепятственно ѣздятъ въ Ригу. Это послѣднее обстоятельство даетъ основаніе думать, что моровая язва была только предлогомъ, ловко придуманнымъ со стороны мѣстнаго купечества, а подъ его вліяніемъ и администраціи — для изгнанія евреевъ изъ Курляндіи и Лифляндіи. Прошеніе Шпеера осталось однакожъ безъ особыхъ послѣдствій, и распоряженіе Броуна утверждено императрицей *. Какъ шатки были убѣжденія императрицы видно изъ того, что въ приведенномъ нами выше разсказѣ ея о сенатскомъ засѣданіи она рѣшительно считаетъ невозможнымъ признать допущеніе евреевъ въ Россію вреднымъ между тѣмъ какъ впослѣдствіи она высказала противоположное мнѣніе. Какой-то иностранецъ (по всей вѣроятности Сегюръ) предложилъ Екатеринѣ разные вопросы о положеніи Россіи, и она дала на нихъ письменные отвѣты. На вопросъ о евреяхъ императрица отвѣтила между прочимъ слѣдующее: „есть 3 или 4 еврея и въ Петербургѣ съ давнихъ поръ. Я имѣла духовника (confesseur), у котораго они помѣщались. Ихъ терпятъ вопреки закону: дѣлаютъ видъ, что ихъ не замѣчаютъ. Впрочемъ, допущеніе ихъ къ жительству въ Россіи могло бы причинить много вреда нашимъ мелочнымъ торговцамъ, ибо эти люди все къ себѣ притягиваютъ, и можетъ быть, что было бы больше неудовольствія, чѣмъ пользы отъ ихъ появленія“ **.

Единственной законодательной мѣрой, серьезно осуществившей начало терпимости по отношенію къ евреямъ, представляется дозволеніе имъ жить во вновь присоединенномъ новороссійскомъ краѣ (въ 1769 г.)—мѣра, вызванная впрочемъ не столько либеральнымъ отношеніемъ Екатерины къ евреямъ, сколько крайней нуждой въ людяхъ для заселенія обширнаго и пустыннаго края.

---

* Восемнадцатый вѣкъ Сборникъ Бартенева, т III, стр. 252—55.

** „Questions et réponses“ рукопись Екатерины II. Статья Щебальскаго „Екатерина II, какъ писательница“ („Заря“ 1870 г. кн 6).

Нашъ очеркъ екатерининской политики по еврейскому вопросу былъ бы однакожъ черезчуръ не полонъ, еслибъ мы не упомянули еще о дѣятельности Державина по этому предмету—дѣятельности, относящейся впрочемъ не столько къ этому, сколько къ послѣдующимъ двумъ царствованіямъ. Державинъ при императорѣ Павлѣ былъ командированъ въ Бѣлоруссію для изученія причинъ бѣдственнаго положенія крестьянъ въ этомъ краѣ. Онъ по этому поводу составилъ записку, озаглавленную имъ: „Мнѣніе Державина объ отвращеніи недостатка хлѣба обузданіемъ корыстныхъ промысловъ евреевъ, о ихъ преобразованіи и прочемъ". Записка эта составляетъ такой любопытной памятникъ нашей общественной мысли конца XVIII вѣка, что мы считаемъ не лишнимъ передать здѣсь вкратцѣ ея содержаніе *. Причины бѣдности бѣлорусскихъ крестьянъ, по мнѣнію автора записки, заключаются въ ихъ лѣности, пьянствѣ и эксплуатаціи евреевъ. Первые два порока происходятъ, кажется, отъ ихъ древней свободы: что мало платили въ пользу помѣщиковъ, могли свободно переходить отъ одного владѣльца и арендатора къ другому. Главное зло однако состоитъ въ евреяхъ. Помѣщики отдаютъ имъ въ откупъ крестьянъ, заставляя послѣднихъ продавать и покупать все у евреевъ-арендаторовъ. Послѣдніе поэтому обогащаются и раззоряютъ крестьянъ. Сюда же относится обиліе корчемъ настроенныхъ помѣщиками и множество праздниковъ, поддерживающихъ пьянство. Необходимо поэтому поднять благосостояніе земледѣльцевъ и для этого—1) дать нѣкоторыя льготы помѣщикамъ; 2) обратить вниманіе помѣщиковъ на упадокъ нравственности крестьянъ и обязать ихъ принять противъ этого мѣры, равно какъ и для болѣе правильнаго распредѣленія работъ; 3) ограничить право помѣщиковъ на винокуреніе; 4) обязать помѣщиковъ отдавать имѣнія въ аренду лишь

* Записка эта напечатана въ „Архивѣ истор. и практ. свѣдѣній о Россіи" Калачева за 1860 г., кн 4

на продолжительные сроки, дабы арендаторы не имѣли разсчета эксплуатировать имѣнія.

Этимъ Державинъ оканчиваетъ общій обзоръ своего предмета и переходитъ спеціяльно къ евреямъ. Онъ начинаетъ издалека, съ древнѣйшей исторіи евреевъ, и замѣчаетъ: что хотя они не были никогда многочисленны, но всегда производили много шуму. Нѣкогда властвовавшіе, они теперь унижены до крайности, но нерѣдко господствуютъ надъ своими повелителями. Мнѣнія и законы о нихъ въ разныхъ странахъ различны; но если Провидѣніе для достиженія своихъ цѣлей оставляетъ на землѣ этотъ опасный по своимъ нравамъ народъ, то правительства должны его терпѣть и заботиться о томъ, чтобъ сдѣлать его полезнымъ. Евреи въ Польшѣ живутъ издавна и происходятъ отъ родоначальника Ашкеназимъ (это слово по древнееврейски значитъ: нѣмцы). Они говорятъ испорченнымъ нѣмецкимъ языкомъ, а для богословія служитъ имъ языкъ „гебрейскій“, котораго простой народъ не понимаетъ (!), а „раббины по тайнымъ назначеніямъ въ талмудахъ объясняютъ его, какъ хотятъ по своимъ вымысламъ“ (Все это совершенно ложно, ибо почти каждый еврей понимаетъ древнееврейскій языкъ; никакихъ „тайныхъ назначеній въ талмудахъ“, произвольныхъ толкованій и т. под. не можетъ быть, такъ какъ талмудъ и право толкованія его доступны у евреевъ рѣшительно для всѣхъ). Въ Польшѣ евреи, по своему обыкновенію, заняли деньги у туземцевъ подъ залогъ движимыхъ имуществъ кагаловъ, чтобы ихъ не могли выгнать (?). Хотя издано было много законовъ противъ нихъ, но тщетно. Жадность ихъ разрушаетъ всѣ оплоты, а слабость исполнительной власти усиливаетъ зло. Евреи избѣгаютъ трудныхъ работъ, будучи увѣрены по своимъ „талмудамъ“, что они должны господствовать, а другіе народы—подчиняться имъ (?). Прозорливость русскихъ монарховъ установила законъ, не допускающій „сихъ искусныхъ грабителей“ въ Россію. Но съ присоединеніемъ Бѣлоруссіи они начинаютъ прокрадываться въ Малую и Новую Россію и другія сопредѣльныя съ Бѣлоруссіей губерніи; особенно въ Кіевѣ ихъ много

показалось. Вредные обычаи евреевъ заключаются въ слѣдующемъ.

1.—Ихъ училища и молельни. Дѣтей учатъ только религіи и фанатизму. Женятся весьма рано, иногда до 10 лѣтъ; отъ этого — „хотя плодущи, но слабы“. Доколѣ не измѣнятся ихъ школы, нельзя перемѣнить ихъ нравы. Здѣсь они научаются, что они выше всѣхъ народовъ, которыхъ зовутъ Акумъ—погаными (акумъ значитъ—язычники). Ожидаютъ мессію и копятъ богатства для сооруженія храма (!). Впрочемъ, думаютъ только о настоящемъ, ни мало не заботясь о будущемъ, и потому пускаются на все (хорошо—„впрочемъ“!). Они считаютъ себя лучше всѣхъ и потому не снимаютъ ни предъ кѣмъ ермолокъ (извѣстно, что это у евреевъ, какъ и у магометанъ, требованіе религіи и не имѣетъ никакого отношенія къ предполагаемому превосходству евреевъ надъ другими народами). Ихъ гордость, какъ разсказываютъ здѣсь (въ Бѣлоруссіи), была замѣчена, когда имъ дали право засѣдать въ магистратахъ и ратушахъ.

2.—Имѣютъ они кагалы, которые господствуютъ надъ ними самовластно. При присоединеніи Бѣлоруссіи кагалы оставлены на прежнемъ основаніи—единственно, какъ надо полагать, для платежа податей, чтобъ чрезъ нихъ удобнѣе было собирать оныя. Здѣсь совершаются всѣ ихъ духовныя и гражданскія дѣла: погребеніе мертвыхъ, обрѣзанія, браки и разводы, убой скота, судъ, полиція и сборы для казны и общественныхъ потребностей. Сборы эти двоякаго рода: хебрыкадышъ (такъ называется не сборъ, а братство для погребенія мертвыхъ) и коробка: первый якобы (?) на погребеніе мертвыхъ, второй—якобы (?) на содержаніе школъ и вспомоществованіе убогимъ. Это даетъ кагалу доходы. Отчета старшины не даютъ. Оттого чернь „въ крайнемъ изнуреніи и нищетѣ, каковыхъ суть большая часть“ (а прежде говорилось о томъ, какъ всѣ евреи вообще обогащаются на счетъ крестьянъ). Кагальные имѣютъ богатство и силу и держатъ народъ въ порабощеніи. У нихъ есть свой кагальный судъ раввиновъ, которому подчиняются и нѣкоторые „малосмысленные“ христіане, хотя у

раввина въ судѣ еврея съ христіаниномъ правды быть не можетъ (!), ибо сіе запрещено талмудами (это положительная клевета, такъ какъ противоположное начало не разъ высказано въ талмудѣ).

3.—Затѣмъ Державинъ говоритъ о сектѣ хасидовъ и цадикахъ; высказываетъ нелѣпое предположеніе, что деньги, отдаваемыя цадикамъ, переводятся въ Палестину на случай ожидаемаго пришествія Мессіи. Далѣе сюда относятся херимы—заклинанія, которыя между прочимъ были пущены въ дѣло заговорщиками на жизнь французскихъ королей Генриха III и IV: заговорщики произносили заклинанія по талмуду и прокалывали восковыя куклы кинжалами въ знакъ смерти королей. Тутъ-же упоминается и о хазакѣ. Если помѣщикъ разъ отдалъ имѣніе или корчму въ аренду еврею, то послѣдній пріобрѣлъ на аренду право хазаки (т. е. давности владѣнія), и другой еврей не въ правѣ предложить высшую цѣну и взять себѣ аренду.

4.—Въ кагалѣ-же защищаются и укрываются тѣ кровопролитія христіанъ, въ которыхъ евреевъ подозрѣваютъ въ разныхъ странахъ. Хотя я думаю, говоритъ Державинъ, что если такіе случаи и были въ древности, то лишь по изступленію нѣкоторыхъ фанатиковъ, но счелъ нужнымъ не упустить этого изъ виду. Извѣстно при этомъ, что нѣтъ ни одного уголовнаго дѣла, въ которомъ еврей не былъ-бы замѣшанъ (!).

5.—Евреи занимаются торговлей, а нѣкоторые, и то весьма мало, легкими ремеслами. Жены сидятъ по лавкамъ и вяжутъ чулки, чему научилъ ихъ принужденіемъ графъ Чернышевъ. Торговля евреевъ, по мнѣнію Державина, едва-ли полезна для государства и казны. Еще болѣе порицаетъ онъ факторство у евреевъ.

6.—Евреи производятъ дороговизну съѣстныхъ припасовъ. Они разъѣзжаютъ по деревнямъ, опаиваютъ и обираютъ крестьянъ тѣмъ болѣе, что помѣщики отдаютъ имъ имѣнія по контрактамъ. Державинъ отдаетъ справедливость евреямъ, что въ неурожайные годы они многихъ крестьянъ снабжаютъ хлѣбомъ, но замѣчаетъ, что это дѣлается съ разсчетомъ получить сторицей за данное въ долгъ. Въ Бѣлоруссіи, по его словамъ, считается 18,121 еврей

мужскаго пола, но много не записанныхъ въ ревизію; всего вѣроятно ихъ до ста-тысячъ. Ихъ трудно записывать, потому что—какъ вы думаете отчего?—всѣ носятъ одинаковое черное платье и схожія имена, такъ что „теряется память, и смѣшивается понятіе“. „Сіе, говоритъ почтенный пінта, должно отнести къ ихъ хитрости“ (?).

Державинъ разсказываетъ далѣе въ своей запискѣ, что онъ предложилъ кагаламъ вопросъ, какимъ образомъ они могутъ доставить себѣ пропитаніе собственнымъ трудомъ, но получилъ въ отвѣтъ: 1) что они не извлекаютъ корыстолюбиво хлѣба у крестьянъ; 2) что прокармливаютъ себя законными средствами; 3) что къ земледѣлію не считаютъ себя способными и находятъ препятствія къ тому въ своемъ законѣ (?), 4) что они связаны съ помѣщиками и другими лицами контрактами и обязательствами разнаго рода, и потому не могутъ выселиться, а желаютъ оставаться на прежнемъ положеніи. Кагалы изъявили однакожъ согласіе не ѣздить по деревнямъ для сбора долговъ и не давать крестьянамъ въ долгъ больше 50 коп. Они указывали еще на то, что причина недостатка хлѣба заключается въ угнетеніи якобы (!) крестьянъ чрезмѣрными поборами и работами на помѣщиковъ. Одинъ только еврей, надворный совѣтникъ Нота Хаимовичъ, предложилъ устроить для евреевъ фабрики и переселить часть ихъ на пустопорожнія земли. Помѣщики отозвались, что слѣдуетъ выселить всѣхъ евреевъ изъ деревень, такъ какъ они—единственная причина истощенія крестьянъ. А князь Любомірскій заявилъ, что не отъ евреевъ происходятъ страданія крестьянъ, а отъ другихъ причинъ (какихъ—не сказано), и что если выселить евреевъ изъ его имѣній, то онъ понесетъ большіе убытки.

Сообразивъ все это, Державинъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: школы евреевъ суть гнѣздо суевѣрія и вражды къ христіанамъ; кагалы—это опасный status in statu, который не можетъ быть терпимъ въ благоустроенномъ государствѣ (въ Пруссіи они уничтожены); денежные сборы служатъ къ угнетенію народа. Хазака есть ничто иное какъ монополія, а херимы—страш-

ное злоупотребленіе. Торговля, факторство, корчмы—это „тонкіе вымыслы“ (!), чтобъ обирать народы. Вслѣдствіе этого евреевъ нельзя считать гражданами, а такъ какъ многіе изъ нихъ не имѣютъ постоянной осѣдлости, то ихъ нельзя признать и русскими подданными. Посему Державинъ предлагаетъ слѣдующія мѣры: учредить коммисію для разбора долговъ христіанъ евреямъ; сдѣлать новую перепись евреямъ; оставить въ Бѣлоруссіи только часть ихъ, такъ чтобъ на 100 поселянъ было 4 купца и 4 мѣщанина изъ евреевъ. Остальныхъ евреевъ, если не займутся земледѣліемъ на мѣстѣ, переселить въ новороссійскую и астраханскую губерніи; уничтожить кагалы, отмѣнить кагальные сборы, а казенныя подати взыскивать съ евреевъ наравнѣ съ прочими сословіями; учредить въ губерніяхъ синагоги, а въ столицѣ — Сенадринъ или высшій „уѣздный судъ“ (?) для управленія духовными дѣлами евреевъ и ихъ просвѣщеніемъ. Учредить для евреевъ школы, гдѣ преподаваніе шло бы на чистомъ русскомъ языкѣ. Такова сущность мѣръ, предлагаемыхъ Державинымъ для измѣненія быта бѣлорусскихъ евреевъ и составляющихъ окончательный выводъ его записки. Подробности объ организаціи переселенія евреевъ мы считаемъ излишнимъ приводить здѣсь, такъ какъ желающіе познакомятся съ ними изъ самой записки.

Не останавливаясь долго на этой запискѣ, мы скажемъ лишь нѣсколько словъ объ общемъ ея характерѣ. Прежде всего въ ней поражаетъ изумительное непониманіе условій русской народной жизни даже лучшими людьми конца XVIII вѣка. Державинъ задался цѣлью изучить причины бѣдственнаго положенія крестьянъ въ Бѣлоруссіи. Для этого онъ отправляется въ Бѣлоруссію и тутъ замѣчаетъ, что одною изъ главныхъ причинъ крестьянскихъ бѣдствій служитъ пьянство, а пьянство поддерживается множествомъ корчемъ настроенныхъ помѣщиками и чрезмѣрнымъ развитіемъ винокуренія въ помѣщичьемъ хозяйствѣ. Онъ видитъ, что помѣщики предпочитаютъ отдавать имѣнія съ крестьянами, равно какъ питейный доходъ, въ краткосрочную аренду евреямъ, такъ какъ при этой системѣ они, помѣщики, получаютъ больше доходовъ,

не обращая никакого вниманія на интересы крестьянъ и раззоренiе своихъ имѣній. Мало того: ему прямо указываютъ, что крестьяне терпятъ голодъ отъ чрезмѣрнаго обремененія ихъ работами и сборами для помѣщиковъ. Все это онъ видитъ, слышитъ и заноситъ мимоходомъ въ свою записку; но не замѣчаетъ, что искомое имъ зло есть ничто иное какъ крѣпостное право. Напротивъ, онъ видимо поддается увѣреніямъ помѣщиковъ, что крестьяне бѣдствуютъ отъ своей лѣности, происходящей отъ ихъ древней свободы и малыхъ платежей помѣщикамъ(!?), а главное—отъ еврейской эксплуатаціи, этого козла отпущенія всѣхъ золъ. Самъ помѣщикъ-бюрократъ, Державинъ охотно повѣрилъ всему, что ему наговорили мѣстные землевладѣльцы и администраторы. Впрочемъ, справедливость требуетъ замѣтить, что не всѣ русскіе люди того времени были на этотъ счетъ также легковѣрны и близоруки, какъ Державинъ. Такъ неизвѣстный авторъ старинной записки о необходимости уничтожить привилегированное положеніе западныхъ губерній говоритъ между прочимъ: „ужасная бѣдность, повсюду видимая въ сихъ губерніяхъ, есть слѣдствіе пьянства: а пьянство—слѣдствіе свободнаго винокуренія и продажи вина, которое до крайности дешево и поглощаетъ благосостояніе милліоновъ для выгодъ нѣсколькихъ сотенъ человѣкъ“ *. Державинъ не стѣсняется предложить, чтобы для поднятія земледѣлія помѣщикамъ дарованы были нѣкоторыя льготы (!). Онъ до того наивенъ, что совѣтуетъ обратить вниманіе помѣщиковъ на упадокъ нравственности крестьянъ и ожидаетъ отъ этого полезныхъ результатовъ: какъ будто помѣщики, главный доходъ которыхъ заключался въ пьянствѣ крестьянъ, могли серьезно желать поднятія нравственности послѣднихъ! Немудрено, что при такихъ ограниченныхъ соціяльныхъ понятіяхъ Державинъ повѣрилъ помѣщикамъ, для которыхъ выгодно было свалить свою вину на

* Чтенія въ Моск. Общ. Ист. и Древн. за 1866 г., т. I, смѣсь, стр 100.

чужія плечи, что евреи единственная причина бѣдствій крестьянъ, тогда какъ для каждаго безпристрастнаго человѣка должно было быть ясно, что евреи играютъ тутъ роль второстепенную, какъ орудіе въ рукахъ помѣщиковъ для извлеченія возможно большихъ доходовъ изъ „быдла“. Усвоивъ себѣ такой взглядъ, Державинъ естественно долженъ былъ подыскивать въ еврействѣ всевозможные пороки, тѣмъ болѣе что онъ заранѣе былъ предубѣжденъ противъ нихъ. Эта предубѣжденность сказывается у нашего почтеннаго піиты на каждомъ шагу. Такъ, онъ сильно нападаетъ на еврейское религіозное воспитаніе и не замѣчаетъ, что упреки эти столь же примѣнимы ко всякой другой системѣ религіознаго образованія; поэтому они имѣли бы смыслъ лишь въ устахъ заклятаго вольтеріанца, какимъ Державинъ отнюдь не былъ. Онъ много говоритъ о вредности кагала, но самъ же указываетъ, что кагалъ удержанъ правительствомъ изъ фискальныхъ видовъ,—изъ чего онъ легко могъ заключить, что не евреи, а само законодательство виновно въ административной обособленности евреевъ. Благодаря этому предубѣжденію, каждое самое обыкновенное явленіе еврейской жизни кажется ему чѣмъ то преступнымъ, зловреднымъ и имѣющимъ таинственный смыслъ. Еврей копитъ деньги не по тѣмъ побужденіямъ, по которымъ это дѣлаютъ всѣ смертные, а для сооруженія храма и возвращенія въ Палестину. У евреевъ есть восточный обычай ходить всегда съ покрытой головой—обычай, первоначальное происхожденіе котораго объясняется климатическими условіями; Державинъ видитъ въ немъ доказательство того, что евреи считаютъ себя выше всѣхъ народовъ. Хазака ему кажется вредной монополіей, тогда какъ этотъ любопытный памятникъ юридическаго творчества евреевъ есть весьма разумный (для своего времени) противовѣсъ несомнѣнно вредному чрезмѣрному развитію конкурренціи въ еврейскомъ быту. Евреи занимаются торговлей, факторствомъ и арендованіемъ корчемъ — не просто, а какъ „тонкими вымыслами“, для обиранія народа. Кагалъ не есть просто административное учрежденіе, удобное для взиманія податей при системѣ круговой

поруки, а государство въ государствѣ, опасный политическій союзъ. Кагальные сборы существуютъ *лишь „якобы“* на удовлетвореніе общественныхъ потребностей, а на самомъ дѣлѣ — для какихъ-то противозаконныхъ таинственныхъ цѣлей.

Въ своей подозрительности относительно всего еврейскаго нашъ глубокомысленный сановникъ доходитъ до смѣшного. Онъ приписываетъ, напримѣръ, хитрости евреевъ то, что они всѣ носятъ одинаковое черное платье и схожія имена, вслѣдствіе чего ихъ трудно отъискать и записать въ ревизію. Какъ будто это самое не замѣчается вездѣ у простонародья, напр. у великоруссовъ! Даже тамъ, гдѣ онъ приводитъ фактъ, говорящій въ пользу евреевъ, онъ старается его истолковать въ дурную сторону: напр. относительно снабженія евреями крестьянъ хлѣбомъ въ неурожайныя времена и еврейскаго суда. Державинъ замѣтилъ, что многіе христіане прибѣгаютъ для разбора своихъ тяжебъ къ суду раввиновъ. Человѣкъ безпристрастный, конечно, увидѣлъ бы въ этомъ новое доказательство негодности нашихъ тогдашнихъ казенныхъ судовъ и здраваго смысла христіанскаго населенія. Но Державинъ, утверждая (и совершенно ложно), что въ тяжбѣ еврея съ христіаниномъ послѣдній не можетъ ожидать правосудія отъ раввина, объясняетъ этотъ фактъ „малосмысленностью“ тѣхъ христіанъ. Какъ будто такое объясненіе не есть въ высшей степени „малосмысленное“! Какія превратныя понятія Державинъ имѣлъ о религіозно-догматической сторонѣ еврейства—было указано выше при изложеніи содержанія самой записки. Но даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ понятія эти, расходясь съ укоренившимися предразсудками, были ближе къ истинѣ, Державинъ какъ бы опасался высказывать положительно свое мнѣніе, считая необходимымъ придерживаться на счетъ евреевъ установившейся рутины. Такъ читатели замѣтили вѣроятно, что Державинъ, не вѣря самъ въ употребленіе евреями христіанской крови, счелъ нужнымъ не упустить этого обстоятельства изъ виду и утверждать, что кагалы укрываютъ эти злодѣянія; какъ будто онъ опасался, что тамъ,

куда онъ долженъ былъ представить свою записку, посмотрятъ неодобрительно на его невѣріе въ такой общеизвѣстный фактъ!

Вотъ какого свойства былъ тогда матеріялъ для законодательныхъ работъ по еврейскому вопросу, доставленный человѣкомъ образованнымъ и ученымъ, прочитавшимъ много иностранныхъ сочиненій о евреяхъ и изучавшимъ этотъ вопросъ на мѣстѣ! Можно себѣ представить, каковы были ходячія мнѣнія объ этомъ предметѣ въ обществѣ и администраціи!

Справедливость требуетъ замѣтить, однакожъ, что мѣры, предложенныя Державинымъ для измѣненія быта евреевъ, большей частью довольно разумны и отчасти осуществлены впослѣдствіи правительствомъ, напр. учрежденіе школъ для евреевъ и уничтоженіе кагальнаго управленія. Самъ Державинъ, какъ мы увидимъ ниже, имѣлъ не малое вліяніе на законодательныя мѣры александровскаго времени относительно евреевъ.

II.

Въ такомъ положеніи была административно-законодательная сторона еврейскаго вопроса у насъ, когда на престолъ взошелъ императоръ Александръ I. Первая половина его царствованія была, какъ извѣстно, эпохой весьма важныхъ либеральныхъ реформъ по всѣмъ отраслямъ государственной жизни и еще болѣе важныхъ предначертаній, проэктовъ и начинаній всякаго рода. Либеральное, даже можно сказать—радикальное настроеніе молодого государя и его сподвижниковъ быстро сообщилось всѣмъ вѣдомствамъ управленія, а также и обществу. Всѣ мечтали о близкомъ осуществленіи такихъ коренныхъ преобразованій, о которыхъ въ настоящее время никто еще серьезно не думаетъ у насъ. Это общее настроеніе умовъ не могло не отразиться и дѣйствительно отразилось между прочимъ и на судьбѣ евреевъ. Признано было за несомнѣнное, что оставить евреевъ въ ихъ statu quo, ограничиваясь частными мѣрами относительно улучшенія ихъ быта, какъ дѣлала Екатерина II, невозможно; при всеобщей ломкѣ всего ста-

раго необходимо было радикально измѣнить и положеніе русскихъ евреевъ.

При этомъ предстояла трудная задача: согласить либеральные принципы тогдашней администраціи, требовавшіе уваженія къ правамъ и интересамъ всѣхъ безъ различія людей, даже евреевъ, съ необходимостью оградить интересы другихъ сословій отъ пресловутой эксплуатаціи этихъ же евреевъ. Для этой цѣли въ 1802 году учрежденъ особый комитетъ для изготовленія проекта новаго закона о евреяхъ. Въ составъ комитета вошли: Державинъ, какъ министръ юстиціи (позднѣе его замѣнилъ въ комитетѣ преемникъ его по министерству, кн. Лопухинъ), министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Кочубей, князь Адамъ Чарторыйскій и гр. Северинъ Потоцкій *. Комитетъ этотъ въ журналѣ 20 сентября 1803 г. слѣдующимъ образомъ изложилъ свои основныя воззрѣнія на порученную ему задачу.

Преобразованія, исходящія непосредственно отъ правительства вообще непрочны, особенно — когда приходится бороться съ старыми привилегіями и предразсудками, а посему лучше вести евреевъ къ совершенству, отворяя имъ двери къ собственной пользѣ, надзирая издали и удаляя препятствія, безъ употребленія власти, не устраивая заведеній и не дѣйствуя за самихъ евреевъ: „сколь можно менѣе запрещеній, сколь можно болѣе свободы, вотъ простыя стихіи всякаго устройства въ обществѣ“. Между побужденіями дѣйствій человѣческихъ главную роль играетъ—говоритъ комитетъ—„частный прибытокъ“, ускользающій отъ всѣхъ законовъ, когда они для него стѣснительны. Правительства, забывавшія это, должны были послѣ многихъ издержекъ бросать свои предпріятія. Въ торговлѣ, въ ународованіи (умноженіи населенія), въ просвѣщеніи, гдѣ правительства мнили приказывать—являются только призраки успѣховъ, которые, подержавшись нѣ-

* Богдановича: Исторія царствованія императора Александра I, Т I, прил. 83 къ гл 2-й.

сколько времени на воздухѣ, исчезали со своими основаніями. А тѣ учрежденія, которыя возникали дѣятельностью частныхъ лицъ, по ихъ выгодѣ, и покровительствовались только правительствомъ, имѣли внутреннюю силу. Посему и для евреевъ нужно принять мѣры „тихаго ободренія, возбужденія собственной ихъ дѣятельности и пресѣченія тѣхъ только препятствій, кои зависятъ непосредственно отъ правительства и сами собой пресѣчься не могутъ“. При этомъ докладѣ комитетъ представилъ государю выработанный имъ проектъ новаго положенія о евреяхъ. Либерализмъ этого доклада, какъ видитъ читатель, самаго безукоризненнаго достоинства, хотя нѣтъ сомнѣнія, что эти англійскія ученія о невмѣшательствѣ государства и полной свободѣ частной дѣятельности звучатъ какъ-то странно въ устахъ русскихъ государственныхъ людей и лишь въ незначительной мѣрѣ могутъ быть примѣнимы въ Россіи. Что намѣренія комитета были дѣйствительно либеральны, можно заключить изъ того, что онъ далъ знать циркулярно всѣмъ начальникамъ губерній, гдѣ жили евреи, о своей дѣятельности и предписалъ ознакомить съ его характеромъ и задачей еврейскія общества, успокоивъ эти послѣднія насчетъ доброжелательныхъ стремленій правительства въ отношеніи къ нимъ. Но каково же было само положеніе, придуманное комитетомъ? Въ какой мѣрѣ оно осуществляло практически тѣ теоретическія идеи, которыя были высказаны комитетомъ въ докладѣ 20 сентября 1803 г.? Положеніе это было Высочайше утверждено 9 декабря 1804 г. и опубликовано съ слѣдующимъ предисловіемъ: „по жалобамъ, многократно къ намъ и въ правительствующій сенатъ доходившимъ, на разныя злоупотребленія и безпорядки, во вредъ земледѣлію и промышленности обывателей въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ евреи обитаютъ, происходящіе, признали мы нужнымъ указомъ 9 ноября 1802 г. составить особый комитетъ для разсмотрѣнія дѣлъ, къ сему относящихся, и для избранія средствъ къ исправленію настоящаго евреевъ положенія. Комитетъ, разсмотрѣвъ всѣ свѣдѣнія и предположенія, сюда относящіяся, поднесъ намъ проектъ положенія и докладъ, на коемъ оно основано.

Положеніе это мы нашли справедливымъ и соотвѣтствующимъ выгодамъ самихъ евреевъ и коренныхъ обитателеи тѣхъ губерній, гдѣ имъ жить дозволено" *.

Сущность самаго Положенія заключается въ слѣдующемъ. Какъ можно уже судить по предисловію, главная задача Положенія заключалась въ устраненіи невыгодныхъ для другихъ сословій послѣдствій отъ промышленной дѣятельности евреевъ. Посему Положеніе предписываетъ евреямъ въ теченіи трехъ лѣтъ со дня изданія его (т. е. до 1808 г.) выселиться совершенно изъ селъ и деревень въ города. Имъ дозволяется заниматься всякаго рода ремеслами и заводить фабрики и заводы. Они могутъ обучать своихъ дѣтей какъ во всѣхъ общихъ учебныхъ заведеніяхъ, такъ и въ собственныхъ школахъ, если захотятъ таковыя устроить. Установляются различныя поощренія для евреевъ, которые захотѣли бы заняться земледѣліемъ. Въ дѣлахъ вѣры они пользуются полной свободой. Кагалъ оффиціяльно возстановленъ Положеніемъ. Чрезъ 3 года евреи должны вести всѣ свои книги и заключать обязательства на нѣмецкомъ, польскомъ или русскомъ языкахъ. Двойныя подати отмѣнены только для болѣе полезныхъ евреевъ — фабрикантовъ, ремесленниковъ и земледѣльцевъ — и дано обѣщаніе, что когда всѣ евреи „окажутъ постоянное направленіе и прилежаніе въ земледѣліи, мануфактурахъ и купечествѣ, тогда правительство приметъ мѣры къ уравненію ихъ податей со всѣми другими подданными". О дозволеніи евреямъ жить по всей Россіи и вступать на государственную службу Положеніе ничего не говоритъ.

Нетрудно усмотрѣть, какая пропасть лежитъ между теоретическимъ либерализмомъ доклада 1803 года и практическими мѣрами относительно евреевъ въ Положеніи 1804 г. Принципы самодѣятельности, самоуправленія гражданъ и невмѣшательства государства выдержаны въ Положеніи только по второстепеннымъ

* Полное Собр. Зак. I, № 21547.

вопросамъ, и притомъ тамъ именно, гдѣ слѣдовало придерживаться противоположнаго начала, т. е. относительно распространенія между евреями активными мѣрами образованія, земледѣльческаго и ремесленнаго труда. Но въ самомъ капитальномъ вопросѣ — о дозволеніи или запрещеніи евреямъ жить по прежнему въ деревняхъ, занимаясь арендой имѣній и торговлей виномъ—Положеніе выступило съ предписаніемъ, прямо противоположнымъ тѣмъ началамъ, которыя провозглашены въ докладѣ, на коемъ Положеніе основано. Въ докладѣ торжественно провозглашалось, что правительство безсильно провести мѣры, несогласныя съ экономическими условіями народной жизни, что необходимо предоставить возможно-большую свободу частному интересу, какъ главному стимулу человѣческихъ дѣйствій, и что девизомъ правительства должно быть: какъ можно менѣе запрещеній, какъ можно болѣе свободы. Въ Положеніи же предписывается удаленіе нѣсколькихъ сотъ тысячъ человѣкъ изъ исконныхъ мѣстъ ихъ жительства и совершенный переворотъ какъ въ ихъ экономическомъ быту, такъ и во всей хозяйственной жизни обширнаго края. Это конечно служитъ новымъ доказательствомъ того вопіющаго разлада между либеральными и реакціонными стремленіями александровской эпохи, который такъ хорошо охарактеризованъ г. Пыпинымъ. Но въ данномъ случаѣ этотъ разладъ объясняется очень легко слѣдующимъ обстоятельствомъ. Бѣдственное положеніе крестьянъ въ западномъ краѣ было фактомъ очевиднымъ и несомнѣннымъ. До правительства часто доходили жалобы по этому предмету, и ясно было, что оно должно что-нибудь сдѣлать для облегченія участи страждущихъ. Еслибъ правительство могло и хотѣло взглянуть дѣйствительности прямо въ глаза, оно легко замѣтило бы, что главная причина крестьянскихъ бѣдствій заключается въ крѣпостномъ правѣ. Но объ освобожденіи крестьянъ тогда еще никто не думалъ серьезно въ высшихъ сферахъ. Необходимо было поэтому найти другую причину, на которую можно было бы взвалить все зло, и она было легко найдена въ лицѣ еврейскаго населенія,—этого Макара, на котораго издавна всѣ шишки валятся Мы

ознакомились уже съ этой курьезной подтасовкой у Державина. Комитетъ, учрежденный въ 1802 г. для устройства быта евреевъ не могъ уйти дальше рутинныхъ воззрѣній на этотъ предметъ, ибо онъ состоялъ изъ того же Державина и трехъ крупнѣйшихъ помѣщиковъ тѣхъ губерній, гдѣ живутъ евреи (Чарторыискій, Потоцкій, Кочубей). Эти лица должны были сдѣлать выборъ между обвиненіемъ крѣпостнаго права, т. е самихъ себя и обвиненіемъ евреевъ въ эксплуатаціи крестьянъ; понятно, что они выбрали второе. Но разъ признавъ безусловный вредъ отъ пребыванія евреевъ въ селеніяхъ для крестьянъ, нельзя было остановиться ни предъ какими мѣрами, какъ бы мало онѣ ни согласовались съ либеральнымъ катихизисомъ членовъ комитета. И вотъ противники всякихъ насильственныхъ мѣръ и приверженцы невмѣшательства, засѣдавшіе въ комитетѣ, приняли предложеніе Державина о выселеніи евреевъ изъ деревень, какъ жертву, принесенную ими на алтарь отечества ради благосостоянія западно-русскихъ крестьянъ! Правда, они не нашли возможнымъ пожертвовать своими интересами и признать, что отвѣтственность даже за злоупотребленія евреевъ падаетъ на помѣщиковъ, которые отдаютъ въ аренду имѣнія и крестьянъ евреямъ и при этомъ заботятся исключительно о своихъ личныхъ выгодахъ; но они пожертвовали своими убѣжденіями, если громкія фразы о свободѣ дѣятельности гражданъ и невмѣшательствѣ правительства были дѣйствительно у нихъ убѣжденіемъ. Какъ бы то ни было, законъ о выселеніи евреевъ изъ деревень былъ утвержденъ и обнародованъ. Но тутъ-то оказалось, что въ теоретическихъ разсужденіяхъ доклада о безсиліи правительствъ идти наперекоръ бытовымъ условіямъ народной жизни и о непрочности законовъ съ такимъ характеромъ было гораздо больше здраваго смысла, чѣмъ въ практической части работъ комитета, представляющей отступленіе отъ общаго начала, вызванное будто бы интересами народнаго благосостоянія.

Но прежде чѣмъ разсказать эту любопытную исторію одной изъ александровскихъ реформъ, необходимо остановиться еще на одномъ совершенно постороннемъ повидимому обстоятельствѣ,

отозвавшемся на судьбѣ еврейскаго вопроса въ то время и характеризующемъ политическую жизнь Европы въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Французская революція совершенно эманципировала евреевъ, отмѣнивъ всѣ ограничительные о нихъ законы. Равенство всѣхъ классовъ населенія независимо отъ вѣроисповѣданія сдѣлалось во Франціи несокрушимымъ общественнымъ фактомъ, на который не осмѣливалась посягнуть ни одна изъ многочисленныхъ послѣдовавшихъ послѣ революціи реакцій. Наполеонъ I, присоединяя къ Франціи одну за другой различныя страны Европы, распространяя на эти страны французскіе законы и учрежденія, вводилъ повсемѣстно и равноправность евреевъ. Эта равноправность евреевъ не вездѣ производила одинаковое впечатлѣніе. Нѣмцы, какъ извѣстно, до сихъ поръ не съумѣли еще отрѣшиться отъ вражды къ евреямъ. Тѣмъ болѣе въ то время эманципація евреевъ должна была вдвойнѣ казаться имъ чѣмъ-то чудовищнымъ: во-первыхъ, какъ выдумка ненавистныхъ побѣдоносныхъ французовъ и во-вторыхъ, какъ посягательство на ихъ исконное право угнетать и презирать евреевъ. Къ этому присоединилась своекорыстная вражда городского промышленнаго сословія, видѣвшаго въ евреяхъ опасныхъ конкуррентовъ и помѣху для своей наживы. Вслѣдствіе этого, когда Наполеонъ въ январѣ 1806 года, возвращаясь изъ похода противъ Австріи, остановился въ Страсбургѣ, то префектъ вмѣстѣ съ купечествомъ осыпали его массою жалобъ на эксплуатацію евреевъ. Наполеонъ обѣщалъ эльзасцамъ защиту противъ евреевъ и по прибытіи въ Парижъ немедленно поставилъ этотъ вопросъ на очередь въ государственномъ совѣтѣ. Большинство членовъ съ негодованіемъ встрѣтило предложеніе объ ограниченіи правъ евреевъ какъ противное принципамъ революціи. Но Наполеонъ, противникъ всякаго рода принциповъ или идеологіи, какъ онъ выражался, былъ непоколебимъ. Онъ издалъ законъ объ ограниченіи имущественныхъ правъ евреевъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Франціи и кромѣ того напалъ на мысль о созывѣ представителей еврейскихъ общинъ для ознакомленія пра-

вительства съ религіознымъ и соціяльнымъ бытомъ евреевъ и изысканія мѣръ къ улучшенію ихъ быта. Собранію этому было поставлено на видъ правительствомъ, что евреи обособляются отъ другихъ народовъ и занимаются ростовщичествомъ. Затѣмъ собранію предложено было 12 вопросовъ, изъ которыхъ главные состояли въ томъ: считаютъ ли французскіе евреи Францію своимъ отечествомъ, а французскіе законы для себя обязательными; дозволяетъ ли еврейскій законъ ростовщичество; законны ли браки евреевъ съ христіанами; допускаетъ-ли еврейскій законъ многоженство, и т. под. На всѣ вопросы собраніе, разумѣется, отвѣтило по желанію правительства. Но Наполеону это показалось недостаточнымъ. Онъ повелѣлъ, распустивъ собраніе, созвать въ Парижѣ Великій Синедріонъ для религіозной санкціи отвѣтовъ собранія. Въ синедріонъ приглашались раввины не только Франціи, но и другихъ европейскихъ странъ. Собраніе синедріона обставлено было большой пышностью, но о какой-нибудь самостоятельной роли онъ, разумѣется, не могъ и мечтать при деспотическомъ наполеоновомъ правительствѣ. Задача его заключалась въ томъ, чтобы признать религіозно-обязательными для евреевъ предписанные правительствомъ нравственные и гражданско-правовые догматы.

Преклоняясь предъ всемогущей властью Наполеона, синедріонъ исполнилъ его требованія, даже тамъ, гдѣ они противорѣчили еврейской религіи; такъ онъ призналъ имѣющими религіозное значеніе браки евреевъ съ христіанами, что противно еврейскому закону. Понятно, что синедріонъ, который торжественно по приказанію правительства долженъ былъ внушать евреямъ, что гражданская власть можетъ измѣнять ихъ религіозные законы,— такой синедріонъ былъ насмѣшкой надъ еврействомъ, униженіемъ, а не возвеличеніемъ его. Но не такъ посмотрѣли на дѣло враждебныя Наполеону правительства другихъ странъ Европы. Зная, что евреи всѣхъ странъ смотрѣли тогда на Францію, какъ на свою избавительницу, они увидѣли въ синедріонѣ приманку,

которою Наполеонъ хочетъ привлечь на свою сторону евреевъ всей Европы, чтобъ имѣть въ нихъ надежныхъ союзниковъ для Франціи при будущихъ войнахъ. Еврейскій историкъ Грецъ допускаетъ эту гипотезу, основываясь на слѣдующемъ анекдотѣ, сообщаемомъ Гизо. Послѣ созыва синедріона Наполеонъ былъ въ прусской Польшѣ, воюя съ Пруссіей. Евреи ревностно доставляли ему за приличную плату необходимые для арміи запасы и свѣдѣнія. Тогда Наполеонъ смѣясь сказалъ: „вотъ, однакожь, для чего пригодился мнѣ синедріонъ“ *. Мы съ своей стороны полагаемъ на основаніи вышеприведенныхъ фактовъ, что цѣль синедріона была та, о которой мы говорили, а не политическая. Но даже съ точки зрѣнія враждебныхъ Наполеону правительствъ единственнымъ средствомъ для парализаціи наполеоновыхъ козней было—даровать евреямъ у себя дома такія же права гражданства, какія имъ были предоставлены во Франціи. Тогда, конечно, опасаться тяготѣнія евреевъ къ Франціи не было бы никакихъ основаній. Но объ этомъ, разумѣется, не могли и думать будущіе творцы „священнаго союза“, поставившаго своей цѣлью уничтоженіе всѣхъ результатовъ, добытыхъ для европейской жизни французской революціей, между прочимъ и эманципаціи евреевъ: извѣстно, какая реакція послѣдовала въ этомъ отношеніи въ Германіи по низверженіи Наполеона. Прибѣгнули поэтому къ старинному средству—полицейскимъ мѣрамъ противъ сношеній туземныхъ евреевъ съ французскими и вообще съ Франціей. Самый дѣятельный примѣръ въ этомъ отношеніи подала, какъ и слѣдовало ожидать, Австрія, эта классическая страна полицейскаго шпіонства и іезуитизма во время оно. Какъ только въ Вѣнѣ узнали о предполагаемомъ синедріонѣ, главный начальникъ полиціи Зумерау циркуляромъ 17 октября 1806 г. далъ знать объ этомъ начальникамъ всѣхъ провинцій. Онъ выставляетъ здѣсь на видъ, что „одинъ поверхностный взглядъ на это событіе рас-

* Грецъ, Geschichte der Juden, XI, 291 и 622.

крываетъ его политическое значеніе и величайшую важность для всѣхъ тѣхъ странъ, гдѣ евреи живутъ и играютъ большую роль, благодаря своей численности, хитрости и солидарности". Поэтому не слѣдуетъ остановиться ни предъ какими мѣрами для воспрепятствованія сношеній между австрійскими евреями и синедріономъ. Особенное вниманіе надо обратить на корреспонденцію болѣе значительныхъ и образованныхъ евреевъ, раскрывать ихъ письма и давать отчетъ объ ихъ содержаніи. Заграничныхъ паспортовъ евреямъ не выдавать и объяснять желающимъ ѣхать во Францію, какія послѣдствія это можетъ имѣть не только для нихъ самихъ, но можетъ быть и для всѣхъ ихъ единовѣрцевъ. За дѣло, какъ видно, принялись весьма серьезно и энергически. Но послѣдовавшія вскорѣ донесенія начальниковъ провинціи были вполнѣ успокоительны, и 20 октября Зумерау докладывалъ императору, что евреи ничего не ожидаютъ для себя отъ плановъ Наполеона. Чрезъ ночь это оптимистическое настроеніе начальника полиціи измѣнилось, и на слѣдующій день онъ доводилъ до свѣдѣнія своего государя, что въ рѣчи Наполеона къ собранію еврейскихъ депутатовъ въ Парижѣ говорится ни болѣе, ни менѣе какъ о совершенномъ перерожденіи всего еврейскаго народа. Въ каждомъ словѣ Наполеона, по мнѣнію Зумерау, ясно видна тенденція—ко всѣмъ другимъ своимъ ролямъ присоединить еще роль псевдо-мессіи. На слѣдующій день опять успокоительный рапортъ, что ни одна еврейская община въ Австріи не получила приглашенія на синедріонъ. Императоръ остался доволенъ этими свѣдѣніями и замѣтилъ, что евреи-ортодоксы, какъ можно было предвидѣть, не будутъ довольны нововведеніями Наполеона; но противнаго слѣдуетъ опасаться со стороны евреевъ цивилизованныхъ, за которыми поэтому нужно имѣть усиленный надзоръ. Въ дополненіе къ этому предписано было имѣть строгое наблюденіе на границѣ—не будутъ-ли евреи пробираться изъ Австріи во Францію; австрійскому посланнику въ Парижѣ велѣно имѣть по возможности наблюденіе за находящимися тамъ австрійскими евреями. Зумерау увѣдомилъ также начальниковъ провинцій, что по его

свѣдѣніямъ существуетъ цѣлое политическое агентство, руководимое однимъ французскимъ дипломатомъ и простирающееся отъ Вѣны до глубины Россіи. Агентство это состоитъ будто-бы преимущественно изъ бѣдныхъ евреевъ и доставляетъ французскому правительству самыя точныя свѣдѣнія обо всемъ. Онъ обратилъ также вниманіе на то, что корреспонденція польскихъ и прусскихъ евреевъ съ своими единовѣрцами во Франкфуртѣ-на-Майнѣ никогда не была такъ многочисленна, какъ въ этомъ (1806) году.

Читая все это, нельзя не изумляться дѣятельности, всевѣдѣнію и подозрительности тогдашней австрійской полиціи. Оказалось однакожъ, что изумительная ея прозорливость не попала въ цѣль: переполохъ былъ напрасный и вся эта исторія была—буря въ стаканѣ воды. Всѣ начальники провинцій, перерывъ всю корреспонденцію евреевъ и собравъ другими путями свѣдѣнія по этому дѣлу, не нашли ни одного намека ни на всемірное французско-еврейское политическое агентство, ни на сношенія австрійскихъ евреевъ съ парижскимъ синедріономъ. Исторія эта такимъ образомъ кончилась ничѣмъ, оставивъ слѣдъ въ однихъ вѣнскихъ архивахъ, откуда она выведена на свѣтъ въ послѣднее время г. Г. Вольфомъ въ вѣнской газетѣ Montagsrevue *.

Но. волненіе, возбужденное необыкновеннымъ явленіемъ великаго синедріона въ Парижѣ, не ограничилось одной Австріей: оно отозвалось и въ Россіи. Государь императоръ повелѣлъ по случаю того, что Бонапартъ созвалъ въ Парижѣ собраніе представителей евреевъ, имѣющее главною цѣлью дать евреямъ разныя преимущества и связать евреевъ всей Европы, созвать особый комитетъ для обсужденія того, не требуетъ-ли это обстоятельство принятія какихъ-нибудь особыхъ мѣръ относительно русскихъ евреевъ. Въ составъ этого комитета вошли: министръ ино-

* См. также Allgem. Zeitung d. Judenthums за 1871 годъ №№ 16 и 17.

странныхъ дѣлъ графъ Будбергъ, Чарторыйскій и Кочубей. Будбергъ въ комитетѣ былъ того мнѣнія, что не взирая ни на что Положеніе 1804 т. должно быть исполняемо строго, и евреи должны быть выселены изъ деревень. Кочубей и Чарторыйскій были того мнѣнія, что въ виду французскихъ затѣй и другихъ обстоятельствъ, выселеніе должно быть пріостановлено на время, и что „необходимо поставить эту націю въ осторожность противъ намѣреній французскаго правительства“. Съ послѣднимъ мнѣніемъ согласился императоръ и вслѣдствіе этого 15 февраля 1807 года далъ сенатору Алексѣеву, отправлявшемуся въ западныя губерніи, инструкцію въ томъ смыслѣ, что выселеніе евреевъ изъ деревень должно быть производимо лишь по мѣрѣ возможности. А 20 февраля того-же года министръ внутреннихъ дѣлъ предписалъ начальникамъ западныхъ губерній имѣть наблюденіе за тѣмъ, нѣтъ-ли какихъ-нибудь сношеній между русскими евреями и парижскимъ собраніемъ, и принять мѣры противъ возможности такихъ сношеній. Предлагается имъ внушать евреямъ, что парижское собраніе стремится къ измѣненію еврейской религіи—для того, чтобы этимъ отклонить русскихъ евреевъ отъ синедріона. Упоминается въ циркулярѣ, что парижское собраніе, вѣроятно, имѣетъ цѣлью дать французскому правительству возможность политическаго вліянія чрезъ посредство евреевъ во всѣхъ тѣхъ странахъ, гдѣ эти послѣдніе обитаютъ. О дальнѣйшемъ ходѣ этого дѣла мы ничего не знаемъ; но можно предполагать, что русская администрація не развернула и сотой доли той пронырливости и дѣятельности, которой отличилась австрійская полиція по этому дѣлу, и „фальшивая тревога“ улеглась въ самомъ началѣ.

Что тревога эта была дѣйствительно совершенно фальшивая, не трудно усмотрѣть изъ всего разсказаннаго нами объ исторіи парижскаго собранія и синедріона. Правительство наше, также какъ и австрійское, очевидно имѣло самыя превратныя понятія о томъ, что происходило въ Парижѣ, когда оно могло думать, что собраніе имѣло главной цѣлью дать разныя преимущества евреямъ. Какъ мы видѣли, Наполеонъ не только не улучшилъ положенія

французскихъ евреевъ, но напротивъ ухудшилъ его и ввелъ во французское законодательство (хотя на время только) весьма существенныя изъятія относительно евреевъ изъ принципа гражданской равноправности лицъ всѣхъ вѣроисповѣданій. Собраніе-же еврейскихъ депутатовъ и синедріонъ призваны были правительствомъ для того только, чтобы санкціонировать мѣры правительства религіознымъ авторитетомъ и приспособить еврейскую религію къ условіямъ европейской жизни по указанію и подъ диктовку Наполеона. Такое собраніе конечно, не могло давать новыхъ преимуществъ евреямъ, будучи призвано къ тому, чтобъ отнять нѣкоторыя изъ пріобрѣтенныхъ ими уже правъ. Съ другой стороны — опасаться, что фанатически-преданные старинѣ польско-литовскіе евреи признаютъ за настоящій синедріонъ такое собраніе, которое въ угоду свѣтской власти отмѣняло нѣкоторые изъ важнѣйшихъ законовъ іудейства—значило обнаружить совершенное незнакомство съ дѣйствительной жизнью евреевъ. Нашей администраціи конечно извинительно было сдѣлать такой промахъ, когда онъ былъ сдѣланъ всезнающей австрійской полиціей; этой послѣдней можетъ быть должно приписать и возбужденіе русскаго правительства противъ парижскихъ кознеи, „имѣющихъ громадное значеніе для всѣхъ тѣхъ странъ, гдѣ живутъ евреи". Это тѣмъ вѣроятнѣе, что австрійская полиція подозрѣвала существованіе обширнаго французско-еврейскаго политическаго агентства, распространеннаго отъ Вѣны до глубины Россіи. Для раскрытія этого фантастическаго агентства дѣятельность русской администраціи могла быть очень полезной барону Зумерау.

Интереснѣе всего однакожъ, что опасеніе бонапартовскихъ замысловъ побудило, какъ мы видѣли, наше правительство на важную для евреевъ мѣру—отсрочку выселенія ихъ изъ деревень. Къ исторіи этого выселенія мы и обращаемся теперь.

III.

Изданіе Положенія 1804 г. вызвало сильнѣйшую тревогу въ еврейскомъ мірѣ. И было чего испугаться и взволноваться! Не смотря на старанія правительства увѣрить евреевъ въ своей благосклонности къ нимъ; не смотря на многія второстепенныя постановленія новаго закона, обнаруживавшія дѣйствительное благоволеніе законодателя къ еврейскому народу, — для массы важна была одна ст. 34-ая Положенія, предписывавшая выселить всѣхъ живущихъ въ уѣздахъ евреевъ въ города втеченіи трехъ лѣтъ. Для массы ясно было только одно — что 60 тысячъ самыхъ бѣдныхъ еврейскихъ семействъ должны были лишиться всякаго пропитанія, потому что въ городахъ и тогда уже предложеніе еврейскаго промышленнаго труда превышало запросъ на него. Между тѣмъ новый законъ, предписывая евреямъ бросить деревни и приискать себѣ новыя занятія, не предпринялъ рѣшительно никакихъ мѣръ для облегченія евреямъ этого внезапнаго перехода къ другимъ промысламъ, а предоставилъ самимъ евреямъ позаботиться объ этомъ, дозволяя имъ учреждать фабрики и заводы, заниматься ремеслами и земледѣліемъ, получать образованіе въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ. Какъ будто цѣлые народы могутъ мѣнять промыслы, усвоенные ими вѣками, также легко и скоро, какъ человѣкъ мѣняетъ платье; какъ будто можно требовать отъ цѣлаго класса, чтобъ онъ вдругъ бросилъ свои исконные промыслы потому только, что ему укажутъ на невыгодность этихъ промысловъ для другихъ классовъ населенія, притомъ сдѣлалъ бы это собственными средствами, безъ постороннеи помощи и участія! Такой актъ великодушія и отваги со стороны цѣлаго народа или сословія былъ бы конечно замѣчательнѣйшимъ феноменомъ въ исторіи; но законодатель расчитывающій на возможность подобнаго явленія обнаруживаетъ полнѣйшее незнакомство съ теоріей и практикой общественной жизни человѣка; понятно, что мѣропріятія подобнаго рода должны непремѣнно лопнуть, какъ справедливо говорилъ докладъ 1803 года. Нетрудно понять поэтому, какое

впечатлѣніе произвела ст. 34-ая Положенія на умы евреевъ и какія затрудненія встрѣтило практическое исполненіе этой статьи. Затрудненія шли впрочемъ не отъ однихъ евреевъ, какъ можно было бы думать, но и со стороны помѣщиковъ. Тѣ самые помѣщики, которые прѣзжему правительственному лицу (Державину) указывали на евреевъ какъ на единственную причину крестьянскихъ бѣдствій, такъ какъ другого благовиднаго объясненія жалкаго положенія своихъ крѣпостныхъ они не могли найти: тѣ самые помѣщики, которые предъ правительствомъ громко кричали о необходимости высылки евреевъ изъ ихъ помѣстій и провели эту мѣру въ комитетѣ 1802 года,—въ дѣйствительности вовсе не хотѣли разстаться съ вѣковымъ, необходимымъ элементомъ ихъ хозяйства—евреемъ-арендаторомъ и корчмаремъ. Мѣстное начальство, обязанное наблюдать за выселеніемъ евреевъ, начало осыпать высшее донесеніями о встрѣчаемыхъ имъ препятствіяхъ. Оно указывало, какъ говорится въ указѣ 19 октября 1807 г. (о которомъ будетъ рѣчь ниже), что помѣщики по военнымъ обстоятельствамъ затрудняются выселить евреевъ; а сами евреи по крайней бѣдности большей части изъ нихъ, при платежѣ двойной подати и возвысившихся цѣнахъ на все, не могутъ въ настоящее военное время выселиться и пріискивать средства для занятія земледѣліемъ, ремеслами и фабричными работами. Военное время впрочемъ играло больше роль предлога, потому что когда оно прекратилось нашлись новыя затрудненія—болѣе общаго и постояннаго свойства. Въ виду такого положенія дѣлъ правительство прибѣгло къ совершенно новой въ русской исторіи мѣрѣ—созыву депутатовъ отъ еврейскихъ обществъ для обсужденія мѣръ необходимыхъ къ исполненію Положенія 1804 г. и устроиству быта евреевъ на новыхъ началахъ. Депутаты, какъ надо полагать, созывались не одинъ, а по крайней мѣрѣ два раза; но мы имѣемъ свѣдѣнія только объ одномъ избраніи депутатовъ, происходившемъ въ Вильнѣ въ 1806 году. Въ Вильно съѣхались 9 представителей главныхъ еврейскихъ общинъ въ Россіи; они избрали трехъ депутатовъ: Зунделя Зонеберга изъ Гродна, Бейниша Ба-

раца изъ Витебска и Михеля Эйзенштадта изъ Могилева и трехъ къ нимъ помощниковъ. Для расходовъ необходимыхъ на пребываніе депутатовъ въ Петербургѣ собраніе избирателей опредѣлило употребить серебряныя украшенія на талесахъ (молитвенныхъ ризахъ евреевъ) *. Державинъ, который остался недоволенъ тѣмъ, что комитетъ 1802 г. не принялъ его предложенія о насильственномъ разселеніи евреевъ по всей Россіи, говоритъ, будто депутаты израсходовали огромныя суммы на подкупъ разныхъ сановниковъ, между прочимъ и Сперанскаго. Но кому неизвѣстно, что множество подобныхъ совершенно ложныхъ обвиненій, было взведено современниками на Сперанскаго, стоявшаго гораздо выше уровня нашей тогдашней администраціи и потому ей ненавистнаго? Несомнѣнно, что Сперанскій находился въ очень близкихъ, дружественныхъ отношеніяхъ съ откупщикомъ-евреемъ Перетцомъ, который жилъ въ Петербургѣ, принималъ у себя весь городъ и имѣлъ большія связи **. Но безспорно и то, что Сперанскій былъ другъ евреевъ по убѣжденію, а не по какимъ-нибудь разсчетамъ. Это видно изъ того, что и тогда когда онъ былъ уже въ опалѣ и жилъ въ Пензѣ, онъ доносилъ оттуда о необходимости разрѣшить евреямъ-винокурамъ пребываніе во всей Россіи. Сенатъ 19 мая 1819 г. опредѣлилъ вслѣдствіе этого, согласно съ заключеніемъ министра финансовъ, признать необходимымъ допущеніе евреевъ-винокуровъ во внутреннія губерніи.

Но возвратимся къ нашему предмету. Чего добивались депутаты и какихъ результатовъ достигла ихъ дѣятельность—объ этомъ мы имѣемъ только косвенныя данныя въ послѣдующихъ правительственныхъ распоряженіяхъ и актахъ, содержаніе коихъ мы и изложимъ ниже; но прямыхъ извѣстій о дѣятельности депутатовъ,

---

* „Кирья Неемана“ (исторія виленскаго еврейскаго общества) С. І. Фина. стр 35 и 47.

** „Жизнь графа Сперанскаго“ барона М Корфа, т I, стр 102.

кромѣ весьма скудныхъ указаній въ сочиненіи г. Фина, мы не имѣемъ *.

Главнымъ образомъ депутаты были озабочены разъясненіемъ высшему правительству всей затруднительности выселенія евреевъ изъ деревень, требуемаго ст. 34-й Положенія 1804 года.

Объ этихъ затрудненіяхъ министръ внутр. дѣлъ Кочубей 10 февраля 1807 г. донесъ Государю, вслѣдствіе чего былъ образованъ снова комитетъ изъ Кочубея, Будберга, Лопухина, Чацкаго, Чарторійскаго, Потоцкаго и Новосильцова. По совпаденію времени, надо предполагать, что это тотъ самый комитетъ, который обсуждалъ вопросъ о парижскомъ собраніи. Кочубеи, какъ мы уже знаемъ, подалъ свой голосъ за отсрочку выселенія евреевъ. Съ нимъ согласился кромѣ Чарторійскаго еще и графъ Чацкій. Онъ заявилъ, что во всѣхъ селеніяхъ западнаго края находится не менѣе 60,000 еврейскихъ семействъ, и что выслать ихъ въ города значило-бы наполнить эти послѣдніе нищими, которые за неимѣніемъ никакихъ средствъ къ жизни могли-бы угрожать общественному спокойствію и пуститься на разбои. Эти соображенія въ связи со многими другими, въ особенности политическими опасеніями со стороны Франціи, побудили правительство согласиться на ходатайство еврейскихъ депутатовъ объ отсрочкѣ исполненія 34 статьи Положенія 1804 г. Въ этомъ смыслѣ, какъ мы видѣли, дана была инструкція сенатору Алексѣеву 15 февраля 1807 г. Но какъ видно опасенія наполеоновыхъ происковъ очень скоро оказались совершенно неосновательными, и въ томъ же году (19 октября 1807 г.) мы встрѣчаемъ новый указъ на имя каменецъ-подольскаго военнаго губернатора Эссена, въ которомъ говорится, что въ настоящее время нѣтъ уже пре-

---

* Было бы очень желательно, чтобъ кто-нибудь взялъ на себя трудъ обнародовать матеріалы для исторіи этого времени, по всей вѣроятности хранящіеся въ архивахъ главныхъ еврейскихъ общинъ западной Россіи, какъ-то: виленской, гродненской, минской и др.

пятствій къ выселенію евреевъ изъ деревень постепенно и съ распорядкомъ, а потому повелѣно приступить къ выселенію евреевъ въ теченіи трехъ лѣтъ. Прежде должны быть выселены тѣ евреи, которые имѣютъ дома въ городахъ или мѣстечкахъ, изъ тѣхъ сель и деревень гдѣ ихъ больше и особенно изъ тѣхъ гдѣ они содержатъ корчмы и шинки. Гдѣ село принадлежитъ нѣсколькимъ помѣщикамъ и потому есть нѣсколько еврейскихъ корчемъ, слѣдуетъ выселить всѣхъ ихъ въ одно время, дабы помѣщикамъ не было подрыва одному предъ другимъ. Предписывается учреждать особые комитеты изъ извѣстныхъ дворянъ для попеченія о выселенцахъ. Комитеты эти между прочимъ должны предлагать кагаламъ дѣлать складчины въ пользу выселяемыхъ; поощрять помѣщиковъ и евреевъ заводить фабрики и заводы, на которыхъ выселяемые могли-бъ найти работу, и представлять правительству о тѣхъ евреяхъ, которыхъ по заявленному желанію и способности къ земледѣлію слѣдуетъ на казенный счетъ переселить въ новороссійскій край, астраханскую и кавказскую губерніи *.

Этими новыми распоряженіями дѣло выселенія евреевъ повидимому было значительно облегчено и упрощено. Но на дѣлѣ оказалось, что чѣмъ больше издавалось распоряженій, тѣмъ затруднительнѣе дѣлалось ихъ исполненіе. Прежде говорили о временныхъ препятствіяхъ и просили только объ отсрочкѣ, теперь указывали на совершенную неисполнимость 34-й статьи и необходимость ея отмѣны. Объ этомъ доносили всѣ мѣстныя начальства, и министръ внутреннихъ дѣлъ кн. Куракинъ 23 декабря 1808 г. поднесъ государю подробную записку, въ которой изложилъ сущность донесеній мѣстныхъ властей по дѣлу о евреяхъ. Въ запискѣ приводятся слѣдующія причины невозможности выселенія евреевъ. Многія мѣстечки относятся къ городскимъ поселеніямъ лишь по имени (извѣстно, что это замѣчается и въ настоящее время, вслѣд-

* П С З. I, 23,165.

ствіе чего множество посадовъ и мѣстечекъ въ Царствѣ Польскомъ и западномъ краѣ или уже переименованы, или имѣютъ быть переименованы въ селенія), переселенные туда евреи не могли бы наити рѣшительно никакихъ средствъ къ жизни по отсутствію городскихъ промысловъ. Нѣкоторые города (какъ Брестъ-Литовскій) и мѣстечки (Тепликъ и др.) совсѣмъ выгорѣли недавно. Тамошніе евреи не могутъ дать переселенцамъ никакой помощи, такъ какъ сами должны искать для себя крова. Казенныхъ фобрикъ, гдѣ евреи могли бы имѣть работу, нѣтъ: частныхъ тоже очень мало. Заняться земледѣліемъ на помѣщичьихъ земляхъ евреи не успѣютъ такъ скоро, тѣмъ болѣе что они связаны старыми контрактами съ тѣми помѣщиками, у которыхъ живутъ теперь. Казенныхъ земель для поселенія на нихъ евреевъ нѣтъ въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ послѣдніе живутъ: въ гродненской губерніи напр. есть всего 200 десятинъ казенной земли, а въ первыи-же годъ тамъ изъявили желаніе заняться земледѣліемъ— нѣсколько сотъ еврейскихъ семействъ. Вообще это выселеніе потребовало-бы значительныхъ расходовъ и не можетъ быть произведено скоро. Этому препятствуютъ еще сильная дороговизна во многихъ мѣстахъ и платежъ евреями двойныхъ податей, чрезмѣрно обременяющій ихъ. Вслѣдствіе этой записки императоръ указомъ 29 декабря 1808 г. на имя литовскаго военнаго губернатора повелѣлъ: пріостановить выселеніе евреевъ изъ деревень впредь до новаго указа *. Затѣмъ 5 января 1809 г. данъ былъ именной Высочайшій указъ дѣйств. тайному совѣтнику Попову слѣдующаго содержанія: при исполненіи указа 19 октября 1807 г. мѣстныя начальства вошли съ новыми представленіями не только о затруднительности, но и совершенной невозможности выселенія евреевъ; поэтому повелѣно пріостановить дѣйствіе 34-й статьи Положенія впредь до новаго повелѣнія. Намѣреніе Государя состоитъ въ томъ, чтобы разсмотрѣть всѣ затрудненія къ пересе-

* П. С. З. I, 22, 344.

ленію евреевъ, дабы принять окончательныя мѣры. Для этого нужно разсмотрѣть мнѣнія еврейскихъ депутатовъ о Положеніи 1804 г. Главныя препятствія, по словамъ указа, заключаются въ бѣдности евреевъ и въ томъ, что правительство не можетъ взять на себя расходы по водворенію ихъ въ новыхъ мѣстахъ. Предстоитъ изыскать мѣры, посредствомъ коихъ евреи, бывъ удалены отъ единственнаго (?) ихъ промысла—продажи вина по селамъ, могли бы снискать пропитаніе работою *. Вслѣдствіе этого опять назначенъ особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ Попова, состоявшій изъ сенатора Алексѣева, товарища министра внутр. дѣлъ Козодавлева, сенатора графа Потоцкаго и статскаго совѣтника Дружинина. Комитетъ этотъ работалъ болѣе 3-хъ лѣтъ и изготовилъ докладъ по еврейскому вопросу, помѣченный 17 февраля 1812 г. Этотъ докладъ составляетъ замѣчательнѣйшее явленіе въ исторіи нашихъ законодательныхъ работъ по еврейскому вопросу: онъ отличается разносторонностью, практичностью и чрезвычайно здравыми экономическими воззрѣніями. Мы передадимъ здѣсь, хотя вкратцѣ, все содержаніе этого важнаго памятника александровской эпохи.

Докладъ начинается подробнымъ историческимъ изложеніемъ законодательнаго хода еврейскаго вопроса съ 1802 г., доводитъ это изложеніе до причинъ невозможности выселенія евреевъ указанныхъ въ запискѣ Куракина, и утверждаетъ, что причины эти существуютъ и въ настоящее время. Основной взглядъ доклада выраженъ въ слѣдующихъ словахъ: „невозможность исполненія ст. 34-й Положенія 1804 г. зависитъ не отъ упорства евреевъ и послабленія начальства, а отъ естественнаго и политическаго положенія тѣхъ губерній, въ коихъ пребываніе евреевъ ограничено". Развивая эту мысль, докладъ говоритъ: до тѣхъ поръ, пока евреи сохраняли политическую независимость и жили въ своей странѣ, они были народомъ преимущественно земледѣльческимъ. Послѣ, когда они были раз-

* П. С. З I. 23,435

сѣяны по всему міру и претерпѣвали вездѣ самыя жестокія гоненія, не будучи нигдѣ признаваемы за осѣдлыхъ гражданъ, земледѣліе сдѣлалось для нихъ совершенно недоступнымъ. Они по необходимости должны были предаться исключительно торговлѣ какъ единственному занятію, соотвѣтствовавшему новымъ условіямъ ихъ жизни. Въ Польшѣ евреевъ было очень много, такъ что торговля сдѣлалась недостаточной для пропитанія всѣхъ ихъ. Съ другой стороны польскіе помѣщики не могли серьезно заниматься веденіемъ хозяйства въ своихъ имѣніяхъ вслѣдствіе постоянныхъ внѣшнихъ войнъ и внутреннихъ междуусобій. Они должны были поэтому искать особыхъ средствъ для увеличенія доходности своихъ имѣній, какъ-то винокуренія и отдачи имѣній въ аренду. Взаимодѣйствіе этихъ двухъ причинъ повело къ тому, что помѣщики воспользовались евреями для своихъ хозяйственныхъ оборотовъ. Евреи сдѣлались необходимыми для помѣщиковъ и такъ какъ они не имѣли права пріобрѣтать земли и заниматься земледѣліемъ, то пребывая въ деревняхъ они должны были ограничиться торговлей виномъ какъ главной профессіей. Когда Бѣлоруссія присоединена была къ Россіи, то русское правительство признало за евреями всѣ прежнія ихъ права. Сенатскій указъ 1786 г. утвердилъ за ними право жительства въ уѣздахъ и аренды помѣщичьихъ имѣній. Такъ было до 1804 г., когда повелѣно выселить всѣхъ евреевъ изъ деревень. Цѣль этого закона заключается въ искорененіи пьянства между сельскими обывателями. Но винокуреніе есть привилегія помѣщиковъ и составляетъ необходимую принадлежность ихъ хозяйства, именно: для сбыта излишка хлѣба и для прокормленія скота бардой. Съ удаленіемъ евреевъ цѣловальники будутъ изъ крестьянъ, и пьянство не уменьшится, а уменьшится число земледѣльцевъ. Прежде крестьянинъ продавалъ свой хлѣбъ на мѣстѣ еврею; теперь онъ долженъ будетъ ѣхать въ городъ, тратить время и трудъ, чтобъ тамъ тоже продать его еврею и пропить вырученныя деньги опять-таки у еврея. То же самое будетъ съ покупкой нужныхъ крестьянину предметовъ: соли, желѣза и т. под.

Въ критическихъ случаяхъ—напр. въ неурожайные годы—кресть-

янинъ находитъ помощь у еврея (объ этомъ, какъ мы видѣли, упоминаетъ и Державинъ). Правительство тоже имѣетъ выгоды отъ пребыванія евреевъ въ деревняхъ. Хлѣбопашество улучшается отъ возможности сбыта своихъ продуктовъ на мѣстѣ. Крестьяне легче могутъ платить подати. 60,000 еврейскихъ семействъ имѣютъ пропитаніе и тоже платятъ всѣ налоги. Кромѣ того, запрещеніе это повело-бы къ закрытію корчемъ и постоялыхъ дворовъ, а слѣдовательно къ лишенію проѣзжающихъ необходимыхъ удобствъ. Оно отозвалось-бы и на казенныхъ поставкахъ и почтахъ, ибо дознано опытомъ, что исправнѣйшія почты—это тѣ, которыя содержатся евреями. Противъ выселенія высказались многіе богатые помѣщики, напр. князь Любомирскій. Оставить евреевъ въ деревняхъ, воспретивъ имъ продажу вина—комитетъ находитъ неудобнымъ по слѣдующимъ причинамъ. Проживающіе въ деревняхъ евреи принадлежатъ къ самымъ бѣднымъ и безъ торговли виномъ не будутъ имѣть никакихъ средствъ къ жизни. Бѣдность крестьянъ въ Бѣлоруссіи происходитъ не отъ евреевъ. Это доказывается тѣмъ, что въ югозападныхъ губерніяхъ тоже есть евреи, а крестьяне тамъ гораздо богаче бѣлорусскихъ. Пока бѣлорусскіе помѣщики не перестанутъ придерживаться теперешней системы хозяйства, покровительствующей пьянству, зло будетъ возрастать, несмотря на то, кто будетъ шинкаремъ—еврей или христіанинъ. Это подтверждается примѣромъ губерніи с.-петербургской, лифляндской и эстляндской, гдѣ евреевъ совсѣмъ нѣтъ, а пьянство очень велико. Если правительство приметъ мѣры къ тому, чтобъ сдѣлать менѣе выгодною торговлю виномъ, то евреи вынуждены будутъ обратиться къ другимъ промысламъ—можетъ быть даже къ земледѣлію, особенно если имъ предоставлено будетъ право пріобрѣтать землю въ собственность.

Съ воспрещеніемъ 60,000 евреевъ торговать виномъ мѣсто ихъ займутъ 60,000 крестьянъ; но крестьяне не замѣнятъ евреевъ. А еще менѣе евреи смогутъ замѣнить крестьянъ, тѣмъ болѣе что помѣщики для огражденія своихъ интересовъ поручатъ продажу вина лучшимъ изъ крестьянъ. Эти послѣдніе для доставленія по-

мѣщикамъ большихъ доходовъ должны будутъ дѣлать то же самое что евреи. При этомъ не надо забывать, что евреи при всей своей способности и привычкѣ къ продажѣ вина никогда не обогащались отъ нея, а только снискивали себѣ пропитаніе.

Если запретить евреямъ торговать спиртными напитками, не удаляя ихъ изъ деревень, то помѣщики, не находя болѣе для себя выгоды отъ пребыванія евреевъ, начнутъ изгонять ихъ изъ своихъ имѣній; тогда возобновятся безчеловѣчныя гоненія на евреевъ, о которыхъ память уже начала изглаживаться благодаря человѣколюбію государя.

Сдѣлать всѣхъ евреевъ купцами и ремесленниками тоже невозможно, потому что во-первыхъ они не найдутъ себѣ занятій въ городахъ и мѣстечкахъ, такъ-какъ тамъ нѣтъ запроса на такую массу торговаго и ремесленнаго труда; во-вторыхъ потому что отъ этого сильно пострадаютъ тѣ евреи, которые теперь занимаются торговлей и ремеслами. Дѣло въ томъ, что въ западномъ краѣ къ продажѣ вина прибѣгаетъ лишь излишекъ евреевъ, не находящій никакихъ другихъ средствъ къ жизни.

Обращать евреевъ въ фабричныхъ невозможно по слѣдующимъ причинамъ. Въ западномъ краѣ нѣтъ фабрикъ—ни казенныхъ, ни частныхъ. Евреи сами не имѣютъ ни капиталовъ, ни желанія заводить фабрики. Еслибъ правительство и затратило на этотъ предметъ нѣсколько милліоновъ, то совершенно напрасно, потому что фабрики и заводы только тогда достигаютъ своей цѣли, когда устраиваются исподоволь по мѣрѣ нужды въ нихъ. „Насильственно же учреждать ихъ—значитъ бросать капиталъ въ воду“. Да и несправедливо было бы насильно обратить евреевъ къ фабричному труду, такъ-какъ они люди свободные а не крѣпостные. Такія насильственныя мѣры обыкновенно безплодны: опытъ послѣднихъ лѣтъ доказалъ, что евреи остаются при прежнихъ своихъ занятіяхъ вслѣдствіе того, что коренныя преобразованія въ ихъ быту не могутъ быть предприняты ни ими самими—по бѣдности, ни правительствомъ—по недостатку средствъ. Повѣренные еврейскихъ обществъ просятъ поэтому о подтвержденіи силы указа

29 декабря 1809 года, коимъ разрѣшена имъ продажа вина, при чемъ описываютъ въ болѣе или менѣе сильныхъ выраженіяхъ бѣдственное положеніе евреевъ. Комитетъ, сообразивъ все это и то, что при теперешнихъ политическихъ обстоятельствахъ (война съ Наполеономъ) не слѣдуетъ ожесточать совсѣмъ еврейскій народъ, угнетенный и безъ того до крайности—пришелъ къ убѣжденію, что необходимо вмѣсто разныхъ отсрочекъ, колеблющихъ силу закона и производящихъ одни замѣшательства, отмѣнить ст. 34-ю Положенія 1804 г. и тѣмъ разомъ пресѣчь всѣ затрудненія.

Результатомъ этого доклада было то, что правительство окончательно убѣдилось въ полной несостоятельности закона о выселеніи евреевъ изъ деревень, и во все послѣдующее время царствованія Александра I мы не встрѣчаемъ ни одного распоряженія въ этомъ смыслѣ. Но однакожъ ст. 34-я Положенія законодательнымъ порядкомъ отмѣнена не была, какъ будто изъ опасенія уронить уваженіе къ закону и дѣйствіямъ правительства. Нечего и говорить о томъ, что фактическая отмѣна дѣйствующаго закона посредствомъ неисполненія его гораздо скорѣе можетъ поколебать достоинство законодательной власти, чѣмъ прямое сознаніе въ сдѣланной разъ ошибкѣ.

Съ восшествіемъ на престолъ императора Николая въ положеніи русскихъ евреевъ, какъ извѣстно, произошла огромная перемѣна. Снова введенъ былъ въ наше законодательство духъ нетерпимости и систематическаго преслѣдованія евреевъ, о которомъ при Александрѣ I начали уже забывать. Установлено много новыхъ и существенныхъ ограниченій гражданскихъ правъ евреевъ, а съ другой стороны принято нѣсколько крутыхъ и радикальныхъ мѣръ къ слиянію евреевъ съ остальнымъ населеніемъ—по крайней-мѣрѣ внѣшнимъ образомъ, какъ то: распространеніе на евреевъ рекрутской повинности, уничтоженіе кагаловъ, запрещеніе еврейской одежды, учрежденіе особыхъ казенныхъ училищъ для евреевъ, организація спеціально-еврейскихъ сборовъ и духовнаго управленія у евреевъ. Но и это царствованіе, не смотря на то что его направленіе было проти-

воположно предшествовавшему, въ первую свою половину признавало всю вѣскость соображеній, высказанныхъ въ докладѣ 17 февраля 1812 г. и придало имъ оффиціяльную санкцію. Въ день обнародованія новаго Положенія о евреяхъ, 13 апрѣля 1835 г., министру внутреннихъ дѣлъ данъ былъ указъ о пріостановленіи выселенія евреевъ изъ селъ и деревень. Въ указѣ этомъ говорится, что донесенія мѣстныхъ начальствъ о затрудненіяхъ и неудобствахъ, открывавшихся при выводѣ евреевъ изъ селъ и деревень, убѣдили правительство въ необходимости пріостановить его. Вслѣдствіе сего поручается министру остановить выселеніе это тамъ, гдѣ оно еще не начато; дѣла возникшія по доносамъ на помѣщиковъ въ передержательствѣ евреевъ прекратить. Не лишаются однако помѣщики права высылать евреевъ изъ своихъ имѣній по собственному усмотрѣнію, но безъ нарушенія контрактовъ законнымъ образомъ заключенныхъ. Это право предоставлено и начальствамъ казенныхъ имѣній всѣхъ вѣдомствъ *. „Изъ этаго видно, говоритъ г. Варадиновъ, что не смотря на многократныя предписанія правительства о воспрещеніи евреямъ пребыванія внѣ городовъ, они не только продолжали жить въ селахъ и деревняхъ, но въ нѣкоторыхъ губерніяхъ переселеніе ихъ въ города не было начато съ 1804 года, т. е. со времени изданія положенія о евреяхъ, которымъ дозволено имъ оставаться въ деревняхъ только до 1808 года; что помѣщики заключали и мѣстныя власти утверждали договоры, предоставлявшіе евреямъ право пребыванія въ частныхъ помѣстьяхъ; что наконецъ присутствіе евреевъ въ казенныхъ имѣніяхъ предполагалось самимъ правительствомъ. Такое очевидное противодѣйствіе распоряженіямъ правительства представляетъ убѣдительныя доказательства о выгодахъ, которыя обыватели селъ и деревень изъ христіанъ находили въ близкихъ сношеніяхъ съ евреями. Но съ другой стороны нельзя выпустить изъ виду и совершенно доказаннаго гибельнаго вліянія послѣ-

* П. С. З. II, 8052.

дователей моисеева закона на простой народъ, какъ-то: распространеніе пьянства изъ еврейскихъ шинковъ и корчемъ, раззореніе крестьянскихъ семействъ разными ухищреніями при покупкахъ и продажахъ и пр. Въ источникахъ нашихъ нѣтъ достаточныхъ данныхъ для разрѣшенія такого противорѣчія и предположенія, что пребываніе евреевъ въ селахъ и деревняхъ было выгодно лицамъ высшихъ сословій, которыя и заботились удерживать ихъ тамъ, не смотря на то что простой народъ страдалъ отъ еврейскаго вліянія. Предположеніе это могло-бы имѣть доказательство въ томъ обстоятельствѣ, что выселеніе евреевъ въ города совершено было тогда только въ губерніяхъ черниговской и полтавской, гдѣ всѣ сословія, какъ помѣщики, такъ казаки и крестьяне, питали къ евреямъ исконную историческую, а потому и небезосновательную (!) ненависть; тогда какъ въ западныхъ губерніяхъ евреи всегда покровительствовались и помѣщиками и мѣстными властями, чему разительнымъ доказательствомъ служитъ владѣніе евреями до 1820 г. крѣпостными помѣщичьими крестьянами на основаніи законно-совершенныхъ актовъ. Но эти данныя при отсутствіи другихъ болѣе прямыхъ указаній недостаточны для безошибочнаго вывода и заключенія, хотя допускаютъ вышесказанное предположеніе" *.

Къ разсужденіямъ г. Варадинова мы еще возвратимся, а здѣсь замѣтимъ относительно указа 13 апрѣля 1835 года, что не смотря на полное фіаско закона 1804 г. о выселеніи евреевъ изъ деревень, правительство судя по этому указу не отказалось отъ мысли привести это выселеніе въ исполненіе вопреки всѣмъ естественнымъ и соціальнымъ условіямъ западнаго края. И дѣйствительно 10 лѣтъ спустя (въ 1845 г.) правительство снова вспомнило про живущихъ по уѣздамъ евреевъ и запретило имъ жить въ корчмахъ по селеніямъ и вообще заниматься тамъ питейной

---

* Исторія министерства внутр дѣлъ, III 2, стр 155.

торговлей *. Тогда неудобства этой полумѣры, предусмотрѣнныя еще въ докладѣ 1812 г., обнаружились на дѣлѣ Евреи перешли изъ корчемъ въ другія помѣщенія, но оставались все таки по деревнямъ, занимаясь арендой оброчныхъ статей и продолжая чрезъ подставныхъ лицъ и разными другими способами имѣть вліяніе на торговлю горячими напитками. Тогда издано было новое распоряженіе, чтобъ евреи къ содержанію оброчныхъ статей въ помѣщичьихъ имѣніяхъ допускались не иначе какъ по формальнымъ контрактамъ; въ этихъ контрактахъ должно быть непремѣнно выставлено условіе, что евреи не должны вступать въ торговыя сдѣлки съ крестьянами и не могутъ имѣть постояннаго пребыванія въ селеніяхъ. Контракты эти должны быть непремѣнно являемы въ земскомъ судѣ и у мѣстнаго становаго пристава, которые подъ страхомъ строжайшей отвѣтственности должны наблюдать за исполненіемъ этихъ правилъ. Какую пользу принесли крестьянамъ всѣ эти строгія мѣры противъ евреевъ и насколько онѣ уменьшили пьянство въ народѣ—можно видѣть изъ слѣдующихъ данныхъ, сообщаемыхъ однимъ изъ лучшихъ нашихъ статистиковъ, знаменитымъ по своей преданности дѣлу освобожденія крестьянъ Журавскимъ. Выселеніе евреевъ изъ деревень въ кіевскои губерніи, по его словамъ, обратилось въ пользу не крестьянъ, а помѣщиковъ. Продажу питей помѣщики производили тогда чрезъ бѣднѣйшихъ своихъ крестьянъ. Они выручали при этомъ сверхъ суммы арендной платы, которую арендаторы выручали съ потребителей вина, еще барышъ арендаторовъ, по всей вѣроятности равный арендной платѣ. Это составляло налогъ съ каждой ревизской крестьянской души по 4 руб. въ годъ. Цѣна на водку съ удаленіемъ евреевъ увеличилась значительно: въ 1845 г. она равнялась 1 р. 71 к. за ведро, въ 1848—50 гг.—2 р. 40 к. Это объясняется тѣмъ, что евреи, имѣя различныя дѣла съ помѣщиками и часто состоя

* П. С З II 19,289

ихъ кредиторами, покупали вино у нихъ дешево и могли продавать его крестьянамъ дешевле; ихъ побуждало къ этому еще опасеніе корчемства въ случаѣ дороговизны вина на мѣстѣ. Съ удаленіемъ евреевъ исчезъ регуляторъ помѣщичьей эксплуатаціи, и помѣщики могли продавать вино своимъ крестьянамъ по произвольно возвышаемымъ ими цѣнамъ. Но можетъ быть вздорожаніе вина имѣло вліяніе на уменьшеніе его потребленія? Отвѣтъ на этотъ вопросъ представляютъ слѣдующія цифры, почерпнутыя Журавскимъ изъ экономическихъ книгъ однаго имѣнія, которое по его словамъ можетъ служить нормальнымъ образцомъ всей губерніи. Въ 1841 г. въ этомъ имѣніи продано 4973 ведра водки, въ 1847 г.—5995, въ 1848 г. —7450, въ 1849 г.—6012 ведеръ. Сумма выручки за вино была: въ 1841 г.—7838 р., въ 1845 г.—8704 р., въ 1847 г.—10,408 р., въ 1849 г.—14,402 р. Такимъ образомъ сумма выручки помѣщиковъ за вино, а слѣдовательно и расходъ крестьянъ по этому предмету въ 10 лѣтъ (1841—50 г.) почти удвоился *. Вотъ каковъ былъ результатъ достигнутыи полувѣковой дѣятельностью нашей администраціи относительно уменьшенія пьянства у крестьянъ удаленіемъ евреевъ изъ деревень! Понятно, что несостоятельность этой мѣры, не говоря уже о ея несправедливости, должна была наконецъ проникнуть въ убѣжденіе законодательной власти, и дѣйствительно уже въ 1853 г. евреямъ дозволено постоянное пребываніе въ деревняхъ хотя и не въ питейныхъ домахъ, а въ настоящее время и запрещеніе евреямъ заниматься питейной торговлей въ селеніяхъ давно уже не существуетъ **.

---

* Статистическое описаніе кіевской губерніи, изд. Фундуклеемъ, 1852 г., т. 2, стр. 160—169.

** Въ послѣднее время изданооднако постановленіе, существенно ограничивающее право питейной торговли въ селеніяхъ. по закону 14 мая 1874 г. евреямъ дозволено торговать питьями не иначе какъ въ собственныхъ домахъ. *Прим. изд.*

IV.

Изложивъ исторію важнѣйшаго изъ постановленій закона 1804 года — ст. 34 Положенія о выселеніи евреевъ изъ деревень — обратимся къ другимъ частямъ Положенія. При этомъ укажемъ на замѣчанія еврейскихъ депутатовъ, чрезвычайно интересныя, какъ выраженіе образа мыслей русскихъ евреевъ того времени и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ—какъ образецъ здраваго смысла и практичности.

Положеніе 1804 г. между прочимъ предоставляетъ еврейскимъ дѣтямъ право обученія въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ они наравнѣ съ другими должны учиться языкамъ русскому, польскому и нѣмецкому и вообще получать равное съ другими общее образованіе. Депутаты замѣчаютъ, что для еврейскихъ дѣтей до вступленія въ общія учебныя заведенія необходимо учиться въ спеціяльно-еврейскихъ училищахъ еврейскимъ предметамъ и подготовиться къ русскому языку, который для нихъ совершенно чуждъ. Это замѣчаніе вполнѣ вѣрно и доказываетъ, что наши предки александровскаго времени вовсе не были противъ распространенія общаго образованія между евреями, а напротивъ очень хорошо понимали при какихъ условіяхъ это можетъ быть осуществимо. Они знали, что никакой религіозный еврей (а какой еврей не былъ тогда религіозенъ?) не отдастъ своего сына въ гимназію, гдѣ еврейскому закону не обучаютъ, не подготовивъ его предварительно въ этомъ отношеніи въ спеціяльно-еврейскомъ училищѣ. Во-вторыхъ, еврейскому мальчику совершенно незнакомому ни съ однимъ европейскимъ языкомъ прямо поступить въ гимназію, гдѣ преподаваніе идетъ на русскомъ языкѣ и слѣдовательно предполагаетъ нѣкоторое знакомство съ этимъ послѣднимъ—было опять-таки невозможно. На сколько эти замѣчанія депутатовъ были практичны и разумны, видно изъ того, что гораздо позже, въ сороковыхъ годахъ, правительство пришло къ убѣжденію въ необходимости открыть для евреевъ сверхъ общихъ учебныхъ заведеній еще и спеціяльныя, гдѣ еврейскія дѣти могли

бы ознакомиться съ еврейскими предметами и вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣсти элементарныя знанія по русскому языку, что̀ облегчитъ имъ возможность вступленія въ общеобразовательныя заведенія. Эти „казенныя еврейскія училища“, существующія и понынѣ, служатъ именно для удовлетворенія той потребности, которая сознавалась нашими предками еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія—потребности въ школѣ, составляющей предшествующее звено между хедеромъ и гимназіей. Но комитетъ 1809 г., разбирая отзывы депутатовъ, не вникъ въ сущность дѣла, мало ему знакомую конечно. Онъ опровергаетъ эти замѣчанія депутатовъ слѣдующимъ. Положеніе 1804 г. вполнѣ соотвѣтствуетъ своей цѣли—сблизить евреевъ съ остальнымъ населеніемъ; здѣсь нѣтъ ничего стѣснительнаго для евреевъ, ибо имъ представляется только возможность получать общее образованіе, а это ни въ чемъ не нарушаетъ требованій ихъ вѣры. Посему нѣтъ надобности измѣнить Положеніе по этому предмету. Такое поверхностное замѣчаніе указываетъ на то, что комитетъ по вопросу объ образованіи евреевъ не ушелъ дальше общихъ мѣстъ о необходимости сліянія и пр., но нисколько не былъ знакомъ съ практической стороной дѣла.

Ст. 8-я Положенія предписываетъ евреямъ по истеченіи трехъ лѣтъ вести свои торговыя книги и писать обязательства исключительно на русскомъ, польскомъ или нѣмецкомъ языкѣ. Депутаты находятъ это правило стѣснительнымъ для своей торговли, особенно заграничной, и просятъ—одни объ отмѣнѣ этого закона, другіе объ отсрочкѣ его, а гродненскіе депутаты—о дозволеніи писать на еврейскомъ языкѣ векселя на сумму не болѣе 100 руб. Относительно этого пункта замѣтимъ, что при чрезвычайно слабомъ распространеніи знанія упомянутыхъ языковъ въ массѣ еврейскаго населенія того времени ст. 8-я Положенія не могла не быть очень стѣснительной для большинства евреевъ и едвали могла быть практически осуществлена на дѣлѣ. Какъ извѣстно, нашъ законъ и теперь признаетъ силу домашнихъ актовъ, писанныхъ на какомъ бы то ни было языкѣ, не исключая и ев-

рейскаго. Комитетъ однакожъ и тутъ не согласился съ депутатами. Статья 8-ая по мнѣнію комитета, должна быть удержана по желательности той цѣли, къ которой она стремится. Она не можетъ стѣснять торговлю евреевъ, ибо иностранцы тоже знаютъ языки польскій и нѣмецкій. Просьба гроднецевъ не можетъ быть уважена, потому что еврейскія сдѣлки рѣдко превышаютъ сумму въ 100 р.; притомъ же можно раздробить каждую сдѣлку и тѣмъ обходить законъ.

Ст. 9-я Положенія опредѣляетъ, что незнающіе одного изъ трехъ упомянутыхъ языковъ не могутъ быть ни раввинами, ни членами магистратовъ. Депутаты говорятъ, что въ эти должности избираются люди достойнѣйшіе и заслужившіе общее уваженіе. Между ними есть много такихъ, которые не имѣютъ времени изучать языки. Раввины могутъ имѣть грамотныхъ писарей, а члены магистратовъ изъ евреевъ могутъ подобно неграмотнымъ членамъ-христіанамъ слушать дѣла и вмѣсто подписи прикладывать печати. Поэтому они просятъ: нѣкоторые объ отсрочкѣ закона на 10 лѣтъ, другіе—объ отсрочкѣ, пока еврейскія дѣти выучатся языкамъ. Съ перваго взгляда это заявленіе депутатовъ кажется плодомъ фанатизма и невѣжества, но въ сущности оно все-таки правильно. Положеніе 1804 г. собственно не приняло никакихъ мѣръ къ распространенію образованія между евреями, предоставляя только евреямъ возможность усвоить европейское образованіе, а въ ст. 8 и 9 оно заявляетъ требованія скораго осуществленія такихъ мѣръ, которыя возможны и справедливы только по значительномъ распространеніи образованія въ еврейской массѣ. Относительно духовныхъ раввиновъ, избираемыхъ обыкновенно изъ стариковъ, посвятившихъ всю жизнь изученію талмуда и никогда не выходившихъ изъ узкой сферы еврейской жизни—требованіе знанія русскаго языка было очевидно и несправедливо и неосуществимо. Это было понято въ позднѣйшее время, когда правительство убѣдилось, что просвѣщенныхъ раввиновъ можно имѣть только изъ спеціяльно для того предназначеныхъ учебныхъ заведеній—раввинскихъ училищъ, а не изъ среды воспитанни-

ковъ ешиботовъ, приготовляющихъ раввиновъ въ старомъ духѣ. Даже относительно членовъ магистратовъ замѣчаніе депутатовъ не лишено основанія. Съ одной стороны, требованіе 9-й ст. Положенія нарушаетъ справедливость: если христіанинъ неграмотный можетъ быть членомъ магистрата, то почему не можетъ быть имъ неграмотный еврей? Съ другой стороны оно и не политично, ибо ведетъ къ преобладанію обязательно-грамотныхъ членовъ изъ евреевъ надъ другими, неграмотными; а стремиться къ этому преобладанію законъ не могъ имѣть въ виду.

Но комитетъ оставилъ безъ уваженія это заявленіе депутатовъ, на томъ основаніи, что прошло уже 7 лѣтъ со времени изданія Положенія и евреи могли уже научиться русскому, польскому или нѣмецкому языку.

Въ силу 28 статьи Положенія, евреи-фабриканты и ремесленники могутъ пріѣзжать на время во внутреннія губерніи, но должны брать для этого паспорты у губернаторовъ. Депутаты просятъ отмѣнить эту послѣднюю формальность, такъ какъ они кромѣ того должны брать на общемъ основаніи паспорты изъ магистратовъ, а ѣхать въ губернскіи городъ для нихъ стѣснительно и убыточно. Но это справедливое требованіе депутатовъ тоже отвергнуто комитетомъ. Онъ указываетъ на то, что прежде евреямъ совсѣмъ запрещенъ былъ въѣздъ въ Россію, а Положеніе расширило ихъ права въ этомъ отношеніи. Но разрѣшеніе губернатора необходимо, потому что при злоупотребленіяхъ магистратовъ „евреи-бродяги могли бы наводнить всю Имперію“.

Относительно одежды евреевъ ст. 9 и 28 Положенія опредѣляютъ, что члены магистратовъ изъ евреевъ а также всѣ вообще евреи во время пребыванія внѣ черты осѣдлости ихъ должны носить нѣмецкое платье. Депутаты говорятъ, что евреи по закону своему не брѣютъ бороды, а потому въ нѣмецкомъ платьѣ они будутъ предметомъ общаго смѣха. Поэтому они просятъ дозволенія носить не нѣмецкое, а русское платье, т. е. то, которое въ употребленіи у русскихъ купцовъ и мѣщанъ. Это замѣченіе было конечно очень разумно: трудно понять почему въ видахъ обру-

сенія евреевъ отъ нихъ требовали больше европейничанья, чѣмъ отъ кореннаго русскаго люда? Комитетъ согласился, что нѣтъ основанія предпочитать нѣмецкую одежду русской и что нужно придерживаться правила совершенствовать евреевъ путями тихими, основанными на ихъ личной пользѣ; посему нужно предоставить имъ право носить русское платье вмѣсто нѣмецкаго.

Затѣмъ слѣдуютъ два замѣчанія депутатовъ, относящіяся къ положенію евреевъ относительно помѣщиковъ. Ст. 54-я Положенія говоритъ, что во владѣльческихъ городахъ и мѣстечкахъ кагалы представляютъ отчетъ объ употребленіи общественныхъ суммъ помѣщикамъ. Депутаты говорятъ, что евреи, какъ купцы и мѣщане, т. е. лица свободныхъ состояній, даютъ отчеты по общественнымъ суммамъ губернаторамъ и казеннымъ палатамъ, а помѣщикамъ они ничѣмъ не обязаны и просятъ освободить ихъ отъ обязанности, установленной въ ст. 54. Комитетъ съ этимъ согласился, принявъ въ соображеніе, что евреи свободные люди и что эти отчеты могутъ вести къ спорамъ и злоупотребленіямъ со стороны помѣщиковъ. Ст. 46 Положенія требуетъ, чтобы каждый еврей при переходѣ на другое мѣсто жительства бралъ у помѣщика, у котораго онъ жилъ, свидѣтельство въ томъ, что онъ ему ничего не долженъ. По словамъ депутатовъ, это даетъ помѣщикамъ возможность стѣснять свободу ихъ передвиженія, чтобъ не лишиться выгодъ отъ пребыванія евреевъ въ ихъ владѣніяхъ. Поэтому они просятъ дозволенія брать такія свидѣтельства на общемъ основаніи изъ Земскихъ Судовъ. Комитетъ согласился и съ этимъ, находя, что евреи какъ люди свободные должны быть уравнены со всѣми горожанами относительно свободы передвиженія.

Далѣе депутаты просили объ отмѣнѣ двойныхъ податей, установленныхъ для евреевъ при Екатеринѣ. Комитетъ находитъ эту просьбу вполнѣ справедливой. Опытъ другихъ странъ доказываетъ, что уравненіе евреевъ съ остальнымъ населеніемъ возбуждаетъ ихъ благодарность, и они обращаютъ свою дѣятельность и проницательность на всѣ роды государственной пользы, а не исключительно торговли. Въ Россіи всѣ граждане, даже идолопоклон-

ники, равны предъ закономъ и евреи, если ихъ уравнить съ остальнымъ населеніемъ, безъ сомнѣнія тоже привяжутся къ своему отечеству. Изъ свѣдѣній, доставленныхъ министерствомъ финансовъ, видно однакожъ, что отмѣна двойной подати, о которой просятъ депутаты, уже совершилась.

Послѣднее замѣчаніе депутатовъ, подлежавшее разсмотрѣнію комитета, относится къ управленію духовными дѣлами евреевъ Положеніе 1804 г. (ст. 51) опредѣляетъ, что власть раввиновъ ограничивается исключительно увѣщаніями и выговорами; гражданскихъ тяжебъ они не имѣютъ права разбирать. Депутаты говорятъ, что такое ослабленіе авторитета раввиновъ можетъ повести къ разврату и противно еврейскому закону. Необходимо по ихъ мнѣнію дать раввинамъ право суда по проступкамъ противъ духовныхъ законовъ. Комитетъ, разсмотрѣвъ это заявленіе, нашелъ слѣдующее. Въ докладѣ, на которомъ основано Положеніе 1804 г., сказано, что правительство оставитъ неприкосновенною религію евреевъ, пощадитъ и самые предразсудки ихъ, но дастъ имъ только возможность заниматься полезными промыслами и уравнитъ ихъ съ другими сословіями. Посему не слѣдовало-бы вовсе касаться духовныхъ дѣлъ евреевъ, такъ-какъ это можетъ поколебать у нихъ нравственность, составляющую основу повиновенія государю и правительству. Духовныя преступленія у евреевъ совершенно не тѣ, что у другихъ народовъ, и за каждое нарушеніе есть въ религіозномъ законѣ наказаніе. Власть исполнять эти наказанія должна быть предоставлена раввинамъ, тѣмъ болѣе что у евреевъ нѣтъ ни консисторій ни синодовъ. Вслѣдствіе этого необходимо измѣнить редакцію ст. 51 въ томъ смыслѣ, что раввины не имѣютъ права разбирать гражданскія дѣла, а только духовныя, и при этомъ не могутъ налагать херимовъ (отлученій).

Другія указанія депутатовъ, напр. насчетъ крестьянскихъ долговъ —говоритъ комитетъ—разрѣшаются предположенной отмѣной ст. 34 Положенія, т. е. дозволеніемъ евреямъ жить по прежнему въ деревняхъ и селахъ. Въ заключеніи доклада комитетъ находитъ нужнымъ указать еще на слѣдующее обстоятельство: ст. 13-я Положенія ис-

числяетъ всѣ губерніи, въ которыхъ евреи имѣютъ право жительства, но туда не вошли вновь образованныя бѣлостокская и тарнопольская области, а также губернія курляндская. Между тѣмъ, по свѣдѣніямъ министерства финансовъ въ этихъ частяхъ Имперіи евреи живутъ издавна. Поэтому необходимо включить означенныя области и губернію въ ст. 13 Положенія.

Этимъ оканчивается докладъ 17 февраля 1812 г., составляющій сводъ трудовъ комитета по еврейскому вопросу, учрежденнаго 5 января 1809 г. Дальнѣйшая судьба этого доклада и вообще означеннаго комитета намъ совершенно неизвѣстна: въ источникахъ нашихъ мы не нашли никакихъ свѣдѣній, прямо относящихся къ этому предмету. Судя однакожъ потому, что выселеніе евреевъ изъ деревень было рѣшительно прекращено во все царствованіе Александра I и надолго послѣ этого, надо полагать, что труды комитета по этому вопросу не пропали даромъ. Что же касается другихъ замѣчаній комитета относительно измѣненій въ нѣкоторыхъ частяхъ Положенія, то правительство, занятое съ 1812 года преимущественно дѣлами военными и дипломатическими, какъ видно не считало необходимымъ начать снова законодательныя работы относительно евреевъ.

Положеніе 1804 года, не смотря на очевидную его несостоятельность во многихъ частяхъ, осталось неприкосновеннымъ de jure вплоть до 1835 года Даже ст. 34—о выселеніи всѣхъ евреевъ живущихъ по уѣздамъ въ города—не была, какъ мы видѣли, формально отмѣнена, хотя все время оставалась мертвой буквой. Но этого мало. Евреи не только продолжали жить въ деревняхъ и производить въ нихъ торговлю питьями, но они еще долгое время арендовали тамъ самыя помѣщичьи имѣнія съ крестьянскимъ оброкомъ и барщиной, что никогда не дозволялось имъ ни польскими, ни русскими законами, но всегда практиковалось—по удобству и выгодности такихъ операцій для помѣщиковъ. Объ этомъ мы имѣемъ слѣдующія свѣдѣнія: въ 1813 г. сенатъ подтвердилъ силу прежнихъ законовъ, воспрещающихъ евреямъ вла-

дѣть населенными имѣніями по какимъ бы то ни было актамъ. Но въ 1816 году до свѣдѣнія сената дошло, что евреи въ западныхъ губерніяхъ продолжаютъ владѣть крестьянами и при томъ въ довольно значительныхъ размѣрахъ: въ одной гродненской губерніи 46 евреевъ владѣли 19,438 крестьянами. Владѣніе это основывалось на домашнихъ актахъ, писанныхъ на простой бумагѣ. Тогда сенатъ предписалъ, чтобы состоявшіе во владѣніи евреевъ крестьяне возвращены были помѣщикамъ и чтобъ послѣдніе произвели расчетъ съ евреями по такимъ владѣніямъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ воспретилъ на будущее время подобныя сдѣлки подъ строгимъ наблюденіемъ губернскаго начальства. Но какъ евреи затратили на аренды значительные капиталы, то министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія кн. Голицынъ, сталъ настаивать, чтобы контракты были обезпечены имѣніями, возвращаемыми помѣщикамъ, а долги евреямъ уплачивались бы изъ доходовъ имѣній. Онъ мотивировалъ свое предложеніе тѣмъ, что съ одной стороны не одни евреи виновны въ такихъ злоупотребленіяхъ, но и помѣщики, поручавшіе имъ свои имѣнія, и присутственныя мѣста, совершавшія иногда акты такого рода; а съ другой стороны—отобраніе у евреевъ имѣній безъ обезпеченія могло разорить не только этихъ евреевъ, но и весь еврейскій народъ, „находящихся уже безъ того въ крайней бѣдности, ибо по законамъ еврейской вѣры и обычаямъ сего народа достаточные должны пещись о пропитаніи бѣдныхъ и оказывать имъ всякую помощь“. Настоянія князя Голицына были признаны справедливыми, мнѣніе его принято Государственнымъ совѣтомъ и Высочайше утверждено *. „Въ настоящее время, говоритъ по этому поводу г. Варадиновъ, едва вѣрится, чтобъ въ 1813 г. и даже до 1820 г. евреи владѣли у насъ крестьянами, чтобы помѣщики рѣшались на сдѣлки съ ними о населенныхъ своихъ имѣніяхъ и чтобы присутственныя мѣста допускали столь возмутительныя злоупотребленія; но такъ быва-

* П. С. З. I. 28,501

етъ силенъ обычай, укоренившійся въ народѣ. Не ново и невозмутительно казалось въ Польшѣ порабощеніе людей христіанскаго закона евреямъ, такъ-какъ во время польскаго владычества евреямъ дозволялась аренда населенныхъ имѣній со всѣми вотчинными правами" *. (Это совершенно невѣрно: польскій законъ такъ-же запрещалъ евреямъ владѣть населенными имѣніями, какъ впослѣдствіи законъ русскій; но оба они не соблюдались на практикѣ по совершенному несоотвѣтствію ихъ съ экономическими условіями края). Когда въ 1816 г. снова и рѣшительно запрещено евреямъ арендовать помѣщичьи имѣнія, то депутаты еврейскихъ обществъ приносили всеподданнѣйшую жалобу объ отмѣнѣ этого запрещенія: жалоба эта оставлена безъ послѣдствій **. Обоюдныи интересъ помѣщиковъ и евреевъ (интересъ крестьянъ, какъ людеи несвободныхъ, принадлежавшихъ къ разряду имуществъ, не могъ имѣть тогда никакого значенія) находилъ однакожъ и послѣ того способы обойти указанныя запрещенія и пустить въ ходъ промышленныя способности евреевъ для эксплуатаціи крестьянъ въ пользу помѣщиковъ и ихъ агентовъ. Прежде еврей арендовалъ имѣніе помѣщика; это было воспрещено. Найденъ былъ способъ облечь это самое дѣло въ форму другой юридической сдѣлки—откупа. Въ 1839 г. дошло до сената дѣло объ одномъ евреѣ, который откупилъ у помѣщика весь хлѣбъ, собранный въ его имѣніи, а также оброкъ, слѣдовавшій къ полученію съ крестьянъ. Сенатъ призналъ такіе откупы незаконными, предписалъ губернскимъ правленіямъ всѣхъ тѣхъ губерній, гдѣ живутъ евреи, не допускать евреевъ ни подъ какимъ предлогомъ къ откупу оброковъ, съ тѣмъ чтобы земскіе суды имѣли строгое наблюденіе за исполненіемъ этого постановленія ***.

Эта необходимость постоянно повторять о существующемъ положительномъ законѣ; эти постоянныя угрозы строгой отвѣтствен-

---

* П. С З. I, 28,501.

** Варадиновъ т. III, ч. 2, стр 471.

*** Варадиновъ т. II, стр 39 и слѣд

ности и напоминанія мѣстнымъ властямъ объ исполненіи несомнѣнныхъ ихъ обязанностей—все это достаточно показываетъ, въ какой мѣрѣ трудно было провести этотъ законъ въ дѣйствительную жизнь. Все сказанное комитетомъ 1802 года въ докладѣ 20 сентября 1803 г. о безсиліи правительственныхъ мѣръ, идущихъ въ разрѣзъ съ требованіями дѣйствительности, превратилось въ предсказаніе относительно участи трудовъ этого самаго комитета и вполнѣ сбылось на выработанномъ имъ законѣ объ удаленіи евреевъ изъ деревень.

Взаключеніе нашего разсказа считаемъ нелишнимъ остановиться еще на слѣдующемъ обстоятельствѣ. Какъ мы видѣли, комитетъ 1809 г. въ своемъ докладѣ между многими причинами, по которымъ слѣдуетъ пріостановить выселеніе евреевъ изъ деревень, указываетъ и на то, что при тогдашнихъ военныхъ обстоятельствахъ неблагоразумно было бы ожесточить совсѣмъ еврейскій народъ, доведенный и безъ того до крайности. Это заставляетъ насъ сказать два слова о роли евреевъ въ народную войну 1812 года. При угрожавшемъ евреямъ выселеніи изъ деревень русской администраціей, при близкихъ отношеніяхъ ихъ къ польской шляхтѣ, перешедшей, какъ извѣстно, всецѣло на сторону французовъ, можно было опасаться, что евреи по примѣру своихъ патроновъ отдадутъ свои симпатіи французамъ, которые повсемѣстно примѣняли къ евреямъ принципы равноправности и эманципаціи. Еслибъ это произошло на самомъ дѣлѣ, то безпристрастный историкъ, принявъ во вниманіе совокупность условій того времени, едва-ли могъ бы отнестись съ укоризной къ такому образу дѣйствій русскихъ евреевъ. Но вышло совершенно противоположное. Есть положительныя доказательства того, что евреи обнаружили полнѣйшую преданность русскому правительству въ кампанію 1812 года и не на словахъ, а на дѣлѣ. Такъ извѣстный партизанъ-поэтъ Д. В. Давыдовъ сообщаетъ, что „духъ польскихъ жителей Гродны былъ для насъ весьма неблагопріятенъ; напротивъ всѣ вообще евреи, обитавшіе въ Польшѣ, были столь преданы намъ, что не хотѣли служить непріятелю въ качествѣ

лазутчиковъ, а весьма часто сообщали намъ важнѣйшія свѣдѣнія о немъ". Онъ разсказываетъ далѣе, что всю полицейскую власть въ Гроднѣ онъ передалъ кагалу, такъ какъ на мѣстныхъ администраторовъ-поляковъ никакъ нельзя было положиться *. Такого же рода факты сообщаетъ одинъ свитскій офицеръ о походѣ 1813 г. „Пришли мы, говоритъ онъ, въ Роски (на прусской границѣ). Жиды приняли насъ съ большой радостью... Пришли въ Краснополь. гдѣ намъ дали порядочныя квартиры. Жиды вышли съ ковчегомъ на встрѣчу императору и были намъ очень рады. Пріѣхали въ Коло. Жиды устроили великолѣпный балдахинъ для императора и многіе поѣхали къ нему на встрѣчу въ богатыхъ одеждахъ" **. Какъ ни мелочны такіе факты, они однако ясно указываютъ на неподдѣльную преданность еврейскаго населенія доброму и человѣколюбивому Александру I, одинаково благоволившему ко всѣмъ своимъ подданнымъ. Опасенія, возбужденныя парижскимъ синедріономъ въ нашемъ правительствѣ, были такимъ образомъ опровергнуты евреями на дѣлѣ.

V.

Факты, сообщенные въ предыдущемъ изложеніи наводятъ на множество размышленій относительно законодательной и административной судьбы такъ-называемаго еврейскаго вопроса у насъ. Чтобы не превратить историческаго очерка въ юридико-экономическій трактатъ, укажемъ здѣсь вкратцѣ только на важнѣйшія въ соціяльномъ отношеніи стороны описанныхъ выше событій и на выводы, которые безошибочно можно изъ нихъ сдѣлать.

Всего болѣе заслуживаетъ вниманія одна характеристическая черта разсмотрѣнныхъ правительственныхъ мѣръ относительно евреевъ — ихъ безплодность и безуспѣшность, составляющая очевидное послѣдствіе ихъ непрактичности и незнакомства админи-

---

* Сочиненія Д. В. Давыдова, т I, стр. 128.

** Дневникъ свитскаго офицера за 1813 г (Русскій Архивъ 1869 г., стр. 222 и 226)

страціи съ условіями дѣйствительнои жизни. Мы видѣли, что съ 1802 по 1845 г. правительство было занято мыслью о необходимости удаленія евреевъ отъ питейнои торговли: но мѣра эта почти вовсе не исполнялась все это время. Единственнымъ результатомъ ея было развѣ то, что еврейское населеніе, имѣя постоянно надъ головои дамокловъ мечъ изгнанія, отдано было на произволъ низшей администраціи, которая угрозои „идущаго вдали закона" могла эксплуатировать евреевъ ad libitum; такова впрочемъ участь всѣхъ подобнаго рода мѣръ, напр. законовъ противъ раскола, достигающихъ только одной цѣли — служить постоянноі статьей дохода для низшихъ полицейскихъ чиновниковъ. Тоже случилось, какъ мы видѣли, съ закономъ объ удаленіи евреевъ отъ аренды помѣщичьихъ имѣній. Такимъ же незначительнымъ успѣхомъ увѣнчались работы правительства по распространенію земледѣльческаго труда между евреями. Объ этомъ предметѣ мы не нашли возможнымъ говорить въ настоящемъ очеркѣ, чтобъ не растянуть его чрезмѣрно; но замѣтимъ только, что неудача и здѣсь произошла не отъ противодѣйствія евреевъ, но отъ нерѣшительности, непрактичности и другихъ недостатковъ въ дѣятельности администраціи. Положеніе 1804 г. обѣщало положительную поддержку тѣмъ евреямъ, которые изъявятъ желаніе заняться земледѣліемъ (напр. отвести для этои цѣли въ каждой изъ губерній, гдѣ живутъ евреи до 30,000 десятинъ казенной земли). Но чтожъ оказалось на дѣлѣ? Въ первый же годъ по изданіи Положенія въ одной гродненской губерніи заявили желаніе заняться земледѣліемъ нѣсколько сотъ еврейскихъ семействъ, а во всей губерніи оказалось будто бы только 200 десятинъ казенной земли. Въ минской губерніи проявилось тоже сильное стремленіе между евреями къ земледѣлію; но правительство опять оказалось не въ силахъ удовлетворить этимъ стремленіямъ, нуждавшимся въ посторонней помощи вслѣдствіе бѣдности самихъ евреевъ. Вотъ факты оффиціяльно удостовѣренные. Вообще нерѣшительность и безсиліе администраціи провести сколько нибудь радикальныя мѣры характеризуютъ все Положеніе 1804 г. и послѣдующія

мѣропріятія александровскаго времени. Положеніе какъ будто берется покровительствовать фабричному и ремесленному труду у евреевъ; но оно даетъ правительству въ этомъ отношеніи роль пассивную, выжидательную, задачу „тихаго ободренія“, едва ли на что нибудь пригодную у насъ. И мы видѣли изъ доклада 1812 г., что правительство рѣшительно считало себя не въ силахъ серьезно развивать эти виды труда у евреевъ. Положеніе поощряетъ распространеніе образованія между евреями, но опять таки не принимаетъ само никакихъ мѣръ для достиженія этой цѣли, ограничиваясь все тѣмъ же „тихимъ ободреніемъ“, т. е. административнымъ far niente. Мало того, когда повѣренные еврейскихъ обществъ указали правительству на мѣры, необходимыя для того, чтобы благопожеланія правительства относительно образованія евреевъ не остались одними pia desideria, комитетъ 1809 г., какъ бы испугавшись громадности предложенной ему задачи, отвергнулъ заявленіе депутатовъ на основаніи ходячихъ фразъ о благихъ намѣреніяхъ Положенія 1804 г. Въ непрактичности многихъ другихъ мѣръ Положенія мы имѣли случай убѣдиться при разсмотрѣніи замѣчаній депутатовъ отъ еврейскихъ обществъ и возраженій комитета 1809 г.—Въ этомъ отношеніи александровская эпоха составляетъ рѣзкую противуположность съ послѣдующей. Первая отличалась искреннимъ доброжелательствомъ къ евреямъ, но отступала предъ рѣшительными мѣрами, возлагая всѣ надежды на духъ времени и успѣхи самихъ евреевъ; вторая, явно непріязненная евреямъ, не стѣснялась никакими крутыми, подчасъ даже жестокими мѣрами для преобразованія евреевъ. При Александрѣ законъ объ изгнаніи евреевъ изъ деревень не былъ приведенъ въ исполненіе; школъ для евреевъ учреждено не было; дѣло колонизаціи евреевъ шло очень вяло; кагалъ оставался на прежнемъ основаніи, не смотря на заявленное правительствомъ желаніе сблизить евреевъ съ остальнымъ населеніемъ; духовныя дѣла евреевъ предоставлены совершенно ихъ свободному внутреннему развитію; еврейская одежда осталась нетронутой за весьма незначительными исключеніями; однимъ словомъ—вездѣ за-

мѣтно преобладаніе принципа невмѣшательства въ бытъ евреевъ и отвращеніе правительства отъ радикальныхъ, а тѣмъ болѣе насильственныхъ мѣръ „совершенствованія“ евреевъ. При императорѣ Николаѣ мы видимъ совершенно противоположное. Весь бытъ евреевъ со всѣхъ сторонъ подвергнутъ самой мелочной административной регламентаціи. Правительство взяло на себя инициятиву самыхъ крутыхъ перемѣнъ въ религіозномъ и соціяльномъ быту еврейскаго населенія. Изгнаніе евреевъ изъ деревень хотя на короткое время и съ грѣхомъ пополамъ, но было приведено въ исполненіе; правительство само учредило спеціяльныя училища для образованія евреевъ и для приготовленія просвѣщенныхъ раввиновъ; сами раввины превращены въ казенныхъ чиновниковъ и вообще все управленіе духовными дѣлами евреевъ подвергнуто строгому правительственному контролю. Дѣло распространенія земледѣлія между евреями тоже подверглось строгой правительственной опекѣ и продолжалось съ большимъ рвеніемъ. Кагалъ былъ отмѣненъ и евреи введены въ общее губернское устройство. Приняты строгія мѣры къ тому, чтобы насильно навязать всѣмъ еврея ъ европейскую одежду, военная повинность распространена на евр евъ не только наравнѣ съ другими сословіями, но даже въ уси енныхъ размѣрахъ. Установлены и подчинены надзору правите ьства спеціяльно-еврейскіе налоги и сборы. Словомъ, вездѣ видно ст емленіе правительства прямо противоположное александровской политикѣ—взять на себя и собственными средствами осуществить то что бы то ни стало задуманныя преобразованія въ быту евреевъ, не разбирая средствъ и не останавливаясь ни предъ какими препятствіями *. Которая изъ этихъ двухъ системъ болѣе

---

* Для характеристики того, какъ сами евреи смотрѣли на отношеніе къ нимъ этихъ двухъ правительственныхъ системъ, приведемъ слѣдующія слова извѣстнаго доктора Лиліенталя: „при Александрѣ I евреямъ дозволено было жить въ Петербургѣ, хотя и вопреки закону. Въ войну 1812 года евреи оказали такія важныя услуги русскому купечеству, что Александръ въ указѣ, из-

справедлива и цѣлесообразна, здѣсь не мѣсто разбирать. Ясно только одно—что ни безсодержательный, выжидательный и бездѣятельный либерализмъ александровской эпохи, ни штатскій милитаризмъ послѣдующаго времени не могутъ вести къ прочнымъ и серьезнымъ улучшеніямъ въ общественной жизни; это вполнѣ подтверждается неудовлетворительностью результатовъ, достигнутыхъ у насъ относительно евреевъ до сихъ поръ.

Другую въ высшей степени интересную черту разсказанныхъ нами событій представляетъ глубокое вліяніе крѣпостного права на всѣ стороны общественнаго быта Россіи, даже на положеніе евреевъ повидимому не имѣющее съ нимъ ничего общаго. Крѣ-

---

данномъ послѣ войны, открыто выразилъ имъ признательность. назвалъ ихъ „бдительнымъ окомъ правительства“ и позволилъ открыть земледѣльческую колонію близъ столицы, но евреи этимъ не воспользовались Ихъ не тревожили до смерти Александра и петербургскій генералъ-губернаторъ Милорадовичъ былъ такжекъ нимъ очень милостивъ. Онъ всегда подписывалъ разрѣшеніе евреямъ жить въ Петербургѣ. Когда чиновники говорили ему о незаконности этого, онъ отвѣчалъ „эти люди суть самые преданные слуги государя, безъ нихъ мы не побѣдили-бы Наполеона и я не былъ бы украшенъ этими орденами за войну 1812 года“ И онъ былъ правъ. Наполеонъ зналъ преданность евреевъ правительству: когда онъ бѣжалъ изъ Россіи и прибылъ въ одно еврейское мѣстечко, то созвалъ всѣхъ евреевъ въ синагогу и заставилъ ихъ присягнуть, что не выдадутъ его преслѣдовавшимъ русскимъ войскамъ. Они присягнули, но Наполеонъ тѣмъ не менѣе избралъ путь не тотъ, который онъ указалъ евреямъ. а евреи дѣйствительно передали казакамъ, что Наполеонъ направился туда-то. Александръ и Милорадовичъ умѣли цѣнить эту вѣрность Когда начальникъ петербургской полиціи жаловался Милорадовичу на устройство евреями кущей въ столицѣ, послѣдній сдѣлалъ распоряженіе о сносѣ кущей въ теченіи восьми дней. Съ восшествіемъ на престолъ императора Николая все это измѣнилось. Правительство захотѣло обратить въ православіе возможно большее число евреевъ и потому изгнало ихъ изъ столицъ, Кіева, Севастополя и др. городовъ Многіе евреи жили въ этихъ

постное право сдѣлало возможнымъ ту эксплуатацію евреями крестьянъ, которую какъ фактъ отрицать невозможно. Необходимость прикрыть гибельное вліяніе крѣпостного права на благосостояніе крестьянъ породила цѣлую доктрину о евреяхъ, какъ единственномъ источникѣ бѣдствій сельскаго населенія, доктрину, перешедшую въ законъ объ удаленіи евреевъ изъ деревень. Этому закону дало жизнь, кромѣ того, и желаніе помѣщиковъ присвоить себѣ выпадавшую на долю евреевъ часть выгодъ отъ питейной торговли (вспомнимъ данныя Журавскаго). Но съ другой стороны, когда пришлось исполнить этотъ законъ на дѣлѣ, оказалось, что помѣщики хотя имѣли горячее желаніе, но не были въ состояніи обходиться безъ евреевъ по неумѣнью вести самимъ свое хозяй-

---

городахъ съ семействами и большая часть ихъ вынуждена была принять православіе. Я познакомился съ нѣкоторыми изъ нихъ и замѣтилъ, что они имѣли большія угрызенія совѣсти и въ душѣ оставались евреями. Чтобъ побудить другихъ евреевъ слѣдовать ихъ примѣру, даны были важные чины и должности нѣкоторымъ изъ крещенныхъ евреевъ Одинъ изъ нихъ П былъ любимымъ секретаремъ Государя, другой Ф. былъ правой рукой Канкрина Нѣкоторые изъ обращенныхъ напротивъ дѣлались самыми ожесточенными врагами евреевъ“ (Письма Лилиенталя о пребываніи его въ Россіи, письмо IV Allgem. Zeit d. Jud. за 1855 г., стр. 60). Не ручаясь за вѣрность всѣхъ сообщаемыхъ Лилиенталемъ фактовъ, замѣтимъ однакожъ, что въ общемъ эта характеристика дышетъ несомнѣнной исторической правдой. Относительно гуманнаго образа мыслей Александра Благословеннаго у евреевъ ходитъ множество разсказовъ Еврейскій писатель Розенсонъ напр. сообщаетъ слѣдующій анекдотъ. Александръ велѣлъ одному изъ министровъ сдѣлать приблизительный расчетъ, во сколько обойдется устройство училищъ для еврейскаго населенія Россіи. Министръ сдѣлалъ смѣту и донесъ Государю, что расходъ будетъ громадный и превыситъ пользу, которую можно ожидать отъ образованія евреевъ. Но Государь будто-бы на это возразилъ, что если изъ этихъ училищъ выйдетъ хоть одинъ Мендельсонъ, то польза будетъ уже превышать издержки (Милхеметъ Гашаломъ, стр. 46).

ство. И вотъ тѣ самые помѣщики, которые создали новый законъ, парализуютъ его дѣйствіе и силу, когда онъ оказался несогласнымъ съ ихъ интересами, и превращаютъ его въ мертвую букву. Высшее правительство въ интересахъ крестьянъ запрещаетъ евреямъ владѣніе населенными имѣніями; но владѣніе это часто выгодно для помѣщиковъ, и они преспокойно нарушаютъ законъ. Они отдаютъ евреямъ свои имѣнія въ аренду, а мѣстныя власти (т. е. тѣ-же помѣщики) свидѣтельствуютъ и охраняютъ силу такихъ договоровъ. Крѣпостной характеръ Положенія 1804 г. несомнѣненъ и просвѣчиваетъ очень часто. Помѣщики его составлявшіе видимо хотѣли закрѣпостить себѣ евреевъ. На это и указали потомъ еврейскіе депутаты, и комитетъ 1809 г. съ ними согласился. Установлена была отчетность мѣстечковыхъ евреевъ предъ помѣщиками въ употребленіи общественныхъ суммъ и необходимость согласія помѣщика на переходъ еврея изъ одного мѣста въ другое—два правила, представляющія очевидное посягательство на общественную автономію и личную свободу евреевъ. Правила эти такъ и остались въ Положеніи, не смотря на замѣчаніе комитета 1809 г. о необходимости ихъ отмѣны. Мы видѣли также, что при исполненіи 34 статьи Положенія (о выселеніи евреевъ изъ деревень) главнымъ образомъ имѣлись въ виду интересы помѣщиковъ. Напомнимъ здѣсь только о томъ, что въ указѣ 19 октября 1807 г. предписывается, когда селеніе принадлежитъ нѣсколькимъ владѣльцамъ и въ немъ поэтому есть нѣсколько корчемъ—выселить всѣхъ евреевъ одновременно „чтобы помѣщикамъ не было подрыва одному предъ другимъ“. Не ясно-ли, что, не смотря на ходячій въ то время либерализмъ, въ сущности на евреевъ, какъ и на крестьянъ, смотрѣли тогда только какъ на статью помѣщичьяго хозяйства, какъ на вещь, а не какъ на людей съ самостоятельными правами и интересами. Не забудемъ при этомъ, что если правительство и пріостановило выселеніе евреевъ, такъ какъ большинство помѣщиковъ нуждалось въ ихъ трудѣ для увеличенія своихъ доходовъ, то за помѣщиками тѣмъ не менѣе всегда признавалось право изгонять евреевъ изъ своихъ

имѣній по своему усмотрѣнію, т. е. тогда, когда они имъ не нужны были, какъ это прямо и выражено въ указѣ 13 апрѣля 1835 г. Не трудно усмотрѣть изъ этого, что евреи хотя de jure вполнѣ свободные, но поселившись на помѣщичьей землѣ, будь это городъ, мѣстечко или селеніе, de facto дѣлались полукрѣпостными и находились всецѣло во власти помѣщиковъ. Этому-же вліянію крѣпостного права слѣдуетъ приписать и полныя неуспѣхъ предположеній закона 1804 г. о пріученіи евреевъ къ земледѣльческому труду. Помѣщикамъ очевидно не было никакой выгоды и расчета—желать развитія земледѣлія у евреевъ. Евреи факторъ, шинкарь, арендаторъ, купецъ—былъ полезенъ и необходимъ помѣщику; но еврей, сосѣдъ по землевладѣнію и ведущій самостоятельное сельское хозяйство, былъ элементомъ въ высшей степени опаснымъ для польско-русскаго дворянства, какъ въ политическомъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи. Крѣпостное право, основанное на рабскомъ даровомъ трудѣ, вообще не можетъ существовать рядомъ съ свободнымъ земледѣльческимъ трудомъ. Одна изъ этихъ формъ труда должна неизбѣжно уступить мѣсто другой, и понятно, что въ данномъ случаѣ крѣпостное право одолѣло существовавшее только in petto у законодателя земледѣліе евреевъ. Такимъ образомъ, если г. Варадиновъ, оффиціяльный историкъ министерства внутреннихъ дѣлъ, лишь съ большими оговорками допускаетъ мысль, что удаленіе евреевъ изъ деревень не удалось по невыгодности этой мѣры для помѣщиковъ, то мы можемъ быть гораздо смѣлѣе его: мы можемъ утверждать, что въ прежней Россіи былъ одинъ основной законъ всего общественнаго и государственнаго быта—крѣпостное право. Всѣ другіе законы и учрежденія имѣли дѣйствительную силу лишь насколько они не противорѣчили этому основному закону. Какъ только какая-нибудь мѣра приходила въ столкновеніе съ этимъ кореннымъ правомъ—она заранѣе обречена была на безсиліе и смерть. Выводъ хотя и не новый, но крайне важный для правильнаго пониманія всего нашего прошлаго, а отчасти и настоящаго.

Наконецъ послѣднее обстоятельство, на которое мы считаемъ необходимымъ указать здѣсь—это характеръ дѣятельности депутатовъ еврейскихъ обществъ въ отношеніи къ реформамъ александровскаго времени и вообще отношеніе евреевъ къ этимъ реформамъ. Г. Финъ въ цитированномъ выше его сочиненіи говоритъ, что депутаты не удовлетворили своему назначенію и навлекли только гнѣвъ на евреевъ со стороны правительства; онъ не указываетъ впрочемъ источника, изъ котораго почерпнулъ свѣдѣнія объ этомъ. Г. Финъ упрекаетъ вообще тогдашнихъ евреевъ въ томъ, что они не поняли благихъ намѣреній правительства и старались удержать во что бы то ни стало свое прежнее положеніе *. Упреки эти по нашему мнѣнію сильно преувеличены, а въ отношеніи къ депутатамъ даже совершенно несправедливы. Евреи дѣйствительно видѣли для себя большое несчастіе въ законѣ объ удаленіи ихъ изъ деревень и воспрещеніи имъ питейной торговли по селамъ. Но могло-ли это быть иначе? Если дворянство, которому на уровнѣ его образованія и матеріальнаго благосостоянія гораздо легче было отрѣшиться отъ крѣпостнаго права, тѣмъ не менѣе упорно держалось его, какъ единственнаго оплота своего существованія; то странно было-бы ожидать, чтобы загнанная, бѣдная и невѣжественная масса еврейскаго населенія добровольно отреклась отъ того рода жизни, который былъ единственно возможный для нея при крѣпостномъ правѣ.

* Это отношеніе къ дѣятельности депутатовъ не чуждо было и нѣкоторымъ изъ ихъ современниковъ, сторонниковъ болѣе энергической политики относительно цивилизованія евреевъ. Князь И. М. Долгорукій, путешествовавшій въ 1810 г. по южной Россіи, разсказываетъ, что онъ встрѣтился въ Умани съ образованнымъ молодымъ евреемъ Гуровичемъ; въ бесѣдахъ съ княземъ Гуровичъ выражалъ желаніе, чтобы правительство воспретило евреямъ ношеніе старинной ихъ одежды и жаловался на депутатовъ отъ еврейскихъ обществъ, которые, какъ люди стараго покроя, исходатайствовали у снисходительнаго правительства привилегію евреевъ на національный костюмъ (Чтенія въ Моск. Общ. Ист. и Древн. за 1869 г., кн. 4, стр. 223).

Не забудемъ при этомъ, что правительство, требуя отъ евреевъ радикальной перемѣны въ образѣ жизни и родѣ занятій, рѣшительно отказалось отъ серьезной помощи имъ въ такомъ трудномъ дѣлѣ; а сами они по бѣдности своей положительно не были въ состояніи исполнить такую задачу. Что касается депутатовъ, то при разборѣ ихъ замѣчаній на Положеніе 1804 года мы видѣли уже, въ какой степени эти замѣчанія вообще практичны и разумны. Депутаты не противорѣчили желанію правительства образовать еврейскихъ дѣтей, но указали, какимъ образомъ цѣль эта можетъ быть достигнута. Они не отрицали необходимости изученія европейскихъ языковъ, но справедливо указали на непрактичность требованій Положенія по этому предмету. Стоя строго на почвѣ фактической, они не дерзали просить коренныхъ улучшеній въ быту евреевъ, напр. разрѣшенія имъ повсемѣстнаго жительства по всей Россіи, но ходатайствовали только объ уравненіи евреевъ съ другими сословіями въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ дозволялся временной пріѣздъ во внутреннія губерніи. Для еврейской религіи они просили тоже равенства съ другими исповѣданіями (независимаго духовнаго суда). Они заботились объ освобожденіи евреевъ отъ помѣщичьей кабалы, въ чемъ опять-таки трудно ихъ упрекнуть. Вообще депутатамъ предстояла задача довольно ограниченная. Отъ нихъ требовалось не вообще ознакомить правительство съ нуждами и потребностями евреевъ, а въ частности указать на недостатки Положенія 1804 г., оказавшіеся при практическомъ его примѣненіи, и эту обязанность они, какъ намъ кажется, исполнили довольно добросовѣстно.

Что касается неудовольствія, которое будто-бы возбудили замѣчанія депутатовъ въ нашей администраціи, то это едва-ли справедливо. Какъ мы видѣли, комитетъ, Высочайше учрежденный въ 1809 г. для разсмотрѣнія ихъ замѣчаній, согласился съ большей частью этихъ замѣчаній и въ докладѣ своемъ нигдѣ не обнаруживаетъ и тѣни неудовольствія на выборныхъ отъ еврейскихъ обществъ.

ЗАМѢТКИ О ЮРИДИЧЕСКОМЪ БЫТѢ ЕВРЕЕВЪ.

I.

Очеркъ законодательныхъ мѣръ относительно евреевъ въ послѣдніе годы.

Характеръ и направленіе законодательства по отношенію къ каждому общественному вопросу, вообще говоря, можетъ служить довольно вѣрнымъ мѣриломъ положенія этого вопроса въ дѣйствительности.

Вотъ почему мы считаемъ далеко не безполезнымъ бросить общій взглядъ на важнѣйшія изъ законодательныхъ мѣръ послѣдняго времени, которыя приближаютъ насъ къ разрѣшенію еврейскаго вопроса въ Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, изучить хорошо прошедшее—значитъ въ половину разрѣшить задачу будущаго. Понятно послѣ этого, что задача изданія, предназначающагося защищать интересы евреевъ, значительно уясняется и облегчается тщательнымъ изученіемъ того, что уже сдѣлано по этому предмету. А въ силу внутренняго соотношенія между законодательствомъ и жизнью обзоръ перемѣнъ, происшедшихъ въ юридическомъ быту русскихъ евреевъ путемъ законодательнымъ, можетъ служить довольно вѣрнымъ мѣриломъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ ими на пути къ гражданскому полноправію.

Само собою разумѣется, что въ краткомъ очеркѣ мы не можемъ вдаваться въ подробную оцѣнку значенія того или другаго

разряда законовъ, касающихся евреевъ; тѣмъ болѣе, что русское законодательство о евреяхъ очень сложно, затрогиваетъ самыя разнообразныя сферы общественной жизни и совершенно еще не разработано. Поэтому предоставляя себѣ впослѣдствіи подвергнуть подробному анализу постановленія нашего закона о евреяхъ, мы въ настоящемъ очеркѣ представимъ бѣглый обзоръ узаконеній, вышедшихъ за указанный періодъ времени и относящихся спеціяльно къ евреямъ. Общіе законы и преобразованія, хотя большая часть изъ нихъ имѣла глубокое вліяніе на судьбу евреевъ, даже болѣе важное, чѣмъ многіе изъ спеціяльно-еврейскихъ законовъ — не могутъ входить въ нашъ очеркъ, потому-что это далеко отвлекло бы насъ отъ нашей задачи. Наша задача состоитъ въ томъ, чтобъ начертать картину перемѣнъ, происшедшихъ въ положеніи евреевъ, какъ отдѣльнаго общественнаго разряда. При этомъ, имѣя въ виду возможность разлада между законодательствомъ и жизнью, мы при изложеніи важнѣйшихъ законодательныхъ преобразованій въ судьбѣ евреевъ будемъ по возможности указывать и на связь этихъ законовъ съ жизнью, на причины ихъ вызвавшія и послѣдствія ихъ въ дѣйствительности.

Вглядываясь ближе въ характеръ и содержаніе нашихъ законовъ относительно евреевъ, легко можно отличить въ нихъ двѣ большія группы, рѣзко отличающіяся своимъ направленіемъ: одна характера положительнаго, а другая — отрицательнаго. Наше законодательство, *сознавая ненормальность исключительнаго положенія евреевъ* и вытекающія отсюда неудобства какъ для самихъ евреевъ, такъ и для государства вообще, принимаетъ положительныя мѣры къ устраненію тѣхъ недостатковъ евреевъ, которые препятствуютъ признанію ихъ равноправности съ остальнымъ населеніемъ.

Въ свою очередь каждая изъ этихъ группъ распадается на нѣсколько отдѣльныхъ разрядовъ. Такъ въ законоположеніяхъ съ характеромъ отрицательнымъ можно различить ограниченія, основанныя на исключительномъ положеніи ев-

реевъ, какъ людей исповѣдующихъ извѣстную религію и ограниченія, основанныя на недовѣріи закона къ евреямъ, какъ народу съ извѣстными экономическими и общественными наклонностями. Положительныямѣры раздѣляются также на мѣры, содѣйствующія развитію между евреями труда земледѣльческаго и ремесленнаго; мѣры къ распространенію просвѣщенія между евреями и мѣры, касающіяся военной службы евреевъ.

Въ этомъ порядкѣ мы и разсмотримъ постановленія нашего законодательства относительно евреевъ за послѣднія 8 лѣтъ.

1.—Ограниченія правоспособности евреевъ, вытекающія изъ особаго взгляда законодателя на еврейскую религію менѣе всѣхъ другихъ частей законодательства о евреяхъ подвергнуты были измѣненію.

Тѣмъ не менѣе и въ этомъ отношеніи мы можемъ указать на законодательныя постановленія, приводящія къ утѣшительному заключенію, что правительство начинаетъ относиться съ большею внимательностью къ еврейской религіи, чѣмъ это было прежде. Такъ отмѣтимъ мнѣніе государственнаго совѣта 27 декабря 1865 г., которымъ между прочимъ уничтожены ст. 203 и 204 улож. о нак. изд. 1857 г., опредѣлявшія наказанія евреямъ, державшимъ въ услуженіи христіанъ. Понятно, какое громадное значеніе имѣетъ этотъ законъ въ дѣлѣ сближенія евреевъ съ остальнымъ населеніемъ и обрусенія ихъ. Далѣе, недовѣріе нашего законодательства къ достоинству еврейскаго исповѣданія выражалось довольно рѣзко въ постановленіяхъ закона о присягѣ евреевъ, и мы можемъ указать на шагъ впередъ по этому предмету. Положеніемъ комитета министровъ 26 апрѣля 1862 г. опредѣлено: освободить полиціймейстеровъ, исправниковъ и окружныхъ начальниковъ отъ обязанности присутствовать при присягѣ евреевъ по всякаго рода дѣламъ. Въ этомъ повидимому незначительномъ облегченіи формальности присяги для насъ важенъ принципъ большаго довѣрія закона къ присягѣ еврея.

Болѣе важной въ этомъ направленіи мѣрой слѣдуетъ считать

отмѣну въ 1867 году закона (п. 3 ст. 153 улож. о нак. изд. 1866 г.), по которому принятіе нехристіаниномъ во время слѣдствія или суда христіанства служило поводомъ къ значительному смягченію ему наказанія. Отмѣна этого правила хотя и имѣетъ характеръ общій для всѣхъ нехристіанъ, но получаетъ особенное значеніе для евреевъ, переходъ которыхъ въ православіе чрезвычайно поощрялся прежнимъ нашимъ законодательствомъ (извѣстно напр. „Положеніе объ учрежденіи общества израильскихъ христіанъ"). Это направленіе законодательства обѣщаетъ благопріятный результатъ для будущей судьбы еврейскаго вопроса, разрѣшеніе котораго въ значительной степени зависитъ отъ соображеній церковныхъ и религіозныхъ.

2.—Ограниченія правоспособности евреевъ, вытекающія изъ соображеній экономическихъ и соціальныхъ. Важнѣйшее изъ ограниченій этого рода состоитъ въ воспрещеніи евреямъ селиться по всей Россіи, за исключеніемъ губерній западныхъ и южныхъ, бывшаго Царства Польскаго, Бессарабіи и остзейскихъ провинцій (съ значительными ограниченіями). Это исключеніе евреевъ изъ всей собственно-русской территоріи въ сущности—естественное послѣдствіе основнаго взгляда нашего законодательства на евреевъ. Какъ извѣстно, наши законы о состояніяхъ (т. IX св. зак.) смотрятъ на евреевъ не какъ на коренныхъ гражданъ имперіи, а какъ на инородцевъ. Это объясняется исторіею появленія евреевъ въ Россіи. Въ древней Россіи, особенно къ концу допетровскаго періода, и даже въ теченіи 18-го вѣка, благодаря преобладавшему въ то время церковному элементу въ государствѣ, евреевъ почти не было. Затѣмъ, по мѣрѣ присоединенія къ русскимъ владѣніямъ земель бывшаго Царства Польскаго, западно-русскаго края, Крыма и Бессарабіи, въ которыхъ съ давнихъ поръ жили евреи, правительство русское сперва только признало фактическое существованіе еврейскаго населенія въ томъ видѣ, какъ оно допускалось мѣстными законами Затѣмъ, со времени Екатерины II начинается рядъ общихъ и частныхъ законоположеній, имѣвшихъ задачей улучшить

положеніе евреевъ во вновь присоединенныхъ областяхъ и подготовить ихъ къ гражданскому полноправію. Но ни одно изъ этихъ положеній не обнаруживаетъ желанія законодательства возвысить евреевъ до степени коренныхъ подданныхъ имперіи, пользующихся одинаковыми правами съ прочими свободными классами населенія. Вотъ почему, не смотря на многое множество мѣръ, принятыхъ правительствомъ того времени для улучшенія быта евреевъ, мѣры эти ограничивались только тои территоріей, въ которой евреи уже жили. Положеніе ихъ поэтому въ сущности не измѣнилось противъ того, какъ оно сложилось въ средніе вѣка при варварскомъ законодательствѣ Рѣчи Посполитои. Только съ начала нынѣшняго царствованія, съ наступленіемъ эпохи радикальныхъ переворотовъ во всемъ строѣ русскои жизни, начинаются многочисленные проломы въ старои системѣ нашего законодательства относительно евреевъ. Такъ еще въ 1858—60 годахъ издано было нѣсколько узаконеніи, которыми позволено купцамъ 1-й гильдіи изъ евреевъ приписаться въ купечество по всей Россіи, а купцамъ 1-и и 2-и гильдіи разрѣшено привозить товары на ярмарки въ Харьковѣ и Сумахъ. Разрѣшено также евреямъ селиться на разстояніи ближе 50 верстъ отъ западнои границы, чего прежде имъ не дозволялось. Въ разсматриваемыи нами періодъ времени издано также нѣсколько законовъ, которыми расширена свобода жительства евреевъ въ чертѣ ихъ постояннои осѣдлости и внѣ ея. Важнѣйшіе изъ этихъ законовъ состоятъ въ слѣдующемъ.

Въ дополненіе къ закону 24 іюля 1860 г., которымъ разрѣшено жительство въ Николаевѣ и Севастополѣ евреямъ-купцамъ всѣхъ трехъ гильдій, 4 іюня 1861 г. разрѣшено жить въ означенныхъ городахъ и евреямъ-ремесленникамъ, а 24 марта 1866 г. это послѣднее право разъяснено подробными правилами. 27 октября 1861 года Высочайше утверждено положеніе комитета объ устройствѣ быта евреевъ, по которому отмѣнены существовавшія до тѣхъ поръ ограниченія относительно жительства и торговли евреевъ въ извѣстныхъ частяхъ города Вильны. Судя по отзывамъ, которые появлялись въ то время въ газетахъ,

законъ этотъ имѣлъ очень благодѣтельныя послѣдствія для еврейскаго населенія Вильны. Въ самомъ дѣлѣ, при необыкновенной густотѣ, а вслѣдствіе этого и страшной бѣдности еврейскаго населенія этого города, законы, не дозволявшіе евреямъ жить и торговать на нѣкоторыхъ (и притомъ главнѣйшихъ) улицахъ бывшей столицы Литвы, должны были весьма чувствительно отзываться на ихъ благосостояніи. Притомъ подобныя ограниченія какъ нельзя болѣе тормазятъ дѣло эманципаціи и обрусенія евреевъ Мелочныя стѣсненія на каждомъ шагу напоминаютъ еврею, что законъ и общество выключаютъ его изъ своей среды, и слѣдовательно поддерживаютъ въ немъ изолированность и отчужденность. Затрогивая самую обыденную жизнь еврея, да притомъ еще самую чувствительную для бѣднаго класса струну, а именно экономическую, эти стѣсненія ежеминутно находятся предъ глазами, постоянно даютъ себѣ чувствовать и такимъ образомъ оставляютъ неизгладимое впечатлѣніе въ умахъ еврейскаго населенія...

Мнѣніемъ государственнаго совѣта 11 декабря 1861 года опредѣлено слѣдующее: евреи купцы 1-й и 2-й гильдіи, неопороченные судебными приговорами, не замѣшанные въ дѣлахъ о контрабандѣ и несостоящіе подъ надзоромъ полиціи, могутъ селиться въ г. Кіевѣ безъ всякихъ ограниченій. Они могутъ держать при себѣ свои семейства и необходимую прислугу изъ евреевъ. Остальнымъ евреямъ постоянное жительство въ Кіевѣ не дозволено, но значительно расширена свобода пріѣзда и временнаго пребыванія въ этомъ городѣ, именно — для торговыхъ операцій, леченія и ученія, впрочемъ только на время, необходимое для исполненія своего дѣла. Исключая эти случаи, временное пребываніе въ Кіевѣ евреевъ допускается лишь съ разрѣшенія главнаго мѣстнаго начальства. При этомъ какъ временное, такъ и постоянное пребываніе евреевъ въ Кіевѣ ограничено извѣстными частями города; въ остальныхъ частяхъ они могутъ селиться лишь съ разрѣшенія мѣстнаго генералъ-губернатора. Изъ этого ограниченія сдѣланы впрочемъ нѣкоторыя изъятія.

Законъ этотъ имѣетъ громадное значеніе для юго-западныхъ евреевъ. Дѣйствительно Кіевъ можно назвать столицей этого края во всѣхъ отношеніяхъ. Бывающія тамъ лѣтняя и зимняя ярмарки (т. наз. контракты) составляютъ центръ экономической жизни этого края, въ которомъ живетъ такое громадное количество евреевъ, занимающихся исключительно торговлей и промышленностью. Понятно поэтому какъ тягостно должно было дѣйствовать на нихъ стѣсненіе свободы пріѣзда и пребыванія въ этомъ городѣ, въ которомъ они постоянно имѣли значительныя торговыя и другія дѣла.

Очевидно поэтому, что законъ 11 декабря 1861 г., хотя онъ не вполнѣ растворяетъ еще всѣмъ евреямъ ворота матери городовъ русскихъ, есть весьма важное пріобрѣтеніе для юго-западныхъ евреевъ въ экономическомъ отношеніи *. Онъ впрочемъ имѣетъ еще одно не менѣе важное значеніе: допущеніе евреевъ къ пребыванію въ одномъ изъ русскихъ городовъ значительно приближаетъ насъ къ тому времени, когда законодательство вмѣстѣ съ обществомъ будутъ признавать ихъ не инородцами, но коренными гражданами Имперіи, отличающимися отъ остальнаго населенія только своимъ вѣроисповѣданіемъ.

Слѣдуетъ замѣтить еще, что жизнь усвоила себѣ не только букву этаго закона, но и духъ его; такъ что въ настоящее время евреи составляютъ уже въ Кіевѣ правильно-организованную общину съ синагогой, раввиномъ и пр.

26 апрѣля 1862 г. Положеніемъ комитета объ устройствѣ быта евреевъ дозволено еврсямъ-раввинистамъ (т. е. обыкновеннымъ евреямъ) жить въ г. Трокахъ (Виленской губ.). Въ поясненіе этаго закона необходимо замѣтить слѣдующее. Въ Россіи живетъ особая секта евреевъ, извѣстная подъ именемъ караи-

---

* Изъ отчета министра внутреннихъ дѣлъ за 1860 г. видно, что законъ этотъ вызванъ стѣсненіемъ торговли въ Кіевѣ вслѣдствіе изгнанія евреевъ

мовъ. Караимы живутъ главнымъ образомъ въ Крыму и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Виленской губерніи; здѣсь главное поселеніе ихъ находится въ г. Трокахъ. Караимы пользуются изстари особыми льготами и преимуществами въ сравненіи съ евреями-раввинистами. Въ числѣ этихъ привилегій находится между прочимъ и дозволеніе имъ исключительнаго отъ прочихъ евреевъ жительства въ г. Трокахъ, который и считается Іерусалимомъ русскихъ караимовъ. Указаннымъ закономъ разрѣшено всѣмъ евреямъ селиться въ этомъ городѣ и тѣмъ исключено изъ нашихъ законовъ еще одно ограниченіе въ отношеніи къ евреямъ. Разрѣшеніе евреямъ быть въ Трокахъ было торжественно отпраздновано виленскими евреями какъ необычайное событіе. Одно это обстоятельство уже достаточно свидѣтельствуетъ, какое важное значеніе имѣетъ въ глазахъ виленскихъ евреевъ законъ 26 апрѣля 1862 года.

Разсмотрѣнныя узаконенія касаются свободы жительства евреевъ въ чертѣ прежней ихъ осѣдлости, и потому имѣютъ характеръ частныхъ улучшеній, хотя и довольно серьезныхъ. Несравненно важнѣе для еврейскаго вопроса въ Россіи законъ 28 іюня 1865 г. о дозволеніи нѣкоторымъ евреямъ жить по всей Имперіи. Сущность этого закона состоитъ въ слѣдующемъ. Евреямъ-механикамъ, винокурамъ, пивоварамъ и вообще ремесленникамъ, если они представятъ письменное удостовѣреніе о званіи или ремеслѣ, дозволяется жить повсемѣстно на пространствѣ всей Россійской Имперіи, причемъ они могутъ держать при себѣ свои семейства. Евреямъ неремесленникамъ моложе 18 лѣтъ дозволяется жить внѣ черты осѣдлости евреевъ для обученія ремесламъ Евреи-ремесленники, проживающіе внѣ черты осѣдлости евреевъ, подчиняются общимъ правиламъ ремесленнаго устава и могутъ наравнѣ со всѣми цеховыми записываться въ гильдіи.

Законъ этотъ разъясненъ циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 16 февраля 1866 г., въ которомъ изложено, что евреи ремесленники, проживающіе внѣ черты осѣдлости евреевъ, могутъ

заниматься тамъ тѣми-же ремеслами и въ такомъ-же размѣрѣ, какъ всѣ вообще ремесленники. Они могутъ также брать гильдейскія свидѣтельства, оставаясь однакожъ въ цехахъ, и могутъ въ такомъ случаѣ на основаніи общаго закона торговать лишь своими собственными издѣліями.

Очевидно, что законъ 28 іюня 1865 г. есть первый значительный шагъ на пути къ признанію евреевъ полноправными гражданами Имперіи; мы считаемъ по этому необходимымъ остановиться на немъ нѣсколько долѣе.

Въ соображеніяхъ относительно закона 28 іюня, которыя были вскорѣ помѣщены послѣ его изданія въ Сѣверной Почтѣ (органѣ министерства внутреннихъ дѣлъ), мы читаемъ слѣдующее. Число ремесленниковъ въ губерніяхъ, находящихся внѣ черты осѣдлости евреевъ несравненно меньше, чѣмъ въ губерніяхъ гдѣ живутъ евреи. Такъ въ кіевской губерніи (кромѣ самаго Кіева) находится 5000 ремесленниковъ записанныхъ въ цехи; а извѣстно, что есть еще весьма значительное число ремесленниковъ, которые не записаны въ цехи. Между тѣмъ въ курской губерніи, близкой къ кіевской и сходной съ нею по экономическому своему характеру, число ремесленниковъ не превышаетъ 1500; а въ губерніи ярославской, одной изъ наиболѣе промышленныхъ и богатыхъ центральныхъ губерній, число ремесленниковъ доходитъ только до 800. Изъ этого слѣдуетъ, что губерніи западныя страдаютъ излишествомъ ремесленнаго труда, между тѣмъ какъ внутреннія губерніи имѣютъ въ немъ значительную нужду. Поэтому, отъ разрѣшенія евреямъ-ремесленникамъ (изъ которыхъ почти исключительно слагается классъ ремесленниковъ въ западномъ краѣ) селиться во внутреннихъ губерніяхъ можно ожидать много пользы какъ для этихъ губерній, такъ и для западныхъ. Кромѣ того дворянство курской и смоленской губерніи, воронежскій военный губернаторъ и управляющій акцизными сборами курской губерніи ходатайствовали предъ правительствомъ о дозволеніи евреямъ механикамъ, винокурамъ, пивоварамъ и дистилляторамъ проживать во внутреннихъ губерніяхъ. Въ этомъ фактѣ, столь многознаменательномъ вообще

особенно важно для насъ то, что о допущеніи евреевъ къ проживательству внѣ прежней ихъ осѣдлости ходатайствовали представители тѣхъ губерній, которыя находятся на рубежѣ постоянной ихъ осѣдлости, какъ сѣверозападнаго (губернія смоленская), такъ и югозападнаго края (курская и воронежская), и которые слѣдовательно могли близко ознакомиться съ экономическимъ значеніемъ евреевъ, съ тѣмъ вредомъ, какой они будто-бы неминуемо должны нанести интересамъ того населенія, среди котораго живутъ. Несмотря однакоже на все то, они рѣшились просить о допущеніи въ среду ихъ этого опаснаго племени.

Принимая во вниманіе эти факты, сомнѣваться въ вѣрности которыхъ нѣтъ возможности, такъ какъ они сообщены оффиціальной газетой, мы можемъ безошибочно сдѣлать такого рода заключеніе. Законъ 28 іюня 1865 г. есть ясно сознанная, путемъ самой жизни выработанная мысль объ общей пользѣ для Россіи отъ пребыванія въ ней евреевъ-ремесленниковъ.

Разсмотримъ послѣдствія этого закона. Мы не можемъ конечно вдаваться здѣсь въ изложеніе всѣхъ извѣстій, которыя появились со времени изданія закона 28 іюня 1865 г. въ газетахъ относительно поселенія евреевъ внѣ прежней черты постоянной ихъ осѣдлости. Укажемъ на слѣдующіе факты относительно евреевъ въ Петербургѣ. Не такъ давно въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ помѣщено было слѣдующее. Вслѣдствіе ходатайства евреевъ, проживающихъ въ Петербургѣ, о дозволеніи имъ построить здѣсь синагогу, сдѣлана была перепись живущимъ постоянно въ Петербургѣ евреямъ и оказалось, что всѣхъ ихъ 346 человѣкъ. Изъ нихъ—220 ремесленниковъ, 52 купца 1-й гильдіи, 23 медика (большей частью доктора медицины), 6 дантистовъ, 1 ветеринаръ, 1 магистръ правъ, 15 кандидатовъ правъ, изъ которыхъ 11 служатъ въ разныхъ судебныхъ учрежденіяхъ, преимущественно въ сенатѣ. 2 кандидата естественныхъ наукъ, изъ которыхъ одинъ — доцентъ университета; 4 фармацевта, 3 окончившихъ технологическій институтъ, 1 окончившій

курсъ академіи художествъ и 3 журналиста. Изъ соображенія этихъ цифръ оказывается во 1) что число евреевъ въ Петербургѣ, не смотря на то, что со времени изданія закона 23 іюня прошло уже нѣсколько лѣтъ, довольно мало, такъ что опасенія нѣкоторыхъ боязливыхъ публицистовъ насчетъ возможности наплыва евресвъ во внутреннія губерніи и захвата ими въ свои руки всѣхъ отраслей торговли, промышленности и пр. оказываются неосновательными; во 2) что еврейское населеніе Петербурга, какъ видно изъ приведеннаго перечня лицъ, можетъ считаться вполнѣ производительнымъ, изъ чего уже a priori можно заключить, что оно не только не живетъ на счетъ остальнаго населенія, но напротивъ въ извѣстной степени содѣйствуетъ экономическому и умственному прогрессу сѣвернои Пальмиры.

О вредѣ, какои еврейскіе промышленики могли-бы приносить внутреннимъ губерніямъ, еслибы имъ дозволено было тамъ поселиться, можно себѣ составить отчетливое понятіе изъ слѣдующихъ словъ, заимствованныхъ нами изъ описанія поѣздки отъ Нижняго Новгорода до Перми. „Жители этихъ мѣстъ бездѣятельны и не имѣютъ склонности къ промышленному труду. Богатые спокойно сидятъ по домамъ, а бѣдные заботятся только о насущномъ хлѣбѣ, не думая о завтрешнемъ днѣ. Товары закупаются на годъ впередъ, причемъ купцы зарабатываютъ на нихъ отъ 30 до 40 процентовъ, и если до конца года не хватитъ товаровъ, то никто не подумаетъ запастись ими до конца года (вѣроятно до нижегородской ярмарки). Еслибъ здѣсь были евреи, свѣдущіе въ торговомъ дѣлѣ и съ капиталами, то они могли-бы значительно развить здѣсь торговлю и промышленность, особенно операціями по сплаву земледѣльческихъ продуктовъ, пивоварению, винокуренію, подрядамъ и поставкамъ припасовъ для черныхъ рабочихъ“ (Гакармель, 1863 г. № 40). Всякій, знакомый съ характеромъ описываемой мѣстности и русскаго купечества вообще, согласится, что слова проѣзжаго еврея совершенно справедливы, и что отъ поселенія евреевъ-промышленниковъ въ описываемомъ краѣ, какъ и вообще внутри Россіи, можно ожидать только большаго оживленія

экономической жизни страны. Но если свидѣтельство еврея въ этомъ отношеніи можетъ казаться недостаточнымъ, то мы можемъ указать на другое, болѣе вѣское Вотъ что говоритъ о значеніи евреевъ для Сибири глубокій знатокъ Россіи С. Максимовъ, котораго никто не заподозритъ въ маломъ сочувствіи къ интересамъ русскаго народа и въ склонности пожертвовать ими для выгодъ инородцевъ „Въ Сибири вообще евреи много оживляютъ край въ промышленномъ отношеніи. Для Сибири евреи пригоденъ и полезенъ; въ Сибири для нихъ болѣе широкое поле вмѣсто того, на которомъ они живутъ теперь и гдѣ такъ надоѣли всѣмъ туземцамъ.“ (Вѣстникъ Европы 1868 г., т. 3, стр. 134). Слова эти не требуютъ коммептаріевъ, нѣтъ также никакого основанія предполагать, чтобы сказанное здѣсь относительно Сибири не имѣло примѣненія и къ другимъ мѣстностямъ.

Но помимо этихъ соображеніи мы можемъ привести еще краснорѣчивый доводъ въ пользу этого мнѣнія. Въ ноябрѣ прошлаго года всѣми газетами перепечатано было изъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей извѣстіе о томъ, что 18 первостатейныхъ купцовъ въ Петербургѣ ходатайствовали предъ высшимъ правительствомъ о дозволеніи имъ держать прикащиковъ и повѣренныхъ изъ евреевъ и вообще объ облегченіи евреямъ пребыванія въ Россіи. Итакъ, послѣ четырехлѣтняго пребыванія евреевъ въ Петербургѣ, купечество, которое, замѣтимъ мимоходомъ, по весьма понятнымъ причинамъ вездѣ болѣе другихъ классовъ враждебно евреямъ, уже находитъ, что въ интересахъ процвѣтанія промышленности желательно, чтобы право жительства евреевъ въ Петербургѣ было распространено и на еврейскихъ промышленниковъ и торговцевъ.

Послѣ узаконеній о предѣлахъ осѣдлости евреевъ слѣдуютъ тѣ ограниченія, которыя стѣсняютъ ихъ имущественную свободу. Въ этомъ отношеніи въ разсматриваемый нами періодъ времени сдѣланы также нѣкоторыя крупныя улучшенія. Такъ законъ 26 апрѣля 1862 г., принимая въ соображеніе, что существующее запрещеніе евреямъ пріобрѣтать населенныя недвижимыя имѣнія не можетъ относиться, по смыслу своему, къ тѣмъ помѣщичьимъ

землямъ, въ которыхъ обязательныя отношенія крестьянъ окончательно прекращены, опредѣлилъ: евреямъ дозволяется пріобрѣтать помѣщичьи земли, въ которыхъ окончательно прекращены обязательныя отношенія крестьянъ.

Затѣмъ законъ 5 марта 1864 г. объ обязательной продажѣ польскихъ имѣній въ западномъ краѣ, имѣющій главной задачей создать тамъ русское землевладѣніе, воспретилъ пріобрѣтеніе этихъ имѣній евреями. По смыслу этого закона, евреямъ дозволено только арендовать въ этомъ краѣ винокурни и постоялые дворы. Но Высоч. утв. положеніемъ комитета министровъ 29 января 1868 г. опредѣлено, что евреи могутъ также быть арендаторами и управителями мельницъ, сахарныхъ, стеклянныхъ и иныхъ заводовъ, требующихъ для завѣдыванія ими техническихъ знаній и извѣстнаго капитала. Законъ этотъ чрезвычайно важенъ самъ по себѣ для экономическаго положенія западнорусскихъ евреевъ, такъ какъ онъ дастъ весьма многимъ изъ нихъ новыя средства въ жизни. Очень интересны также соображенія, которыми этотъ законъ вызванъ. Въ немъ именно говорится, что такъ какъ въ этомъ краѣ почти вся торговля и промышленность находится въ рукахъ евреевъ, и кромѣ нихъ нѣтъ людей способныхъ завѣдывать фабриками и заводами, то отъ запрещенія пріобрѣтателямъ продаваемыхъ имѣній отдавать въ аренду или въ управленіе евреямъ имѣющіяся въ этихъ имѣніяхъ заведенія можетъ произойти то, что заведенія эти придутъ въ упадокъ, отчего произойдетъ большой вредъ для сельскаго хозяйства и промышленности края; обстоятельство это можетъ служить даже къ тому, чтобъ уменьшить въ русскихъ капиталистахъ желаніе покупать эти имѣнія. Мы находимъ поэтому въ немъ новое подтвержденіе того положенія, что интересы евреевъ солидарны съ истинными интересами остальнаго населенія, а не противны имъ, какъ утверждаютъ нѣкоторые близорукіе публицисты.

Въ законодательствѣ нашемъ существовало еще одно весьма тягостное для экономическаго быта евреевъ ограниченіе относи-

тельно производства и продажи питей. Воспрещеніе евреямъ содержать винокуренные заводы и ограниченіе ихъ свободы торговли питьями даже въ чертѣ ихъ осѣдлости было тѣмъ чувствительнѣе для нихъ, что многія причины, о которыхъ здѣсь не мѣсто говорить, содѣйствовали тому, что торговля питьями составляла и составляетъ теперь одинъ изъ главныхъ промысловъ еврейскаго населенія. Понятно поэтому, что слѣдующіе законы имѣютъ серьезное экономическое значеніе. 2 сентября 1862 г. утверждено мнѣніе госуд. сов., которымъ между прочимъ опредѣлено: всѣ лица, имѣющія право заниматься фабричной и заводской промышленностью, могутъ содержать винокуренные заводы въ губерніяхъ таврической, въ девяти западныхъ и въ бессарабской области. Въ прошломъ 1868 году это правило распространено на губерніи великороссійскія, малороссійскія и новороссійскія и на землю войска донскаго. Кромѣ того въ 1865 г. постановлено, что евреи могутъ заниматься продажей питей и торговлей ими на общемъ основаніи безъ всякихъ особыхъ ограниченій.

Сюда же слѣдуетъ отнести и тѣ узаконенія, которыя хотя не имѣютъ прямого вліянія на улучшеніе благосостоянія евреевъ, но обнаруживаютъ въ законодательствѣ большее уваженіе къ нравственной и юридической личности еврея, какъ гражданина и человѣка.

11 января 1863 г. Высоч. утверждено положеніе комитета объ устроистѣ быта евреевъ слѣдующаго содержанія: „еврен-купцы, пробывшіе 10 лѣтъ въ 1-й гильдіи и 20 лѣтъ во 2-и, возводятся въ потомственное почетное гражданство на томъ-же основаніи, какъ и записанные въ сіи гильдіи купцы прочихъ исповѣданій".

Въ 1865 г. разрѣшено выбирать евреевъ въ должность одного изъ товарищей директоровъ городскихъ общественныхъ банковъ, причемъ выборы эти должны производиться совмѣстно еврейскимъ и христіанскимъ обществомъ.—Отдѣльную весьма замѣчательную категорію узаконеній, касающихся евреевъ, составляютъ наши законы о евреяхъ-иностранцахъ. Въ нихъ всего ярче выступаетъ

взглядъ нашего законодательства на евреевъ, не признаваемыхъ еще настоящими гражданами страны. Вслѣдствіе этого ст. 1516 т. IX св. зак. воспрещаетъ принимать евреевъ-иностранцевъ въ русское подданство. Но и этотъ законъ потерпѣлъ пораженіе въ борьбѣ съ гуманнымъ направленіемъ нашего законодательства въ послѣдніе годы. 29 апрѣля 1866 г. утверждено положеніе комитета министровъ о дозволеніи евреямъ бухарскимъ, хивинскимъ и другихъ среднеазіатскихъ владѣній вступать въ русское подданство съ приписку ихъ къ пограничнымъ городамъ оренбургскаго края, подъ условіемъ вступленія въ гильдіи и съ предоставленіемъ имъ правъ вообще евреевъ русскихъ подданныхъ.

Законъ этотъ безъ сомнѣнія очень благодѣтеленъ для евреевъ, живущихъ въ Средней Азіи, такъ какъ онъ даетъ имъ возможность избавиться отъ гнета азіатскаго деспотизма. Но онъ имѣетъ громадное значеніе и для судьбы русскаго дѣла въ Средней Азіи и цивилизаціи тѣхъ странъ.

Исторія и опытъ достаточно убѣждаютъ насъ въ томъ, что изъ всѣхъ племенъ, обитающихъ въ Азіи и Африкѣ, еврейское есть самое воспріимчивое къ благамъ европейской цивилизаціи, тѣмъ болѣе что съ нею связана эманципація ихъ изъ положенія болѣе чѣмъ рабскаго. Мы имѣемъ поэтому полное основаніе надѣяться, что въ великомъ дѣлѣ цивилизаціи и обрусенія Востока русскій народъ найдетъ въ тамошнихъ евреяхъ самыхъ ревностныхъ и полезныхъ помощниковъ.

Еще до изданія этого закона, именно 4 іюня 1861 г., сдѣлано было изъятіе изъ существующихъ законовъ о пребываніи евреевъ иностранцевъ въ Россіи: разрѣшено дальнѣйшее жительство въ г. Одессѣ тѣмъ изъ иностранныхъ евреевъ, которые, проживая въ этомъ городѣ продолжительное время, пріобрѣли въ немъ осѣдлость, имѣютъ въ немъ постоянныя занятія и могутъ представить доказательства своей благонадежности.

Сюда-же относится указъ правительствующаго сената 1862 г., которымъ разрѣшено самовольно отлучившимся заграницу евреямъ воспользоваться дарованнымъ 25 августа 1858 г. прощеніемъ

самовольно отлучившихся заграницу русскихъ подданныхъ и возвратиться въ Россію въ теченіе установленнаго тѣмъ манифестомъ годоваго срока. Этой мѣрой евреи отчасти уравнены съ другими подданными Имперіи въ отношеніи побѣга заграницу и послѣдствіи его; между тѣмъ какъ прежде въ этомъ отношеніи существовало рѣзкое различіе между евреями и остальнымъ населеніемъ.

Кромѣ всѣхъ этихъ болѣе или менѣе частныхъ узаконеній, наше законодательство ознаменовалось въ этотъ періодъ времени кореннымъ измѣненіемъ дѣйствовавшихъ законовъ о евреяхъ въ привислянскомъ краѣ. Здѣсь не мѣсто излагать польское законодательство о евреяхъ; но слѣдуетъ замѣтить, что положеніе евреевъ здѣсь въ юридическомъ и въ соціально-экономическомъ отношеніи было гораздо хуже, чѣмъ даже въ западномъ краѣ. Это обстоятельство, въ связи съ необходимостью полной реорганизаціи общественнаго устроиства Царства Польскаго, вызванной послѣдними событіями въ этой странѣ, побудило наше правительство къ радикальному измѣненію юридическаго положенія евреевъ въ Царствѣ. Начало этому измѣненію положено именнымъ Высочаишимъ указомъ отъ 24 мая 1862 г., въ которомъ изложено слѣдующее. Принимая во вниманіе, что существующія въ законодательствѣ Царства Польскаго постановленія относительно евреевъ не соотвѣтствуютъ болѣе общему духу дѣйствующимъ въ Царствѣ законовъ, опредѣляется: евреямъ разрѣшается пріобрѣтать въ Царствѣ недвижимую собственность. Отмѣняются всѣ ограниченія относительно свободы жительства евреевъ въ предѣлахъ Царства. Евреи могутъ быть свидѣтелями при всѣхъ актахъ на общемъ основаніи. Въ уголовныхъ дѣлахъ отмѣняются всѣ различія между христіанами и евреями. Измѣняется прежняя форма присяги для евреевъ. Никакіе юридическіе акты, торговыя книги и т. под. не могутъ болѣе быть составляемы и ведены на еврейскомъ языкѣ. Административному совѣту Царства предоставляется войти въ разсмотрѣніе необходимыхъ измѣненій въ законахъ о занятіи евреевъ ремеслами и системѣ ихъ податей. Вслѣдствіе этого послѣдняго распоряженія, главнымъ начальствомъ

привислянскаго края сдѣланы многія весьма важныя улучшенія въ мѣстномъ законодательствѣ о евреяхъ. Такъ признано, что евреи-ремесленники ничѣмъ не должны отличаться по закону отъ ремесленниковъ-христіанъ; поэтому они могутъ участвовать въ выборахъ въ должности по ремесленному управленію и быть выбираемы въ эти должности. Еврен-купцы могутъ также выбирать и быть выбранными въ должности по купеческимъ собраніямъ. Они могутъ также принимать участіе въ выборахъ и быть избранными въ званіе судей торговаго трибунала и совѣтниковъ польскаго банка. Отмѣнено запрещеніе евреямъ арендовать казенныя имѣнія. Разрѣшено допускать евреевъ въ фармацевтическіе ученики, содержать аптеки и быть маклерами торговли скотомъ. Дозволено имъ участвовать въ фельдшерскихъ собраніяхъ и быть выбираемыми въ старшины этихъ собраній. Уничтоженъ коробочный сборъ столь тягостный для евреевъ и билетный сборъ съ иногородныхъ евреевъ, пріѣзжающихъ въ Варшаву.

Такимъ образомъ, благодаря стеченію обстоятельствъ, положеніе евреевъ въ привислянскомъ краѣ, бывшее прежде болѣе стѣсненнымъ, чѣмъ въ остальной Россіи, сдѣлалось теперь въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже болѣе льготнымъ (напр. по отмѣнѣ коробочнаго сбора).

3.—Мѣры для поощренія труда земледѣльческаго и ремесленнаго между евреями. Извѣстно, какъ много наше правительство въ прежнее время принимало мѣръ къ тому, чтобы развить между евреями трудъ земледѣльческій. Оно, очевидно, исходило при этомъ изъ того положенія, что евреи-торговцы и промышленники приносятъ больше вреда, чѣмъ пользы странѣ и потому слѣдуетъ искусственными мѣрами отучить ихъ отъ теперешнихъ ихъ занятій и по возможности создать изъ нихъ полезныхъ гражданъ-земледѣльцевъ.

Но многолѣтній опытъ убѣдилъ правительство въ томъ, что искусственно пересоздать народный характеръ, сложившійся вѣками, невозможно или по крайней мѣрѣ не такъ легко. И вотъ въ разсматриваемый нами періодъ времени мы встрѣчаемъ уже

мѣры не къ поощренію евреевъ къ земледѣлію, а къ облегченію имъ выхода изъ этого положенія и прекращенію дѣйствія существовавшихъ объ этомъ предметѣ законовъ. Мы можемъ указать здѣсь на три закона въ этомъ духѣ, изданные въ теченіи послѣднихъ лѣтъ.

27 октября 1861 г. утверждено положеніе комитета объ устройствѣ евреевъ, которымъ опредѣлено: тѣмъ изъ евреевъ земледѣльцевъ, которые устроили вполнѣ удовлетворительное хозяйство и имѣютъ достаточное число рукъ для занятія хлѣбопашествомъ на будущее время, попечительный комитетъ объ иностранныхъ поселенцахъ и подлежащія палаты госуд. имуществъ могутъ разрѣшать, до истеченія установленныхъ закономъ сроковъ, записываться въ гильдіи и производить торговлю по крестьянскимъ торговымъ свидѣтельствамъ, но съ тѣмъ, чтобъ они оставались въ званіи земледѣльцевъ.—Но если въ этомъ законѣ еще замѣтно желаніе удержать евреевъ земледѣльцевъ въ ихъ состояніи, то послѣдующіе законы идутъ въ этомъ отношеніи дальше.

12 февраля 1865 г. Государь Императоръ, по положенію комитета министровъ, повелѣлъ: предоставить палатамъ государственныхъ имуществъ разрѣшать евреямъ-земледѣльцамъ, водвореннымъ какъ на земляхъ казенныхъ, такъ и помѣщичьихъ въ западномъ краѣ, переходить въ другія податныя сословія, гдѣ не представится къ тому мѣстныхъ препятствій.

Затѣмъ въ 1866 г. изданъ весьма важный законъ, которымъ отмѣнены всѣ особыя постановленія о переходѣ евреевъ въ сельское населеніе. Вслѣдствіе этого повелѣно прекратить отчисленіе суммъ изъ коробочнаго сбора на переселеніе евреевъ-земледѣльцевъ и предоставлено министрамъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ войти въ соображенія о распространеніи на евреевъ-земледѣльцевъ дѣйствія общихъ постановленій о сельскомъ населеніи. Такимъ образомъ, законодательство наше послѣ долгихъ неудачъ и траты значительныхъ суммъ отказывается отъ искусственнаго поощренія земледѣлія у евреевъ и тѣмъ прибли-

жается еще на одинъ шагъ къ правильному взгляду на еврейскій вопросъ и способы законодательнаго его разрѣшенія.

Но если законодательство убѣждается наконецъ, что земледѣльческій трудъ лежитъ слишкомъ далеко отъ обыкновеннаго круга еврейской жизни, чтобъ его можно было ввести въ еврейскую среду извнѣ, то тѣмъ съ большимъ рвеніемъ оно принялось за поощреніе другой отрасли экономической дѣятельности, болѣе полезной въ нашей земледѣльческой странѣ и болѣе сродной съ еврейскимъ бытомъ: я говорю о трудѣ ремесленномъ. Мы видѣли, что въ законахъ о разрѣшеніи нѣкоторымъ разрядамъ еврейскаго населенія селиться въ гг. Николаевѣ, Севастополѣ и Кіевѣ, а также въ законахъ относительно евреевъ Царства Польскаго законодательство всего охотнѣе дѣлаетъ изъятія изъ существующихъ ограниченій въ пользу евреевъ-ремесленниковъ и обучающихся ремесламъ. Но гораздо болѣе важной мѣрой поощренія ремесленнаго труда между евреями слѣдуетъ считать, безъ сомнѣнія, разсмотрѣнный выше законъ 28 іюня 1865 г. о разрѣшеніи евреямъ-ремесленникамъ и обучающимся ремесламъ проживать по всей Имперіи. Хотя, какъ мы видѣли, законъ этотъ обязанъ своимъ происхожденіемъ сознанію потребностей и нуждъ центральныхъ губерній въ ремесленномъ трудѣ, тѣмъ не менѣе то обстоятельство, что первая широкая мѣра, въ смыслѣ уравненія гражданскихъ правъ евреевъ съ правами остальнаго населенія, относится къ евреямъ-ремесленникамъ, доказываетъ уже какую важность приписываетъ наше законодательство распространенію ремесленнаго труда между евреями въ дѣлѣ обрусенія ихъ. Кромѣ того, съ цѣлью пріученія евреевъ къ ремесленному труду правительствомъ принимаются и другія мѣры. Такъ 29 іюля 1861 г. утверждено положеніе объ открытіи въ г. Житомірѣ, въ видѣ опыта на 3 года еврейскаго ремесленнаго училища. Училище это открыто въ маѣ 1862 г., и какъ видно изъ отчета тайнаго совѣтника Постельса, посѣтившаго училище въ 1864 г., находится въ удовлетворительномъ состояніи. Затѣмъ, въ управленіе югозападнымъ краемъ генералъ-адъютанта Анненкова администрація дѣятельно принялась за вы-

работку проэктовъ ремесленныхъ училищъ для евреевъ и въ другихъ городахъ югозападнаго края, при чемъ нѣкоторыя еврейскія общества изъявили готовность поддерживать эти училища денежными средствами. Но о дальнѣйшемъ ходѣ этого дѣла и причинахъ, почему оно не состоялось, мы не имѣемъ свѣдѣнія.

4.—Мѣры къ распространенію образованія между евреями. Группа законоположеній, сюда относящихся, составляетъ чуть-ли не важнѣйшую часть законодательства нашего о евреяхъ. Правительство наше не безъ основанія смотритъ на усвоеніе евреями общеевропейскаго образованія, какъ на лучшее средство къ обрусенію евреевъ и подготовленію ихъ къ гражданскому полноправію. Но предоставляя себѣ впослѣдствіи подвергнуть подробной критической оцѣнкѣ совокупность нашихъ законовъ объ образованіи евреевъ, мы ограничимся здѣсь краткимъ обзоромъ тѣхъ измѣненій и дополненій системы русскаго законодательства по этому вопросу, которыя послѣдовали въ разсматриваемый періодъ времени.

Первый по времени и важнѣйшій по своему содержанію законъ сюда относящійся есть Высочайше утвержденное 27 ноября 1861 г. мнѣніе госуд. совѣта о предоставленіи нѣкоторыхъ преимуществъ евреямъ, получившимъ образованіе, а равно служащимъ при еврейскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Содержаніе этого закона состоитъ въ слѣдующемъ. Евреи, имѣющіе дипломы на ученыя степени не ниже кандидата университета и доктора медицины, могутъ быть принимаемы на государственную службу повсемѣстно и по всѣмъ вѣдомствамъ. Они могутъ также имѣть постоянное пребываніе по всей Имперіи для занятія торговлей и промышленностью, въ какомъ случаѣ могутъ держать при себѣ свои семейства и необходимую прислугу изъ евреевъ (не болѣе двухъ). Если они запишутся въ гильдіи, то могутъ держать еще одного прикащика еврея. Состоящіе при министерствѣ народнаго просвѣщенія ученые евреи, инспекторы и надзиратели раввинскихъ училищъ и учителя казенныхъ еврейскихъ училищъ освобождаются, за все время службы, отъ платежа податей и повинностей. Почетные блюстители казенныхъ еврейскихъ училищъ награждаются за десятилѣтнюю

службу медалями, а за выслугу болѣе 15 лѣтъ личнымъ почетнымъ гражданствомъ. Послѣднее имѣетъ мѣсто и относительно содержателей частныхъ еврейскихъ училищъ.

Нельзя сказать, чтобъ законъ этотъ въ главной своей части— допущеніи евреевъ на государственную службу — внесъ въ наше законодательство совершенно новое начало. Съ одной стороны и по прежде дѣйствовавшимъ законамъ евреи, получившіе степень доктора, могли съ Высочайшаго разрѣшенія быть принимаемы на гражданскую и учебную службу въ чертѣ осѣдлости евреевъ. Съ другой стороны и законъ 27 ноября допускаетъ еврея на государственную службу тоже лишь подъ условіемъ высшаго образованія. Заслуга этого закона состоитъ слѣдовательно въ томъ, что онъ значительно расширилъ сферу доступной еврею службы государственной, не ограничивая ее извѣстными вѣдомствами и извѣстной частью государственной территоріи, и въ тоже время открылъ ее для большаго числа лицъ изъ евреевъ, такъ какъ норма необходимаго спеціяльнаго образованія значительно понижена. О примѣненіи этого закона на практикѣ и о послѣдствіяхъ его мы не станемъ распространяться здѣсь потому, что это повело бы насъ далеко за предѣлы настоящаго очерка. Укажемъ только на тотъ общественный фактъ, что уже теперь считается въ Россіи довольно много евреевъ на государственной службѣ, особенно медицинской, и что, какъ видно изъ вышеприведенныхъ цифръ, въ одномъ Петербургѣ считается 11 евреевъ юристовъ на коронной службѣ по однимъ судебнымъ учрежденіямъ и преимущественно въ Сенатѣ.

Закономъ 19 апрѣля 1862 г. опредѣлено: дѣти лицъ, получившихъ ученыя степени не ниже кандидата и дѣйствительнаго студента, лекаря, провизора или ветеринара, а также лицъ, пріобрѣвшихъ извѣстность учеными трудами, принимаются въ гражданскую службу безъ различія ихъ происхожденія. 14 мая 1862 г. постановлено: на должности бухгалтеровъ по министерству финансовъ могутъ быть принимаемы лица, не имѣющія права вступленія въ государственную службу вообще.

6 сентября 1862 г. Высочайше утверждено положеніе комитета объ устройствѣ евреевъ, которымъ разрѣшено опредѣлять на должности смотрителей казенныхъ еврейскихъ училищъ и евреевъ, окончившихъ курсъ раввинскаго училища и прослужившихъ нѣкоторое время въ званіи учителей означенныхъ училищъ. Законъ этотъ слѣдуетъ считать весьма дѣйствительной мѣрой для преуспѣянія еврейскихъ училищъ, такъ какъ отъ смотрителя-еврея, ближе заинтересованнаго въ дѣлѣ образованія своихъ единовѣрцевъ и лучше съ нимъ знакомаго, можно ожидать болѣе ревностнаго и успѣшнаго веденія училищнаго дѣла.

11 января 1863 г. Высочайше утверждено положеніе еврейскаго комитета объ ежегодномъ отпускѣ изъ суммъ свѣчнаго съ евреевъ сбора 24,000 р. на стипендіи евреямъ-ученикамъ общихъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. Размѣръ стипендіи опредѣленъ въ 25—60 р. въ годъ. Изъ этихъ-же суммъ выдаются стипендіи евреямъ-студентамъ университетовъ. Такъ въ 1865 г. министерство народнаго просвѣщенія ассигновало на пособія евреямъ студентамъ (въ размѣрѣ 25—100 р.) 25,000 р. изъ суммъ свѣчнаго сбора.

10 мая 1865 г. разрѣшено принимать на военно-медицинскую службу и тѣхъ евреевъ-медиковъ, которые не имѣютъ ученой степени доктора медицины. Въ 1866 г. правило это распространено на медицинскую службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія. Затѣмъ 30 января 1867 г. разрѣшено принимать лекарей-евреевъ на службу по вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ повсемѣстно, кромѣ Петербурга и Москвы. Узаконенія эти, не смотря на частный ихъ характеръ, чрезвычайно важны въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, они показываютъ, что правительство убѣдилось въ теченіи послѣднихъ лѣтъ, что допущеніе евреевъ на государственную службу оказалось полезнымъ для государства: въ противномъ случаѣ оно-бы старалось ограничить кругъ дѣйствія закона 27 ноября 1861 г., между тѣмъ какъ мы видимъ постоянное расширеніе его законодательнымъ путемъ. Во-вторыхъ, мѣры эти по отношенію къ извѣстнаго рода служ-

бѣ совершенно уравниваютъ евреевъ съ остальными русскими подданными, тогда какъ законъ 1861 г. все-таки требуетъ отъ поступающаго на службу еврея болѣе высокую степень образованія и подготовки, чѣмъ отъ не-еврея.

Сюда относится также законъ 1 февраля 1866 г., которымъ дѣйствіе закона 1861 г. распространено на евреевъ Царства Польскаго по отношенію къ гражданской службѣ въ Царствѣ по всѣмъ вѣдомствамъ.

Слѣдуетъ указать еще на измѣненіе законовъ о еврейскихъ типографіяхъ. По положенію 1845 г. дозволено имѣть въ Россіи для снабженія евреевъ необходимыми книгами только двѣ типографіи: одну въ Вильнѣ, другую въ Житомірѣ, съ тѣмъ чтобъ право содержанія ихъ было отдаваемо съ торговъ на 12 лѣтъ, а получаемый съ этого доходъ былъ обращаемъ въ пользу еврейскихъ училищъ. Законъ этотъ имѣлъ чрезвычайно вредныя послѣдствія для дѣла еврейскаго образованія. Во-первыхъ, налагая особый сборъ на типографіи, онъ непомѣрно возвысилъ цѣну на еврейскія книги, такъ что бѣдному большинству евреевъ поневолѣ приходилось ограничить свой запасъ книгъ одними молитвенниками и вообще книгами религіознаго содержанія, за которыя оно не жалѣло отдавать послѣднюю копейку; покупать же книги новыя, которыя могли-бы внести въ сферу его жизни извѣстную долю общаго образованія, ему было рѣшительно не по средствамъ. Во-вторыхъ, законъ этотъ отдавалъ дѣло еврейской литературы, а слѣдовательно и еврейскаго просвѣщенія, на произволъ монополистовъ-содержателей типографій, которые пользовались своей монополіей къ явному вреду еврейскаго образованія. Извѣстно напр. что житомірская еврейская типографія ни за какія деньги не печатала книгъ съ новымъ направленіемъ. Такимъ образомъ законъ 1845 г., имѣвшій цѣлью уменьшить число старинныхъ книгъ между евреями и содѣйствовать дѣлу образованія евреевъ (посредствомъ налога на типографіи въ пользу еврейскихъ училищъ), достигъ цѣли противоположной: онъ не уменьшилъ числа книгъ фанатическихъ, которыя расходились по

прежнему, хоть и по болѣе высокой цѣнѣ, но почти прекратилъ возможность изданія книгъ съ современнымъ направленіемъ. Поэтому 26 апрѣля 1862 г. изданы новыя по этому предмету правила, которыми разрѣшено открывать еврейскія типографіи въ чертѣ осѣдлости евреевъ вездѣ, гдѣ министерство народнаго просвѣщенія признаетъ возможнымъ имѣть особыхъ еврейскихъ цензоровъ, а въ Петербургѣ — тѣмъ евреямъ, которые могутъ тамъ проживать. Взамѣнъ получаемаго съ еврейскихъ типографій дохода установлена плата съ каждаго ручнаго станка 20 р., съ скоропечатныхъ машинъ малыхъ 120 р., а съ двойныхъ 240 р. въ годъ. Этими правилами отмѣненъ также существовавшій по закону 1845 г. сборъ съ ввозимыхъ изъ-за границы еврейскихъ книгъ по $1^1/_2$ коп. съ печатнаго листа. Правила 1862 г. хотя и не устраняютъ причинъ дороговизны еврейскихъ книгъ, сохранивъ особый сборъ съ еврейскихъ типографій, но имѣли очень благотворное вліяніе на развитіе новой еврейской литературы и на распространеніе еврейскаго образованія въ еврейской средѣ. Въ настоящее время въ Европейской Россіи находятся ужь около 10-ти еврейскихъ типографій вмѣсто прежнихъ двухъ, а число новыхъ еврейскихъ книгъ и изданій значительно увеличилось, содѣйствуя можетъ быть болѣе, чѣмъ училища, въ пользу которыхъ установленъ налогъ на еврейскую печать — дѣлу обрусенія и просвѣщенія евреевъ.

5.—Мѣры касающіяся военной службы евреевъ. Правительство издавна смотрѣло на военную службу евреевъ какъ на весьма дѣйствительную мѣру сближенія ихъ съ остальнымъ населеніемъ, и потому оно принимало очень энергическія мѣры къ тому, чтобы евреи не уклонялись отъ рекрутской повинности и чтобъ ихъ поступало какъ можно больше въ военную службу. Въ настоящее царствованіе уничтожены всѣ бывшія въ нашемъ законодательствѣ особыя мѣры по отношенію къ рекрутской повинности евреевъ. Осталось только недопущеніе евреевъ къ выслугѣ до офицерскихъ чиновъ и нѣкоторыя другія ограниченія. Затѣмъ въ разсматриваемый нами періодъ времени вышло нѣсколь-

ко законовъ, которыми дарованы нѣкоторыя льготы и преимущества евреямъ, бывшимъ въ военной службѣ. Такъ, 22 ноября 1860 г. разрѣшено отставнымъ и безсрочно-отпускнымъ нижнимъ чинамъ гвардейскаго корпуса имѣть жительство съ семействами ихъ въ Петербургѣ. 22 ноября 1861 г. льгота эта распространена и на окрестности Петербурга. Несравненно важнѣе въ этомъ отношеніи положеніе 25 іюня 1867 г. объ устройствѣ быта отставныхъ и находящихся въ отпуску нижнихъ чиновъ: въ немъ между прочимъ разрѣшено отставнымъ солдатамъ изъ евреевъ проживать по всей Имперіи безъ ограниченія *.

Вотъ главныя законодательныя постановленія послѣднихъ годовъ, касающіяся собственно еврейскаго населенія Россіи. Выше было уже указано на то, что въ настоящій обзоръ не вошли тѣ законоположенія, которыя не относятся спеціально къ евреямъ, хотя многія изъ нихъ имѣли весьма важное вліяніе на судьбу нашихъ единовѣрцевъ. Мы также не касались тѣхъ мѣръ относительно евреевъ, которыя были предпринимаемы администраціей западнаго края, хотя мѣры эти чрезвычайно важны во многихъ отношеніяхъ; но онѣ, къ сожалѣнію, не могли войти въ настоящій очеркъ, задача котораго состоитъ въ изложеніи перемѣнъ, происшедшихъ въ юридическомъ быту русскихъ евреевъ.

Внимательное изученіе изложенныхъ законовъ и отношенія ихъ къ прежде дѣйствовавшимъ постановленіямъ о евреяхъ позволяютъ намъ сдѣлать слѣдующіе интересные выводы:

1) Въ современномъ законодательствѣ нашемъ замѣтно большее уваженіе къ личности еврея, какъ человѣка и члена извѣстнаго религіознаго общества.

2) Оффиціальныя данныя указываютъ на то, что важнѣйшіе изъ изданныхъ въ этотъ промежутокъ времени законовъ о рас-

* Всѣ стѣсненія по военной части отмѣнены уставомъ о воинской повинности 1 января 1874 года и лишь нѣкоторыя ограниченія возстановлены позднѣйшими узаконеніями *Прим. изд.*

ширенiи экономическихъ правъ евреевъ вызваны сознанной полезностью такихъ мѣръ для народнаго благосостоянiя Россiи.

3) Законодательство убѣдилось наконецъ, что прежнiя искусственныя мѣры къ поощренiю земледѣлiя между евреями по малой мѣрѣ безполезны и потому оно отказалось отъ дальнѣйшаго вмѣшательства въ этомъ отношенiи. За то тѣмъ дѣятельнѣе оно теперь въ поощренiи труда ремесленнаго между евреями.

4) По вопросу о распространенiи просвѣщенiя между евреями законодательство продолжаетъ идти по прежнему пути, но въ гораздо болѣе либеральномъ духѣ, содѣйствуя образованiю евреевъ какъ прямыми мѣрами (умноженiемъ училищъ, учрежденiемъ стипендiй и пр.), такъ и косвенными (расширенiемъ свободы еврейской печати и правъ евреевъ на государственную службу).

Но самое отрадное впечатлѣнiе, которое мы выносимъ изъ этого обзора, состоитъ въ сознанiи необходимой внутренней связи между общимъ прогрессомъ русской народной жизни и гражданскимъ полноправiемъ евреевъ.

Никогда еще русское законодательство не сдѣлало въ столь короткое время такъ много для народнаго блага, какъ въ нынѣшнее царствованiе, и никогда также оно не сдѣлало столько для эманципацiи евреевъ. Ясно поэтому, что вопреки мнѣнiю нѣкоторыхъ отсталыхъ публицистовъ интересы общественнаго благосостоянiя требуютъ не ограниченiя, а расширенiя гражданскихъ правъ евреевъ.

II.

О предполагаемой реформѣ законодательства о евреяхъ

Въ послѣднее время какъ въ обществѣ, такъ и въ печати у насъ все настойчивѣе распространяются слухи о предстоящихъ въ близкомъ будущемъ коренныхъ преобразованіяхъ въ русскомъ законодательствѣ относительно евреевъ. Со всѣхъ сторонъ доносятся вѣсти, хотя и разнорѣчивыя, о разсматриваемыхъ въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ проэктахъ расширенія гражданскихъ правъ евреевъ въ томъ или другомъ направленіи. Мы съ своей стороны не имѣемъ никакихъ фактическихъ данныхъ для сужденія о степени достовѣрности этихъ слуховъ; но въ томъ обстоятельствѣ, что слухи эти такъ упорно держатся, мы видимъ нѣкоторое ручательство ихъ вѣроятности. Мы именно видимъ въ этихъ слухахъ одинъ изъ тѣхъ случаевъ, гдѣ оправдывается старинная, хоть и не всегда справедливая поговорка: „гласъ народа—гласъ божій“. Но само собою разумѣется, что въ то время когда рѣшается судьба многихъ, если не всѣхъ нашихъ единовѣрцевъ на Руси, мы не можемъ оставаться безучастными зрителями. Отсутствіе свѣдѣній относительно разрѣшенія и обсужденія еврейскаго вопроса дѣлаетъ невозможнымъ для насъ прилагать всѣ тѣ старанія, которыя мы могли и хотѣли-бы приложить для разъясненія этого важнаго вопроса. Не зная въ какомъ направленіи идутъ труды лицъ и учрежденій, разсматривающихъ вопросъ объ измѣненіи юридическаго быта евреевъ, какія стороны дѣла требуютъ наиболѣе обстоятельнаго изслѣдованія и какія кажутся имъ ясными,—мы рискуемъ напрасно потратить время и трудъ на разборъ того, что не требуетъ болѣе разъясненія, и оставить безъ вниманія спорные пункты занимающаго насъ дѣла. Но мы думаемъ однакожъ, что въ то время какъ еврейскій вопросъ стоитъ снова на очереди въ ряду законодательныхъ вопросовъ, подлежащихъ

обсужденію высшихъ государственныхъ учрежденій, не лишнимъ будетъ воскресить въ памяти читателей тѣ взгляды и основанія, которыми руководствовался относительно этого вопроса государственный совѣтъ въ одну изъ славнѣйшихъ эпохъ своей дѣятельности—въ періодъ составленія Судебныхъ Уставовъ 1864 г. и приведенія ихъ въ исполненіе. Правда, читатели наши едва-ли найдутъ въ этихъ взглядахъ что нибудь такое, что само по себѣ было-бы ново и необыкновенно. Но оглянемся вокругъ насъ, прислушаемся къ тому, что говорится громко и открыто въ наши дни, и мы поймемъ, что многое, казавшееся не новымъ и весьма обыкновеннымъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, пріобрѣтаетъ всю прелесть новизны и даже странности въ настоящее время. Вотъ, почему мы полагаемъ, что это будетъ не совсѣмъ безполезно именно теперь.

Существуетъ мнѣніе, что Судебные Уставы никакого отношенія къ еврейскому вопросу не имѣютъ и имѣть не могутъ. Дѣйствительно какъ реформа общегосударственная, а не сословная или мѣстная, затрогивающая въ одинаковой степени интересы всѣхъ безъ исключенія классовъ общества, она повидимому не находится ни въ какой связи съ религіознымъ и соціально-экономическимъ еврейскимъ вопросомъ. Внѣшнее подтвержденіе этой мысли можно найти въ томъ обстоятельствѣ, что въ уставахъ этихъ о евреяхъ не упоминается почти совершенно. Но не много нужно для того, чтобъ убѣдиться въ полной несостоятельности такого взгляда. Идеалъ, къ которому мы стремимся, именно заключается въ рѣшительномъ изгнаніи еврейства изъ гражданскаго законодательства, какъ результатъ точнаго разграниченія церкви отъ государства. Очевидно, что съ этой точки зрѣнія чѣмъ меньше законъ говоритъ о евреяхъ, тѣмъ онъ благопріятнѣе для нихъ. Притомъ-же ошибочно было-бы думать, что Судебные Уставы потому такъ мало говорятъ о евреяхъ, что въ кругу ихъ дѣйствій мало случаевъ для изъятій относительно евреевъ. Духъ исключительности вездѣ найдетъ достаточно для себя простора. И развѣ составители Судебныхъ Уставовъ, еслибъ они были про-

никнуты подобнымъ духомъ, не нашли-бы случая проявить его въ стѣсненіи правъ евреевъ на службу по судебному вѣдомству какъ по выборамъ, такъ и по назначенію отъ правительства, въ ограниченіи ихъ участія въ общенародномъ судѣ присяжныхъ и во многихъ другихъ случаяхъ? Еслибъ въ этомъ было малѣйшее сомнѣніе, то стоило-бы вспомнить, что происходитъ въ этомъ отношеніи на практикѣ при осуществленіи судебной реформы въ дѣйствительности. Для насъ станетъ яснымъ, что захоти составители Судебныхъ Уставовъ узаконить существующіе факты—и формула „кромѣ евреевъ“ часто фигурировала-бы въ новомъ узаконеніи. Именно изъ того, что они такъ старательно обошли молчаніемъ этотъ пунктъ и не захотѣли омрачить славу своего великаго произведенія устарѣвшими и несправедливыми исключеніями, мы вправѣ заключить, что интересы евреевъ не были упущены вовсе изъ виду при составленіи новыхъ уставовъ, какъ многіе полагаютъ. Этотъ доводъ самъ по себѣ кажется намъ довольно убѣдительнымъ. Къ счастью мы можемъ не ограничиваться одними косвенными соображеніями для констатированія взгляда творцовъ судебной реформы на еврейскій вопросъ. Мы можемъ представить и прямыя доказательства вѣрности нашего мнѣнія по этому предмету. Такія доказательства даетъ намъ одна изъ законодательныхъ работъ, занимающая видное мѣсто въ преобразованіи судебной части: мы говоримъ о Высочайше утвержденномъ мнѣніи государственнаго совѣта 27 декабря 1865 года о согласованіи Уложенія о наказаніяхъ съ Судебными Уставами. Законъ этотъ, какъ показываетъ его названіе, имѣлъ цѣлью по возможности согласить старые уголовные законы съ новыми началами, легшими въ основаніе Судебныхъ Уставовъ 1864 года. И такъ какъ нашъ уголовный кодексъ обязанъ своимъ происхожденіемъ эпохѣ наибольшой суровости русскаго законодательства относительно евреевъ, то общее настроеніе того времени не могло не отразиться на немъ во многихъ частныхъ случаяхъ. И вотъ, когда приступлено было къ согласованію уголовнаго кодекса съ Судебными Уставами, ярко обнаружилось все глубо-

кое, все внутреннее противорѣчіе между принципами равенства, справедливости и уваженія къ личности, которыми насквозь проникнуты новые уставы, и воззрѣніями, руководившими людьми 1845 года при составленіи Уложенія о наказаніяхъ. Оказалось, что не смотря на совершенное какъ будто игнорированье еврейскаго вопроса судебной реформой, она на дѣлѣ произвела сильное на него вліяніе именно тѣмъ, что нанесла жестокій ударъ соціальнымъ началамъ, которыми только и обусловливается возможность существованія еврейскаго вопроса. Составители Судебныхъ Уставовъ были при этомъ настолько послѣдовательны и тверды въ своихъ убѣжденіяхъ, что не отступили отъ нихъ даже въ виду еврейскаго вопроса.

Вслѣдствіе этого государственный совѣтъ, при пересмотрѣ уложенія о наказаніяхъ, исключилъ однимъ взмахомъ пера множество постановленій, дышавшихъ старинной нетерпимостью. Онъ исключилъ ихъ не потому, чтобъ они противорѣчили прямому смыслу Судебныхъ Уставовъ, а только въ виду несогласія съ духомъ и направленіемъ послѣднихъ. Мы укажемъ здѣсь на нѣкоторыя изъ этихъ постановленій, такъ какъ сами они, въ особенности-же мотивы, которыми руководствовался государственный совѣтъ при отмѣнѣ старыхъ законовъ, должны занять видное мѣсто въ исторіи законодательнаго разрѣшенія еврейскаго вопроса въ Россіи.

Въ прежнемъ Уложеніи (ст. 2150) были опредѣлены наказанія за бритье еврейками волосъ на головѣ при вступленіи въ бракъ и за допущеніе этого раввинами. Относительно этого закона государственный совѣтъ замѣчаетъ слѣдующее.

„Не слѣдуетъ требовать исполненія такихъ постановленій отъ евреекъ, которымъ бритье головы при замужествѣ предписывается моисеевымъ закономъ. Какъ ни страненъ такой обычай, особенно въ нашемъ климатѣ, тѣмъ не менѣе въ виду совершенной его безвредности для другихъ подданныхъ Имперіи не слѣдуетъ сохранять въ Уложеніи наказаній за соблюденіе онаго, тѣмъ болѣе что подобныя мѣры были-бы несогласны съ Высочайшей волей

Государя Императора о дозволеніи евреямъ безпрепятственно отправлять богослуженіе и обряды ихъ вѣры".

Существовало въ прежнемъ Уложеніи (ст. 1228) правило о томъ чтобъ евреевъ, самовольно отлучающихся заграницу, считать навсегда исключенными изъ подданства Россіи, а евреевъ, самовольно возвращающихся въ мѣста, откуда они были выселены за неимѣніемъ права жительства—считать бродягами. При разсмотрѣніи этой статьи найдено было, что второе правило чрезмѣрно строго и несправедливо, а слѣдуетъ въ подобныхъ случаяхъ подвергать евреевъ только общей отвѣтственности за самовольное возвращеніе въ мѣста, изъ коихъ виновные высланы по законному распоряженію подлежащей власти (по ст. 63 Уст. о наказ.). Что-же касается перваго правила, то найдено было, что „и сіе наказаніе нельзя не признать непомѣрно строгимъ въ сравненіи съ маловажностью проступка, состоящаго собственно въ отъѣздѣ заграницу безъ взятія установленнаго паспорта. Посему и за подобныя нарушенія слѣдуетъ подвергать евреевъ общему для всѣхъ денежному взысканію". Соображенія эти нашли однакожъ противниковъ, которые полагали, что правила ст. 1228 „можно было-бы оставить въ силѣ до времени, въ виду предполагаемаго общаго пересмотра существующихъ постановленій по устройству быта ихъ и ограниченію гражданскихъ правъ, съ тѣмъ чтобъ при этомъ пересмотрѣ было принято во вниманіе замѣчаніе о строгости взысканій съ евреевъ, установленныхъ въ упомянутомъ узаконеніи". Но возраженія эти были отвергнуты государственнымъ совѣтомъ при окончательномъ обсужденіи предмета. Онъ принялъ на видъ, что „мысль отложить приведеніе въ исполненіе новыхъ о евреяхъ предположеній, впредь до общаго пересмотра узаконеній объ устройствѣ быта евреевъ, была-бы вполнѣ справедлива, еслибъ правительствомъ признано было необходимымъ одновременно обсудить всѣ содержащіяся въ нашихъ законахъ правила о евреяхъ. Но до сихъ поръ законодательство наше держится противоположной системы, допуская постепенныя облегченія въ прежнихъ противъ евреевъ исключительныхъ правилахъ, по мѣрѣ возникшихъ о томъ

вопросовъ: такъ, напримѣръ, Высочайше утвержденнымъ 28 іюня 1865 года мнѣніемъ государственнаго совѣта дозволено повсемѣстное жительство евреямъ-ремесленникамъ. Въ виду подобнаго неодновременнаго движенія нашего законодательства о евреяхъ не представляется убѣдительнаго основанія къ сохраненію въ новомъ изданіи Уложенія такихъ правилъ, которыя признаются несправедливыми и притомъ замѣняются вполнѣ статьями Устава о наказаніяхъ налагаемыхъ мировыми судьями". Руководствуясь этими соображеніями, государственный совѣтъ призналъ необходимымъ исключить изъ новаго изданія Уложенія упомянутую ст. 1228.

Такой-же судьбѣ подверглись однородныя узаконенія, опредѣлявшія наказанія евреямъ за проживательство въ мѣстностяхъ распространенія жидовской ереси и за укрывательство ихъ въ этихъ мѣстахъ. Въ тоже время уничтожено постановленіе, въ силу котораго евреи не могли держать въ услуженіи христіанъ; мотивомъ къ отмѣнѣ этого закона послужило то, что онъ „представляется несогласнымъ съ общимъ духомъ принимаемыхъ нынѣ мѣръ терпимости".

Въ прежнемъ изданіи Уложенія былъ спеціальный законъ объ „упорствѣ, непокорности, ослушаніи и неисполненіи распоряженій начальства" евреями-земледѣльцами. Но при пересмотрѣ Уложенія принято было за общее правило, что „весьма неудобно было бы сохранять въ новомъ изданіи Уложенія о наказаніяхъ постановленія, имѣющія предметомъ совершенно незначительные проступки, и притомъ вовсе несогласныя съ принятымъ нашимъ законодательствомъ началомъ, что всякій домохозяинъ долженъ самъ заботиться объ исправности своего хозяйства, не подчиняясь въ семъ отношеніи надзору и попечительству сельскихъ должностныхъ лицъ". Вслѣдствіе такого воззрѣнія указанный спеціальный законъ, равно какъ и правила о наказаніяхъ за нерадѣніе земледѣльцевъ и колонистовъ къ хозяйству частью отмѣнены, частью смягчены.

Искренно проникнутые духомъ терпимости составители Судебныхъ Уставовъ стремились къ тому, чтобъ по мѣрѣ возможности снять съ нашихъ законодательныхъ сборниковъ тотъ внѣшній

видъ исключительности и неравенства, который былъ имъ приданъ въ прежнія времена. Такимъ образомъ статья 1293 улож. 1857 года, которой запрещалось подъ страхомъ наказаній содержателямъ гостинницъ между прочимъ допущеніе безъ разрѣшенія начальства „публичныхъ богомоленій евреевъ", исключена изъ Уложенія и замѣнена ст. 41 Мир. Устава, опредѣляющею наказанія вообще за допущеніе недозволенныхъ увеселеній или игръ, безчинствъ и безпорядковъ". Если даже и согласиться съ мнѣніемъ г. Неклюдова (Руководство для мировыхъ судей, т. 2, стр. 158), что ст. 1293 остается въ силѣ и теперь и публичныя богомоленія евреевъ именно должны быть отнесены къ „безчинствамъ и безпорядкамъ", о которыхъ говорится въ ст. 41 Устава, что едва-ли вѣрно,—то все-же надо будетъ признать, что новый законъ предоставляетъ усмотрѣнію судьи въ каждомъ данномъ случаѣ опредѣлить: есть ли еврейское богомоленіе безчинство или нѣтъ, но отказывается признать ихъ въ принципѣ и вообще безобразіемъ, подлежащимъ преслѣдованію общественной власти.

Такими-же воззрѣніями руководствовалось наше высшее законодательное учрежденіе и въ нѣкоторыхъ другихъ, болѣе частныхъ узаконеніяхъ, относящихся къ этому-же періоду времени. Сюда относится между прочимъ законъ 24 марта 1866 г. объ отмѣнѣ 3-го пункта ст. 166 уложенія, въ силу котораго нехристіанинъ, принявшій во время слѣдствія или суда христіанство, освобождался отъ наказанія.

Сказаннаго, мы думаемъ, достаточно, чтобъ убѣдить читателя въ неосновательности мнѣнія будто судебная реформа не имѣла прямаго отношенія къ интересамъ еврейскаго населенія: указанные факты положительно говорятъ противное. Оно и не удивительно. Нигдѣ не подтверждается въ такой мѣрѣ справедливость указываемаго Гербертомъ Спенсеромъ общаго органическаго закона, по которому каждая причина производитъ не одно, а нѣсколько слѣдствій—какъ въ сферѣ общественной жизни. Всякое существенное преобразованіе въ этой сферѣ непремѣнно кончаетъ тѣмъ, что захватываетъ гораздо шире и глубже, чѣмъ предполагалось вначалѣ.

Поэтому солидарность судебной реформы, какъ провозвѣстницы новыхъ началъ русской жизни, съ идеей эманципаціи евреевъ, не смотря на кажущееся отсутствіе всякой внутренней связи между ними, есть явленіе вполнѣ естественное и нормальное, можно остановиться и на сознаніи этой солидарности между дѣломъ, за которое мы ратуемъ, и однимъ изъ важнѣйшихъ пріобрѣтеній русской жизни за послѣдніе годы.

Мы вполнѣ увѣрены въ томъ, что эти же убѣжденія будутъ руководить государственнымъ совѣтомъ и при предстоящемъ обсужденіи еврейскаго вопроса, и что вслѣдствіе этого онъ будетъ разрѣшенъ въ благопріятномъ смыслѣ. Правда, можно указать на нѣкоторыя отступленія отъ указанныхъ началъ въ исторіи административнаго обсужденія еврейскаго вопроса у насъ: такъ недавно еще труды коммисіи о еврейскихъ училищахъ были оставлены безъ движенія впредь до разрѣшенія общаго вопроса о гражданскомъ положеніи евреевъ въ Россіи. Но этотъ и другіе подобные случаи, надо полагать, объясняются особенными обстоятельствами, въ силу которыхъ то или другое отступленіе отъ общихъ началъ казалось необходимымъ. Въ общемъ-же итогѣ нѣтъ сомнѣнія, что высокія начала, провозглашенныя Судебными Уставами и примѣненныя съ одинаковой послѣдовательностью къ евреямъ, какъ и ко всѣмъ другимъ классамъ населенія, съ тѣхъ поръ присущи нашему законодательству какъ неотъемлемое его достояніе и всегда будутъ служить краеугольнымъ камнемъ для каждой новой общественной реформы, между прочимъ и по отношенію къ евреямъ.

III.

Юридическій бытъ евреевъ-земледѣльцевъ.

„Мы живемъ въ переходное время“—вотъ слова, которыя на языкѣ у всѣхъ русскихъ въ теченіи послѣднихъ пятнадцати лѣтъ; и слова эти приблизительно довольно вѣрно, хотя не совсѣмъ опредѣленно, характеризуютъ нашу общественную жизнь въ настоящее время. Старому зданію народнаго быта нанесены многими реформами весьма чувствительные удары; но съ другой стороны зданіе это въ основаніяхъ своихъ держится еще довольно крѣпко. Эта борьба старыхъ и новыхъ началъ и неизбѣжное до полнаго ея окончанія совмѣстное существованіе стараго съ новымъ, между прочимъ, весьма ярко отражаются на русскихъ евреяхъ. Прежде еврейскій міръ отдѣлялся отъ всего остальнаго свѣта божьяго глубокой пропастью, о переходѣ чрезъ которую не смѣло думать самое пылкое воображеніе. Но теперь положеніе измѣнилось. Чрезъ пропасть перекинуты мѣстами мостики, большей частью временные, по которымъ могутъ пробраться лишь немногія отдѣльныя личности, поставленныя въ болѣе благопріятныя условія; масса-же и теперь встрѣчаетъ непреодолимыя препятствія въ стремленіи къ выходу изъ заколдованнаго круга.

Возьмемъ хоть классъ евреевъ-земледѣльцевъ въ Россіи и посмотримъ, въ какомъ положеніи находится этотъ классъ въ настоящее время. Не разъ уже было указано на то обстоятельство, что правительство въ послѣдніе годы вполнѣ убѣдилось въ несостоятельности своихъ прежнихъ попытокъ распространить земледѣльческій трудъ между евреями путемъ административной регламентаціи и привилегій. Самое полное выраженіе этого направленія законодательства встрѣчается въ законѣ 1866 года, въ силу котораго прекращенъ дальнѣйшій отпускъ суммъ коробочнаго сбора на переселеніе евреевъ-земледѣльцевъ и предо-

ставлено министрамъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ войти въ соображенія о распространеніи на евреевъ-земледѣльцевъ дѣйствія общихъ постановленій о сельскомъ населеніи. Почему до сихъ поръ не состоялось это преобразованіе въ положеніи евреевъ-земледѣльцевъ—неизвѣстно. Но очевидно, что при столь ясно и положительно выраженной мысли законодателя преобразованіе это есть только вопросъ времени, не больше. Но въ то время какъ законодательство приходитъ наконецъ къ правильному взгляду на дѣло еврейской колонизаціи, практика продолжаетъ смотрѣть сквозь прежніе очки на евреевъ-колонистовъ и видитъ въ нихъ все тѣхъ-же иностранныхъ поселенцевъ, подчиненныхъ той-же административной системѣ, безполезность и стѣснительность которой ясно сознаны самимъ закономъ.

Это направленіе практики самымъ рѣшительнымъ образомъ преобладаетъ во взглядѣ кассаціоннаго сената на евреевъ-земледѣльцевъ и проводится въ нѣсколькихъ его рѣшеніяхъ. Такъ въ рѣшеніи по дѣлу Гилоди (Сборникъ рѣш. гражд. касс. деп. сен. за 1870 г., № 114) сенатъ говоритъ слѣдующее. „На основаніи дѣйствующихъ законовъ евреи-колонисты и евреи-земледѣльцы по вступленію въ обязательства пользуются различными правами. Такъ евреямъ-колонистамъ, наравнѣ съ иностранными колонистами, безусловно не дозволяется безъ разрѣшенія ихъ начальства вступать въ обязательства, и на семъ основаніи, для совершенія ими обязательствъ въ присутственныхъ мѣстахъ, требуется предварительное разрѣшеніе ихъ начальства, при чемъ постановлено, что всякаго рода ихъ сдѣлки, завѣщанія и другаго рода акты какъ между собой, такъ и съ посторонними лицами должны быть писаны на гербовой бумагѣ. Напротивъ того, евреямъ-земледѣльцамъ законъ дозволяетъ безъ предварительнаго разрѣшенія вступать въ обязательства въ предѣлахъ, указанныхъ ст. 1470 и 1471 т. IX Св. Зак.“. И такъ какъ Гилоди во время производства дѣла называлъ себя евреемъ-колонистомъ, то мелитопольскій мировой съѣздъ правильно призналъ ничтожнымъ

обязательство, заключенное Гилоди съ Хмѣльницкимъ безъ разрѣшенія колоніальнаго начальства, хотя обѣ стороны не отрицали обязательности заключеннаго между ними условія. Въ дѣлѣ Зайденера (тамъ-же № 714) сенатъ такимъ-же образомъ отнесся къ другому рѣшенію того-же съѣзда, которымъ отказано было во взысканіи съ еврея-колониста по векселю, выданному безъ разрѣшенія начальства, и оставилъ безъ уваженія указанія кассаціонной жалобы, что евреи-земледѣльцы не могутъ быть сравниваемы съ иностранными поселенцами. Въ дѣлѣ Щедровича (тамъ-же № 851), кромѣ соображеній, высказанныхъ по дѣлу Гилоди, говорится еще, что 25-лѣтній срокъ, по истеченіи котораго евреи-земледѣльцы пользуются извѣстными правами по торговлѣ и промысламъ, не распространяется на евреевъ-колонистовъ. Наконецъ въ дѣлѣ Сахановича (тамъ-же, № 876) бердянскій мировой съѣздъ призналъ, что евреи-колонисты не нуждаются въ предварительномъ разрѣшеніи начальства для вступленія въ обязательства и договоры, и такой взглядъ основалъ на ст. 377 Уст. Колон. Но сенатъ отмѣнилъ это рѣшеніе и призналъ, что указанная статья закона сравниваетъ евреевъ-земледѣльцевъ съ государственными крестьянами лишь относительно правъ на торговлю и промыслы, но не по вступленію въ обязательства (въ этомъ рѣшеніи ужь не проводится прежнее различіе между евреями-колонистами и земледѣльцами, а напротивъ оба эти названія смѣшиваются и употребляются безразлично).

Такимъ образомъ въ то время какъ законодатель опредѣлительно высказалъ свое желаніе изъять евреевъ-земледѣльцевъ изъ подъ дѣйствія исключительныхъ правилъ и уравнять ихъ съ свободнымъ русскимъ сельскимъ населеніемъ, судебная практика старается распространить на нихъ всѣ особенности быта иностранныхъ поселенцевъ. Практическія неудобства этого послѣдняго направленія тоже весьма чувствительны. Евреи-колонисты въ огромномъ большинствѣ, какъ извѣстно, занимаются не земледѣліемъ, а торговлей и ремеслами, что́ и признано самимъ законодательствомъ въ послѣдніе годы, какъ было указано выше. И

хотя послѣ изслѣдованій г. Клауса о нашихъ колоніяхъ нельзя сомнѣваться въ томъ, что система опеки, въ томъ видѣ какъ она существуетъ у нашихъ иностранныхъ поселенцевъ, въ высшей степени благотворно подѣйствовала на ихъ благосостояніе и что распространеніе этой административной системы на русское сельское населеніе чрезвычайно желательно,—но само собою разумѣется, что она умѣстна только относительно земледѣльческаго населенія. Промышленность-же и торговля для своего процвѣтанія нуждаются въ возможно-большей свободѣ и независимости. Очевидно, что требовать отъ торговаго человѣка, чтобъ онъ каждую, даже малѣйшую сдѣлку облекалъ въ письменную форму, совершая ее на гербовой бумагѣ и испрашивая всякій разъ предварительное разрѣшеніе начальства—значитъ отнять у него возможность производить торговлю и промыслы.

Но этого мало. Дѣло въ томъ, что подобный взглядъ не выдерживаетъ никакой критики даже съ точки зрѣнія существующаго законодательства. Дѣйствительно главное основаніе этого взгляда заключается въ томъ, что евреи-колонисты разнятся по своему гражданскому положенію отъ евреевъ-земледѣльцевъ и подчинены всѣмъ общимъ ограниченіямъ иностранныхъ колонистовъ. Но это разграниченіе опровергается прямымъ и яснымъ смысломъ всѣхъ относящихся къ этому предмету узаконеній. Тождественность этихъ двухъ сословій лицъ подтверждается чуть-ли не каждой статьей закона, трактующаго объ этомъ предметѣ. Такъ ст. 119 Уст. Колон. опредѣляетъ, что „всѣмъ евреямъ предоставлено вступать въ земледѣльческое званіе колонистовъ по правиламъ въ законахъ о состояніяхъ (т. IX) опредѣленнымъ“; а въ этихъ законахъ говорится исключительно о евреяхъ-земледѣльцахъ (ср. особенно ст. 1418 т. IX, гдѣ повторяется содержаніе ст. 119 Уст. Колон., но безъ слова колонистовъ). Ст. 376 Уст. Колон. (помѣщенная въ главѣ „о промышленности колонистовъ“) говоритъ, что „евреямъ-земледѣльцамъ дозволяется производить торговлю и ремесла по правиламъ законовъ о состояніяхъ“ (ст. 1467—1471 т. IX). По ст. 429 Уст.

Колон., евреи-поселенцы (т. е. колонисты) получаютъ билеты и паспорты по правиламъ IX тома, гдѣ говорится о евреяхъ-земледѣльцахъ. Но мы должны были-бы выписать всѣ законы о евреяхъ-земледѣльцахъ, еслибъ захотѣли привести всѣ доказательства того, что колонисты, земледѣльцы и поселенцы изъ евреевъ суть одно и тоже и что выраженія эти употребляются въ законѣ совершенно безразлично. Это доказывается еще и тѣмъ, что источники, на которыхъ основаны статьи IX и XII томовъ о евреяхъ-земледѣльцахъ, одни и тѣже и что ни въ одномъ изъ этихъ источниковъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на различіе между колонистами и земледѣльцами изъ евреевъ. Такимъ образомъ различіе это, установленное рѣшеніями по дѣламъ Гилоди и Щедровича, оказывается юридически-несостоятельнымъ.

Другое основаніе къ подчиненію евреевъ-колонистовъ общимъ правиламъ объ ограниченіи обязательственной свободы колонистовъ заключается въ томъ, что они подчинены общему для иностранныхъ поселенцевъ управленію — Попечительному Комитету (ст. 3, 7, 106—108 Уст. Колон.). Но изъ всѣхъ относящихся сюда постановленій видно, что евреи-земледѣльцы южной Россіи подчинены Попечительному Комитету лишь въ административномъ отношеніи, но что въ управленіи ими Комитетъ долженъ руководствоваться не общими правилами объ иностранныхъ поселенцахъ, а спеціальными законами о евреяхъ-земледѣльцахъ. Всего опредѣленнѣе это выражено въ ст. 835 Учрежд. управленія инородцами (т. II, ч. 2 Св. Зак.), гдѣ прямо говорится, что въ южной Россіи евреи-поселенцы состоятъ въ вѣдомствѣ Попечительнаго Комитета на основаніи законовъ о состояніяхъ. Все это приводитъ къ тому несомнѣнному заключенію, что единственнымъ источникомъ для опредѣленія гражданскихъ правъ всѣхъ вообще евреевъ-земледѣльцевъ должны служить постановленія IX тома о евреяхъ-земледѣльцахъ, а не общія правила объ иностранныхъ поселенцахъ.—Обращаясь къ этому источнику для опредѣленія правъ евреевъ-колонистовъ на вступленіе въ обязательства, мы, во-первыхъ, не встрѣчаемъ въ немъ никакихъ ограниченій свободы ко-

лонистовъ; по общему-же правилу все закономъ положительно незапрещенное должно считаться дозволеннымъ. Во-вторыхъ, есть прочныя основанія для противнаго вывода. Законъ дѣлаетъ огромное различіе между торгово-промышленными правами колонистовъ-евреевъ и иностранцевъ. Послѣдніе могутъ заводить торги въ колоніяхъ, лишь давъ знать предварительно начальству (ст. 376 Уст. Кол.), а въ торговлѣ внѣ колоній они сильно ограничены правилами объ отлучкахъ (ст. 423—430 тамъ-же). Евреи-же колонисты пользуются гораздо болѣе обширными правами на торговыя занятія и отлучки изъ колоній (ст. 377 и 429 Уст. Кол., ст. 1467—77 т. IX). Но если законъ дѣлаетъ такое различіе между промышленной свободой иностранныхъ и еврейскихъ колонистовъ и предоставляетъ послѣднимъ положительное право вступать въ нѣкоторыя обязательства (ст. 1470 т. IX), то какое-же основаніе имѣемъ мы приравнивать евреевъ къ первымъ въ правѣ обязательственномъ, столь тѣсно связанномъ съ промышленными правами. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ еврея-колониста, который на основаніи закона отлучился за тысячу верстъ отъ своей колоніи для торговыхъ оборотовъ и который тѣмъ не менѣе для каждаго контракта, для каждаго векселя долженъ испрашивать разрѣшеніе колоніальнаго начальства; или возьмемъ того-же колониста, заведшаго въ своей колоніи лавчонку (замѣтьте — безъ разрѣшенія начальства, въ силу ст. 1467 т. IX), и предположимъ, что онъ не можетъ взыскать ни съ одного заборщика по счету, подписанному безъ разрѣшенія начальства; купивъ товаръ для лавки, онъ не можетъ выдать векселя безъ того-же разрѣшенія, хотя самое открытіе торговли обошлось безъ онаго. Несообразность очевидная, тѣмъ болѣе что ст. 1467 и 1471 т. IX прямо уравниваютъ евреевъ-земледѣльцевъ съ государственными крестьянами и что законъ вообще обусловливаетъ свободу обязательствъ промышленными правами (такъ женщины въ извѣстныхъ случаяхъ не могутъ давать векселей безъ надлежащаго разрѣшенія, но если онѣ производятъ торговлю сами, то разрѣшенія не требуется — ст. 546 Уст. Торг.).—Такимъ образомъ и

второе основаніе для уравненія колонистовъ-евреевъ съ иностранными поселенцами относительно заключенія договоровъ, проведенное въ рѣшеніи по дѣлу Сахановича и состоящее въ томъ, что лица эти пользуются особыми правами только по отношенію къ торговлѣ и промысламъ, но не по вступленію въ обязательства, оказывается неосновательнымъ.

Ошибочность этого взгляда обнаруживается и въ частностяхъ. Такъ въ рѣшеніи по дѣлу Щедровича говорится, что ст. 1471 т. IX, въ силу которой евреи-колонисты по истеченіи 25 лѣтъ послѣ поселенія получаютъ право на производство торговли и промысловъ наравнѣ съ государственными крестьянами—относится исключительно къ евреямъ-земледѣльцамъ, а не колонистамъ. Между тѣмъ, на статью эту дѣлается ссылка въ самомъ Уставѣ о колонистахъ (ст. 377), изъ чего очевидно, что она простирается на всѣхъ вообще поселенцевъ-евреевъ. Какъ-бы то ни было, ясно только одно: судебная практика, основываясь на нѣкоторыхъ невѣрно понятыхъ указаніяхъ закона, выказываетъ явное стремленіе поставить евреевъ въ одинаковыя условія не съ кореннымъ русскимъ сельскимъ населеніемъ, какъ слѣдовало-бы даже по смыслу положительнаго закона, а съ иностранными поселенцами (впрочемъ, только въ отношеніи невыгодныхъ аттрибутовъ этого званія). Вотъ, слѣдовательно, новый фактъ въ подтвержденіе той мысли, на которую мы столько разъ обращали вниманіе нашихъ читателей, что изолированность еврейскаго населенія у насъ обусловливается гораздо менѣе его собственными стремленіями и желаніями, чѣмъ причинами не отъ него зависящими (если только мысль эта нуждается въ подтвержденіи послѣ тѣхъ фактовъ, которые были уже нами указаны въ разное время). Излишне было бы также распространяться здѣсь о необходимости, въ виду подобнаго направленія нашей судебной практики, скорѣйшаго исполненія предписаннаго еще закономъ 1866 г. перечисленія евреевъ земледѣльцевъ въ свободные сельскіе обыватели и уравненія ихъ съ русскимъ сельскимъ населеніемъ. Когда состоится это перечисленіе, юридическій бытъ ев-

реевъ-земледѣльцевъ установится на прочныхъ началахъ, всякое колебаніе во взглядѣ на ихъ гражданское положеніе станетъ невозможнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ еще одинъ классъ евреевъ перейдетъ изъ лагеря инородцевъ на поприще русской народной жизни.

IV.

О положеніи евреевъ-ремесленниковъ во внутреннихъ губерніяхъ.

Не такъ давно мы встрѣтили въ газетахъ упреки евреямъ за то, что они очень мало пользуются льготами, предоставленными закономъ 28 іюня 1865 г. тѣмъ изъ нихъ, которые занимаются ремеслами и мастерствами. Если евреи-ремесленники, имѣя въ силу этого закона право переселенія во внутреннія губерніи, тѣмъ не менѣе предпочитаютъ оставаться въ чертѣ прежней своеи осѣдлости, то значитъ жалобы на чрезмѣрную ихъ бѣдность и отяготительность карантинной для нихъ линіи если не лишены всякаго основанія, то чрезвычайно преувеличены: такъ разсуждаютъ нѣкоторые органы нашей печати, повидимому—совершенно основательно. Если-же евреи сами не сознаютъ ненормальности настоящаго своего положенія, и не очень-то тяготятся узкими рамками, въ которыя поставлена ихъ гражданская жизнь, то естественно возникаетъ сомнѣніе въ томъ, насколько желательна и раціональна забота со стороны правительства о предоставленіи евреямъ такихъ правъ, которыми они по указанію опыта мало дорожатъ. Аргументація эта имѣла-бы еще значеніе при доказанномъ существованіи двухъ условій: во-первыхъ—что дѣйствующіе законы дуютъ евреямъ-ремесленникамъ возможность прочной осѣдлости и свободной экономической и гражданской дѣятельности, и во-вторыхъ—что законы эти дѣйствительно примѣняются на дѣлѣ,

и основанныя на нихъ права еврейскихъ обывателей не стѣсняются и не ограничиваются. Къ сожалѣнію однакожъ, несомнѣнныя данныя даютъ намъ право утверждать, что оба эти предположенія несогласны съ дѣйствительностью. Такъ изъ Калуги намъ сообщаютъ, что тамошнія акцизныя управленія и другія равныя имъ мѣста не выдаютъ евреямъ-винокурамъ и пивоварамъ, составляющимъ большинство евреевъ-ремесленниковъ во внутреннихъ губерніяхъ, патентовъ и свидѣтельствъ на торговлю предметами своего мастерства и другими товарами, не смотря на то, что законъ предоставляетъ евреямъ это право. Я знаю очень многихъ евреевъ, пишетъ корреспондентъ, которые сначала завели водочные и пивоваренные заводы, но вслѣдствіе затруднительности сбыта своихъ продуктовъ должны были бросить свои занятія и разориться. Жалобы, принесенныя многими департаменту неокладныхъ сборовъ, не привели ни къ какому результату.

Изъ Изюма намъ сообщаютъ, что проживающій тамъ еврей-винокуръ, записавшись въ гильдію, взялъ въ арендное содержаніе по законному контракту винокуренный заводъ на 5 лѣтъ, но послѣ полугодичной работы былъ устраненъ отъ пользованія заводомъ на томъ основаніи, что онъ еврей — чрезъ что потерпѣлъ значительные убытки.

Чтобъ разрѣшить вопросъ о томъ, насколько такое положеніе евреевъ-ремесленниковъ соотвѣтствуетъ постановленіямъ закона объ ихъ правахъ во внутреннихъ губерніяхъ, обратимся къ узаконеніямъ, опредѣляющимъ этотъ предметъ, и здѣсь найдемъ слѣдующее. Законъ 28 іюня 1865 г. предоставляетъ ремесленникамъ „проживать по узаконеннымъ паспортамъ и билетамъ“ повсемѣстно внѣ черты осѣдлости евреевъ. При этомъ опредѣлительно говорится, что „евреи-ремесленники, цеховые, равно занимающіеся нецеховыми мастерствами (т. е. винокуры, пивовары и т. под.), имѣютъ право поступать въ цехи на общемъ основаніи и въ мѣстностяхъ внѣ черты для постоянной осѣдлости евреевъ назначенной“ (прим. 4 къ ст. 4 Уст. Рем., т. XI по прод. 1868 г.). „Всѣ постановленія ремесленнаго устава сохраняютъ свою силу и

относительно евреевъ въ тѣхъ мѣстахъ, которыя они изберутъ внѣ черты для постоянной осѣдлости назначенной" (тамъ-же, прим. 5). Затѣмъ ст. 109 Уст. Рем. по прод. 1868 г. изложена слѣдующимъ образомъ: „цеховымъ, не исключая и евреевъ, проживающихъ во внутреннихъ губерніяхъ, дозволяется вступать въ гильдіи и въ такомъ случаѣ пользоваться правами, присвоенными обоимъ состояніямъ". Далѣе, по закону 9 февраля 1865 г. о пошлинахъ за право торговли (ст. 20), свидѣтельства, какъ купеческія, такъ и промысловыя могутъ быть выдаваемы лицамъ обоего пола, русскимъ подданнымъ всѣхъ состояній и иностранцамъ, кромѣ поименованныхъ въ примѣчаніи въ этой статьѣ (священно и церковно-служителей, пасторовъ и нижнихъ чиновъ). А по ст. 38 того-же закона, содержатели трактирныхъ заведеній въ городахъ, платящіе въ городской доходъ не менѣе 200 р. въ годъ акциза, обязаны имѣть свидѣтельство 2-й гильдіи. Затѣмъ къ разъясненію возникающихъ на практикѣ вопросовъ о правахъ евреевъ-ремесленниковъ внѣ черты ихъ осѣдлости можетъ послужить еще законъ 24 августа 1863 г., въ которомъ изложено слѣдующее. Вслѣдствіе представленія министра финансовъ о дозволеніи евреямъ производить винокуреніе въ Сибири, Государь Императоръ повелѣлъ: разрѣшить генералъ-губернаторамъ Западной и Восточной Сибири на будущее время допускать евреевъ къ производству винокуренія на тамошнихъ заводахъ, хотя-бы они не были приписаны къ сибирскимъ губерніямъ и не состояли въ гильдіи, дозволивъ выдачу такимъ евреямъ паспортовъ изъ постоянныхъ мѣстъ ихъ жительства на пребываніе въ Сибири для винокуренія (Полн. Собр. Зак. 1863 г., № 39,998).

Изъ сопоставленія этихъ законовъ съ указанными практическими случаями видно, что примѣненіе къ жизни закона 28 іюня 1865 г. возбуждаетъ главнымъ образомъ два спорныхъ вопроса.

Первый вопросъ заключается въ томъ, имѣетъ-ли еврей-ремесленникъ право производить торговлю внѣ черты еврейской осѣдлости предметами не своего мастерства? Въ этомъ отношеніи указываютъ на

какой-то циркуляръ по министерству внутреннихъ дѣлъ отъ 16 февраля 1866 г., которымъ признается за евреями-ремесленниками, проживающими въ великороссійскихъ губерніяхъ, право торговли лишь предметами собственнаго издѣлія. На эту точку зрѣнія сталъ прокуроръ тверскаго окружнаго суда, обвинявшій по ст. 1171 Улож. о нак. 1866 г. ремесленника-еврея Сендерихина, торговавшаго такими товарами, выдѣлкой которыхъ не занимался. Окружной судъ согласился съ мнѣніемъ прокурора; но московская судебная палата нашла, что въ виду указанныхъ нами выше законовъ ст. 1171 Уложенія не можетъ быть примѣнена къ еврею-ремесленнику, живущему внѣ черты осѣдлости евреевъ на основаніи закона 28 іюня. И дѣйствительно буквальный смыслъ этихъ законовъ показываетъ, что евреи-ремесленники, записавшись въ цехи и въ гильдію, имѣютъ право производства всякаго рода торговли въ предѣлахъ, опредѣленныхъ закономъ для ихъ гильдіи. Поэтому циркуляръ упомянутый выше, какъ прямо противорѣчащій смыслу ст. 109 Рем. Уст. по прод. 1868 г., никакъ не можетъ имѣть значенія толкованія этой статьи, а долженъ быть разсматриваемъ какъ измѣненіе или замѣна существующаго закона новымъ. Юридическое-же значеніе подобной замѣны точно опредѣляется дѣйствующими законами о предѣлахъ власти административной и законодательной.

Что касается втораго вопроса—могутъ-ли нецеховые ремесленники изъ евреевъ, т. е. винокуры и пивовары, производить торговлю своими фабрикатами, то и этотъ вопросъ долженъ быть, по нашему мнѣнію, разрѣшенъ утвердительно. Впрочемъ необходимымъ условіемъ для существованія этого права должна быть предварительная приписка къ цеху, ибо по буквальному смыслу ст. 109 Рем. Уст. только цеховые изъ евреевъ могутъ записаться въ гильдію и пользоваться купеческими правами. Примѣчаніе-же 4-ое къ ст. 4 того-же Устава даетъ нецеховому ремесленнику-еврею право на записку въ цехъ. Правда, въ отношеніи питейной торговли винокуровъ-евреевъ встрѣчаемъ препятствіе въ ст. 283 Питейнаго Устава (изд. 1867 г.), на которой основываются ак-

цизныя управленія, отказывая въ выдачѣ патентовъ евреямъ-винокурамъ на торговлю питьями.

Въ статьѣ этой читаемъ слѣдующее: „евреямъ, въ мѣстахъ постояннаго ихъ жительства, дозволяется питейная торговля повсемѣстно на общемъ основаніи". Акцизныя управленія понимаютъ эту статью такъ, что подъ „мѣстомъ постояннаго жительства" евреевъ слѣдуетъ понимать лишь мѣстности внутри черты ихъ осѣдлости. Но сопоставляя ст. 9 Уст. о паспортахъ т. XIV, въ которой сказано, что „постояннымъ жительствомъ ремесленниковъ полагается тамъ, гдѣ они записаны въ цехи", съ ст. 4 (прим. 4) Уст. Рем. по прод. 1868 г., приведенной нами выше, необходимо придти къ заключенію, что еврей-винокуръ, записанный въ цехъ въ Калугѣ, долженъ, по буквальному смыслу ст. 9 т. XIV, считаться имѣющимъ „постоянное жительство" въ Калугѣ, а потому и имѣющимъ право на питейную торговлю по силѣ ст. 283 Пит. Уст. Толковать эту послѣднюю статью иначе значитъ признать, что между ней и упомянутыми статьями Уст. Рем. и о пасп., равно и ст. 20 закона 9 февраля 1865 г. (см. выше) существуетъ рѣшительное противорѣчіе. Основное-же правило толкованія законовъ гласитъ, что законы должны быть изъясняемы такъ, чтобы между ними не было противорѣчія. Но если и допустить, что ст. 283 возбуждаетъ серьезное недоумѣніе о правѣ евреевъ-ремесленниковъ на питейную торговлю внѣ черты осѣдлости евреевъ, то тутъ является коллизія двухъ категорій законовъ, изъ которыхъ одни признаютъ за ними общегражданское право всякаго рода промышленной дѣятельности и слѣдовательно составляютъ законъ общій, а другой (ст. 283 Пит. Уст.) составляетъ изъятіе общаго правила о правѣ всѣхъ гражданъ заниматься всѣми промыслами. При столкновеніи-же общаго закона съ частнымъ всякое сомнѣніе должно быть толкуемо въ пользу закона общаго, такъ какъ исключенія должны быть не расширяемы, а ограничиваемы, по извѣстному правилу толкованія законовъ. При этомъ слѣдуетъ принять въ соображеніе еще то обстоятельство, что ст. 283 Пит. Уст.,

какъ видно изъ цитатъ къ ней, основана на узаконеніяхъ изданныхъ до 28 іюня 1865 г. и потому вовсе не имѣетъ въ виду тѣхъ льготъ, которыя предоставлены закономъ 28 іюня евреямъ-ремесленникамъ. Питейный Уставъ вѣроятно потому обходитъ молчаніемъ этотъ законъ, что въ немъ говорится о правахъ евреевъ-ремесленниковъ вообще на ремесленныя и торгово-промышленныя занятія, но ничего не говорится собственно объ ихъ правахъ на торговлю питьями; но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобы послѣднее право не было дано имъ закономъ 28 іюня въ числѣ всѣхъ другихъ промысловъ.

Всѣ эти соображенія указываютъ на то, что стѣсненіе правъ евреевъ-ремесленниковъ, о которомъ мы упоминали выше, происходитъ не на точномъ основаніи закона, а оттого, что практика наша держится за прежніе взгляды относительно евреевъ еще упорнѣе, чѣмъ законодательство. Практика смотритъ косо на примѣненіе къ жизни либеральныхъ законовъ о евреяхъ и пользуется всякимъ случаемъ, чтобъ парализовать ихъ дѣйствіе.

Это не единственная причина возникающихъ недоразумѣній по занимающему насъ теперь предмету. Если присмотрѣться ближе, то окажется, что законъ 28 іюня отчасти самъ даетъ поводъ къ недоразумѣніямъ своей неясностью и нерѣшительностью. Сознавая пользу для великороссійскихъ губерній отъ поселенія въ нихъ ремесленниковъ-евреевъ, законъ въ тоже время какъ будто не желаетъ порвать совершенно связь съ старинными воззрѣніями на евреевъ, какъ на инородцевъ, населяющихъ западныя и южныя окраины. Поэтому, разрѣшая ремесленникамъ изъ евреевъ фактическое пребываніе внѣ черты общей ихъ осѣдлости, онъ какъ будто не признаетъ за ними юридической осѣдлости. Онъ упоминаетъ только о „проживаніи по паспортамъ“ и ничего не опредѣляетъ о приписке къ мѣстнымъ обществамъ и гражданско-имущественныхъ правахъ ихъ. Отсюда неизбѣжныя затрудненія при разрѣшеніи множества возникающихъ на практикѣ случаевъ, когда приходится точно опредѣлить объемъ и размѣры гражданскихъ правъ еврейскихъ ремесленниковъ, поселившихся внѣ черты осѣдлости евреевъ.

Но очевидно, что разнорѣчіе между правомъ и фактомъ, между юридическимъ и экономическимъ положеніемъ ремесленниковъ-евреевъ во внутреннихъ губерніяхъ, не можетъ существовать долго. Желательно чтобъ предметъ этотъ обратилъ на себя вниманіе кого слѣдуетъ, и чтобъ юридическое положеніе еврейскихъ ремесленниковъ было установлено на болѣе прочныхъ и опредѣлительныхъ основаніяхъ.

V.

Евреи на Бессарабской границѣ.

Ниже читатели найдутъ заимствованныя нами изъ „Новороссійскаго Телеграфа“ весьма любопытныя подробности о дѣлѣ, надѣлавшемъ весьма много шуму въ свое время и до сихъ поръ имѣющемъ огромное практическое значеніе: мы говоримъ о выселеніи евреевъ изъ 50-верстной пограничной полосы въ Бессарабіи. Когда въ печать проникли извѣстія о томъ, что бессарабское областное начальство предпринимаетъ энергическія мѣры къ удаленію изъ пограничной полосы тѣхъ евреевъ, которые не имѣютъ тамъ законнаго права жительства, многіе не вѣрили своимъ глазамъ. Какъ ни слабо, можно сказать ничтожно у насъ еще общественное мнѣніе, но насколько оно успѣло высказаться по этому дѣлу. оно увидѣло въ немъ анахронизмъ. Большинство нашло, что было-бы желательно имѣть возможность объяснить всю эту исторію простымъ недоразумѣніемъ. Правда, къ стыду русской печати большинство представителей ея, находящихъ время и мѣсто для воспроизведенія in extenso всѣхъ скандаловъ и „происшествій“, (между прочимъ недобросовѣстныхъ и нелѣпыхъ нападокъ литературнаго арлекина Брафмана, за которыя будетъ краснѣть будущій историкъ русской мысли)—обошли выселеніе мол-

чаніемъ, какъ будто молчаніе возможно (мы не говоримъ уже благородно) со стороны сколько-нибудь уважающей себя прессы тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о судьбѣ десятковъ тысячъ людей, нуждающихся въ поддержкѣ и вниманіи. Однако тѣ органы нашей печати, которые затронули вопросъ, посмотрѣли на него съ указанной нами точки зрѣнія, т. е. изобразили въ отношеніи его знакъ вопросительный. Между тѣмъ дѣло кажется очень несложнымъ и яснымъ: оно состоитъ въ точномъ исполненіи постановленія, изображеннаго въ продолженіи къ такой-то статьѣ такого-то тома свода законовъ. Но когда глубже вникаешь въ обстоятельства дѣла, то невольно является сомнѣніе въ правильности примѣненія бессарабской администраціей закона о правахъ евреевъ на жительство въ 50-верстной полосѣ.

Законъ этотъ говоритъ слѣдующее. „Евреямъ въ западныхъ пограничныхъ губерніяхъ и Бессарабской области на 50-верстномъ отъ границы пространствѣ не воспрещается, если они до 27 октября 1858 г. приписаны были къ тамошнимъ обществамъ, имѣть тамъ постоянное жительство, а равно и сохранять пріобрѣтенную въ той чертѣ до того времени недвижимую собственность, хотя-бы они не принадлежали къ находящимся тамъ обществамъ. Но причисленіе къ такимъ обществамъ евреевъ вновь, а также пріобрѣтеніе и владѣніе въ той чертѣ недвижимою собственностью евреямъ, до 27 октября 1858 г. къ тѣмъ обществамъ не принадлежавшимъ, воспрещаются“ (ст. 23 т. XIV Уст. о Пасп. по прод. 1863 г.). Законъ этотъ замѣнилъ собой прежнія постановленія объ этомъ предметѣ (ст. 23—26 Уст. Пасп.); слѣдовательно, въ настоящее время юридическій бытъ евреевъ въ пограничной полосѣ Бессарабіи долженъ быть опредѣляемъ исключительно на основаніи указаннаго закона. А этотъ законъ говоритъ только, что евреи, не приписавшіеся къ обществамъ и не пріобрѣвшіе недвижимости въ 50-верстной чертѣ до времени его изданія (27 октября 1858 г.), не имѣютъ права приписаться послѣ этого времени или пріобрѣтать недвижимое имущество въ упомянутой чертѣ; но не воспрещаетъ имъ жительства въ ней по паспортамъ.

Правила-же о воспрещеніи евреямъ жительства въ пограничной полосѣ и удаленіи ихъ оттуда, содержавшіяся въ ст. 24—26 Паспортнаго Устава, какъ отмѣненныя и не замѣненныя соотвѣтствующими правилами въ законѣ 1858 г., не имѣютъ теперь никакой силы. Что таковъ именно смыслъ закона—видно изъ слѣдующихъ соображеній. Дѣйствующее законодательство наше признаетъ постояннымъ жительствомъ податнаго лица не мѣсто фактическаго постояннаго его пребыванія, а то мѣсто, гдѣ онъ приписанъ къ обществу (ст. 1, 2 и 4 Уст. Пасп.). Внѣ этой мѣстности податное лицо считается живущимъ временно, какъ-бы продолжительно ни было его пребываніе внѣ своего общества; ибо находясь въ тѣсной связи и зависимости отъ этого послѣдняго по платежу податей, отбыванію рекрутской и другихъ повинностей и полученію паспортовъ, оно можетъ быть вытребовано въ случаѣ надобности своимъ обществомъ. Вотъ почему тамъ, гдѣ лицо въ силу самого закона должно провести болѣе или менѣе продолжительное время въ извѣстномъ мѣстѣ, законъ обязываетъ его приписаться въ этомъ мѣстѣ къ обществу, а не проживать по паспорту. Только приписка въ глазахъ закона служитъ гарантіей дѣйствительнаго пребыванія лица въ данной мѣстности. Такимъ образомъ, ссыльные евреи въ Сибири должны приписаться къ мѣстнымъ обществамъ, хотя вообще евреи не имѣютъ права селиться въ Сибири (ст. 878 Уст. о ссыл. и ст. 30 Уст. Пасп. по прод. 1868 г.). И наоборотъ, гдѣ законъ хочетъ дозволить извѣстнымъ лицамъ лишь временное пребываніе въ извѣстной мѣстности, хотя неограниченное никакимъ срокомъ, онъ предоставляетъ имъ жить въ ней по паспортамъ, но безъ приписки къ обществамъ. Такъ относится нашъ законъ къ евреямъ-ремесленникамъ, проживающимъ внѣ черты осѣдлости евреевъ (прим. 2 ст. 283 Уст. Пасп. прод. 1868 г.). Въ тѣхъ-же случаяхъ, когда законодатель по особеннымъ уваженіямъ признаетъ полезнымъ дать извѣстному классу изъ евреевъ право не одного временнаго жительства, но прочной осѣдлости, онъ опредѣлительно говоритъ, что представляетъ этому классу право при-

писки къ обществамъ вновь открытыхъ для него мѣстностей. Таково напр. положеніе евреевъ-купцовъ первой гильдіи внѣ черты осѣдлости евреевъ (ст. 128 т. XI. Уст. Торг. по прод. 1863 г.).

Переходя отъ этихъ общихъ соображеній къ занимающему насъ теперь частному вопросу о правахъ евреевъ на жительство въ 50-верстней пограничной полосѣ Бессарабіи, находимъ слѣдующее. Основаніемъ ограниченій евреевъ въ правѣ жительства близъ границы служитъ предположеніе, что евреи занимаются контрабандой больше и искуснѣе, чѣмъ всѣ другіе пограничные жители, что обыкновенныя средства таможеннаго надзора безсильны противъ нихъ и что съ удаленіемъ ихъ контрабандный промыселъ самъ собою исчезнетъ. Исходя изъ этой точки зрѣнія и признавая за несомнѣнное, что права и интересы евреевъ должны быть принесены въ жертву болѣе серьезнымъ, фискальнымъ интересамъ, прежніе законы (ст. 23—26 Уст. Пасп. по изд. 1857 г.) совершенно отрицали за евреями право жительства на извѣстномъ разстояніи отъ западной границы. Законъ 1858 г. сталъ на болѣе гуманную точку зрѣнія. Оставаясь въ сущности при тѣхъ же воззрѣніяхъ на роль евреевъ въ контрабандной торговлѣ, онъ находитъ однако чрезъ-чуръ строгимъ прежнее безусловное запрещеніе евреямъ жить близъ границы. Онъ потому дозволяетъ жить въ пограничной чертѣ тѣмъ изъ евреевъ, которыхъ законъ 1858 г. засталъ уже на этомъ мѣстѣ. Дальнѣйшее-же накопленіе евреевъ осѣдлыхъ, приписанныхъ къ мѣстнымъ обществамъ и владѣющихъ недвижимой собственностью, онъ запрещаетъ, оставляя однакожъ за евреями право и вновь пріѣзжать въ эти мѣста и проживать тамъ по паспортамъ. Почему законъ дѣлаетъ различіе между временнымъ, хотя продолжительнымъ пребываніемъ евреевъ въ пограничной чертѣ и полной осѣдлостью, состоящей въ приписке къ мѣстному обществу—объясняется, по нашему мнѣнію, слѣдующимъ образомъ. Лицо, проживающее временно по паспорту въ данной мѣстности, находится въ большей зависимости отъ администраціи, чѣмъ коренной житель. Относительно перваго власть административная можетъ, если найдетъ его неблагонадежнымъ,

принять по собственному усмотрѣнію надлежащія мѣры, изъ которыхъ самая обыкновенная и вмѣстѣ съ тѣмъ самая рѣшительная — высылка въ мѣсто приписки. Другое дѣло коренной обыватель, который можетъ быть высланъ только по судебному приговору или опредѣленію своего общества—что́ нелегко осуществимо, а при старой системѣ судопроизводства могло достигаться съ успѣхомъ лишь въ немногихъ случаяхъ. Поэтому законодатель, желая предоставить администраціи по возможности больше свободы и власти въ очищеніи границы отъ вредныхъ въ фискальномъ отношеніи людей, разрѣшаетъ евреямъ лишь фактическое жительство по паспортамъ безъ прочной юридической осѣдлости, такъ какъ при такомъ состояніи административнымъ властямъ легче и удобнѣе удалять ихъ въ случаѣ надобности изъ контрабаднаго эльдорадо. Но при этомъ законъ 1858 г. считаетъ возможнымъ примѣнять удаленіе не огуломъ по отношенію ко всѣмъ евреямъ, въ предположеніи, что они могутъ быть занимались или займутся впослѣдствіи контрабаднымъ промысломъ, а лишь относительно отдѣльныхъ личностей, по имѣющимся достовѣрнымъ свѣдѣніямъ о прикосновенности ихъ къ тайному провозу заграничныхъ товаровъ. Это ясно видно изъ примѣчанія къ закону 1858 г. (ст. 23 Уст. Пасп. прод. 1863 г. примѣч.). Здѣсь говорится, что изъ 50-верстной полосы могутъ быть удаляемы не только тѣ евреи, которые признаны виновными въ контрабандной торговлѣ по суду, но также тѣ, которые оставлены въ подозрѣніи по этому обвиненію и о неблагонадежности которыхъ имѣются свѣдѣнія у таможеннаго начальства. При этомъ дѣлается различіе между приписанными къ мѣстнымъ обществамъ и проживающими по паспортамъ. Первые могутъ быть высланы только съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, вторые по распоряженію генералъ-губернатора. При такомъ ясномъ смыслѣ закона очевидно, что объ удаленіи изъ пограничной черты тѣхъ евреевъ, о прикосновенности которыхъ къ контрабандному промыслу нѣтъ спеціальныхъ свѣдѣній, не можетъ быть и рѣчи, если придерживаться точнаго указанія закона. Такой выводъ, кромѣ бук-

вальнаго и внутренняго смысла закона 1858 г., подтверждается еще слѣдующимъ соображеніемъ. Допустить, что всякій вообще еврей можетъ быть удаленъ изъ 50-верстной полосы во всякое время по усмотрѣнію полицейскихъ властей, значитъ признать, что власти эти могутъ сами установить срокъ пребыванію евреевъ въ этой мѣстности. Между тѣмъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ законъ считаетъ необходимымъ ограничить время пребыванія евреевъ въ извѣстныхъ мѣстахъ какимъ-нибудь срокомъ, онъ обыкновенно опредѣляетъ самъ этотъ срокъ. Такъ напр. мы находимъ положительныя постановленія о срокѣ пребыванія евреевъ вообще во внутреннихъ губерніяхъ (ст. 283 Уст. Пасп. по прод. 1863 г.) и о срокѣ проживательства нѣкоторыхъ категорій евреевъ въ Кіевѣ (ст. 284 тамъ-же). Слѣдовательно, еслибъ законъ имѣлъ въ виду ограничить время пребыванія евреевъ въ 50-верстной пограничной чертѣ опредѣленнымъ пространствомъ времени, онъ не преминулъ бы и въ этомъ случаѣ установить извѣстный срокъ, не оставляя его на усмотрѣніе исполнительной власти. А коль скоро такой срокъ не установленъ закономъ, значитъ его и не существуетъ. Поэтому мы полагаемъ, что распоряженіе, о которомъ упоминаетъ г. Н. К., о дозволеніи евреямъ жить въ пограничной чертѣ не далѣе трехъ мѣсяцевъ, не основано на законѣ и потому неправильно.

Что дѣйствительно законодательство наше допускаетъ вообще и въ частности по отношенію къ евреямъ такого рода временное, но неограниченное никакимъ срокомъ пребываніе въ нѣкоторыхъ частяхъ русской территоріи—въ этомъ можно убѣдиться изъ аналогическаго постановленія о правахъ евреевъ на жительство въ селеніяхъ витебской и могилевской губерній. Здѣсь евреи по закону могутъ жить „по установленнымъ билетамъ безъ водворенія въ оныхъ, въ качествѣ отдѣльныхъ жителей“ (ст. 16 Уст. Пасп. по прод. 1863 г.).

Резюмируя наши соображенія относительно смысла законовъ о жительствѣ евреевъ въ 50-верстной пограничной полосѣ Бессарабіи, мы приходимъ къ слѣдующему общему выводу. Дѣйствующее

русское законодательство раздѣляетъ всю территорію имперіи въ отношеніи права жительства евреевъ на три категоріи. Къ первой относятся мѣстности, въ которыя евреямъ дозволяется пріѣзжать временно и жить въ нихъ лишь по особеннымъ надобностямъ и въ теченіи опредѣленныхъ самимъ закономъ сроковъ. Въ такомъ положеніи находится относительно всѣхъ евреевъ вообще (за исключеніемъ купцовъ первой гильдіи, ремесленниковъ и пріобрѣвшихъ извѣстныя ученыя степени) вся Европейская и Азіатская Россія, за исключеніемъ западныхъ и южныхъ губерній (ст. 283 Уст. Пасп. прод. 1863 г.). Въ чертѣ осѣдлости евреевъ такое-же мѣсто занимаетъ городъ Кіевъ, гдѣ евреи могутъ жить лишь въ теченіи извѣстныхъ сроковъ (ст. 284 тамъ-же). Ко второй категоріи причислены мѣстности, гдѣ евреямъ запрещено только пріобрѣтеніе прочной юридической осѣдлости, характеристическіе признаки которой заключаются, по нашему мнѣнію, въ приписке къ мѣстному обществу и владѣніи недвижимой собственностью, но не запрещается жить по паспортамъ безъ ограниченія срокомъ. Сюда отнесены селенія бѣлорусскихъ губерній и 50-верстная черта по западной границѣ. Къ третьему разряду слѣдуетъ отнести тѣ мѣстности, гдѣ евреи пользуются правомъ постояннаго пребыванія, а потому могутъ приписаться на мѣстѣ и владѣть недвижимой собственностью безпрепятственно.

Само собою разумѣется, что при точномъ до скрупулезности исчисленіи въ законѣ всѣхъ мѣстностей, относящихся къ каждому изъ упомянутыхъ трехъ разрядовъ въ отдѣльности, перенесеніе той или другой изъ одной категоріи въ другую не должно быть допускаемо. Поэтому мы находимъ, что законъ 1858 г., служащій краеугольнымъ камнемъ всѣхъ дѣйствій бессарабской администраціи относительно евреевъ въ пограничной чертѣ, даже съ строго юридической точки зрѣнія, которой мы должны исключительно ограничиться на этотъ разъ, примѣняется несогласно съ его смысломъ. Къ другимъ сторонамъ этого вопроса мы обратимся, по мѣрѣ возможности, въ другой разъ.

Мы разобрали общій вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ правиль-

но съ строго-юридической точки зрѣнія примѣняется бессарабской администраціей законъ 1858 г. о правахъ евреевъ на жительство въ 50-верстной по западной границѣ полосѣ, и показали, что законъ этотъ не даетъ никакихъ основаній для выселенія огуломъ всѣхъ евреевъ изъ этой полосы. Теперь постараемся, насколько возможно для насъ, освѣтить предметъ съ нѣкоторыхъ другихъ сторонъ, имѣющихъ не мало значенія для полной характеристики ограничительныхъ постановленій о жительствѣ евреевъ вообще. Для этого мы станемъ вполнѣ на точку зрѣнія бессарабской администраціи относительно смысла закона 1858 г., и пользуясь данными г. Н К. объ административномъ ходѣ этого дѣла, укажемъ на тѣ мысли и соображенія, которыя пришли намъ въ голову при чтеніи статьи г. Н. К.

Вся исторія евреевъ въ Россіи, какъ и во многихъ другихъ странахъ, сводится главнымъ образомъ на борьбу между ограниченіями свободы жительства евреевъ съ одной стороны и практической необходимостью, дѣлающей присутствіе евреевъ при существующихъ общественно-экономическихъ условіяхъ неизбѣжнымъ— съ другой стороны. Вотъ эта-то всемогущая сила нужды и парализуетъ силу закона 1858 г. до такой степени, что дѣло о выселеніи евреевъ изъ бессарабской границы въ теченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ не подвинулось ни на шагъ, не смотря на весьма значительную переписку, о которой упоминаетъ г. Н. К.

Бессарабская администрація напр. усматриваетъ, что г. Кишиневъ находится въ 50-верстной чертѣ отъ границы и что поэтому тѣ евреи, которые до 27 октября 1858 г. не приписались къ мѣстнымъ обществамъ и не пріобрѣли тамъ недвижимой собственности, должны быть изъ него выселены. Но лицъ этихъ насчитывается десятки тысячъ; они безчисленными узлами связаны со всѣми экономическими и общественными интересами и нуждами края, такъ что выселеніе ихъ встрѣчаетъ громадныя, можно сказать непреодолимыя затрудненія. И вотъ областное правленіе обращается куда слѣдуетъ съ запросомъ: слѣдуетъ-ли теперь-же приступить къ исполненію надъ евреями г. Кишинева установ-

леннаго въ ст. 23 Уст. Пасп. правила? Запросъ этотъ очевидно вызванъ только жизненными соображеніями, но не имѣетъ за себя никакихъ юридическихъ основаній, потому что съ точки зрѣнія закона всѣ мѣстности, лежащія не дальше 50 верстъ отъ границы, совершенно одинаковы. Поэтому областное правленіе, какъ и слѣдовало ожидать, получаетъ отвѣтъ въ томъ смыслѣ, что относительно кишиневскихъ евреевъ надлежитъ руководствоваться „прямымъ смысломъ 23 статьи". Однако-жъ, что запросъ этотъ дѣйствительно имѣетъ большой смыслъ—видно изъ того, что дѣло выселенія евреевъ изъ Кишинева и теперь находится на точкѣ замерзанія и едва-ли пойдетъ дальше этой точки. Другая любопытная черта этого дѣла — чрезвычайное обиліе вопросовъ, возбуждаемыхъ примѣненіемъ къ жизни закона 1858 года. Еврей-ремесленникъ, иностранный подданный, отставной солдатъ, лѣсопромышленникъ, раввинъ, учитель, управляющій транспортной конторой, бухгалтеръ, кассиръ, почтосодержатель — короче чуть-ли не каждый еврей, проживающій близъ границы, возбуждаетъ отдѣльный законодательно-административный вопросъ о томъ: не слѣдуетъ-ли ему въ видѣ изъятія дозволить жительство возлѣ границы? Списокъ этихъ категорій евреевъ впрочемъ вполнѣ объясняетъ причину возникновенія подобныхъ вопросовъ. Недозволеніе вреямъ жить близъ границы вытекаетъ изъ опасенія, что они будутъ заниматься контрабаднымъ провозомъ товаровъ. Но такъ какъ есть не мало такихъ евреевъ, относительно которыхъ, по свойству ихъ занятій и извѣстному мѣстнымъ властямъ общественному положенію, опасенія лишены всякаго основанія, то власти и поднимаютъ каждый разъ вопросъ о томъ, что справедливо было-бы изъять подобныя лица изъ дѣйствія общаго ограниченія. Въ большинствѣ случаевъ вопросы эти разрѣшаются, и юридически совершенно правильно, такимъ образомъ: законъ не дѣлаетъ никакого различія между евреями благонадежными и неблагонадежными; запрещеніе жить вдоль границы обусловлено исключительно принадлежностью къ іудейству. Слѣдовательно до тѣхъ поръ, пока то или другое лицо принадлежитъ

къ еврейству, каково-бы ни было его положеніе въ обществѣ и чѣмъ-бы оно ни занималось, ремесломъ или исполненіемъ духовныхъ обязанностей, содержаніемъ почтъ или обученіемъ дѣтей, оно не можетъ жить близъ границы, въ видахъ огражденія казеннаго интереса отъ контрабаднаго промысла. Такъ разрѣшаются вопросы объ изъятіяхъ на точномъ основаніи ст. 23 Уст. Пасп. Но самое возбужденіе ихъ доказываетъ, что безусловное примѣненіе указанной статьи въ томъ видѣ, какъ ее понимаетъ практика, крайне затруднительно, что̀ подтверждается еще тѣмъ—ка̀къ разрѣшены нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ.

Не менѣе любопытны въ данныхъ, сообщаемыхъ г. Н. К., отвѣты областнаго правленія на нѣкоторые изъ вопросовъ, возбужденныхъ при исполненіи закона 1858 г. Такъ напр. относительно духовныхъ раввиновъ областное правленіе нашло, что „особые духовные раввины отъ правительства не положены, и какъ полицейское правленіе доносило, что они высоко чтутся евреями только по фанатизму“, то лица эти нисколько не отличаются отъ другихъ евреевъ, а потому“ и т. д. Съ своей стороны мы можемъ только прибавить, что областное правленіе разрѣшило вопросъ совершенно согласно съ дѣйствующими у насъ законами объ организаціи еврейскаго религіознаго быта. У евреевъ-раввинистовъ (но не караимовъ, хо̀тя религіозный бытъ послѣднихъ основанъ на тѣхъ-же самыхъ началахъ, что̀ у раввинистовъ) законъ нашъ не признаетъ духовенства какъ особеннаго сословія. „Еврейская вѣра, говоритъ нашъ законодатель, не имѣетъ особеннаго духовнаго сословія и потому лица сего рода, кромѣ караимовъ, подлежатъ ревизіи на общемъ основаніи“ (прим. 4 къ ст. 5 Уст. о 10-й ревизіи—приложеніе къ ст. 1679 т. IX Св. Зак.). Мало того. Законъ прямо говоритъ, что раввинъ въ награду за безпорочную службу пользуется почетными правами купца 1-ой гильдіи и можетъ производить торговлю на основаніи общихъ правилъ о торгующихъ евреяхъ (ст. 1092 т. XI, ч. 1).

Вотъ почему бессарабское областное правленіе совершенно за-

конно разрѣшило вопросъ о правахъ духовныхъ раввиновъ на жительство близь границы. Тѣмъ страннѣе для насъ то обстоятельство, что тоже правленіе отступило отъ этой строго-юридической послѣдовательности въ отношеніи къ казеннымъ раввинамъ и учителямъ изъ евреевъ. Областное правленіе нашло, что „на основаніи ст. 1083 т. XI, ч. 1 въ случаѣ недостачи казенныхъ раввиновъ въ Россіи, таковые могутъ быть выписываемы изъза-границы и потому лица эти могли-бы имѣть право жить во время исполненія должностей, но какъ изъятія для нихъ должны соразмѣряться со степенью полезности и необходимости ихъ, то полицейскія управленія должны, въ подобныхъ случаяхъ, входить съ особыми представленіями о каждомъ изъ нихъ отдѣльно". Это разъясненіе нисколько не согласно съ ст. 23 Уст. Пасп., какъ ее понимаетъ практика. Въ законѣ 1858 года никакого изъятія для раввиновъ и учителей не сдѣлано; ст. 1083 т. XI не имѣетъ ровно никакого отношенія къ данному дѣлу. Напротивъ, изъ того, что законъ предоставляетъ раввинамъ право торговли, слѣдуетъ вывести заключеніе, что и относительно контрабанды раввины, въ глазахъ закона, ничѣмъ не отличаются отъ всѣхъ другихъ евреевъ. Бессарабскому областному правленію, безъ сомнѣнія, все это очень хорошо извѣстно, какъ видно изъ того, оно само признало духовныхъ раввиновъ равными всѣмъ другимъ евреямъ относительно жительства близь границы. Тѣмъ не менѣе оно прибѣгло къ такимъ натяжкамъ для того, чтобъ признать за евреями, полезными по своему званію и профессіи, права жительства въ пограничной полосѣ.

Весьма любопытна также переписка по вопросу о правахъ евреевъ-иностранно-подданныхъ на жительство у бессарабской границы. Въ одномъ отношеніи бессарабская администрація признала, что къ иностраннымъ евреямъ справедливо было-бы примѣнять правила закона 1858 года о русскихъ евреяхъ между прочимъ на томъ основаніи, что въ противномъ случаѣ „они пользовались-бы сравнительно съ русско-подданными евреями привилегіей пребыванія въ этой полосѣ". Нельзя, конечно, не согласиться съ

тѣмъ, что привилегіи — вещь дурная во всѣхъ отношеніяхъ и что ихъ слѣдуетъ избѣгать по мѣрѣ возможности. Такимъ образомъ хотя-бы еврей-иностранецъ былъ подданнымъ такого государства, гдѣ не дѣлается никакого различія между гражданами различныхъ вѣроисповѣданій, гдѣ поэтому евреи перестали составлять особый классъ населенія въ соціально-экономическомъ отношеніи, въ глазахъ нашего закона обстоятельство это совершенно безразлично: онъ обусловливаетъ запрещеніе селиться близъ границы не личными и конкретными соображеніями, а единственно принадлежностью къ еврейству. Но съ другой стороны кажется, что именно въ этомъ случаѣ опасеніе привилегіи является не въ такой степени основательнымъ, какъ въ другихъ случаяхъ. Дѣйствительно, это не единственный примѣръ, гдѣ спеціальные законы о евреяхъ приводятъ къ изъятіямъ, которыя трудно объяснить логическими доводами. Такъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ возникъ на практикѣ вопросъ: имѣютъ-ли ссыльно поселенцы изъ евреевъ право приписаться къ мѣстнымъ обществамъ въ Сибири. При обсужденіи этого вопроса была высказана вполнѣ логичная мысль, что дозволить ссыльнымъ евреямъ приписку къ сибирскимъ обществамъ значитъ предоставить евреямъ-преступникамъ, въ видѣ преміи за преступленіе, такое право, котораго лишены честные евреи. Но сенатъ тѣмъ не менѣе призналъ, что ссыльные евреи пользуются правомъ приписки наравнѣ съ другими ссыльно-поселенцами (см. „День“ 1870 г. стр. 604). Этотъ взглядъ сената получилъ впослѣдствіи законодательную санкцію (ст. 30 Уст. Пасп. по прод. 1868 г.) Поэтому недозволеніе иностраннымъ евреямъ жить въ пограничной бессарабской полосѣ, если оно основано только на принципѣ равенства всѣхъ евреевъ предъ закономъ и нежеланіи поставить иностранныхъ евреевъ въ привиллегированное положеніе сравнительно съ русскими евреями, представляется далеко не такъ основательнымъ, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда.

Краткій очеркъ выселенія евреевъ изъ Бессарабіи (изъ „Новороссійскаго телеграфа“)

Нѣсколько десятковъ лѣтъ, какъ въ бессарабскомъ областномъ правленіи заведено дѣло о выселеніи евреевъ изъ 50 верстной отъ границы полосы Бессарабіи и еще совсѣмъ не окончено. Въ теченіи-же этого времени разрѣшены нѣкоторые частные вопросы о евреяхъ, проживающихъ въ 50 верстной полосѣ, именно: нѣкоторые изъ евреевъ-ремесленниковъ проживающихъ въ г. Бѣльцахъ, состоящемъ въ 50 верстной отъ границы полосѣ, жаловались г. министру внутреннихъ дѣлъ за выселеніе ихъ изъ Бѣльцъ. Областное правленіе, сообразивъ эту жалобу съ законами, нашло, что предоставленное 283 ст XIV т. по продолж. 1863 г. евреямъ-мастерамъ, механикамъ, ремесленникамъ право проживать въ 50 верстной отъ границы полосѣ, указанной имъ 16 ст. того-же тома для постояннаго жительства евреевъ, не распространяется на 50 верстную отъ границы полосу и потому ходатайство означенныхъ евреевъ-ремесленниковъ, о дозволеніи имъ постояннаго жительства въ г. Бѣльцахъ по праву ремесла, признало незаслуживающимъ уваженія, если они до 27-го октября 1858 года не пріобрѣли въ 50 верстной отъ границы полосѣ недвижимой собственности, или не состояли записаными въ обществахъ, состоящихъ въ той полосѣ.

Относительно ходатайства нѣкоторыхъ евреевъ иностранцевъ о дозволеніи имъ проживательства въ 50 верстной отъ границы полосѣ, областное правленіе, имѣя въ виду 531 ст. XIV т. уст. о пап. и бѣгл., на основаніи которой евреи-иностранцы могутъ проживать въ Россіи только въ мѣстахъ общей осѣдлости, оставило ходатайство евреевъ-иностранцевъ безъ послѣдствій

По предложенію г генералъ-губернатора, отъ 30 декабря 1868 г за № 849 по тому-же вопросу — о проживательствѣ въ Россіи евреевъ-иностранцевъ, начальникъ бессарабской области 14 іюня 1869 года за № 5218 донесъ его высокопревосходительству, что къ евреямъ иностраннымъ подданнымъ справедливо было-бы приложить тѣ-же правила, кои обязательны для русскоподданныхъ евреевъ, что дозволеніе иностраннымъ евреямъ, наравнѣ съ другими иностранноподданными, проживать 6 мѣсяцевъ безъ испрошенія русскаго вида, гдѣ пожелаютъ, повело-бы къ

тому, что племя это наводнило-бы 50-верстную отъ границы полосу и, не неся никакихъ государственныхъ повинностей, пользовалось-бы сравнительно съ русско-подданными евреями привилегіей пребывать въ этой полосѣ, такъ какъ по истеченіи законнаго срока они весьма удобно переѣзжаютъ границу на нѣсколько часовъ и являются съ новой визой консульства, отъ выдачи которой пользуются новымъ срокомъ пребыванія въ пограничной полосѣ Такое неравномѣрное распредѣленіе права срочнаго пребыванія въ 50-верстной полосѣ положительно несправедливо, и г. начальникъ Бессарабской области не нашелъ инаго способа, какъ воспретить безъ исключенія евреямъ пребываніе въ пограничной полосѣ.

О выселеніи изъ болгарскихъ и нѣмецкихъ колоній, состоящихъ въ 50-верстномъ разстояніи отъ границы, всѣхъ евреевъ, не имѣющихъ права тамъ жительствовать, послѣдовало распоряженіе Бессарабскаго областнаго правленія, на основаніи 23 статьи XIV т , уст. о пасп. по продолж. 1863 г., предложенія г. Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернатора, послѣдовавшаго 25 января 1869 г., и неоднократныхъ требованій объ этомъ попечительнаго комитета объ иностранныхъ поселенцахъ южнаго края Россіи

Между тѣмъ изъ представленнаго въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1869 года аккерманскимъ исправникомъ при рапортѣ акта, составленнаго имъ съ смотрителемъ болгарскихъ колоній, видно, что само колоніальное начальство, въ виду этого распоряженія, допустило въ колоніи Тарутинѣ аккерманскаго уѣзда четырехъ иногородныхъ евреевъ къ возведенію построекъ по контрактамъ, имъ же утвержденнымъ, по которымъ помянутые въ актѣ евреи устроили лавки и другія строенія съ обязательствомъ, по истеченіи условленнаго срока, передать ихъ въ собственность колонистовъ. Такъ какъ изъ акта видно, что евреи эти иногородные и не пріобрѣвшіе въ Тарутинѣ осѣдлости до 27 октября 1858 года, то и не имѣютъ права на постоянное тамъ жительство, слѣдовательно допущеніе колоніальнымъ начальствомъ заключенія такихъ контрактовъ, которые вопреки приведенному закону предоставляютъ евреямъ право постояннаго, хотя бы и до извѣстнаго срока жительства—есть распоряженіе противозаконное. подлежащее уничтоженію.

Такъ какъ уничтоженіе такихъ контрактовъ зависитъ отъ непосредственнаго колоніальнаго начальства—попечительнаго комитета, то Бессарабское областное управленіе обо всемъ проти-

санномъ съ приложеніемъ представленнаго аккерманскимъ исправникомъ акта, сообщило въ попечительный комитетъ съ тѣмъ, чтобы о послѣдующемъ распоряженіи было увѣдомлено Бессарабское областное правленіе

При этомъ считаемъ не лишнимъ присовокупить, что такимъ образомъ при такомъ распоряженіи колоніальнаго начальства, допустившаго, вопреки требованію попечительнаго комитета, жительство въ колоніяхъ нѣкоторыхъ евреевъ, которые не имѣютъ права имѣть тамъ осѣдлость—областное начальство поставлено въ затрудненіе какъ приведеніемъ въ исполненіе помяну таго выше закона и распоряженія г. Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернатора, такъ и удовлетвореніемъ требованій комитета объ иностранныхъ поселенцахъ южнаго края Россіи о выселеніи изъ подвѣдомственныхъ ему колоній, состоящихъ въ 50-верстной отъ границы полосѣ, евреевъ, выселеніе которыхъ оттуда безъ энергическаго содѣйствія самого колоніальнаго начальства не мыслимо.

Вслѣдствіе ходатайства проживающихъ въ 50-верстной отъ границы полосѣ безсрочно-отпускныхъ и отставныхъ нижнихъ чиновъ изъ евреевъ о дозволеніи имъ проживать въ той полосѣ, областное правленіе, въ виду вновь послѣдовавшаго въ 1867 году положенія объ устройствѣ безсрочно-отпускныхъ и отставныхъ нижнихъ чиновъ, испрашивало разрѣшенія Новорос. и Бессараб генералъ-губернатора—слѣдуетъ-ли распространить это новое законоположеніе, по отношенію къ нижнимъ чинамъ изъ евреевъ, на приграничную 50-верстную полосу? На что генералъ-губернаторъ 15 іюля за № 5017 далъ знать, что нижнимъ чинамъ изъ евреевъ, непричисленнымъ до 27 октября 1858 г. къ обществамъ въ 50-верстной полосѣ отъ границы или невладѣвшимъ тамъ до этого времени недвижимою собственностью, не можетъ быть дозволено пребываніе въ той полосѣ, такъ какъ законъ, изложенный въ 23 ст. XIV т., уст. о пасп. и бѣгл. по продол. 1863 года, изданный съ исключительною цѣлью уменьшенія въ приграничной полосѣ контрабанды, распространяется на всѣхъ евреевъ. О содержаніи такового предложенія г. генералъ-губернатора дано знать всѣмъ уѣзднымъ управленіямъ для надлежащаго распоряженія.

Хотинское уѣздное полицейское управленіе возбудило слѣдующіе вопросы 1) подлежатъ-ли выселенію за 50-верстную отъ границы полосу иностранно и русско-подданные евреи, хотя и не приписанные къ обществамъ, состоящимъ въ 50-верстной отъ

границы полосѣ, но занимающіеся въ пригранічныхъ мѣстахъ лѣсною промышленностью? 2) подлежатъ-ли выселенію изъ мѣстъ, находящихся въ 50-верстной отъ границы полосѣ, тѣ евреи, которые имѣютъ свидѣтельства ремесленниковъ? 3) слѣдуетъ-ли выселить изъ этой полосы тѣхъ евреевъ, которые хотя и не имѣютъ права на постоянное жительство въ пригранічныхъ мѣстностяхъ, но состоятъ въ обязанности раввиновъ? 4) подлежатъ-ли выселенію тѣ евреи, которые хотя и не имѣютъ ученыхъ степеней, но занимаютъ должности, казенныхъ раввиновъ, учителей и смотрителей еврейскихъ училищъ, на которыя они назначены самимъ правительствомъ? и 5) подлежатъ-ли выселенію и тѣ изъ евреевъ, иностранно и русско-подданныхъ, которые управляютъ транспортными конторами, а также и евреи, служащіе при этихъ конторахъ бухгалтерами, повѣренными и кассирами? Изъ 5 этихъ вопросовъ 1, 2 и 5 уже были разрѣшены Бессарабскимъ областнымъ правленіемъ слѣдующимъ образомъ: 1) какъ австрійско подданные, такъ равно и русско-поданные изъ евреевъ, занимающіеяся на границѣ лѣсопромышленностью, согласно Высочайше утвержденному 1 октября 1867 г положенію комитета гг. министровъ, до истеченія назначеннаго этимъ положеніемъ срока имѣютъ право на жительство на границѣ по рѣкѣ Пруту, на что они должны имѣть дозволеніе отъ Новоселицкой таможни; 2) евреи ремесленники не имѣютъ этого права, если они не приписаны къ пограничной полосѣ 27 октября 1858 г., и 5) евреи, состоящіе при экспедиторахъ и коммисіонерахъ—не имѣютъ права на жительство въ означенной полосѣ, потому что евреи, пользуясь дозволеніемъ, заселили бы всю пригранічную полосу что закономъ имъ воспрещается въ предупрежденіе контрабаднаго промысла.

Что же касается вопроса о томъ, имѣютъ-ли право проживать въ 50-верстной отъ границы полосѣ евреи, состоящіе въ обязанности такъ называемыхъ духовныхъ раввиновъ, то принимая во вниманіе, что особые духовные раввины отъ правительства не положены, и какъ полицейское управленіе доносило, что они высоко чтутся евреями только по фанатизму, то Бессарабское областное правленіе нашло, что лица эти, т. е духовные раввины, нисколько не отличаются отъ другихъ евреевъ, подлежащихъ дѣйствію 23 ст. уст. о паспор. и бѣгл., по продолж. 1863 года, и должны быть высланы, если только они не приписаны до 27 октября 1858 г къ обществамъ, въ 50-верстной отъ границы полосѣ находящимся, или не пріобрѣли до того-же времени въ той полосѣ недвижимаго имущества.

Обращаясь за симъ къ вопросу, имѣютъ ли право проживать въ 50-верстной отъ границы полосѣ евреи, занимающіе по распоряженію правительства должности учителей и смотрителей еврейскихъ училищъ и казенныхъ раввиновъ, и принимая во вниманіе, что на основаніе 1093 ст. XI т., уст. дух. дѣлъ иностран. исповѣданій, въ случаѣ недостачи казенныхъ раввиновъ въ Россіи, таковые раввины могутъ быть выписываемы изъ за границы—Бессарабское областное правленіе положило, что лица эти могли-бы имѣть право жить во время исполненія должностей, но какъ изъятіе для нихъ должно соразмѣряться со степенью полезности и необходимости ихъ, то полицейскія управленія въ подобныхъ случаяхъ должны входить съ особыми представленіями о каждомъ изъ нихъ отдѣльно, указывая именно тѣ причины, по которымъ къ духовной или учебной дѣятельности призвано лицо, не имѣющее права жительства въ 50-верстной полосѣ отъ границы

По вопросу аккерманскаго исправника могутъ ли почтосодержатели евреи и ихъ повѣренные проживать въ 50-верстной полосѣ до истеченія контрактоваго срока, областное правленіе отвѣчало, что за силою указа правительствующаго сената по 1 департаменту отъ 31 мая 1866 г. за № 32,082, всѣ безъ исключенія евреи, не пріобрѣвшіе осѣдлости и не приписанные къ обществамъ въ 50 верстной отъ границѣ полосѣ до 27 октября 1858 года не имѣютъ права селиться въ той полосѣ.

По жалобамъ нѣкоторыхъ евреевъ на полицейскія управленія за неправильное примѣненіе ими 23 ст. XIV т, уст. о паспор. и бѣгл по продолж 1863 года, насчетъ удаленія ихъ за 50-верстную отъ границы черту, Бессарабское областное правленіе указомъ отъ 8 мая 1865 г предписало уѣзднымъ полицейскимъ управленіямъ 1) всѣмъ тѣмъ евреямъ, которые представятъ доказательство—или а) что они еще до 27 октября 1858 г. причислены были къ обществамъ въ 50-верстной отъ границы полосѣ находящимся, или б) что хотя они и не приписаны были къ обществамъ въ означенной полосѣ, но до того-же времени, т. е. до 27 октября 1858 г. пріобрѣли въ этой полосѣ недвижимую собственность, то не воспрещать имѣть жительство, и 2) тѣхъ-же евреевъ которые не представятъ доказательствъ о томъ, что они были приписаны до 27 октября 1858 г. къ упомянутымъ обществамъ или до того-же самаго времени не пріобрѣли недвижимой собственности, удалить за 50-верстную полосу. Вслѣдствіе-же предложенія г Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губер-

натора отъ 25 января 1869 г. за № 632, Бессарабское областное правленіе, указами отъ 13 марта 1869 г. за №№ 1434, 1435, 1436, 1437, 1438, 1439 и 1440, предписало всѣмъ уѣзднымъ полицейскимъ управленіямъ въ области, чтобы они сообразовались съ циркулярными указами правленія отъ 8 мая 1865 г., въ которыхъ сказано всѣхъ тѣхъ евреевъ, которые не представятъ доказательствъ на право жительства въ 50-верстной отъ границы полосѣ, высылать оттуда не позже 25 марта 1869 г Вслѣдствіе-же предложенія Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернатора отъ 11 апрѣля 1869 г. за № 3030, г начальникъ Бессарабской области. 17 того же апрѣля за №№ 2260, 2261. 2262, 2263, 2264, 2265 и 2266, предписалъ всѣмъ уѣзднымъ полицейскимъ управленіямъ въ области, чтобы евреи, уже удаленные за 50-верстную отъ границы полосу, не возвращались въ оную: а если-бы кто нибудь изъ нихъ былъ замѣченъ полицейскимъ управленіемъ, то задержать его подъ арестомъ и доносить Бессарабскому областному правленію, для донесенія г Новороссійскому и Бессарабскому генералъ губернатору, къ принятію особой относительно задержаннаго, мѣры.

При приведеніи въ исполненіе 23 ст. XIV т, уст. о пасп. и бѣгл. по прод. 1863 г., надъ евреями, проживающими въ городѣ Кишиневѣ, состоящемъ въ 50-верстной отъ границы полосѣ, Бессарабское областное правленіе встрѣтило затрудненіе: слѣдуетъ-ли нынѣ-же приступить къ выселенію изъ г Кишинева и вообще изъ городовъ Бессарабіи въ 50-верстной отъ границы полосѣ находящихся евреевъ, не имѣющихъ тамъ права жительствовать по силѣ означенной статьи закона, почему представленіемъ отъ 24 мая 1869 г. за № 3043 просило по этому предмету разрѣшенія Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернатора.

Вслѣдствіе чего, его высокопревосходительство предложеніемъ отъ 12 іюля 1869 г за № 4548, давая знать г. начальнику области въ отвѣтъ на вопросъ областнаго правленія, увѣдомилъ, что въ этомъ случаѣ надлежитъ руководствоваться прямымъ смысломъ 23 ст уст. о пасп. и бѣгл. по прод. 1863 г, при чемъ просилъ наблюсти, чтобы иногороднымъ евреямъ и ихъ семействамъ, отправляющимся въ означенныя мѣстности по паспортамъ для торговыхъ своихъ дѣлъ, не было дозволяемо оставаться тамъ болѣе трехъ мѣсяцевъ, какъ самаго отдаленнаго срока, и отнюдь не допуская постояннаго ихъ тамъ жительства

Объ этомъ Бессарабское областное правленіе, давая знать городовымъ: кишиневскому и аккерманскому, и уѣзднымъ ясскому

и хотинскому полицейскимъ управленіямъ, для надлежащаго распоряженія, предписало онымъ, согласно 23 ст. XIV т., уст. о пас и бѣгл по прод 1863 г., выселить всѣхъ евреевъ, непричисленныхъ къ обществамъ, въ 50-верстной отъ границы полосѣ находящимся, до 27 октября 1858 года или не пріобрѣвшихъ въ той полосѣ до того-же времени недвижимой собственности съ донесеніемъ о томъ немедленно областному правленію.

Н К

VI.

Сто лѣтъ тому назадъ.

Изгнаніе евреевъ изъ Лифляндіи и Курляндіи.

У насъ нерѣдко можно слышать мнѣніе, что историческія судьбы евреевъ въ Россіи шли совершенно инымъ путемъ, чѣмъ въ западно-европейскихъ странахъ. Такой оптимистическій взглядъ высказанъ напримѣръ г. Гирсомъ въ письмѣ, помѣщенномъ въ 1-мъ № „Вѣстника Русскихъ Евреевъ“ за 1871 г. Не отрицая за этимъ мнѣніемъ нѣкоторой доли истины, мы думаемъ однакожъ, что въ безусловной формѣ оно невѣрно и составляетъ результатъ весьма слабаго знакомства съ исторіей евреевъ въ Россіи, что̀ и неудивительно при совершенной неразработанности этого важнаго и любопытнаго во всѣхъ отношеніяхъ предмета. Вотъ почему мы считаемъ не лишнимъ познакомить нашихъ читателей съ содержаніемъ оффиціальныхъ документовъ, случайно попавшихся намъ на глаза одновременно съ письмомъ г. Гирса и представляющихъ интересное освѣщеніе общихъ выводовъ его о положеніи евреевъ въ Россіи. Документы эти состоятъ изъ переписки между императрицей Екатериной Великой и главными начальниками Курляндіи и Лифляндіи, генералъ-губернаторомъ Броуномъ и дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Симолинымъ. Они помѣщены въ историческомъ сборникѣ Бартенева „Восемнадцатый вѣкъ“ (т. 3, стр. 252—255).

Въ 1770 году въ Польшѣ и Литвѣ появилась моровая язва. Сосѣднія государства, по иниціативѣ Пруссіи, признали необходимымъ принять мѣры противъ занесенія болѣзни въ ихъ предѣлы. При этомъ великая государыня, стремившаяся по возможности провести въ жизнь гуманныя начала, навѣянныя тогда французской литературой, въ рескриптѣ генералъ-губернатору Броуну указываетъ на „необходимость согласованія предосторожностей отъ заразы съ могущей произойти отъ задержанія всѣхъ проѣзжающихъ въ карантинныхъ домахъ остановкой въ торговлѣ“.

Единственное исключеніе изъ этого правила сдѣлано относительно евреевъ. Неизвѣстно по чьему побужденію, собственному или императрицы, Броунъ выслалъ изъ Риги всѣхъ евреевъ и писалъ герцогу курляндскому, чтобы онъ тоже самое сдѣлалъ въ своихъ владѣніяхъ. Въ рескриптѣ императрицы Симолину отъ 31 октября 1770 г. распоряженіе это мотивируется слѣдующимъ образомъ: „чтобъ жиды не стали въ Польшу и оттуда въ Курляндію проѣзжать окольными путями, по ихъ лакомству (вѣроятно—алчности) и пронырству, отнюдь усмотрѣть и воспрепятствовать не можно, какія бы предосторожности употреблены ни были“. Но замѣчательно, что когда было приступлено къ практическому исполненію этой мѣры, она какъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ встрѣтила значительныя затрудненія. Затрудненія явились не только со стороны евреевъ (это было бы неудивительно), но и съ той стороны, откуда ихъ менѣе всего можно было ожидать—отъ нѣмецкаго дворянства. Симолинъ донесъ императрицѣ, что герцогъ курляндскій по его, Симолина, представленію „обѣщалъ выслать жидовъ изъ всѣхъ городовъ, но сумнѣвался однако, чтобъ послѣдовали тому примѣру добровольно и тамошніе дворяне“, А генералъ-аншефъ Броунъ донесъ изъ Риги, что, какъ увѣдомилъ его герцогъ курляндскій, „дворянство уклоняется отъ высылки жидовъ изъ своихъ деревень, хотя ему о томъ отъ герцога и предложено было“. Упорство это, какъ и слѣдовало ожидать, не принесло плодовъ. Рескриптомъ отъ 31 октября государыня предписала Симолину, „чтобы онъ у тамошняго дво-

рянства чрезъ письма и словесно домогался, чтобы они изъ деревень своихъ всѣхъ жидовъ неотмѣнно выслали, по меньшей мѣрѣ на нынѣшнее опасное время, предпочитая общей всей земли благо предъ партикулярной пользой; а если они упорно въ томъ стоять будутъ и пренебрегутъ общую цѣлость, въ такомъ случаѣ принуждено будетъ тѣхъ жидовъ чрезъ нарочныя воинскія команды высылать". Какія были причины того, что прибалтійскіе дворяне, которые и въ настоящее время не высказываютъ особенной терпимости къ евреямъ, за сто лѣтъ предъ этимъ не восхотѣли разстаться съ ними, несмотря на предписанія начальства, уясняется словами рескрипта, внушающаго имъ ставить общій интересъ выше „партикулярной пользы". Очевидно, что нѣмецкіе рыцари приняли подъ свою защиту евреевъ не какъ дѣло чести или вопросъ права и справедливости, но въ виду своихъ личныхъ выгодъ. Понятно, что если въ городахъ нѣмецкое купечество должно было смотрѣть съ удовольствіемъ на высылку опасныхъ своихъ конкуррентовъ, дворянство, котораго интересы въ этомъ отношеніи противоположны выгодамъ купечества, несочувственно отнеслось къ мѣрѣ, угрожавшей лишить его нужныхъ людей и выгодной статьи дохода. Такимъ образомъ и здѣсь, какъ во всей исторіи евреевъ, лучшимъ союзникомъ ихъ явился экономическій интересъ, этотъ могущественнѣйшій двигатель развитія человѣчества.

Впечатлѣніе, которое произвело на прибалтійскихъ евреевъ распоряженіе Броуна, очень ярко обрисовывается въ прошеніи, поданномъ по этому случаю императрицѣ рижскимъ евреемъ Веньяминомъ Шпееромъ. Прошеніе Шпеера даетъ ясное понятіе о всемъ этомъ дѣлѣ и кромѣ того хорошо характеризуетъ настроеніе умовъ еврейскаго населенія Россіи при Екатеринѣ Второй, и потому мы приводимъ его цѣликомъ, какъ любопытный матеріалъ для исторіи русскихъ евреевъ въ XVIII вѣкѣ. Вотъ что писалъ Шпееръ.

„Безприкладное (полонизмъ — вмѣсто безпримѣрное) и всему свѣту извѣстное матернее милосердіе Вашего Императорскаго Ве-

личества, не токмо на вѣрноподданныхъ своихъ, но и на всѣхъ чужестранцевъ и сущихъ непріятелей изобильно изливаемое, отважило меня всеподданнѣйшую мою просьбу предъ освященнѣйшими Вашего Императорскаго Величества стопами повергнуть. Дозволеніе въѣзжать въ Россію нашему еврейскому народу воспріимствовало, что многіе изъ онаго, сдѣлавшись подданными россіискими, а другіе, поселясь въ разныхъ городахъ, а особливо въ Ригѣ отправляютъ спокоино торги свои и прославляютъ вездѣ премудрую свою благотворительницу; нынѣ-же, къ безпоправному почти несчастію и конечному разоренію обитающихъ въ Ригѣ и Курляндіи евреевъ, получилъ я отъ свойственника моего Веньямина Бера изъ Митавы извѣстіе, что господинъ рижскій генералъ-губернаторъ Броунъ выслалъ всѣхъ евреевъ изъ Риги, писавъ и герцогу курляндскому, чтобы они изъ его владѣній чрезъ четыре недѣли высланы были заграницу. Причины сему губернаторскому поступку онъ не приписываетъ, да и проникнуть ея, кажется, невозможно. Исповѣдыванію вѣры, по боговдохновеннымъ Вашего Императорскаго Величества мыслямъ, въ томъ участвовать, какъ видится, никоимъ образомъ не можно, и многія обстоятельства то думать запрещаютъ; если-же нѣкоторые изъ единоземцевъ нашихъ сдѣлали что нибудь предосудительное Россіи, то конечно не весь народъ вкупѣ въ томъ участенъ, слѣдственно и наказаніе отнестись должно къ однимъ злотворителямъ. Остается еще одно: не производитъ ли его превосходительство господинъ губернаторъ сего своего поведенія отъ мороваго повѣтрія, какъ слышно, въ Польшѣ оказавшагося; но какую бы защиту подали евреи, живущіе въ Ригѣ и Курляндіи, оставленіемъ своихъ жилищъ и теряніемъ имѣній отъ язвы, понять, какъ кажется, весьма трудно, а особливо, когда самые тѣ жители поляки, гдѣ язву открывшеюся считаютъ, ѣздятъ безпрепятственно въ Ригу. Высокія добродѣтели Вашего Императорскаго Величества и неусыпныя попеченія о доставленіи каждому спокойной жизни, заставляя меня съ основаніемъ думать, что прописанный выше сего господина Броуна поступокъ произошелъ безъ Высочайшей Ва-

шей воли, поощрили меня къ дерзости пасть предъ престоломъ Вашего Императорскаго Величества съ сею вѣрноподданнѣйшею просьбою. Воззрите, Всемилостивѣйшая Государыня, великодушія и милосердія исполненнымъ окомъ на преужасную бездну, въ каковую ввергаются несчастные мои единоземцы: они теряютъ свои домы, лишаются заготовленныхъ товаровъ, съ оными вкупѣ торговли и пропитанія, а въ дополненіе всѣхъ своихъ бѣдствій, не имѣя инаго убѣжища, кромѣ Литвы, подвергаютъ жизнь свою двумъ смертельнымъ и почти неизбѣжнымъ опасностямъ, т. е. ярости бунтовщиковъ литовскихъ и моровой язвѣ, если оная есть въ самомъ дѣлѣ. Отвратите сію несущуяся на нихъ бурю и не повелите высылать евреевъ и съ оными свойственника моего изъ Риги и изъ Курляндіи, дабы онъ, живучи уже болѣе 30-ти лѣтъ въ Митавѣ спокойно, остающееся малое время дней его жизни проводить могъ безпрепятственно".

Прошеніе это хотя и не повело къ прекращенію высылки евреевъ, какъ общей мѣры, но не осталось вовсе безъ послѣдствій. Оно было отослано императрицей, съ свойственнымъ ей человѣколюбіемъ, къ генералъ-губернатору Броуну для разсмотрѣнія и заключенія. Неизвѣстно какое объясненіе далъ Броунъ по прошенію Шпеера, но изъ послѣдующихъ распоряженій императрицы видно, что она признала распоряженіе Броуна вообще правильнымъ и, какъ мы видѣли, разрѣшила ему даже употребленіе военной силы для высылки евреевъ изъ селеній. Но она сдѣлала исключеніе въ пользу митавскаго еврея Веньямина Бера, за котораго Шпееръ спеціально ходатайствовалъ. Письмомъ отъ 7 декабря того же года она увѣдомила Броуна, что если онъ не видитъ надобности въ высылкѣ изъ Митавы Бера, то чтобъ оставить его тамъ жить по прежнему. Симолинъ, отъ 14 декабря, увѣдомилъ Броуна, что онъ объ этомъ желаніи императрицы „исключить Бера изъ числа высылаемыхъ жидовъ" сообщилъ герцогу курляндскому и что „оный Беръ подозрительнымъ быть не кажется"; при этомъ Симолинъ прибавляетъ, что онъ о томъ-же объявилъ Беру „къ немалому его успокойствію". Такимъ обра-

зомъ Веньяминъ Беръ совершенно случайно попалъ въ привилегированное положеніе сравнительно съ другими евреями Курляндіи и Лифляндіи и остался на мѣстѣ своего прежняго жительства въ то время, какъ другіе его единовѣрцы вынуждены были искать убѣжища тамъ, гдѣ свирѣпствовало моровое повѣтріе. О дальнѣйшемъ ходѣ этого дѣла мы не находимъ никакихъ свѣдѣній въ источникахъ Бартенева.

Дѣло это во всякомъ случаѣ совершенно опровергаетъ слова г. Гирса, что у насъ никогда не изгоняли евреевъ, какъ въ средневѣковой Европѣ.

VII.

Евреи въ Прибалтійскомъ краѣ

Россія, какъ извѣстно, страна государственной жизни по преимуществу. Прогрессивный ростъ русской народной жизни главнымъ образомъ результатъ дѣятельности государственной власти. Вотъ почему всякій общественный вопросъ, а слѣдовательно и еврейскій, у насъ имѣетъ характеръ государственнаго, и мы, поставивъ себѣ задачей содѣйствовать правильному его разрѣшенію, главнымъ образомъ имѣемъ въ виду законодательно-административную сторону вопроса о гражданскомъ положеніи евреевъ. Въ настоящее время намъ особенно посчастливилось обиліемъ матеріаловъ именно по этому отдѣлу еврейскаго вопроса, наиболѣе насъ интересующему. Не успѣли мы подвергнуть разбору, по мѣрѣ нашей возможности, любопытныя оффиціальныя данныя о положеніи евреевъ въ Бессарабіи, какъ предъ нами развертывается не менѣе интересная и поучительная картина быта евреевъ въ другой русской окраинѣ, которая не имѣетъ съ Бессарабіей рѣшительно ничего общаго, кромѣ сходства въ поло-

женіи еврейскаго населенія. Мы говоримъ о прибалтійскомъ краѣ и имѣемъ въ виду оффиціальныя свѣдѣнія о евреяхъ въ этомъ краѣ. Данныя эти заслуживаютъ, чтобъ остановиться на нихъ ужь потому, что онѣ имѣютъ далеко не мѣстный только интересъ, какъ можно подумать съ перваго взгляда, а представляютъ въ малыхъ размѣрахъ дагеротипный снимокъ со всего хода административнаго вопроса о евреяхъ въ Россіи вообще. Вотъ почему мы считаемъ себя вправѣ посвятить нашу бесѣду на этотъ разъ свѣдѣніямъ „Оффиціальнаго Дневнаго Указателя" о евреяхъ въ Лифляндіи и Курляндіи, хотя свѣдѣнія эти не имѣютъ ближайшаго практическаго интереса для большинства нашихъ читателей.

Что прежде всего обращаетъ на себя вниманіе при чтеніи этихъ данныхъ — это отсутствіе строгаго единства и послѣдовательности въ дѣйствіяхъ различныхъ учрежденій, мѣстныхъ и центральныхъ, по отношенію къ евреямъ въ прибалтійскомъ краѣ. По стародавнимъ рижскимъ привилегіямъ евреи не имѣютъ права жить въ г. Ригѣ. На этомъ основаніи указомъ 3 января 1766 евреямъ воспрещено жить въ этомъ городѣ болѣе 6 недѣль, подъ опасеніемъ строжайшихъ взысканій. Однакожъ западнорусскіе евреи, производя чрезъ рижскій портъ обширную торговлю съ Германіей, не только временно пріѣзжали, но и селились въ Ригѣ. Число ихъ постоянно возрастало, такъ что, не смотря на существованіе строгаго запрещенія, генералъ-губернаторъ маркизъ Паулуччи сдѣлалъ въ 1813 г. распоряженіе о дозволеніи постояннаго жительства въ Ригѣ всѣмъ евреямъ, тамъ уже находившимся. Затѣмъ 18 октября 1821 г. состоялось Высочайше утвержденное положеніе комитета министровъ, которымъ самымъ рѣшительнымъ образомъ признано, что евреи не имѣютъ права селиться въ Лифляндіи и Курляндіи, и что прежнія привелегіи въ этомъ отношеніи должны остаться въ силѣ навсегда. Казалось бы, что такимъ образомъ еврейскому вопросу въ этомъ краѣ пришелъ рѣшительный конецъ, а домогательствамъ безпокойныхъ евреевъ о правѣ жительства въ нѣмецкой окраинѣ положенъ предѣлъ, котораго перейти невозможно. Но евреи про-

должали подъ разными предлогами (какіе это были предлоги — исторія умалчиваетъ) противозаконно жить въ Ригѣ и правительство снова вынуждено было сдѣлать уступку экономическимъ условіямъ края и возвратиться къ точкѣ зрѣнія маркиза Паулуччи, т. е. признать за евреями, уже проживающими въ Курляндіи и Лифляндіи, право осѣдлости, не распространяя этого права на вновь прибывающихъ евреевъ. Это и было сдѣлано положеніемъ о евреяхъ 1835 года, которое признало право жительства въ Ригѣ за евреями, застигнутыми на мѣстѣ ревизіей 1834 г. Но и это положеніе не положило конца рвенію нѣмецкаго бюргерства и его представителей въ охраненіи старинныхъ привилегій съ одной стороны и горячей любви новыхъ обывателей-евреевъ къ Ригѣ—съ другой стороны. Тѣ и другіе не унимались. Рижскій магистратъ находилъ, что такъ какъ евреи по ревизіи 1834 г. записаны не въ Ригѣ, а въ посадѣ Шлокахъ, то законъ 1835 г. (въ которомъ г. Рига причисленъ къ мѣстамъ постоянной осѣдлости евреевъ) даетъ ему, магистрату, право на окончательное изгнаніе евреевъ изъ Риги. Евреи-же находили, что проще и разумнѣе понимать законъ 1835 г. такъ какъ онъ изложенъ и что слѣдовательно они, евреи, имѣютъ наконецъ право безпрепятственно жить въ Ригѣ. Дѣло снова дошло до высшихъ властей и государственный совѣтъ 17 декабря 1841 г. рѣшилъ его, какъ и слѣдовало ожидать, въ пользу евреевъ и положенія 1835 года и вопреки привилегіямъ г. Риги. Законъ этотъ также далъ поводъ къ разнымъ недоразумѣніямъ, вслѣдствіе чего учреждена была особая коммисія, признавшая, что на жительство въ Ригѣ имѣютъ право тѣ только евреи, которые были записаны на мѣстѣ по 8-й ревизіи (1834 г.) и затѣмъ жили тамъ до 17 декабря 1841 года. Такимъ образомъ этотъ день играетъ въ календарѣ остзейскихъ евреевъ такую же важную роль, какъ 27 октября 1858 года у евреевъ, живущихъ на бессарабской границѣ.

Но и тогда, послѣ столькихъ перипетій и колебаній, пребываніе евреевъ въ Ригѣ не получило опредѣленной юридической

физіономіи, какъ можно видѣть изъ слѣдующихъ обстоятельствъ. Въ 1852 году сенатъ дозволилъ четыремъ ковенскимъ евреямъ приписаться къ рижской общинѣ и такимъ образомъ призналъ, что въ Ригѣ могутъ жить и тѣ евреи, которые не приписаны къ посаду Шлокамъ. Затѣмъ, по поводу жалобъ витебскихъ и полоцкихъ евреевъ на притѣсненія со стороны рижской полиціи завязалась снова переписка объ этомъ предметѣ, въ которой министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской призналъ Ригу за мѣсто постоянной осѣдлости евреевъ, а сенатъ согласился съ противоположнымъ мнѣніемъ лифляндскаго губернскаго правленія. Наконецъ въ 60-хъ годахъ сенатъ возвратился къ прежнему мнѣнію, что всѣ евреи (а не одни шлокскіе), жившіе въ Ригѣ съ 1834 г по 17 декабря 1841 года, имѣютъ право осѣдлости въ Ригѣ. Въ этомъ видѣ представляется юридическій бытъ евреевъ въ Ригѣ въ настоящее время, такъ что еврей, желающій приписаться къ рижской общинѣ теперь, обыкновенно представляетъ двухъ свидѣтелей въ томъ, что они его видѣли въ Ригѣ въ завѣтный періодъ времени съ 1834 по конецъ 1841 года и—дѣло готово.

Распоряженія маркиза Паулуччи и сената въ нѣкоторыхъ случаяхъ очевидно доказываютъ, что недопущеніе евреевъ къ жительству въ прибалтійскомъ краѣ вызывалось вовсе не заботой объ интересахъ населенія, которое будто-бы можетъ пострадать отъ наплыва „сихъ вредныхъ людей“, а другими побужденіями. Впрочемъ, положеніе это нуждается въ оговоркѣ. Былъ и есть до сихъ поръ одинъ весьма замѣтный и вліятельный классъ населенія, которому поселеніе евреевъ дѣйствительно должно казаться громаднымъ бѣдствіемъ. Классъ этотъ имѣетъ весьма основательныя причины, кромѣ закоренѣлаго предразсудка, опасаться сихъ вредныхъ людей пуще огня. Мы говоримъ о достославномъ нѣмецкомъ бюргерствѣ — честномъ купечествѣ и мѣщанствѣ остзейскихъ городовъ. Это приводитъ насъ къ другому поучительному выводу, который можно сдѣлать изъ данныхъ „Оффиціальнаго Указателя“ объ основаніяхъ и мотивахъ столь непонятной съ перваго взгляда нетерпимости къ евреямъ вообще. Въ данныхъ

этихъ именно указывается, что рижскіе купцы и ремесленники не переставали приносить жалобы въ высшія инстанціи „на вредъ и убытки, приносимые развитію торговли и промышленности проживающими въ Ригѣ евреями". Хотя здѣсь говорится объ отвлеченныхъ интересахъ торговли и промышленности, но не нужно быть особенно проницательнымъ, чтобъ разглядѣть настоящую подкладку той дурно скрываемой злобы, которая лежитъ въ основаніи подобныхъ прошеній. Затѣмъ въ ряду мѣстныхъ учрежденій, особенно ревниво слѣдившихъ за исполненіемъ ограничительныхъ законовъ о пребываніи евреевъ въ Лифляндіи, первое мѣсто занимаетъ рижскій магистратъ, т. е. представитель интересовъ рижскаго нѣмецкаго купечества. Наконецъ, читатели наши припомнятъ (см статью „Сто лѣтъ тому назадъ"), когда въ 1770 году евреевъ изгоняли изъ Лифляндіи, городское населеніе охотно отпускало ихъ на всѣ четыре стороны, между тѣмъ помѣщики рѣшительно не хотѣли отпускать евреевъ, такъ что необходимо было прибѣгнуть къ военной силѣ, чтобъ осуществить эту мѣру. Такое странное разногласіе по дѣлу совершенно ясному, между прочимъ, служитъ блистательнымъ опроверженіемъ теоріи безусловной гармоніи общественныхъ интересовъ. Въ самомъ дѣлѣ, посудите какая тутъ гармонія, когда одинъ и тотъ-же фактъ (пребываніе евреевъ) въ глазахъ одного класса населенія представляется до того желательнымъ, что онъ отстаиваетъ его силой, а другому классу кажется до того вреднымъ, что не даетъ ему покоя, и онъ per fas et nefas старается отъ него отдѣлаться. И что всего страннѣе—это то, что девизомъ обѣихъ партій служила одна salus publica, впрочемъ нѣсколько различно ими понимаемая. Эта сторона дѣла, т. е. мотивы, побуждавшіе лифляндское купечество оказывать упорное сопротивленіе пребыванію въ его средѣ евресвъ—освобождаетъ насъ отъ обязанности вдаваться въ подробное разсмотрѣніе самаго вопроса о томъ, кто правильнѣе смотрѣлъ на интересы и нужды прибалтійскаго края: помѣщики-ли, отстаивавшіе пребываніе евреевъ и представлявшіе въ отно-

шеніи къ еврейскому труду классъ потребителей,—или бюргеры, видѣвшіе въ евреяхъ, и не безъ основанія, опасныхъ для себя соперниковъ и почему-то отождествлявшіе свои личныя выгоды съ интересами промышленности края. Въ виду подобнаго образа дѣйствій со стороны нѣмецкаго бюргерства нелишнимъ было бы для него припоминать какъ можно чаще слова извѣстнаго нѣмецкаго-же писателя Гердера: die politische Bekehrung fängt vom unrechten Ende an, wenn sie den Juden trifft, nicht den Christen; die Verbesserung muss bei ehrlosen Christen angefangen werden, die den Juden missbrauchen.

Впрочемъ, справедливость требуетъ замѣтить, что въ этомъ отношеніи нельзя упрекнуть остзейцевъ въ изолированности и національно-нѣмецкой нетерпимости: коренное русское купечество, напр. въ матери городовъ русскихъ, относится къ евреямъ совершенно также и по тѣмъ-же побужденіямъ. Такъ г. Чужбинскій, описывая Кіевъ сороковыхъ годовъ, замѣчаетъ, что въ то время тамъ не было вовсе евреевъ и что изгнаніе ихъ было мотивировано неприличіемъ нахожденія ихъ въ такомъ городѣ, а въ сущности было слѣдствіемъ ходатайства русскихъ купцовъ, которые не могли наживаться какъ слѣдуетъ при конкурренціи евреевъ. Результатъ, разумѣется, былъ достигнутъ. „Немедленно по изгнаніи евреевъ вздорожали всѣ товары, а еще болѣе заломили цѣну мѣстные ремесленники“.

Самое отрадное для насъ мѣсто въ свѣдѣніяхъ „Оффиціальнаго Указателя“—это конечно заключительное извѣстіе о предстоящемъ распространеніи на г. Ригу общаго городскаго положенія, уничтоженіи въ немъ кагала и уравненіи евреевъ съ другими гражданами въ правѣ приписки къ рижской общинѣ Ничто, значитъ, не прочно подъ луной; даже остзейскія привилегіи—ужь на что кажется отличались долговѣчностью, а должны наконецъ кануть въ Лету. Прибалтійскіе бюргеры могутъ изъ этого убѣдиться, что порядокъ, основанный на неравенствѣ и несправедливости, когда-нибудь да долженъ пасть; или какъ

выражается Таллейранъ относительно другой аналогической сферы явленій: on peut s'appuyer sur une baïonnette, mais jamais s'asseoir dessus.

VIII.

Евреи-крѣпостные.

Когда говорятъ о ненормальномъ положеніи евреевъ въ западно-русскомъ и привислянскомъ краяхъ и о томъ, какъ они высасываютъ изъ сельскаго населенія всѣ жизненные соки, то выставляютъ на видъ существенную будто-бы разницу между юридическимъ положеніемъ крестьянъ и евреевъ до послѣдняго времени. Крестьяне, говорятъ, подвергались всѣмъ ужасамъ крѣпостнаго права, были связаны по рукамъ и ногамъ самимъ закономъ, тогда какъ евреи были совершенно свободны прежде, какъ и теперь, и потому могли при помощи своихъ союзниковъ-пановъ ad libitum эксплоатировать свою несвободную, беззащитную жертву. Такой взглядъ далеко не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Онъ безусловно господствуетъ въ нашей печати единственно потому, что столичная журналистика вообще очень мало знакома съ положеніемъ дѣлъ въ провинціи. Мѣстныя-же газеты, какъ „Виленскій Вѣстникъ“ и „Кіевлянинъ“, по отношенію къ еврейскому вопросу довольствуются пережевываніемъ устарѣвшихъ мнѣній и ходячихъ предубѣжденій, нисколько не заботясь о разъясненіи его на основаніи данныхъ, представляемыхъ опытомъ прошлаго и настоящаго.

Такому разъясненію очень много можетъ способствовать изученіе состоянія владѣльческихъ городовъ и мѣстечекъ. Городскія поселенія на землѣ, принадлежащей частнымъ лицамъ, составляютъ характеристическую особенность бывшихъ владѣній Царства Польскаго,

рѣзко отличающую ихъ отъ восточной Россіи. Происхожденіе ихъ объясняется чрезмѣрнымъ развитіемъ крѣпостнаго права, экономическаго и политическаго преобладанія дворянства въ Рѣчи Посполитой. По духу дѣйствовавшихъ въ Польшѣ законовъ торговля и промышленность могла имѣть мѣсто только въ городскихъ поселеніяхъ. Во владѣніяхъ Польши съ давнихъ поръ начали селиться нѣмцы и евреи и своей промышленной дѣятельностью доказали, какія значительныя выгоды можно извлечь изъ этого рода занятій. Неудивительно, что польская шляхта рано начала заботиться о пріобрѣтеніи такой доходной статьи. Какъ извѣстно, евреевъ и нѣмцевъ вызывали въ Польшу короли, желая пріобрѣсти въ нихъ источникъ доходовъ для своей казны. Первоначально города въ Польшѣ, какъ въ Россіи и западной Европѣ, составляли собственность короны въ фискальномъ отношеніи. Но затѣмъ, по мѣрѣ того какъ королевская власть въ Польшѣ ослабѣвала, переходя все болѣе и болѣе въ руки дворянства или, правильнѣе сказать, немногочисленнаго магнатства, Польша расходится относительно судьбы и характера городскихъ поселеній со всѣми другими европейскими странами. Въ послѣднихъ крѣпостное право до самаго конца своего существованія простиралось исключительно на сельскія поселенія и сельскій людъ; города были провозвѣстниками новаго, свободнаго общественнаго строя и опорой центральной государственной власти въ борьбѣ съ феодально-крѣпостнымъ дворянствомъ и его экономическими и политическими интересами. Въ Польшѣ мы замѣчаемъ совершенно противуположное явленіе. Здѣсь дворянство, шагъ за шагомъ, отнимало у королей всѣ атрибуты ихъ власти и тѣсно соединеннаго съ ней государственнаго единства и могущества. Оно не могло при этомъ не замѣтить, какую важную опору власти, какой значительный источникъ доходовъ представляютъ города. Поэтому, захвативъ въ свои руки государственную власть королей, паны очень легко подчинили себѣ городскую промышленность. Они устраивали (въ качествѣ соперниковъ ненавистныхъ имъ свободныхъ городовъ съ ихъ самоу-

правленіемъ и магдебургскимъ правомъ) городскія поселенія на собственныхъ земляхъ и завлекали туда поселенцевъ разными приманками, привилегіями и льготами. Такъ въ польскихъ владѣніяхъ возникъ и удержался до настоящаго времени, рядомъ съ крѣпостнымъ селомъ, крѣпостной городъ, главный контингентъ населенія котораго составляли евреи. Въ одномъ юго-западномъ краѣ въ настоящее время считается такихъ владѣльческихъ городскихъ поселеній 347 (8 городовъ и 339 мѣстечекъ). Въ привислянскомъ краѣ число ихъ тоже было очень значительно, какъ видно изъ закона 1 іюня 1869 года о переименованіи нѣкоторыхъ городскихъ поселеній Царства Польскаго въ посады. Положеніе обывателей въ этихъ помѣщичьихъ городахъ въ высшей степени стѣсненное. Однако по самому характеру городскихъ промысловъ, болѣе подвижныхъ, свободныхъ и прибыльныхъ, чѣмъ хлѣбопашество, крѣпостное право здѣсь не могло имѣть того суроваго характера, которымъ оно отличалось въ селахъ.

Такъ напримѣръ въ привислянскомъ краѣ во владѣльческихъ городахъ и мѣстечкахъ существовали до 1868 года самыя разнообразныя ограниченія и повинности жителей, вытекавшія изъ вотчинныхъ правъ владѣльцевъ. Сюда относятся: безчисленные сборы разныхъ наименованій (торговый, ярмарочный, мостильный, рогатковый, копытковый, каменный, дышловый, въѣздный, полѣнный и пр.); различныя повинности, денежныя и издѣльныя, въ пользу владѣльцевъ; разныя монополіи тоже въ пользу владѣльцевъ (относительно возведенія построекъ, молотьбы хлѣба, устройства фабричныхъ заведеній, торговли и пр.); мелкіе подарки или „данины“: куръ, гусей и т. под.; „лаудеміи“ или сборы при переходахъ городской земли изъ владѣнія одного лица къ другому. Уже изъ одного этого перечня видно, какое тяжелое бремя лежало и лежитъ еще до сихъ поръ тамъ, гдѣ эти отношенія не измѣнены, на жителяхъ многочисленныхъ владѣльческихъ городовъ. Тоже самое продолжается до настоящаго времени въ юго-западномъ краѣ. По словамъ Журавскаго (см. изданное въ сороковыхъ годахъ статистическое описаніе Кіевской губерніи),

сборы въ мѣстечкахъ въ пользу владѣльцевъ чрезвычайно многочисленны и разнообразны. Въ Бердичевѣ (принадлежащемъ наслѣдникамъ князя Радзивилла), по указу сената отъ 1834 г., статей сбора 28; доходъ съ нихъ въ 1845 г. былъ 69,150 р., а по другимъ свѣдѣніямъ съ 1839—48 г. поступало ежегодно 79,000 р. Еще болѣе статей сбора въ другомъ владѣльческомъ городѣ — Чернобылѣ. Переписка объ этихъ сборахъ продолжается около 50 лѣтъ и еще не кончена. Вслѣдствіе этого въ 1840 г. сенатъ предоставилъ владѣльцамъ обратиться къ суду для утвержденія своихъ правъ. Каковъ характеръ вотчино-крѣпостныхъ отношеній въ Бердичевѣ въ настоящее время, по истеченіи болѣе 20-ти лѣтъ съ того времени какъ писалъ Журавскій, мы узнаемъ изъ писемъ г. К. В. М. „На югѣ-западѣ Россіи".

Владѣльцы имѣютъ монополію на продажу предметовъ необходимыхъ для жизни, въ силу которой все поступающее въ городъ изъ поименованныхъ въ условіяхъ сената предметовъ, все продающееся и все покупающееся должно оплачиваться пошлиной въ пользу владѣльцевъ, по таксѣ, утвержденной сенатомъ. Статей сбора 28. Изъ нихъ главнѣйшія: сборъ съ питейной продажи, чиншъ съ домовъ, лавокъ и складовъ, акцизъ съ убоя скота, сборъ съ каждой лошади подъ товаромъ, вступающей въ черту города, съ заводовъ, мельницъ и другихъ промышленныхъ заведеній, съ каждой штуки скота, приводимой на продажу и т. д. По этимъ статьямъ можно составить себѣ понятіе о владѣльческихъ доходахъ Бердичева въ прежнее славное его время. Теперь, съ упадкомъ его торговли, доходы простираются приблизительно до 70,000 р. въ годъ. Жителямъ города, говоритъ г. К. В. М., при постепенномъ упадкѣ торговаго движенія, монополія владѣльцевъ на самые для нихъ нужные предметы весьма естественно становится тягостью; очень любопытны способы, употребляемые евреями для облегченія себѣ этихъ тягостей. По закону бердичевское населеніе должно покупать водку только у владѣльцевъ; на сторонѣ можно покупать ее только въ опредѣленномъ маломъ размѣрѣ. Вслѣдствіе этого здѣсь ежедневно можно встрѣ-

тить евреевъ, отправляющихся за городъ съ женами и дѣтьми и возвращающихся оттуда каждый съ бутылкой водки, покупаемой за городомъ дешевле и представляющей поэтому возможность заработать что нибудь („Современная Лѣтопись“ 1869 г. № 38). Прибавьте къ этому коробочный сборъ, представляющій здѣсь, какъ и вездѣ впрочемъ—по указанію того же г. К. В. М., вовсе не расположеннаго къ евреямъ и потому склоннаго скорѣе смягчить, чѣмъ усилить темную картину ихъ положенія—средство къ возмутительному угнетенію и эксплоатаціи массы евреевъ немногими личностями,—и вы получите понятіе о настоящемъ положеніи большинства евреевъ въ Бердичевѣ. А между тѣмъ Бердичевъ всѣми, особенно враждебными евреямъ публицистами, именуется столицей еврейскаго царства въ западномъ краѣ. Названіе характеристическое и многознаменательное, въ которомъ кроется много глубокой правды. Въ самомъ дѣлѣ, какъ должно блаженствовать то царство, въ которомъ столица—владѣльческій городъ, гдѣ житель не можетъ сдѣлать ни шагу безъ разрѣшенія помѣщика и безъ извѣстной платы ему, не можетъ покупать съѣстныхъ припасовъ ни у кого, кромѣ того же помѣщика, платя ему за все дороже, и долженъ пускаться на всевозможныя хитрости для того, чтобы купить что ни будь тамъ, гдѣ ему выгоднѣе.

Этотъ гнетъ тяжелыхъ вотчино-крѣпостныхъ отношеній во владѣльческихъ городскихъ поселеніяхъ отразился самымъ неблагопріятнымъ образомъ на бытѣ и характерѣ горожанъ-евреевъ. Прежде всего необходимость уплаты въ пользу владѣльцевъ тяжкой дани, въ видѣ множества сборовъ, повинностей и монополій, естественно породила здѣсь, какъ и вездѣ гдѣ существовало крѣпостное право, бѣдность значительной массы населенія, вынужденной носить на своихъ плечахъ давящее бремя стѣсненій и поборовъ разнаго рода. При многочисленности-же торговаго еврейскаго населенія, несоразмѣрнаго съ потребностью страны въ промышленно-торговомъ трудѣ, при неспособности этого населенія ко всякому другому роду занятій, неспособности, обусловливаемой всѣмъ строемъ законодательства и общественной жизни страны въ прежнее время,—

населеніе это, при такихъ невыгодныхъ шансахъ для борьбы за существованіе, естественно должно было выработаться до изумительнаго совершенства въ искусствѣ создаванія фантастическихъ, эфемерныхъ и безплодныхъ отраслей труда вообще. Войдите въ положеніе еврея, обитателя какого нибудь медвѣжьяго угла, владѣльческаго города или мѣстечка. Онъ горожанинъ до мозга костей, и сдѣлали его такимъ средневѣковые исключительные законы и предразсудки, отгородившіе ему узкую клѣтку торгашества съ надписью: „иже не прейдеши“. Онъ брошенъ судьбой въ среду народа почти исключительно земледѣльческаго, весьма мало нуждающагося въ торгово-промышленномъ трудѣ. Онъ принужденъ однакожъ нести въ силу закона нетолько общіе государственные и земскіе налоги и повинности, составляющіе въ совокупности нелегкую ношу; его обременяютъ еще весьма чувствительные спеціально-еврейскіе сборы, въ родѣ коробочнаго и свѣчнаго сборовъ и общественныхъ раскладокъ. Мы напоминаемъ только объ общественной и частной благотворительности, необыкновенно развитой у евреевъ вслѣдствіе той-же неимовѣрной бѣдности. И наконецъ еврей долженъ выносить безчисленные сборы въ пользу владѣльцевъ и потерю отъ ихъ монополій — Мудрено-ли что существованіе признаваемыхъ закономъ крѣпостныхъ правъ владѣльцевъ городовъ и мѣстечекъ на имущественную и личную свободу горожанъ-евреевъ имѣло вредное вліяніе не только на экономическій ихъ бытъ, но и на ихъ нравственное и умственное развитіе? Шаткость и неопредѣленность многочисленныхъ вотчинныхъ правъ владѣльцевъ породили многочисленныя тяжбы и разбирательства въ судебныхъ и административныхъ мѣстахъ. Отсюда тотъ духъ ябедничества, который производитъ столь непріятное впечатлѣніе на всякаго, кто сталкивается съ еврейскимъ міромъ въ западномъ краѣ. Обременительность-же вотчинныхъ повинностей, при скудости платежныхъ средствъ евреевъ, заставила ихъ обращаться къ разнообразнымъ, подчасъ чрезвычайно замысловатымъ уловкамъ (въ родѣ тѣхъ, которыя замѣчены г. К. В. М. въ Бердичевѣ), для того чтобъ обойти несправедливыя и стѣснительныя ограниченія. Вотъ причина пресловутаго еврейскаго пренебреже-

нія законовъ и умѣнья обходить ихъ, которое съ такой ядовитой злостью выставляется на видъ патріотическими западно-русскими публицистами. Вообще существованіе явно-несправедливыхъ вотчино-крѣпостныхъ отношеній между владѣльцами городовъ и мѣстечекъ и ихъ жителями имѣло относительно послѣднихъ всѣ послѣдствія, неразлучныя съ крѣпостнымъ правомъ и всѣми другими видами юридическаго и фактическаго неравенства между различными классами общества и угнетенія одного изъ этихъ классовъ другимъ, а именно: слабое уваженіе къ закону и правамъ собственности, притупленіе хорошихъ и развитіе многихъ дурныхъ качествъ, какъ напримѣръ низкопоклонничества, плутоватости, и вообще низкій уровень матеріальнаго, умственнаго и нравственнаго развитія.

Этимъ мы не хотимъ сказать, что затронутыя нами темныя стороны еврейскаго характера и быта въ западной окраинѣ обязаны своимъ происхожденіемъ исключительно или главнымъ образомъ своеобразнымъ условіямъ жизни помѣщичьихъ городскихъ поселеній. Нѣтъ сомнѣнія, что на образованіе этихъ уродливыхъ наростовъ имѣли также могущественное вліяніе и другія болѣе общія явленія. Мы считали необходимымъ выставить болѣе рельефно значеніе вотчино-городскихъ отношеній потому, что обстоятельство это совершенно упускается изъ виду при оцѣнкѣ западно-русскаго и польскаго еврейства. А между тѣмъ оно очень важно въ томъ отношеніи, что показываетъ всю несостоятельность мнѣнія, будто евреи вмѣстѣ съ земледѣльческимъ дворянствомъ занимали равное господствующее положеніе относительно сельскаго населенія. Достаточно вдуматься въ состояніе евреевъ обывателей владѣльческихъ городовъ, чтобы убѣдиться, что евреи принадлежатъ не къ угнетателямъ, а къ угнетеннымъ, не къ тѣмъ, которые охотятся, а къ тѣмъ, за которыми охотятся (по выраженію Гейне).

Современное законодательство, въ своемъ стремленіи къ уничтоженію всѣхъ видовъ крѣпостнаго права, не могло оставить безъ вниманія и безобразныя, несогласныя съ характеромъ свободной государственной жизни, вотчинныя отношенія въ городахъ. Вслѣд-

ствіе этого въ послѣдніе годы относительно Царства Польскаго предпринятъ цѣлый рядъ органическихъ мѣръ, направленныхъ между прочимъ къ коренному измѣненію положенія владѣльческихъ городовъ и мѣстечекъ. Указомъ 7 іюля 1866 года уничтожены пропинаціонные, патентные и шинковые сборы съ жителей владѣльческихъ городскихъ поселеній въ пользу владѣльцевъ, а также сборы консумціонные. Арендаторамъ пропинаціонныхъ доходовъ (т. е. доходовъ съ питейной торговли) у помѣщиковъ дозволяется даже требовать уничтоженія контрактовъ, заключенныхъ при дѣйствіи прежнихъ законовъ, на все остальное время съ момента изданія новаго закона. Болѣе существенную реформу вводитъ законъ 28 октября 1866 года объ упраздненіи вотчинныхъ отношеній жителей городовъ къ владѣльцамъ. Въ силу этого закона вотчинныя права казны, разныхъ учрежденій и частныхъ лицъ на города отмѣняются навсегда со всѣми послѣдствіями. Казна и учрежденія теряютъ свои права безвозмездно. Частныя лица получаютъ вознагражденіе за тѣ изъ вотчинныхъ правъ ихъ, которыя лежали на самой недвижимой собственности (чинши, оброки, денежныя и издѣльныя повинности). Всѣ-же сборы, которые лежали не на землѣ, а на лицахъ и личномъ трудѣ (напр. сборы торговые, промысловые и т. п.), равно какъ данины и монополіи, уничтожаются безвозмездно. Вознагражденіе выдается ликвидаціонными листами въ размѣрѣ $^4/_5$ годовой цѣнности вотчинныхъ правъ, капитализированной изъ $16^2/_3$. Для полученія его, владѣльцы обязаны въ годовой со дня первой публикаціи срокъ подать ликвидаціонныя табели о цѣнности отнятыхъ у нихъ вотчинныхъ правъ. Остаются въ силѣ всѣ срочныя отношенія между владѣльцами и жителями, основанныя на договорѣ, напр. о наймѣ земель на срокъ, хотя бы продолжительный. Недвижимыя имущества, освобождающіяся отъ лежащихъ на нихъ вотчинныхъ правъ, переходятъ въ полную собственность частныхъ лицъ и городскихъ обществъ, которыя ими владѣютъ. Владѣльцы городовъ освобождаются отъ всякихъ къ нимъ обязательствъ (напр. по городскому хозяйству и благоустройству) и переходятъ въ разрядъ чле-

новъ городскихъ обществъ, наравнѣ съ прочими жителями. Прежнія привилегіи городовъ, въ чемъ онѣ несогласны съ этимъ закономъ, отмѣняются навсегда. Затѣмъ указомъ 1 іюля 1869 г. повелѣно: тѣ изъ городскихъ поселеній Царства Польскаго, которыя не имѣютъ характера городовъ, преобразовать въ посады, т. е. сельскія поселенія, и распространить на нихъ общественное управленіе и вообще законы, дѣйствующіе въ этихъ послѣднихъ.

Разсматривая эти законы, нельзя не замѣтить, что они сотвѣтствуютъ всѣмъ требованіямъ справедливости, государственной пользы и практической удобоисполнимости. Полная отмѣна всѣхъ вотчинокрѣпостныхъ правъ и обязанностей съ вознагражденіемъ за поземельныя права и безъ вознагражденія за личныя, рѣзкое различіе между отношеніями свободными, договорными и крѣпостными, короткій срокъ для полученія этого вознагражденія и развязки ненормальнаго положенія владѣльческихъ городовъ — все это мѣры вполнѣ разумныя, рѣшительныя и вмѣстѣ съ тѣмъ справедливыя.

На каждомъ шагу видишь, что законодатель твердо рѣшился разсѣчь гордіевъ узелъ рабскихъ отношеній по возможности скоро и окончательно, и такимъ образомъ уничтожить зло въ корнѣ. При такихъ условіяхъ, казалось-бы, чего проще распространить дѣйствіе означенныхъ законовъ и на западную Русь, гдѣ существуютъ до сихъ поръ тѣже самыя явленія? На дѣлѣ же мы видимъ другое. Въ Кіевѣ въ началѣ 1868 г. учреждена особая коммисія для составленія проэкта устройства владѣльческихъ городовъ и мѣстечекъ югозападнаго края. Коммисія эта пришла къ слѣдующимъ результатамъ. Необходимо сдѣлать различіе въ порядкѣ упраздненія вотчинныхъ отношеній между городами и мѣстечками. Относительно первыхъ слѣдуетъ принять принципъ обязательнаго выкупа, съ немедленнымъ вознагражденіемъ владѣльцевъ за отнимаемыя у нихъ права. Относительно-же мѣстечекъ соображенія и предположенія коммисіи иныя. 46% населенія мѣстечекъ составляютъ крестьяне-собственники, владѣющіе 53% дворовъ, а 44% состоятъ изъ евреевъ, владѣющихъ 34% дворовъ, въ томъ числѣ только 0,75% на правѣ

собственности, а остальными на чиншевомъ правѣ. Бытъ крестьянъ вполнѣ упроченъ законами 19 февраля 1861 и 30 іюля 1863 года „Остается масса еврейскаго населенія, живущаго въ мѣстечкахъ на основаніяхъ обычнаго права, почти безъ всякаго опредѣленія закономъ правъ по владѣнію недвижимымъ имуществомъ и отношеній къ владѣльцамъ и подъ дѣйствіемъ разнообразныхъ монополій, отчасти утвержденныхъ закономъ, но большей частью существующихъ по обычаю, вопреки закону, но стѣсняющихъ торговлю и промыслы и ложащихся тяжестью на потребителяхъ сельскихъ продуктовъ". Уничтожить эти стѣсненія, говоритъ далѣе коммисія, необходимо, „но укрѣплять въ краѣ еврейское населеніе, мѣрами принудительнаго отчужденія въ его пользу поземельной собственности, съ содѣйствіемъ къ пріобрѣтенію ея отъ правительства (т. е. обязательнымъ выкупомъ) въ то время, когда признано необходимымъ удержать въ западныхъ губерніяхъ переходъ земель въ еврейскія руки.... это не вызывается ни политическими, ни экономическими потребностями края" (см. „Кіевлянинъ" 1869 г., № 144). Поэтому коммисія предполагаетъ, относительно мѣстечекъ, которыя будутъ признаны въ качествѣ городскихъ поселеній, принять начало „упраздненія владѣльческихъ монополій и регулированіе поземельныхъ отношеній владѣльцевъ къ жителямъ, оставляя за первыми право собственности на землю, а за вторыми право владѣнія въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ нынѣ", т. е. съ замѣной крѣпостнаго права въ мѣстечкахъ началомъ временно-обязанныхъ отношеній.

Изъ соображеній и данныхъ, представляемыхъ коммисіей, видно далѣе. что за исключеніемъ крестьянъ-собственниковъ, совершенно освобожденныхъ отъ крѣпостныхъ отношеній къ владѣльцамъ обязательнымъ выкупомъ, вся почти масса населенія въ мѣстечкахъ состоитъ изъ евреевъ; слѣдовательно, регулированіе вотчинныхъ обязанностей жителей мѣстечекъ относится главнымъ образомъ къ евреямъ. Это обстоятельство обязываетъ насъ подвергнуть проэктъ коммисіи тщательному разбору.

Намъ кажется прежде всего, что законодательное утвержденіе проэкта кіевской коммисіи въ отношеніи мѣстечекъ будетъ отступленіемъ отъ началъ, недавно признанныхъ полезными и цѣлесообразными самимъ законодательствомъ относительно совершенно сходныхъ обстоятельствъ. Мы видѣли, что въ привислянскомъ краѣ законами 7 іюля и 28 октября 1866 г. введенъ обязательный выкупъ вотчинныхъ правъ владѣльцевъ городскихъ поселеній. При этомъ не сдѣлано никакого различія между разными разрядами городскихъ поселеній и разными классами ихъ обывателей, напримѣръ между христіанами и евреями. Между тѣмъ политическіе виды русскаго правительства какъ на привислянскій, такъ и на западно-русскій край ничѣмъ существеннымъ не разнятся и не могутъ разниться. Экономическій же бытъ страны вообще и въ частности отношеніе евреевъ къ остальному населенію въ сущности тоже одинаковы въ обоихъ краяхъ. Чѣмъ же можно будетъ разъяснить различное рѣшеніе одного и того же вопроса въ двухъ мѣстностяхъ при одинаковыхъ условіяхъ? Затѣмъ, что̀ еще важнѣе, принятіе предположенія коммисіи объ оставленіи въ силѣ вотчино-крѣпостныхъ отношеній для еврейскаго населенія мѣстечекъ юго-западнаго края, будетъ несправедливостью въ отношеніи къ нимъ въ то время, какъ ихъ собратья въ Царствѣ пользуются выгодами обязательнаго выкупа. Въ самомъ дѣлѣ, выкупъ сразу освобождаетъ жителей отъ обязанностей къ владѣльцу и ставитъ ихъ въ число свободныхъ гражданъ. Временно-обязанныя же отношенія только облегчаютъ тяжесть крѣпостнаго права, обрубаютъ вѣтви его, оставляя стволъ и корень нетронутыми. Между тѣмъ, по отзыву всѣхъ знакомыхъ съ современнымъ бытомъ нашей западной окраины, польскіе евреи пользуются вообще бо̀льшимъ благосостояніемъ, чѣмъ западнорусскіе ихъ единовѣрцы. Въ умственномъ-же отношеніи первые стоятъ гораздо ниже послѣднихъ, у которыхъ замѣчается особенно въ послѣдніе годы сильное броженіе умовъ, стремленіе къ выходу изъ своего умственнаго, нравственнаго и экономическаго застоя и къ усвоенію общечеловѣческаго образованія. Такимъ образомъ, если проэктъ кіевской

коммисіи получитъ законную санкцію, то въ результатѣ окажется, что польскіе евреи, матеріально лучше поставленные, чѣмъ западно-русскіе, и духовно значительно имъ уступающіе, будутъ пользоваться со стороны нашего законодательства большимъ уваженіемъ къ своимъ интересамъ и большими правами чѣмъ русскіе евреи!

Вопреки мнѣнію коммисіи мы утверждаемъ, что и политическія и экономическія соображенія говорятъ не въ пользу ея проэкта, а за распространеніе принципа обязательнаго выкупа на всѣхъ обывателей городовъ и мѣстечекъ юго-западнаго края. Съ экономической точки зрѣнія очевидно, что тяжесть вотчинныхъ повинностей, отбываемыхъ евреями въ пользу владѣльцевъ, ложится не на однихъ евреевъ, а на все населеніе. Принимая очень дѣятельное участіе во всѣхъ отрасляхъ хозяйственнаго оборота страны, евреи надоумятся, при системѣ регулированныхъ вотчинныхъ повинностей, сложить бремя этихъ повинностей на производителей и потребителей. Такимъ образомъ цѣнность владѣльческихъ сборовъ, падающихъ повидимому на однихъ евреевъ, уплатятъ не одни они, но и все остальное населеніе, приходящее въ прикосновеніе съ ними въ имущественномъ отношеніи. Этотъ законъ переложенія налоговъ въ наше время есть азбука финансовой науки, составляя часть болѣе общаго соціальнаго закона—солидарности и гармоніи интересовъ разныхъ классовъ населенія. Дѣйствія закона переложенія податей наблюдаются повсемѣстно, и только канцелярскій формализмъ, во всемъ видящій одну внѣшность, можетъ успокоиться на мысли, будто можно обременять одну часть населенія несоразмѣрными поборами, не нанося въ тоже время никакого вреда остальному населенію.

Съ точки зрѣнія политической, по нашему мнѣнію, единственно надежный способъ къ обрусенію западной окраины заключается въ томъ, чтобы привлечь всѣ элементы населенія на сторону Россіи и русскаго государства. Необходимо дать имъ возможность воспользоваться всѣми благами послѣднихъ реформъ и вступить на путь гражданской свободы и равенства, по которому мы столько ушли

въ настоящее царствованіе. Только такимъ образомъ можетъ быть достигнуто дѣйствительное, внутреннее единство русскаго государственнаго тѣла, состоящее въ общности политическихъ стремленій, не смотря на различіе языка, вѣроисповѣданія и обычаевъ. Относительно крестьянъ цѣль эта почти достигнута уже полнымъ и рѣшительнымъ освобожденіемъ ихъ отъ помѣщичьей власти и будетъ достигнута вполнѣ при окончательномъ опредѣленіи ихъ правъ по землевладѣнію. На очереди теперь многочисленное и вліятельное еврейство, которое въ эпоху мятежей доказало, что оно можетъ и хочетъ быть полезнымъ русскому дѣлу. Должны-ли мы упустить изъ виду этотъ фактъ и забыть, что для Россіи вовсе не безразлично—какое настроеніе будетъ господствовать въ еврейской средѣ? Вспомнимъ заимствованныя нами изъ извѣстной книги Ратча слова Чарторійскаго, который, указывая на фактъ перехода евреевъ въ 1831 г. на сторону Россіи, прибавляетъ, что послѣ этого „евреи, преслѣдуемые тѣми, кому они передались, въ своихъ воспоминаніяхъ возвращаются къ Польшѣ“; на продолженіе прежней политики Россіи относительно евреевъ Чарторійскій возлагаетъ большія надежды: ихъ тоже унесетъ потокъ духа времени, говоритъ онъ; они охотно примкнутъ къ другимъ жителямъ страны для польской справы, при убѣжденіи, что Польша доставитъ имъ болѣе гарантій, болѣе свободы и выгодъ для ихъ благосостоянія.

Должны ли мы допустить, чтобъ эти расчеты оказались вѣрными и чтобы подобныя воспоминанія и надежды имѣли мѣсто?

Конечно нѣтъ. И безъ сомнѣнія освобожденіе русскимъ законодательствомъ евреевъ отъ гнета польскихъ помѣщиковъ есть лучшее средство къ разрушенію такого рода плановъ. Какъ человѣкъ болѣе развитой сравнительно съ крестьяниномъ и еще менѣе его избалованный исторіей, еврей съумѣетъ лучше оцѣнить оказанное ему благодѣяніе; а умѣнье быть благодарнымъ искони присуще еврею въ сильной степени.

Даже оставляя въ сторонѣ эти соображенія, выводъ комисіи — что такъ какъ признано необходимымъ удержать въ за-

падныхъ губерніяхъ переходъ земель въ еврейскія руки, то невозможно поощрять этотъ переходъ въ мѣстечкахъ—невѣренъ и неосновательнъ по слѣдующимъ причинамъ.

Законъ призналъ вреднымъ сосредоточеніе въ рукахъ инородцевъ сельскихъ земель, а не городскихъ. Разница-же между ними громадная. Въ странѣ почти исключительно земледѣльческой вопросъ: въ чьихъ рукахъ находится главный источникъ народнаго богатства и государственныхъ доходовъ—имѣетъ особую важность, чего никакъ нельзя сказать про жалкую хижину и дворикъ въ мѣстечкѣ, имѣющіе вообще самую ничтожную цѣнность. Притомъ сельскій хозяинъ приходитъ въ тѣсное соприкосновеніе съ главной массой населенія страны и можетъ имѣть значительное вліяніе на образъ жизни и родъ мыслей этой темной и неразвитой массы, чего опять таки нельзя примѣнить къ мѣстечкамъ.

Во-вторыхъ, регулированіе владѣльческихъ повинностей евреевъ также прикрѣпитъ ихъ къ мѣсту, какъ выкупъ этихъ повинностей, даже болѣе. Ибо тяжесть помѣщичьихъ сборовъ отниметъ у еврея возможность оставить свое мѣстечко-гетто, чтобъ искать счастья въ другомъ мѣстѣ. Разница только та, что если повинности останутся, то платить ихъ будетъ наравнѣ съ евреями и остальное населеніе, на которое евреи не преминутъ переложить ихъ.

Наконецъ, законъ 10 іюля 1864 г. воспрещаетъ только пріобрѣтеніе евреями земель, не бывшихъ еще въ ихъ владѣніи, между тѣмъ какъ здѣсь рѣчь идетъ объ укрѣпленіи въ собственность за евреями земель и дворовъ, которыми они уже владѣютъ.

Выходитъ, что параллель, проведенная коммисіей между закономъ 10 іюля и мѣстечковыми отношеніями, не имѣетъ никакихъ основаній. Само-же по себѣ предположеніе коммисіи о регулированіи владѣльческихъ повинностей, какъ мы видѣли, совершенно несостоятельно и не выдерживаетъ самой снисходительной критики.

IX.

Къ вопросу о положеніи евреевъ внѣ черты ихъ осѣдлости.

Judæorum causae non ex æquitate, sed rigore juris decidendæ sunt.
(Дѣла евреевъ должны быть разрѣшаемы не по справедливости, а по строгому праву).

Старинный афоризмъ.

Пересматривая рѣшенія гражданскаго кассаціоннаго департамента за 1870-й годъ, мы натолкнулись на одно дѣло (№ 66), которое по своему юридическому и фактическому содержанію представляетъ любопытный матеріалъ для ознакомленія съ положеніемъ евреевъ внѣ черты ихъ осѣдлости, насколько оно опредѣляется дѣйствующими у насъ теперь законами. Сущность этого дѣла заключается въ слѣдующемъ. Коллежскій совѣтникъ Кондратьевъ заключилъ съ купцомъ-евреемъ Поляковымъ контрактъ на арендованіе послѣднимъ недвижимаго имѣнія г. Кондратьева. Затѣмъ, по возникшимъ между ними спорамъ, Кондратьевъ заявилъ сумскому окружному суду, что контрактъ этотъ онъ считаетъ недѣйствительнымъ и для себя необязательнымъ, такъ какъ Поляковъ, будучи евреемъ, не имѣетъ права арендовать населенное имѣніе внѣ своей осѣдлости. Поляковъ въ свою очередь просилъ судъ о вознагражденіи его Кондратьевымъ за расходы по заключенію контракта, управленію имѣніемъ и неустойкой, условленной по контракту. Харьковская судебная палата, въ которую дѣло перешло по апелляціи Полякова, признала совершенно правильнымъ, что договоръ между Кондратьевымъ и Поляковымъ самъ по себѣ недѣйствителенъ, какъ присвоивающій Полякову такія права, которыхъ онъ по состоянію своему имѣть не можетъ. Но усматривая съ другой стороны, что „Кондратьевъ на арендованіе имѣнія Поляковымъ не только изъявилъ согласіе, но отыски-

валъ именно денежныхъ евреевъ и получилъ отъ Полякова арендную плату въ количествѣ 6,200 р., и что Поляковъ долженъ былъ сдѣлать нѣкоторыя затраты на имѣніе Кондратьева, нашла справедливымъ удовлетворить искъ Полякова объ убыткахъ отъ уничтоженія контракта. Кондратьевъ въ кассаціонной жалобѣ указывалъ на то, что такъ какъ договоръ его съ Поляковымъ безусловно недѣйствителенъ по личной неспособности послѣдняго, какъ еврея, къ заключенію его, то и искъ объ убыткахъ, вытекавшихъ изъ нарушенія этого договора, немыслимъ. Жалобу эту сенатъ оставилъ безъ послѣдствій. Дѣло, какъ видите, не представляетъ ничего выходящаго изъ ряда обыкновеннаго, но именно потому, что вся эта исторія такая обыденная и такъ сказать нормальная при существующемъ порядкѣ вещей, мы вправѣ смотрѣть на нее, какъ на типическую и сдѣлать изъ нея кое-какіе общіе выводы относительно положенія купцовъ-евреевъ во внутреннихъ губерніяхъ. Само собою разумѣется, что при этомъ мы не станемъ входить въ разборъ рѣшеній судебныхъ мѣстъ по этому дѣлу, такъ какъ мы не имѣемъ на то права, да и рѣшенія эти юридически правильны и справедливы. Мы коснемся лишь общихъ правовыхъ и бытовыхъ вопросовъ, на которые наталкиваютъ обстоятельства этого дѣла.

Первый вопросъ заключается въ томъ: имѣютъ-ли право евреи-купцы первой гильдіи арендовать внѣ черты своей осѣдлости недвижимыя имѣнія, въ которыхъ обязательныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ не прекращены? Для разрѣшенія этого вопроса необходимо принять въ соображеніе слѣдующія основанія. По закону 19 февраля 1861 г. объ отчужденіи и отдачѣ въ аренду помѣщичьихъ имѣній (I, п. 3 и 4), имѣнія эти могутъ, при соблюденіи извѣстныхъ условій, быть отчуждаемы лицамъ всѣхъ состояній, кромѣ евреевъ. Такимъ образомъ, относительно пріобрѣтенія въ собственность такихъ имѣній, законъ положительно исключаетъ всѣхъ вообще евреевъ. Но по отношенію къ арендованію подобныхъ имѣній (тамъ-же, II, п. 1) опредѣлено, что право это предоставлено лицамъ всѣхъ состояній, не исключая и иностранцевъ, и не дѣлается изъятія для евреевъ.

Точно также въ законахъ гражданскихъ (ст. 1304 и 1402 т. X ч. 1 по продолженію 1863 г.) говорится только о спеціальныхъ законахъ о пріобрѣтеніи недвижимой собственности евреями, но не упоминается объ арендѣ. Между тѣмъ на основаніи п. I закона 16 марта 1859 г. (ст. 128 т. XI ч. 2 по прод. 1863 г.) евреи-купцы первой гильдіи, приписавшіеся внѣ черты еврейской осѣдлости, „пользуются всѣми правами коренному русскому купечеству по сей гильдіи присвоенными: по торговлѣ, подрядамъ, откупамъ, по устройству фабрикъ и заводовъ, по учрежденію банкирскихъ конторъ и пріобрѣтенію недвижимой собственности въ Имперіи“. Это самое повторено въ ст. 1500 т. X ч. 1 по прод. 1863 г. (примѣч. 3-е) *. Имѣя въ виду эти узаконенія и руководствуясь основнымъ началомъ права, что исключительные законы должны быть толкуемы въ возможно болѣе тѣсномъ смыслѣ и что все положительно не запрещенное должно считаться дозволеннымъ, слѣдовало-бы прійти къ тому заключенію, что купцы первой гильдіи изъ евреевъ могутъ арендовать населенныя имѣнія внѣ черты своей осѣдлости.

Къ этому выводу приводятъ и слѣдующія два обстоятельства. Во-первыхъ — сравненіе перваго пункта закона 16 марта съ 5 пунктомъ, гдѣ о евреяхъ-иностранцахъ говорится, что имъ дозволяется „пріобрѣтеніе и наемъ недвижимыхъ ненаселенныхъ имѣній“; слѣдовательно иностраннымъ евреямъ, къ которымъ наше законодательство относится съ гораздо большимъ недовѣріемъ, чѣмъ къ евреямъ состоящимъ въ русскомъ подданствѣ, законъ прямо воспрещаетъ какъ пріобрѣтеніе, такъ и наемъ населенныхъ имѣній. Изъ этого можно вывести, что лица упомянутыя въ 1-мъ пунктѣ закона, гдѣ не сдѣлано такой

*) Замѣтимъ кстати, что примѣчаніе это помѣщено подъ статьей 1500 вѣроятно по недосмотру, ибо въ этой, какъ и въ предыдущихъ статьяхъ, говорится исключительно о продажѣ казеннаго движимаго имущества, а примѣчаніе это относится спеціально до правъ евреевъ на недвижимость

оговорки, имѣютъ право найма населенныхъ имѣній. Во-вторыхъ на это указываетъ и самый смыслъ относящихся сюда законовъ. Пріобрѣтеніе евреями населенныхъ имѣній не допускается закономъ очевидно потому, что пріобрѣтатель помѣщичьяго имѣнія становится въ господскія отношенія къ крестьянамъ и что крестьяне, находясь въ нѣкотораго рода личной зависимости отъ помѣщиковъ, могутъ быть ими эксплуатируемы и притѣсняемы. По отношенію-же къ арендаторамъ это невозможно ужъ потому, что помѣщикъ не можетъ передавать арендатору, кто-бы онъ ни былъ, право пользоваться издѣльной повинностью крестьянъ (отд. II мн. гос. сов 19 февраля 1861 г. объ отчужденіи помѣщ. им.). А коль скоро арендаторъ не можетъ пользоваться личнымъ трудомъ крестьянъ и не пріобрѣтаетъ надъ ними никакихъ личныхъ правъ, то единственное основаніе устраненія евреевъ само собою отпадаетъ.

Что касается евреевъ-ремесленниковъ, то извѣстно дѣло Алтшулера, въ которомъ сумскій окружный судъ и харьковская судебная палата признали, что они не имѣютъ права пріобрѣтать недвижимую собственность внѣ черты еврейской осѣдлости.

Понятно, что такія условія не особенно споспѣшествуютъ тому, чтобъ развить въ евреяхъ, живущихъ внѣ черты ихъ осѣдлости, охоту къ солиднымъ правиламъ и занятіямъ. И не странно-ли, что у насъ такъ часто упрекаютъ евреевъ въ стремленіи къ легкой наживѣ и отвращеніи отъ серьезнаго, усидчиваго труда?

„Опытные въ винокуреніи и умѣющіе ладить съ акцизными порядками, евреи, пишетъ г. Янсонъ, явились и въ харьковской губерніи въ число главныхъ дѣятелей по этой части. Появленіе ихъ здѣсь относится къ 1856 году, и теперь много винокурень перешло къ нимъ въ руки путемъ арендованія, не смотря на то, что въ этой мѣстности арендовать винокурни могутъ только тѣ изъ евреевъ, которые записаны въ первую гильдію. Евреи съумѣли обойти этотъ законъ. Винокурня арендуется на имя какого-нибудь помѣщика, который ставитъ еврея какъ будто своимъ прикащикомъ. Такая сдѣлка между евреемъ и помѣщикомъ, основывается-ли

она на личномъ довѣріи или обезпечивается какой-нибудь формальной сдѣлкой, во всякомъ случаѣ требуетъ новыхъ расходовъ со стороны еврея (есть помѣщики, получающіе за ссуду своего имени по 3000 р. въ годъ), во-вторыхъ увеличиваетъ рискъ самого предпріятія и затраты капитала. Такого-же рода уловка для обхода закона употребляется и при арендованіи евреями земель" (Хлѣбная торговля на Волыни, стр. 281).

Фактъ по истинѣ заслуживающій самаго серьезнаго вниманія. Экономическіе интересы страны не только не выигрываютъ, а напротивъ теряютъ отъ такого порядка вещей. Хозяйственная дѣятельность евреевъ ограничительными мѣрами не устраняется, а только затрудняется, такъ какъ въ сущности она все таки соотвѣтствуетъ настоящимъ потребностямъ русскаго быта. Затрудненія приводятъ лишь къ тому результату, что промышленная дѣятельность евреевъ менѣе выгодна не для нихъ однихъ, но и для остальнаго населенія, которое въ силу извѣстнаго закона переложенія уплачиваетъ лишніе расходы и лишній рискъ промышленныхъ предпріятій евреевъ. Такимъ образомъ, съ какой стороны ни посмотрѣть на дѣло, теперешнее положеніе евреевъ во внутреннихъ губерніяхъ оказывается рѣшительно несоотвѣтствующимъ экономическимъ интересамъ Россіи.

X.

По поводу новаго городскаго Положенія

Поставивъ себѣ задачей разъяснять, насколько позволяютъ намъ условія, въ которыя мы поставлены волей судебъ, такъ-называемый еврейскій вопросъ, мы естественно не можемъ, не измѣняя своему знамени, оставаться безмолвными зрителями каж-

дый разъ, когда на сцену выступаетъ тотъ или другой частный случай изъ неисчерпаемой житейской практики. Съ особеннымъ удовольствіемъ (если можно считать удовольствіемъ танталову работу вѣчной и малоуспѣшной борьбы съ предразсудками и недоброжелательствомъ) мы останавливаемся каждый разъ, когда встрѣчаемся съ profession de foi противниковъ эманципаціи и равноправности евреевъ, съ полнымъ катихизисомъ всѣхъ ихъ доводовъ и аргументовъ. Въ самомъ дѣлѣ, неудобно оспаривать отдѣльныя мнѣнія и единичные выводы нашихъ противниковъ:—при этомъ у читателя всегда можетъ остаться мѣсто подозрѣнію, что оспариваемое нами мнѣніе имѣетъ и другія болѣе вѣскія основанія, кромѣ тѣхъ, которыя подвержены нашему разбору. Для насъ гораздо выгоднѣе и удобнѣе обозрѣвать за одинъ разъ всю артиллерію противнаго лагеря. Если намъ удастся сбить ее съ позиціи на всѣхъ пунктахъ, мы можемъ быть увѣрены, что трудъ нашъ не пропадетъ даромъ и что читатели вынесутъ убѣжденіе въ дѣйствительной несостоятельности разбираемыхъ нами разсужденій. Вотъ почему мы считаемъ цѣлесообразнымъ сказать нѣсколько словъ по поводу помѣщенныхъ ниже соображеній коммисіи для пересмотра городскаго общественнаго управленія по вопросу объ участіи евреевъ въ общественномъ представительствѣ городовъ. Въ разсужденіяхъ своихъ эксперты и члены коммисіи пришли къ тому результату, что необходимо сохранить дѣйствующее правило объ ограниченіи числа евреевъ-гласныхъ въ городскихъ думахъ одной третью. Здѣсь мы находимъ сводъ всѣхъ ходячихъ тенденцій по еврейскому вопросу. Слѣдовательно краткій обзоръ всѣхъ этихъ разсужденій можетъ дать намъ понятіе о степени основательности общепринятыхъ мнѣній относительно еврейскаго вопроса вообще. Въ обзорѣ нашемъ мы будемъ держаться, для удобства, того порядка, въ которомъ расположены доводы членовъ и экспертовъ коммисіи въ ея запискѣ по упомянутому вопросу.

Прежде всего встрѣчаемъ такое основаніе для ограниченія числа гласныхъ евреевъ одной третью: — „ограниченіе это не представляетъ собой чего-либо новаго и содержится въ нынѣ дѣй-

ствующихъ законахъ". Что этотъ доводъ не совсѣмъ удовлетворителенъ—съ этимъ, надѣемся, согласится всякій. Въ самомъ дѣлѣ, что сказали-бы мы, еслибъ при обсужденіи вопроса объ освобожденіи крестьянъ кто нибудь доказывалъ, что можно и должно удержать то или другое ограниченіе гражданскаго ихъ положенія, такъ какъ „ограниченія эти не представляютъ собою ничего новаго и содержатся и въ нынѣ дѣйствующихъ законахъ"? Такая аргументація врядъ-ли могла-бы расчитывать на благопріятный пріемъ; защитники репрессивныхъ мѣръ всякаго рода поэтому прибѣгаютъ къ ней, какъ показываетъ опытъ, лишь въ крайнихъ случаяхъ, сознавая сами всю ея шаткость. Единственнымъ оправданіемъ этому доводу можетъ служить только знаменитое ученіе Гегеля о томъ, что „все дѣйствительное разумно и все разумное дѣйствительно"; но кому же неизвѣстно, что ученіе это и недѣйствительно (потому что на самомъ дѣлѣ дѣйствительное далеко не разумно, а разумное пока еще очень слабо проникаетъ въ дѣйствительность), и неразумно (потому что ведетъ къ гибельному застою въ общественной жизни)? Какъ извѣстно, въ теченіи послѣднихъ 15-ти лѣтъ въ судьбѣ русскихъ евреевъ послѣдовали многія и весьма существенныя улучшенія. Спрашивается, что сталось-бы со всѣми этими реформами, еслибъ при обсужденіи ихъ принято было во вниманіе, что не представляется надобности въ изданіи новыхъ либеральныхъ законовъ, такъ какъ ограниченія евреевъ существуютъ въ дѣйствующихъ законахъ и не представляютъ ничего новаго?

Всѣ остальные доводы коммисіи противъ уравненія евреевъ съ остальнымъ населеніемъ въ правѣ участія въ управленіи городскимъ хозяйствомъ составляютъ видоизмѣненія одного общаго аргумента: евреи составляютъ отдѣльный классъ населенія съ отдѣльными, часто враждебными другимъ сословіямъ, интересами, и потому необходимо оградить другіе элементы населенія отъ посягательства на ихъ интересы со стороны евреевъ, что̀ и достигается ограниченіемъ числа еврейскихъ гласныхъ въ городскихъ думахъ. Если и предположить, что дѣйствительно такое обез-

печеніе нееврейскаго населенія отъ враждебныхъ покушеній евреевъ необходимо (о чемъ будетъ рѣчь дальше) то все-же комиссіей упущено изъ виду одно важное обстоятельство. Сама комиссія признаетъ, что ограниченіе числа евреевъ, участвующихъ въ городскомъ представительствѣ, несправедливо и стѣснительно въ отношеніи къ евреямъ. Она мотивируетъ удержаніе этого ограниченія только необходимостью оградить интересы остальнаго населенія отъ посягательства на нихъ со стороны евреевъ. Въ такомъ случаѣ ограниченіе должно быть допущено лишь тогда, если цѣль, къ которой оно должно вести, не можетъ быть достигнута никакимъ другимъ, болѣе правильнымъ и разумнымъ путемъ. Развѣ къ огражденію интересовъ одной части населенія отъ нарушенія ихъ другой частью въ новомъ уставѣ городскаго общественнаго управленія нѣтъ никакихъ мѣръ, болѣе раціональныхъ? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ укажемъ, что проэктъ новаго устава предлагаетъ учрежденіе особаго присутствія, которому могутъ быть приносимы жалобы на распоряженія и дѣйствія городской думы. Губернская администрація имѣетъ право протестовать противъ каждаго опредѣленія думы и пріостанавливать исполненіе этихъ опредѣленій, если она находитъ ихъ почему либо незаконными или несправедливыми. Не надо забывать кромѣ того, что новый уставъ вводитъ въ общественное управленіе гласность, которая, по указанію опыта, служитъ весьма дѣйствительнымъ средствомъ для обузданія противозаконныхъ стремленій со стороны всякаго рода общественныхъ собраній и учрежденій. Почему-же, если гарантіи эти признаются проэктомъ достаточными для обезпеченія законности дѣйствій городскаго управленія во всѣхъ отношеніяхъ, онѣ признаны безсильными противъ происковъ и стремленій еврейскаго элемента въ этомъ управленіи? На чемъ основано это обидное предположеніе, что и администрація, обязанная зорко слѣдить за правильностью дѣйствій городскихъ собраній, и сами христіанскіе граждане, имѣя полную возможность жаловаться на дѣйствія городскаго управленія особому присутствію, не будутъ въ состояніи противостать

кознямъ еврейской партіи въ общественномъ управленіи и не смогутъ дать имъ надлежащій отпоръ? Вообще мы рѣшительно не понимаемъ, гдѣ фактическое основаніе къ тому, что противъ евреевъ нужно принять болѣе сильныя мѣры предосторожности чѣмъ противъ всѣхъ другихъ классовъ общества. Судя по тому, что предразсудки противъ евреевъ еще очень сильны у насъ какъ въ прессѣ, такъ и въ обществѣ, можно скорѣе ожидать, что за участіемъ евреевъ въ городскомъ управленіи нееврейскіе сосѣди ихъ будутъ слѣдить бдительно и ревниво. Тройная гарантія гласности, надзора администраціи и права жалобы на думы окажется болѣе чѣмъ достаточной для огражденія интересовъ христіанскаго населенія отъ нанесенія имъ ущерба евреями. Такимъ образомъ, ограниченіе числа еврейскихъ гласныхъ оказывается излишнимъ, если даже допустить, что необходимо обезопасить христіанское населеніе городовъ отъ вреднаго вліянія евреевъ. Но дѣло въ томъ, что мнѣніе о враждебности евреевъ и возможности столкновенія интересовъ евреевъ и христіанъ ничто иное, какъ ходячая фраза, лишенная всякаго реальнаго содержанія. Это и обнаруживается при всякой попыткѣ примѣнять общія выраженія о политической и религіозной обособленности евреевъ къ дѣйствительности. Такъ напримѣръ, было сдѣлано замѣчаніе, что городскія собранія будутъ имѣть въ своихъ рукахъ выборъ мировыхъ судей и евреи могутъ оказать здѣсь невыгодное для другихъ гражданъ давленіе. Однако упущено изъ виду, во-первыхъ, что евреи составляютъ преобладающій элементъ лишь въ городахъ западнаго края, гдѣ мировые судьи, какъ извѣстно, будутъ назначаться отъ правительства. Во-вторыхъ, въ южномъ краѣ, гдѣ евреи призваны къ участію въ дѣлахъ земства безъ всякихъ ограниченій, они какъ въ выборѣ мировыхъ судей, такъ и въ другихъ дѣлахъ земства, играютъ роль не только не больше, но меньше той, которая по праву принадлежитъ имъ по численности ихъ. Въ Одессѣ, гдѣ еврейское общество многочисленнѣе и вліятельнѣе, чѣмъ гдѣ либо на югѣ Россіи, не было избрано ни одного еврея въ участковые мировые

судьи и лишь одинъ еврей въ почетные. Хотя одинъ изъ экспертовъ заявилъ, что „въ Одессѣ евреи замѣтно вліяютъ на городскія дѣла“, но это положительно не вѣрно въ томъ отношеніи, будто евреи, участвующіе здѣсь въ общественномъ управленіи, преслѣдуютъ какія-то спеціально еврейскія цѣли, въ ущербъ христіанскому населенію.

Не только ничего спеціально-еврейскаго до сихъ поръ никто не замѣчалъ въ общественномъ управленіи Одессы, но число еврейскихъ гласныхъ въ одесской общей думѣ и другихъ мѣстахъ городскаго населенія постоянно уменьшается. Послѣдніе выборы дали въ этомъ отношеніи любопытные результаты. Еврейскіе избиратели, какъ это и было заявлено въ мѣстныхъ газетахъ, гораздо охотнѣе кладутъ свои избирательные шары въ урны кандидатовъ-христіанъ. Напротивъ изъ христіанъ ни одинъ почти не подавалъ своего голоса въ пользу еврея. Спрашивается: кто-же тутъ выказалъ больше отчужденія и изолированности, еврейскіе избиратели или христіанскіе? Какой смыслъ имѣетъ въ виду подобныхъ фактовъ опасеніе, что евреи будутъ агитировать въ свою пользу на выборахъ?

Не менѣе шатки и другія quasi-фактическія указанія на возможность вреднаго вліянія евреевъ на хозяйственные интересы другихъ городскихъ обывателей. Таково напримѣръ указаніе на то, что евреи, будучи повсюду мѣстными ростовщиками, естественно будутъ противиться учрежденію городскихъ банковъ. Во-первыхъ, между евреями, какъ и въ другихъ классахъ населенія, капиталисты-ростовщики составляютъ ничтожное меньшинство; масса-же евреевъ страдаетъ отъ недостатка кредита ничуть не меньше, чѣмъ остальные граждане. Невозможно поэтому предположить, что всѣ евреи города будутъ противиться учрежденію благодѣтельныхъ для нихъ банковъ въ угоду нѣсколькимъ піявкамъ, высасывающимъ еврейскіе „соки“ на столько-же, на сколько и христіанскіе. Во-вторыхъ, разбираемое предположеніе опять-таки опровергается опытомъ Одессы, гдѣ въ агитаціи за устройство домовладѣльческаго банка евреи принимаютъ весьма дѣятельное

участіе. Замѣчаніе-же будто противодѣйствіемъ евреевъ объясняется почти совершенное отсутствіе общественныхъ банковъ въ чертѣ ихъ осѣдлости, не нуждается въ опроверженіи: всякому извѣстны дѣйствительныя причины, отчего западный край, въ которомъ нѣтъ ни новаго суда, ни земскаго и общественнаго самоуправленія, ни городскаго благоустройства, такъ отсталъ до сихъ поръ отъ остальной Россіи.

Столь-же неосновательно другое предположеніе, что евреи, живя большей частью въ отдѣльныхъ частяхъ городовъ, имѣютъ и другіе интересы, чѣмъ остальные жители, и что занимаясь исключительно торговлей, они будутъ также стремиться направлять городское хозяйство на пользу торговли, въ ущербъ другимъ професіямъ и промысламъ. Тутъ-то и обнаруживаются нелогичность всѣхъ вообще исключительныхъ законовъ и безуспѣшность всѣхъ попытокъ мотивировать ихъ раціональными основаніями. Въ самомъ дѣлѣ, если въ Вильнѣ и Житомірѣ законъ считаетъ необходимымъ оградить интересы христіанъ, живущихъ въ одной части города, отъ нарушенія ихъ евреями, живущими въ другой его части, то почему-же въ Калугѣ или Орлѣ, гдѣ нѣтъ евреевъ, но есть тоже различныя части города съ различными хозяйственными интересами, законъ не считаетъ себя обязаннымъ охранять интересы одной части города, отъ эгоистическихъ происковъ обывателей другой его части? Если тамъ, гдѣ торговый классъ состоитъ изъ евреевъ, признано необходимымъ защитить городское хозяйство отъ эксплоатированія его торгующимъ классомъ, почему-же не принять такихъ-же предохранительныхъ мѣръ въ интересахъ всѣхъ неторговыхъ горожанъ тамъ, гдѣ купечество состоитъ не изъ евреевъ? Вѣдь никто не отрицаетъ того, что русское купечество такъ-же близко принимаетъ къ сердцу свои исключительные расчеты и интересы и такъ-же склонно преслѣдовать свои цѣли, хотя-бы въ ущербъ другимъ классамъ населенія, какъ и еврейское купечество. И развѣ можно допустить мысль, что государство заботится объ интересахъ населенія западной и южной окраинъ больше, чѣмъ о населеніи центральной Россіи и вообще

незаселенныхъ евреями мѣстностей? Законодатель справедливо призналъ, что предупредить репрессивными мѣрами всевозможныя нарушенія интересовъ однихъ классовъ общества другими немыслимо. Долговременный опытъ указалъ, что система опеки, исходящая именно изъ этого стремленія предупреждать правонарушенія въ обществѣ стѣсненіями свободы воли гражданъ, совершенно несостоятельна. Поэтому и у насъ правительство послѣдовательно вводитъ взамѣнъ бюрократической опеки систему приходскаго, земскаго и городскаго самоуправленія. Въ данномъ случаѣ въ виду того, что городское самоуправленіе, какъ и всякое другое, не можетъ не вести къ столкновенію между интересами различныхъ составныхъ частей городскаго населенія, проэктъ устава городскаго управленія не стѣсняетъ свободы гражданъ-избирателей и ихъ выборныхъ въ исполненіи своихъ обязанностей. Онъ вводитъ указанныя нами выше гарантіи для возстановленія нарушенныхъ городскимъ управленіемъ правъ (надзоръ администраціи, жалобы особому присутствію, гласность). Какъ мы видѣли, тѣ-же гарантіи вполнѣ достаточны и для огражденія христіанъ-горожанъ отъ евреевъ.

Окончательный выводъ изъ всѣхъ этихъ разсужденій слѣдующій: исключительные законы вообще и въ частности тѣ, которые касаются евреевъ, имѣютъ свое основаніе единственно въ предубѣжденіяхъ, не поддающихся анализу и обязанныхъ своимъ происхожденіемъ не логическимъ доводамъ. Поэтому, попытки къ объясненію ихъ разумными основаніями никогда не могутъ быть успѣшны и не выдерживаютъ никакой критики.

Остальныхъ разсужденій коммисіи о политической и религіозной сторонѣ еврейства мы не будемъ касаться, хотя почва для нашего разбора здѣсь еще болѣе благодарная, такъ какъ они не имѣютъ никакой связи съ вопросомъ объ участіи евреевъ въ городскомъ управленіи.

XI.

Нѣсколько словъ о рекрутской повинности у евреевъ.

Между упреками, такъ щедро расточаемыми у насъ евреямъ относительно ихъ гражданскаго положенія, видное мѣсто занимаетъ обвиненіе ихъ въ уклоненіи отъ священной, обще-гражданской обязанности—защиты отечества. Жидоѣды съ явнымъ удовольствіемъ подхватываютъ каждое извѣстіе о томъ, какъ евреи всячески стараются избѣгать отправленія рекрутской повинности натурой. Разукрашивая подобные факты, они по принятому относительно евреевъ особенному логическому пріему, безъ дальнихъ справокъ, обобщаютъ единичныя явленія. Они выводятъ общее заключеніе, что евреи, стараясь per fas et nefas избѣгнуть исполненія гражданскихъ обязанностей, ужь по этому самому не могутъ пользоваться и выгодами полноправнаго гражданства. Конечно подобнаго рода умозаключенія сами по себѣ совершенно нелѣпы, потому что не права гражданскія должны слѣдовать за обязанностями, а наоборотъ. До тѣхъ поръ, пока евреи не пользуются у насъ полнымъ гражданскимъ равенствомъ, Россія не вправѣ требовать отъ нихъ добросовѣстнаго исполненія всѣхъ гражданскихъ обязанностей. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ при дарованіи той или другой народности правъ гражданства у насъ, какъ и вездѣ, сообразовались съ заслугами ея предъ государствомъ и предварительнымъ, долговременнымъ исполненіемъ однѣхъ обязанностей безъ соотвѣтствующихъ правъ? Одни евреи удостоились до сихъ поръ такой недалекой политики.

Но коль скоро разъ уже признано за несомнѣнное, что евреи могутъ выйти изъ своего исключительнаго положенія лишь постепенно и по мѣрѣ заслугъ, такія разсужденія пріобрѣтаютъ практическое значеніе. А это послѣднее обстоятельство побуждаетъ насъ обратить вниманіе нашихъ читателей на нѣкоторыя данныя

и соображенія, могущія навести на мысль о томъ, что въ дѣйствительности дѣло представляется не совсѣмъ такъ, какъ кажется съ перваго взгляда. Для провѣрки общепринятаго взгляда на отношеніе евреевъ къ рекрутчинѣ, мы считаемъ полезнымъ подвергнуть его анализу съ трехъ сторонъ: во-первыхъ, со стороны вѣрности самаго факта, будто евреи меньше послужили Россіи натурой, чѣмъ остальное населеніе; во-вторыхъ—со стороны вѣрности общихъ выводовъ, дѣлаемыхъ изъ фактовъ, свидѣтельствующихъ объ уклоненіи евреевъ отъ воинской повинности, и въ-третьихъ, со стороны вѣрности мнѣнія, будто евреи относятся къ воинской повинности совсѣмъ иначе, чѣмъ все остальное населеніе, и составляютъ въ отношеніи къ ней изъятіе изъ общаго правила.

Итакъ, справедливо ли, что евреи всегда уклонялись отъ воинской повинности и по возможности избѣгали ея въ то время, какъ русскій народъ несъ всѣ тягости службы? Мы утверждаемъ, что это мнѣніе ошибочно. Россія менѣе, чѣмъ всякая другая страна, можетъ жаловаться на то, что она мало пользовалась личною, натуральной повинностью своихъ еврейскихъ подданныхъ. Съ тѣхъ поръ, какъ на евреевъ распространена обязанность военной службы у насъ, т. е. съ 1827 года, они привлекались къ ней не только не меньше, чѣмъ другіе классы населенія,[1] но нерѣдко даже въ большемъ размѣрѣ. Читателю, незнакомому съ этимъ дѣломъ, можетъ показаться страннымъ, если мы скажемъ, что крымская война стоила евреямъ гораздо больше крови, чѣмъ христіанамъ. Между тѣмъ онъ вынужденъ будетъ согласиться съ нами, когда укажемъ ему на слѣдующіе немногочисленные, но краснорѣчивые факты. Въ 1852 году былъ десятый частный наборъ въ западной полосѣ Имперіи, при чемъ взято было у христіанъ по 7 человѣкъ съ 1000; въ 1853 г. былъ тотъ же наборъ и въ томъ же размѣрѣ въ восточной полосѣ. Евреи же при каждомъ изъ этихъ наборовъ давали по 10 рекрутъ съ тысячи. Слѣдовательно въ то время, какъ христіане давали 7 рекрутъ съ 1000, евреи давали 20, т. е. почти втрое больше чѣмъ христіане. Въ 1854 г. былъ

одиннадцатый наборъ въ обѣихъ полосахъ Имперіи по 9 человѣкъ съ тысячи, а евреи давали оба раза по десяти съ 1000. Въ томъ же году былъ двѣнадцатый наборъ въ западной полосѣ Имперіи по 10 съ тысячи у христіанъ и евреевъ. Слѣдовательно въ этомъ году христіане западной полосы давали 19, восточной только 9, а евреи 30 съ тысячи. Въ слѣдующемъ 1855 году былъ 12-й наборъ въ восточной полосѣ, при чемъ тоже предположено было взять съ евреевъ по 10 съ 1000; но это предположеніе не состоялось, благодаря измѣнившимся обстоятельствамъ.

Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ находимъ въ изслѣдованіи г. Кобылина о рекрутской повинности въ Кіевской губерніи.

Здѣсь мы читаемъ между прочимъ слѣдующее.

„Рекруты перваго возраста, отъ 12 до 17 лѣтъ, всѣ безъ исключенія, въ числѣ 2,065 человѣкъ, поступили изъ евреевъ. Самое воспитаніе ихъ, по преданіямъ предковъ, не приготовляетъ ихъ къ перенесенію тяжелыхъ трудовъ и къ лишеніямъ, неразлучнымъ съ званіемъ солдата. Совершенно другой образъ жизни, грубый, несоотвѣтственный ихъ слабому тѣлосложенію, совершенно другая пища, къ которой они и съ годами трудно привыкаютъ, составляютъ причину двухъ явленій: или значительной смертности, или если достигнувъ извѣстнаго возраста, евреи и поступаютъ на дѣйствительную службу, то остаются до отставки тощими и слабосильными. Особенно гибельно было для малолѣтнихъ евреевъ отправленіе ихъ въ партіяхъ къ мѣстамъ назначенія зимой. По всѣмъ этимъ причинамъ принятіе малолѣтнихъ евреевъ въ рекруты, не принося никакой пользы для арміи, причиняло вредъ и обществамъ, потому что рѣдкій еврей выслуживаетъ положенный срокъ и возвращается на прежнее мѣсто, и правительству, потому что оно должно тратить деньги на такихъ людей, которые развѣ на половину поступаютъ въ солдаты и то не въ ряды арміи, а въ разныя должности, не требующія тяжелаго труда. Впрочемъ, Высочайшимъ указомъ 26-го августа 1856 года

пріемъ малолѣтнихъ евреевъ въ рекруты уже отмѣненъ. Второй возрастъ, отъ 17 до 20 лѣтъ (2,239), состоитъ изъ евреевъ по преимуществу и изъ лицъ, принадлежавшихъ другимъ сословіямъ, поступившихъ по желанію за своихъ родственниковъ. Вообще о рекрутахъ сего возраста должно сказать, что они болѣе смышленные и скорѣе могутъ понимать, чему заставятъ ихъ учиться, но за то, поступивъ въ службу прежде нежели тѣло ихъ успѣло совершенно сложиться, они гибнутъ отъ безсилія или выбываютъ изъ рядовъ арміи въ служительскія должности и въ разряды неспособныхъ. Кромѣ того относительно евреевъ слѣдуетъ повторить сказанное о нихъ выше. Вообще люди перваго и втораго возраста, т. е. до 20 лѣтъ, едва-ли приносятъ арміи существенную пользу". По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ г. Кобылина, евреи Кіевской губерніи дали въ 1851—55 годы 50 человѣкъ съ тысячи рекрутъ, тогда какъ другія сословія дали только по 48 съ 1000. По кореннымъ правиламъ рекрутскаго устава слѣдовало брать въ рекруты только имѣющихъ ростъ въ 2 аршина 4 вершка, но у евреевъ велѣно было брать рекрутъ 12 — 18 лѣтъ, не стѣсняясь никакимъ ростомъ. Съ еврейскихъ обществъ Кіевской губерніи за прибылыя души (сверхтысячныхъ участковъ) взято было денегъ въ 1851—55 гг. 41,603 руб. Излишнихъ податей уплачено обществами за рекрутъ до слѣдующей ревизіи 42,093 р. Цѣнность труда рекрутъ за время до новой ревизіи (считая по 25 к. въ день на человѣка) слѣдуетъ оцѣнить въ 303,310 руб. Всего отдано евреями рекрутъ за эти годы 970 человѣкъ. Издержки на отдачу этихъ рекрутъ должны были составлять около 26,190 руб.* Вотъ во сколько обошлась евреямъ натуральная рекрутская повинность за 5 лѣтъ въ предѣлахъ одной губерніи!

Въ виду такихъ данныхъ едва ли кто рѣшится поддерживать мнѣніе, будто евреи вообще легче отдѣлываются отъ военной по-

---

* Н. Кобылинъ, Рекрутская повинность Кіевской губерніи Сборникъ статист. свѣдѣній о Кіевской губ. Кіевъ, 1864 г.).

винности, чѣмъ другія сословія. Правда, впослѣдствіи евреямъ дозволено было отбывать эту повинность и не натурой, представленіемъ зачетныхъ квитанцій и наймомъ охотниковъ. Но если принять во вниманіе кратковременность этого періода сравнительно съ тѣмъ, когда они обязаны были отбывать эту повинность натурой и въ увеличенномъ размѣрѣ, то окажется, что общій контингентъ людей, отданныхъ въ русскую армію евреями, едва ли меньше, если не больше цифры рекрутъ съ такой же массы христіанскаго населенія. Слѣдовательно, если и не ставить ни во что представленіе охотниковъ и рекрутскихъ квитанцій, что однако было-бы ни съ чѣмъ не сообразно, все-таки сумма жертвъ, понесенныхъ русскими евреями на защиту отечества въ теченіи послѣдняго полустолѣтія, ничуть не меньше пожертвованій ихъ согражданъ-христіанъ. Кромѣ этого прямаго участія въ военной службѣ, евреи и косвеннымъ путемъ приносили свою лепту на организацію вооруженныхъ силъ Россіи. Объ этомъ можно судить по слѣдующему факту. Въ смѣтѣ расходовъ изъ суммъ коробочнаго сбора на 1861 годъ, мы встрѣчаемъ между прочимъ слѣдующую статью: „на покупку матеріаловъ для постройки пороховыхъ погребовъ квартирующимъ въ г. Кишиневѣ войскамъ 309 руб.“ (Журн. Мин. Вн. Дѣлъ за декабрь 1861 г., стр. 53).

Стоитъ обратить вниманіе еще на то обстоятельство, что и другія повинности, имѣющія связь съ рекрутской, напр. подводная, въ прежнее время падали на евреевъ въ большемъ объемѣ, чѣмъ на христіанъ. Такъ по крайней мѣрѣ слѣдуетъ заключить изъ данныхъ, сообщенныхъ Терещенкой относительно нѣкоторыхъ городовъ Полтавской губерніи. Изъ данныхъ этихъ видно, что въ теченіи 1856 — 59 г. христіанское общество г. Миргорода дало подводъ 2,449 и пѣшихъ людей 2,828; еврейское общество—подводъ 1,030 и пѣшихъ людей 1,297; въ Гадячѣ христіане—2,732 подводъ и 6,390 пѣшихъ, евреи — 1,285 подводъ и неизвѣстно сколько пѣшихъ; въ Зеньковѣ христіане—5,431 подводу и 13,616 пѣшихъ; евреи — 585 подводъ и 1,540 пѣшихъ; въ Кобелякахъ

христіане — 210 подводъ и 84 пѣшихъ, евреи — 67 подводъ и 31 пѣшаго; въ Ромнахъ христіане—134 подводы и 610 пѣшихъ, евреи — 124 подводы и 246 пѣшихъ. Между тѣмъ евреи составляли въ это время въ Миргородѣ только 1/11 населенія, въ Гадячѣ 1/4, въ Зеньковѣ 1/15, въ Кобелякахъ 1/11, въ Ромнахъ 1/3 *. Очевидно, что натуральныя повинности выпадали здѣсь на долю евреевъ въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ слѣдовало по процентному ихъ отношенію къ общей цифрѣ населенія.

Другой вопросъ, имѣющій значеніе для уясненія той роли, которую играютъ евреи въ отправленіи военной повинности русскимъ народомъ, заключается въ слѣдующемъ: дѣйствительно ли евреи такъ рѣзко отличаются во взглядѣ на военную службу отъ всѣхъ остальныхъ классовъ населенія? Еслибъ можно было доказать, что всѣ другіе граждане Россіи, кромѣ евреевъ, охотно несутъ бремя военной повинности и нисколько не думаютъ отъ нея увертываться, а евреи одни нарушаютъ общую гармонію вѣчнымъ пріисканьемъ лазеекъ для избѣжанія своихъ обязанностей, тогда негодованіе противъ такого образа ихъ дѣйствій имѣло бы серьезный смыслъ. Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Правда, есть много данныхъ, подтверждающихъ мнѣніе, что евреи дѣйствительно въ послѣдніе годы почти не отправляли рекрутской повинности натурой. Съ этой цѣлью они покупаютъ и представляютъ въ казну старыя рекрутскія квитанціи, нанимаютъ охотниковъ, вносятъ въ казну извѣстную сумму на основаніи положенія 19 іюня 1868 года о замѣстителяхъ, а также стараются раздѣлить семейства на меньшія единицы. Обыкновенно это дѣлается не столько отдѣльными лицами, сколько обществами, такъ какъ самъ законъ возлагаетъ обязанность исправнаго отбыванія рекрутской, какъ и другихъ повинностей, на податныя общества **.

---

* Журн Мин. Внутр. Дѣлъ 1861 г., кн. 11.

** По ст. 511 Улож. о наказ. изд. 1866 г. за непредставленіе въ срокъ надлежащаго числа рекрутъ отвѣчаетъ весь рекрутскій участокъ. Извѣстно, что это чуть-ли не единственный случай,гдѣ

Такъ въ Варшавѣ въ 1870 году былъ организованъ особый комитетъ для сбора пожертвованій на выкупъ еврейскихъ рекрутъ отъ военной повинности. Комитетъ собралъ 10,428 р., изъ которыхъ 9,720 р. употреблено на выкупные билеты для 102 рекрутъ, а 185 р. на вспомоществованіе ушедшимъ 58 рекрутамъ („Биржевыя Вѣдомости“ 1870 г. № 418, письмо изъ Варшавы). Но подобнаго рода факты могли бы служить основаніемъ для сужденій о взглядѣ евреевъ на военную службу только въ такомъ случаѣ, еслибъ они составляли исключительное достояніе еврейскаго міра и не встрѣчались нигдѣ за его предѣлами. Но хотя это можетъ быть не такъ общеизвѣстно, мы смѣемъ увѣрять читателей, что всѣ уловки для уклоненія отъ рекрутчины, приводящія въ такое негодованіе нашихъ патріотовъ (которые, замѣтимъ мимоходомъ, почти исключительно принадлежатъ къ привилегированнымъ сословіямъ, освобожденнымъ пока отъ рекрутской повинности), встрѣчаются въ чистокровной русской земщинѣ. Такъ, намъ извѣстно, что въ Екатеринославской губерніи въ 1867 г. принято охотниковъ: у евреевъ 3, у христіанъ — 28; зачетныхъ квитанцій: у евреевъ 6, у христіанъ 75; въ 1868 году охотниковъ у христіанъ 43, у евреевъ—4; квитанцій у христіанъ 81, у евреевъ — 5. Цифры эти даютъ тотъ замѣчательный выводъ,

---

нашъ уголовный законъ отступаетъ отъ кореннаго начала права—личной отвѣтственности каждаго за свои дѣйствія въ уголовныхъ дѣлахъ. Замѣчательно, что по отношенію къ евреямъ это начало отвѣтственности общества за своихъ членовъ въ дѣлахъ рекрутскихъ проведено болѣе строго, чѣмъ относительно христіанскихъ податныхъ классовъ, хотя общественное устройство тѣхъ и другихъ основано на одинаковыхъ началахъ Это видно изъ сопоставленія статей 528, 529 и 530 того-же уложенія. Въ то время какъ у христіанъ за укрывательство военныхъ дезертировъ опредѣляется наказаніе непосредственно тѣмъ лицамъ, которыя укрывали бѣглаго, у евреевъ отвѣтственность и притомъ гораздо болѣе строгая падаетъ какъ на самихъ укрывателей, такъ и на общество, среди котораго бѣглый укрывался.

что стремленіе къ выкупу личной военной повинности, вопреки общепринятому мнѣнію, возрастаетъ гораздо быстрѣе у христіянъ, чѣмъ у евреевъ. Это по всей вѣроятности обусловливается возрастающимъ благосостояніемъ сельскаго населенія (по крайней мѣрѣ на Югѣ) послѣ освобожденія отъ крѣпостной зависимости и усиливающеюся вслѣдствіе этого привязанностью къ домашнему очагу и хозяйству. Конечно, если остановиться на томъ обстоятельствѣ, что въ Екатеринославской губерніи считается ревизскихъ душъ: христіанъ 432,592, евреевъ—3,318, то перевѣсъ и при томъ значительный въ цифрѣ выкуповъ отъ рекрутской повинности окажется на сторонѣ евреевъ. Но будетъ ли вѣрно такое огульное сравненіе? Дѣло въ томъ, что евреи, какъ исключительно торговый классъ, могутъ быть сравниваемы относительно отправленія рекрутской повинности лишь съ однородной имъ величиной — христіанскимъ промышленнымъ населеніемъ. Очевидно, что рекрутчина, какъ всякая личная повинность, далеко не одинаково отзывается на различныхъ классахъ общества. И если припомнить ничтожность (по численности) промышленнаго христіанскаго населенія у насъ, подлежащаго военной повинности (ибо купечество освобождено отъ нея, а мѣщане русскіе по большей части суть тѣ же крестьяне-земледѣльцы), то пожалуй окажется, что христіанское третье сословіе больше откупается отъ военной службы, чѣмъ евреи. Этого мало. Русскій простолюдинъ не только не очень-то охотно идетъ въ военную службу, но разъ побывавъ въ ней и привыкши вполнѣ къ ней, онъ предпочитаетъ вернуться къ излюбленному занятію русскаго народа—земледѣлію, весьма охотно мѣняя оружіе на соху. Между тѣмъ служба представляетъ теперь весьма много выгодъ простолюдину. Извѣстно, что по положенію 18 іюня 1868 г. о замѣстителяхъ каждому поступающему добровольно въ военную службу выдается 500 р. (а теперь 600). При теперешнемъ содержаніи русскаго солдата казалось бы, что̀ можетъ быть заманчивѣе для выслужившаго срокъ рядового, какъ получить такую значительную для простолюдина сумму и снова опредѣлиться на службу. Однакожь

безсрочно-отпускные предпочитаютъ воспользоваться предоставленнымъ имъ правомъ приписки къ податнымъ обществамъ и заняться сельскимъ хозяйствомъ, отъ котораго давно уже отстали. Такъ, въ Екатеринославской губерніи въ 1869 г. приписалось къ обществамъ 2935 безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ, а въ 1870 г. (до 1-го октября) 3728: слѣдовательно и здѣсь замѣтное возрастаніе цифры, указывающее на предпочтеніе мирнымъ занятіямъ со стороны русскаго народа. И если вы спросите любого изъ этихъ лицъ: почему онъ лучше не пойдетъ въ замѣстители, чѣмъ забраться въ деревенскую глушь ради тяжелой крестьянской работы, то получите неизмѣнно одинъ и тотъ же отвѣтъ: „пусть послужитъ кто нибудь другой, а я ужь лучше поживу на свободѣ“. Все это, какъ намъ кажется, достаточно опровергаетъ общее мнѣніе, будто евреи выдаются изъ массы населенія своимъ специфическимъ отвращеніемъ отъ военной службы. А вѣдь разница въ положеніи солдата-христіанина и еврея весьма ощутительная. Первый попадаетъ въ среду единоплеменныхъ и единовѣрныхъ ему людей; куда онъ ни придетъ, ему готовъ боблѣе или менѣе радушный пріемъ. Онъ имѣетъ полную возможность соблюдать всѣ обряды своей религіи. Онъ пользуется наконецъ неограниченнымъ правомъ выслуги. Напротивъ рекрутъ еврей напередъ знаетъ, что никакіе труды, никакія дарованія не подвинутъ его дальше солдатскаго ранца. Вообще ни одного изъ указанныхъ капитальныхъ условій не существуетъ въ примѣненіи къ евреямъ. Поэтому, если государственные крестьяне платятъ теперь за рекрутскія квитанціи по 800 руб. и болѣе, то чтожъ удивительнаго, что и евреи охотнѣе откупаются, чѣмъ даютъ рекрутъ натурой?

Это приводитъ насъ къ третьей сторонѣ вопроса о рекрутской повинности у евреевъ, къ несправедливости упрековъ, дѣлаемыхъ евреямъ по этому предмету, если разсматривать эти упреки сами по себѣ. Допустимъ, что данныя, указанныя нами выше, не существуютъ и что евреи одни стараются избѣгнуть военной службы. Мы думаемъ, что и въ такомъ случаѣ выводы, дѣлаемые изъ

этого факта, не выдерживаютъ критики. Дѣйствительно, еслибъ евреи съ самаго начала были поставлены относительно отправленія военной повинности въ одинаковыя условія съ другими классами населенія, тогда упреки были-бы основательны. Но этого не было. Рекрутская повинность съ самаго начала была возложена на евреевъ при условіяхъ гораздо болѣе стѣснительныхъ, чѣмъ для всего остальнаго населенія, какъ объ этомъ могутъ судить читатели изъ приведенныхъ выше словъ г. Кобылина. Чтожъ удивительнаго въ томъ, что евреи привыкли смотрѣть на рекрутчину недоброжелательно и даже враждебно? Закончимъ настоящую замѣтку указаніемъ на экономическую сторону вопроса о выкупѣ военной повинности евреями. Многіе упрекаютъ евреевъ въ томъ, что они всячески избѣгаютъ натуральной рекрутской повинности. Никому еще, кажется, не пришло на мысль, что евреи вслѣдствіе этого оказали немалую услугу весьма многимъ русскимъ людямъ. Дѣло въ томъ, что у многихъ христіанъ изъ податныхъ сословій, какъ у частныхъ лицъ, такъ и обществъ, особенно по волостямъ, хранились съ давнихъ поръ зачетныя рекрутскія квитанціи. Онѣ оставлялись безъ всякаго употребленія по невѣжеству ихъ владѣльцевъ. Съ тѣхъ поръ, какъ евреямъ дозволено представлять вмѣсто себя охотниковъ и квитанціи, самымъ тщательнымъ образомъ порастрясли всѣ углы, въ которыхъ подобныя квитанціи могли залежаться. При этомъ бывали примѣры, что въ волостныхъ правленіяхъ отыскивались цѣлые десятки рекрутскихъ квитанцій еще съ 1812 года. Какъ обыкновенно бываетъ съ евреями, они своей конкурренціей страшно набили цѣну на требуемый предметъ. Теперь крестьяне, узнавъ какую цѣнность они обрѣли въ этихъ старыхъ, засаленныхъ бумажкахъ, иногда вовсе не продаютъ ихъ ни за какія деньги, предпочитая самимъ избавися отъ рекрутчины представленіемъ квитанцій. Иногда-же они берутъ неимовѣрно высокія цѣны. Такимъ образомъ евреи и здѣсь съ успѣхомъ выполнил свою функцію въ народно-хозяйственномъ организмѣ: своею предпріимчивостью служить дѣлу экономическаго прогресса въ быту

низшихъ классовъ населенія, открывая имъ новые роды производства и сбыта и способствуя реализированію цѣнностей, которыми русскій народъ безъ нихъ едва-ли воспользовался бы или воспользовался бы позже и меньше.

XII.

Процесуальное положеніе еврейской религіи въ Россіи

У насъ въ обществѣ распространено убѣжденіе, что еврейскій вопросъ въ Россіи есть преимущественно, если не исключительно, вопросъ экономическій. Говорятъ, что особенность положенія евреевъ у насъ заключается въ тѣхъ ограниченіяхъ ихъ гражданскаго быта, которыя обыкновенно объясняются мотивами экономическаго характера, главнымъ образомъ запрещеніемъ имъ жительства въ большей части имперіи. Дѣйствительно, съ одной стороны, фактъ недопущенія евреевъ къ жительству въ бо́льшей части русской территоріи до того важенъ, что другія, второстепенныя изъятія и ограниченія естественно блѣднѣютъ предъ нимъ, отходятъ на задній планъ и становятся даже совершенно незамѣтными. Съ другой стороны, фактъ этотъ въ настоящее время, благодаря измѣнившимся понятіямъ объ общественной и государственной жизни, можетъ быть объясняемъ и дѣйствительно объясняется только соображеніями экономическаго рода. Господствующій взглядъ на причины исключительнаго положенія евреевъ поддерживается и новѣйшимъ нашимъ законодательствомъ о евреяхъ. Оно содержитъ цѣлый рядъ улучшеній и облегченій въ быту евреевъ, основанныхъ на видахъ общественной пользы. Разрѣшеніе ремесленникамъ и первой гильдіи купцамъ изъ евреевъ повсемѣстнаго въ имперіи жительства, дозволеніе нѣкоторымъ евреямъ вступать въ государственную службу, поощреніе у евреевъ земледѣльческаго и ремесленнаго труда и

многія второстепенныя мѣры—явно обнаруживаютъ преобладаніе экономической точки зрѣнія въ опредѣленіи условій быта русскихъ евреевъ. Основываясь на этомъ, у насъ обыкновенно полагаютъ, что стоитъ только дозволить евреямъ жить по всей Россіи и дѣло эманципаціи ихъ готово.

Мы позволяемъ себѣ не раздѣлять этого мнѣнія. Положимъ, что всѣ существующія ограниченія относительно свободы пребыванія и передвиженія евреевъ уже отмѣнены, но во всемъ прочемъ дѣйствующее законодательство оставлено безъ измѣненій. Этимъ, конечно, будетъ сдѣлано много, очень много для кореннаго улучшенія быта евреевъ. Но еврейскій вопросъ при ближайшемъ съ нимъ знакомствѣ оказывается гораздо болѣе сложнымъ, чѣмъ обыкновенно полагаютъ. Онъ захватываетъ, кромѣ наиболѣе осязательныхъ и всеобщихъ явленій, еще неисчислимое множество жизненныхъ случаевъ.

На эти мысли навели насъ любопытныя данныя о положеніи еврейства въ Англіи. Свѣдѣнія о положеніи евреевъ въ другихъ государствахъ, вообще говоря, имѣютъ для насъ двоякое значеніе: во-первыхъ, теоретическое, какъ теоретическій матеріалъ для характеристики культурнаго развитія той или другой страны, и во-вторыхъ, практическое—какъ мѣрило для оцѣнки нашихъ домашнихъ дѣлъ, какъ надежное руководство въ измѣненіи быта русскихъ евреевъ на основаніи результатовъ, добытыхъ опытомъ другихъ странъ. Послѣдняя, практическая сторона въ изученіи быта нашихъ иностранныхъ единовѣрцевъ, разумѣется, для насъ имѣетъ первенствующее значеніе. Поэтому мы считаемъ удобнымъ, по поводу свѣдѣній о положеніи еврейской религіи въ Англіи, коснуться нѣкоторыхъ аналогическихъ вопросовъ, возникшихъ и могущихъ возникнуть въ быту русскихъ евреевъ. На первый разъ мы при этомъ считаемъ необходимымъ остановиться на тѣхъ явленіяхъ нашей дѣйствительности, которыя представляютъ совершенное сходство съ фактами изъ англійской практики. Ибо чѣмъ болѣе сходства между фактическимъ содержаніемъ двухъ однородныхъ жизненныхъ явленій, сравниваемыхъ между собой,

тѣмъ поучительнѣе параллель между ними, тѣмъ надежнѣе выводы, дѣлаемые изъ этого сравненія.

Англійскій судъ отложилъ разбирательство по одному дѣлу на томъ основаніи, что въ процессѣ участвовалъ еврей въ качествѣ свидѣтеля и что еврей этотъ не хотѣлъ явиться въ судъ давать показаніе въ субботній день. По всей вѣроятности причиною нежеланія было то, что еврейскій религіозный законъ запрещаетъ присягать въ субботніе и праздничные дни. Этотъ фактъ возбуждаетъ болѣе общій вопросъ: какое значеніе можетъ имѣть еврейскій религіозный законъ, какъ причина неявки въ судъ вообще? У насъ для разрѣшенія этого вопроса имѣются слѣдующія основанія.

Въ Одесскомъ окружномъ судѣ 26 іюля 1869 г. (въ субботу) разбиралось уголовное дѣло съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Въ составъ присяжныхъ вошло нѣсколько евреевъ-раввинистовъ и караимовъ. Раввины, которые должны были приводить къ присягѣ этихъ лицъ, заявили, что еврейскій законъ запрещаетъ приводить къ присягѣ въ дни субботніе и праздничные. Окружный судъ, вслѣдствіе такого заявленія, освободилъ означенныхъ лицъ отъ обязанностей присяжныхъ засѣдателей въ тотъ день. Прокуроръ въ своемъ протестѣ указывалъ сенату на неправильность опредѣленія суда. Судъ, по его мнѣнію, не могъ освободить присяжныхъ засѣдателей-евреевъ отъ исполненія своихъ обязанностей въ субботніе дни, а долженъ былъ отобрать у нихъ взамѣнъ присяги торжественное обѣщаніе. Сенатъ нашелъ, что „постановленіе окружнаго суда, правильное по существу, основано не на подлежащихъ соображеніяхъ. Евреи съ караимами не подлежали въ субботу приводу къ присягѣ не вслѣдствіе даннаго раввиномъ мнѣнія, а потому, что законъ (прил. къ ст. 1061 т. XI, ч. 1 по прод. 1863 г., п. 2) воспрещаетъ приводить евреевъ къ присягѣ въ субботніе и праздничные дни“. Выводъ сената, правильный по существу, какъ намъ кажется, не выдерживаетъ строгой критики въ соображеніяхъ, на которыхъ онъ основанъ. Дѣйствительно, если запрещеніе еврейской присяги и вошло

въ положительный гражданскій законъ, законъ очевидно основанъ только на требованіяхъ еврейской религіи. Слѣдовательно Одесскій окружный судъ имѣлъ основаніе мотивировать свое опредѣленіе мнѣніемъ раввина, какъ оффиціальнаго органа еврейскихъ религіозныхъ интересовъ. Дѣйствительно, представимъ себѣ, что правило еврейской религіи не получило санкціи со стороны закона гражданскаго. Тѣмъ не менѣе, въ виду заявленія раввина о невозможности приводить къ присягѣ евреевъ въ субботу, что̀ оставалось окружному суду дѣлать, какъ не освободить ихъ отъ участія въ составѣ присяжныхъ? Такъ поступилъ въ подобномъ случаѣ судъ англійскій, хотя онъ не имѣлъ въ виду положительнаго закона объ этомъ предметѣ; такъ могъ поступить и русскій судъ. Между тѣмъ изъ соображеній сената можно вывести заключеніе, что, по его мнѣнію, не будь 2-го п. прилож. къ ст. 1061 т. XI, ч. 1, Одесскій окружный судъ не могъ-бы освободить евреевъ отъ исполненія обязанностей присяжныхъ засѣдателей въ субботніе дни. Это обстоятельство вполнѣ объясняется различіемъ, которое существуетъ между положеніемъ судебной власти и объемомъ ея правъ у насъ и въ Англіи. То, что въ Англіи вводится помимо законодательныхъ опредѣленій одною практикою судебной, административной или общественной жизни, то у насъ возможно лишь какъ результатъ дѣятельности государственной власти, какъ положительный законъ.

Какъ бы то ни было, относительно присяжныхъ засѣдателей освобожденіе ихъ отъ явки въ субботніе и праздничные дни признано сенатской практикой, и потому вопросъ этотъ можетъ почитаться рѣшеннымъ. Относительно другихъ лицъ участвующихъ въ судебныхъ дѣлахъ, какъ-то: тяжущихся, свидѣтелей и экспертовъ, нѣтъ еще такой прочной юридической нормы у насъ. Но само собой разумѣется, что свидѣтели, эксперты и переводчики изъ евреевъ имѣютъ такое-же право на освобожденіе отъ явки въ судъ по религіознымъ причинамъ, какъ и присяжные засѣдатели. Невозможность присяги дѣлаетъ для первыхъ въ такой-же мѣрѣ невозможнымъ исполненіе ихъ обязанностей,

какъ и для вторыхъ. И дѣйствительно, какъ намъ извѣстно, Одесскій окружный судъ, напр. въ тѣхъ случаяхъ, когда допросъ свидѣтелей-евреевъ подъ присягой приходится въ субботу, откладываетъ засѣданіе на другой день, хотя на это нѣтъ никакихъ прямыхъ указаній въ законѣ. Замѣчательно однакожь, что нашъ законъ, исчисляя причины, по которымъ свидѣтели могутъ быть освобождаемы отъ взысканій за неявку, не упоминаетъ о препятствіяхъ религіознаго свойства (см. ст. 388 уст. угол. судопр. и разсужденія госуд. совѣта къ ст. 384 уст. гр. суд.). Вслѣдствіе этого выходитъ, что между постановленіями о присягѣ евреевъ и процесуальными опредѣленіями о явкѣ въ судъ есть внутреннее, логическое, хотя и не внѣшнее, юридическое противорѣчіе. Съ одной стороны, свидѣтель-еврей, вызываемый въ судъ на субботній или праздничный день, не можетъ не явиться подъ страхомъ взысканія, а съ другой—по явкѣ его самъ судъ отложитъ засѣданіе по невозможности допросить его подъ присягой. Тотъ самый судъ, который при явкѣ свидѣтеля-еврея отложитъ допросъ его на другое время, не можетъ однако принять этого обстоятельства за оправданіе его неявки. Не говоря уже о практическихъ неудобствахъ и весьма ощутительныхъ затрудненіяхъ, проистекающихъ отъ такого порядка вещей для свидѣтелей, экспертовъ и т. под. лицъ изъ евреевъ, порядокъ этотъ противорѣчитъ, какъ мы уже замѣтили, тѣмъ началамъ, которыя приняты самимъ законодательствомъ нашимъ относительно еврейской присяги. Гораздо раціональнѣе въ этомъ отношеніи практика англійская, признающая, какъ видно, что религіозный праздникъ освобождаетъ еврея отъ самой обязанности явиться въ судъ. Умолчаніе же нашего закона объ этомъ предметѣ объясняется, какъ во многихъ другихъ однородныхъ случаяхъ, извѣстнымъ изрѣченіемъ: de minimis non curat lex (о менѣе обыкновенныхъ случаяхъ законъ не заботится). Такъ какъ евреи до сихъ поръ стоятъ у насъ особнякомъ отъ кореннаго русскаго народа, то законъ, имѣющій обыкновенно въ виду нужды и интересы боль-

шинства, оставляетъ очень часто безъ опредѣленія то, что имѣетъ значеніе исключительно для евреевъ.

Не менѣе любопытенъ вопросъ о томъ, какое значеніе имѣетъ религіозный праздникъ, какъ причина неявки въ судъ, для самихъ тяжущихся-евреевъ. Справедливость требуетъ конечно, чтобы защита своихъ интересовъ на судѣ стѣсняла религіозные интересы тяжущихся-евреевъ такъ-же мало, какъ другихъ исповѣданій. И дѣйствительно, хотя положительный законъ не устанавливаетъ въ этомъ отношеніи никакихъ гарантій для евреевъ, но практика нѣкоторыхъ новыхъ судовъ держится по этому предмету начала терпимости и равенства. Такъ изъ одного кассаціоннаго рѣшенія мы узнаемъ, что гадячскій мировой съѣздъ заслушалъ нѣкоторыя дѣла, въ которыхъ участвовали евреи, вмѣсто 21 іюня 1869 г., приходившагося въ субботу, 20 іюня. Крестьянинъ Наумко, обжаловавшій одно изъ рѣшеній съѣзда сенату, усмотрѣлъ въ этомъ распоряженіи съѣзда какое-то „исключительное преимущество“ (!) для евреевъ и указывалъ на то, „что въ законахъ нигдѣ не установлено исключительнаго преимущества для евреевъ предъ христіанами“; но сенатъ, разумѣется, оставилъ этотъ доводъ безъ уваженія (Рѣш. гражд. касс. деп. сен. за 1870 г., № 242).—Дѣло это любопытно еще въ томъ отношеніи, что можетъ служить подтвержденіемъ давно сдѣланнаго замѣчанія, что у насъ въ большинствѣ случаевъ не общество идетъ впереди своихъ представителей, а наоборотъ—представители эти вводятъ въ жизнь такія начала, до которыхъ само общество еще не созрѣло. Дѣйствительно, нашъ примѣръ не единственный подобнаго рода курьезныхъ кассаціонныхъ доводовъ. Такъ по одному дѣлу, производившемуся въ царицынскомъ мировомъ съѣздѣ, одинъ изъ тяжущихся указывалъ суду, что повѣренный противной стороны раскольникъ жидовствующей ереси и потому не можетъ ходатайствовать на судѣ. Съ этимъ оригинальнымъ выводомъ сенатъ не нашелъ возможнымъ согласиться въ виду того, что законъ не запрещаетъ вообще раскольникамъ быть повѣренными въ судебныхъ мѣстахъ (тамъ-же, № 633).

Возвращаясь къ нашему предмету, замѣтимъ, что въ старой судебной практикѣ отсутствіе законныхъ постановленій о процесуальномъ значеніи еврейскихъ религіозныхъ праздниковъ подавало поводъ не только къ стѣсненіямъ и невыгодамъ для участвующихъ въ судебныхъ дѣлахъ евреевъ, но вело иногда къ злоупотребленіямъ. Мы знаемъ напр. такой случай. Судъ производитъ взысканіе съ должника-еврея по закладной и назначаетъ производство публичной продажи въ день умилостивленія (іомъ-кипуръ), день строжайшаго поста, покаянія и молитвы, когда еврей по закону долженъ проводить весь день въ стѣнахъ синагоги. Это не только отняло возможность у самого должника присутствовать на торгѣ и ограждать тамъ свои интересы, но устранило отъ участія въ торгѣ всѣхъ конкуррентовъ-евреевъ, такъ что продаваемое имѣніе осталось за кредиторомъ въ суммѣ его долга, которая была гораздо ниже стоимости имущества. Въ настоящее время такіе случаи, надо полагать, ужь невозможны. Но они указываютъ на пробѣлъ въ законодательствѣ, который слѣдовало бы пополнить, особенно со введеніемъ судебной реформы въ южной и западной Россіи, гдѣ евреи составляютъ замѣтный процентъ населенія.

Здѣсь умѣстнымъ будетъ сказать нѣсколько словъ и о значеніи еврейскаго праздника для протеста векселей. Статьи 572, 605 и 608 уст. векс опредѣляютъ, что векселя не могутъ быть протестуемы въ праздничные для должниковъ дни, именно: въ дни воскресные и табельные для христіанъ и субботніе—для евреевъ. Г. Гурляндъ справедливо замѣчаетъ („Судебный Вѣстникъ“ 1869 г. № 204), что статьи эти страдаютъ двумя недостатками: во-первыхъ тѣмъ, что считаютъ табельные дни праздничными для однихъ христіанъ, тогда какъ дни эти, будучи праздниками гражданскими, должны имѣть одинаковое значаніе для всѣхъ гражданъ, въ томъ числѣ и для евреевъ. Во-вторыхъ, въ томъ отношеніи, что освобождаютъ еврея отъ непріятностей протеста лишь въ субботніе дни, между тѣмъ какъ у евреевъ есть другіе рели-

гіозные праздники, чтимые ими не менѣе или даже болѣе, чѣмъ субботы.

Дѣйствительно, намъ извѣстно, что на практикѣ иные кредиторы, желая сдѣлать непріятность должнику-еврею и поставить его въ затруднительное положеніе, протестуютъ свои долговыя обязательства въ день важнаго религіознаго торжества, напр. въ праздникъ новаго года. Застигнутый такимъ образомъ врасплохъ въ такое время, когда онъ самъ и большинство лицъ, съ которыми онъ ведетъ дѣла, прекратили всякіе коммерческіе обороты, должникъ часто не бываетъ въ состояніи уплатить по своимъ обязательствамъ. Онъ долженъ допустить такимъ образомъ протестъ въ неплатежѣ, что для купца нерѣдко равносильно потерѣ кредита и во всякомъ случаѣ влечетъ за собой непріятныя послѣдствія. Для предупрежденія подобныхъ явленій необходимо, чтобъ указанныя статьи вексельнаго устава были дополнены и измѣнены въ законодательномъ порядкѣ. Только тогда будетъ достигнута предположенная самимъ закономъ цѣль—оградить купцовъ-евреевъ наравнѣ съ христіанами отъ невыгоднаго вліянія религіозныхъ праздниковъ на ихъ экономическіе интересы.

XIII.

Полиція и мэламды

Дѣло народнаго образованія, играющее столь значительную роль во всякомъ обществѣ, едва ли гдѣ имѣетъ такую важность, какъ у русскихъ евреевъ, по той причинѣ, что распространеніе между евреями европейскаго просвѣщенія признается нашимъ законодательствомъ главнымъ и чуть-ли не единственнымъ средствомъ къ выходу ихъ изъ ненормальнаго положенія, въ которое они находятся до сихъ поръ.

Вотъ почему плачевное состояніе чисто еврейскаго (меламедскаго) обученія постоянно вызываетъ горькія жалобы со стороны друзей еврейскаго народа и желчные упреки со стороны его враговъ. Тѣ и другіе сходятся въ томъ, что взваливаютъ всю вину какъ на самихъ меламдовъ, такъ и на фанатизмъ, невѣжество и упорную приверженность къ старинѣ еврейскихъ обществъ. Намъ кажется, что такая постановка вопроса страдаетъ односторонностью.

Еще въ 40-хъ годахъ, во время управленія министерствомъ народнаго просвѣщенія графа Уварова,—лучшаго изъ нашихъ министровъ народнаго просвѣщенія, по отзыву нынѣшняго министра графа Д. А. Толстаго,—въ числѣ прочихъ мѣръ для развитія образованности между евреями, были изданы узаконенія о меламдахъ, направленные къ тому, чтобъ улучшить дѣло народнаго образованія у евреевъ и подчинить его правительственному контролю.

Узаконенія эти вошли въ составъ свода законовъ (ст. 1405 и слѣд. IX т.) и состоятъ главнѣйше въ слѣдующемъ. Меламедъ можетъ преподавать не иначе, какъ по полученіи на то свидѣтельства и по книгамъ, одобреннымъ училищнымъ начальствомъ. Въ числѣ предметовъ преподаванія непремѣнно долженъ быть русскій языкъ. На домахъ меламдовъ должны быть вывѣски. Наблюденіе за точнымъ исполненіемъ правилъ возложено на раввиновъ и ихъ помощниковъ. Эти чины обязаны доносить полиціи о всякомъ нарушителѣ правилъ для преданія суду и взысканію по закону. Кромѣ того они обязаны представлять каждое полугодіе въ полицію-же вѣдомости о состояніи хедеровъ. Полиція обязана сколь можно чаще повѣрять на мѣстѣ вѣдомости раввиновъ и удостовѣряться, не дѣлается-ли имъ въ чемъ нибудь потворства. Полиція должна доносить также по полугодіямъ губернскому начальству о состояніи хедернаго дѣла.—Строгое выполненіе этихъ правилъ было-бы въ высшей степени благодѣтельно для дѣла обрусенія и просвѣщенія евреевъ. Въ самомъ дѣлѣ вспомнимъ, что почти все еврейское юношество проходитъ чрезъ руки меламдовъ. Усвоеніе русскаго языка есть само

могущественное и самое легкое средство къ тому, чтобъ исторгнуть еврея изъ его заколдованнаго круга и ввести въ семью цивилизованныхъ людей и полезныхъ гражданъ. Понятно, какую громадную пользу принесло-бы нашему народному дѣлу и всей странѣ точное соблюденіе всѣми мѣстами и лицами возложенныхъ на нихъ закономъ въ этомъ отношеніи обязанностей.

Въ дѣйствительности-же оказывается, что правила эти какъ будто совершенно не существуютъ.

Такъ г. начальникъ гродненской губерніи циркуляромъ 9 декабря 1868 г. предписалъ гродненскому полиціймейстеру имѣть наблюденіе за тѣмъ, чтобъ меламды выставляли вывѣски, такъ какъ онъ, начальникъ губерніи, не видѣлъ ни одной вывѣски, хотя въ Гроднѣ числится меламдовъ взявшихъ свидѣтельства 74 (а съ невзявшими—конечно гораздо больше) *.

Начальникъ виленской губерніи циркуляромъ отъ 11 іюня 1868 г. обратилъ вниманіе своихъ подчиненныхъ на то, что очень немногіе меламды имѣютъ вывѣски; раввины уклоняются отъ исполненія своихъ обязанностей по надзору за меламдами; „полиція тоже на это никакого вниманія не обращаетъ и вообще не заботится о точномъ исполненіи обязанностей, возложенныхъ на нее законами относительно меламдовъ и еврейскихъ училищъ“ **. Возникшая по этому поводу переписка вполнѣ подтвердила слова циркуляра о томъ, что ст. 1405 и слѣд. IX тома существуютъ единственно на бумагѣ.

Тоже самое намъ извѣстно изъ личнаго опыта относительно новороссійскаго края и вообще юга Россіи (исключая, можетъ быть, Одессы).

Спрашивается, кто-же виноватъ въ такомъ неисполненіи законовъ, въ высшей степени разумныхъ и полезныхъ?

Законъ, какъ мы видѣли, возлагаетъ контроль надъ меламдами на раввиновъ и на мѣста полицейскія. Бездѣйствіе раввиновъ вполнѣ

---

* Прилож. къ Гакармелю 1869 года, № 35.

** Тамъ-же, прилож. къ № 37.

понятно по слѣдующей причинѣ. Стѣсненіе свободы меламедскаго обученія естественно не можетъ быть по душѣ еврейской массѣ, усматривающей въ этомъ посягательство на свою религіозную святыню, столь дорогую сердцу каждаго еврея. Поэтому духовные раввины, составляющіе такъ-сказать цвѣтъ еврейскаго консерватизма и набожности, вовсе не имѣютъ охоты поддерживать правительственный контроль надъ религіознымъ воспитаніемъ, какъ противный самымъ завѣтнымъ ихъ убѣжденіямъ и желаніямъ. Но и раввины, избираемые изъ числа людей, получившихъ извѣстное школьное образованіе и потому нераздѣляющихъ воззрѣнія большинства евреевъ на этотъ предметъ, не могутъ однакожь ничего сдѣлать съ частнымъ обученіемъ. Поставленные закономъ въ безусловную зависимость отъ еврейскихъ обществъ, относительно избранія въ должность и опредѣленія содержанія, эти раввины связаны по рукамъ и ногамъ желаніями еврейской массы. Всякая попытка раввина къ стѣсненію свободы хедернаго обученія неминуемо навлекла бы на него сильную немилость еврейскаго общества и затѣмъ лишеніе куска хлѣба.

Совсѣмъ въ иное положеніе поставлены полицейскія мѣста, какъ органы государственной власти.

Располагая всѣми средствами къ исполненію своего долга и не находясь ни въ какой зависимости ни отъ кого, кромѣ закона и правительства, они могли-бы, еслибъ хотѣли, очень легко осуществить контроль надъ меламдами, да и сами раввины, основываясь на требованіяхъ и поддержкѣ полиціи, не преминули-бы исполнять свои обязанности по этому предмету.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ заключенію, что если можно кого обвинять въ несоблюденіи правилъ о меламдахъ, то развѣ низшихъ представителей администраціи, благодаря бездѣйствію которыхъ благія предначертанія высшаго правительства остаются нерѣдко мертвой буквой.

XIV.

О еврейской присягѣ

Въ „Современныхъ Извѣстіяхъ“ (1870 года № 254) напечатано письмо, въ которомъ сообщается о слѣдующемъ фактѣ: въ нижегородскомъ мировомъ съѣздѣ разбиралось дѣло, по которому свидѣтелемъ былъ еврей. Онъ былъ приведенъ къ присягѣ раввиномъ на еврейскомъ языкѣ, причемъ образъ былъ закрытъ платкомъ, по просьбѣ раввина Авторъ письма возмущается такимъ порядкомъ присяги, видя въ немъ оскорбленіе святыни. Московская газета въ длинной замѣткѣ по поводу письма въ свою очередь подробно разбираетъ этотъ случай и находитъ его крайне оскорбительнымъ и страннымъ. Такъ какъ вопросъ объ еврейской присягѣ очень мало подвергался обсужденію въ печати, и настоящій фактъ можетъ подать поводъ къ разнымъ толкамъ, то считаемъ не лишнимъ замѣтить слѣдующее.

По закону 26 апрѣля 1860 г. (п. 1 прилож. къ ст. 1061 т. XI св. зак. по прод. 1863 г.) „евреи произносятъ присягу преимущественно на русскомъ языкѣ, а если присягающіе онаго не знаютъ, то на простомъ еврейскомъ нарѣчіи“. На основаніи этой-же статьи евреи приводятся къ присягѣ не иначе, какъ въ синагогѣ или школѣ, а тамъ, гдѣ нѣтъ ни той, ни другой, въ подлежащемъ присутственномъ мѣстѣ. Но рѣшеніемъ уголовнаго кассаціоннаго департамента за 1870 г. подъ № 116 признано, что—правило это не обязательно для новыхъ судовъ. Въ нихъ по силѣ общаго правила ст. 711 уст. угол. суд., не дѣлающей изъятія для евреевъ, свидѣтели приводятся къ присягѣ въ самомъ засѣданіи. Совершенно невѣроятно, чтобы еврей, проживающій въ Нижнемъ-Новгородѣ, не зналъ русскаго языка настолько, чтобъ понимать русскую присягу. Поэтому допущеніе въ настоящемъ случаѣ присяги на языкѣ

еврейскомъ можно объяснить только незнакомствомъ нижегородскаго раввина и съѣзда съ законами объ предметѣ. Со стороны раввина это нисколько не удивительно. Извѣстно, что во внутреннихъ губерніяхъ число евреевъ очень не велико и состоитъ главнымъ образомъ изъ отставныхъ солдатъ, немногихъ ремесленниковъ и т. под. люда. Настоящихъ раввиновъ (за исключеніемъ столицъ) совсѣмъ нѣтъ, а исполняетъ ихъ обязанность какой-нибудь солдатъ или заѣзжій меламедъ. Отъ такихъ людей нельзя и требовать знанія всѣхъ относящихся до евреевъ узаконеній, разбросанныхъ по разнымъ томамъ свода, въ разныхъ продолженіяхъ, дополненіяхъ и примѣчаніяхъ. „Современныя Извѣстія“ объясняютъ этотъ фактъ по своему, придерживаясь милой привычки извѣстной части нашей печати — восполнять свое незнаніе самыхъ простыхъ вещей личными намеками и бросаньемъ каменьевъ изъ за угла. „Можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ предсѣдатель или кто-нибудь изъ членовъ съѣзда не принадлежалъ-ли къ моисееву закону, или пожалуй даже изъ чистой любознательности изучалъ священный языкъ ветхозавѣтной библіи, простершись даже до изученія и талмудическаго нарѣчія“. Дешевое остроуміе, лишенное всякаго основанія. Еслибъ свидѣтель, о которомъ идетъ рѣчь, дѣйствительно не понималъ по русски, то что въ такомъ случаѣ оставалось дѣлать съѣзду, по мнѣнію московской газеты? Вѣдь если возмущаться подобными вещами, то „Современнымъ Извѣстіямъ“ никогда не успокоиться. Наши магометанскіе инородцы, напримѣръ, постоянно присягаютъ на родныхъ своихъ нарѣчіяхъ и приводятся къ присягѣ русскими властями.— Какъ ни пріятно было-бы для насъ услышать о томъ, что въ нижегородскомъ мировомъ съѣздѣ состоитъ предсѣдателемъ или членомъ еврей, мы рѣшительно отказываемся вѣрить предположенію московской газеты. Сколько намъ извѣстно, во всей Россіи нѣтъ ни одного предсѣдателя суда изъ евреевъ. Даже на югѣ Россіи, гдѣ очень много евреевъ, и между ними не мало людей съ высшимъ образованіемъ, всего три четыре еврея — мировые судьи,

да и то лишь почетные, но ни одного участковаго: мы знаемъ только одинъ примѣръ временнаго исправленія обязанностей участковаго судьи почетнымъ мировымъ судьей евреемъ.

Предполагать-же, что въ Нижнемъ, гдѣ найдется нѣсколько десятковъ еврейскихъ солдатъ и ремесленниковъ, еврей могъ быть избранъ русскимъ населеніемъ города въ мировые судьи—болѣе чѣмъ смѣло.

Также оригинальны и другія разсужденія московской газеты. „Гдѣ же было удостовѣреніе, спрашиваетъ она, что это была дѣйствительно присяга? Или-же, что этой присягой еврей дѣйствительно заклиналъ себя говорить правду на судѣ, а не совершенно противное?“ Газета не знаетъ, что обстоятельство это предусмотрѣно закономъ, и что для подобной цѣли текстъ еврейской, какъ и магометанской, присяги напечатанъ и русскими буквами, дабы приводящія къ присягѣ русскія власти могли слѣдить за каждымъ ея словомъ. Газета полагаетъ, что „для знающаго русскій языкъ иновѣрца присяга на иностранномъ языкѣ должна-бы, казалось, быть возбранена даже безусловно“. Но какъ мы видѣли, то, о чемъ „Современныя Извѣстія“ говорятъ съ робостью какъ о pium desiderium, уже исполнено относительно евреевъ статьей 1061 т. XI (приложеніе), по которой только незнающіе русскаго языка евреи должны присягать по еврейски. Далѣе газета восклицаетъ: „трудно понять и то, почему такъ понадобился непрѣменно раввинъ, и почему не привелъ еврея къ присягѣ самъ предсѣдатель, на что законъ ему давалъ право?“ Тутъ опять таки видно незнаніе положительнаго закона (ст. 714 и 715 уст. угол. суд.), по которому только въ случаѣ, когда въ мѣстѣ засѣданія суда (т. е. въ томъ городѣ, гдѣ судъ засѣдаетъ) нѣтъ духовнаго лица иновѣрнаго исповѣданія, свидѣтели иновѣрцы приводятся къ присягѣ предсѣдателемъ. По этому нижегородскій съѣздъ, знавшій, что въ городѣ есть лицо, исправляющее обязанности раввина, поступилъ совершенно законно, поручивъ этому лицу приведеніе къ присягѣ свидѣтеля-еврея.

Что касается того, что еврей надѣлъ шапку при присягѣ и

что образъ былъ завѣшанъ по просьбѣ раввина, то первое обстоятельство, какъ основанное на религіозномъ обычаѣ евреевъ, можетъ казаться предосудительнымъ только московскимъ ревнителямъ народности. Кому неизвѣстно, что магометане не снимаютъ шапокъ не только въ присутственныхъ мѣстахъ, но даже въ присутствіи высочайшихъ особъ, и ни одинъ человѣкъ съ здравымъ смысломъ не видитъ въ этомъ оскорбленія русской національности. Другое дѣло завѣшиваніе образа, которое дѣйствительно крайне странно и неумѣстно; но оно не имѣетъ никакого основанія въ еврейскихъ религіозныхъ законахъ. Доказательствомъ можетъ служить то, что на югѣ Россіи, гдѣ допросъ свидѣтелей-евреевъ на судѣ составляетъ самое обыкновенное явленіе, ни о чемъ подобномъ нѣтъ помину. Только какому нибудь странствующему невѣжественному шохету (рѣзнику) или меламду могла придти въ голову подобная дикая мысль (допуская, что фактъ дѣйствительно совершился такъ, какъ описанъ онъ московскимъ купцомъ). И такъ какъ для нѣкоторыхъ законы не писаны, то крайне наивно со стороны „Современныхъ Извѣстій“ полагать, будто „вопросъ стоитъ законодательнаго разрѣшенія“.

„Вотъ и подите здѣсь, разбирайте“—(скажемъ мы словами московской газеты) въ этой паутинѣ, сотканной невѣжествомъ и предубѣжденіемъ! Грустно и вмѣстѣ съ тѣмъ забавно видѣть, какъ люди, величающіе себя вожаками общественнаго мнѣнія, трактуютъ свысока о предметахъ, о которыхъ не имѣютъ никакого понятія. Но должно-ли удивлять насъ это невѣжество въ обыкновенномъ газетчикѣ, когда записные ученые выкидываютъ подчасъ колѣнца не хуже разобранныхъ выше. Doctor juris Чебышевъ-Дмитріевъ напр. съ негодованіемъ спрашиваетъ: „съ какихъ это поръ евреи стали помѣщиками на Руси?“ А между тѣмъ онъ, какъ цеховой юристъ, которому полное собраніе законовъ должно быть хорошо извѣстно, долженъ былъ-бы знать, что еще въ 1816 г. 46 евреевъ имѣли въ одной гродненской губерніи въ своемъ владѣніи 19,438 душъ крестьянъ (Перв. Полн. Собр. Зак.

т. XXXVII, № 28.501). Мы совсѣмъ не восторгаемся такого рода „преданіями старины глубокой", но указываемъ на это какъ на образчикъ познаній нашей печати и ея корифеевъ въ отношеніи къ еврейскому вопросу

XV.

О присягѣ свидѣтелей-евреевъ.

Вопросъ о томъ, по какой формѣ должны присягать свидѣтели-евреи въ новыхъ судахъ, въ послѣднее время обратилъ на себя общее вниманіе нашей періодической печати. Почти одновременно вопросъ этотъ возбужденъ на практикѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Одесскій окружный судъ въ засѣданіи по дѣлу Шульберга призналъ тотъ порядокъ присяги, который соблюдается теперь въ новыхъ судебныхъ мѣстахъ относительно свидѣтелей-евреевъ, неудовлетворительнымъ, несогласнымъ съ требованіями закона и недостигающимъ своей цѣли — служить гарантіей правдивости свидѣтельскихъ показаній. Въ то-же время екатеринославскій юристъ г. Z въ этомъ-же смыслѣ высказывается по отношенію къ мѣстной судебной практикѣ, (см. „Судебный Вѣстникъ" за 1870 годъ, № 290). Хотинскій корреспондентъ „Современныхъ Извѣстій" (1870 годъ, № 301) разсказываетъ, что „мѣстный казенный раввинъ, приводя къ присягѣ евреевъ въ мировомъ съѣздѣ, заявилъ, что еврейская присяга въ настоящей ея формѣ не можетъ имѣть должнаго вліянія на справедливость показаній присягавшихъ, что для хотинскихъ евреевъ нужна такая присяга, которая подѣйствовала бы если не на ихъ совѣсть, то на ихъ кожу".

Наконецъ изъ Бобринца сообщаютъ въ „Одесскій Вѣстникъ" (1870 годъ, № 242) о существующемъ у евреевъ протестѣ про-

тивъ присяги, о недостаточности присяги, совершаемой казеннымъ равиномъ и проч.

Въ виду значительной важности предмета и невѣрныхъ толкованій, къ которымъ даютъ поводъ случаи въ родѣ указанныхъ, считаемъ не лишнимъ сказать объ этомъ предметѣ нѣсколько словъ для уясненія надлежащей точки зрѣнія на предметъ. Г. Z, подробнѣе всѣхъ другихъ остановившійся на вопросѣ о формѣ еврейской присяги, разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ. Прежде дѣйствовавшіе у насъ процессуальные законы (приложеніе къ ст. 235 т. XV, ч. 2 и ст. 1061 т. XI ч. 1 по прод. 1863 г.) установили для еврейской присяги извѣстныя обрядности, безъ соблюденія которыхъ присяга недѣйствительна. Обряды эти основаны на законахъ еврейской вѣры и потому они не могутъ быть ни измѣняемы, ни отмѣняемы законами гражданскими; слѣдовательно и въ новыхъ судахъ, не смотря на то, что судебные уставы ничего не говорятъ о сохраненіи этихъ формальностей, присяга евреевъ можетъ быть признаваема дѣйствительной только въ томъ случаѣ, если она дана съ соблюденіемъ всѣхъ обрядовъ. — Аргументація эта однакожь далеко не столь основательна, какъ кажется съ перваго взгляда, и вотъ почему. Г. Z какъ видно и не подозрѣваетъ, что еврейскій законъ вовсе не знаетъ присяги для свидѣтелей Въ еврейскомъ правѣ существуетъ только очистительная присяга (juramentum purgatorium) для отвѣтчика, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ присяга утвердительная (juramentum assertorium) со стороны истца. Что же касается свидѣтелей, то еврейскій законъ, исходя изъ теократической точки зрѣнія на судъ, какъ на учрежденіе божественное, задача котораго состоитъ въ возстановленіи отъ имени Бога нарушенной правды на землѣ, считаетъ одинаково грѣховнымъ какъ лжеприсягу, такъ и ложное показаніе на судѣ и потому находитъ излишнимъ прибѣгать къ присягѣ для утвержденія правдивости свидѣтельскихъ показаній на судѣ. Такой взглядъ вполнѣ согласенъ съ воззрѣніями библіи на судебный процесъ и находитъ формальное подтвержденіе въ томъ

обстоятельствѣ, что запрещеніе лжеприсяги занимаетъ между десятью заповѣдями такое же самостоятельное мѣсто, какъ и ложное показаніе на судѣ. Слѣдовательно, если г. Z ищетъ гарантіи достовѣрности свидѣтельскихъ показаній евреевъ въ соотвѣтствіи ихъ съ требованіями еврейскаго закона, онъ долженъ помириться съ мыслью, что показанія эти вполнѣ достовѣрны, даже если они даны совсѣмъ безъ присяги. Но изъ этого опять таки не слѣдуетъ заключить, чтобы присяга, данная свидѣтелю-еврею не имѣла для него обязательной силы, потому-что еврейскій законъ не требуетъ отъ него присяги. Дѣло въ томъ, что библейское правило о безприсяжности свидѣтельскихъ показаній въ послѣдствіи времени видоизмѣнено раввинами. Еще въ 14-мъ вѣкѣ, какъ сообщаетъ рабби Симонъ-бенъ-Цемахъ Дюранъ, практика еврейскихъ судовъ по этому предмету раздвоилась. Въ земляхъ мусульманскихъ, гдѣ по законамъ корана свидѣтели показывали безъ присяги, евреи сохранили свое старинное правило въ этомъ отношеніи. Въ странахъ христіанскихъ, гдѣ по римскому и каноническому праву присяга свидѣтелей считалась необходимымъ условіемъ достовѣрности ихъ показаній, раввины въ дѣлахъ, подлежавшихъ ихъ разбирательству, позаимствовали эту практику; тѣмъ болѣе что — по замѣчанію Дюрана — она показалась очень полезной въ виду того, что еврейская масса, хотя и ошибочно, считала лжеприсягу болѣе важнымъ преступленіемъ, чѣмъ ложное показаніе на судѣ. Отсюда въ сводѣ еврейскихъ гражданскихъ законовъ (Хошенъ-Мишпатъ, часть 1-я, гл, 28, § 2) правило, что судъ можетъ по своему усмотрѣнію обязать свидѣтелей подтвердить свои показанія присягой. Но при этомъ не постановлено, что присяга должна производиться непремѣнно по обрядамъ, предписаннымъ для присяги такъ называемой библейской.

Итакъ, повторяемъ, еврейскій законъ вообще считаетъ излишнимъ подкрѣплять свидѣтельскія показанія присягой, находя достаточную гарантію правдивости свидѣтелей въ заповѣди „не свидѣтельствуй ложно о твоемъ ближнемъ“, за исключеніемъ тѣхъ

случаевъ, гдѣ судъ по особымъ обстоятельствамъ дѣла признаетъ присягу необходимой. Слѣдовательно налегать на необходимость строгой обрядности при присягѣ свидѣтелей съ точки зрѣнія еврейскаго закона нѣтъ никакого основанія.

Противъ этого можно сдѣлать слѣдующее возраженіе: Необходимо разграничить понятіе объ обрядности присяги отъ юридической квалификаціи ея, какъ процесуальнаго момента въ системѣ доказательствъ. Послѣднее относится всецѣло къ вѣдомству гражданскаго законодательства, которое одно компетентно опредѣлить: гдѣ и въ какихъ случаяхъ требуется присяга, какую роль она играетъ въ гражданскомъ и уголовномъ процесѣ и т. под. Такимъ образомъ, если еврейскій законъ не требуетъ отъ свидѣтелей присяги, то онъ является тутъ въ качествѣ еврейскаго права, имѣющаго значеніе только для судовъ еврейскихъ, примѣняющихъ еврейскіе законы. И такъ какъ евреи въ Россіи не имѣютъ никакой особой юрисдикціи и подчиняются общимъ законамъ, то еврейское процесуальное правило не имѣетъ ровно никакого значенія. Другое дѣло еврейскіе законы о формѣ присяги: это—правила религіозныя, которыхъ законъ свѣтскій не можетъ и не хочетъ отмѣнить. Поэтому коль скоро русскій законъ требуетъ отъ свидѣтелей присяги, то она должна производиться сообразно обрядамъ, которые еврейскій религіозный законъ считаетъ необходимыми. Различіе это мы считаемъ совершенно правильнымъ, но въ дальнѣйшихъ выводахъ изъ него мы опять-таки сталкиваемся съ ошибочными представленіями о формѣ еврейской присяги. „Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія—говоритъ г. Z, изложивъ содержаніе приложенія къ ст. 1061 т. XI, ч. 1—обрядность эта установлена закономъ согласно догматамъ, обрядамъ и вообще ученію еврейской вѣры“. Слѣдовательно, разсуждаетъ онъ, обряды безусловно необходимы для дѣйствительности еврейской присяги. Правда, всѣ формальности, о которыхъ упоминается въ узаконеніяхъ, имѣютъ болѣе или менѣе солидное основаніе или въ законахъ или въ обычахъ евреевъ; но установленіе ихъ государственнымъ закономъ имѣетъ свою причину не въ излишней

щепетильности по отношенію къ еврейской религіи и стремленіи щадить религіозную совѣсть евреевъ, а въ недовѣріи къ еврейской присягѣ. Доказательствомъ можетъ служить то обстоятельство, что въ средневѣковыхъ законодательствахъ и христіанская присяга обставлена массой различныхъ формальностей и церемоній; но по мѣрѣ усовершенствованія европейскихъ законодательствъ форма присяги все болѣе и болѣе упрощалась. Точно также и еврейская присяга (juramentum more judaico), на которую вездѣ справедливо смотрѣли какъ на одинъ изъ безчисленныхъ видовъ униженія евреевъ, постепенно освобождалась отъ дикихъ обрядовъ и нелѣпыхъ правилъ, продиктованныхъ суевѣріемъ и предубѣжденіемъ. Еврейскій-же законъ самъ по себѣ не только не можетъ служить помѣхой упрощенію внѣшней стороны присяги, но напротивъ даетъ полную къ тому возможность: онъ отличается замѣчательнымъ либерализмомъ по этому предмету. Такъ напримѣръ онъ считаетъ одинаково обязательной присягу, на какомъ-бы языкѣ она ни была дана. О томъ, что присяга должна непремѣнно производиться въ синагогѣ, нигдѣ не упоминается; напротивъ, изъ всѣхъ постановленій Хошенъ-Мишпата по этому предмету видно, что она производится въ мѣстѣ засѣданія суда. Только въ одномъ примѣчаніи къ § 27 главы 87 указаннаго свода упоминается о мѣстномъ обычаѣ приводить къ присягѣ въ синагогѣ. А между тѣмъ на это обстоятельство болѣе всего напираютъ ригористы въ родѣ г. Z какъ въ теоретическихъ разсужденіяхъ, такъ и въ кассаціонныхъ жалобахъ. Далѣе г. Z считаетъ весьма существеннымъ, чтобъ при присягѣ евреевъ были зажжены и затѣмъ погашены свѣчи. Это опять таки не есть правило еврейскаго закона. Правило это не вошло въ упомянутый кодексъ и только у одного позднѣйшаго комментатора мимоходомъ упоминается, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ принято для воздѣйствія на воображеніе присягающихъ ставить предъ ними смертные одры, надутые мѣха, горящія свѣчи и т. под. (Меиратъ-Энаимъ къ Хошенъ-Мишпатъ, 87, 20). Ужь не потребуетъ-ли на этомъ основаніи г. Z, чтобъ судъ, организованный по нача-

ламъ уставовъ 1864 г., при приводѣ къ присягѣ евреевъ ставилъ въ залѣ засѣданій кровати, на которыхъ кто нибудь умеръ, чтобъ стращать присягающихъ?

До какой степени либерально еврейскій законъ относится къ внѣшней сторонѣ присяги, можно усмотрѣть еще изъ слѣдующаго факта. Одинъ изъ древнѣйшихъ и наиболѣе уважаемыхъ еврейскихъ законоучителей, р. Гайгаонъ, утверждаетъ, что присяга еврея по извѣстной магометанской формулѣ: нѣтъ бога кромѣ Бога — имѣетъ полную силу ненарушимой клятвы *. Все это, полагаемъ, достаточно убѣдитъ читателя, что требованіе строгой обрядности при еврейской присягѣ съ точки зрѣнія еврейскаго закона не выдерживаетъ никакой критики. Но для юриста имѣетъ преимущественное значеніе не то, въ какой мѣрѣ то или другое требованіе разумно, а на сколько онъ находитъ основаніе въ положительномъ законѣ. Другими словами: для насъ важно знать теперь не столько какія формальности необходимо удержать при еврейской присягѣ и какія можно выбросить за бортъ безъ ущерба для дѣла, сколько — какими правилами должны руководиться новыя судебныя мѣста, какъ исполнители дѣйствующаго закона, въ этомъ отношеніи. Вопросъ сводится на то — имѣютъ-ли силу въ судахъ, организованныхъ по началамъ новыхъ судебныхъ уставовъ, правила о формѣ еврейской присяги, изложенныя какъ въ приложеніи къ ст. 235 т. XV, ч. 2, такъ и въ ст. 1061 т. XI, уст. дух. дѣлъ иностр. исп. по прод. 1863 года. Г. Z полагаетъ, что оба эти закона имѣютъ одинаковую силу въ настоящее время и оба равно обязательны для новыхъ судовъ. Онъ полагаетъ, что законъ 26 апрѣля 1860 г. (ст. 1061 т. XI по прод. 1863 г.) есть дополненіе ст. 235 т. XV и долженъ существовать рядомъ съ нимъ. Такое толкованіе очевидно неосновательно. Стоитъ только внимательно прочесть указъ 1860 г., чтобъ убѣдиться,

---

* Frankel Der gerichtliche Beweis nach mosaisch-talmudischem Rechte, p. 213

что онъ составляетъ не дополненіе прежняго закона, а новый законъ, отмѣняющій прежніе. Указъ начинается словами: „порядокъ внѣшняго выполненія евреями присяги есть слѣдующій". Изъ словъ этихъ очевидно, что всѣ другія формальности, за исключеніемъ указанныхъ въ законѣ, теряютъ обязательную силу. Это видно и изъ характера самихъ формъ, установленныхъ закономъ Ст. 235 т. XV говоритъ только о присягѣ въ синагогѣ и на еврейскомъ языкѣ; указъ 1860 г. опредѣляетъ, что „евреи присягаютъ преимущественно на русскомъ языкѣ", и допускаетъ присягу не только въ синагогѣ, но и въ присутственномъ мѣстѣ. Ясно, что совмѣстное примѣненіе обоихъ законовъ при такомъ противорѣчіи ихъ немыслимо и требованіе г. Z объ исполненіи въ новыхъ судахъ правилъ ст. 235 т. XV, въ виду отмѣнившаго ихъ позднѣйшаго указа, лишено всякаго основанія. Другой взглядъ на дѣло высказалъ Одесскій окружный судъ по дѣлу Шульберга, признавъ, что при приводѣ свидѣтелей-евреевъ къ присягѣ должны быть соблюдаемы формы, указанныя въ ст. 1061 т. XI. Окружный судъ руководствовался при этомъ рѣшеніемъ уголовнаго кассаціоннаго департамента зя 1869 г. № 833, въ которомъ выражено, что „свидѣтели-евреи подлежали приведенію къ присягѣ не въ синагогѣ, а въ присутствіи съѣзда, причемъ слѣдовало соблюдать порядокъ, указанный въ приложеніи къ ст. 1061 т. XI по прод. 1863 г.". Хотя въ позднѣйшемъ рѣшеніи того-же департамента по дѣлу Гонтаревскаго (№ 116 за 1870 г.) выражено какъ будто противоположное мнѣніе, но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что „діаметральной противоположности" между приведенными двумя рѣшеніями, какъ утверждаетъ г Z, вовсе нѣтъ.

Между ними нѣтъ даже никакого противорѣчія. Въ обоихъ рѣшеніяхъ сенатъ призналъ, что тѣ изъ правилъ приложенія къ 1061 статьѣ, которыя противны опредѣленіямъ судебныхъ уставовъ, не имѣютъ силы въ новыхъ судахъ. Подобнымъ правиломъ и является то, о которомъ главнымъ образомъ идетъ рѣчь въ обоихъ рѣшеніяхъ: по вопросу о мѣстѣ совершенія еврейской присяги.

Сенатъ совершенно вѣрно призналъ, что хотя старый законъ требуетъ преимущественной присяги евреевъ въ синагогѣ, но въ виду противнаго правила въ ст. 711 уст. угол. судопр. онъ теряетъ силу. Изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы другія опредѣленія того-же закона о порядкѣ присяги, неотмѣненныя прямо судебными уставами, не были обязательны для новыхъ судовъ, что и выражено въ рѣшеніи № 833. Такимъ образомъ мы полагаемъ, что опредѣленіе Одесскаго окружнаго суда по вопросу о еврейской присягѣ юридически правильно, тѣмъ болѣе что предписанія ст. 1061 т. XI имѣютъ основаніе въ еврейскомъ религіозномъ законѣ.

Впрочемъ, взглядъ сената на этотъ предметъ приводитъ насъ къ убѣжденію, что ст. 1061 не можетъ считаться безусловно необходимой для дѣйствительности еврейской присяги въ новыхъ судахъ. Дѣйствительно, въ случаѣ, предусмотрѣнномъ ст. 715 Уст. Угол. Суд., когда предсѣдатель самъ приводитъ къ присягѣ иновѣрцевъ, соблюденіе всѣхъ правилъ ст. 1061 дѣлается невозможнымъ.

Во-первыхъ невозможно допустить, чтобъ предсѣдатель увѣщевалъ присягающихъ по еврейскимъ религіознымъ книгамъ и чтобъ подобное увѣщаніе, еслибъ оно и было сдѣлано, достигло предположенной закономъ цѣли. Во-вторыхъ присутствіе двухъ посторонникъ евреевъ при присягѣ, предписываемое статьей 1061 т. XI, теряетъ всякій смыслъ, когда къ присягѣ приводитъ не раввинъ а предсѣдатель; ибо цѣль правила состоитъ въ томъ, чтобъ присутствующіе 2 еврея составили вмѣстѣ съ раввиномъ коллегію приводящую къ присягѣ на правахъ бесдина (коллегія не менѣе трехъ); но въ подобной коллегіи предсѣдатель-нееврей не можетъ замѣнить раввина. Слѣдовательно, если и признать обязательность прежняго обряда еврейской присяги для новыхъ судовъ, то необходимо согласиться, что обязательность эта при судебныхъ уставахъ 1864 г. не безусловна.

Мало того: можно положительно сказать, что излишняя строгость относительно обрядности присяги противорѣчитъ духу и основнымъ

началамъ новаго процеса. При старомъ судопроизводствѣ, когда присяжное показаніе двухъ свидѣтелей составляло полное доказательство, которому судъ не имѣлъ права не довѣрять, естественна и необходима была забота законодателя обставить эти показанія возможно бо̀льшими гарантіями ихъ достовѣрности. Къ числу этихъ гарантій относится необходимость присяги при свидѣтельствѣ и возможно бо́льшая торжественность этой присяги. Но въ судѣ новомъ, гдѣ оцѣнка доказательствъ всецѣло предоставлена самимъ судьямъ, формальныя гарантіи не имѣютъ большого значенія. Въ самомъ дѣлѣ требовать особенной торжественности при еврейской присягѣ значитъ признавать общимъ правиломъ, что евреи вообще легко относятся къ присягѣ и что необходимо принять противъ этого общія мѣры предосторожности. Но это-то и противорѣчитъ духу новаго суда. „Хотя и по уставу (читаемъ мы въ мотивахъ государственнаго совѣта къ ст. 704 Уст. Угол. Суд.) судья не можетъ не принимать въ соображеніе личныхъ качествъ свидѣтеля, но онъ долженъ это дѣлать не a priori, не на томъ основаніи, что люди того или другаго рода почитаются недостовѣрными свидѣтелями вообще, а опредѣляя въ каждомъ данномъ случаѣ достовѣрность свидѣтеля по полученнымъ о немъ свѣдѣніямъ и по отличительнымъ признакамъ правдивости его показаній". Такія-же соображенія высказаны государственнымъ совѣтомъ по вопросу о допущеніи раскольниковъ къ свидѣтельству противъ православныхъ (мотивы къ ст. 396 уст. гр. суд.). Очевидно, что mutatis mutandis эти соображенія вполнѣ примѣнимы и къ вопросу о формѣ еврейской присяги. Если при этомъ принять во вниманіе еще и то, что вообще присягѣ въ новомъ процесѣ далеко не дается того значенія, что въ старомъ судопроизводствѣ (смотри мотивы къ ст. 485—498 уст. гр. суд.), то станетъ ясно, что чрезмѣрная строгость въ формѣ присяги не только иногда противна буквѣ судебныхъ уставовъ, какъ было указано выше, но вообще расходится съ ихъ духомъ и направленіемъ.

Разсужденія государственнаго совѣта, только что нами цитированныя, даютъ намъ возможность затронуть и практическую

сторону вопроса. Сторонники строгой обрядности еврейской присяги спрашиваютъ: что-же дѣлать суду, если онъ недовѣряетъ свидѣтельскому показанію еврея, неподтвержденному надлежащей присягой и если показаніе существенно важно для дѣла? Мы можемъ на это отвѣтить другимъ вопросомъ: что дѣлаетъ судъ въ случаяхъ, когда свидѣтели допрашиваются совсѣмъ безъ присяги, какъ бываетъ весьма нерѣдко въ силу ст. 705, 706, 707 и 708 Уст. Угол. Суд.? Если во всѣхъ подробныхъ случаяхъ суду предоставляется вѣрить или не вѣрить показанію, сообразуясь съ конкретными обстоятельствами дѣла и личностью свидѣтелей, то почему-же онъ не можетъ поступать такимъ-же образомъ съ свидѣтельскими показаніями евреевъ? Какъ стороны, такъ и предсѣдатель въ своемъ резюме и самъ судъ могутъ въ каждомъ данномъ случаѣ принимать во вниманіе и указывать на всѣ шансы достовѣрности и сомнительности показаній. И дѣйствительно, въ извѣстномъ дѣлѣ Кусенковой напримѣръ, въ судебныхъ преніяхъ и разъясненіи предсѣдателя было указано между прочимъ на то, насколько показанія евреевъ противъ ихъ бывшихъ единовѣрцевъ заслуживаютъ или нѣтъ довѣрія (см. „Судебный Журналъ“ 1870 г. № 2). Тоже самое можетъ имѣть мѣсто и по отношенію къ еврейской присягѣ тамъ, гдѣ она дѣйствительно можетъ возбудить сомнѣніе.

XVI.

О значеніи еврейской подписи на актахъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ судебная реформа коснулась южной Россіи, она выдвинула въ практическомъ своемъ осуществленіи не мало частныхъ вопросовъ, относящихся къ точному опредѣленію

характера юридическаго быта русскихъ евреевъ. Дѣйствительно, евреи съ одной стороны занимаютъ весьма видное мѣсто въ промышленно-торговомъ элементѣ населенія южной Россіи, т. е. въ томъ элементѣ, который по богатству и разнообразію своихъ экономическихъ оборотовъ чаще всѣхъ другихъ элементовъ долженъ приходить въ соприкосновеніе съ судомъ. Съ другой стороны ихъ юридическій бытъ представляетъ еще не мало особенностей и уклоненій отъ общихъ правилъ нашего законодательства. Естественно, что новой судебной власти приходится довольно часто возбуждать и разрѣшать вопросы, имѣющіе спеціальное примѣненіе къ интересамъ и правамъ одного еврейскаго населенія. Сюда относятся напр. вопросы о еврейской присягѣ, о процессуальномъ значеніи еврейскихъ праздничныхъ дней и объ обязательственныхъ правахъ евреевъ-земледѣльцевъ—вопросы, о которыхъ уже было говорено. Сюда-же относятся вопросы о наказуемости многоженства у евреевъ и о значеніи еврейской подписи на актахъ.

Кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ новой судебной практикой на югѣ, тотъ знаетъ, что послѣдній вопросъ, не смотря на его спеціальность, имѣетъ довольно большое практическое значеніе. Не только въ западномъ краѣ, но и въ новороссійскомъ и Бессарабіи, гдѣ знаніе русскаго языка болѣе распространено между евреями, въ массѣ еврейскаго населенія значительное большинство до сихъ поръ незнакомо съ русской грамотой. По этому въ сдѣлкахъ и обязательствахъ, особенно заключаемыхъ съ евреями-же, приходится прибѣгать къ еврейскому языку какъ для составленія самихъ актовъ, такъ и въ особенности для подписи. Судебныя мѣста, особенно мировыя, завалены дѣлами, въ которыхъ иски и вообще имущественныя права частныхъ лицъ основаны на актахъ, писанныхъ или подписанныхъ по еврейски. Вслѣдствіе этого то или другое отношеніе судебной власти къ юридическому значенію еврейскаго языка въ актахъ имѣетъ большой практическій интересъ. Это тѣмъ болѣе справедливо, что въ прежнее время евреи

въ большомъ числѣ случаевъ разбирали свои имущественные споры у раввиновъ, которые конечно придавали еврейскому языку полное право гражданства въ судебной сферѣ. Со введеніемъ болѣе удовлетворительнаго и доступнаго судебнаго строя евреи, какъ извѣстно, гораздо охотнѣе прибѣгаютъ къ общему русскому суду, и объемъ раввинской юрисдикціи все болѣе и болѣе съуживается. Но если еврейскій имущественный оборотъ все болѣе и болѣе входитъ въ область общенароднаго русскаго суда, то само собой разумѣется, что вопросъ о значеніи еврейскаго языка въ русскомъ судѣ пріобрѣтаетъ теперь бо́льшое значеніе (не только юридическое, но и общественное) чѣмъ прежде, когда онъ практиковался преимущественно въ спеціально-еврейскомъ раввинскомъ судѣ. Мы сказали, что вопросъ этотъ имѣетъ значеніе не только юридическое, но и общественное, ибо въ разрѣшеніи его проявляется борьба двухъ элементовъ законодательства: съ одной стороны прежняго направленія исключительности относительно евреевъ, а съ другой — того начала равенства и терпимости, которое легло въ основаніе новыхъ судебныхъ уставовъ и вообще новѣйшихъ законодательныхъ работъ.

Нѣкоторыя судебныя мѣста (въ томъ числѣ одесскій окружный судъ) придерживаются мнѣнія, что домашніе акты, написанные по еврейски, если подпись и переводъ ея не засвидѣтельствованы установленнымъ порядкомъ, не имѣютъ юридической силы; вслѣдствіе этого, въ случаѣ спора противной стороны противъ еврейскихъ подписей, судебныя мѣста считаютъ невозможнымъ дать ходъ такимъ спорамъ въ порядкѣ, установленномъ для споровъ о подлогѣ. Такое мнѣніе основывается на статьѣ 1378 т. IX Св. Зак., въ которой сказано: „подписи евреевъ на актахъ, объясненіяхъ и прочихъ бумагахъ, правительству и суду представляемыхъ, при неумѣніи писать на другомъ языкѣ, допускаются по еврейски, но съ переводомъ на тотъ языкъ, на коемъ самая бумага писана и съ надлежащимъ засвидѣтельствованіемъ подписи“. Въ сокращенномъ видѣ это правило изложено въ ст.

817 (прим.) т. X, ч. 1, гдѣ говорится слѣдующее: „евреи могутъ подписывать акты на собственномъ ихъ языкѣ, при неумѣніи писать на другомъ, но съ тѣмъ, чтобы подпись была переведена на тотъ языкъ, на которомъ самая бумага написана и была надлежащимъ образомъ засвидѣтельствована". Въ виду этихъ статей закона, для уясненія вопроса о значеніи еврейской подписи на актахъ въ новомъ судѣ, необходимо разрѣшить два вопроса: 1) какой смыслъ имѣютъ указанныя статьи сами по себѣ, и 2) насколько онѣ имѣютъ силы при дѣйствіи новыхъ судебныхъ уставовъ?

По отношенію къ первому вопросу—для правильнаго его разрѣшенія необходимо, какъ намъ кажется, руководствоваться слѣдующими соображеніями. Ст. 1378 очевидно имѣетъ въ виду не всѣ вообще акты и бумаги, имѣющіе юридическое значеніе, но лишь тѣ изъ нихъ, которые непосредственно назначаются для представленія общественной власти и при самомъ своемъ составленіи нуждаются въ санкціи власти. Это видно во-первыхъ, изъ сравненія актовъ съ „объясненіями и прочими бумагами", т. е. съ документами, имѣющими характеръ бумагъ не частно-правовыхъ, обязательственныхъ, а оффиціальныхъ; во-вторыхъ, изъ словъ „правительству или суду представляемыхъ". Ни грамматическій, ни логическій смыслъ этихъ словъ не дозволяетъ относить ихъ къ актамъ домашнимъ. Никто не скажетъ, чтобъ домашняя долговая росписка напр., въ силу того, что въ случаѣ спора она можетъ сдѣлаться предметомъ судебнаго разбирательства, потому самому уже есть актъ „правительству или суду представляемый". Выраженіе это очевидно можетъ относиться лишь къ такимъ актамъ, которые при самомъ возникновеніи своемъ имѣютъ характеръ оффиціальный или по своей цѣли, или по способу ихъ совершенія.

Что статья 1376 не относится къ актамъ домашнимъ видно еще изъ того, что она вмѣняетъ въ обязанность переводъ еврейской подписи на языкъ, на которомъ писана самая бумага; слѣдовательно она предполагаетъ, что бумаги, о которыхъ идетъ рѣчь, могутъ быть писаны только на языкѣ оффиціально употребляе-

момъ, а отнюдь не на еврейскомъ же. Между тѣмъ домашніе акты могутъ быть писаны на какомъ угодно языкѣ, между прочимъ и на еврейскомъ. Это положительно признается нашимъ закономъ по отношенію къ домашнимъ духовнымъ завѣщаніямъ: они принимаются къ явкѣ и тогда, когда писаны по еврейски безъ засвидѣтельствованнаго русскаго перевода, если только нѣтъ сомнѣнія въ ихъ подлинности (прим. 2 къ ст. 1014 т. X, ч. 1). И такъ, если домашніе акты могутъ быть не только подписаны, но и писаны по еврейски, и если ст. 1378 говоритъ исключительно о такихъ бумагахъ, которыя не могутъ быть писаны по еврейски, то очевидно, что статья эта къ домашнимъ актамъ примѣнима быть не можетъ. Дѣйствительно, предположимъ, что законъ этотъ имѣетъ въ виду и домашніе акты; спрашивается, какъ же исполнить предписаніе его о переводѣ еврейской подписи на тотъ языкъ, на которомъ писана сама бумага, въ томъ случаѣ, когда самый актъ писанъ по еврейски?

Къ такому-же результату мы придемъ, если будемъ разсматривать ст. 1378 въ связи съ предшествующей ей ст. 1377 т. IX, опредѣляющей, что „евреи во всѣхъ публичныхъ актахъ и во всѣхъ бумагахъ, подаваемыхъ или присылаемыхъ ими мѣстамъ и лицамъ правительственнымъ, судебнымъ и полицейскимъ, должны употреблять языкъ русскій или тотъ, на которомъ въ мѣстѣ ихъ пребыванія дѣла производятся, но отнюдь не еврейскій“.

Разсматривая обѣ эти статьи въ совокупности, нельзя не убѣдиться, что обѣ онѣ имѣютъ совершенно одинаковый смыслъ и кругъ примѣненія. Обѣ онѣ относятся къ области не частнаго, а публичнаго права. Онѣ имѣютъ въ виду не сдѣлки между частными лицами, но акты, опредѣляющіе отношенія между частными лицами съ одной стороны и органами государственной власти съ другой. Ст. 1377 установляетъ, что подобные акты должны быть писаны на языкѣ оффиціальномъ, такъ какъ для составленія ихъ неграмотный но русски еврей можетъ прибѣгнуть къ помощи другихъ лицъ. Что-же касается подписи, то было бы неразумно и юридически невозможно воспретить евреямъ подписывать

бумаги на томъ языкѣ, который одинъ только имъ доступенъ. Поэтому ст. 1378 дѣлаетъ для подписей изъятіе изъ общаго правила, изложеннаго въ предыдущей статьѣ о недопущеніи еврейскаго языка въ оффиціальныхъ актахъ. Но такъ какъ рѣчь идетъ здѣсь объ актахъ публичнаго свойства, то весьма понятно, что если еврейская подпись и допускается по необходимости, то только подъ условіемъ перевода ея на тотъ языкъ, на которомъ писана сама бумага.

Что же касается примѣчанія къ ст. 817 т. X, ч. 1, то оно составляетъ только естественное развитіе той мысли, которая легла въ основаніе ст. 1377 и 1378 т. IX, т. е. что евреи въ тѣхъ случаяхъ, когда они прибѣгаютъ для установленія своихъ имущественныхъ и личныхъ правъ къ посредству государственной власти, должны употреблять языкъ русскій или другой, ему равноправный. Дѣйствительно, статья эта помѣщена въ отдѣлѣ правилъ, составляющихъ наставленіе о совершеніи и свидѣтельствованіи актовъ присутственными мѣстами и должностными лицами. Актамъ, совершаемымъ такимъ образомъ, законъ присвоиваетъ значительныя преимущества; вслѣдствіе этого онъ требуетъ для нихъ и особыхъ гарантій ихъ достовѣрности и безспорности, для предупрежденія могущихъ возникнуть впослѣдствіи сомнѣній и споровъ. Поэтому, разъ признавъ, что евреи въ актахъ, имѣющихъ оффиціальный характеръ, могутъ употреблять свой языкъ для подписи лишь подъ условіемъ надлежащаго перевода ея на русскій языкъ, законъ послѣдовательно примѣнилъ это требованіе къ тому случаю, когда еврей обращается къ правительственному учрежденію для санкціонированія своимъ авторитетомъ его частныхъ сдѣлокъ и актовъ. И понятно, что присутственное мѣсто можетъ дать свою санкцію акту, подписанному на языкѣ ему совершенно неизвѣстномъ, только въ такомъ случаѣ, когда подпись эта удостовѣрена надлежащимъ образомъ. Придать значеніе явочнаго или крѣпостнаго акта, т. е. значеніе акта, который самъ по себѣ, помимо признанія сторонъ, имѣетъ большую доказательную силу, такому документу, на которомъ существеннѣйшая принадлежность

всякой бумаги—подпись—представляется сомнительною, было-бы очевидно ни съ чѣмъ несообразно.

Другое дѣло акты домашніе, которые имѣютъ силу на судѣ лишь настолько, насколько они признаются самими участвующими въ дѣлѣ лицами; слѣдовательно, то обстоятельство, что они писаны на томъ или другомъ языкѣ, совершенно безразлично. Суду приходится въ отношеніи къ этимъ актамъ только подтверждать сознаніе самихъ участвовавшихъ въ ихъ заключеніи, присвоивая имъ доказательную силу независимо отъ признанія сторонъ лишь въ тои мѣрѣ, въ какой вообще судъ можетъ принять во вниманіе всѣ обстоятельства дѣла. Къ этому выводу приводитъ, кромѣ указанныхъ соображеній, еще ст. 352 т. X, ч. 2, въ которой читаемъ слѣдующее: „въ мѣстахъ, назначенныхъ для постояннаго жительства евреевъ, сличеніе почерка въ подписяхъ, сдѣланныхъ на языкѣ еврейскомъ, производится чрезъ раввиновъ и двухъ достоиныхъ довѣрія и неотведенныхъ тяжущимися евреевъ". Здѣсь, очевидно, говорится о такихъ подписяхъ, которыя никѣмъ не переведены и не засвидѣтельствованы; ибо въ противномъ случаѣ едва-ли можетъ возникнуть сомнѣніе въ подлинности и достовѣрности подписи. А отсюда видно, что и старые законы судопроизводства вовсе не думали отрицать доказательной силы у домашнихъ актовъ, подписанныхъ по еврейски, хотя-бы подпись и не была засвидѣтельствована, но предписываютъ только, въ случаѣ возбужденія сомнѣнія и спора, производить сличеніе почерковъ въ общемъ порядкѣ, установленномъ для всѣхъ домашнихъ актовъ.

Такимъ образомъ, первый вопросъ — каковъ дѣйствительный смыслъ ст. 1377 и 1378 т. IX и ст. 817 т. X — разрѣшается въ пользу того мнѣнія, что домашніе акты, подписанные по еврейски, сохраняютъ полную обязательную для сторонъ силу до тѣхъ поръ, пока нѣтъ спора о подлинности подписи; а когда этотъ споръ существуетъ, такой актъ повѣряется точно также, какъ и всякій другой домашній актъ.

Остается разсмотрѣть другой вопросъ – въ какой мѣрѣ статьи эти, возникшія при существованіи другой системы судопроизвод-

ства, нынѣ отмѣненной, могутъ считаться дѣйствующимъ закономъ въ настоящее время.

Прежде всего необходимо согласиться, что упомянутыя статьи, хотя помѣщены между законами о состояніяхъ и о матеріальномъ гражданскомъ правѣ, имѣютъ по преимуществу, хотя не исключительно, характеръ процессуальный. Онѣ потому могутъ быть примѣняемы лишь на столько, на сколько онѣ не противорѣчатъ основамъ существующей въ данное время системы судопроизводства и нотаріата. Дѣйствительно, сужденіе о томъ, какое значеніе имѣетъ въ каждомъ данномъ случаѣ форма акта и какое вліяніе она имѣетъ на интересы и права контрагентовъ, обусловливается главнымъ образомъ существующими въ системѣ процесса правилами о доказательствахъ и вообще всѣмъ характеромъ судопроизводства. Вслѣдствіе этого у насъ введеніе новыхъ судебныхъ уставовъ оказало громадное вліяніе и на постановленія матеріальнаго гражданскаго права—1 ч. X т.—о формѣ актовъ, хотя постановленія эти не отмѣнены и не измѣнены до сихъ поръ въ законодательномъ порядкѣ. Примѣняя эти соображенія къ занимающему насъ теперь предмету, мы находимъ слѣдующее. По продолженію 1868 г., ст. 817 т. X показана замѣненной нотаріальнымъ положеніемъ 1866 г. Замѣна-же закона другимъ означаетъ отмѣну прежняго закона въ той части его, которая противорѣчитъ новому. Отсюда слѣдуетъ, что примѣчаніе къ ст. 817 можетъ считаться дѣйствующимъ закономъ тамъ, гдѣ введено новое нотаріальное положеніе только въ такомъ случаѣ, если оно не противорѣчитъ правиламъ этого положенія. А въ положеніи мы встрѣчаемъ слѣдующія постановленія, имѣющія связь съ разсматриваемымъ нами вопросомъ.

„Подписи на актахъ и на засвидѣтельствованіяхъ и росписки лицъ, получающихъ выпись, копію или засвидѣтельствованіе, могутъ быть какъ на русскомъ языкѣ, такъ и на иномъ языкѣ, но съ переводомъ, въ послѣднемъ случаѣ, на русскій“ (ст. 70 положенія о нотаріальной части). „Переводъ подписи, сдѣланной на иностранномъ языкѣ, удостовѣряется нотаріусомъ, а если онъ,

по незнанію того языка, встрѣтитъ въ томъ затрудненіе, то постороннимъ, извѣстнымъ ему и знающимъ тотъ языкъ, лицомъ" (ст. 71). „Акты должны быть писаны на русскомъ языкѣ. Акты съ подписями на иностранномъ языкѣ вписываются въ актовую книгу съ переводомъ этихъ подписей на русскій" (ст. 97 и 98). Въ статьяхъ этихъ не дѣлается рѣшительно никакого изъятія для языка еврейскаго, а говорится вообще объ иностранныхъ языкахъ и о формальностяхъ, которыя необходимо соблюдать, когда подпись сдѣлана на другомъ языкѣ, кромѣ русскаго. Сомнѣніе въ этомъ отношеніи можетъ быть возбуждено лишь слѣдующими двумя соображеніями. Во-первыхъ, можно сказать, что выраженіе „иностранные языки" должно быть понимаемо буквально и потому не можетъ быть относимо къ языку еврейскому, такъ какъ нѣтъ такой страны, гдѣ онъ имѣлъ бы теперь право гражданства, считался-бы языкомъ страны. Но это сомнѣніе устраняется совершенно статьей 70 нотар. полож., гдѣ русскому языку противопоставляются „иные языки". Отсюда очевидно, что подъ „иностранными языками" Положеніе разумѣетъ всѣ другіе языки, кромѣ русскаго, и что выраженіе это употребляется въ такомъ же смыслѣ какъ „иные, чужіе языки". Во-вторыхъ, можно сказать, что еврейскій языкъ, какъ понятный исключительно для однихъ евреевъ, находится совершенно въ другихъ условіяхъ, чѣмъ языки европейскіе, которые могутъ быть извѣстны какъ нотаріальной, такъ и судебной власти, и потому необходимо соблюдать относительно еврейскаго языка особыя предосторожности. Но и это соображеніе не имѣетъ никакого практическаго основанія. При составленіи нотаріальнаго положенія заявлено было мнѣніе о разрѣшеніи совершать акты у нотаріусовъ на иностранныхъ языкахъ. Но противъ этого было высказано, что такъ какъ отъ нотаріусовъ не требуется никакого общеобразовательнаго ценза и по этому легко возможно, что многіе нотаріусы не будутъ знакомы ни съ однимъ иностраннымъ языкомъ, то совершеніе актовъ на иностранныхъ языкахъ могло бы повести къ серьезнымъ затрудненіямъ. Поэтому принято было за правило, что акты

у нотаріусовъ должны быть совершаемы на одномъ русскомъ языкѣ.

Съ другой стороны, законъ не запрещаетъ быть нотаріусами и лицамъ еврейскаго вѣроисповѣданія, и какъ извѣстно, на всемъ югѣ Россіи есть очень много нотаріусовъ-евреевъ. Такимъ образомъ выходитъ, что многіе нотаріусы ближе знакомы съ еврейскимъ языкомъ, чѣмъ съ европейскими, и что вообще по смыслу нотаріальнаго положенія отношеніе нотаріусовъ ко всѣмъ чужимъ языкамъ одинаково.

Слѣдовательно постановленія нотаріальнаго положенія, разсматриваемыя сами по себѣ, приводятъ къ тому убѣжденію, что подпись на еврейскомъ языкѣ ничѣмъ не отличается по своему юридическому значенію отъ всякой другой подписи на иностранномъ языкѣ. И такъ какъ ст. 817 т. X, какъ мы видѣли выше, имѣетъ теперь законную силу только въ той мѣрѣ, въ какой она не противорѣчитъ нотаріальному положенію, то естественно придти къ тому заключенію, что статья эта не имѣетъ теперь обязательнаго значенія. Этотъ выводъ подтверждается и правилами устава гражданскаго судопроизводства о доказательной силѣ разнаго рода актовъ. По уставу прошенія, подаваемыя въ судъ, могутъ быть подписаны на иностранныхъ языкахъ, но въ такомъ случаѣ требуется засвидѣтельствованіе ихъ перевода свѣдущимъ лицомъ (ст. 261). Акты-же на иностранныхъ языкахъ представляются просто съ переводами, безъ засвидѣтельствованія этихъ переводовъ (п. 2 ст. 263). Этотъ частный переводъ можетъ быть достаточенъ для суда, если противная сторона не требуетъ его повѣрки. При этомъ суду предоставлено цѣнить, на сколько повѣрка перевода необходима, принимая въ соображеніе между прочимъ и языкъ, на которомъ писанъ или подписанъ актъ. Но если судъ находитъ переводъ сомнительнымъ, или противная сторона его оспариваетъ, то онъ можетъ только назначить повѣрку перевода, но не отказать акту въ доказательной силѣ (ст. 539). Кромѣ того, уставъ признаетъ за общее правило, что всякаго рода домашніе акты, признанные тѣми, противъ которыхъ они

представлены, имѣютъ обязательную силу для сторонъ наравнѣ съ актами крѣпостными или явочными (ст. 458).

Совокупность этихъ постановленій приводитъ къ слѣдующимъ выводамъ. Новые уставы, какъ и старые законы судопроизводства, дѣлаютъ различіе относительно допущенія иностранныхъ языковъ между актами публично правоваго и частно-правоваго характера. Въ первыхъ допускается лишь подпись на чужомъ ясыкѣ, да и то съ засвидѣтельствованнымъ переводомъ. Въ послѣднихъ иностранный языкъ не имѣетъ никакого вліянія на юридическую силу акта, но можетъ только, по обстоятельствамъ дѣла, именно по усмотрѣнію суда или спору противной стороны, дать поводъ къ повѣркѣ перевода. Вообще домашній актъ, при безусловности ст. 458, имѣетъ по закону полную доказательную силу. Уставъ отличается отъ прежнихъ законовъ еще въ томъ отношеніи, что,—согласно общему характеру новаго процесса, признающаго за судебною властью болѣе самостоятельности, чѣмъ прежде,—онъ предоставляетъ самому суду оцѣнить различіе между разными иностранными языками въ процессуальномъ отношеніи, тогда какъ прежде самъ законъ опредѣлялъ это. Въ виду этого правила (ст. 539 уст. гр. суд.), признавать, что и теперь существуетъ различіе, установленное самимъ закономъ между еврейскимъ и другими чужими языками, значитъ дѣйствовать вопреки смыслу новыхъ уставовъ.

Взглядъ этотъ находитъ подтвержденіе въ рѣшеніи кассаціоннаго сената по дѣлу Кулахметова (Сб. рѣш. 1870 г. № 309). Въ жалобѣ своей Кулахметовъ доказывалъ, что домашняя росписка имъ подписанная по татарски, безъ перевода и засвидѣтельствованія, недѣйствительна. Онъ основывался между прочимъ на ст. 907 т. X, ч. 1, содержащей постановленіе аналогичное ст. 817, но относящееся ко всѣмъ чужимъ языкамъ. Сенатъ призналъ жалобу неуважительной, такъ какъ актъ подписанъ Кулахметовымъ, хотя и по татарски, и подпись признана имъ за свою.

Спрашивается, есть ли какой нибудь смыслъ въ томъ, чтобъ

сдѣлать въ новомъ судѣ различіе между татарской и еврейской подписью и отрицать у первой то значеніе, которое придается второй?

Сводя итоги всему сказанному, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ. Ст. 1378 т. IX и 817 т. X относятся только къ актамъ, имѣющимъ характеръ публично-правовой и совершаемымъ крѣпостнымъ или явочнымъ порядкомъ. Въ отношеніи къ этимъ послѣднимъ впрочемъ, ст. 817 не можетъ считаться исключеніемъ, а выражаетъ собою общее правило для чужихъ языковъ, установленное ст. 907 т. X. Но еслибъ и признать, что статьи эти не придаютъ никакого юридическаго значенія еврейской подписи на всякаго рода актахъ безъ формальнаго перевода и засвидѣтельствованія, то при дѣйствіи судебныхъ уставовъ эти правила не должны имѣть примѣненія, какъ противорѣчащія духу и прямому смыслу новыхъ законовъ о судопроизводствѣ и порядкѣ совершенія актовъ.

КОНЕЦЪ.

